АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

КОММИССІЕЮ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ,

состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ,

ТОМЪ IV.

Акты о землевладѣніи въ Юго-Западной Россіи XV—XVIII вв.

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кульженко, Пушкинская ул., соб. д. № 4.

1907.

Въ складѣ Коммиссіи продаются слѣдующія ея изданія:

		цѣна.
1.	**Памятники Коммиссіи:** т. I—II и III, въ двухъ книгахъ, изд. 1898 г.	4 р. — к.
	Тоже—томъ IV, изд. 1859 г.	2 р. — к.
2.	**Лѣтопись Величка**, т. IV, изд. 1864 г.	1 р. 25 к.
3.	**Сборникъ лѣтописей,** относящихся къ исторіи Южной и Зап. Россіи, изд. 1888 г.	1 р. 50 к.
4.	**Лѣтопись Самовидца** по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ, изд. 1878 г.	2 р. — к.
5.	**Сборникъ матеріаловъ** для исторической топографіи г. Кіева и его окрестностей, 1874 г., стр. 416	1 р. 50 к.
6.	Планъ г. Кіева, 1695 г.	1 р. — к.
7.	Палеографическій Сборникъ, изд. 1899 г.	5 р. — к.
8.	Матеріалы для исторіи Русской Картографіи, вып. I, изд. 1899 г.	5 р. — к.

Архивъ Юго-Западной Россіи:

9.	*Часть первая*, т. 5-й. Акты о подчиненіи Кіевской митрополіи Московск. патріархату (1620—1694 г.) Изд. 1872 г.	2 р. — к.
10.	*Часть первая*, т. 6-й. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Руси (1322—1648 гг.). Изд. 1883 г.	2 р. — к.
11.	*Часть первая*, т. 7-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссовъ съ латино-уніатами въ XVI—XVII вв. Изд. 1887 г.	2 р. — к.
12.	*Часть первая*, т. 9-й. Лиѳосъ, полемическое сочиненіе 1644 г. Изд. 1893 г.	2 р. — к.
13.	*Часть первая*, т. 10. Акты, относящіеся къ исторіи Галицко-Русской православной церкви (1423—1714 гг.) Изд. 1904 г.	2 р. — к.
14.	*Часть первая*, т. 11 и 12. Акты, относящіеся къ исторіи Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Протоколы и другія дѣловыя бумаги Львовскаго Ставропигіальнаго братства (1599—1702 гг.). Изд. 1904 г. Оба тома.	4 р. — к.

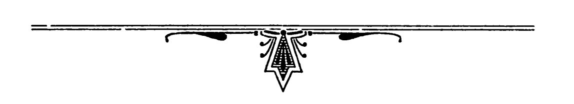
АРХИВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

ЧАСТЬ VIII,

Т. IV.

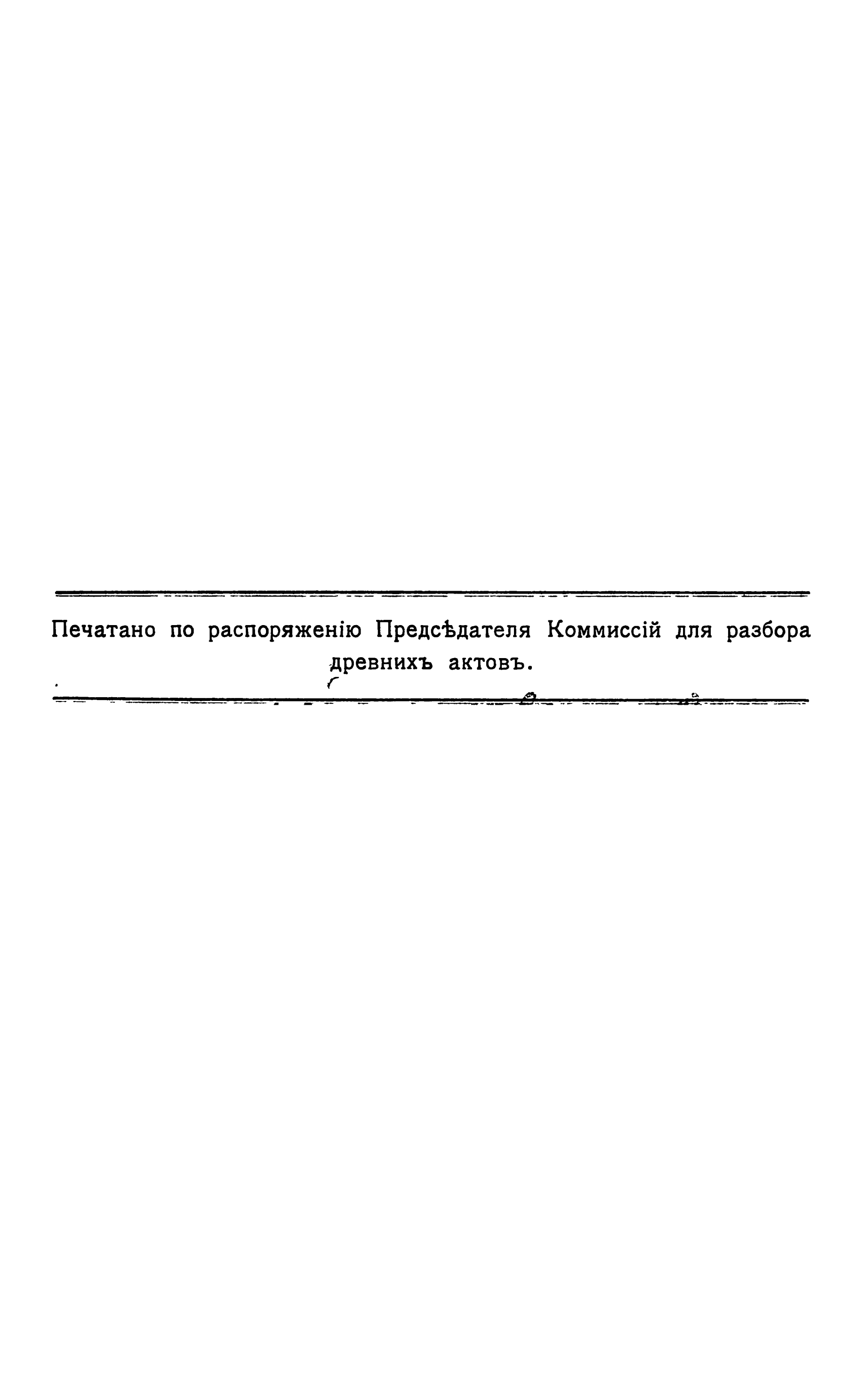
Акты о землевладѣніи въ Юго-Западной Россіи XV—XVIII вв.



КІЕВЪ.

Типографія С. В. Кульженко, Пушкинская ул., домъ № 4.

1907.



Печатано по распоряженію Предсѣдателя Коммиссій для разбора древнихъ актовъ.

Акты о землевладѣніи въ Юго-Западной Россіи XV—XVIII вв.

Исторія землевладѣнія въ Литовскомъ государствѣ (точно такъ же, какъ въ Московскомъ и средневѣковомъ европейскомъ) есть центральный пунктъ среди нормъ государственнаго и частнаго права. Помимо своей крупной значительности, какъ важнѣйшаго предмета правъ частнаго лица, она служитъ вѣрнымъ показателемъ характера государства: человѣкъ, который бы совсѣмъ не былъ знакомъ съ особенностями Московскаго самодержавія, но ознакомился бы съ условными и зависимыми формами землевладѣнія Московскихъ служилыхъ и другихъ классовъ, могъ бы нарисовать для себя вѣрную картину неограниченной власти царей не только надъ имуществомъ, но и надъ личностью подданныхъ. Такимъ же вѣрнымъ путемъ получается познаніе о Литовской государственной власти въ противоположномъ смыслѣ изъ знакомства съ характеромъ землевладѣнія здѣсь. Такъ основной вопросъ государственнаго права, именно объ особенностяхъ государственнаго устройства, уясняется основнымъ вопросомъ частнаго права—о полнотѣ или, наоборотъ, зависимости права землевладѣнія.

Другая часть этого послѣдняго права, т. е. вопросъ о распредѣленіи права землевладѣнія между классами общества (составляетъ ли оно исключительную принадлежность одного класса, или доступно всѣмъ) служитъ ключемъ для разъясненія соціальнаго (сословнаго) строя общества.

Кіевская Археографическая коммиссія, призванная разъяснять особенности Литовско-Русскаго государства въ частномъ примѣненіи ихъ къ Юго-Западному краю, не исполнила бы своего призванія, еслибы обошла мимо поставленныхъ сейчасъ вопросовъ о правѣ землевладѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ тѣмъ, которые уже издавна интересуютъ коммиссію; таковъ въ частности вопросъ *о церковномъ землевладѣніи* и т. н. *правѣ подаванія,* на которомъ останавливаемся нынѣ исключительно, оставляя прочіе (не менѣе важные) для будущихъ изданій коммиссіи [1]).

---

[1]) О двухъ существенныхъ предметахъ исторіи землевладѣнія (полярно противоположныхъ), т. е. шляхетскомъ и крестьянскомъ, намъ приходилось уже говорить въ другомъ изданіи,—именно въ „Чтеніяхъ въ Историч. обществѣ Нестора Лѣтописца:" „Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства" (III-я кн. Чтеній. Кіевъ 1889 г.) и „Крестьянское землевладѣніе въ западной Россіи до половины XVI в." (VII-я кн. Чтеній. Кіевъ 1893 г.). Къ послѣднему сюжету относятся также наши замѣтки „О формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Литовскомъ государствѣ" (помѣщенныя въ „Кіевскомъ сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая". (Кіевъ. 1892 г.). Однако въ изданіяхъ Кіевской Археографической коммиссіи придется возвратиться къ тѣмъ же вопросамъ, когда ею будутъ опубликованы новые документы относящіеся къ нимъ.

Церковныя имущества въ юго-западной Россіи XVI вѣка.

ГЛАВА I.

Историческое значеніе имуществъ западно-русской церкви.

Фактическій объемъ церковныхъ имуществъ въ юго-западной Россіи былъ весьма значителенъ; вспомнимъ, что здѣсь въ до-татарское время была главная каѳедра всей русской церкви—митрополія Кіевская, что древнѣйшіе и важнѣйшіе монастыри: Печерскій, Михайловскій и др. были сосредоточены въ Кіевѣ, а имущества ихъ главнымъ образомъ въ окрестной странѣ, что такія же древнѣйшія церковныя учрежденія были и на Волыни (въ Луцкѣ и Владимірѣ), что благочестивые князья древней Руси щедро одаряли церковь, начиная со временъ Владиміра св. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что несмотря на переворотъ, произведенный татарщиною, многія имущества, пріобрѣтенныя церковію отъ князей до-татарской эпохи, сохранялись за нею и въ XVI в. и въ актахъ на нихъ вспоминаются имена князей Рюриковичей того древняго времени. Въ этомъ уцѣлѣла единственная живая связь древняго землевладѣнія съ Литовскою эпохою, такъ какъ для свѣтскаго землевладѣнія нельзя уже установить ни въ чемъ подобной связи; исчезли всѣ роды бояръ-дружинниковъ и земцевъ; самое населеніе значительно измѣнило свой составъ; уцѣлѣли только церковныя учрежденія и ихъ имущества. Правда, что въ бурныя времена

татарскаго лихолѣтья, когда цѣлыя области, и именно южной Руси, превратились въ пустыни, и владѣнія церкви въ тѣхъ степныхъ-украинныхъ мѣстахъ должны были сократиться, но память о нихъ не исчезала еще въ концѣ XVI в. и иногда самыя владѣнія возстановлялись по этой памяти. Не забудемъ, что и многіе князья Литовской династіи (Гедиминовичи и Ольгердовичи), исповѣдуя православную вѣру, были такъ же щедры къ учрежденіямъ православной церкви (какъ о томъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), и что частныя лица всякаго званія несли свои обильные дары въ теченіи многихъ вѣковъ. Такимъ образомъ насъ не должно удивлять громадное богатство земельныхъ имуществъ юго-западныхъ церковныхъ учрежденій.

Представимъ краткій перечень главныхъ церковныхъ владѣній, преимущественно на основаніи описей (инвентарей) XVI в.[1])

Въ Кіевѣ важнѣйшими владѣльцами были: митрополичья кафедра и Печерскій монастырь, имущества которыхъ разграничить довольно трудно. Митрополіи принадлежали волости: на Тетеревѣ—Зоринская, Унинская, Мироцкая—на Здвижѣ; около Кіева—Богриновъ и Янковичи; на Ирпенѣ Долгоселье; на Деснѣ Погребы, Зазимье и Свиноѣды.

Печерскій монастырь, по описи 1593 г., составленной при передачѣ его новому архимандриту Никифору Туру[2]), заключалъ въ своихъ владѣніяхъ слѣдующія недвижимыя имущества: 1, замокъ и городъ Василевъ (Васильковъ) на р. Стугнѣ; 2, на Поднѣпровьѣ: с. Вишенки, с. Хмедыны (Гнѣдынь), надъ Днѣпромъ селище Линевъ, Бѣлоозеро, рыбный уходъ въ Черкассахъ съ приселками, рыбный уходъ у Raczyew (Ирклѣевъ? Арагѣевъ?) съ грунтами и пасѣками; 3, с. Безрадичи

---

[1]) Въ подробномъ новомъ изслѣдованіи этой части вопроса не настоитъ надобности, такъ какъ хорошій подсчетъ имуществъ церкви сдѣланъ въ книгѣ г. Яблоновскаго: „Zródła Dziejowe“, T. XXII. Нагляднымъ пособіемъ можетъ служить также атласъ землевладѣнія южной Россіи, составленный тѣмъ же ученымъ.

[2]) Актъ написанъ по польски со многими погрѣшностями.

на р. Стугнѣ, дворецъ Теремцы, селище Спраковъ, селище Хотовъ, селище Тыклинъ; 4, на Деснѣ: с. Новоселки, с. Слободка, с. Дубечня, другое село Дубечня, селище Петрово надъ Трубежомъ (Trubeszczą); тамъ же неподалеку селище Куиловцы; 5, волость поднѣпровская: с. Сваремль, с. Тарасовичи, с. Новоселки, с. Ошитковичи, с. Глубовъ, с. Ракошичи, с. Навозъ, другое село Навозъ на другомъ берегу Днѣпра, с. Мекво (Мнево?), селище Игдинъ; на р. Припети с. Оревичи; на р. Словешни с. Демидово; 6, по Тетереву: замокъ и мѣстечко Радомысль, недалеко отъ мѣстечка с. Церковище съ млиномъ и руднею Мыкомъ, с. Чеповичи, с. Вышевичи, с. Забилочье, с. Чудинъ (Рудинъ?), с. Имѣніе, с. Шибеное, с. Ораное, дворецъ Заринскій (za Rynska) съ млиномъ; 7, подъ Овручемъ с. Росохи; 8, на Ирпени: с. Долчикъ, прозываемое Дѣдовомъ по обоимъ берегамъ рѣки Ирпени; 9, на Волыни подъ Ровномъ въ пов. Луцкомъ с. Городокъ, с. Обаровъ, селище Лобковщина [1]).

Однимъ изъ значительныхъ владѣльцевъ былъ затѣмъ *Михайловскій Златоверхій монастырь.* Въ 1526 году, игуменъ Кіевскаго Златоверхаго монастыря вписалъ въ евангеліе „приданіе“ (памятную записку) на память будущимъ игуменамъ и братіи, о томъ, чѣмъ владѣлъ въ то время монастырь по пожалованіямъ великаго князя Сигизмунда и по другимъ правамъ; а именно великій князь, кромѣ пожалованія самаго храма св. Михаила на общину, на вѣчныя времена, далъ пашню за Пробитымъ валомъ, озеро съ сѣножатью въ Черторыи, селище Селивановское въ Толстомъ лѣсѣ съ землею бортною и пахотною; затѣмъ монастырю принадлежатъ на Припети люди Карповичи, Антоновичи и Масановичи; въ

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. 1, т. 1, № 91. Далѣе въ актѣ перечисляются владѣнія Печерскаго монастыря: въ пов. Пинскомъ (4 села), воевод. Новгородскомъ (2 села), на Полѣсьѣ подъ Слуцкомъ (11 селъ), подъ Бобруйскомъ (1 село), въ пов. Мозырскомъ (5 селъ), подъ Могилевомъ въ пов. Оршанскомъ (дворъ и 4 села); на Друѣ (1 село). Не думаемъ, чтобы въ этомъ инвентарѣ были пропущены какія-либо владѣнія монастыря, принадлежавшія ему въ концѣ XVI в. (1594 г.). Другія печерскія владѣнія, вѣроятно, составляютъ позднѣйшія пріобрѣтенія.

Голубѣевичѣ озеро церковное и человѣкъ церковный извѣчный; возлѣ Борщовки поле Михайловское извѣчное; на Лыбеди, повыше Звѣринецкаго млина, млинъ Михайловскій извѣчный; на Днѣпрѣ, противъ Роздоровъ на правой сторонѣ островъ Михайловскій извѣчный съ озерами. Сверхъ того игуменъ Макарій купилъ у Кіевскаго армянина, двѣ службы въ Оревицкой волости Лысковщину и Погоны за 5 копъ и 45 грош.[1]). Въ 1572 году воевода Кіевскій князь Константинъ Острожскій возстановилъ права Михайловскаго монастыря на земли Орининскую и Дѣвичь-Гору, которыми завладѣлъ было земянинъ Кіевскій Максимъ Панковичъ; между тѣмъ монастырь доказалъ, что эти земли принадлежатъ ему „издавна, отъ ста лѣтъ и больше"[2]) Въ 1576 г. тотъ же князь Острожскій возобновилъ сгорѣвшую грамоту, прежде данную имъ монастырю Златоверхому на землю Юрьевскую (отъ рѣки Шварновки и Юрьевки до рѣки Веты[3]).

Въ разныхъ прежнихъ изданіяхъ Кіевской коммисіи упоминаются слѣдующія названія недвижимыхъ имуществъ Михайловскаго монастыря: Антоновичи, Борщовка, Гатное, Глеваха, Голубѣевичи, Заборье, Золонтовская земля, Ибаролѣвскій подклѣтъ, Кораблища, Карповичи, Ленковскій хуторъ, Месковщина, Масиновичи, Михайловщина, Немкоза, Оревичи, Петрикова, Плоское, Погоны, Ржавецъ, Селивановщина, Скорчичевъ, Тысяцкое Жерело, Юрьевцы[4]).

М. Николо-Пустынскій владѣлъ въ самомъ Кіевѣ слободою при монастырѣ, остр. Кучуковымъ и Трухановымъ, пашнею на р. Борщовкѣ, на Ветѣ Гатнымъ и Ветою, близь Стугны Гвоздовомъ, Тростянкою; на лѣвой сторонѣ Днѣпра—Дарницею, Княжичами, Бортниками, Кавалиномъ и Дѣвичъ-Лѣскомъ; въ степной полосѣ Кіевщины ему принадлежали: въ Каневскомъ пов. селище Ярилово и Колтягаево недалеко отъ

---

[1]) А. З. Р. II, № 140.

[2]) А. З. Р. III, № 57.

[3]) А. З. Р. III, № 70.

[4]) См. Геогр. Указатель И. П. Новицкаго къ изд. ком. подъ словомъ „Кіевъ".

замка Каневскаго, Конончe, село Совинъ и Соркланово (все это б. ч. пожертвовано Евстафіемъ Дашкевичемъ); въ пов. Черкасскомъ: Климятинъ на Днѣпрѣ, уходы по правой сторонѣ Днѣпра на Бѣлобережьѣ, а по лѣвой на устьѣ Сулы до Переволочны и въ Пивахъ (близь Кременчуга)[1]); въ сѣверной Кіевщинѣ тому же монастырю принадлежали: въ Овруцкомъ пов., въ Олевской вол. с. Зубковичи, около Овруча Павловичи и Чернеховцы на Норыни и обширное владѣніе около Уши (Литки, Радогощъ, Исайки[2]) и пр.); въ пов. Чернобыльскомъ: Мухоѣдовичи и въ Бѣлосорокской вол., за Припетью, Дроны, Шепеличи и Ворохобовичи.

М. Выдубицкому принадлежали: Звѣринецъ, Игнатковцы на Стугнѣ (отъ Евст. Дашкевича) и Игнатово тамъ же (отъ Елпевичевой); въ Остерскомъ пов. Свиноѣды, о-въ Котовли (или Котешни); въ Мозырской волости Волосовицкая земля, Выдобичи, Глушецъ, Гнилецъ, Затонъ, Калиновщина, Куликово, Нестановичская земля, Осокорки[3]).

Кириловскій м. владѣлъ подъ Кіевомъ землею въ окружностяхъ монастыря начиная отъ Болони и отъ озера Іорданскаго по Юрковицу и Щекавицу; а по другую сторону до р. Сырца[4]).

М. Межигорскому принадлежала его окрестность отъ р. Водицы и Котыря до Вышгородской границы, а въ Чернобыльскомъ пов. Чернинъ.

Прочіе монастыри разсѣянные по разнымъ мѣстамъ Кіевщины, владѣли каждый однимъ, или двумя селами, а именно: м. Зарубскій-Терехтемировскій—Каменкой, Чекмаксвомъ и Мокариномъ въ Черкасскомъ пов. (Прочіе монастыри, основанные уже въ XVII в. были также снабжены имѣніями отъ своихъ фундаторовъ, а именно отъ кн. Анны

---

[1]) См. К. Ц. Арх. кн. 14, л. 835 на об.; сл. Арх. ю.-з. Р. ч. I, т. VI, № IV и этого тома № XXVI.

[2]) Въ Арх. ю.-з. Р. (I, VI, V) упоминается еще с. Гридково.

[3]) Арх. юго.-зап. Рос. ч. I, т. VI, № 14—15 и т. III, № 165. См. Указат. И. П. Новицкаго l. с.

[4]) См. этого тома стр. 322. Сл. Żr. Dz. XXII, 555, 557 и XX, 172. Архивъ юго-зап. Р. ч. I, т. VI, № 14.

Корецкой, Воронъ, кн. Раины Вишневецкой и др.; но мы не переходимъ за черту XVII в.) Изъ приходскихъ церквей значительныя владѣнія были у 8 Овруцкихъ, у Каневской церкви св. Василія и св. Спаса и у нѣкоторыхъ Житомирскихъ [1]).

На Волыни важнѣйшими владѣльцами церковныхъ имуществъ были епископіи Луцкая и Владимірская.

Центральнымъ пунктомъ владѣній *Луцкаго владычества* было м. Рожище (Луцкаго пов.), пожалованное кн. Любартомъ-Гедиминовичемъ въ 1322 г.; въ 1583 г. въ Рожищской волости было 6 селъ (въ томъ числѣ Теремное, Буща, Мезочъ) [2]). Затѣмъ важнѣйшими владѣніями этой епископіи были: замокъ и мѣстечко Харлупъ, промѣнное въ 1574 г. на имѣніе Радивиловъ-Фалимичи во Владимірскомъ пов. [3]), дворъ и село Полона съ приселками: Островкомъ и Голешовомъ [4]); села: Пѣвче [5]) и Водирады [6]). Въ актѣ ввода во владѣніе Луцкою епископіею новаго владыки Кирилла Терлецкаго, составленномъ королевскимъ коморникомъ въ 1585 г., имущества Луцкой епископіи перечислены такъ: дворъ, или замочекъ Фалимичи въ пов. Владимірскомъ, с.с. Фалимичи, Седмерки, Воля и бояре (въ этихъ селахъ);—дворъ Теремная (съ людьми, боярами и грунтами), с. Липляны; м. Рожища и дворъ Рожищскій, села, принадлежащія къ этому двору: Жолобово, Подтопольное, Кобче, Воля, прозываемая Пожарище, с. Дубища (съ боярами, грунтами и уходами); с. Хрилево, фольварокъ и село Водирады, с. Подберезье, с. Першки, с. Седмерты (съ людьми, грунтами, млинами и ставами); фольварокъ, названный Клюки; с. Медково съ дворцомъ;— с. Ставокъ (совершенно опустошенное, люди согнаны, но клѣти, стайни и проч. все цѣлы, только избъ нѣтъ, людей и

---

[1]) См. Żr. Dz. XXII, 558.

[2]) См. Арх. юго-зап. Р. I, VI, № 2. Сл. Żr. Dz. XIX, str. 103.

[3]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2048, л. 311 на об.

[4]) Кіевск. Центр. Арх. 963, л. 102.

[5]) Кіевск. Центр. Арх. 2045, л. 80.

[6]) Ibid кн. 2048, л. 130.

ихъ избы забралъ въ свое сосѣднее имѣніе Александръ Семашко, каштелянъ Браславскій).—Все это собственно въ Луцкой епархіи. Затѣмъ въ Острожской ея половинѣ коморникъ, производившій вводъ „съ позволенія“ кн. Константина Острожскаго“, подалъ церковь соборную каменную св. Богоявленія, площадь (плацъ) въ замкѣ Окольномъ; затѣмъ дворы и имѣнія: дворъ Будорожъ и с. Будорожъ, с. Бушче, с. Пѣвче, с. Мезочъ Старый, с. Боярское, Точивѣки, дворъ и село Мезочъ Новый; дворъ Жабче, гдѣ прежде бывалъ замочекъ, м. Жабче и принадлежащія къ нему села: Колодези, Губинъ и дворище Усовщина (съ боярами и со всѣми подданными). Церковь каменная св. Василія въ гор. Владимірѣ на предмѣстьѣ съ людьми, живущими при той церкви на церковныхъ грунтахъ[1]). Сверхъ упомянутыхъ здѣсь имѣній Луцкой епископіи принадлежали: Полоная—дворъ и село, село Голешовъ, Островокъ, полъ-села Колчина. Но кн. Пронскій—староста Луцкій не допустилъ коморника передать эти имѣнія новому епископу, заявляя, что эти имѣнія взяты имъ за невзносъ поборовъ и теперь онъ держитъ ихъ на короля. Потомъ владыка жаловался королю, который выдалъ въ 1586 г. свою грамоту и староста уступилъ ихъ владыкѣ[2]).

Владимірскому владычеству принадлежали Микуличи на берегахъ р. Луга[3]),—центръ цѣлой волости, состоявшей въ XVI в. изъ 7 селъ; затѣмъ волость Купечовская, состоявшая изъ 9 селъ, въ томъ числѣ село Озеряны и 8 другихъ, Бискупичи съ приселкомъ Петикоровъ.

При вводѣ во владѣніе Владимірскою епископіею Ипатія Потѣя, въ 1593 г. составлена такая опись имущества этой епископіи: во первыхъ церковь великая каменная Пречистой Богородицы съ ризницею, привилегіями, фундушами на пергаменѣ и въ евангеліи пергаменномъ написанными, съ книгами и проч. Къ этой церкви замочекъ, издавна принадлежащій епископству. Затѣмъ дворы, фольварки, села и при-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 45.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 47.

[3]) Кіевск. Центр. Арх. к. 941, л. 453, 483, 327, 328,

селки, а именно: подданые церковные, живущіе во Владимірѣ на Залужьѣ, Бѣлоберезскіе млины подъ городомъ; селище Федоровецъ надъ р. Лугомъ, селище Ольшаница съ ставкомъ, сельцо Хрипаличи съ млиномъ, с. Микуличи, с. Петидны съ млиномъ, с. Божанка, с. Дорогиничи, которыми владѣетъ п. Романовскій по арендному праву, с. Бискупичи, которымъ владѣетъ по арендѣ п. Крушинскій, полъ-сельца въ Росовичахъ, которое держалъ п. Пропопъ Тишковскій, с. Тишковичи, сельцо Полупанчина въ арендѣ у Ивана Бобриковича; пять человѣкъ въ дворищахъ въ Тишковичахъ; дворъ и имѣніе Яневичи съ млиномъ (Петръ Чериковскій призналъ, что это село церковное, но не уступилъ лицамъ, производившимъ вводъ); къ тому-же двору приселокъ Щенютинъ— имѣніе боярское; дворецъ и фольварокъ Шистовъ съ крестьянами; монастырь св. Онуфрія въ лѣсу на островѣ р. Луга; къ этому монастырю принадлежитъ островъ Волославъ; дворъ и с. Бискупичи (? см. выше), Стодская Вода съ млинами; сельце Грушевичи, которое держалъ Мартынъ Приборскій; с. Петикоровы; дворъ и село Городокъ съ млиномъ въ пов. Луцкомъ, которое держитъ въ заставѣ п. Кандыба и не допустилъ ввода; полъ-сельца Десятины въ пов. Луцкомъ, мѣстечко Квасовъ въ пов. Луцкомъ (урядникъ пана Львовскаго заявилъ, что село церковное, но состоитъ во владѣніи его пана); дворъ Купечовъ съ волостью, принадлежащею къ нему, а именно: с. Купечовъ, дворище Поддажевъ, гдѣ живетъ бояринъ Романъ, сельце Сушибаба, м. Озеряны, с. Солотвинъ; с. Ворона съ млиномъ, с. Шахово, с. Ракитница, с. Билашовъ съ млиномъ, с. Грушовая Воля съ озеромъ, с. Сушинно, населенное данниками (оттуда только дань медовая идетъ). Въ Купечовской волости озеръ рыбныхъ 11.

Въ Берестейской части епископіи: во первыхъ церковь великая каменная св. Николы съ сосудами церковными и проч. При той церкви дворъ надъ р. Мухавцемъ; въ городѣ мѣщане, подданные Берестейской епископіи, на предмѣстьѣ с. Тришинъ съ млиномъ и съ корчмою; село Шкановъ. [1])

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 90.

Изъ *монастырей Волыни* наиболѣе богатыми земельными владѣльцами были въ Луцкомъ пов., 1, *Жидичкискій,* владѣвшій большою волостью, состоящею изъ 9 селъ, въ которыхъ было 108 службъ, селомъ Рублевымъ въ Торговицкой волости [1]), имѣніемъ Пальче (промѣненнымъ въ 1574 на село Красное (подъ Луцкомъ) и с. Омельникъ съ дворомъ Боголюбовскимъ [2]), 2, *Дерманскій,* владѣвшій 5 селами въ Острожской волости; 3, *м. Дорогобужскій,* владѣвшій, с. Дроздовомъ; 4, *м. Пересопницкій.*—Во Владимірскомъ пов. 1, *м. Св. Спаса,* владѣвшій с. Яновцами съ 6 дворищами и с. Подгайцами; 3, *м. Михайловскій-Турійскій;* 4, *м. Земенскій,* получившій с. Марковъ Ставъ въ XV в. отъ Войны Немирича [3]); 5, *м. Мелецкій,* или Мельцы, основанный княземъ Ф. А. Сангушко; по инвентарю 1593 г. (составленному кн. Александромъ Пронскимъ, Федорою Романовною Пронскою, урожд. Сангушко, Янушемъ Жаславскимъ, воеводою Подляскимъ, и Александрою Романовною Жаславской, ур. Сангушко, съ цѣлью утвердить общеродовое право поданья надъ этимъ монастыремъ безъ дѣлежа), онъ построенъ былъ надъ рѣк. Турьею съ каменною церковью св. Николая, съ хозяйственными постройками (броваромъ), двумя млинами; ему принадлежала „волость“, а именно: с. Нецы съ фольваркомъ съ 6 дымами и 2 огородами; с. Соловьевъ съ 12 дымами и 6 огородниками; с. Комарово съ 17 дымами, 2 огородами; с. Подсыновка съ 9 дымами, с. Соколища съ 10 дымами, с. Сыновъ Скробъ съ 12 дымами, дворъ и село Песочное съ фольваркомъ, съ 52 дымами и 5 огородами [4]).

Владѣнія нѣкоторыхъ *приходскихъ церквей* на Волыни были также немаловажны: извѣстны владѣнія Луцкой Дмитріевской церкви (с. Коршовецъ); изъ острожскихъ церквей замковая Богоявленская владѣла 4 селами (съ 50 дымами),

[1]) Żr. Dz. XIX, 105.
[2]) К. Цен. Арх. Кн. 2048, л. 315, 130; кн. 2044, л. 407.
[3]) Сл. Żr. Dz. XIX, 105.
[4]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 89.

Пречистенская—обширнымъ селомъ Поповцами, Дубенская Воскресенская—с. Иванчицами и др. [1])

Нужно замѣтить, что кафедральныя церкви епископскихъ городовъ—Луцка и Владиміра считались совладѣльцами епископовъ относительно всѣхъ имѣній владычества. Имѣнія жертвовались не на имя владыкъ, а на имя главныхъ епископскихъ церквей, такъ волость Купечовъ записана кн. Романомъ Мстиславичемъ на имя церкви Успенія Богородицы во Владимірѣ, село Сушично кн. Любартомъ [2]) также.

Владѣнія приходскихъ церквей, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, не могутъ быть подвергнуты никакому исчисленію, такъ какъ едвали какая нибудь церковь могла обойтись безъ надѣла землею, б. или м. обширною, но зато такія владѣнія и не подходятъ подъ понятіе „земскихъ" имуществъ, особенно въ частно-владѣльныхъ селахъ, какъ увидимъ ниже.

Имущества католической церкви въ юго-западной Россіи XV и первой пол. XVI в. не были очень обширны, такъ какъ и католическое населеніе этой страны было ничтожно по числености. Всѣ эти имущества сосредоточивались въ рукахъ двухъ епископій Луцкой и Кіевской, которыя по справедливости могутъ быть признаны in partibus. Сверхъ того въ южной Руси были и владѣнія Виленской кафедры.

Однако *Луцкая католическая кафедра* обладала уже къ концу XVI в. значительными имуществами; именно ей принадлежала волость Торчинская съ 8 селами и Садовъ съ 6, а также волость Хотечевская во Владимирскомъ пов. (на границѣ земли Холмской) съ 5 селами. Изъ упомянутыхъ волостей въ частности каноникамъ Луцкимъ принадлежали села Боковъ и Викторинъ, кустошу—Лыще и Нѣмецкое, декану--Тополе и Лучицы. Пріоръ Луцкаго монастыря владѣлъ

---

[1]) См. Źr. Dz. l. c.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. I, VI, № 3.

селами Новый Ставъ и Городницы. Въ самомъ Луцкѣ на земляхъ бискупства сидѣло нѣсколько мѣщанъ, зависимыхъ отъ кафедры.[1])

Въ Кіевѣ кафедра католическаго епископа дѣлается виднымъ и важнымъ землевладѣльцемъ лишь со времени бискупства извѣстнаго Іосифа Верещинскаго въ самомъ концѣ XVI в. (1589—1599 г.). До того времени номинальные кіевскіе бискупы большею частію не жили никогда въ Кіевѣ, самая кафедра была въ полномъ пренебреженіи до того, что передъ Верещинскимъ долго считался бискупомъ Николай Пацъ—открытый еретикъ, сбросившій наконецъ санъ духовный и сдѣлавшійся потомъ каштеляномъ Смоленскимъ. Никакой паствы эта кафедра не имѣла; былъ только одинъ Доминиканскій монастырь на Подолѣ (иногда съ однимъ монахомъ) и убогая церковь въ замкѣ. Хотя тѣмъ не менѣе за этой кафедрой уже давно числились обширныя пространства земель, неизвѣстно кѣмъ пожалованныя, но все это были или пустыни, или владѣнія попавшія въ руки стороннихъ лицъ и даже чужихъ государствъ. Такъ за нею считалась такъ называемая Бискупщина, большой участокъ земли на верхней Роси (Погребище); но она въ концѣ концовъ осталась въ рукахъ кн. Збаражскихъ. Другой большой участокъ земли на Деснѣ-Моравійскъ (Моровскъ), большей частью вошелъ въ предѣлы Московскаго государства; точно такая же судьба постигла другое значительное владѣніе на Сеймѣ около Путивля. Подъ конецъ XVI в. (до Верещинскаго) Кіевской кафедрѣ принадлежали: въ самомъ Кіевѣ 11 домовъ крестьянъ (зависимыхъ мѣщанъ); на р. Ирпени-Черногородчина съ 6 крестьянскими дымами и 5 огородниками; на Припети Кожушковичи съ 26 крест. и 4 огородниками и на устьѣ Десны—Вечище.[2]) Большой переворотъ произвелъ въ судьбѣ имуществъ Кіевской кафедры упомянутый Верещинскій. По тарифѣ 1628 г.[3]) центральнымъ и важнѣйшимъ пунктомъ

---

[1]) Źr. Dz. XIX, 105.

[2]) См. поборовый реестръ 1581. (Źr. Dz. XX).

[3]) Ibid.

владѣній каѳедры была обширная земля на Унавѣ (впослѣдствіи Фастовская волость) отъ границы Бѣлоцерковскаго староства до устья этой рѣки и до верховья Стугны. Здѣсь лежали: городъ Фастовъ, сдѣлавшійся резиденціею бискуповъ, два мѣстечка: Снятынка и Черногородка и 5 селъ. Затѣмъ оставались за тою-же каѳедрою Кожушковичи на Припети и Коропъ на Острѣ. Весьма разрослись владѣнія бискупства и въ самомъ городѣ Кіевѣ и его окрестностяхъ, бискупу принадлежали: островъ на Днѣпрѣ, озера надъ Десною. Прочія владѣнія каѳедры принадлежали не бискупу, а спеціально—капитулу, именно Витичевъ надъ Днѣпромъ подъ Трипольемъ и с. Плесецкое на Унавѣ.

Исходнымъ пунктомъ владѣній Доминиканскаго монастыря было село на заднемъ Сырцу, пожалованное Владиміромъ Олдгердовичемъ; отсюда монастырь округлилъ свои владѣнія отъ Подола и Кириловскаго монастыря до Котыря и устья Ирпени и р. Водицы; здѣсь въ XVII в. были: фольварки на Сырцѣ, Клепачи, села Яцковка, Пріорка, Мостище, Берковецъ, и др.; на Лыбеди-Совка, пожертвованная кн. Збаражскими, а подъ Бѣлогородкой лѣсъ въ урочищѣ Бисова-Баба. Въ Указателѣ Новицкаго[1]) сверхъ того именуются: Берковецъ, Котырь, Луциковка, Миколаевка, Некрасовскій островъ, Поповцы, Поповка, Рокошанка, Уваровъ Великій, Уваровъ Малый. Другой Доминиканскій монастырь (въ Чернобылѣ), іезуитскіе монастыри въ Кіевѣ, Фастовѣ, Винницѣ и Переяславѣ, и Бернардинскіе въ Кіевѣ и Лубнахъ возникли уже въ XVII в. и были снабжены значительными владѣніями со стороны частныхъ лицъ. Точно тоже слѣдуетъ сказать о приходскихъ церквахъ: нѣкоторыя изъ нихъ, возникшія въ болѣе давнее время (въ Житомирѣ), были уничтожены татарами и земли ихъ взяты государствомъ; вновь возникшія уже въ XVII в. (въ Коростышовѣ, Бышевѣ, Бѣлиловкѣ, Погребищахъ, Кальникѣ) получили имѣнія отъ частныхъ лицъ (окатоличившихся русскихъ князей и вельможъ)[2]) уже въ XVII в.

---

[1]) Стр. 319.
[2]) Żr. Dz. XXII 567—571.

На территоріи Кіевской земли были (какъ сказано) владѣнія и другихъ (не мѣстныхъ) церковныхъ католическихъ учрежденій. А именно: кафедрѣ Виленской принадлежала волость Уборская (на Уборти, прит. Припети), гдѣ лежали поселенія: Лельчицы, Липляны, Стодоличи, Буйновичи и др. Виленской капитулѣ принадлежали Каменщизна въ сосѣдствѣ съ Уборскою волостью съ 12 селами, по тарифѣ 1581 г.[1])

Изъ представленыхъ краткихъ и примѣрныхъ фактовъ отнюдь нельзя составить себѣ полное представленіе о значительности и важности церковныхъ имуществъ юго-западной Россіи. Для ясности дѣла надо принять во вниманіе географическое положеніе ихъ. На картѣ г. Яблоновскаго (очень полной и цѣнной) въ распредѣленіи разныхъ родовъ земельныхъ владѣній поражаетъ слѣдующая особенность: всѣ окрестности г. Кіева на далекое пространство во всѣ стороны заняты церковными владѣніями (православной и католической церкви), по обѣ стороны Днѣпра. Тоже отчасти можно замѣтить и относительно прочихъ важнѣйшихъ пунктовъ населенія западной Россіи. Само собою понятно, что такое географическое положеніе этихъ имуществъ даетъ имъ чрезвычайную важность и значительность: съ одной стороны самыя эти имущества состояли подъ сильною защитою центральныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ; съ другой стороны близость къ большимъ населеннымъ центрамъ сообщаетъ имъ болѣе высокую экономическую цѣнность и доходность. Возьмемъ въ примѣръ городъ Кіевъ: въ немъ около Печерскаго монастыря лежитъ „Печерскій городъ", большое поселеніе, занимавшее почти всю нынѣшнюю Печерскую часть города; состоя въ исключительномъ распоряженіи монастыря, этотъ городъ былъ внѣ вѣдѣнія государственныхъ и городскихъ властей. Остальная часть Печерска занята владѣніями Никольскаго монастыря, простиравшимися и на другую часть нынѣшняго города-Липки. На такъ называемомъ Старомъ городѣ были владѣнія (кромѣ полуразрушенной Софіи) Ми-

---

[1]) Ibid 566—567.

хайловскаго монастыря и многихъ приходскихъ церквей. Долина Лыбеди была подѣлена между названными учрежденіями. Звѣринецъ принадлежалъ Выдубицкому монастырю. Государству принадлежала только замковая гора между Старымъ городомъ и Подоломъ, а городской общинѣ—Подолъ гдѣ однако утвердилось много владѣній монастырей и приходскихъ церквей. Смѣжно съ Подоломъ, начиная отъ горы Щекавицы на все огромное пространство до конца городской черты къ сѣверу составляло владѣнія Кириловскаго монастыря, Іорданской церкви и Межигорскаго монастыря. Здѣсь же утвердились „юрисдикціи“ католическихъ церковныхъ учрежденій (Кіевскаго бискупства и Доминиканскаго монастыря). Все Заднѣпровье и низменность Днѣпра принадлежало Николо-Пустынскому, Печерскому и Доминиканскому монастырямъ, переходя на далекое пространство Правобережья въ бассейны Десны и Трубежа. Такимъ образомъ едвали 10-я часть территоріи Кіева составляла такъ называемый „городъ“ („мѣсто“); всѣмъ остальнымъ владѣла церковь.

Представленный очеркъ церковныхъ владѣній юго-западной Россіи отнюдь не имѣетъ цѣли исчислить *всѣ* имущества всѣхъ этихъ учрежденій; мы имѣемъ ввиду лишь показать огромную внѣшнюю важность этой части землевладѣнія для общей исторической судьбы края.

Великое историческое значеніе его можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: православная церковь, главная обладательница имуществъ, изъ нихъ извлекала силы въ своей борьбѣ за существованіе (въ XVI и XVII вв.); а на церкви созидалась тогда вся крѣпость національнаго сознанія южно-русскаго народа. Однако съ XVII в. такая высокая миссія церкви и ея имуществъ становится сомнительною: въ уніатской церкви (которой досталась большая половина имуществъ) она переходитъ къ достиженію обратной (антинаціональной) цѣли и въ самой православной церкви, религіозныя и просвѣтительныя задачи смѣняются стремленіями корысти и обогащенія.

Не меньшую значительность имѣютъ внутреннія оригинальныя черты права церковнаго землевладѣнія, какъ тѣ, которыя присущи ему, во всѣхъ христіанскихъ странахъ, такъ и тѣ, которыя составляютъ особенность западно-русской церкви; первыя заключаются въ способахъ пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ и ихъ неотчуждаемости; вторыя въ такъ называемомъ правѣ подаванія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы сосредоточимъ свое вниманіе только на имуществахъ православной церкви, такъ какъ оригинальныя особенности этой части права землевладѣнія относятся къ учрежденіямъ православнымъ и имъ только принадлежитъ то историческое значеніе, о которомъ упомянуто сейчасъ. Лишь по мѣстамъ мы указываемъ на тѣ общія черты, которыя присущи имущественному праву обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Способы пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ и предметы владѣнія ихъ. Исчисленныя выше большія имущества учрежденій православной церкви пріобрѣтались издавна, съ самого начала утвержденія христіанства на Руси, способами, которые допущены законами Византійской имперіи и канонами восточной церкви; а именно церковь располагала возмездными способами, однако съ ограниченіями: имущества могли быть пріобрѣтаемы куплею и мѣною, но залоговыя сдѣлки были ограничены тѣмъ, что церковныя учрежденія не могли отдавать деньги въ ростъ. Однако весьма не рѣдко залоговое право переходило отъ частныхъ лицъ къ церкви по безмездной уступкѣ. Но главными способами для церкви были безмездные: пожалованіе, дареніе, завѣщаніе и наслѣдство по закону.

Для западно-русской церкви эти послѣдніе источники были особенно обильными. Мы уже упоминали, что юго-западная Россія въ до-монгольское время, въ теченіи трехъ вѣковъ была центромъ политической и церковной жизни всей Руси, что Кіевская кафедра была кафедрою всероссійскихъ митрополитовъ; могущественная Волынь, соперничавшая съ Кіевомъ передъ монгольскимъ нашествіемъ, въ эпоху татарщины стала центромъ всей южной Россіи въ политическихъ

и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такіе монастыри, какъ Кіево-Печерскій и навсегда остались обще русскою святынею. Понятно, какія земельныя богатства могли скопиться въ рукахъ мѣстной южно-русской церкви и должны были остаться при ней и послѣ раздѣленія митрополій. Пожертвованія и вклады стекались со всѣхъ сторонъ, но главными жертвователями были *князья;* они жертвовали имущества не только какъ благочестивые люди, но считали это своею обязанностью, какъ правители государства; церковь была однимъ изъ важнѣйшихъ органовъ государственнаго управленія,— эту роль она наслѣдовала отъ Византіи. Ей не только были поручены всѣ вѣтви умственнаго и нравственнаго образованія народа и всѣ функціи призрѣнія бѣдныхъ, прокормленіе голодающихъ, но и дѣйствія финансоваго надзора надъ экономическою дѣятельностью населенія: вѣсы, мѣры на торгу, а также и многія вѣтви уголовной полиціи и суда, не говоря уже о томъ, что большія массы населенія, подъ именемъ людей церковныхъ, всецѣло принадлежали вѣдомству церкви.

Понятно, почему русскіе князья, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на Руси, начали щедро обезпечивать церковь земельными имуществами.

Отсюда основнымъ и главнѣйшимъ способомъ пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ было у насъ *пожалованіе*.

Главная масса имуществъ, числившаяся за церковью въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ, образовалась еще въ древнее до-татарское время путемъ пожалованія.

Въ актахъ XVI в. находимъ имена такихъ древнихъ князей, какъ великій князь Мстиславъ (вѣроятно Мстиславъ Владиміровичъ, а можетъ быть Мстиславъ Изяславичъ): около 1523 г. кн. Ф. М. Чарторыйскій, заключая мѣновую запись съ епископомъ Кирилломъ, пишетъ: „которое дворище церковное св. Дмитрия, придане великаго кн. Мстислава, на имя Демяново, ино тое дворище споруч мне къ двору моему Мстишину“ [1]). Затѣмъ являются болѣе позднія имена, какъ

[1]) См. этого тома № XLVII.

имя Романа Мстиславича[1]). Память о древнихъ правахъ церкви и даже грамоты на нѣкоторыя имущества уцѣлѣли и въ послѣдствіи, иногда весьма поздно (въ XVII в.), церковь взстановляла по нимъ свои владѣнія, хотя и не вполнѣ. Въ 1568 г. воевода Кіевскій кн. К. К. Острожскій опредѣлилъ границы Звѣринца (предм. Кіевскаго), принадлежавшаго Выдубицкому монастырю, такъ, какъ „великіе князья русскіе къ тому монастырю зъ вѣковъ придали землю, прозываемую Звѣринецъ, надъ р. Днѣпромъ лежачую“. Границы опредѣлены точно и подробно и въ такомъ видѣ утверждены королемъ Сигизмундомъ-Августомъ[2]). Несомнѣнно что всѣ древніе монастыри въ Кіевѣ и Луцкѣ получили многія имущества отъ князей до-татарской эпохи, главнымъ образомъ Мономаховичей. Такъ монастыри въ Луцкѣ, Пречистенскій и Васильевскій получили „наданье“ отъ Мстислава Владиміровича Мономаховича и Василька Романовича, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота Свидригайла отъ 1459 года. Монастыри эти во время татарскихъ нашествій утратили грамоты первыхъ князей, но имуществами продолжали владѣть, какъ освѣдомился о томъ кн. Свидригайло отъ Луцкихъ мѣщанъ (старожильцевъ). Въ XV в. упомянутые монастыри пришли въ крайній упадокъ и просили Свидригайла возобновить ихъ права на имущества; по грамотамъ Свидригайла монастырю Пречистенскому принадлежали: предмѣстье Сапалоевское съ пахотной землей при курганѣ Яровой и курганѣ надъ Олыцкой дорогой и городской стѣнѣ, съ сельцомъ Роварица за р. Стыремъ, съ грунтами на Гнидавѣ и на Палорицѣ, съ людьми, лѣсомъ, сѣнокосомъ и рыбною ловлею. Монастырю Васильевскому на предмѣстьѣ, называемомъ Хмельникъ или Помостичи, принадлежали грунты съ селами Ставокъ, Пьяны и Клюки, съ лѣсомъ на городской горѣ, съ ставами, млинами, сѣнокосами. Всѣ эти имущества пожалованы упомянутыми двумя древними князьями, а въ

---

[1]) См. запись на с. Купечовъ церкви Усп. Богор. въ г. Владимірѣ: Арх. ю. Р. ч. I, т. VI, XIII.

[2]) Ак. зап. Р. III, № 44.

XV в. утверждены за монастырями по старымъ границамъ владѣнія. (Въ 1583 г. монастырь Пречистенскій, по распоряженію старосты Луцкаго, переданъ во владѣніе—„въ моцъ в державне и вживане"—Загоровской, урожденной Боговитиновнѣ)[1].

Князья Литовской династіи были непосредственными продолжателями Рюриковичей, какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ церкви. Правда, Виленскіе великіе князья рано обратились въ католичество, но и они, какъ напр. Витовтъ, не были гонителями православной церкви. Мѣстные же Кіевскіе и Волынскіе князья поступали въ интересахъ церкви почти такъ же, какъ и древніе Рюриковичи. Таковы были: Гедиминовичъ Любартъ[2]), Ольгердовичи (Свидригайло)[3]) и Олельковичи: Владиміръ, Александръ и Семенъ. Но для насъ важнѣе, что тому же примѣру слѣдовали и позднѣйшіе короли-ревностные католики[4]).

Затѣмъ по уничтоженіи удѣловъ, отъ имени великаго князя въ Кіевѣ и на Волыни были по общему порядку служилые князья православнаго вѣроисповѣданія; они жаловали именемъ вел. князя имущества монастырямъ и церквамъ[5]), каковыя пожалованія были потомъ подтверждаемы и великими князьями Казимиромъ, Александромъ и Сигизмундомъ. Слѣдующими примѣрами доказывается, что пожалованіе церкви изъ государственныхъ имуществъ могло исходить и

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 181.

[2]) См. Арх. ю. Рос. ч. I, т. I, стр. 206 и т. VI, № 1: запись Любарта соборной церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ на села Рожище, Теремное, Бущу, Мезочъ и др. Ibid № III: запись на с. Сушично церкви Успенія Пресвятой Богородицы во Владимірѣ.

[3]) Прив. на Харлунъ соб. церкви Луцкой. (Арх. ю. Рос. ч. I, т. I, № 46.

[4]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ 1489 г. кор. Казимиръ жалуетъ Кіево-Никольскому монастырю селище Княжичи (Акты з. Рос. I, № 93), а короли Александръ и Сигизмундъ подтвердили это (Ак. з. Рос. II, № 90); тому же монастырю король Александръ пожаловалъ пашню пустую Жидовскую на р. Борщогкѣ, „што держалъ жидъ Огроновичъ" (Ак. з. Рос. I, № 151) и пр.

[5]) Иванъ Ольгимунтовичъ, правившій въ Кіевѣ до 1401 г., записалъ Печерскому монастырю земли и людей въ Глушской и Порѣчской волости (Ак. з. Рос. I, № 72).

отъ обыкновенныхъ *провинціальныхъ правителей (намѣстниковъ и воеводъ)*, съ послѣдующимъ утвержденіемъ отъ вел. князя. Въ 1508 г. воевода Кіевскій Юрій Михайловичъ Монтовтовичъ далъ монастырю Николо-Пустынскому озеро Долобескъ съ устьемъ въ островѣ Трухановѣ (очевидно изъ государственныхъ владѣній); король Сигизмундъ подтвердилъ это [1]). Въ 1514 г. Кіевскій воевода Андрей Немировичъ далъ, а король Сигизмундъ подтвердилъ тому же монастырю грамоты на 4 нивы около Кіева [2]). Въ 1581 г. Кіевскій воевода кн. К. К. Острожскій предписалъ своему намѣстнику кн. Евстафію Ружинскому отвести Ивану протопопу Матеребожскому (церкви Богородицы) „до воли и ласки нашое“ (т. е. кн. Острожскаго) пахотныя и сѣнокосныя земли на Щекавицѣ, которыя Мотырь держалъ; земли эти принадлежали „замку его королевской милости“. Впослѣдствіи оказалось, что изъ числа пожалованныхъ земель сѣнокосы составляли частную собственность Кіевскихъ портныхъ, кожевниковъ и кузнецовъ, а потому въ 1585 г. кн. воевода возвратилъ ихъ собственникамъ, оставивъ за Пречистенскимъ священникомъ пахотное поле [3]). Здѣсь нѣтъ слѣдовъ послѣдующаго утвержденія королемъ; кажется при пожалованіи „до воли и ласки“ вообще обходились безъ него. А между тѣмъ извѣстно, что владѣніе прекарное („до воли и ласки“) часто переходило въ право собственности.

Хотя главныя имущества церкви возникли изъ государственнаго фонда, но было бы ошибочно думать, что этою чертою опредѣляется весь характеръ и судьба церковныхъ имуществъ и отъ этого (якобы) исходило *право государства* на послѣдующую секуляризацію ихъ. Наряду съ государствомъ щедрыя пожертвованія на церковь шли и отъ *частныхъ лицъ*: князей, пановъ, земянъ, бояръ и мѣщанъ; каждый разъ государство утверждало такіе акты и тѣмъ сообщало имъ незыблемую юридическую твердость. Но опять и этотъ источ-

---

1) Ак. ю. Рос. II, № 38.

2) Ibid № 95.

3) Ак. з. Рос. III, № 130.

никъ церковныхъ владѣній отнюдь не опредѣлялъ характера церковныхъ имуществъ, именно не былъ непремѣннымъ условіемъ зависимости ихъ отъ частныхъ жертвователей, какъ патроновъ, не создавалъ для жертвователей роли ктиторовъ въ византійскомъ смыслѣ, о чемъ намъ придется пространно говорить ниже. Для поясненія этихъ соображеній приводимъ слѣдующіе примѣры: княгиня Настасья Гольшанская завѣщала Кіево-Печерскому монастырю дворецъ Городокъ и с. Волницу въ Глушской волости [1]), но чрезъ то не сдѣлалась патронессою этого монастыря, который и прежде былъ и потомъ оставался въ „подаваньѣ вел. князя". Въ 1486 г. Юрій Зиновьевичъ записываетъ Кіево-Печерскому монастырю сельцо Кисилевичи въ Бобруйской волости [2]), кн. Андрей Владиміровичъ Кобринскій даетъ тому же монастырю с. Осово, и внукъ его кн. Иванъ Семеновичъ подтверждаетъ это [3]); въ 1506 г. душеприказчикъ кн. Дм. Путятича—кн. Михаилъ Глинскій записалъ изъ имѣній перваго Печерскому монастырю половину данниковъ Заремцевъ за р. Березиною [4]).—Въ 1500 г. кн. Богданъ Глинскій далъ Кіево-Пустынскому монастырю с. Гатное съ угодьями [5]); въ 1514 г. староста Черкасскій Евстафій Дашкевичъ записалъ тому же монастырю селище Гвоздово [6]). Въ 1522 г. король Сигизмундъ сразу подтвердилъ записи тому же монастырю слѣдующихъ лицъ: Льва Тышковича на 4 человѣка въ с. Скородномъ, Юхна Обернѣевича на Городищe въ Олевской волости, Семена Ромиковича на Шепеличи, Ивана Полозовича на Кучуковъ и брата его Щаснаго Полозовича на 1 челов. съ землею его пашною и бортною, Ерша—на землю Обернѣевскую, Яцка Лозы—на землю Ромейковкую на Трубежѣ [7]). Въ 1570 г. король Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ тому же монастырю шесть гра-

[1]) Ак. з. Рос. II, № 96.
[2]) Ак. з. Рос. I, № 86.
[3]) Ак. з. Рос. I, № 111.
[4]) Ак. з. Рос. I, № 224.
[5]) Ак. з. Рос. I, № 178.
[6]) Ак. з. Рос. II, № 89.
[7]) Ак. з. Рос. II, № 110.

мотъ на земли, пріобрѣтенныя отъ частныхъ лицъ, а именно (кромѣ обозначенныхъ въ грамотѣ Сигизмунда) слѣд.: отъ Булгака Лисичина и Михаила Волчковича (1499 г.)—на селище Иваницы на р. Красной, отъ Солтана Альбѣевича (1508 г.) на землю Полукнязевскую за Днѣпромъ[1]). Такія пожертвованія не создали для жертвователей особыхъ правъ ни на самые монастыри, ни отдѣльно на жертвуемыя имущества. Въ 1493 и 1496 г.г. фамилія Олизаровъ записала свое отчизное владѣніе—с. Дорошинъ и Кижъ (на Волыни) св. Спасу—на мон. Красносельскій[2]). Въ 1508 г. староста Владимірскій Фед. Янушевичъ и жена его Фенна записали соборной церкви св. Іоанна Богослова въ Луцкѣ имѣнія свои Колодези и Жабче; вел. кн. Сигизмундъ утвердилъ этотъ актъ[3]). Въ 1512 г. имѣніе Бѣлашевъ, принадлежавшее кн. Юр. Вас. Жеславскому, но перешедшее въ заставное владѣніе Олизара Шиловича, по духовному завѣщанію этого послѣдняго, передано Дерманскому монастырю на тѣхъ же заставныхъ условіяхъ[4]).

Въ половинѣ XVI в. записи въ пользу церквей со стороны частныхъ лицъ, преимущественно женщинъ (вдовъ), до того усилились, что на сеймѣ 1554 г. депутаты внесли особую (7-ю) просьбу великому князю такого рода: „докладаете въ просьбахъ своихъ отъ всее шляхты и рыцарства, ижъ есте убачили и въ томъ нѣкоторый упадъ, штожъ многіе пани вдовы, розными обычаими, отъ дѣтей, братьи, близкихъ кровныхъ своихъ, духовнымъ имѣнья записують, зачимъ близкихъ ихъ домы пустѣють, таковыя имѣнья окупуючи, а тымъ ся неможность дѣеть къ службамъ его корол. милости; для того просите, абы таковые листы хотя бы и вышли, никоторой моци у права не мѣли“. Король весьма резонно отвѣтилъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ нарушать свободу гражданъ, данную его предшественниками

[1]) Ак. з. Рос. III, № 49.
[2]) Ак. з. Рос. I, № 84.
[3]) Ак зап. Рос. II, № 32.
[4]) Ак. з. Рос. II, № 82.

и имъ самимъ подтвержденную; каждый можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ хочетъ; на то есть статутъ [1]).

Безвозмездные способы пріобрѣтенья церковью имуществъ создавали для нея такое же независимое право, какъ и для всѣхъ другихъ физическихъ и юридическихъ лицъ. Основанія для дѣйствительной зависимости церковныхъ имуществъ, истекающія изъ права патрональнаго (права подаванья, съ которымъ будемъ имѣть дѣло ниже) не имѣютъ связи со способами пріобрѣтенія (за нѣкоторыми исключеніями въ пользу ктиторскаго права).

Церковь могла пріобрѣтать и пріобрѣтала имущества и по *возмезднымъ сдѣлкамъ* (куплѣ-продажѣ, залогу) [2]). Но въ XVI в. фактически къ этому способу церковныя учрежденія прибѣгали очень рѣдко, довольствуясь имуществами пожалованными и пожертвованными. Стремленіе къ пріобрѣтенію большихъ земельныхъ богатствъ овладѣваетъ монастырями преимущественно въ XVII в. Но тогда большими средствами для этого обладали уже главнымъ образомъ уніатскіе монастыри.

Въ актахъ XVI в. мы не находимъ никакихъ слѣдовъ сдѣлокъ, по которымъ бы монастыри, отдавая деньги въ ростъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтали право на эти послѣднія по „заставѣ". Напротивъ въ XVII в. (монастыри преимущественно уніатскіе) играли роль банковыхъ учрежденій, совершая повсемѣстно и постоянно денежныя операціи указаннаго рода, иногда на милліонныя суммы [3]). Но объ этомъ времени и объ этихъ учрежденіяхъ (т. е. уніатскихъ) мы не говоримъ и не имѣемъ ихъ въ виду. Въ православной церкви, повидимому, болѣе соблюдалось каноническое правило о воспрещеніи духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ заниматься промысломъ ростовщичества.

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 13.

[2]) См. выше о пріобрѣтеніяхъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря.

[3]) См. Акты Вилен. Ком. т. XV. Декреты Главнаго Литовскаго Трибунала, passim.

Судя по аналогіи сѣверно-русской церковной исторіи, можно было ожидать, что однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ пріобрѣтенія земельныхъ имуществъ монастырями будетъ и въ западной Россіи *оккупація пустыхъ* (безхозяйныхъ) *земель*. Извѣстно, что тамъ монастыри были одною изъ крупнѣйшихъ колонизаціонныхъ силъ для окраинъ государства. Извѣстно также, что поселеніе какого-либо пустынножителя среди земли, хотя и оккупированной какою-либо волостью, но не подвергнутой обработкѣ (въ лѣсной глупи) вызывало протестъ волостныхъ жителей и иногда изгнаніе пустынножителя силою именно въ виду возможности завладѣнія землею, когда вокругъ жилища отшельника возникнетъ по обычаю монастырская община. Такъ было на сѣверѣ; но въ юго-западной Россіи не то: здѣсь монастыри не были колонизаціонною силою и оккупація не играетъ почти никакой роли въ исторіи ихъ землевладѣнія. Основною причиною этой особенности надо считать географическія свойства страны, именно степной характеръ южно-русскихъ пустынь, которыя могли бы подвергнуться колонизаціи; эти окраины были совершенно открыты и вполнѣ не безопасны отъ татарскихъ нашествій.

Единственное исключеніе изъ такого общаго порядка дѣла составляютъ неоднократныя попытки Никольскаго-Пустынскаго монастыря основать колоніи въ нижнемъ теченіи Днѣпра, въ т. н. Бѣлобережьѣ и далѣе къ порогамъ. Тамъ возникали филіальныя учрежденія монастыря, вырыты были пещеры. Какъ въ сѣверн. Руси волостные жители, такъ здѣсь владѣльцы коронныхъ земель—старосты, считая себя правомочными владѣльцами этихъ пустынь, протестовали и обращались къ суду [1]).

[1]) Въ 1630 г. Софья Даниловичева, вдова старосты Корсунскаго и Чигиринскаго, заявила въ Житомирскомъ судѣ протестъ противъ игумена Николо-Пустынскаго монастыря Серафима Бѣльскаго и всей братіи, въ томъ, что монахи, „получивши позволеніе отъ какого-то Семена Кременчука Долбни, городничаго Крыловскаго, вырыли пещеру и построили церковь на горахъ Пивныхъ, на землѣ староства Чигиринскаго, а затѣмъ, сговорившись съ какимъ то Тарасомъ козакомъ, который своевольно объявилъ себя гетма-

Достойно замѣчанія, что въ Литовско-русскомъ государствѣ никогда не было сдѣлано ниодной попытки изданія амортизаціонныхъ законовъ, которые иногда появлялись даже въ Византіи и которые играютъ такую важную роль въ исторіи сѣверно-русской (Московской) церкви именно въ XVI в. Напротивъ, здѣсь, т. е. въ западной Россіи, гдѣ казалось бы можно всего скорѣе ожидать со стороны католическаго правительства мѣръ къ прекращенію дальнѣйшаго роста имуществъ православной церкви, права̀ ея свято соблюдались наравнѣ съ правами католической церкви. Если акты пріобрѣтенія церковію имуществъ подлежали укрѣпленію великокняжеской власти, то это укрѣпленіе имѣло тоже значеніе, какъ укрѣпленіе всякихъ другихъ (не-церковныхъ) сдѣлокъ по недвижимымъ имуществамъ.

Предметы церковнаго владѣнія были столь же разнообразны, какъ и предметы владѣній шляхетскаго, боярскаго и служилаго. Имущества большихъ церковныхъ учрежденій—епископій и нѣкоторыхъ монастырей (какъ Печерскаго, Жидичинскаго и др.) вполнѣ носили характеръ панскихъ владѣній: церкви принадлежали *города*, какъ напр. Печерскому монастырю Васильковъ, Радомысль (Мыкъ), или католическому бискупству Фастовъ. Въ гораздо большемъ числѣ къ церковнымъ владѣніямъ принадлежали *мѣстечки* (отчасти пользовавшіяся также городскими правами), какъ Рожище и Харлупъ Луцкаго владычества, Микуличи и Бискупичи Владимірскаго владычества; затѣмъ *за̀мки*, какъ въ резиденціяхъ епископовъ (напр. въ гор. Владимірѣ), такъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ имѣніяхъ (въ Харлупѣ Луцкой епископіи); въ замкахъ находились укрѣпленія и крѣпостное вооруженіе: пушки, аркебузы, ручницы и пр. Въ сельскихъ владѣніяхъ различались: *дворы* (и *дворцы*) и *фольварки* съ приселками (или безъ нихъ); это были пункты собственной сельскохозяйственной дѣятельности (тамъ производились хозяйствен-

номъ Запорожскимъ, присвоили себѣ не мало земель староства, а именно два села въ урочищѣ Вороньихъ Лозахъ, Бужинъ и перевозъ черезъ Днѣпръ подъ Крыловомъ" (Кіев. центр. Арх. кн. № 14, л. 835 наоб.).

ныя обработки земли за счетъ самаго церковнаго учрежденія); затѣмъ *волости* и *села;* въ центрѣ волости могло быть или мѣстечко, или главное многолюдное село; особенно большія волости принадлежали Луцкому и Владимірскому владычествамъ и Печерскому монастырю, каковы: Рожищская, Купечовская, Поднѣпровская и др. Земля въ волостяхъ (и селахъ) принадлежала собственно крестьянамъ, а церковнымъ учрежденіямъ (какъ и вообще владѣльцамъ въ то время) принадлежало лишь право на повинности (установленныя обычаемъ); иногда все это право ограничивалось полученіемъ столькихъ-то кадей меду въ годъ съ извѣстнаго поселка, что называлось данью, а крестьяне данниками. Но въ большинствѣ селъ уже въ XVI в. введены были нѣкоторыя работы въ пользу дворовъ и фольварковъ церковныхъ. Села, находившіяся во владѣніи церковныхъ бояръ и другихъ служилыхъ людей, обложены были повинностями военною или другою служебною въ пользу церкви. Промысловыя заведенія и угодья, которыя лежали внѣ селъ, были предметомъ особаго владѣнія, таковы: млины, озера, уходы (мѣста охоты и пчеловодства), отдѣльные лѣса и сѣнокосы.

Предметомъ церковнаго владѣнія *въ городахъ* были городскія имущества—дворы и усадьбы населенныя людьми, зависимыми отъ церковныхъ учрежденій. „Которые домы и мѣстца церквамъ Божьимъ поданы здавна отъ предковъ нашихъ, або владыка и игуменья, и иные князи, и бояре и мѣщане, и люди добрые прикупили къ церквамъ Божьимъ, а тые домы и мѣстца суть въ замку, або середь мѣста Полоцкого, и будуть ли за нанованье щастливое памяти дѣда нашого Казимира короля его милости, владыка и игуменья на тыхъ звѣчныхъ мѣстцахъ церковныхъ за собою слуги и иные закладни мѣли, мы и теперь владыцѣ и игуменьи дозволяемъ на тыхъ мѣстьцахъ и въ тыхъ церковныхъ домѣхъ слуги и иные закладни за собою мѣти и ихъ судити, а тымъ обычаемъ: ажъ мають имъ служити, а поземъ имъ господаремъ своимъ съ тыхъ мѣстецъ мають давати; и будуть ли ся которые з нихъ торгомъ обыходити, они мають серебщизну

и ордыньщину зъ мѣстомъ нашимъ платити. А которые за мѣстомъ фолварки, поля и сѣножати церковные владыка и игуменья маютъ, на тыхъ полѣхъ и сѣножатехъ не маютъ торговыхъ людей, а ни ремесленыхъ за собою садити, нижли маютъ садити людей сельскихъ, которые бы тамъ хлѣбъ пахали“ [1]). Так. обр. „церковные мѣщане“ подлежали въ пользу своихъ владѣльцевъ только взносамъ поземельнаго оброка („поземь“) и праву ихъ суда надъ собою (съ уплатою установленныхъ пошлинъ); по городскимъ же промысламъ и торговлѣ входили въ общій разрядъ мѣщанъ коронныхъ (или свѣтскихъ владѣльцевъ). Впрочемъ такія важныя церковныя учрежденія, какъ Печерскій монастырь среди коронныхъ городовъ имѣли свои собственныя городскія поселенія, ничѣмъ не связанныя съ королевскимъ городомъ; таковъ былъ „Печерскій городокъ“ (Печерскъ) въ Кіевѣ.—Кромѣ населенныхъ мѣстъ церковныя учрежденія въ городахъ владѣли отдѣльными усадьбами (плацами) и огородами.

Одно церковное учрежденіе могло быть предметомъ владѣнія другаго; таковы были монастыри, принадлежавшіе епископіямъ.

Обыкновенный фундушъ сельскихъ церквей состоялъ изъ двухъ волокъ земли (около 40 дес.), заселенной, или незаселенной, и нѣсколькихъ морговъ на усадьбу священнику и членамъ клира. Но иногда фундушъ далеко превышалъ эти размѣры. Если давалась земля населенная, то крестьяне, сидящіе на ней, обязывались повинностями и платежами въ пользу духовенства такими же, какіе были установлены въ пользу владѣльцевъ. Если земля давалась незаселенная, то духовенство имѣло право поселять новоприходящихъ крестьянъ. Въ 1628 г. въ фундушевой записи Пришихостскаго въ пользу церкви Рожд. Богородицы, дается на попа и дьяка волокъ 1½ и на подданныхъ трехъ 1½ же волоки [2]).

---

[1]) Полоцк. Уст. Грам. подтв. 1547 г. Ак. зап. Рос. III № 5.
[2]) Ак. Вил. ком. т. II. № 20. См. также № 27.

Историко-юридическія особенности церковныхъ имуществъ. Права на церковныя имущества (и въ частности недвижимыя) отличаются, какъ извѣстно, отъ всѣхъ другихъ видовъ имущественныхъ правъ ограничительными условіями въ свободѣ распоряженія ими. Уже древній римскій законъ въ языческую эпоху ставилъ вещи, посвященныя божеству, внѣ гражданскаго оборота (res extra commercium). Но тогда это разумѣлось о вещахъ освященныхъ въ слѣдствіи сакральнаго характера ихъ. Тотъ же принципъ усвоенъ и христіанскою римскою имперіею; но разспространенъ уже до нѣкоторой степени и на простыя экономическія цѣнности, въ томъ числѣ недвижимыя имущества, принадлежащія церкви. Они не изъяты вполнѣ изъ гражд. оборота, но на нихъ т. с. наложено запрещеніе; тоже начало чрезъ каноническое право перешло и къ новымъ народамъ. Оно извѣстно подъ именемъ *неотчуждаемости церковныхъ имуществъ.* Но примѣненіе этого принципа у каждаго народа было разнообразно, смотря по отношенію церкви къ государству и гражданскому обществу. Здѣсь нѣтъ надобности говорить объ общихъ причинахъ неотчуждаемости церковныхъ имуществъ и о необходимыхъ исключеніяхъ изъ этого принципа. Достаточно имѣть въ виду его двустороннее значеніе именно съ одной стороны очевидно ограниченіе правъ владѣльцевъ этихъ имуществъ (физическихъ и юридическихъ лицъ); фикція приписывала въ собственность эти имущества Богу, или тѣмъ святымъ, которымъ посвящена церковь; а лица, пользовавшіеся имѣніями, были простыми фактическими владѣльцами, обязанными дать отчетъ за цѣлость имуществъ. Съ другой стороны принципъ неотчуждаемости сообщилъ непоколебимую твердость правамъ церкви на ея имущества: если сами владѣльцы не могли распорядиться ими въ смыслѣ отчужденія, то тѣмъ болѣе никто сторонній не могъ посягнуть на ихъ отнятіе у церкви. Но примѣненіе принципа неотчуждаемости (какъ сказано) у каждаго народа было разнообразно.

Сравнивая два типа отношеній къ церковнымъ имуществамъ, установившихся въ русскомъ правѣ, находимъ, что

Московское и вообще сѣверно-русское право допускало большій просторъ въ распоряженіи церковными имуществами. Напротивъ западно-русское право точнѣе сохраняло принципы неотчуждаемости [1]). Мы увидимъ, что и здѣсь открывался широкій просторъ государству и частнымъ лицамъ представителямъ церковныхъ учрежденій и стороннимъ для распоряженія церковными имуществами: постоянно совершаются сдѣлки купли-продажи, залога, даренія и завѣща-

---

[1]) Такъ стояло дѣло въ XVI вѣкѣ; но въ XVII в. есть уже не мало случаевъ полнаго отчужденія церковныхъ имуществъ, иногда даже по безвозмезднымъ сдѣлкамъ. Приведемъ одинъ,—относящійся къ Гродненскому воеводству,—случай довольно поздній, именно передачу въ 1686 *въ даръ* Мих. Пацу, воеводѣ Виленскому, незначительнаго участка земли, принадлежащеіі Гродненскому монастырю. Даръ совершенъ при слѣд. обстоятельствахъ. На даримомъ участкѣ стоялъ кирпичный заводъ, который былъ выстроенъ Пацомъ. Пацъ, по словамъ митрополичьей грамоты, оказалъ лично митрополиту и уніатской церкви большія услуги. Даритъ не монастырская община или ея настоятель, а митрополитъ, предварительно испросивъ согласіе „всего уніатскаго духовенства", и съ участіемъ мѣстнаго архимандрита. Все даримое имущество составляло только полъ волоки земли съ кирпичнымъ заводомъ. Столь торжественно обставленъ такой мизерный даръ; тѣмъ не менѣе онъ, очевидно, противозаконенъ (Акты Вил. ком. I № XXXVII).

Въ XVII в. есть много случаевъ возмезднаго отчужденія церковныхъ имуществъ какъ *прихожанами по купчимъ* (см. Акты Вил. ком. VI. № 23, 24, 30,—случаи однако опротестованные духовенствомъ т. е. настоятелемъ: см. ib. № 28; случаи эти приводимъ ниже для другой цѣли), такъ и представителями церковныхъ учрежденій. Довольно характеренъ случай продажи церковныхъ имуществъ митрополитомъ Веньяминомъ Рутскимъ, который выставилъ мотивомъ своихъ дѣйствій намѣреніе продать и заложить митрополитанскіе фольварки и села, разоренные неурожаями и военными отрядами, а *въ замѣнъ ихъ пріобрѣсти* для церкви въ одномъ мѣстѣ хорошее, доходное и большое имѣніе. Продавая фольварокъ Новгородичи Булгаку въ 1653 г., митрополитъ заявляетъ, что онъ дѣлаетъ это „за консенсемъ и позволенемъ его королевской милости" (Акты Вил. ком. т. XI № 40. См. также 16. № 41, 42, 59, 60, въ которыхъ содержится дѣло о продажѣ настоятелемъ Кранскаго монастыря нѣкоей Раецкой имѣнія Стравинишки и затѣмъ отказъ его исполнить эту сдѣлку, какъ *незаконную*). См. еще ibid. № 65—продажу въ 1669 г. Виленскимъ свято-духовскимъ монастыремъ имѣнія Судервы Виленскому іезуитскому новиціату; т. IX, № 59—продажу настоятелемъ Виленской Никольской церкви городскому писарю имѣнія Ленковщизны; и ibid № 62—продажу Виленскимъ Троицкимъ монастыремъ Кононовичу церковнаго дома на Острой улицѣ).

нія ихъ отъ частныхъ лицъ другимъ; но это совершается вмѣстѣ съ переходомъ изъ рукъ въ руки самихъ учрежденій (епископій, церквей, монастырей), за которыми слѣдуютъ къ новымъ владѣльцамъ и ихъ имущества; однако эти послѣднія остаются все таки церковными т. е. не теряютъ своего первоначальнаго назначенія. Если одинъ продаетъ другому церковь съ ея имуществомъ, то, конечно, церковное имущество отчуждается, но оно остается церковнымъ и въ рукахъ слѣдующаго пріобрѣтателя. Замѣчаніе это имѣетъ особенную важность по отношенію къ правамъ государства на церковныя имущества. Такимъ образомъ въ Литовско-русскомъ государствѣ имущество церкви никогда бы не должно было выходить изъ ея рукъ. Само собою разумѣется, что при сильныхъ политическихъ переворотахъ, напр. татарщинѣ, когда истребляемы были не только церкви, но и все прежнее населеніе большихъ областей, церковныя земли, наравнѣ съ другими, представляли пустыню въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и затѣмъ могли потерять вполнѣ свое прежнее назначеніе, при новомъ заселеніи края новымъ народомъ. Возможно также, что и помимо такого общаго запустѣнія края, то или другое церковное учрежденіе могло прекратить свое существованіе и имущества его, оставшись безхозяйными, могли подлежать оккупаціи стороннихъ лицъ [1]). Но все это явленія фактическія, не нарушающія юридическаго принципа неотчуждаемости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для насъ было-бы достаточно рѣшить вопросъ: теряетъ-ли церковь право на недвижимое имущество *путемъ давности?* Къ сожалѣнію для рѣшенія его законодательные памятники почти не даютъ матеріала; бытовые же акты сообщаютъ кое-какія указанія, но неясныя и неопредѣленныя.

Дѣло въ высшей степени осложняется тѣмъ, что самый институтъ давности только еще складывался и не достигъ

---

[1]) Попытки незаконной оккупаціи церковныхъ имѣній, какъ безхозяйныхъ, частными лицами, совершаются постоянно, но повозможности отстраняются церковными властями (см. напр. Кіев. Центр. Арх. кн. 966, л. 109 и мн. др.).

определенности не только до изданія 1-го статута, но и долго спустя, хотя онъ имѣетъ спеціальное значеніе для территоріи южной Россіи, гдѣ при постоянныхъ нападеніяхъ со стороны степняковъ-татаръ прочность владѣній была очень невелика; каждый годъ могли нагрянуть грозныя толпы, обратить въ прахъ всѣ культурные признаки владѣнія и уничтожить, или разсѣять самихъ владѣльцевъ; затѣмъ на ихъ мѣсто могъ явиться новый предприниматель и возстановить разрушенное гнѣздо. Однако трудъ его подвергался-бы опасности стать напраснымъ, если отыщется прежній владѣлецъ и вступитъ вновь въ свои права, несмотря на усилія и время владѣнія своего замѣстителя. Между тѣмъ и до изданія статута и послѣ въ установленіи давности замѣчается неопредѣленность. Напр. до 1-го Статута именно въ 1498 г. вел. кн. рѣшилъ тяжбу между кн. Чорторыйскими племянникомъ и дядею о цѣлой половинѣ владѣнія. Отвѣтчикъ—дядя сослался на то, что о такомъ притязаніи не упоминалось при жизни брата; посредствомъ опроса пановъ радъ оказалось, что при королѣ Казимирѣ, дѣйствительно, такого „припоминанія" не было. Вел. кн. рѣшилъ въ пользу отвѣтчика на томъ основаніи, что „отецъ его (истца) о то ся его отцу не вспоминалъ, а то такъ ся вдавнило ажъ до тыхъ часовъ [1]). Сколько же именно прошло времени? Вел. кн. этимъ не интересуется. Со времени смерти короля Казимира и до 1498 г. прошло только 6 лѣтъ. Если же взять все время царствованія Казимира, то наоборотъ получится громадный срокъ—около 60 л. Очевидно суду достаточно было убѣдиться, что истецъ имѣлъ *достаточно* времени для предъявленія своихъ правъ—и только.

Обращаясь въ частности къ церковнымъ имуществамъ, находимъ, что и долго спустя послѣ Статута въ вопросѣ о давности царствуетъ такая-же неопредѣленность. Дѣло отчасти разъясняется однимъ изъ актовъ настоящаго тома, именно тяжбою 1560 г. предъ владыкою Луцкимъ о землѣ между

[1]) См. стр. 49—50.

протопопомъ Дмитровской Луцкой церкви Демьяномъ и священникомъ Полонскимъ Өедоромъ [1]). Спорный участокъ земли былъ данъ Дмитровской церкви по мѣновому акту между владыкою Луцкимъ Кирилломъ и кн. Өедоромъ Чорторыйскимъ, около 1525 г., т. е. за 35 лѣтъ до рѣшенія тяжбы. На судѣ истецъ—настоятель Дмитровской церкви объяснилъ, что спорный участокъ земли попалъ во владѣніе Полонскаго священника въ слѣдствіе того, что Дмитровская церковь долгое время („часъ немалый") лежала въ развалинахъ и пустовала; при ней не было священника и не отправлялась служба; тогда всѣ „доходы" и земли этой церкви были разобраны и выпрошены разными лицами; кто что хотѣлъ взять, то и бралъ; тогда попъ Полонскій забралъ въ свое владѣніе („подъ себе") и землю, о которой идетъ споръ. Затѣмъ, когда владыка Феодосій исправилъ церковь и далъ ее истцу со всѣми доходами и землями ея, то Полонскій священиикъ отказался „по упорству" возвратить землю по принадлежности. Истецъ тогда-же началъ судебный искъ, „не молчалъ", но въ его рукахъ не было тогда ни какихъ актовъ на эту землю. Потомъ, когда онъ владѣлъ церковію уже немалое время, то досталъ отъ „нѣкоторыхъ пріятелей своихъ" документъ (мѣновой актъ владыки Кирилла съ кн. Фед. Чорторыйскимъ), который теперь и представилъ на судъ. На судѣ отвѣтчикъ защищался исключительно давностію; а истецъ, кромѣ упомянутаго документа, ссылался на напоминальные королевскіе листы бывшимъ епископамъ Феодосію и Іосифу о томъ, что бы они оказали справедливость жалобщику. На судѣ, при окончательномъ рѣшеніи дѣла, владыка присудилъ землю истцу, не принявъ ссылки отвѣтчика на давность. При объясненіяхъ сторонъ опредѣлился взглядъ тогдашняго общества на институтъ давности. Именно истецъ находилъ ссылку отвѣтчика на одну давность, безъ представленія документовъ, неосновательною; онъ указываетъ, что въ источникѣ владѣнія отвѣтчика не было никакого

---

[1]) См. этого тома стр. 358—360.

права—ни пожалованія („наданья“), ни дозволенія чьего-либо, а только одинъ самовольный захватъ („своволное посегненіе“). Затѣмъ истецъ подчеркиваетъ, что онъ „не молчалъ“, а жаловался власти. Но ни одна изъ сторонъ, а равно и судъ ни разу не затронули вопроса, сколько времени владѣлъ землею отвѣтчикъ до и послѣ начала иска, хотя самъ истецъ признаетъ, что церковь Дмитровская лежала впустѣ много лѣтъ („часъ не малый“), такъ что до начала иска (и до вступленія истца во владѣніе церковію) могло пройти не малое время, именно больше 10 лѣтъ.—Такимъ образомъ условіями давности признаются: а) добросовѣстное пріобрѣтеніе (justus titulus) и б) безпрерывность; срокъ-же владѣнія остается неопредѣленнымъ. Такова, впрочемъ вообще сущность давности по древне-русскому праву, въ которомъ формальныя условія давности имѣли мало значенія. Напротивъ законъ устанавливалъ именно и только сроки давности, не обращая вниманія на прочія условія ея[1]). Въ представленномъ примѣрѣ дѣло осложняется тѣмъ, что тяжба идетъ между церковными учрежденіями, а не между церковію и сторонними лицами; а что въ этомъ есть большая разница, доказывается тѣмъ, что даже въ 1584 г. на съѣздѣ въ Волковыйскѣ духовныя власти обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій сочли нужнымъ прибавить къ своимъ постановленіямъ о церковныхъ имуществахъ, что давность исковъ между церковными и свѣтскими владѣльцами должна быть такая же, какъ между *государствомъ и шляхетствомъ* (при этомъ рѣчь идетъ о такихъ церковныхъ имѣніяхъ, которыя пожертвованы частными владѣльцами, а не такихъ которыя получены отъ государства). Значитъ общая давность статута въ этомъ случаѣ не примѣнялась.

Но имѣя въ виду рядъ фактовъ, въ которыхъ права церквей и монастырей возобновляются въ XVI в., по грамотамъ древней русской великокняжеской эпохи, не будучи осуществляемы со временъ татарщины (Выдубицкаго мона-

---

[1]) См. Стат. I, Разд. I, арт. 27; V, 12; VIII, 2; X, 1.

стыря на Звѣринецъ, Михайловскаго Златоверхаго монастыря и др.), мы рѣшаемся высказать предположеніе, что земская давность къ церковнымъ имуществамъ не примѣнялась въ отношеніи къ государству, которое не считало себя въ правѣ освоять запустѣвшія церковныя земли, какъ res nullius.

Впрочемъ и относительно частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи можетъ быть сомнѣніе.

О тяжбахъ между церковію и сторонними лицами по давности есть нѣсколько (сомнительныхъ) указаній. Напр. въ 1573 г. рѣшалось Луцкимъ трибуналомъ дѣло между владыкою Луцкимъ—Феодосіемъ и Любитовскими о захватѣ этими послѣдними части имѣнія владычества Владимірскаго—Воронъ. Дѣло рѣшено въ пользу владыки несомнѣнно по акту половины XV в.; по крайней мѣрѣ по этому акту возный, исполняя рѣшеніе трибунала, отводилъ границы имѣнія. Актъ этотъ есть судовый разъѣзжій листъ старосты Луцкаго Ивана Ходкевича и маршалка Волынскаго—Олизара Шиловича.

Въ 50 и 60 годахъ XVII в. происходилъ процессъ между духовнымъ (уніатскимъ) начальствомъ и евреями г. Берестья о правѣ владѣнія такъ называемымъ Козмо-Демьянскимъ плацомъ въ этомъ городѣ. Именно Владимірскій епископъ Янъ Михаилъ Потѣй предписалъ мѣстному (Берестейскому) протопопу стараться о построеніи вновь церкви, „гдѣ въ давніе годы была церковь Козмы и Демьяна и гдѣ находятся уже не малое время жидовскіе дома“. Епископъ, очевидно, не останавливается на мысли о минованіи давности и распоряжается, что бы жидамъ было приказано немедленно снести свои дома, а духовенству позаботиться приготовить тотчасъ матеріалъ для начала постройки церкви въ томъ же году. Когда, однако, возникъ споръ по этому дѣлу и пришлось дознаваться отъ старожиловъ, дѣйствительно-ли существовала церковь на этомъ плацу, то нѣсколько человѣкъ изъ шляхты засвидѣтельствовали, что слышали отъ Менделя жида лѣтъ сорокъ тому назадъ, что когда-то была церковь на этомъ мѣстѣ, т. е. сорокъ лѣтъ

назадъ уже былъ только слухъ о когда-то бывшей церкви. Единственный документъ, добытый по этому дѣлу, относился къ 1574 г., т. е. датированъ 82 года до начала процесса. 15 чел. шляхты свидѣтельствовали даже, что на данномъ плацу никогда не было церкви. Между тѣмъ процессъ производился, безъ всякой ссылки на давность со стороны отвѣтчика, и окончился въ 1671 году не на основаніи истеченія давности, а по отсутствію (якобы) документовъ о бытіи церкви; впрочемъ евреи обязались платить чиншъ съ спорной земли въ пользу епископа[1]).

Наконецъ приведемъ фактъ, относящійся къ XVI в., когда былъ прямо поставленъ вопросъ о примѣненіи давности къ церковнымъ имуществамъ. Въ 1582 г. рѣшалось дѣло по иску Полоцкаго архіепископа Феофана Богдана къ Полоцкому городничему Фронцу Бартошевичу Жуку о селѣ Путилковичахъ, принадлежавшемъ издавна къ владычеству Полоцкому. Отвѣтчикъ возражалъ, что онъ владѣетъ упомянутымъ селомъ по пожалованію короля Сигизмунда-Августа, который выдѣлилъ для него это село не изъ владычества Полоцкаго, а изъ староства Дисненскаго, что и подтверждается грамотою того-же короля къ старостѣ Дисненскому отъ 1567 г. и вводнымъ листомъ этого старосты, который ввелъ его во владѣніе на основаніи королевской грамоты. Затѣмъ тотъ-же король подтвердилъ ему то имущество на вѣчность, въ доказательство чего отвѣтчикъ представилъ грамоту короля, писанную на пергаментѣ. Послѣ того отвѣтчикъ владѣлъ селомъ Путилковцами *16 лѣтъ;* покойный Полоцкій владыка Варсонофій Валахъ все это время оставлялъ его въ покоѣ, очевидно признавая, что село это не принадлежитъ къ владычеству Полоцкому. Нынѣшній владыка заявляетъ притязаніе вообще на села Дисненскаго староства, между тѣмъ король за эти села далъ владыкамъ Полоцкимъ въ вознагражденіе монастырь въ Мстиславлѣ, съ котораго они получаютъ одного меду прѣснаго до 100 пудовъ, кромѣ

[1]) Ак. Вил. Ком. т. III, № 35 и др.; т. V, стр. VIII.

денегъ, хлѣба и другихъ доходовъ.—Повѣренный истца—Суликовскій, опираясь вообще на привилегію 1576 года, которою король огульно подтвердилъ всѣ права Полоцкой архіепископіи, въ слѣдствіе того, что отдѣльныя привилегіи и фундуши забраны Московскимъ правительствомъ при завоеваніи имъ Полоцка, въ частности относительно села Путилковичъ ссылался на свидѣтельство королевскихъ ревизоровъ отъ 1578 г., разслѣдовавшихъ объ имѣніяхъ владычества по показаніямъ мѣстныхъ жителей; изъ такого разслѣдованія оказалось, что село Путилковичи издавна принадлежало владычеству Полоцкому. Кромѣ того повѣренный приводилъ актъ такого-же разслѣдованія королевскихъ ревизоровъ 1580 г. Далѣе онъ выставилъ на видъ общія узаконенія, по которымъ король обязался не вступаться ничѣмъ въ имущества и наданья духовенству какъ римской, такъ и греческой вѣры и не уменьшать ихъ; въ силу этого, если бы король и предложилъ владыкѣ въ замѣнъ за село Путилковичи какой-то монастырь, то это бы не имѣло никакой силы, ибо имущества владычествъ и монастырей *никакой замѣнѣ подвергнуться не могутъ на основаніи закона.* „А что касается того, что отвѣтчикъ говоритъ, что бывшій владыка Полоцкій Варсонофій Валахъ не искалъ подъ нимъ того села и что такимъ образомъ истекла земская давность, то вольно было Варсонофію не искать, по пріятельству или по другой причинѣ; но *имѣнія церковныя не подлежатъ давности* („въ давность ити не могутъ“), ибо иначе духовное лицо могло бы такимъ образомъ пораздавать своимъ пріятелямъ всѣ церковныя имѣнія и затѣмъ зашла бы земская давность и всѣ церковныя наданья оказались бы отчужденными“. Дѣло это разсматривали по порученію короля члены Рады и дворные урядники вел. княж. Литовскаго, назначенные для того королемъ; они, выслушавши пренія сторонъ, рѣшили передать дѣло на усмотрѣніе короля (на реляцію); король приказалъ записать его въ свои книги; но король былъ занятъ другими дѣлами, а между тѣмъ сеймъ окончился и дѣло отложено до буду-

щаго сейма; намъ неизвѣстно, какъ оно закончилось [1]). Но достаточно и приведеннаго протокола, чтобы сдѣлать слѣд. выводы: во первыхъ если бы земская давность имѣла безусловное примѣненіе и къ церковнымъ имуществамъ, то повѣренный не могъ бы прямо и категорически отрицать ее; во вторыхъ судьи, имѣя предъ собою рядъ несомнѣнныхъ королевскихъ грамотъ въ пользу отвѣтчика, не уклонились бы отъ рѣшенія, если бы полагали, что земская давность простирается на церковныя имущества и самъ король не отложилъ бы дѣла подъ предлогомъ занятія другими дѣлами. Очевидно, вопросъ о примѣненіи давности къ церковнымъ имуществамъ во всякомъ случаѣ въ XVI в. былъ сомнителенъ для самыхъ высшихъ органовъ государства.

Къ этому примыкаетъ вопросъ, также относящійся къ принципу неотчуждаемости, именно вопросъ о правѣ государства *наслѣдовать вымороченныя церковныя имущества*, то есть освоять ихъ послѣ закрытія того или другого церковнаго учрежденія. По существу дѣла такого права не могло возникнуть для государства, ибо церковь предполагается стольже твердымъ учрежденіемъ, какъ и само государство; даже болѣе того, она по идеѣ есть учрежденіе вѣчное; а потому упраздненіе того или другого церковнаго учрежденія въ частности должно бы открыть наслѣдство для церкви, а не для государства. Въ церкви же всегда остаются ея центральные главные органы, къ которымъ и должно бы перейти имущество упраздненнаго учрежденія. Но у насъ есть факты, которые, повидимому, указываютъ на усвоеніе государству такихъ имуществъ. Въ г. Житомирѣ существовали въ концѣ XV в. двѣ католическихъ церкви: Божіей Матери и св. Николая; первая владѣла селомъ Иванковцами, вторая с. Поповцами. Когда обѣ эти церкви въ слѣдствіе нападенія татаръ запустѣли и были закрыты, то король Александръ пожаловалъ первое изъ этихъ селъ Гнѣвошу Воронѣ, а второе взято на королевскій замокъ [2]). Относительно учрежденій

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 135.
[2]) Źr. Dz XXII, 570.

православной церкви, мы не имѣемъ подобныхъ, опредѣленныхъ фактовъ; можно подумать, что въ данномъ случаѣ дѣло зависѣло отъ различія вѣроисповѣданій,—хотя католическая церковь, отличаясь большею независимостью отъ государства, должна бы въ этомъ случаѣ имѣть преимущество передъ православною; но надо имѣть въ виду, что католическая церковь въ Кіевщинѣ въ то время имѣла лишь номинальное значеніе; епископы не жившіе въ Кіевѣ, не могли быть фактическими владѣльцами имуществъ, особенно мелкихъ и разбросанныхъ въ краѣ, постоянно подвергавшихся опустошеніямъ; между тѣмъ государство должно было заботиться о заселеніи и защитѣ такихъ мѣстъ, отдавая земли служилымъ людямъ. Относительно православныхъ церквей можемъ привести одинъ фактъ, показывающій, повидимому, также на признаніе права государства наслѣдовать закрываемымъ церковнымъ учрежденіямъ: въ 1570 г. люстраторы Кіевскаго воеводства, говоря о необходимости построить въ Кіевѣ другой замокъ на новомъ мѣстѣ, добавляютъ, что матеріалъ для возведенія каменныхъ стѣнъ зáмка нашелся бы въ изобиліи тутъ же на мѣстѣ, на Старомъ Городѣ, именно въ развалинахъ многочисленныхъ церквей [1]). Такимъ образомъ, повидимому, не возникало сомнѣній о правѣ государства распорядиться имуществомъ упраздненныхъ церквей по своему усмотрѣнію. Но матеріалъ изъ церковныхъ стѣнъ есть имущество движимое; мы же говоримъ о владѣніи землею; притомъ неизвѣстно, какъ бы отнеслись къ такому проекту Кіевскіе митрополиты въ случаѣ попытки дѣйствительнаго его осуществленія. Другихъ фактовъ наслѣдованія государства церковнымъ учрежденіямъ мы не имѣемъ. Наоборотъ видимъ, что долго пустѣвшіе монастыри (Мих. Златоверхій, Межигорскій и др.) возобновлялись и безпрекословно получали прежнія владѣнія.

Изъ обстоятельствъ, ограничивающихъ начало неотчуждаемости, обращаетъ на себя вниманіе распоряженіе со сто-

[1]) Ар. юго-зап. Рос. ч. VIII, т. IV, № 1.

роны государственной власти церковнымъ имуществомъ въ случаѣ *непоступленія съ него государственныхъ налоговъ*. По общему порядку взысканія по обязательствамъ, при несостоятельности слѣдовала отдача имѣнія кредитору во временное владѣніе, впредь до полнаго погашенія долга доходами его. Но есть факты, указывающіе, какъ будто, на полный переходъ права собственности на часть церковнаго имѣнія къ государству. Вотъ одинъ такой актъ: въ 1585 г. староста Луцкій кн. Александръ Пронскій даетъ Луцкому „жиду“ Лазарю Насону арендный листъ слѣд. содержанія: „отдаю въ аренду жиду Луцкому Лазарю Насану имѣнія, отъ владычества Луцкаго *пріобрѣтенныя по суду* („od wladycztwa Luczkégo prawem przezyskane“) и *присужденныя декретомъ короля* за неуплату поборовъ, а именно: дворъ и село Полону (Połona), въ которой (находится) корчма, мыто, млинокъ и ставокъ, съ приселками, принадлежащими къ Полоной: Островкомъ и Голешовомъ, со всѣми подданными (крестьянами) и всѣми (съ нихъ) платами и доходами, не исключая ничего... все сполна, что только къ этимъ имѣніямъ принадлежитъ—съ гумномъ и пр., срокомъ отъ Луцкой ярмарки на три года, непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ, за 900 злотыхъ... До полнаго истеченія трехъ лѣтъ ни я самъ, ни черезъ другихъ вступаться и дѣлать какія либо препятствія (арендатору) не имѣю права. А по истеченіи трехъ лѣтъ онъ (арендаторъ) обязанъ возвратить все такъ, какъ теперь я ему отдаю“... [1]) На мысль о томъ, что означенныя здѣсь имѣнія Луцкой епископіи перешли въ собственность короны (и въ распоряженіе старосты) можетъ навести исковый (тяжебный) ходъ дѣла (между тѣмъ какъ взысканія налоговъ производились административно-безспорнымъ порядкомъ); при этомъ употреблены термины, которые неумѣстны при обыкновенныхъ взысканіяхъ (*имѣнія пріобрѣтены*—przezyskane—по суду, *присуждены* декретомъ короля“); при взысканіяхъ присуждалось не имѣніе, а лишь

[1]) Кіев. цент. арх. кн. 943, л. 102.

предоставлялось право кредитору войти во владѣніе тѣмъ или другимъ имѣніемъ и получить доходы впредь до погашенія долга. Но мы уже привели выше свѣдѣнія объ этомъ фактѣ (въ актѣ сдачи Луцкой епископіи 1585 г.), когда притязанія кн. Пронскаго тогдаже были отстранены вел. княземъ, по просьбѣ владыки. Случай, показывающій какъ осторожно надо дѣлать выводы изъ сомнительныхъ выраженій áктовъ.

Важнѣйшимъ ограниченіемъ принципа неотчуждаемости могла быть признана секуляризація, т. е. предполагаемое *право* государства на отобраніе церковныхъ имуществъ,— право, которое было выставлено сѣверно-русскимъ (Московскимъ) государствомъ уже съ XV в. (въ Новгородѣ) и съ самого начала XVI в. во всемъ государствѣ и затѣмъ безпрерывно заявлялось въ теченіе XVI и XVII в.в., а наконецъ практически осуществлено Петромъ I и II и Екатериной II. Напротивъ западно-русское государство, хотя и управляемое католическою властію, ни одного разу и ни въ какомъ даже частномъ случаѣ не предъявляло такихъ правъ, а наоборотъ всегда утверждало въ законахъ начало незыблимости права собственности церкви на земельныя имущества, ставя церковь въ первомъ ряду безусловно независимыхъ собственниковъ. Даже въ эпоху религіозныхъ смутъ, вызванныхъ Брестскою уніею, когда интересы католическаго правительства явно выступили противъ православной церкви, когда сверхъ того, дѣлалось неяснымъ, что и кто составляетъ восточную церковь при наличности двухъ іерархій уніатской и православной, правительство и тогда не рѣшилось воспользоваться смутою въ смыслѣ присвоенія себѣ имуществъ спорящихъ сторонъ, а предоставляло эти имущества той или другой церкви, смотря по обстоятельствамъ и тѣмъ или другимъ соображеніямъ. Скажемъ болѣе: въ то время, когда въ Русской Имперіи послѣдовала секуляризація церковныхъ имуществъ при Екатерины II и въ томъ числѣ были отобраны и земли западно-русскихъ монастырей въ областяхъ, уже присоединенныхъ къ Россіи,—даже тогда католическое

правительство Польско-Литовскаго государства не подняло руки на имущества православныхъ церквей и монастырей въ областяхъ, остававшихся подъ его властью. Но опять уже русское правительство при Имп. Николаѣ I указомъ 1841 г. порѣшило судьбу и этихъ имуществъ въ смыслѣ отнятія ихъ государствомъ. Такъ и закончилась многовѣковая исторія имуществъ западно-русской церкви, утверждаемыхъ за нею со временъ Владиміра св.

Намъ нѣтъ надобности входить въ разборъ основаній сѣверно-русской секуляризаціи. Но считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько попутныхъ замѣчаній по общему вопросу выражается-ли въ фактахъ секуляризаціи *право государства* спеціально въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ? Если такъ, то особенное свойство этихъ имуществъ, именно неотчуждаемость ихъ, закрѣпленная за ними еще древнимъ византійскимъ правомъ, получило бы ироническій смыслъ; оно означало бы невозможность для владѣльцевъ имуществъ распорядиться ими, но зато полную возможность и право стороннихъ лицъ (государства) располагать ими по произволу. Вмѣсто безусловной твердости правъ церкви получилась бы полная непрочность и условность ихъ, чѣмъ права церкви отличались бы отъ правъ всѣхъ другихъ физическихъ и юридическихъ лицъ.

Въ русской историко-юридической литературѣ не разъ можно встрѣтить попытки формулировать сѣверно-русскую секуляризацію, какъ *право* государства. Однимъ изъ основаній для такого вывода принимаются, во перв., способы пріобрѣтенія церковію имущества путемъ главнымъ образомъ пожалованія отъ государства и, во вторыхъ, цѣли пожалованія (имущества давались для исполненія церковію государственныхъ функцій); наконецъ важнѣйшимъ основаніемъ для вывода о правѣ государства, можетъ послужить тотъ типъ отношеній государства къ церкви, который именовался у новыхъ народовъ jus patronatûs и „правомъ поданья". Что касается до перваго, то мы уже видѣли, что оно фактически невѣрно; правда, главныя земельныя имущества церкви по-

лучались ею чрезъ пожалованіе, но громадная масса мелкихъ земель несомнѣнно составлялась изъ частныхъ дарственныхъ и завѣщательныхъ актовъ. А эта масса въ совокупности значительно превышала количество крупныхъ имуществъ. Съ этимъ падаетъ и второе основаніе, касающееся цѣлей пожалованія: пожертвованія частныхъ лицъ, конечно, не имѣли въ виду какихъ либо государственныхъ благоустройственныхъ цѣлей и обязанностей церкви и не обусловливались исполненіемъ ихъ. Подобно этому и правители государства при своихъ пожалованіяхъ не ставили условій церкви, а напротивъ торжественными клятвами утверждали вѣчную неотъемлемость отъ церкви жалуемыхъ имуществъ за себя и всѣхъ своихъ преемниковъ. И въ самыхъ пожалованіяхъ они отнюдь не раздѣляли личныхъ цѣлей (спасенія души своей и своихъ потомковъ) отъ цѣлей государственныхъ.

Оба указанныя основанія секуляризаціи имѣлись въ виду и высказывались приверженцами ея съ самаго начала, т. е. еще съ нач. XVI в., но ихъ можно принять, какъ оправдательные мотивы, какъ извиняющія обстоятельства для намѣреній государства, а отнюдь не какъ *право* его.

Гораздо важнѣе третье изъ указанныхъ обстоятельствъ, имѣющее особое значеніе для западно-русской церкви, т. е. право „подаванья“. Въ немъ, какъ увидимъ, всего болѣе выражается отношеніе государства къ церкви у новыхъ народовъ. Оно можетъ подать поводъ заключить, что государству принадлежали особыя полномочія по отношенію къ имуществамъ церкви.—Но къ изложенію вопроса о правѣ подаванья церковныхъ учрежденій и ихъ имуществъ мы вскорѣ перейдемъ; а теперь пока поставимъ одинъ вопросъ: имѣютъ-ли право „подавцы“, именно лица, которыя записали церкви имущества, возвратить ихъ назадъ подъ свою власть (хотя-бы и съ цѣлью передать ихъ другому церковному же учрежденію)? Повидимому, такого вопроса и ставить нельзя, ибо запись церкви имущества есть актъ вѣчнаго отчужденія. Конечно, дареніе можетъ быть условнымъ; при ненаступленіи или изчезновеніи постановленныхъ условій, даръ можетъ

быть возвращенъ дарителю, или его преемникамъ. Но мы говоримъ о пожертвованіяхъ безусловныхъ, каковыми и были всегда даренія и пожалованія въ пользу церкви. Между тѣмъ послѣ Люблинской уніи, вопросъ о правѣ патроновъ возвращать имѣнія изъ рукъ того или другаго церковнаго учрежденія, былъ не только поставленъ, но, повидимому, и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Мы говоримъ такъ на основаніи акта 1579 г. слѣд. содержанія. Два села изъ Быховскаго имѣнія Ходкевичей, именно Хомичи и Озеряне, были издавна предками Ходкевичей записаны Кіево-Печерскому монастырю, во владѣніи котораго и оставались до уніи 1569 года; послѣ же этой уніи и присоединенія Кіева къ Польшѣ, глава рода Ходкевичей Янъ Еронимовичъ, каштелянъ Виленскій, отобралъ у Печерскаго монастыря названныя села, по примѣру другихъ князей и пановъ Литовскаго вел. княжества, не желая оставлять ихъ въ границахъ другого государства и намѣреваясь отдать эти имѣнія другимъ церквамъ Божіимъ, находящимся въ в. княж. Литовскомъ. Но архим. Мелетій Хребтовичъ, будучи родственникомъ Ходкевичей, упросилъ владѣльца возвратить Печер. монастырю упомянутыя два села; при этомъ Янъ Ходкевичъ даетъ новую грамоту на нихъ Печер. монастырю, какъ бы совершая новое „наданье“. Возвратъ имѣній онъ мотивировалъ не правомъ монастыря, а именно просьбою своего родственника архимандрита. Для большей гарантіи правъ монастыря на будущее время Ходкевичъ прописываетъ въ своей грамотѣ, что въ случаѣ, если-бы онъ, или его преемники вздумали опять отнимать эти имѣнія у Печер. монастыря, то король можетъ своею властью отобрать ихъ и отдать назадъ монастырю. Зачѣмъ сдѣлано это, повидимому, ненужная прибавка? Право собственности могло быть возстановлено всякимъ обыкновеннымъ судомъ и къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, т. е. къ помощи королевской власти, прибѣгать было не зачѣмъ. Но именно эта оговорка и проливаетъ свѣтъ на надлежащее рѣшеніе вопроса о правѣ патроновъ отнимать назадъ церковныя имущества. Нѣтъ сомнѣнія, что при обык-

новенномъ теченіи государственной жизни такого права предполагать нельзя; патронъ навѣки отчуждалъ право собственности на пожертвованныя имъ имущества. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ исключительнымъ обстоятельствомъ, именно съ переходомъ церковнаго учрежденія въ другое государство. Само собою понятно, что этимъ разрушалось право патрона надзирать за судьбою имущества, пожертвованнаго имъ, какъ и вообще за судьбою самого учрежденія, получившаго даръ. А такое право существенно входило въ понятіе права поданья. Поэтому-то и прибавка о возстановленіи правъ монастыря властію короля, совсѣмъ не лишняя: суды другого сторонняго государства могли руководиться иными законами; общею властью между двумя государствами была только королевская, къ гарантіи которой и обращаются теперь. Нельзя упускать изъ виду, и того, что патронъ, отбирая имущество отъ Печерскаго монастыря, намѣревается передать эти имѣнія другимъ церквамъ Божіимъ, находящимся въ Литовскомъ государствѣ. Такимъ образомъ и этотъ исключительный случай не означаетъ права отнятія имущества отъ церкви. Такимъ образомъ изъ патронатства (какъ частнаго, такъ и государственнаго) не возникаетъ право обратнаго отобранія имуществъ, пожертвованныхъ церкви [1]).

Что касается до условнаго дара въ собственномъ смыслѣ, то сущность его отчасти уясняется тѣмъ же актомъ 1579 г. Въ новой грамотѣ, данной Печерскому монастырю Яномъ Ер. Ходкевичемъ, между прочимъ написано: Печерскій монастырь „тѣ села Хомичи и Озеряне будетъ держати и уживати... вѣчными часы, *доколѣ тотъ монастырь Печерскій* и тая церковь Божая въ своемъ порядку старовѣчномъ и *въ хвалѣ Божой закону греческаго* съ богомольствомъ *стояти и тривати* будетъ“ [2]). Само собою ясно, что такое условіе совершенно необходимо при дареніяхъ въ пользу церкви: даритель записываетъ имущество той церкви, которую признаетъ единою спасительною, ибо даритъ для спасенія своей души и душъ

[1]) Въ своемъ мѣстѣ коснемся этого вопроса съ бо́льшими подробностями.

[2]) Ак. з. Р. III, 117.

своихъ предковъ и потомковъ. Если церковь переходитъ въ другое вѣроисповѣданіе, то вся цѣль дара изчезаетъ, или, точнѣе, даръ переходитъ къ цѣли обратной, иначе сказать— изчезаетъ самое одаряемое лицо. Другихъ условій при пожалованіяхъ въ пользу церкви не ставили.

До какой степени указанное условіе было важно для судьбы православной церкви, это оказалось въ концѣ XVI и нач. XVII в., когда великіе князья, вступивъ на путь католической пропаганды, начали преднамѣренно игнорировать его. Въ 1583 г. король Стефанъ Баторій передалъ Полоцкому іезуитскому коллегіуму всѣ имѣнія всѣхъ Полоцкихъ монастырей и церквей, какъ въ замкѣ, такъ и въ городѣ. Такое вопіющее нарушеніе правъ церкви православной король прикрываетъ слѣд. благовидными предлогами: „эти церковныя имѣнія (говоритъ король) даны предками нашими великими князьями Литовскими и Полоцкими, а также другими добрыми и богобоязненными людьми для хвалы Божіей и для службы его святой; однако они обращены въ пользованіе свѣтскихъ лицъ; такъ бывшій Смоленскій каштелянъ Юрій Зеновьевичъ владѣлъ до конца жизни своей тремя селами (монастырскими); послѣ его смерти эти села, вмѣстѣ съ староствомъ Дисненскимъ, возвратились (пришли) въ наши руки. Теперь эти села мы надали и фундували *на костелъ Божій* и на коллегіумъ Полоцкій, въ пользованіе ректора“ [1]). Так. обр. король, какъ будто, не нарушаетъ принципа неотчуждаемости церковныхъ имуществъ, обращая ихъ отъ православныхъ церковныхъ учрежденій къ католическимъ, лишь бы они шли „на хвалу Божію“. Даже болѣе: онъ возвращаетъ ихъ церкви, извлекая изъ рукъ свѣтскихъ лицъ, во власть которыхъ они попали, но попали именно по злоупотребленію властію вел. князей, которые стали жаловать церковныя имущества свѣтскимъ лицамъ (особенно при Сигизмундѣ-Августѣ). Итакъ одно злоупотребленіе здѣсь прикрыто другимъ, составляя прямое нарушеніе принципа неотчуждаемости.

---

[1]) Ак. з. Р. III, № 137.

ГЛАВА II.

Право поданья.

Центральный и важнѣйшій пунктъ исторіи западно-русскихъ церковныхъ учрежденій и ихъ имуществъ есть такъ называемое право подаванья или поданья. Но до какой степени смутно представленіе объ этомъ предметѣ въ нашей литературѣ, показываетъ примѣръ спеціальнаго труда проф. Чистовича („Очеркъ исторіи западно-русской церкви") [1]); Онъ говоритъ: „по своему происхожденію и первоначальному характеру, патронатъ былъ дѣломъ усердія благочестивыхъ ревнителей церкви, которые, строя на своей землѣ церкви и монастыри, снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ содержанія и благолѣпія, заботясь объ обезпеченіи своихъ церквей священниками и монастырей настоятелями и въ то-же время получали право высшаго управленія въ патронатскихъ церквахъ и монастыряхъ, какъ по имущественнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ суда". И такъ патронатъ есть *ктиторство*, въ византійскомъ смыслѣ. Однако дальше оказывается не то: „*Юридическимъ* основаніемъ (продолжаетъ тотъ-же историкъ) патронатскаго права было общее феодальное право (?) владѣльцевъ располагать и распоряжаться имѣніями и состоящими въ нихъ учрежденіями". И такъ патронатъ не есть ктиторство, а владѣльческое право, истекающее изъ прерогативъ *землевладѣнія;* въ каждомъ владѣніи былъ готовый патронъ въ лицѣ пана, и отнюдь не ктиторъ.—Но авторъ продолжаетъ: „границами этого права (феодальнаго) было

[1]) Ч. I, стр. 196 и сл.

съ одной стороны *общее государственное право* (курсивъ подлинника), которому было подчинено мѣстное (?) и частное владѣльческое (напр. король не могъ раздавать недвижимыхъ имѣній иностранцамъ и нешляхтичамъ; всѣ другіе ктиторы могли подавать свои имѣнія и бывшія въ нихъ учрежденія и должности, только съ утвержденія короля); съ другой *общее церковное право*, которое сохранило свою силу и при правѣ патронатскомъ". И такъ патронатъ не есть ни ктиторство, ни владѣльческое право, а право государственное.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ пишетъ: „Право патронатства церквей и монастырей пріобрѣталось ктиторствомъ, т. е. созданіемъ церквей и монастырей и снабженіемъ ихъ имѣніями; но затѣмъ, сохранялось въ томъ-же родѣ, или переходя въ другіе роды, оно получало видъ владѣнія, которымъ патроны располагали *по своему произволу*" (стр. 198). Причемъ-же тутъ „право государства" и „общее церковное право?" И кто могъ быть ктиторомъ (учредителемъ) такихъ учрежденій, какъ Кіевская митрополія, епископскія каѳедры, Печерскій монастырь? и т. п. Правда, авторъ говоритъ (стр. 197): „Предметомъ подаванія были церкви, владѣвшія имѣніями и монастыри; *но впослѣдствіи времени* такими-же статьями подаванья *сдѣлались даже епископскія каѳедры*". Но это „впослѣдствіи" совсѣмъ не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, епископіи были предметомъ подаванія для великаго князя съ древнѣйшихъ временъ.

Термины, которыми обозначается связь имущественныхъ и другихъ правъ церкви съ правами государства, общинъ и частныхъ лицъ, различны и нерѣдко (по ошибкѣ) смѣшиваются. Въ византійскомъ правѣ это называется *ктиторствомъ*. Въ средне-вѣковомъ юридическомъ языкѣ общая сущность тѣхъ-же отношеній именовалась *jus patronatûs*, а въ западной русскомъ языкѣ *„правомъ подаванья, или поданья"*. Между этими терминами и понятіями, которыя они выражаютъ есть однако различія, которыя постараемся опредѣлить, имѣя, конечно главнымъ образомъ въ виду отличительныя черты

„права поданья“ какъ оно выразилось въ западно-русскихъ актахъ (законы молчатъ о немъ).—Прежде всего для уясненія права подаванья необходимо рѣшить, насколько оно согласно съ постановленіями восточной православной церкви, или, что тоже, сличить это право съ византійскимъ ктиторствомъ. Только при такомъ сличеніи мы будемъ въ состояніи придти къ надлежащему рѣшенію вопросовъ о происхожденіи и свойствахъ права поданья.

По началамъ права восточной православной церкви главнымъ и почти единственнымъ источникомъ зависимости церковныхъ имуществъ отъ стороннихъ лицъ (физическихъ и юридическихъ) есть *ктиторство*, т. е. основаніе и обезпеченіе того или другого церковнаго учрежденія. Это—источникъ очевидно *частно-правный*. Нѣкоторые юристы опредѣляютъ право ктиторства, какъ право вещное въ рукахъ частныхъ лицъ: „такъ какъ это право (говоритъ Чишманъ) проистекаетъ изъ права собственности и не отдѣлимо отъ обладанія церковнымъ учрежденіемъ и его имуществомъ, то оно всегда можетъ быть только вещнымъ“ [1]). Признавая относительную справедливость этого взгляда, мы должны, прибавить, что и съ точки зрѣнія права восточной церкви, ктиторское право соединено съ обязанностями („gegen Erfüllung bestimmter Verpflichtungen“ [2]), а потому должно составлять право sui generis среди прочихъ вещныхъ правъ и отнюдь не есть право собственности. Въ силу этого ктиторское право примѣняется только къ церквамъ, предназначеннымъ для общественнаго богослуженія, но не къ домовымъ храмамъ, на которые простирается дѣйствительно простое право собственности [3]). Во всякомъ случаѣ ктиторство не опредѣляется началами государственнаго права. Существенною чер-

---

[1]) *Dr. Jos. v. Zhisman:* „Das Stifterrecht (τὸ κτητορικὸν δικαίον) in der Morgenländischer Kirche“. Wien. 1888. S. 11.

[2]) Ibid.

[3]) Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ трудно однако различать эти категоріи въ быту и правѣ новыхъ народовъ (въ частности русскаго) при существованіи владѣльческихъ правъ господина земли надъ населеніемъ.

тою ктиторства является то, что обязанности, соединенныя съ ктиторскимъ правомъ суть обязанности *церковнаго характера;* власть наблюдающая надъ исполненіемъ ихъ церковная (а не государственная).

Двумя главными указанными положеніями, т. е. частнымъ источникомъ его и принадлежностью исключительно церковному праву, опредѣляются всѣ стороны ктиторскаго права: 1, правящій государь можетъ быть ктиторомъ только тѣхъ церквей, которыя именно основаны имъ или его предками и вообще спеціально подчинены вѣдѣнію государя. 2, ктиторомъ можетъ быть только лицо православнаго вѣроисповѣданія; даже въ составѣ юридическихъ лицъ—ктиторовъ церкви всѣ физическія лица должны быть православныя. 3, главный (и въ сущности единственный) способъ пріобрѣтенія ктиторства есть основаніе или возстановленіе церкви или какого-либо церковнаго учрежденія (основаніе должно быть признано церковною властію послѣ надлежащаго удостовѣренія относительно цѣли и средствъ, даруемыхъ учредителемъ). Относительно другого способа (второстепеннаго), именно пріобрѣтенія чрезъ привилегіи (пожалованія) слѣдуетъ замѣтить, что пожалованіе исходило отъ церковныхъ властей, именно патріарха, митрополитовъ и епископовъ (главнымъ образомъ патріарха Константинопольскаго). Въ весьма немногихъ исключительныхъ случаяхъ привилегія для такъ называемыхъ „харистикаріевъ" могла исходить отъ императора, но не какъ главы государства, а какъ представителя церкви и притомъ привилегіи этого рода ограничивались установленіемъ ктиторства надъ отдѣльными монастырями, или церквами [1]). 4, что касается до правъ и обязанностей ктитора, то они опредѣляются понятіемъ ктиторства и основнымъ источникомъ его пріобрѣтенія. Ктитору принадлежатъ права и обязанности церковнаго благоустройства: право представленія епископу для назначенія и посвя-

---

[1]) См. только *три* примѣра, подобранныхъ Чишманомъ, стр. 43, примѣчаніе 1.

щенія лицъ на службу церкви, т. е. священнослужителей и монастырскихъ властей, и принятія новыхъ лицъ въ монастыри, право дисциплинарнаго суда надъ монашествующими (вмѣстѣ съ настоятелемъ), право изданія новаго устава для монастыря. 5, Но для нашей цѣли гораздо важнѣе опредѣлить, какъ комбинировались права на церковныя имущества между церковною властію и ктиторами. Самый актъ пожертвованія имущества церкви ктиторомъ совершается посредствомъ грамоты, въ которой основатель заявляетъ, что онъ посвящаетъ Богу такое-то имущество, подъ угрозою небесныхъ и земныхъ каръ за нарушеніе. Актъ отреченія отъ правъ на имущество хранителя въ архивахъ или патріархата и епископіи, или монастыря; иногда такая грамота сопровождается утвердительною грамотою церковной или свѣтской власти. Этимъ совершается полное отчужденіе права собственности на жертвуемое имущество со стороны прежняго собственника, т. е. ктитора. Такимъ образомъ совершенно опредѣленно субъектъ правъ переносится на церковь и самое имущество получаетъ иной характеръ, именно исключается изъ гражданскаго оборота и становится неотчуждаемымъ. Однако и за ктиторомъ (жертвователемъ) удерживаются нѣкоторыя права [1]). Отношенія правъ ктитора и церкви на такія имущества стараются уяснить слѣдующими аналогическими терминами: ктиторъ является опекуномъ, а церковная власть становится domini loco [2]). Въ церковныхъ актахъ роль ктитора опредѣляется иногда терминомъ οἰκονόμος. Мѣстный епископъ контролируетъ дѣйствія ктитора, утверждаетъ переходъ права ктиторства къ другимъ лицамъ, разсматриваетъ отчеты, которые ктиторъ обязанъ представлять ему; епископъ можетъ

---

[1]) Чишманъ (стр. 35) говоритъ, что за ктиторомъ остается право *собственности* (das Eigenthum) на учрежденіе и его имущество (?); но почему-же? Только потому, что „епископъ не можетъ ни отнять у него это имущество, ни обратить его къ другой церковной цѣли“. Но и ктиторъ не имѣетъ никакихъ правъ распоряжаться церковными имуществами, а только право управленія и то подъ надзоромъ епископа.

[2]) Ibid.

даже, въ случаѣ злоупотребленій или неспособности ктитора, отнять у него право на ктиторство и передать другому[1]. Словомъ если уже говорить о правѣ собственности на церковныя имущества, то собственникомъ (въ точномъ смыслѣ) является мѣстная церковная власть (епископъ).

Какъ участвуетъ въ этомъ правѣ отдѣльное (одаряемое) учрежденіе (церковь, монастырь), является-ли и оно носителемъ какой-либо части правъ, каноны восточной церкви не уясняютъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. при отчужденіи монастырскихъ имуществъ) представители учрежденія призываются къ участію въ дѣлѣ.

Вотъ существенныя черты ктиторства; оно есть исключительно явленіе церковнаго права, лишь отчасти соприкасающееся съ правомъ гражданскимъ и не имѣющее никакого отношенія къ государственному праву, что̀ (какъ увидимъ) несомнѣнно и въ высшей степени присутствуетъ въ правѣ поданія.

Такъ стояло дѣло въ древне-византійскомъ церковномъ правѣ. Не такъ устраивалось оно у новыхъ европейскихъ народовъ по принятіи ими христіанства. Византійское право, опиравшееся на начала древне-римскаго права, твердо и ясно признавало независимость частныхъ отношеній отъ государства. Новые народы Европы внесли въ область правовыхъ отношеній свой взглядъ, свойственный всѣмъ примитивнымъ обществамъ (въ томъ числѣ и римскому въ древнѣйшія времена), именно начало подчиненія правъ частныхъ лицъ и корпорацій государству. Нужно было пройти многимъ вѣкамъ непрерывныхъ усилій цивилизаціи, что-бы достигнуть нынѣшняго признанія за частными лицами и учрежденіями такого-же полноправія въ своей сферѣ, какимъ обладаетъ и государство. Но въ началѣ т. н. среднихъ вѣковъ, у новоевропейскихъ народовъ вообще, т. е. какъ германцевъ, такъ и славянъ, была сильнѣйшая тенденція подчинить частныя имущественныя права, въ томъ числѣ и церковныя, вліянію государства.

---

[1]) Ibid, стр. 40—41.

Однако вскорѣ обнаружилась великая разница въ этомъ отношеніи между западною и восточною Европою, что̀ и приготовило разрывъ между католическою и православною церковію. Римская церковь, достигнувъ экстерриторіальности (чрезъ утвержденіе свѣтской власти папъ), заставила какъ мѣстныя государства, такъ и имперію уважать свои права и даже преклоняться предъ ними. А потому исторія древняго ктиторства получила здѣсь совершенно иной ходъ, чѣмъ у восточныхъ славянскихъ народовъ. Сначала и здѣсь церковныя власти и учрежденія получали отъ государства какъ должности, такъ и имущества въ видѣ лена; не основатели церквей и монастырей и не самая церковь были правомочными ктиторами, а государство. Но со времени знаменитой борьбы папства и имперіи, именно главнымъ образомъ за инвеституру, дѣло совершенно измѣнилось: между церковію и государствомъ въ половинѣ XII в. установились отношенія на основаніи т. н. *jus patronatûs*, т. е. покровительства церкви со стороны государства и феодальныхъ владѣльцевъ безъ всякихъ правъ послѣднихъ надъ первою. Jus patronatûs, по мнѣнію канонистовъ не имѣетъ ничего общаго съ ктиторствомъ [1]). Государство и патроны обязаны защищать права церкви и только. Разумѣется, эта защита иногда подавала поводъ къ нѣкоторому вмѣшательству государства и феодаловъ въ церковныя отношенія и между прочимъ—имущественныя, но далеко не въ такой степени, какъ въ восточномъ славянскомъ мірѣ.

Православная церковь у новыхъ народовъ вездѣ явилась церковію національною; ея предѣлы и судьбы всегда сообразовались съ предѣлами и судьбою даннаго государства. Идея „вселенской“ власти нечуждая Константинополю такъ же, какъ и Риму, не привилась, однако, къ новымъ народамъ, населяющимъ востокъ Европы, въ томъ числѣ и славянамъ. Въ каждомъ государствѣ церковь стремилась къ автокефальности и достигала ея. Зато, въ замѣнъ зависимо-

---

[1]) Чишманъ, l. c.

сти отъ вселенскаго центра церкви, каждая мѣстная церковь вступала въ зависимость отъ своего государства и мѣстнаго общества. Въ Московскомъ государствѣ по тѣмъ-же причинамъ являются наиболѣе суровыя послѣдствія (строгой опеки государства надъ церковію и ея имуществами, а затѣмъ попытокъ секуляязаціи ихъ). Зависимость церковныхъ имуществъ отъ власти государства въ Москвѣ не имѣетъ никакого отношенія къ ктиторскому (византійскому) праву; она истекаетъ не изъ частныхъ отношеній ктитора къ имуществу, пожертвованному имъ, а изъ государственныхъ началъ, т. е. изъ первобытнаго вмѣшательства государства въ отношенія къ правамъ землевладѣнія лицъ вообще и юридическихъ въ особенности. Этимъ объясняется та особенность Московскаго права, по которой, ктиторство въ византійскомъ смыслѣ здѣсь *вовсе не существуетъ*, нѣтъ никакихъ указаній, что-бы церкви и монастыри имѣли надъ собою какихъ-либо попечителей и правителей изъ лицъ свѣтскихъ. Основатели учрежденій—частныя лица совсѣмъ не имѣли тѣхъ преимуществъ, какія были усвоены византійскимъ правомъ: нѣтъ никакихъ указаній, что-бы они надзирали за употребленіемъ имущества, пожертвованнаго ими, или пожалованнаго имъ, что-бы они участвовали въ выборѣ лицъ, управляющихъ этими имуществами, чтобы они издавали уставы для такихъ учрежденій и т. д.

Иныя отношенія установились въ западно-русской церкви, подъ именемъ *права подаванья,* оно совмѣстило въ себѣ черты византійскаго ктиторскаго права со свойствами права ново-европейскихъ народовъ и въ томъ числѣ западнаго jus patronatûs. Согласно съ византійскимъ ктиторствомъ здѣсь строятся нѣкоторыя отношенія частнаго патрона („подавцы“) къ церковному учрежденію и его имуществу; по ново-европейскому праву образуются отношенія церковныхъ учрежденій къ государству (верховной власти и подчиненнымъ органамъ, въ особенности относительно основныхъ источниковъ *права* поданья).

Черты права поданья могутъ быть изложены преимущественно по показаніямъ частныхъ актовъ и вообще фактическихъ матеріаловъ, ибо въ общемъ законѣ объ этомъ институтѣ не находимъ почти ничего. Лишь въ отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ можно найти и собрать нѣкоторыя, хотя и скудныя и неясныя черты.

Таковыми актами были: грамота в. кн. Александра 1499 г., данная по ходатайству митр. Іосифа, постановленіе Виленскаго православнаго собора 1509 г., бывшаго подъ предсѣдательствомъ м. Іосифа Солтана; грамота кор. Сигизмунда I, 1511 года, подтверждающая постановленія упомянутаго собора; законъ 1568 г. объ обязанности для свѣтскихъ лицъ, получившихъ епископію, или настоятельство, принимать духовный санъ; законъ статута 1588, Разд. I арт. 20 о процессуальныхъ особенностяхъ дѣлъ по церковнымъ имуществамъ и объ участіи въ нихъ патроновъ; законъ 1607 г. о лицахъ, которымъ король можетъ дать высшія духовныя должности, и нѣкоторыя другія.

Не ограничиваясь этимъ скуднымъ законодательнымъ матеріаломъ, мы попытаемся (какъ сказано) изложить природу права поданья на основаніи актуальнаго матеріала, конечно главнымъ образомъ относящагося къ юго-западной Россіи (хотя во многихъ случаяхъ намъ придется прибѣгать къ явленіямъ сѣверо-западнаго края Литовскаго государства, при отсутствіи прямыхъ данныхъ для юго-запада). При этомъ имѣемъ въ виду два главныхъ вопроса: 1, объ источникахъ права поданья и 2, о правахъ подавцы (патрона) по отношенію къ церковному учрежденію, находящемуся подъ его властію.

Источники и субъекты права поданья. Отчасти изъ упомянутыхъ законодательныхъ актовъ, отчасти при помощи бытовыхъ матеріаловъ можемъ представить слѣдующіе выводы объ источникахъ этого права.

Право поданья принадлежитъ въ первоначальномъ источникѣ своемъ *государственной власти,* именно прежде всего и болѣе всего *правящему монарху* (ибо отвлеченное понятіе го-

сударственной власти, тогда было еще неясно), но затѣмъ и другимъ органамъ государства, дѣйствующимъ какъ по волѣ вел. князя, такъ и самостоятельно.

Отсюда происходитъ то явленіе, очень важное для Литовскаго государства, что главнымъ источникомъ поданія церковныхъ имуществъ православной церкви, вопреки кононическимъ постановленіямъ о ктиторствѣ византійскаго права, былъ король *(великій князь)—католикъ*, между тѣмъ какъ мы увидимъ, что съ этимъ правомъ соединялись функціи, весьма близкія къ церковно-религіознымъ вопросамъ (право назначенія или утвержденія церковныхъ властей, право изданія уставовъ и заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ церковной жизни). Впрочемъ, въ противоположность Московскому, Литовское государство не было теократическимъ и не принимало на себя задачъ непосредственно религіозныхъ (вѣроисповѣдныхъ). Извѣстныя мѣры кор. Ягайла и политика Сигизмунда Кейстутьевича, составляющія исключенія изъ этого, отразились только на Литвѣ въ собств. смыслѣ (гл. обр. Жмуди). Жалобы на притѣсненія вѣры, которыя слышались иногда при Казимирѣ и Александрѣ, вызывались скорѣе политикою, чѣмъ религіею. Во всякомъ случаѣ на юго-западной половинѣ государства, ни въ XV, ни въ XVI в. мѣры окатоличенія не отразились ни въ чемъ. Лишь послѣ Люблинской уніи, когда кромѣ общаго для Польши и Литвы короля-католика, установлены и всѣ прочіе органы высшаго управленія также общіе (съ преобладаніемъ въ нихъ польскихъ-католическихъ элементовъ), каковы сенатъ, сеймъ и трибуналъ, началось вмѣшательство свѣтской власти въ чисто религіозныя дѣла православнаго населенія (Брестская унія). До того-же времени право велико-княжескаго подаванья ограничивалось имущественными интересами, т. е. вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церковныя исходило главнымъ образомъ изъ права надзора и распоряженія церковными имуществами. Такимъ образомъ до полной уніи западной Руси съ Польшею, вмѣшательство вел. князей-католиковъ въ дѣла православной церкви, не отражаясь на религіозныхъ

вопросахъ (вѣроисповѣдныхъ), оказывалось вреднымъ лишь по отношенію къ внѣшнему церковному устройству, какъ увидимъ ниже при изложеніи отдѣльныхъ проявленій великокняжескаго права поданья.

Происхожденіе этого права, несомнѣнно, относится не къ католическимъ преданіямъ, а древне-русскимъ.

И въ древней Руси князья, признавая своимъ правомъ и долгомъ снабжать церкви имуществами, заботились объ охранѣ этихъ имуществъ отъ стороннихъ посягательствъ [1]). Таже задача перешла и къ в. к. Литовскимъ, изъ которыхъ

[1]) Существенныя черты права подаванья (какъ увидимъ ниже) состоятъ: въ правѣ патрона давать уставы церковнымъ учрежденіямъ, т. е. опредѣлять ихъ составъ и компетенцію, въ правѣ назначать (рекомендовать) для посвященія представителей учрежденія (епископовъ, игуменовъ, священниковъ), въ правѣ надзирать за цѣлостью и употребленіемъ имуществъ церкви. Всѣ эти черты права поданья наблюдаются, и притомъ съ особенною рельефностью, въ древней (вѣчевой) Руси: церковные уставы, изданные древними князьями и дошедшіе до насъ изъ той эпохи, въ основѣ своей несомнѣнно относятся къ ней; въ нихъ затрогиваются вопросы церковнаго управленія и суда. Что касается до назначенія церковныхъ властей и настоятелей, то извѣстны выраженія первоначальной лѣтописи, что Владиміръ св., создавъ церковь Пресв. Богородицы, „поручи ю Настасу Корсунянину", что Ярославъ „церкви ставилъ по городамъ и по мѣстамъ, поставляя попы", что онъ „поставилъ Ларіона митрополитомъ-русина, собравъ епископы", что Изяславъ Мстиславичъ „постави митр. Клима,.. особь съ 6 епископы". Извѣстно также сверженіе Феодора еп. Суздальскаго Андреемъ Боголюбскимъ, а еп. Черниговскаго Антонія-княземъ Святославомъ. Государственная власть въ земскій періодъ принадлежала не одному князю, но и вѣчу и бояр. думѣ. Всѣмъ извѣстно избраніе владыкъ Новгородскихъ вѣчемъ и низложеніе ихъ. Подобное-же право принадлежало мѣстнымъ князьямъ, каждому въ своей волости: Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ въ своей уставной грам. 1150 г. пишетъ: „приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими". Нѣтъ, никакого сомнѣнія, что порядки Москов. государства, гдѣ вел. князья избирали митрополитовъ и епископовъ, иногда вовсе безъ собора, очевидно унаслѣдованы отъ древне-русской церкви.—Относительно правъ церковно-имущественныхъ Литовская эпоха не представляетъ также никакой разницы отъ древне-русской: будучи покровителями (патронами) церкви и снабжая ее имуществами, древніе князья признавали своимъ правомъ и обязанностію наблюдать за цѣлостію этихъ имуществъ и цѣлесообразнымъ ихъ употребленіемъ: „се уставляю епископью (говоритъ Ростиславъ), о немъ-же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, а кто разрушитъ сію епископію Смоленскую, то, князь отниметъ свое опять".

многіе въ началѣ исповѣдовали православную вѣру, а равно къ потомкамъ ихъ—такимъ князьямъ русскихъ земель, каковы были Олельковичи Кіевскіе.

Что право поданья въ Литовско-русскомъ государствѣ въ первоначальномъ источникѣ своемъ принадлежитъ вел. князю (и отъ него изливается потомъ на другія лица), это подтверждается слѣд. принципіальными выраженіями законодательныхъ и другихъ актовъ: въ концѣ XVI в., когда непосредственное право вел. князя было уже очень ограничено, тѣмъ не менѣе вел. князь и король Сигизмундъ III, въ жалов. грамотѣ православному духовенству объ уравненіи его правъ съ католическимъ духовенствомъ, отказываясь отъ вмѣшательства въ распоряженіе церковными имѣніями по смерти митрополита, епископовъ или архимандритовъ, пишетъ: „будучи *фундаторомъ и наивысшимъ оборонцею церквей Божіихъ и поданья ихъ*... то имъ надаемъ и симъ листомъ привилемъ нашимъ на вси потомные часы вечне варуемъ [1])...

Вел. князь есть постоянный опекунъ—tutor и protector всѣхъ церковныхъ учрежденій: въ 1574 г. владыка Луцкій Іона просилъ кор. Генриха дозволить ему промѣнять церковное имѣніе Харлупъ на имѣніе Радивила—Фалимичи; при этомъ онъ обращается къ королю не какъ къ главѣ государства, имѣющему право утверждать всякія сдѣлки, но какъ къ „*подавцу, фундатору и оборонцу хлѣбовъ духовныхъ*". Разрѣшая эту сдѣлку, король въ своей грамотѣ, такъ опредѣляетъ свое право: дозволяю мѣну *зъ звирхности нашое господарское, яко будучи подавцою и оборонцою ку церкви Божое* владычества Луцкаго [2]). Здѣсь право подавцы—вел. князя на всѣ имущества владычества (не только Луцкаго, но и всякаго) признается истекающимъ изъ верховенства („звирхности") государственнаго. Оно не лично принадлежитъ Сигизмунду или Александру и не фамиліи Ягеллоновъ, а всякому вел. князю и королю наслѣдственному или *избранному*. (Генриху, Стефану и пр.)

---

[1]) Арх. юго-зап. Росс. ч. I, т. I. № 58.

[2]) Кіев. Центр. Арх. № 2048, л. 311 на об.

Принадлежность права поданья в. князю на всѣ церковныя учрежденія и имущества (если оно еще не отчуждено имъ) доказывается далѣе тѣмъ, что всякое церковное учрежденіе, еще не попавшее въ частное патронатство, считалось находящимся подъ поданіемъ вел. князя, и могло быть передано имъ всякому другому лицу навсегда, или на срокъ. Въ 1510 г. королева Елена Ивановна просила кор. Сигизмунда дать виленскій монастырь св. Троицы въ ея поданье до ея смерти. Король, исполняя желаніе королевы, опредѣляетъ право поданья такъ: „можетъ ея милость избирать архимандрита въ тотъ монастырь, а намъ (в. князю) и митрополиту въ то не вступаться. По смерти ея тотъ монастырь и поданье будетъ находиться въ волѣ нашей и наслѣдниковъ нашихъ" [1]). Ни откуда не видно, чтобы король Сигизмундъ, или его предки, пріобрѣли какимъ либо спеціальнымъ способомъ право поданья надъ Троицкимъ монастыремъ. Король, передавая частному лицу свое право, можетъ ограничить его какими угодно условіями, или дать безусловно. Въ 1520 г. староста Городенскій Юрій Николаевичъ Радивилъ просилъ у короля русской церкви въ Городенскомъ повѣтѣ св. Спаса „къ *имѣнію* своему Котрѣ", король пожаловалъ ему эту церковь съ ея землями къ упомянутому имѣнію и далъ ему „въ поданье [2]). Въ 1522 г. панъ Федко Хребтовичъ просилъ короля дать ему Лаврашевскій монастырь „въ опеку, оборону и поданье"; король далъ съ условіемъ, что наличный архимандритъ не можетъ быть смѣщенъ и замѣненъ другимъ волею патрона; новаго архимандрита Хребтовичъ можетъ назначить (подавать) не иначе какъ по выбору старцевъ монастыря [3]). Въ 1523 г. кор. Сигизмундъ, по просьбѣ кн. Вас. Сангушка, даетъ ему право поданья на церковь св. Василія въ гор. Владимірѣ, такъ какъ и владыка Владим. Іона, „того ему дозволилъ"; церковь дается „въ поданье и оборону", какъ самому кн. Василію, такъ и его женѣ и дѣтямъ вѣчно,

---

[1]) Ак. зап. Рос. II. № 58.

[2]) Ак. зап. Рос. II. № 106.

[3]) Ак. зап. Рос. II. № 117.

хотя при этомъ в. князь оговариваетъ, что патронъ не долженъ имѣть никакихъ выгодъ—„пожитковъ"—отъ той церкви, а только обязанъ снабжать ее всякими вещами и поправлять [1]). Ниже будутъ приведены многочисленные факты относительно назначенія вел. княземъ настоятелей монастырей (печерскихъ архимандритовъ и другихъ), что̀ означаетъ „поданье" въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ, ибо „подавать" означаетъ прежде всего назначить (давать) представителя монастыря или церкви. Ниоткуда не видно, чтобы вел. князь (тотъ или другой) пріобрѣлъ для себя, или получилъ по праву преемства такое право на Печерскій (и всякій другой) монастырь.

Тоже, въ степени высшей и болѣе ясной, обнаруживается въ правѣ вел. князя назначать митрополита и владыкъ съ передачею имъ хлѣба духовнаго, о чемъ скажемъ ниже; при этомъ вовсе не можетъ возникнуть предположенія о спеціальномъ пріобрѣтеніи вел. княземъ права поданья.

Право в. князя на поданье церковныхъ имуществъ выражено весьма рѣшительно повѣреннымъ кн. Конст. Острожскаго въ 1580 г. (на судѣ по поводу отобранія княземъ Жидичинскаго монастыря у Іоны Крас-го) слѣд. обр. „жалоба пана владычина ни о што иншого не стегается и не есть, одно *о добра его кролевской милости*, т. е. о монастырь и имѣнья церковные, которые нихто иный, одно король его милость, яко *звирхный панъ и подавца всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ* подавати (можетъ) егожъ королевская милость, *яко о свои власные добра*, за мандаты своими господарскими и судити, якъ того ясная въ статутѣ наука есть" [2]). Считаемъ пока достаточными эти указанія, ссылаясь на многіе факты, которые будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ о власти вел. князя по отношенію къ монастырямъ и епископіямъ.

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ той-же мысли служитъ участіе въ правѣ поданья *подчиненныхъ органовъ государственнаго управленія*, не въ слѣдствіе особой делегаціи имъ этого

---

[1]) Ак. зап. Рос. II. № 124.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 146—147.

права со стороны вел. князя, а именно по ихъ положенію въ государствѣ и общей государственной власти, ввѣренной имъ государемъ.

Такъ провинціальные правители—*намѣстники, воеводы* и *старосты* осуществляли велико-княжеское право поданья въ округахъ, управляемыхъ ими, даже относительно важнѣйшихъ церковныхъ учрежденій. Когда въ 70-хъ годахъ XVI в. король передалъ Дерманскій монастырь (уступленный игуменомъ Федоромъ Яновичемъ), зем. Михаилу Дчусѣ, то при этомъ въ грам. употреблены слѣд. выраженія: чтобы тотъ монастырь „находился подъ опекою и обороною державца нашего Острожскаго, такъ какъ изъ стародавна монастырь Дерманскій былъ *подъ обороною и подаваньемъ замка нашего Острожскаго*[1]). Провинціальные представители велико-княжской власти часто и злоупотребляли правомъ поданья и распоряжались дѣлами церковныхъ учрежденій ко вреду этихъ послѣднихъ: въ 1543 г. возникло дѣло о растратѣ документовъ на имѣнія, принадлежавшія Михайловскому Златоверхому монастырю. Виновниками утраты оказались воеводы Кіевскіе, которые забрали къ себѣ монастырскіе документы. Именно въ жалобѣ игумена Филарета вел. князю излагаются слѣд. обстоятельства. Воевода Андрей Немировичъ забралъ къ себѣ привилегію, которою была утверждена купчая игумена Макарія у армянина на двѣ службы людей на Припети; по смерти Немировича, какой-то Станиславъ Довойно захватилъ этотъ документъ и передалъ его наслѣдникамъ продавца—армянина, а эти послѣдніе начали процессъ съ монастыремъ. Однако у монастыря были еще цѣлы другіе документы, именно подлинная купчая запись игумена Макарія на упомянутыя имѣнія. Процессъ шелъ при игуменѣ Герасимѣ. По смерти Герасима справца (замѣститель) воеводства Кіевскаго князь Андрей Кошерскій отдалъ Михайловскій монастырь нѣкоему Подоприсвѣту—игумену; а этотъ послѣдній, проживши въ монастырѣ съ полгода, скрылся, забравши всѣ

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 11.

документы монастыря, и въ томъ числѣ упомяную купчую. По жалобѣ монастыря, король возстановилъ силу утраченныхъ документовъ [1]). Въ этомъ дѣлѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, относительно Михайловскаго монастыря, что король, въ своей привилегіи игумену Макарію—возстановителю монастыря, именно заявилъ (какъ скажемъ ниже), что право поданья на этотъ монастырь онъ король исключительно и непосредственно будетъ упражнять самъ, безъ всякаго участія воеводы и митрополита. Между тѣмъ кн. Кошерскій отдалъ монастырь „нѣкоему Подоприсвѣту" безъ всякаго участія вел. князя, очевидно руководясь привычными старыми традиціями.

На злоупотребленія замѣстителей власти в. князя (воеводъ, намѣстниковъ, старостъ) великокняжескимъ правомъ поданья, обиженныя церковныя учрежденія обращались съ жалобами къ в. князю и получали иногда отъ него „уставы" (жалованныя грамоты), которыми опредѣлялась точнѣе власть мѣстныхъ правителей. Въ 1522 г. печерскіе монахи обратились къ кор. Сигизмунду съ просьбою, въ слѣдствіе разоренія обители и Кіева татарами и въ слѣдствіе происшедшаго оттого оскудѣнія и разстройства монастыря,—установить у нихъ общину (согласно съ постановленіями православной церкви). Само собою разумѣется, что какъ просьба монастыря, такъ и распоряженіе в. князя опредѣлялись его правами, какъ патрона. Но надъ Печерскимъ монастыремъ были другіе низшіе органы патроната, мѣстные воеводы, противъ которыхъ тогда-же монахи занесли жалобу, что они (воеводы), когда архимандритъ умретъ, а другой еще не назначенъ вел. княземъ, берутъ монастырь въ свое управленіе и забираютъ себѣ не только имущество умершаго архимандрита и предметы продовольствія („стравныя рѣчи"), но и книги, „зброи" и другія церковныя вещи къ пущему обнищанію монастыря. Король рѣшилъ, что впредь по смерти архимандрита монастырь поступаетъ въ управленіе самихъ монаховъ,

---

[1]) Ак, з. Р. II. № 228.

которые берутъ и имущество умершаго. Затѣмъ кандидатъ на архимандрію избирается старцами монастыря и князьями, панами и земянами Кіевской земли; король утверждаетъ избраннаго, получая за то лишь челобитья пятьдесятъ золотыхъ; король обязывается не давать архимандріи никому иному, хотя-бы этотъ иной предложилъ ему больше „челобитья". Затѣмъ монастырь жаловался, что Кіевскіе воеводы часто заѣзжаютъ въ монастырь (нѣсколько десятковъ разъ въ годъ) и каждый разъ архимандритъ и старцы должны ихъ чествовать и подносить подарки. Король постановилъ, что воеводы могутъ пріѣзжать только разъ или два въ годъ въ торжественные праздники и при томъ, когда сами монахи позовутъ, при чемъ они обязаны угощать только самого одного воеводу, но никакихъ подарковъ подносить не обязаны. Остальные пункты просьбы Печерскаго монастыря (относительно „подниманья" пословъ татарскихъ, отправленія военной службы—только съ 10 челов., удаленія корчемъ великокняжескихъ и частныхъ отъ монастыря) также удовлетворены в. княземъ[1]). Какъ видно изъ одного приведеннаго сейчасъ пункта жалобы, участіе намѣстниковъ вел. князя и старостъ въ правѣ поданья обнаруживается особенно ярко въ періоды вакансій церковныхъ должностей, по смерти владыки или архимандрита до назначенія новаго лица. Въ такіе промежутки имущество церкви или монастыря и ихъ акты поступали въ распоряженіе провинціальныхъ властей. Само собою разумѣется, что это могло подавать поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ[2]), но самое право намѣстни-

[1]) Ак. зап. Рос. II. № 112.

[2]) „Какъ только (говоритъ Н. Д. Иванишевъ) умиралъ епископъ, тотчасъ королевскіе сановники брали въ свое завѣдываные церковное имущество, грабили церковную казну, забирали или уничтожали жалованныя грамоты и фундушевые листы, даже выскабливали фундушевыя записи, которыя, по тогдашнему обычаю, записывались въ напрестольныя евангелія. Новый епископъ всегда находилъ свою епископію ограбленною" (Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. XVII—XVIII). Повидимому, почтенный ученый полагалъ, что участіе въ этомъ дѣлѣ свѣтскихъ властей есть вообще злоупотребленіе. Но такъ думать было-бы весьма ошибочно.

ковъ отнюдь не есть злоупотребленіе. Такая власть намѣстниковъ отмѣнена въ первый разъ грамотою кор. Сигизмунда I 1589 года, по которой, по смерти епископа въ права временнаго управленія вступало соборное духовенство, а не свѣтскія власти; впрочемъ едвали это королевское распоряженіе вошло тогда-же въ жизнь. Соборяне сами прибѣгали къ содѣйствію свѣтской (старостинской) власти, для обезпеченія выморочныхъ имуществъ епископіи, такъ какъ всегда являлись претензіи наслѣдниковъ умершаго владыки; такъ по смерти Мелетія Хребтовича, вся капитула главной церкви соборной Владимірской, именно: протопопъ Дмитръ церкви св. Прокофія, Максимъ Епимаховичъ ц. св. Іоанна, Мануилъ тоже, Есипъ ц. св. Николая, Матвѣй ц. Апостоловъ, Иларіонъ ц. Федоровской, Данило ц. Пятницкой, Иванъ дьяконъ и Михайло дьяконъ, обратились къ подстаростѣ Фед. Загоровскому и при его содѣйствіи произвели опись и опечатали оставшееся послѣ владыки имущество, какъ въ Луцкѣ, такъ въ фольваркахъ. Наслѣдники протестовали противъ этого акта, какъ незаконнаго завладѣнія, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ это было вполнѣ законная и формальная мѣра [1]).

До 1589 г. право намѣстниковъ и старостъ вступать въ управленіе церковными имуществами по смерти владыки или настоятеля монастыря было вполнѣ признаннымъ и законнымъ: когда въ Луцкѣ умеръ владыка Іона Борзобогатый Красенскій, а на мѣсто его назначенъ былъ Кириллъ Терлецкій, то король выслалъ своего коморника ввести во владѣніе епископіею новаго владыку; первымъ дѣйствіемъ королевскаго чиновника было слѣдующее: „напродъ шолъ есми до его м. кн. Александра Пронскаго, стольника его кор. м. вел. княжества Литовскаго, старосты Луцкого, и подаломъ его м. листъ господарскии отвороный подъ печатью и съ подписомъ руки королевское его м., *о поступене тое епископии Луцкое* и всѣхъ добръ и именей, къ ней належачихъ“ [2]).

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 339—340.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 45.

Иногда вел. князь специально оговаривается, что право поданья на то или другое учрежденіе принадлежитъ исключительно ему непосредственно и не подчиняется вѣдомству провинціальныхъ властей. Такъ въ 1523 г. двое Кіевлянъ вошли къ королю Сигизмунду съ ходатайствомъ о дозволеніи имъ возобновить два монастыря, а именно: игуменъ Михаилъ Щербина о возобновленіи Межигорскаго монастыря, запустѣвшаго со временъ татарскихъ, а игуменъ Макарій—о возобновленіи Златоверхаго Михайловскаго монастыря. Оба просили дозволить устройство общины въ этихъ монастыряхъ. Король, давая такое дозволеніе обоимъ, прибавляетъ, что по устройствѣ обоихъ монастырей, ни воевода, ни митрополитъ и никто изъ подданныхъ вел. князя не можетъ пользоваться въ нихъ правомъ поданья, которое будетъ принадлежать самому вел. князю. Какъ на особенную причину такого условія, указывается то обстоятельство, что обѣ эти обители запустѣли давно „отъ вынятя Кіевскаго" [1]). Для Межигорскаго монастыря при этомъ опредѣляются границы земельныхъ владѣній въ окрестностяхъ Кіева, „яко ся тотъ монастырь *издавна маетъ*".

Въ удѣльное время, когда государственная власть еще дробилась между мелкими князьями, вопросъ о первоисточникѣ права поданья разрѣшается довольно смутно: тѣмъ не менѣе рѣшеніе его служитъ цѣннымъ показателемъ о принадлежности права поданья государственной власти, какъ главному источнику этого права. *Удѣльные князья*, на основаніи прежнихъ правъ, которыми обладали они въ качествѣ владѣтельныхъ, претендовали иногда на патронатство надъ цѣлою епископіею, бывшею въ ихъ удѣлѣ; но вел. князь, руководясь новыми единодержавными принципами, отстранялъ такія претензіи и ясно установилъ принципъ о принадлежности всѣхъ епископій праву поданья вел. князя. Съ этимъ согласовались и интересы мѣстныхъ владыкъ, не желавшихъ подчиняться своимъ мелкимъ державцамъ. Примѣ-

[1]) Ак. зап. Рос. II, №№ 121 и 122.

ромъ можетъ служить бывшее княжество Туровское и Пинское, гдѣ велась длинная тяжба между князьями Ярославичами и потомъ Острожскими съ одной стороны и владыками Туровскими и Пинскими—съ другой при вел. князьяхъ Александрѣ, Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ. Такъ владыка Туровскій и Пинскій Вассіанъ велъ тяжбу предъ вел. княземъ Александромъ съ кн. Иваномъ Ярославичемъ и Федоромъ Ивановичемъ, о томъ, что князья начали было вводить „новины" (по мнѣнію владыки), именно: основывать новыя церкви въ городахъ и селахъ безъ воли и благословенія владыки, поставлять для этихъ церквей поповъ, управлять ими, отнимая ихъ отъ послушанія владыкѣ. Великій князь Александръ присудилъ отдать такія церкви и поповъ подъ власть владыки. Если-бы притязанія удѣльныхъ князей были дѣйствительно новиною, то откуда-же взялись эти притязанія? Болѣе правильный отвѣтъ дается по сличенію со слѣдующею частью того-же велико-княжескаго указа, а именно: простые землевладѣльцы—князья и бояре начали также, безъ воли владыки, строить въ своихъ имѣніяхъ церкви и распоряжаться попами, помимо воли владыки. Вел. князь и это призналъ неправильнымъ, а кор. Сигизмундъ подтвердилъ грамоту своего брата [1]). Очевидно, что удѣльные князья такъ-же разсматривали свое право на всю территорію, какъ частные владѣльцы на свои имѣнія. Въ 1538 г. вел. кн. Сигизмундъ I писалъ княгинѣ Александрѣ—вдовѣ кн. Кон. Ив. Острожскаго, чтобы она не вмѣшивилась въ доходы владычества Туровскаго и Пинскаго; въ 1539 г. тотъ-же великій князь писалъ князю Ильѣ Острожскому, что-бы пошлины за разводъ („роспущанки") и „купицы змирскія" выдаваемы были владыкѣ. Наконецъ Сигизмундъ-Августъ въ 1549 г. далъ предписаніе княгинѣ Александрѣ Острожской, что-бы она не вмѣшивалась въ волости и села владычнія и въ доходы съ нихъ, присовокупляя: „если князь—мужъ твой и выслужилъ замокъ Туровъ на отцѣ нашемъ,

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 109.

то *епископія Туровская съ давнихъ временъ есть подаванье наше господарское*, а ты до нея не имѣешь никакого права“ [1]).

Намѣстники удѣльныхъ князей иногда совсѣмъ сводили право подаванья на полное управленіе церковными учрежденіями, даже въ чисто духовныхъ функціяхъ; въ 1544 г. вел. кн. Сигизмундъ, по жалобѣ митрополита Макарія, пишетъ княгинѣ Еленѣ Слуцкой, что намѣстники ея Слуцкій и Копыльскій поповъ судятъ, сажаютъ въ замковую тюрьму, берутъ съ нихъ штрафы, даютъ разводы мужьямъ съ женами. Король воспрещаетъ это [2]).

Во время отсутствія вел. князя изъ Литвы, когда дѣлами государства управляла *Рада*, то ей-же принадлежала власть, истекающая изъ права поданья; напр. въ 1576 г., когда король Ст. Баторій былъ въ Польшѣ, то на вакантную кафедру Пинскаго владычества назначенъ протопопъ Пинскій Кириллъ Семеновичъ Терлецкій („панове рады наши... *зъ мѣстцъ своихъ сенаторскихъ* въ моцъ, владность и уживанье подали“). Король потомъ утвердилъ это распоряженіе [3]). Въ томъ-же 1576 г. умеръ Полоцкій архіепископъ Варсонофій Валахъ. Въ то время король (Стефанъ Баторій) былъ (какъ сказано) въ Польшѣ и мѣстными дѣлами въ Литвѣ управляла Рада. Тогда „ихъ мил. панове—рады наши (говоритъ король) вел. княжества Литовскаго, заботясь о томъ, что-бы въ оной архіепископіи и во всѣхъ церквахъ ея хвала Божія не прекращалась, но что-бы всегда исправляема была согласно съ закономъ греческимъ, нашли годнымъ на эту столицу духовную зелянина повѣту Ошменскаго—протопопа Марковскаго Ѳеофана-Богдана Рпинскаго и дали, *по праву своему сенаторскому,* ему эту архіепископію со всѣми монастырями и церквами, имѣніями, фольварками, селами, во всѣхъ парафіяхъ (приходахъ) той архіепископіи“, вручили въ этомъ смыслѣ ему грамоту къ митрополиту Кіевскому Іонѣ, что-бы онъ посвятилъ избраннаго имъ; тому-же митрополиту писалъ о томъ, по

---

[1]) Арх. Сборн. VI, № 92.
[2]) Ак. зап. Рос. II, № 230.
[3]) Ак. зап. Рос. III, № 65.

должности своей маршалковской, Янъ Ходкевичъ—маршалонъ земскій вел. князя Литовскаго. Митрополитъ посвятилъ, а новый владыка вступилъ въ управленіе архіепископіею и ея имуществами, и по пріѣздѣ короля въ Литву, получилъ королевское подтвержденіе [1]).

Когда Рада состояла уже почти вся изъ католиковъ, то дѣло назначенія владыкъ и настоятелей монастырей брали въ свои руки отдѣльные члены Рады изъ православныхъ; такъ, когда по смерти короля Сигизмунда-Августа наступило междуцарствіе, а между тѣмъ должность настоятеля монастыря св. Спаса въ Могилевѣ оставалась вакантною, то Янъ Ходкевичъ, каштелянъ Виленскій „съ волею и вѣдомостію нѣкоторыхъ пановъ радъ вел. княжества Литовскаго, тую церковь и монастырь владыцѣ Полоцкому далъ, со всимъ доходомъ и наданьемъ церковнымъ“. Между тѣмъ право подаванья этого монастыря принадлежало вел. князю, который потомъ, въ 1578 г., утвердилъ распоряженіе Ходкевича [2]).

Указанныхъ фактовъ достаточно для утвержденія мысли, что первоисточникъ права поданья, вопреки характеру византійскаго ктиторства, есть не частное право основателей извѣстныхъ монастырей и церквей, а право государя, какъ носителя верховной власти государства, и затѣмъ подчиненныхъ ему органовъ. Изъ него истекаютъ потомъ права частныхъ патроновъ путемъ пожалованій имъ либо самаго права поданья, либо недвижимыхъ имуществъ съ присоединеніемъ и права подаванья церквей и монастырей въ нихъ.

Принципъ велико-княжескаго патронатства надъ церковію постепенно урѣзывался и сокращался въ теченіе XVI и XVII в.в., главнымъ образомъ въ слѣдствіе общаго ниспаденія этой власти, особенно послѣ Люблинской уніи; патрональная власть постепенно переходила въ руки другихъ органовъ государства и частныхъ лицъ, что и будетъ нами сейчасъ указано при изложеніи прочихъ субъектовъ патрональной власти и отдѣльныхъ функцій ея.

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 75.

[2]) Ак. зап. Рос. III, № 94.

Но не смотря на то, что къ концу XVII в. великокняжеская власть достигла крайней степени ослабленія, идея патронатства ея надъ церковію сохранилась даже до XVIII в.: въ 1701 году король Августъ II, выдавая Почаевскому православному монастырю грамоту, въ которой утверждается право на свободное отправленіе богослуженія, сохраненіе порядковъ прежняго монастырскаго устройства, неприкосновенность имѣній монастыря, такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ церковнымъ учрежденіямъ въ цѣломъ государствѣ: *uti supremi locorum, Deo dicatorum, et personarum spiritualium tutores et protectores*[1]).

Идея государственнаго патронатства надъ церковію (особенно при неправильномъ своемъ примѣненіи) могла бы встрѣтить противодѣйствіе и ограниченія со стороны высшихъ представителей церкви, *митрополита и владыкъ* отдѣльныхъ епархій. Примѣръ такого, но очень слабаго, противодѣйствія видимъ въ постановленіяхъ 1509 и 1511 года, когда, между прочимъ было выраженно „если кто-либо, хотя бы самъ господарь, задумаетъ правила собора нарушить, то *воли его исполнять не слѣдуетъ*"; но пассивное сопротивленіе рекомендованное тогда соборомъ, разумѣется не могло привести ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ, а равно и угроза отлученія, обращенная къ властямъ—католикамъ, была совсѣмъ безсильна. Въ отдѣльныхъ-же случаяхъ мы видимъ постоянную уступчивость со стороны церковной власти (напр. въ передачѣ Вилен. Троицкаго монастыря подъ поданье королевы Елены). Здѣсь не было почвы для такой борьбы со свѣтскою властію, какъ при извѣстныхъ столкновеніяхъ папъ съ императорами за инвеституру. Епархіальная русская власть иногда именовала себя также патрономъ всѣхъ церквей епархіи, но исторически выроботался modus фактическаго соглашенія правъ митрополита и владыкъ съ общимъ правомъ государственнаго патронатства[2]).

---

[1]) Кіевск. Центр, Арх. кн. № 1609. л.—406.

[2]) Отдѣльныя попытки церковной власти ограничить произволъ вел. князя (и частныхъ патроновъ) будутъ указаны при обозрѣніи спеціальныхъ правъ патрональной власти, на основаніи главн. обр. постановленій собора 1509 года.

Владыки въ своихъ собственныхъ епархіяхъ (а также и въ чужихъ) пріобрѣтали спеціальное право патронатства надъ нѣкоторыми церквами, наравнѣ съ свѣтскими частными владѣльцами.

Общее-же право митрополита и епархіальныхъ владыкъ въ отношеніи ко всѣмъ церквамъ ихъ епархій, въ особенности—городскимъ и въ селахъ коронныхъ, вступало несомнѣнно въ коллизію съ правомъ великокняжескимъ. Соотношеніе правъ этихъ двухъ патрональныхъ властей не можетъ быть представлено съ надлежащею ясностію, ибо и сами того-временные дѣятели не могли точно разграничить эти два права. Позволяемъ себѣ представить примѣръ изъ актовъ Галиціи, на которую всегда простирали свои притязанія Кіевскіе митрополиты и которая, поэтому, не есть ройенъ совершенно сторонній для нашей темы. Въ 1555 г. митроп. Макарій шлетъ такую грамоту Львовскому епископу Арсенію относительно правъ на Уневскій монастырь. „Неоднократно жаловался намъ архимандритъ Уневскаго монастыря Анастасій Радиловскій со всею братіею, что ты, пріѣзжая въ монастырь, причиняешь ему большую тягость и опустошаешь его, забираешь монастырское имущество (статки и живность) и архимандрита вызываешь къ суду короля и польскаго сената, имѣя въ виду принудить его подчиниться твоей власти. А между тѣмъ этотъ монастырь съ древнѣйшихъ временъ („зъ вѣчистыхъ часовъ"), при предшественникахъ нашихъ и при насъ самихъ, находился подъ благословеніемъ нашимъ и подъ властію Кіевской митрополіи; ни одинъ владыка не вступался въ этотъ монастырь и не владѣлъ имъ; онъ есть *подаванье господарское*; воленъ господарь его мил. дать тотъ монастырь кому хочетъ; но этотъ монастырь *благословенья нашего*, а не твоего [1]). Что хотѣлъ выразить митрополитъ такимъ различеніемъ „подаванья" о „благословеніи" и какой характеръ власти соединялъ онъ съ понятіемъ „благословенія", сказать трудно. Судя по поступкамъ еписк. Арсенія, описаннымъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 14.

въ митрополичьей грамотѣ, власть архіерея ничѣмъ не отличалась отъ власти обыкновеннаго подавца: онъ считалъ себя въ правѣ внѣдряться въ монастырь и пользоваться его имуществами. Не смотря на попытку митрополита совмѣстить свое право „благословенія“ съ патрональнымъ правомъ вел. князя, этотъ послѣдній вызвалъ его къ своему суду, по жалобѣ еписк. Арсенія. Ниже мы представимъ факты коллизіи митрополичьей и велико-княжеской власти относительно патронатства надъ городскими церквами.

Такимъ образомъ церковная власть въ Литовскомъ государствѣ не въ состояніи была взять въ свои руки дѣло патронатства, или точнѣе отразить право патронатства государственнаго и сдѣлаться исключительнымъ хозяиномъ церковныхъ имуществъ.

Однако торжество государства надъ церковію не есть побѣда власти вел. князя. Было уже замѣчено, что въ государствѣ Литовско-русскомъ, кромѣ монарха, были и другіе органы, которые могли постепенно воспріять и воспріяли ту часть государственной власти, которая касается церкви. Такой переворотъ былъ особенно важенъ для православной церкви, въ которой дѣла церковнаго управленія принадлежатъ не одной только іерархіи, какъ въ католической. Міряне также составляютъ церковь и принимаютъ живое участіе въ дѣлахъ ея. А потому ослабленіе великокняжескаго патронатства не означаетъ переходъ его въ руки іерархіи; напротивъ оно сосредоточивается въ рукахъ другихъ свѣтскихъ (государственныхъ) органовъ и частныхъ лицъ.

Въ правахъ патронатства, кромѣ вел. князя, участвуютъ: а) земства и сословныя общества, б) городскія общины, а затѣмъ, в) приходскія общины и добровольныя сообщества—братства; г) но всего болѣе права прежняго государственнаго патронатства унаслѣдованы частными лицами землевладѣльцами, которые усвоили себѣ эти права вмѣстѣ съ прочими государственными правами въ своихъ владѣніяхъ. Скажемъ вкратцѣ о каждомъ изъ этихъ элементовъ патронатства.

а) *Земства.* Уже въ древнѣйшія времена Литовскаго государства государственная власть вообще, и въ томъ числѣ въ отношеніи къ церкви, въ значительной степени принадлежала мѣстнымъ земствамъ. Единодержавіе, установленное Витовтомъ въ XV в., ослабило значеніе земствъ, но не уничтожило его; это значеніе окончательно пало лишь въ половинѣ XVI в., уступивъ мѣсто сословному шляхетскому началу.—Наиболѣе отчетливо выраженные примѣры земскаго патронатства можно взять изъ явленій, относящихся къ сѣверо-западной Руси; эти явленія, по своей оригинальности заставляютъ насъ остановиться на нихъ нѣсколько дольше, такъ какъ можетъ показаться, что въ сѣверо-западныхъ земскихъ уставныхъ грамотахъ, повидимому, вполнѣ отрицается вліяніе великокняжеской власти на церкви и ихъ имущества: „въ церкви Божіи и въ имѣнья церковные намъ не вступатися, въ домъ Божій св. Софіи и въ домъ Божій св. Спаса и въ иные домы церковные намъ не вступоватися", говорится въ Полоцкой уст. грамотѣ [1]). Вотъ, повидимому, безспорное выраженіе исключеній великокняжескаго патронатства и замѣны его земскимъ. Однако тотъ-же самый вел. князь (Сигизмундъ-Августъ), который въ 1547 г. подтвердилъ эту грамоту, въ 1558 г. даетъ свой „листъ" боярину Полоцкому Глѣбу Корсаку на преемство Полоцкой архіепископіи по кончинѣ тогдашняго, правившаго еще, владыки Германа, въ такихъ выраженіяхъ: „даемъ *архіепископью* владычество Полоцкое... маетъ онъ въ ту архіепископью въѣхати и тую архіепископью и монастырь св. Михаила въ Городку *подаванья нашого господаръскаго* въ справу свою взяти... маетъ онъ до животи своего держати и всѣхъ пожитковъ, *возлѣ давного обычаю,* уживати [2]).

На соймѣ 1559 г. депутаты земли Полоцкой занесли просьбу „чтобы господарь его м. согласно съ привилегіями

---

[1]) Подтверд. при Сигизмундѣ-Августѣ 1547 г., см. Ак. зак. Россіи III, № 5.

[2]) Ibid. № 20. Тогда-же такая же грамота дана епископу Макарію на преемство Туров. и Пинской епископіи Ibid. № 21.

и вольностями, дарованными отъ его предковъ, въ домъ Божій св. Софіи, въ домъ Божій св. Спаса и въ людей тѣхъ церквей не вступался (это очевидно ссылка на земскую уставн. грамоту) и чтобы по давнему обычаю, какъ бывало при предкахъ его, соблаговолилъ установить *опекуновъ церковныхъ*. Король отвѣчалъ, что не привыкъ нарушать чьи либо привилегіи, а потому и ихъ, полочанъ, какъ вѣрныхъ слугъ своихъ, оставляетъ при ихъ вольностяхъ: опекуновъ, о которыхъ написано въ ихъ стародавней привилегіи (такой привилегіи мы не знаемъ), пусть *установитъ воевода Полоцкій* вмѣстѣ съ ними (полочанами) выбравъ на то двухъ годныхъ лицъ изъ бояръ Полоцкихъ, для обѣихъ церквей св. Софіи и св. Спаса. Опекуны обязаны будутъ смотрѣть, чтобы церковныя имѣнія не потерпѣли ущерба отъ владыки и отъ игуменьи; а по смерти этихъ духовныхъ особъ, опекуны должны съ *вѣдома воеводы* и вмѣстѣ съ вижемъ, взятымъ отъ него, произвести опись скарбовъ церковныхъ и всего имущества въ церковныхъ имѣніяхъ и завѣдовать всѣмъ этимъ „*до науки его корол. милости*" и потомъ сдать въ цѣлости тому, *кого вел. князь пошлетъ увязывать (вводить во владѣніе) владыку или игуменью Полоцкую*[1]). Такъ соглашаются патрональныя права вел. князя и земства: земство есть непосредственный патронъ, дѣйствующій чрезъ избранныхъ имъ *опекуновъ*, но въ избраніи главная роль принадлежитъ великокняжескому воеводѣ; опись имущества вакантныхъ церковныхъ учрежденій производится опекунами, но съ вѣдома воеводы и потомъ вручается велико-княж. чиновнику, который по приказу вел. князя, будетъ вводить во владѣніе новаго представителя того или другого церковнаго учрежденія. Все это—согласно стародавнимъ обычаямъ. И такъ роль земства, какъ общаго патрона церквей и церковныхъ имуществъ, только яснѣе выражается въ сѣверо-западныхъ странахъ, чѣмъ въ юго-западныхъ, ибо въ первыхъ (землѣ Полоцкой, Витебской, Смоленской) вообще земскія права со-

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 24.

хранялись полнѣе и долговременнѣе, чѣмъ на юго-западѣ. Однако и тамъ (на сѣверо-западѣ) уже съ самаго начала единодержавія въ Литвѣ, если земское церковное патронатство не вполнѣ уступаетъ правамъ вел. князя, то во всякомъ случаѣ съ нимъ конкурируетъ великокняжеское право; это ясно и въ дальнѣйшихъ явленіяхъ XVI в. Въ 1562 г. вел. князь Сигизмундъ-Августъ даетъ жалов. грамоту Арсенію Шишкѣ (игумену Полоцкаго монастыря св. Ивана Предтечи) въ которой пишетъ: „до сего времени архіепископство Полоцкое и Витебское держалъ *по дару и ласкѣ нашей господарской* панъ Григорій Марковичъ Воловичъ; такъ какъ онъ теперь умеръ, то мы, согласно съ письмомъ и желаніемъ воеводы Полоцкаго и *по челобитью бояръ, шляхты, мѣщанъ и всего посполъства земли Полоцкой, даемъ* архіепископство Полоцкое и Витебское, *по милости нашей господарской,* иноку Арсенію пожизнено, со всѣми монастырями и церквами съ дворами и имѣніями, съ селами и съ людьми и со всѣмъ, что къ тому владычеству издавна принадлежитъ [1]). Монастырь Іоанна Предтечи, освободившійся при назначеніи Арсенія епископомъ, „*яко подаванье наше господарское* (по словамъ великаго князя), зася (снова) въ руки наши пришелъ", а потому вел. князь, по просьбѣ дворянина своего Боркулаба Корсака, даетъ ему тотъ монастырь въ пожизненное владѣніе: имѣетъ право онъ Корсакъ держать этотъ монастырь „какъ прежніе держали".

Что сами земства, такъ ревниво оберегавшія свои земскія привилегіи въ уставныхъ грамотахъ, не думали, однако, отрицать патрональную власть вел. князя, это доказывается болѣе раннимъ случаемъ, когда само земство обратилось къ этой власти; именно въ 1544 г. полочане жаловались королю Сигизмунду на своего архіепископа Семеона, указывая между прочимъ, что архіепископъ „самовольно подавалъ" игуменовъ въ монастырь на Лучнѣ, который (по словамъ короля) „есть подаванье нашо господарское" [2]). Так. обр. само насе-

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 30.

[2]) Ак. зап. Рос. II. № 234.

леніе заявляетъ, что оно отражаетъ въ себѣ и упражняетъ власть общегосударственную; земство защищаетъ права вел. князя противъ епархіальной власти.

Въ юго-западныхъ странахъ Литовскаго государства, составляющихъ ближайшій предметъ нашихъ наблюденій, всесословныя земства давно уступили мѣсто сословнымъ—шляхетскимъ; а потому для этого края мы не имѣемъ фактовъ, подобныхъ приведеннымъ сейчасъ для сѣверо-запада. Пока въ Кіевѣ и на Волыни господствовало православіе, здѣсь нѣкоторыя функціи патрональной власти принадлежали мѣстнымъ шляхетскимъ обществамъ. Такъ право подаванья архимандритовъ Печерскаго монастыря предоставлено князьямъ, панамъ и земянамъ Кіевской земли (по приведенной выше королевской грамотѣ 1522 г.), хотя въ тоже время этотъ монастырь состоялъ подъ спеціальнымъ правомъ великокняжескаго патронатства. Выборъ и презентація архимандрита Жидичинскаго монастыря предоставлены королевскою грамотою 1511 г. князьямъ панамъ и земянамъ Волынской земли (какъ упомянемъ ниже). Въ своемъ мѣстѣ приведемъ факты рекомендаціи на митрополію и епископіи со стороны высшихъ лицъ шляхетскаго сословія.—Но затѣмъ не можемъ указать другихъ общихъ правъ патронатства для сословныхъ обществъ.—Шляхетскія общества не разъ потомъ (и на провинціальныхъ сеймикахъ и на общихъ сеймахъ) вмѣшивались въ дѣла церкви, но уже не въ качествѣ патроновъ, а въ качествѣ участниковъ въ законодательной и правительственной власти.

б) *Городскія общины,* относительно права поданья православныхъ церквей во многомъ замѣняли собою земства (особенно со времени постепеннаго утвержденія сословнаго строя и обращенія высшихъ классовъ въ католичество). Впрочемъ онѣ уже съ древнѣйшихъ временъ обладали правомъ подаванья городскихъ церквей по старому обычаю, однако подъ верховнымъ правомъ вел. князя. Не имѣя фактовъ, прямо относящихся къ юго-западной Руси, мы принуждены и въ этомъ пунктѣ представить аналогичныя явленія сѣверо-запад-

ной Руси, въ особенности такой крупной общины, какова была столичная община гор. Вильны. Признаваемая безусловно власть вел. князя на подаванье церковныхъ учрежденій тѣмъ не менѣе иногда вступала въ коллизію съ правами общинныхъ властей. Коллизіи этихъ соціальныхъ элементовъ разрѣшались особыми уставами вел. князя. Такъ въ 1542 г. протопопъ и всѣ священники церквей въ гор. Вильнѣ жаловались королю Сигизмунду, что бурмистры, радцы и всѣ мѣщане православнаго вѣроисповѣданія испросили себѣ у митрополита Макарія грамоту, по которой духовенство отдано подъ власть мѣщанъ; кто изъ священниковъ не хотѣлъ имъ повиноваться, тѣхъ они отрѣшали отъ приходовъ и назначали другихъ съ согласія митрополита. Король очень удивляется, что мѣщане въ такомъ дѣлѣ, устранивъ вел. князя, обратились къ митрополиту, присвояя мѣщанскому управленію власть великокняжескую; и митрополитъ не имѣлъ никакого права извлекать духовенство столичнаго города изъ подъ власти вел. князя, чего никогда не бывало при предкахъ вел. князя. Однако король установляетъ компромиссъ, въ которомъ городской общинѣ удѣляется значительная доля участія въ дѣлѣ, очевидно согласно съ старинными обычаями; а именно: по смерти какого-либо священника, протопопъ (намѣстникъ митрополита) вмѣстѣ съ однимъ, или двумя мѣщанами (бурмистромъ, или другимъ изъ городской общины) должны сдѣлать опись церкви и ея имуществу, запереть ее и отдать ключи въ соборную церковь; затѣмъ избравши годнаго кандидата они (мѣщане) представляютъ его митрополиту, который и посвящаетъ избраннаго, если найдетъ годнымъ[1]).

Кромѣ общаго патронатства надъ всѣми городскими церквами, основаннаго на древнемъ обычаѣ, городскія общины могли, подобно частнымъ лицамъ, пріобрѣтать право поданья на тѣ или другія церковныя учрежденія въ отдѣльности, по спеціальнымъ пожалованіямъ вел. князя: въ 1584 г.

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 219.

православные жители гор. Вильны (бурмистры, радцы и лавники) просили короля дать имъ право поданья Виленскаго монастыря св. Троицы, который состоялъ прежде въ поданьѣ Кіевскихъ митрополитовъ, и въ данное время владѣлъ имъ („держалъ“ его) митроп. Онисифоръ Дѣвочка пожизненно, „з ласки господарской“. Высшее же право поданья, по словамъ короля принадлежитъ ему (королю): „з давных часовъ (монастырь) былъ въ подаванью нашомъ господарскомъ и предковъ наших королей польских и вел. князей Литовских... и теперь въ подаванію нашомъ же есть“. Основаніемъ для просьбы городской общины служило то, что митрополиты, живя вдали и рѣдко посѣщая Вильну, довели монастырь до большого упадка и обѣднѣнія. Король согласился и передалъ монастырь городу въ лицѣ городскихъ властей („которые на тыхъ же мѣстцахъ врядовыхъ сѣдѣти и справовати будуть“), съ тѣмъ, чтобы горожане употребляли монастырскіе доходы на церковныя нужды: на постройки, на содержаніе архимандрита, поповъ и монаховъ, бѣдныхъ монахинь и церковныхъ слугъ, живущихъ при монастырѣ, на постройку школъ и обученіе дѣтей православной вѣрѣ. Представители городской общины получають монастырь „въ свою власть, присудъ, управленіе и оборону на вѣчное время“ послѣ смерти митрополита Онисифора. Они имѣютъ право избирать откуда угодно архимандрита, а митрополитъ обязанъ посвятить избраннаго; избранному архимандриту сдается по реестру церковное имущество, но архимандритъ не имѣетъ права распоряжаться имуществами и доходами монастыря безъ вѣдома и воли городскихъ властей, которыя для надзора за монастырскимъ хозяйствомъ избираютъ изъ числа гражданъ двухъ, а эти послѣдніе представляютъ городу ежегодные отчеты. Король отрекается навсегда отъ права отнимать монастырь у городской общины и лишать ее „власти, обороны и подаванья“ [1]).—Этотъ актъ весьма важенъ для опредѣленія чистой сущности права поданья безъ тѣхъ

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 144.

(довольно уродливыхъ) примѣсей, которыя мы увидимъ, когда это право было въ рукахъ патроновъ другого разряда. Но теперь пока мы заняты вопросомъ о субъектахъ права поданья.

Представленные акты наглядно показываютъ, сколько различныхъ элементовъ участвовало въ правѣ поданья на городскія церкви вмѣстѣ съ городскими общинами. Для насъ особенно интересны отношенія городскихъ общинъ въ этомъ дѣлѣ къ церковной власти, въ данномъ случаѣ къ митрополиту. По уставнымъ грамотамъ (Полоцкой) отношеніе город. общины къ епископской власти опредѣлялася такъ: „церковные домы присмотряти старостамъ городскимъ, а церковныхъ земель владычнымъ слугамъ не держати“ [1]). Было ли то общимъ началомъ? Прослѣдимъ это въ Вильнѣ въ теченіи XVI в. Еще въ концѣ XV в. митр. Макарій 1-й запретилъ было виленскимъ мѣщанамъ участвовать въ производствѣ описей церковнаго имущества при смерти священника какой-либо церкви и при ежегодныхъ ревизіяхъ (причемъ реестры вносились въ городскія книги); но затѣмъ тотъ же митрополитъ вновь дозволилъ это мѣщанской общинѣ г. Вильны. Чтобы укрѣпить за собою это право при другихъ митрополитахъ, мѣщане совѣщались по этому предмету со всѣмъ крылосомъ соборной церкви, желая знать, какъ рѣшается онъ правилами св. отцовъ. Совѣщанье пришло къ выводу, что въ участіи мѣщанъ нѣтъ ничего анти-каноническаго. Въ слѣдствіе этого мѣщане обратились въ 1511 г. къ митрополиту Іосифу (Солтану) съ просьбою утвердить за ними это право, что митрополитъ и утвердилъ. Далѣе мѣщане въ той же просьбѣ своей желали закрѣпить за собою право „поданья“ (выбора) новыхъ священниковъ на открывающіяся вакансіи; митрополитъ согласился и на это, добавивъ, что онъ будетъ утверждать лишь тѣхъ кандидатовъ, которые окажутся годными, по обсужденіи дѣла со священниками; если же мѣщане не представятъ своевременно избраннаго ими кандидата, то митро-

---

[1]) Ак. зап. Рос. Ш. № 5.

политъ ставитъ священника самъ по собственному избранію. Далѣе въ тѣхъ же пунктахъ соглашенія митрополита съ городскою общиною постановлено относительно права мѣщанъ судить священниковъ слѣд.: провинившихся священниковъ мѣщане могутъ представлять на судъ къ митрополиту. Сдѣлавъ эти уступки, митрополитъ нашелъ однако, что порядокъ, по которому мѣщане, по смерти священника, запирали церковь, а ключи брали къ себѣ (до назначенія новаго настоятеля), неправиленъ. Мѣщане, защищая этотъ порядокъ, сослались на старый обычай, о которомъ (будтобы) могъ засвидѣтельствовать между прочимъ архимандритъ Троицкаго монастыря Изосима, ибо-де ему самому ключь отъ церкви Троицы дали они же мѣщане. Митрополитъ возразилъ, что о Троицѣ онъ не говоритъ, потому что этотъ монастырь (по его словамъ) „з нашого подаваня отнятъ; теперь королеве и милости (Еленѣ) поданъ; мовлю я о тыи церкви, што по месту, которыи въ моемъ подаваньи суть". Но показанія архим. Изосимы, священниковъ и стараго церковнаго боярина не подтвердили ссылки мѣщанъ ни старый обычай.—На совѣщаніи, состоявшемъ изъ Аврамія, подскарбія великаго земскаго, окольничаго Смоленскаго Ивана Кошки, городничаго Виленскаго Янка, митрополичьяго намѣстника архим. Изосимы, архимандрита Лаврашевскаго Іоны, протопопа Виленскаго Тимофея и всѣхъ священниковъ и дьяконовъ соборной церкви Пречистой Богоматери,—рѣшено, что мѣщане могутъ присутствовать при описи и сдачѣ церкви, но церковныхъ ключей брать не должны [1]).

На практикѣ изложенное постановленіе отнюдь не отмѣнило и даже не ограничило правъ мѣщанъ по отношенію къ церковнымъ имуществамъ гор. Вильны, какъ это и оказалось изъ явленій послѣдующихъ, относящихся ко второй полов. XVI в. Въ 1569 г. митрополитъ довелъ до свѣдѣнія короля, что Виленскіе мѣщане забрали и отчасти растратили много цѣнныхъ вещей, взятыхъ ими изъ Виленскихъ церк-

[1]) Археогр. Сборн., т. VI, № 4.

вей (золота, серебра, жемчуга и денегъ); король предписалъ двумъ Зарѣцкимъ (изъ которыхъ одинъ былъ скарбовымъ, т. е. казначеемъ, а другой—магистратскимъ райцею) дать отчетъ въ этихъ имуществахъ предъ коммиссарами, назначенными королемъ, и сверхъ того дать отчетъ относительно недвижимыхъ церковныхъ имуществъ[1]). Дальнѣйшій ходъ дѣла намъ неизвѣстенъ; но изъ сказаннаго очевидно, что мѣщане имѣли прямое вліяніе на управленіе имуществами церквей, какъ движимыми, такъ и недвижимыми.—Столь же мало потерпѣло ущерба и другое право мѣщанъ—избирать и представлять кандидатовъ на священническія вакансіи: въ 1570 г. священникъ Іоаннъ, при полученіи прихода Петропавловской Виленской церкви далъ слѣд. обязательство мѣщанамъ: „бурмистры и радцы снабдили меня и дали въ хлѣбокормленіе церковь св. апостоловъ Петра и Павла, согласно съ древнимъ обычаемъ; имущество, по списку данное мнѣ отъ ихъ м. бурмистровъ и радцевъ, обязуюсь хранить и пріумножать“[2]).—Далѣе постановленіе 1511-го года объ ограниченіи участія мѣщанъ въ описяхъ церковныхъ имуществъ, потеряло силу и возстановлено старое право мѣщанъ ежегодно свидѣтельствовать и переписывать церковное имущество: въ 1582 г. король особою грамотою на имя митропол. Онисифора предписалъ ему не воспрещать мѣщанамъ такую каждогодную перепись. Оказалось, что именно игуменъ Троицкаго монастыря не допускалъ у себя въ монастырѣ подобныхъ ревизій[3]).—Въ 1595 г. Виленскіе мѣщане запечатали церковь св. Юрія на Росѣ въ слѣдствіе растраты церковнаго имущества священникомъ этой церкви, оказавшимся подъ запрещеніемъ[4]).

Во всѣхъ, приведенныхъ сейчасъ случаяхъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ городская община, какъ это видно изъ того, что кандидатовъ на священство представляютъ

---

[1]) Археогр. Сборн. т. VI, № 28.
[2]) Археогр. Сборн. т. VI, № 31.
[3]) Археогр. Сбор. т. VI, № 37.
[4]) Археогр. Сбор. т. VI, № 42.

магистратскіе чины (радцы), что акты ревизіи церквей вносятся въ городскія книги, что отвѣтственными лицами за цѣлость церковнаго имущества являются оффиціальные чины общины (казначеи) и что вообще жалобы, предписанія и соглашенія идутъ отъ имени городской общины и даются на ея имя. Хотя Виленская городская община, особенно въ концѣ XVI в., состояла уже изъ большинства католиковъ, но тѣмъ не менѣе общее право патронатства, принадлежащее ей надъ православными церквами, не уничтожается. Само собою разумѣется, что отдѣльные акты патронатства исполнялись лицами православнаго исповѣданія. Во всякомъ случаѣ, при успѣхахъ католичества и борьбѣ, возникшей изъ установленія уніи, подобный порядокъ становился ненормальнымъ.

Въ области, болѣе близкой къ юго-западу, именно въ Подляшьѣ, мы находимъ очень цѣнное свидѣтельство о такихъ-же порядкахъ, именно указывающихъ на права́ городскихъ общинъ въ подаваньѣ церквей, въ частности главной соборной. Для насъ этотъ примѣръ тѣмъ интереснѣе, что относится къ странѣ, входящей въ составъ одной изъ юго-западныхъ епархій—Владиміро-Волынской. Въ 1590 г. владыка Мелетій Хребтовичъ далъ такую благословенную грамоту общинѣ гор. Берестья: „Мелетии Хребтовичъ Литаворовича Бохрински (sic), волею Божіею прототронъ, епископъ Владимирски и Берейстейски, архимантритъ Кіевский монастыря Печерского, ознаймую, ижъ приходили до мене мѣщане его корол. мил. места Берестейскаго, бурмистры, радцы, цехмистры и иные съ посполитыхъ людей... православной вѣры, яко ктиторове и дозорцы вшелякихъ порядковъ церкви соборной Берестейской,.. жадаючи, же бы есмы имъ позволили мети школу свою вольную мескую посполитую и дьяка, або двухъ ку науце сыновъ своихъ.., хтобы колвекъ... дети свои до той школы, на грунтѣ мескомъ (збу)довалой, въ науку давать хотѣли“. Епископъ, посовѣтовавшись съ капитулою и крылошанами своими Берейстейскими и съ епископомъ своимъ „дворнымъ“ его мил. отцомъ Феофаномъ Могилевскимъ

(викарнымъ), находя эту просьбу ихъ основательною, позволилъ имъ, т. е. „всѣмъ панамъ мѣщанамъ этого города построить свою школу русскую греческой науки при соборной церкви на грунтѣ городскомъ“ [1]).—Трудно сказать относилось ли право городской общины только къ соборной церкви, или, подобно гор. Вильнѣ, ко всѣмъ городскимъ церквамъ, одно несомнѣнно, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою дѣйствительное право поданья, что выражено эксплицитно владыкою въ наименованіи представителей общины „ктиторами и дозорцами“ соборной церкви.

Приведемъ еще одинъ фактъ, относящійся къ сѣверозападному краю, именно къ гор. Могилеву. Въ 1585 г. король Стефанъ Баторій, въ своей грамотѣ къ Полоцкому архіепископу Өеофану—Богдану, говоритъ, что бурмистры, райцы, лавники и все общество гор. Могилева довели до свѣдѣнія его, что церковь св. Спаса въ Могилевѣ, построенная ими на свой счетъ, всегда бывала прежде въ ихъ власти и подаваньѣ; а теперь, когда она находится въ управленіи твоемъ („за держанья твоего“), пришла въ крайній упадокъ, ибо владыка въ Могилевѣ самъ никогда не бываетъ, а арендаторъ, которому онъ отдалъ въ аренду свои доходы отъ той церкви, не поправляетъ ее и наблюдаетъ только свои выгоды, а не хвалу Божію; отъ этого происходятъ и внутреннія неурядицы: совершаются частые незаконные разводы браковъ, противные закону Божію (вѣроятно арендаторъ, взимая пошлины за разводы, представлялъ ихъ на утвержденіе архіепископа безъ надлежащаго разсмотрѣнія). Король предписываетъ уступить церковь св. Спаса Могилевскимъ мѣщанамъ, чтобы они, поправивши ее, держали въ своей власти и подаваньѣ [2]).

Собирая вмѣстѣ черты патронатства, выраженныя въ приведенныхъ актахъ, мы видимъ, что право патронатства въ городскихъ общинахъ было весьма сложное: воперв. великій князь твердо сознавалъ свое верховное право патронат-

---

[1]) Арх. Сборн. т. XI, № 6.

[2]) Ак. з. Рос. III, № 152.

ства на всѣ церкви город. общины, какъ это видно отчетливо изъ рѣзкаго замѣчанія короля митрополиту, что онъ не имѣлъ права отдавать Виленскія церкви подъ право поданія мѣщанъ, отнимая это право отъ вел. князя; далѣе изъ того, что троицкій монастырь въ Вильнѣ вел. князь „отнялъ“ изъ права поданья митрополита и отдалъ королевѣ Еленѣ, съ условіемъ возвратить этотъ монастырь, по смерти королевы, опять подъ власть вел. князя.

Во втор. высшая епархіальная власть (митрополитъ) себѣ приписываетъ общее право поданья на всѣ городскія церкви, говоря, что онъ имѣетъ въ виду не троицкій монастырь, отнятый у него вел. кнnземъ, а остальныя церкви, остающіяся „въ его поданьѣ“.

Но подъ этими двумя высшими наслоеніями права (велико-княжескимъ и митрополичьимъ) дѣйствительное и непосредственное право поданья принадлежало городской общинѣ и признавалось за нею (несмотря на разныя пререканія и споры) самимъ вел. княземъ и митрополитомъ въ ихъ, приведенныхъ выше, грамотахъ, какъ относительно права избранія кандидатовъ на священство, такъ и распоряженія въ сферѣ имущественныхъ дѣлъ церковныхъ учрежденій. Даже частныя лица въ предѣлахъ город. общинъ привлекали къ управленію имуществами основанныхъ ими церковныхъ учрежденій представителей город. общинъ, какъ сдѣлалъ это Григ. Ходкевичъ при основаніи имъ церковной богодѣльни въ 1567 г.[1]), и какъ поступилъ Могилевскій мѣщанинъ Тимофей Гапоновичъ въ 1605 г.[2]).

в) *Приходскія общины и братства.* Права и дѣйствія городскихъ общинъ по отношенію по всѣмъ церквамъ города закрываютъ собою роль и значеніе приходскихъ общинъ въ этомъ-же отношеніи. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что приходъ („парохія“, „парафія“), какъ учрежденіе древнѣйшее и повсемѣстное, функціонировалъ и въ Литовско-русскомъ

---

[1]) Археогр. Сбор. т. XI, № 114.

[2]) Ист.-юрид. матеріалы, т. VIII, стр. 270. Сл. наши замѣтки по поводу этого изданія въ Унив. изв. 1878 г.

государствѣ, во всѣхъ его краяхъ; необходимость его существованія не исключаютъ правà какихъ-быто ни было патроновъ. Сомнѣніе можетъ явиться только относительно частно—владѣльчиныхъ селъ и находящихся въ нихъ церквей и монастырей (которые замѣняютъ приходскія церкви). Можно подумать, что здѣсь вовсе нѣтъ мѣста для проявленія дѣйствій прихода, такъ какъ церковь, ея имущества, самыя лица приходской общины, т. е. „подданные" (крестьяне) и отчасти приходское духовенство находились во власти землевладѣльца—пана. Но въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о многочисленныхъ и разнообразныхъ изъятіяхъ изъ этого всеобъемлющаго значенія патрона для сельской приходской общины (напр. въ фундушахъ церкви иногда участвовали не одни землевладѣльцы, но и прихожане—крестьяне, въ составъ прихода могли входить люди, жившіе на земляхъ разныхъ владѣльцевъ и коронныхъ). И при единствѣ власти землевладѣльца, какъ ктитора, участіе прихода въ дѣлахъ церкви не несовмѣстимо съ этою властію, ибо въ XVI в. „подданные" владѣльца еще не были крѣпостными и безправными.

Но за отсутствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ о правахъ прихода въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, ограничимся изложеніемъ дѣла относительно городскихъ церквей. Въ актахъ, относящихся къ юго-западной Россіи, мы не встрѣтили ни одного, указывающаго на права приходскихъ общинъ по отношенію къ церкви и ея имуществамъ. Но въ остальныхъ краяхъ Литовскаго государства такіе факты многочисленны,—между прочимъ въ городѣ Берестѣ, принадлежавшемъ къ Владимір. епархіи. Въ 1637 г. староста (starosta cerkvie sw. Troycy) и представители прихожанъ („z pozwolenem i rada wszystkich parafian") церкви св. Троицы въ Берестьѣ заявили въ магнетратскомъ урядѣ, что они продаютъ огородъ Шостоковскій, завѣщанный церкви Демьяномъ Шостакомъ, за 8 копъ грош.[1]). Тогда-же тѣже отдали въ аренду на 9 лѣтъ пивоварню (броваръ) Глинниковскую, завѣщанную *имъ на*

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. VI. № 23.

церковь Якубомъ Бодуличемъ на 10 л., татарину Богушевичу [1]). Противъ этихъ двухъ сдѣлокъ тогда-же заявленъ предъ урядомъ протестъ со стороны священника церкви св. Троицы Іонна Кречевича и другихъ прихожанъ (colatorow) той-же церкви. Протестующіе заявляютъ, что Игнатъ Кошка (въ актѣ продажи названный „старостою" церкви), будучи на то время „*дозорцею и старшимъ*" ц. св. Троицы, въ отсутствіи другихъ старшихъ церковныхъ, безъ вѣдома настоятеля и безъ собранія *полной сходки* (прихожанъ), согласившись съ нѣкоторыми изъ прихожанъ, совершилъ купчую и арендную запись ко вреду церкви, за полъ цѣны. Сверхъ того священникъ лично отъ себя заявляетъ, что Игнатъ Кошка самъ владѣетъ и пользуется огородомъ, завѣщаннымъ на церковь покойнымъ Глинничемъ и не уступаетъ ему—священнику, какъ служащему въ этой церкви [2]). Такимъ образомъ приходъ (parafiane, colatory, братія) вмѣстѣ со старостою и священникомъ, на общей сходкѣ, признаютъ за собою право не только отдачи въ аренду, но и отчужденія церковныхъ имуществъ. Этими имуществами вообще распоряжается приходская община и ея представители до такой степени свободно, что староста имѣетъ возможность обращать часть ихъ въ свое личное пользованіе.

Въ томъ-же 1637 г. предъ тѣмъ-же Берестейскимъ урядомъ „староста церкви Воскресенія и при немъ парафіане той-же церкви и братія церковные" заявили, что грунтъ, принадлежащей этой церкви, они продали на вѣчность п. Андрею Шуйскому за 30 зл., не предъявивъ никакихъ документовъ на право владѣнія церковію этимъ грунтомъ. Деньги переданы старостѣ Сорокѣ. Продавцы обязались защищать право покупщика до истеченія давности [3]). Здѣсь опять нѣтъ участія священника и даже нѣтъ протеста со стороны этого послѣдняго.

---

[1]) Ibid № 24.
[2]) Ак. Вил. ком. т. VI, № 30.
[3]) Ак. Вил. ком. т, VI, № 28.

Въ актахъ, относящихся къ г. Могилеву, нами уже давно отмѣчена огромная роль прихода въ дѣлѣ управленія церковію и ея имуществами, а именно приходской общинѣ принадлежитъ право избирать новаго священника и вводить его во владѣніе церковію и ея имуществами, заключать съ нимъ договоръ, служащій инструкціею для будущей дѣятельности новоизбраннаго настоятеля, устранять священника въ случаѣ ненадлежащаго исполненія имъ своихъ обязанностей къ церкви и прихожанамъ, распоряжаться имуществами церкви чрезъ избранныхъ приходскихъ шафаровъ (экономовъ), которые ежегодно отдаютъ отчетъ общему собранію прихожанъ [1]).

Какъ согласовались эти права съ правами городской общины, епархіальной власти и вел. князя, это опредѣлялось фактическимъ отношеніемъ названныхъ властей между собою и къ приходу: при отсутствіи общихъ причинъ къ коллизіи, дѣло улаживалось мирно, на основаніи обычнаго права; когда-же (особенно послѣ введенія уніи) отношенія эти обострились, то прихожане старались найти такой правомѣрный выходъ: на чьей землѣ основана церковь, тому и принадлежитъ право патронатства; если на землѣ общегородской, то городу; если на замковой великокняжеской, то вел. князю; если на землѣ приходской, то—приходской общинѣ; если на собственной землѣ священника, то ему; такъ въ 1615 г. прихожане Могилевскихъ церквей Ильинской и Крестовоздвиженской обязываютъ новоизбранныхъ священниковъ „не выхлопатывать привилегіи на владѣніе церковью себѣ и своимъ потомкамъ ни у короля, ни у владыки „ку оседичению своему тое церкви“, ибо храмъ основанъ на землѣ, принадлежащей не священникамъ, а на собственной землѣ прихожанъ, купленной на ихъ деньги и построенъ на ихъ счетъ и по ихъ старанію [2]).—Однако прихожане не отказываются

---

[1]) См. наши замѣтки по поводу изд. „Историко-юридическихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ Витеб. архива“ въ Унив. извѣст. 1878 г.

[2]) Истор.-юрид. матер. т. VIII, стр. 334 и 338.

отъ правъ на церковь и тогда, когда церковь состоитъ въ наслѣдственномъ правѣ священника и хотя послѣдній заявляетъ: „я не обращаю на васъ (прихожанъ) вниманія; не отъ васъ я имѣю церковь, а отъ господаря короля его мил. и содержаніе отъ господаря получаю“, какъ говорилъ въ 1590 г. попъ Могилевской церкви св. Троицы [1]).

Факты, приведенные нами, относятся къ XVII вѣку, но нѣтъ никакихъ причинъ считать ихъ явленіемъ поздняго происхожденія, такъ какъ не было причинъ, которыя-бы вызвали его именно въ XVII в.; притомъ извѣстно, что подобное-же участіе прихожанъ въ дѣлахъ церкви существовало съ древнихъ временъ во всѣхъ краяхъ православнаго міра, между прочимъ въ Московскомъ государствѣ. Въ силу того-же соображенія нельзя отрицать его и въ юго-западныхъ странахъ Литовскаго государства.

Однимъ изъ основаній для такого предположенія можетъ служить и слѣдующее обстоятельство: съ древнѣйшихъ временъ при приходскихъ церквахъ существуютъ *братства*. Впрочемъ въ древнемъ смыслѣ братство составляетъ весь приходъ, а сами прихожане именуются „братіями“. Нѣкоторые изъ нихъ избираются для болѣе активной дѣятельности, именуясь братчиками въ тѣсномъ смыслѣ; они заботятся о благосостояніи церкви; главнымъ (б. ч. единственнымъ) средствомъ для этого служатъ ежегодныя собранія прихожанъ въ храмовые, или другіе праздники для пировъ, къ которымъ приготовляется медъ, какъ напитокъ, а воскъ жертвуется церкви для изготовленія свѣчей и продажи ихъ. Братчики служатъ при церемоніяхъ церкви, замѣняютъ собою погребальныя общества и исполняютъ другія функціи благотворительныхъ обществъ. Полагаемъ, что именно чрезъ нихъ приходъ осуществлялъ свои права по отношенію къ церкви и ея имуществамъ, что „старосты“ или „старшіе церковные“, которыхъ въ приходѣ было нѣсколько, суть лица, избранныя братствами, представители ихъ.

---

[1]) Ibid. т. VII, стр. 496.

Примѣромъ правъ братства на церкви и ихъ имущества, можетъ служить Минское Петропавловское братство, основанное въ 1612 г. при Петропавловскомъ монастырѣ. Отношенія его къ самому монастырю нельзя опредѣлить съ точностію. Но братство могло владѣть своими спеціальными имуществами, назначенными однако для нуждъ церкви; такъ упомянутое братство владѣло фольваркомъ Переспой, пожертвованнымъ въ 1623 г., и двумя плацами, которые въ 1626 году пожертвовала кн. Ева Соломерецкая для основанія на нихъ церкви Преображенія. Но гораздо важнѣе этого то, что король, утверждая права братства, подчинилъ ему церковь Рождества Богородицы съ богадѣльней и минскій женскій монастырь съ его строеніями и землями [1]). Этотъ фактъ, впрочемъ, относится уже не къ древнимъ, собственно приходскимъ, братствамъ, а къ той новой формѣ ихъ, въ которую они перешли подъ вліяніемъ событій въ концѣ XVI в.

Приходы и ихъ братства могли съ успѣхомъ исполнять свои функціи только въ мирныя времена церкви, когда часть патрональной власти, принадлежавшая имъ, ни съ чьей стороны не встрѣчала препятствій, а напротивъ поддерживалась другими высшими элементами этой власти, когда ни земства, состоявшія изъ лицъ почти поголовно православныхъ, ни таковыя-же городскія общины, ни землевладѣльцы, также православнаго вѣроисповѣданія, ни наконецъ духовныя лица и власти не находили еще причинъ для пререканій съ ними. Но когда къ концу XVI в. дѣло рѣзко измѣнилось, когда и государственная власть (католическая), и разновѣрный составъ земствъ и городовъ, и уніатское духовенство стремились воспользоваться патрональною властію для своихъ цѣлей, то мелкія приходскія братства уже не въ состояніи были поддерживать свои древнія права. Изъ всѣхъ поименованныхъ носителей патрональнаго права ближе другихъ стояли къ приходамъ городскія общины, замѣнявшія собою земства, по мѣрѣ отступленія послѣднихъ отъ право-

[1]) Ак. Вил. ком. XI, № 36 и стр. XXVIII и XXIX.

славія. Однако настало время, когда въ самыхъ городскихъ общинахъ католическіе элементы, и затѣмъ и еврейскіе, получали все бо́льшій перевѣсъ. Тогда изъ городскихъ общинъ возникли корпораціи, состоящія исключительно изъ православныхъ элементовъ, направленныя именно на поддержаніе православной церкви и русской національности. Ихъ задачею было замѣнить въ этомъ отношеніи какъ городскія общины, такъ и земства. Мы говоримъ *о всесословныхъ братствахъ*, возникшихъ съ конца XVI в. Этотъ сюжетъ выходитъ изъ предѣловъ взятаго нами времени и не можетъ быть здѣсь разсматриваемъ въ его полнотѣ. Для насъ достаточно отмѣтить, въ примѣрѣ братствъ, возможность для юридическихъ лицъ (корпорацій) обладать правомъ поданья церквей и распоряженія церковными имуществами. Правда, нельзя допустить мысль, что братствамъ могло быть усвоено право поданья на весь округъ вліянія того или другого братства, напр. Благовѣщенскаго Кіевскаго братства на всю Кіевскую землю, Львовскаго Ставропигіальнаго—на всю Галицію, или Виленскаго Свято-духовскаго—на всю Литву. Каждое братство спеціально обладало только своею спеціальною церковію и ея имуществами; вліяніе братства на сторону было лишь моральнымъ, а не юридическимъ; надъ епископіями, монастырями и церквами простирались прежнія давнія права вел. князя (короля), пановъ и епископовъ; но братства, собравъ воедино разрозненныя силы православнаго населенія, противодѣйствовали, по мѣрѣ возможности, злоупотребленіямъ законныхъ патроновъ, сдѣлавшихся б. ч. врагами православія и поддерживали падающее значеніе приходскихъ общинъ.

г) *Частныя лица, какъ субъекты права поданія.* Важнѣйшій разрядъ частныхъ лицъ, обладавшихъ правомъ поданья суть *землевладѣльцы* (князья, паны, и земяне), каждый въ своемъ имѣніи. Кромѣ того лишь немногія лица могли обладать этимъ правомъ, именно лица духовнаго званія и люди свѣтскіе, могли получить право подаванья на то или другое учрежденіе *независимо отъ землевладѣнія*. Обратимъ преимущественное вниманіе на первую категорію.

Когда (именно во 2-ой полов. XVI в.) государственная власть постепенно никла предъ возникающимъ могуществомъ высшаго класса, когда права частныхъ лицъ этого класса оттѣсняли собою прежнее всемогущество лицъ правящихъ, тогда и въ той сферѣ правъ, съ которою мы теперь имѣемъ дѣло, произошелъ соотвѣтствующій переворотъ. Въ нач. XVI в. великій князь, еще признаваемъ былъ въ идеѣ верховнымъ патрономъ церковныхъ учрежденій обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но съ 2-ой пол. XVI в. онъ въ дѣйствительности проявлялъ свое значеніе только тамъ, гдѣ не дѣйствовали частныя силы панства, именно въ городскихъ общинахъ и въ епископіяхъ, что и признано окончательно къ концу вѣка.

Так. обр., указанный результатъ явился далеко не вдругъ: землевладѣльцы овладѣвали правами патронатства постепенно, заимствуя его изъ общаго источника правъ власти в. князя.

Ознакомимся сначала съ ограничительными условіями частнаго патронатства, а потомъ со способами его пріобрѣтенія.

Во перв. не всякій землевладѣлецъ могъ быть непремѣнно патрономъ церкви: говоря вообще только владѣльцы большихъ имѣній—князья и „паны" всегда могли быть патронами, а изъ земянъ тѣ, которые пріобрѣтали панскія имущества. Каждый-же изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, получавшій отъ вел. князя или пріобрѣтшій путемъ частныхъ сдѣлокъ незначительные участки, весьма нерѣдко на прекарныхъ (условныхъ) правахъ („до воли и ласки"), отнюдь не могъ заводиться собственною церковію и цѣлая масса ихъ входила въ составъ одного прихода („околичная шляхта"). Патрономъ общей ихъ церкви оставался или в. князь, или епископъ, или приходская община.

Во втор. быстрому торжеству правъ землевладѣльцевъ могло препятствовать разновѣріе съ населеніемъ имѣній. Хотя и самъ великій князь былъ католикомъ и это не мѣшало ему быть верховнымъ патрономъ надъ учрежденіями православной церкви, но его общегосударственная власть стояла

къ населенію во всякомъ случаѣ не такъ близко и непосредственно, какъ власть пановъ въ ихъ имѣніяхъ. Не сразу можно было усвоить мысль, что патрономъ церкви можетъ быть иновѣрецъ (вопреки ученію православнаго византійскаго права),—иновѣрецъ, котораго власть въ имѣніи была весьма сильна во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Митрополиты и соборы западно-русской церкви старались отстоять старый византійскій принципъ объ отстраненіи иновѣрцевъ отъ патронатства; по ихъ настояніямъ, въ концѣ XV и нач. XVI в. короли Александръ (въ 1497 г.) и Сигизмундъ (въ 1511 г.) давали грамоты, удовлетворявшія ихъ желаніямъ, а именно въ такихъ выраженіяхъ: „тежъ которыи князи и панове нашого римского закону маютъ по своимъ имѣніямъ церкви закону греческого и здавна будеть которая церковь—поданье митрополье, або владычне, тоя и теперь нехай будеть церковь ихъ поданья“ [1]). Законъ этотъ не совсѣмъ ясенъ: въ немъ запрещеніе иновѣрческаго патронатства простирается только на тѣ церкви, которыя прежде состояли въ патронатствѣ епархіальныхъ властей. Если здѣсь разумѣется патронатство, спеціально пріобрѣтенное тѣмъ или другимъ владыкою надъ извѣстною церковію или монастыремъ, то оно и должно оставаться за владыкою, кто бы ни былъ владѣльцемъ имѣнія все равно—католикъ или православный панъ; если же здѣсь надо разумѣть общее право патронатства, которое приписывали себѣ владыки на всѣ церкви своей епархіи (смѣшивая понятіе епархіальной власти съ правомъ поданья), то ни одна церковь не могла бы подпасть подъ свѣтское потронатство иновѣрца.—Но какъ бы то нибыло, упомянутые законы давали основанія епархіальнымъ владыкамъ отстранять иновѣрцевъ патроновъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. На дѣлѣ, принципъ, установленный этими законами, нарушался постоянно какъ до изданія ихъ, такъ и послѣ: въ томъ же самомъ году, когда состоялся приведенный законъ Сигизмунда, т. е. въ 1511 г. этотъ король нарушилъ выра-

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 166; II, № 65.

женное правило въ обратномъ смыслѣ, т. е. установилъ патронатство лица православнаго вѣроисповѣданія надъ католическимъ церковнымъ учрежденіемъ, а именно, отдавая городъ Перемиль въ держаніе князьямъ Федору и Ивану Михайловичамъ Вишневецкимъ (православнымъ), въ своей жалованной грамотѣ король передаетъ имъ право поданья надъ православнымъ монастыремъ и церковными землями въ Перемилѣ, и въ тоже время обязываетъ новыхъ владѣльцевъ построить для тамошнихъ католиковъ костелъ и имѣть при немъ каплана *отъ своей руки*[1]). Нечего и говорить, что обратныя явленія патронатства католиковъ надъ православными церквами могли быть и были гораздо болѣе частыми, особенно въ сѣверо-западной Россіи (Литвѣ и отчасти Бѣлоруссіи), гдѣ издавна высшіе классы усвоили католическую вѣру; тамъ землевладѣніе почти все находилось въ рукахъ католиковъ. Если бы приведенные законы кор. Александра и Сигизмунда исполнялись, то это привело бы въ тѣхъ странахъ къ сильной задержкѣ успѣховъ частнаго патронатства землевладѣльцевъ. Но на дѣлѣ было не такъ. Прежде всего князья, бывшіе прежде владѣтельными, сохраняли за собою право поданья (безспорно принадлежавшее имъ, какъ державнымъ властителямъ) и тогда, когда они превратились въ простыхъ землевладѣльцевъ. За ними слѣдовали „паны“, усвоявшіе себѣ княжеское право въ своихъ владѣніяхъ и нерѣдко пріобрѣтавшіе имущества отъ князей (въ особенности путемъ браковъ). Съ такими иновѣрцами трудно было спорить православной епархіальной власти. Так. обр. законы кор. Александра и Сигизмунда тотчасъ оказались мертвою буквою.

Что касается спеціально юго-западной Россіи, то здѣсь принципъ исключенія иновѣрцевъ и безъ того не имѣлъ примѣненія, ибо въ XVI в. вся масса землевладѣльцевъ (князей, пановъ и земянъ) принадлежала еще къ православному вѣроисповѣданію, за ничтожными исключеніями. Такія исключе-

---

[1]) См. этого тома стр. 6, прим.

нія представляли паны—католики, пришлецы изъ Литвы, пріобрѣтшіе имѣнія на Волыни, или въ Кіевщинѣ, какъ напр. Радзивилы—владѣльцы Олыки съ ея обширнымъ райономъ и другихъ имѣній. Но и эти исключенія (въ виду сказаннаго) отнюдь не ограничивали права патронатства для нихъ, какъ иновѣрцевъ; мы увидимъ, что княжеское право, пріобрѣтенное Радзивилами (отъ Сангушекъ) простиралось и на право поданья православныхъ церквей не только въ ихъ владѣніяхъ, но и въ самомъ главномъ городѣ Волыни—Владимірѣ надъ отдѣльными церквами.—Такъ иновѣріе весьма мало задерживало развитіе частнаго патронатства.

Затѣмъ существеннымъ ограничительнымъ условіемъ частнаго патронатства было то, что отнюдь *не каждому частному патрону принадлежали всѣ права, входящія въ право поданья*. Во всей полнотѣ это право принадлежало только государственной власти (пока она не передала его вполнѣ частнымъ землевладѣльцамъ). Частныя лица усвояли это право въ той мѣрѣ, въ какой оно было обозначено въ жалованныхъ грамотахъ вел. князя при каждомъ отдѣльномъ случаѣ; такъ весьма нерѣдко патрону принадлежали права законодательства и управленія и право рекомендаціи настоятелей монастырей и церквей, но не принадлежало право пользованія церковнымъ имуществомъ: въ упомянутомъ выше случаѣ, король Сигизмундъ, жалуя въ 1523 г. на вѣчность князю Василію Сангушкѣ право поданья на церковь св. Василія въ гор. Владимірѣ, обусловливаетъ пожалованіе тѣмъ, что кн. патронъ не долженъ имѣть никакихъ „выгодъ" (доходовъ) отъ той церкви; наоборотъ самъ долженъ снабжать ее необходимыми вещами и поправлять зданіе. Впрочемъ это не означаетъ, что патрону не принадлежитъ право участія въ управленіи церковнымъ имуществомъ (въ своемъ мѣстѣ будутъ приведены примѣры того).—Высказанное сейчасъ ограниченіе относилось преимущественно къ патронамъ, получившимъ право подаванья спеціально на то или другое учрежденіе, а не къ землевладѣльцамъ; но могло быть установлено и для этихъ послѣднихъ.

Далѣе право поданья могло быть или вѣчнымъ, т. е. потомственнымъ, или пожизненнымъ. Потомственное право передавалось наслѣдникамъ нисходящимъ и боковымъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; поэтому патрономъ могъ считаться малолѣтній и несовершеннолѣтній; въ такихъ случаяхъ фактически патронатство осуществлялось опекунами. Но ни въ жалованныхъ грамотахъ вел. князей, ни въ записяхъ частныхъ лицъ не находимъ ни одного указанія о судьбѣ патронатства по прекращеніи рода; однако нельзя сомнѣваться, что въ такомъ случаѣ право патронатства должно возвратиться къ вел. князю—первоисточнику его, что согласно и съ общимъ закономъ о выморочности имуществъ.—Но потомственное право принадлежало далеко не всѣмъ патронамъ; весьма часто въ жалованныхъ грамотахъ вел. князей дается имъ только пожизненное право [1]).--Пожизненное право примѣнялось обыкновенно къ патронатству надъ монастырями, но не церквами; послѣднее въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ всегда было потомственнымъ и переходило въ порядкѣ наслѣдованія имѣній.

Наконецъ надо имѣть въ виду, что при потомственномъ владѣніи патронатствомъ, оно можетъ быть или подѣлено между наслѣдниками, или принадлежать *коллективно цѣлому роду*. Въ первомъ случаѣ, впрочемъ, дѣлятся лишь доходы патронатства (съ имуществъ церкви); прочія правà поданья могутъ принадлежать старшему представителю рода. При коллективномъ владѣніи всѣ правà осуществляются совокупно всѣми совершеннолѣтними членами рода. Само собою понятно, какъ это обстоятельство вліяетъ на существо прàва поданья, смягчая произволъ одного лица участіемъ многихъ другихъ лицъ.

Нѣкоторыя ограничительныя условія возникаютъ для частнаго патроната и *изъ источниковъ его пріобрѣтенія*.

Способами его пріобрѣтенія были: а) пожалованіе, б) частныя сдѣлки и в) ктиторство.

---

[1]) Выше уже приведено нѣсколько примѣровъ дарованія пожизненнаго права.

Сообразно съ выраженнымъ принципомъ принадлежности вел. князю патронатства надъ всею церковію, *пожалованіе* является самымъ обильнымъ источникомъ права поданья для частныхъ лицъ. Подъ пожалованіемъ разумѣемъ вопервыхъ пожалованіе спеціально *права подаванья* и вовторыхъ *пожалованіе имѣній* съ правомъ патронатства надъ церковными учрежденіями, находящимися въ нихъ.

Въ первомъ случаѣ вел. князь даетъ или условное право поданья (ограниченное), или неограниченное. Условное право поданья обыкновенно дается при пожизненномъ пожалованьи, каково напр. пожалованіе князю К. И. Острожскому королемъ Сигизмундомъ въ 1511 г. Жидичинскаго монастыря; но иногда оно сопровождаетъ и пожалованіе потомственное, какъ пожалованіе князю Василію Сангушкѣ церкви св. Василія во Владимірѣ (фактъ упомянутъ выше).

При безусловномъ пожалованіи права патрона не опредѣляются въ жалованной грамотѣ. Таковы пожалованія кор. Казимира Немирѣ Резановичу на монастыри Земно и Чесный Хрестъ (въ числѣ другихъ имѣній) въ 1452 г.; кор. Александра (съ подтвержденіемъ Сигизмунда I въ 1526 г.) матери князя Ф. Мих. Чорторыйскаго на пожизненное владѣніе, а потомъ самому князю Федору на потомственное владѣніе монастыремъ Пересопницею, Сигизмунда-Августа пожалованіе князю Пронскому монастыря при с. Чеконѣ, какъ безхозяйнаго („лежитъ въ пустѣ"). Интересна слѣдующая жалоба Николая Дорогостайскаго, занесенная въ 1574 г. на кн. К. К. Острожскаго, что урядникъ этого послѣдняго, съ нѣсколькими десятками слугъ на коняхъ съ разнымъ оружіемъ, наѣхалъ на Черничцкій монастырь св. Спаса, „который я (пишетъ жалобщикъ) отъ *его королев. милости мелъ* и въ спокойномъ держаню ажъ до сего часу былъ", и тотъ монастырь съ крестьянами монастырскими насильственно захватилъ въ свое владѣніе [1]).

Намъ нѣтъ надобности множить подобные примѣры пожалованій: выше было упомянуто уже не мало такихъ фак-

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2048, л. 219 на об.

товъ; а ниже намъ придется имѣть дѣло еще съ бо̀льшимъ числомъ ихъ для уясненія вопроса о правахъ собственности на церковныя земли. Теперь же мы можемъ съ опредѣленностію выразить, что почти всѣ болѣе значительные монастыри попали въ частное патронатство путемъ пожалованія. Тоже относится и ко многимъ церквамъ въ городахъ и даже селахъ.

Но сельскія церкви подпали частному праву поданья главн. обр. чрезъ другой видъ пожалованія, именно чрезъ *пожалованіе великимъ княземъ имѣній съ правомъ поданья церквей въ нихъ*—источникъ самый обильный (такъ какъ огромное большинство земельныхъ владѣній образовалось въ Литовскомъ государствѣ чрезъ пожалованіе отъ великихъ князей). Иногда вел. князь въ жалованной грамотѣ спеціально опредѣляетъ права̀ новаго владѣльца на церковныя учрежденія въ жалуемомъ имѣніи, какъ онъ сдѣлалъ это напр. въ жалованной грамотѣ на Перемиль князьямъ Вишневецкимъ [1]); но большею частью въ грамотахъ право поданья просто упоминается на ряду съ прочими предметами владѣнія, причемъ оно часто даже не именуется правомъ поданья, а прямо правомъ на церковныя земли. Когда же право патронатства сдѣлалось постоянною принадлежностію землевладѣнія, то въ жалованыхъ грамотахъ вовсе о немъ не упоминается, очевидно потому, что дарованіе его разумѣется само собою; отсюда въ половинѣ XVI в. образовалось правило, по которому на судѣ право поданья доказывается принадлежностію лицу имѣнія, какъ непреложнымъ признакомъ.

Извѣстно, что изъ пожалованій возникали ограниченныя права на имущества; жалованныя имѣнія („выслуги“) не равнялись родовымъ и благопріобрѣтеннымъ весьма долго. Тоже относится и праву поданья; хотя бы это право было пожаловано безъ всякихъ ограниченій, но оно могло быть отнято вел. княземъ за злоупотребленія имъ; напр. въ 1580 г. великій князь предписалъ отобрать у епископа Іоны Красенскаго пожалованный ему монастырь Жидичинъ за хищ-

---

[1]) См. этого тома стр. 6, прим.

ническое управленіе его имуществами (фактъ подробнѣе приводимъ ниже). Вел. князья иногда отнимаютъ право поданья безъ всякой вины со стороны патрона, какъ напр. вел. князь Сигизмундъ I „отнялъ" у митрополита монастырь Троицкій въ Вильнѣ только потому, что королева Елена просила его себѣ; пожалованное право на церковныя учрежденія уже по существу своему было менѣе прочно. А чрезъ это права̀ частныхъ патроновъ находились подъ постояннымъ контролемъ государственной власти. Замѣчаніе это преимущественно относится къ патронамъ такихъ церковныхъ учрежденій, которыя находились не въ составѣ имѣній, хотя нѣтъ сомнѣнія, что право вел. князя на отнятіе патронатства въ важныхъ случаяхъ могло простираться на всякія церковныя учрежденія.

Когда право поданья слилось съ землевладѣніемъ, то первое пріобрѣталось и передавалось путемъ *гражданскихъ сдѣлокъ всякаго рода*,—а именно купли-продажи, мѣны, завѣщанія, законнаго наслѣдованія, даренія, заставы и пр. При всѣхъ этихъ сдѣлкахъ пріобрѣтается (и отчуждается) именно патронатство, вмѣстѣ съ правомъ на имущества, принадлежащія церковнымъ учрежденіямъ. Второй видъ тѣхъ же сдѣлокъ относится къ пріобрѣтенію и отчужденію имѣній и въ нихъ (между прочимъ) права поданья монастырей и церквей, принадлежащихъ къ имѣнію.—Что касается въ частности до купли-продажи, то она примѣнялась къ церквамъ: въ 1571 г. М. П. Гулевичъ продаетъ свою часть изъ общаго владѣнія Гулевичей, т. е. родоваго подворья въ окольномъ Луцкомъ за̀мкѣ. На этомъ подворьѣ отецъ продавца Дмитрій Гулевичъ построилъ каменную церковь во имя св. Димитрія и обезпечилъ ее содержаніемъ („надалъ", конечно, недвижимое имущество). Продавецъ, наслѣдовавшій право отъ отца, передаетъ по купчей двоюродному брату своему В. Ф. Гулевичу и его потомкамъ означенную часть подворья за 50 копъ грошей „съ поданьемъ церкви св. Димитрія; воленъ покупщикъ (говоритъ продающій) все подворье мое вышеписанное и съ поданьемъ той церкви св. Димитрія, держать,

пользоваться, строить, разширять“ и пр. [1]). Здѣсь и поданье церкви и часть подворья составляютъ равносильные предметы сдѣлки, ибо, очевидно, при дѣлежѣ подворья между сонаслѣдниками, право поданья церкви выпало на долю одного, быть можетъ старшаго, т. е. продавца, какъ цѣнная часть наслѣдства.—Но вотъ примѣръ передачи, путемъ мѣны, права поданья, какъ принадлежности имѣнія: въ 1574 г. епископъ Луцкій Іона промѣнялъ Радзивиламъ церковное имѣніе (Луцкаго владычества) Хорлупъ, именно зa̋мокъ съ фольварками и мѣстечко „съ подаваньемъ церквей, къ тому имѣнію прислухаючими“; въ замѣнъ онъ получилъ отъ Радзивиловъ зa̋мокъ Фалимичи съ фольварками „и съ подаваньемъ церквей, къ тому имѣнію прислухаючими“ [2]). Такимъ образомъ, православный епископъ, отчуждая церковное имѣніе, передаетъ католику и право поданья надъ православными церквами; въ свою очередь пріобрѣтаетъ въ своей собственной епархіи право поданья надъ нѣкоторыми церквами отъ пановъ-католиковъ.—Но въ той же сдѣлкѣ есть и примѣръ пріобрѣтенія, путемъ мѣны, права поданья независимо отъ имѣнія; а именно: по той же сдѣлкѣ владыка пріобрѣлъ „Васильевскую церковь у мести Володимерскомъ“, т. е. право поданья на церковь св. Василія въ кафедральномъ городѣ (Владимірѣ) сосѣдней-чужой епархіи.—Примѣромъ завѣщательной передачи можетъ служить завѣщаніе Якова Войны въ пользу матери на „поданье и опеканье“ Земенскаго монастыря и женѣ его на монастырь Чесный Хрестъ.—Какъ примѣръ заставной сдѣлки можно указать заставу монастыря Пересопницы кн. Юр. Ив. Чорторыйскимъ сестрѣ своей Загоровской. Всѣ эти и подобные факты будутъ изложены и анализированы подробнѣе въ своемъ мѣстѣ (для уясненія вопроса, какъ относятся эти сдѣлки къ правамъ церковныхъ учрежденій на ихъ имущества и къ принципу неотчуждаемости ихъ).

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ способовъ пріобрѣтенія права патронатства является *избраніе патрона самимъ*

[1]) Кіев. Цент. Арх. кн. 2094, л. 694 на об.
[2]) Кіев. Цент. Арх. кн. 2048, л. 311 на об.

церковнымъ учрежденіемъ. Такой фактъ мы можемъ указать лишь въ исторіи Галицкой церкви, именно Уневскаго монастыря. Но этотъ фактъ, не смотря на свою исключительность, содержитъ въ себѣ весьма характерное общее указаніе на существо патронатства; онъ былъ бы невозможенъ при иномъ понятіи объ этомъ правѣ. Въ 1581 году чернцы, монастыря Уневскаго, Симеонъ Боршевскій—старшій игуменъ того монастыря со всею о Христѣ братіею своею, выхлопотали привилегію у кор. Стефана Баторія на опеку того монастыря Василію Болобану и затѣмъ пригласили его къ себѣ въ монастырь, гдѣ собрались сосѣди ихъ и подданные и просили его (какъ прежде письменно) такъ теперь устно принять на себя такую опеку. Тогда онъ, какъ сынъ церкви, ради св. обители, гдѣ погребены тѣла предковъ его, согласился взять эту опеку, согласно съ привилегіею короля. О. Боршевскій со всею братіею, отдаваясь ему со всѣмъ ихъ подданными того монастыря въ опеку, вручилъ ему королевскую грамоту, въ которой король приказываетъ, чтобы онъ, осмотрѣлъ монастырскіе грунты и описалъ знаки и урочища и затѣмъ охранялъ ихъ, какъ опекунъ. Тогда, собравшіеся въ монастырѣ, сѣвши на возы и на коней съ пріятелями и сосѣдями, отправились на осмотръ границъ; границы подробно были описаны согласно съ грамотою кор. Сигизмунда Августа и съ описаніемъ ихъ, которое прежде сдѣлалъ покойный Ванько Лагодовскій, *который предъ тѣмъ былъ опекуномъ монастыря*. Затѣмъ новый опекунъ даетъ слѣдующее торжественное обѣщаніе: „Я Василей Болобанъ, на прозбу отцовъ уневскихъ, водлугъ волѣ и росказанью короля его м., поднявшись тои опѣки, маюся печаловати такъ о грунты, яко о посполитые кривды, и якъ могучи боронити маю, за ознайменьемъ мнѣ отъ помѣненыхъ отцевъ; а они ижъ бы Господа Бога просили за короля е. м. и весь міръ христіянскій и зо родичи мои и за мене грѣшного“ [1]).

Эта *опека* есть несомнѣнно патронатство; она охватываетъ самую существенную задачу этого послѣдняго.

---

[1]) Ак. з. Рос. III. № 126.

Мы говоримъ, что такой фактъ, хотя бы исключительный, былъ бы невозможенъ, если бы подъ патронатствомъ разумѣлось только право соединенное съ экономическими и другими выгодами патрона. Здѣсь очевидно, что патронатство мыслилось, какъ обязательство, добровольная и безкорыстная услуга въ пользу церковнаго учрежденія, какъ „опека“ въ истинномъ ея смыслѣ. Не патронъ ищетъ этого права, а патронируемое учрежденіе упрашиваетъ его и даже выхлопатываетъ заранѣе грамоту у короля на его имя съ цѣлію побудить, связать его волю. Ни о какихъ экономическихъ выгодахъ здѣсь рѣчи нѣтъ (хотя быть можетъ на дѣлѣ трудъ его оплачивался какимъ-либо способомъ). Дѣйствія опекуна не только опредѣляются королевскою грамотою, но и его собственнымъ торжественнымъ обязательствомъ въ отношеніи къ патронируемому монастырю. Вѣроятно, такое же значеніе имѣли и тѣ „*опекуны*“, которыхъ (какъ мы видѣли) избирали земства въ сѣверныхъ краяхъ Литовскаго государства, а равно и тѣ патроны, которымъ жаловалъ великій князь право подаванья безъ всякихъ правъ на пользованіе церковнымъ имуществомъ, о чемъ мы упомянули выше. Для насъ эти факты пригодятся при опредѣленіи сущности права поданья, къ чему перейдемъ вскорѣ.

Между указанными способами пріобрѣтенія права поданья мы еще не упоминали о томъ, который служилъ единственнымъ, или по крайнѣй мѣрѣ, важнѣйшимъ въ древней православной восточной церкви, именно о *ктиторствѣ*. Этотъ способъ примѣнялся и въ правѣ западно-русской церкви, но мы не даромъ поставили его на задній планъ; между другими вышеизложенными, это былъ наиболѣе слабый и нехарактерный источникъ права подаванья. Онъ примѣнялся лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда возникало новое поселеніе и въ немъ новая церковь, или когда основывался монастырь по иниціативѣ и за счетъ частнаго лица. Имущество, которое записывалъ основатель, называлось фундушемъ, а самъ основатель фундаторомъ (тоже, что́ ктиторъ). На коронныхъ земляхъ и въ такомъ случаѣ право подаванья оставалось за вел. княземъ

(за немногими исключеніями въ силу особыхъ привилегій). Въ собранныхъ нами актахъ мы имѣемъ только одинъ примѣръ чистаго примѣненія ктиторства къ праву поданья: именно выше былъ уже отмѣченъ фактъ продажи М. Гулевичемъ подворья въ Луцкѣ съ церковію св. Димитрія, основанною отцомъ продавца и обезпеченною отъ него имуществомъ, что́ въ купчей и отмѣчено, какъ единственное основаніе правъ Гулевича на эту церковь[1]). Факты собранные другими писателями, извѣстны: Н. Д. Иванишевъ указываетъ: а) на основаніе кн. Ф. Андр. Сангушко, въ его имѣніи Мильцахъ, монастыря Мелецкаго св. Николая съ назначеніемъ фундуша изъ 5 селъ; б) на основаніе Вас. Загоровскимъ церкви въ с. Суходолахъ съ богадѣльнею; в) на основаніе кн. Бог. Фед. Корецкимъ въ своихъ имѣніяхъ трехъ монастырей: Корецкаго, Маренинскаго и Городискаго[2]). И только. Случаи ктиторства учащаются (особенно въ сѣверо-западной Руси) лишь послѣ введенія уніи, когда борющіяся стороны спѣшили воспользоваться правомъ поданья для пропаганды того вѣроисповѣданія, къ которому сами принадлежали. Ктиторы утверждали свое наданье на вѣчность, запечатлѣвая свою волю клятвами, обращенными къ сыновьямъ и потомкамъ своимъ, но не опредѣляя судьбы имущества въ случаѣ прекращенія рода.

Но дѣло не въ томъ только, что подобные случаи въ болѣе древнее время относительно рѣдки, а въ томъ, что до XVI в., когда право поданья не слилось еще съ правомъ землевладѣнія, разсматриваемый источникъ права поданья не былъ самостоятельнымъ и въ свою очередь зависѣлъ отъ высшаго права господаря. Мы сейчасъ сказали, что основаніе, или возобновленіе монастыря или церкви на коронныхъ земляхъ не давало ктиторскихъ правъ фундатору: право подаванья оставалось за вел. княземъ; примѣромъ можетъ служить фактъ возобновленія двумя частными лицами монастырей Михайловскаго и Межигорскаго въ Кіевѣ,—фактъ

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх. к. 2094, л. 694 на об.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. XVIII—XIX, и 97.

приведенный выше. Но полагаемъ, что раньше право фундаторовъ подчинялось праву вел. князя и въ имѣніяхъ частновладѣльческихъ, ибо приходская церковь считалась учрежденіемъ общественнымъ, призваннымъ къ исполненію задачъ, которыми должно дорожить и государство. На эту мысль наводитъ одно рѣшеніе вел. князя Александра по спору о правѣ на церковь между частною владѣлицею имѣнія Крупскою и основательницею этой послѣдней, а съ другой стороны прихожанами той же церкви, не принадлежащими къ имѣнію Крупской. Великій князь рѣшилъ въ пользу послѣднихъ и позволилъ имъ перенести церковь на свою землю. Напротивъ тоже самое дѣло (1511 г.) преемникъ Александра Сигизмундъ I рѣшилъ въ противоположномъ смыслѣ, выставивъ принципъ о принадлежности правъ на церковь по землевладѣнію[1]) (ниже мы анализируемъ этотъ фактъ подробнѣе). Вел. князь Александръ, очевидно, держался древнихъ воззрѣній о правѣ государя заботиться о церквахъ, какъ общественныхъ учрежденіяхъ, на чьей бы землѣ онѣ ни были; а кор. Сигизмундъ сталъ уже на новую частную точку зрѣнія.

Только къ частнымъ ктиторамъ (а отнюдь не къ органамъ государства) могло-бы быть примѣнено право церковной власти лишать права ктиторства за нарушенія съ ихъ стороны этого права. Въ „свиткѣ Ярослава“ (памятникѣ, на которомъ основала свое право православная церковь въ Литвѣ), между прочимъ выражено, что въ случаѣ противодѣйствія власти епископа надъ священниками, князья и бояре могутъ утратить права ктиторства. Эта угроза апокрифическаго закона оставалась мертвою буквою. Впрочемъ мы знаемъ одинъ случай лишенія права „колляторства“ за проступки коллятора, именно расхищеніе церковнаго имущества; но этотъ случай относится уже къ уніатской церкви къ нач. XVIII в. и къ сѣверозападному краю. Дѣло происходило въ 1698—1702 г. о нѣкоемъ Песлякѣ, унаслѣдовавшемъ

[1]) Лит. Метр. изд. 1903 г., стр. 755—757.

колляторскія права отъ своего дяди—основателя Борунскаго монастыря; онъ своимъ поведеніемъ относительно монастыря заставилъ митрополита (уніатскаго) лишить его колляторства, но не подчинился власти митрополита. Дѣло окончательно рѣшено свѣтскими судами—и наконецъ главнымъ трибуналомъ въ смыслѣ отнятія у Песляка его права[1]). Правда, ктиторы уже съ давнихъ временъ, въ своихъ грамотахъ въ пользу церкви, отдаютъ исполненіе своихъ поданій подъ надзоръ епархіальной власти, но этотъ надзоръ простирается только на случаи отнятія имущества у церкви преемниками ктитора, о чемъ упомянемъ въ своемъ мѣстѣ.

Каковы бы ни были первоначальныя ограничительныя условія частнаго патронатства, во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ, когда безусловныя права землевладѣнія утвердились за частными лицами, т. е. освобождены окончательно отъ вліянія государственной власти, то и въ отношеніи къ праву поданья произошелъ неизбѣжный переворотъ, именно оно вполнѣ сливается съ правомъ землевладѣнія (за ничтожными исключеніями); патрономъ церквей всякаго имѣнія необходимо признается землевладѣлецъ. Сфера вліянія вел. князя сократилась: она простирается теперь (въ XVII в.) только на церкви, находящіяся въ государственныхъ имуществахъ, территорія которыхъ сдѣлалась уже ограниченною. Общее начало принадлежности права поданья вел. князю только на коронныхъ имуществахъ выражено въ самомъ началѣ XVIII в. въ слѣд. грамотѣ 1701 г. того-же самаго короля Августа II, который, какъ мы видѣли, въ томъ-же 1701 году, въ другой грамотѣ заявилъ себя „туторомъ и протекторомъ всѣхъ духовныхъ лицъ, и учрежденій“: король даетъ номинату Луцкой епископіи Жабокрицкому привилегію на пожизненное право поданья (jus patranatûs et collationis) надъ всѣми православными партикулярными монастырями и приходскими церквами въ воеводствахъ Кіевскомъ, Волынскомъ и Браславскомъ въ коронныхъ имѣніяхъ *(in bonis nostris quibusvis rega-*

---

[1]) Ак. Вел. ком. т. XI, № 110.

libus znaydujących sie, *do dyspozycyey y collacyey naszey krolevskiey należących*"), во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ королевскихъ[1]). Хотя въ этой грамотѣ король поручаетъ Жабокрицкому спеціально только провѣрку правъ настоятелей монастырей и церквей на управляемыя ими учрежденія, но такъ какъ въ грамотѣ право, данное Жабокрицкому, именуется общимъ названіемъ jus patronatûs, то и надо разумѣть его въ обширномъ обще—употребительномъ смыслѣ. Мы же въ этомъ актѣ подчеркиваемъ ту важнѣйшую черту въ исторіи анализируемаго учрежденія, что, по убѣжденію самаго короля, его право простирается уже только на государственныя имущества (bona regalia).

Сущность и элементы права поданья. Въ виду всего сказаннаго выше, надо придти къ выводу, что право поданья не есть византійское ктиторство, т. е. право отдѣльнаго лица на то или другое, основанное имъ учрежденіе. Его значеніе гораздо шире и важнѣе: имъ обозначается отношеніе цѣлаго государства и общества къ церкви. Взятое въ идеѣ, это право представляло бы слѣдующія отношенія: государство и церковь не стремились ко взаимному разрыву; не отдѣленіе церкви отъ государства, а напротивъ тѣснѣйшая связь между ними тогда считалась благомъ какъ для государства, такъ и для церкви: церковь искала поддержки и защиты у государства; государство, даруя эту защиту, пріобрѣтало большое вліяніе на церковь. Въ частности въ Литовскомъ государствѣ православная церковь не стремилась (и не могла стремиться) поработить государство, какъ средневѣковое католичество. Государство (въ XVI в.) считало своею обязанностію покровительствовать церкви не потому, чтобы признавало своею задачею пропагандировать и поощрять восточное вѣроисповѣданіе, что̀ само собою понятно относительно правителей католиковъ. До уніи 1596 г. государство не было и гонителемъ православія, не принимая на себя не подобающей ему роли и не будучи теократическимъ. Цѣль патронатства была

[1]) Кіев. Цен. Арх., кн. 1609, л. 209.

государственная, а именно: всякое государство должно поддерживать и гарантировать не только экономическій быть и безопасность населенія, но давать возможность удовлетворенія духовныхъ потребностей его, т. е. научныхъ, художественныхъ и религіозныхъ, отнюдь не создавая само ни науки, ни искусства, ни религіи. Въ тѣ времена, т. е. въ XVI в., умственные и художественные интересы сосредоточивались главнымъ образомъ на религіи. Заботы о великолѣпіи храмовъ, величіи и красотѣ богослуженія и о церковныхъ школахъ замѣняли тогда всѣ современныя намъ вѣдомства и министерства, посвященныя наукѣ и искусству.—Церковь охотно подчинялась велѣніямъ государства и мѣрамъ общества, направленнымъ къ ея же благу: церковныя учрежденія находились въ тѣсной близости и подъ постояннымъ надзоромъ органовъ государства, общества и частныхъ лицъ, а потому злоупотребленія, въ которыя такъ часто впадали представители церкви при ея большихъ богатствахъ, не могли оставаться незамѣченными и чуждыми для мірянъ.

Само собою разумѣется, что мы говоримъ объ *идеѣ патронатства*, а не о тѣхъ нелѣпыхъ формахъ, въ которыя оно нерѣдко выливалось въ дѣйствительности. Однако отнюдь не слѣдуетъ думать, что идея эта на дѣлѣ была всегда пустымъ звукомъ и кромѣ вреда не приносила ничего. Мы уже привели выше тотъ случай, при которомъ великій князь счелъ нужнымъ выразить въ ясныхъ чертахъ, *въ чемъ должно состоять церковное патронатство* и какихъ цѣлей должно достигать оно; мы говоримъ о передачѣ вел. княземъ въ 1584 г. права поданья надъ Троицкимъ монастыремъ въ Вильнѣ городской общинѣ: патронъ (община) обязанъ смотрѣть за имуществомъ и доходами монастыря и хотя архимандритъ избирается также городскою общиною, тѣмъ не менѣе городъ избираетъ двухъ завѣдующихъ монастырскимъ хозяйствомъ изъ числа согражданъ; самые же доходы должны идти, кромѣ содержанія монастырскаго духовенства, на бѣдныхъ монахинь, церковныхъ слугъ, на устройство школъ и обученіе дѣтей. Этотъ (не единственный) примѣръ поучите-

ленъ потому, что здѣсь вел. князь выразилъ *все* значеніе патронатства, *все* то право *свое*, которое онъ передалъ городу; слѣдов. всѣ другія примѣненія этого права, съ которыми ознакомимся сейчасъ, личныя корыстныя выгоды, которыя оно давало особенно частнымъ лицамъ—патронамъ, должны быть признаны искаженіемъ этого права,—искаженіемъ, которое нерѣдко допускали и сами вел. князья. Но злоупотребленія (особенно усилившіяся въ XVII и XVIII в.в.), какъ бы часто они не повторялись, остаются всегда только злоупотребленіями, а не правомъ [1]). Имѣя же въ виду истинное, идеальное значеніе патронатства, мы находимъ въ немъ вѣрный презервативъ какъ противъ злоупотребленій духовенства церковными богатствами, такъ и противъ стремленій къ секуляризаціи и амортизаціоннымъ законамъ; въ самомъ дѣлѣ, если имущество церкви состоитъ подъ управленіемъ общественныхъ группъ или уполномоченныхъ свѣтскихъ лицъ и должно быть употребляемо на дѣла благочестія, благотворительности и просвѣщенія, то какая цѣль отнимать эти имущества?

Переходя къ изображенію дѣйствительности, мы должны разсмотрѣть права, входящія въ понятіе патронатства, каждое въ отдѣльности.

Чистовичъ [2]) говоритъ: „частными формами патронатскаго права были: 1, право покровительства (jus patronatûs) или попеченія о патронируемыхъ учрежденіяхъ, снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ и охраненія при всякихъ случаяхъ.

---

[1]) Король считаетъ своею обязанностью заботиться о благоустройствѣ православной церкви такъ же, какъ и католической: Сигизмундъ-Августъ въ 1546 г. далъ такую грамоту Кіевскому митрополиту Макарію: „узнавъ отъ многихъ князей и пановъ о безпорядкахъ, происходящихъ среди православнаго духовенства, а особенно среди самыхъ владыкъ, какъ напр. на Волыни, и о томъ, что ты (митрополитъ) того знать не хочешь и не прекращаешь.., находимъ необходимымъ, что бы ты собралъ соборъ изо всей твоей митрополіи". Для созыва собора король самъ назначаетъ срокъ—на праздникъ Вознесенья въ Вильнѣ, и предупреждаетъ, что когда члены собора съѣдутся, то король самъ укажетъ, о чемъ имъ слѣдуетъ разсуждать (Ак. зап. Рос. III. № 3).

[2]) „Очеркъ ист. западно-русской церкви", стр. № 197.

2, *право подаванья* (jus donandi), или отдачи монастырей и церквей извѣстнымъ лицамъ. 3, *право презенты, представленія* (jus praebendi, jus praesentationis), или рекомендаціи извѣстныхъ лицъ на должности священниковъ и монастырскихъ настоятелей и наконецъ 4, *право управленія и суда* въ опредѣленныхъ границахъ по отношенію къ общей подсудности церквей и монастырей государству и духовной власти". Такъ какъ первое изъ упомянутыхъ здѣсь правъ не есть право, а моральное обязательство, а второе и третье суть одно и тоже (если только подъ „отдачею монастырей и церквей" не разумѣть право отчужденія патронатства), то мы установимъ другую, именно слѣдующую схему элементовъ права подаванья: 1, законодательство (право давать уставы церковному учрежденію), съ чѣмъ соединяется и наблюденье за исполненіемъ устава, т. е. власть управленія; 2, судебная власть и судебное представительство; 3, право назначенія духовныхъ властей (митрополита, епископовъ, настоятелей монастырей и церквей) и 4, право патрона въ отношеніи къ имуществамъ церковнаго учрежденія (для нашей теперешней цѣли самое важное и существенное).

1, Въ каноническомъ отношеніи главнѣйшее значеніе имѣетъ *законодательная и судебная власть патрона;* патронъ обладаетъ правомъ предписанія церковному учрежденію новыхъ уставовъ. По общему порядку каждый патронъ имѣлъ такое право; но иногда государственная власть (вел. князь) жалуетъ кому либо это право, какъ спеціальное, не предоставляя другихъ патрональныхъ правъ. Напримѣръ въ 1511 г. король Сигизмундъ I даетъ князю К. И. Острожскому, по его просьбѣ, право установить въ Жидичинскомъ монастырѣ св. Николая общину „и рядъ справити, по закону греческому". Король даетъ это право, какъ награду, князю за его вѣрную службу и предоставляетъ монастырь „въ его моцъ и опеканье" пожизненно. Общинное устройство, которое установитъ князь Острожскій, должно оставаться нерушимымъ вѣчно [1]). Ни о какихъ другихъ правахъ патронат-

[1]) См. этого тома № XXXIV.

ства не упоминается. Наоборотъ одно изъ важнѣйшихъ правъ, т. е. право выбора и рекомендаціи настоятелей прямо въ самой же королевской грамотѣ предоставляется не князю Острожскому, а князьямъ, панамъ и земянамъ Волынской земли вмѣстѣ съ монахами. Впрочемъ никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ пожизненное право Острожскаго входитъ надзоръ за соблюденіемъ даннаго имъ устава, ибо только въ этомъ и можетъ заключаться „моцъ и опеканье", предоставленныя ему королемъ, т. е. власть законодательная въ этомъ случаѣ неизбѣжно соединяется съ властію управленія.

Великій князь нерѣдко предоставляетъ выработку уставовъ своимъ намѣстникамъ и воеводамъ, конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о церковныхъ учрежденіяхъ, состоящихъ въ непосредственномъ патронатствѣ вел. князя; самъ государь, какъ католикъ, не могъ взять этого на себя.

Что касается до содержанія уставовъ, то они могутъ обнимать всю внѣшнюю жизнь учрежденія (не касаясь собственно церковныхъ порядковъ, напр. богослуженія), при чемъ, однако, весьма близко подходятъ къ вопросамъ о монашеской дисциплинѣ и морали; въ этихъ уставахъ патронъ можетъ опредѣлить порядки устройства и управленія даннаго учрежденія, именно установить новыя должности и обозначить кругъ ихъ функцій, предписать обязанности какъ для цѣлаго учрежденія, такъ и для отдѣльныхъ органовъ его управленія, распредѣлить доходъ между отдѣльными категоріями лицъ, составляющихъ учрежденіе, узаконить право наслѣдства послѣ физическихъ лицъ, входящихъ въ него, обозначить порядокъ жизни членовъ учрежденія (въ монастыряхъ—порядки трапезы, правила о выходѣ за стѣны монастыря и пр.); далѣе въ уставъ входятъ постановленія объ имущественныхъ правахъ отдѣльныхъ лицъ и правахъ цѣлой общины, напр. правѣ на келью, занимаемую монахомъ, оставляющимъ монастырь; наконецъ порядки управленія церковными имѣніями и полученія доходовъ съ нихъ. Все это главнымъ образомъ относится къ поданію монастырей, въ которыхъ подобными уставами патроны вводили общину.

Такъ въ 1551 г. въ Печерскомъ монастырѣ [1]) постановленъ подобный уставъ Кіевскимъ воеводою княземъ Фридр. Глѣб. Пронскимъ (отъ имени великаго князя—высшаго патрона этого монастыря). Онъ въ своемъ уставѣ отстранилъ архимандрита отъ завѣдованія экономическою частію и ввелъ для этой послѣдней новыя должности эконома и палатника. Уставъ утвержденъ потомъ королемъ.

Интересный примѣръ осуществленія законодательныхъ правъ подавцы представляетъ исторія Супрасльскаго монастыря. Мы воспользуемся главными фактами этой исторіи; хотя самое учрежденіе стоитъ внѣ нашего спеціальнаго района, но она даетъ нѣкоторыя характерныя черты для предмета, котораго мы касаемся. Въ ней, между прочимъ, затрогивается вопросъ: имѣетъ ли право ктиторъ (патронъ) давать уставы монастырю безъ согласія высшей церковной власти. Ктиторами этого монастыря были митр. Іосифъ Солтанъ и Александръ Ивановичъ Ходкевичъ („посполиты ктиторы тоя новоцътвующіа ангельскыя ограды"). Поэтому первый уставъ 1510 г. дается монастырю совокупною волею обоихъ ктиторовъ („похотѣхомъ нашою доброю волею и накладомъ соорувити монастырь инокамъ иноческаго общаго равножительства", т. е. общины). [2]) Но затѣмъ въ 1568 г. уже безъ участія митрополита, ктиторы Григорій и Юрій Ходкевичи даютъ монастырю новый уставъ, касающійся подробностей церковной и хозяйственной жизни монастыря; при этомъ ктиторы отказались отъ всякихъ доходовъ съ монастырскихъ имуществъ и пользованія работами монастырскихъ крестьянъ, а также отъ вмѣшательства въ финансовое управленіе дѣлами монастыря, предоставляя все это архимандриту съ братіею [3]). Ктиторомъ, какъ видно изъ этого акта, считался не одинъ старшій представитель фамиліи Ходкевичей, но вся

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 10. Измѣненія, дополненія и отмѣны въ уставѣ Печерскаго монастыря повторялись много разъ волею великокняжескихъ Кіевскихъ намѣстниковъ и воеводъ.

[2]) Арх. Сборн. т. IX, № 5.

[3]) Археогр. Сборн. IX, № 22.

фамилія въ совокупности. Однако между членами фамиліи всегда былъ старшій, который иногда и выступаетъ единолично въ качествѣ законодателя для монастыря. Именно въ 1603 г. Іеронимъ Ходкевичъ, „панъ Виленскій староста Берестейскій, подавца и ктиторъ монастыря Супрасльского“, заявляетъ, что онъ, „будучи старшимъ ктиторомъ церкви Божіи и всего монастыря Супрасльского“, даетъ монастырю новый уставъ. Мотивомъ для этого послужило то обстоятельство, что „монахи своевольно жили и мѣшкали“; своимъ уставомъ онъ имѣетъ въ виду „злые обычаи направить и постановленія давнія ослабѣвшія подкрѣпить“. Это не означаетъ однако, что ктиторъ хочетъ только возстановить и повторить старый уставъ [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ участія митрополита ни въ качествѣ высшей церковной власти, которая, повидимому, должна бы наблюдать за соотвѣтствіемъ монастырскихъ уставовъ канонамъ, ни въ качествѣ соучастника въ ктиторствѣ Супрасльскаго монастыря. Но когда въ 1627 г. Христофоръ Ходкевичъ далъ свои постановленія спеціально объ отношеніи ктитора къ митрополиту и о внутренней жизни монастыря, то Кіевскій (уніатскій) митрополитъ Іосифъ Рутскій предалъ суду архимандрита Супрасльскаго Велинонтія за то, что онъ своею подписью изъявилъ согласіе исполнять уставъ, данный противно церковнымъ канонамъ. Судебное дѣло, начатое митрополитомъ противъ самого Ходкевича, разсматривалось въ обыкновенныхъ общихъ судахъ (земскомъ, гродскомъ и Виленскомъ трибуналѣ) и, наконецъ, рѣшено самимъ королемъ въ пользу духовной власти [2]). Но рѣшенія этихъ судилищъ совсѣмъ не поучительны для принципіальныхъ выводовъ объ отношеніи ктитора къ духовной власти, ибо въ такого рода вопросахъ подобныя судилища совсѣмъ не компетентны при совершенномъ отсутствіи какихъ либо указаній въ свѣтскомъ законѣ.

---

[1]) Археогр. Сборн. IX, № 36.

[2]) Ibid. Всѣ вышеприведенныя цитаты относительно Супрасльскаго монастыря взяты изъ такъ называемой Супрасльской лѣтописи.

2, Право *судебнаго представительства* и защиты церковныхъ учрежденій отъ правонарушеній, совершаемыхъ сторонними лицами, принадлежитъ патрону (вмѣстѣ съ лицами, начальствующими въ учрежденіи—настоятелями), хотя бы правонарушеніе совершено было лицомъ, облеченнымъ высшею епархіальною властію; напр. въ 1596 г. жалоба о нападеніи на Ильинскій монастырь владыки Ипатія Потѣя занесена была въ гродскомъ Владимірскомъ судѣ Загоровскою, патронессою этого монастыря[1]). Въ 1593 г. жалоба на пана Лодзинскаго о нападеніи на монастырь Дорогобужскій заявлена въ Луцкомъ гродскомъ судѣ архимандритомъ этого монастыря Феофаномъ Бабацкимъ отъ себя „и именемъ княжати Константина Острожскаго..., яко фундатора церкви святое Пречистое монастыря Дорогобужскаго“[2]).

Для насъ въ особенности интересно право судебной власти самого вел. князя, истекающее изъ его патрональныхъ правъ. Послѣ уніи 1569 года права эти урѣзывались и общими законами (статутами) и частными сеймовыми конституціями. Такъ великій князь, какъ патронъ и „оборонца“ церкви, прежде принималъ къ своему суду всякіе споры и жалобы о церковныхъ имуществахъ, напр. о захватѣ такихъ имѣній кѣмъ-либо изъ стороннихъ лицъ; теперь шляхетство ревниво оберегаетъ свое право судиться предъ обыкновенными, вновь установленными органами суда, т. е. судами земскими и шляхетскимъ трибуналомъ; это объясняется не только стремленіемъ къ огражденію шляхетскихъ правъ вообще, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что захватчиками были, обыкновенно люди шляхетскаго сословія; а общегосударственные органы суда, по составу своему, были именно шляхетскими. Въ 1579 г. архимандритъ Кіево-Печерскій Мелетій Хребтовичъ (который вообще энергично отстаивалъ имущественныя права своего монастыря) обратился къ королю съ жалобою сразу противъ двухъ князей, захватившихъ Печерскія земли, а именно князя Полубенскаго, завладѣвшаго се-

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 121.
[2]) Ibid № 93.

ломъ Волницы съ приселками Межилѣсьемъ, Дубровою и Положевичами, и противъ князя Ярослава Ярославича Микитинича о захватѣ земли и людей въ Любнащахъ. Повѣреннымъ обоихъ князей явился одинъ—нѣкій Адамъ Мархачъ, который и предъявилъ отводъ о некомпетентности великокняжескаго суда, помимо установленныхъ органовъ; съ тѣмъ согласился и король [1]).—На какой законъ могъ сослаться Мархачъ въ 1579 г., мы не знаемъ; но потомъ вопросъ *о процессуальныхъ особенностяхъ (возникшихъ отчасти изъ права подання)* рѣшенъ въ 1584 г. (дек. 24) на главномъ съѣздѣ въ Волковыйскѣ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ; тамъ было составлено нѣсколько артикуловъ для новаго статута, касающихся спеціально духовныхъ лицъ и учрежденій и ихъ имуществъ. Эти артикулы были представлены для утвержденія короля кардиналомъ бискупомъ Виленскимъ Юріемъ Радивиломъ. Въ артикулѣ 33-мъ (по порядку статута) содержится постановленіе о порядкѣ тяжебныхъ дѣлъ по имуществамъ между свѣтскими лицами и церковными учрежденіями, а именно: если дѣло идетъ о духовныхъ имѣніяхъ, которыя пожалованы королями и службѣ земской военной не подлежали, то искъ долженъ быть направленъ къ королю, который и поручаетъ разсмотрѣніе дѣла своимъ комиссарамъ (это, впрочемъ, было установлено еще въ 1568 г., по пунктамъ митр. Іоны: п. 7 [2]). Если-же имѣнія церковныя пожертвованы князьями, панами и земянами-шляхтою, то обиженный долженъ искать въ обыкновенныхъ судилищахъ (земскихъ); судъ земскій долженъ отослать жалобу мѣстному подкоморію; подкоморій имѣетъ право послать вызовъ къ суду какъ къ тому духовному лицу, которому принадлежитъ имѣніе, такъ и къ „подавцу“ (патрону). Давность исковъ между церковными и свѣтскими имѣніями полагается такая-же, какъ между государственными и шляхетскими имѣніями [3]). Въ этомъ узаконеніи установлена очень важная разница между

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 111.

[2]) Ак. з. Рос. III, № 43.

[3]) Ак. з. Рос. III, № 161.

церковными имуществами по ихъ источникамъ: дѣла по имуществамъ, пожалованнымъ государственною властію, рѣшаются государемъ; здѣсь нѣтъ рѣчи о патронахъ, ибо въ такомъ случаѣ верховнымъ патрономъ былъ самъ вел. князь. Имущества, пожертвованныя частными лицами, которыя и считаются патронами, подлежатъ обыкновеннымъ судамъ; патроны-же являются, вмѣстѣ съ владѣльцами церковныхъ имуществъ, сторонами въ процессѣ, т. е. или истцами, или отвѣтчиками.

Что касается до правъ частныхъ патроновъ судить и наказывать духовныхъ лицъ, состоящихъ въ ихъ патронируемомъ учрежденіи, то въ Литовскомъ государствѣ церковная власть всегда относилась къ этому отрицательно, а между тѣмъ патроны весьма нерѣдко осуществляли это право; мы уже видѣли, какъ намѣстники княгини Слуцкой судили поповъ, сажали ихъ въ замковую тюрьму и брали съ нихъ штрафы. Мы говорили также, что митрополитъ, при обсужденіи правъ Виленской городской общины на подаванье Виленскихъ церквей, не согласился предоставить право суда надъ духовенствомъ городскимъ властямъ и далъ имъ только право представлять виновныхъ на судъ его—митрополита. Въ общемъ постановленіи 1499 года было спеціально выражено, что власть митрополита и епископовъ судить церковныхъ людей не должна встрѣчать противодѣйствія ни со стороны коронныхъ чиновниковъ, ни со стороны католическаго духовенства, свѣтскихъ пановъ и органовъ городского самоуправленія. Но на практикѣ, какъ видно изъ представленныхъ сейчасъ фактовъ, такое постановленіе постоянно нарушалось, не смотря на неоднократное подтвержденіе его вел. князьями. Избѣжать примѣненія патрональнаго суда надъ священниками въ сельскихъ приходахъ было тѣмъ труднѣе, что въ Литовскомъ государствѣ дѣйствовалъ и былъ признанъ закономъ панскій судъ надъ всѣми лицами, принадлежащими къ имѣнію, хотя въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ право такого суда могло опираться только на право поданья, а не вотчинное.

Что касается спеціально монастырей, то мы не имѣемъ фактовъ примѣненія судебной власти патрона, именно власти судить и наказывать монашествующихъ за нарушеніе устава и монастырской дисциплины, но должны непремѣнно предполагать его въ виду тѣсной связи законодательной власти съ управленіемъ, какъ указано выше.

Имущественныя тяжбы, возникающія въ сферѣ патронатства, рѣшаются безусловно патрономъ. Такъ рѣшена въ 1548 г. кн. Сангушкою—Ковельскимъ тяжба между священникомъ и прихожанами церкви, во владѣніи князя, о землѣ; рѣшеніе дано формальное, письменное [1]).

Указанныя права, входящія въ составъ права поданья, въ особенности же тѣ, о которыхъ будемъ говорить сейчасъ, повидимому, далеко отстоятъ отъ нашей прямой задачи (т. е. уясненія имущественныхъ правъ церкви); но между ними и этимъ послѣднимъ предметомъ есть тѣснѣйшая связь: законодательныя и судебныя права патроновъ касаются функцій церковныхъ учрежденій, главнымъ образомъ имущественнаго характера: назначеніе лицъ на церковныя должности опредѣляетъ личный составъ этихъ учрежденій, которому вручаются имущественныя права ихъ.

3, Существеннымъ правомъ патрона является *назначеніе лицъ на церковныя должности*: митрополита и владыкъ—вел. княземъ, а настоятелей монастырей или церквей также вел. княземъ, или частными владѣльцами (въ томъ числѣ и лицами духовными) смотря по принадлежности.

Прежде всего остановимся на назначеніи владыкъ вел. княземъ, такъ какъ это явленіе особенно обращаетъ на себя вниманіе по исторической важности для судьбы русскаго населенія въ западной Россіи и судьбы главнѣйшихъ имуществъ церкви.

Это право вел. князей Литовскихъ наслѣдовано ими (какъ замѣчено уже нами) отъ древнихъ Рюриковичей [2]).

---

[1]) См. этого тома № LXIX.

[2]) Чистовичъ (стр. 203) говоритъ: „*въ первое время* епископы избираемы были духовною властію и народомъ и утверждались королемъ. Но *потомъ*

Въ Литовскую эпоху, когда вел. князь отдѣлился отъ господствующаго населенія вѣроисповѣданіемъ, тоже явленіе получило иную окраску.

А потому насъ не должны удивлять такіе факты, которые съ перваго взгляда могутъ показаться вполнѣ безобразными. Не имѣя въ виду представлять полную и связную исторію высшей іерархіи западно-русской церкви, напомнимъ лишь немногіе факты, относящіеся къ южно-русской церковной исторіи.

Со времени отдѣленія западно-русской митрополіи отъ сѣверно-русской, границы первой (т. е. Кіевской) уже совпадали съ границами великаго княжества Литовскаго (переходя отчасти за эту черту въ Галиціи, принадлежавшей Польшѣ). Съ тѣхъ поръ вел. князь распоряжался назначеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ такъ-же, какъ Московскій вел. князь назначеніемъ Московскихъ митрополитовъ. Право монарха католика, повидимому должно-бы уступать подобному праву благовѣрныхъ великихъ князей Московскихъ, но право это поддерживалось именно полномочіями вел. князя жаловать имущества митрополіи, т. е. принадлежащимъ вел. князю верховнымъ правомъ подаванья.

Поданье, въ смыслѣ выбора представителей церковныхъ учрежденій, есть собственно *рекомендація* избраннаго лица, а не назначеніе,—рекомендація высшей духовной власти, отъ которой зависитъ посвященіе кандидата. Вел. князья Литовскіе держались этого понятія гораздо строже, чѣмъ вел. князья Московскіе. Въ Литвѣ (при назначеніи митрополита) *не возникало мысли объ отдѣленіи православной церкви отъ Константинопольскаго патріарха* (помимо уніи съ Римомъ), между тѣмъ, какъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, уже въ XV в.

короли Сигизмундъ Стар., Сигизмундъ-Августъ и особенно Баторій... *присвоили* себѣ назначеніе епископовъ и мало по малу обратили епископскія кафедры въ свои бенефиціи, которыми награждали за заслуги военныя и гражданскія". Но уже *въ XIV в.* ищущіе епископіи предлагаютъ королю деньги за назначеніе. Вел. князь Московскій также распоряжался епископскими кафедрами; съ другой стороны и при Сигизмундахъ голосъ населенія имѣлъ вѣсъ при выборѣ кандидатовъ на кафедры.

сѣверно-русская церковь стала автокефальною. Лишь одинъ разъ, именно въ 1497 г., былъ случай избранія и посвященія въ митрополиты (Макарія) соборомъ русскихъ епископовъ безъ предварительнаго сношенія съ Константинополемъ. Но случай этотъ не ознаменовалъ стремленія къ отдѣленію отъ патріархата и не повторился. При избраніи предшественника Макарія—Іоны Глѣзны въ Царьградъ была послана торжественная рекомендація всѣхъ православныхъ русскихъ князей. И послѣ Макарія неизмѣнно продолжается обращеніе къ патріарху при каждомъ преемствѣ Кіевскихъ митрополитовъ; въ 1576 г. митрополитъ Іона сдалъ свои обязанности королевскому дворянину Ильѣ Кучѣ, который управлялъ митрополіею цѣлый годъ, а когда умеръ въ 1577 г. Іона, то король отправилъ грамоту патріарху Іереміи, въ которой Илья именуется уже владыкою и патріархъ извѣщается, что онъ (Илья) уже „отъ насъ господаря наданъ и преложонъ на тое достоинство“; патріарха просятъ благословить его „по закону вашему“.— Очевидно, что право вел. князя при назначеніи митрополита и епархіальныхъ владыкъ состоитъ во врученіи избранному лицу имуществъ митрополіи (или владычества), что и дѣлается обыкновенно раньше посвященія избраннаго въ соотвѣтствующій санъ. Такъ какъ патріархи не противодѣйствовали въ этомъ великому князю Литовскому, то здѣсь и не могло произойти явленій, сходныхъ съ западно-европейской борьбою за инвеституру.

Отсюда же проистекаютъ всѣ дальнѣйшія условія выбора и назначенія митрополитовъ и владыкъ.

Великій князь могъ сдѣлать выборъ *лично по своему усмотрѣнію*, сообразуясь или съ цѣлями государственнаго блага, какъ онъ понималъ его, или съ личными выгодами. Такъ какъ дѣло шло о дарованіи пожизненнаго владѣнія имуществами, то ничего нѣтъ удивительнаго, если выборъ будетъ подчиненъ денежнымъ интересамъ: въ 1398 г. Луцкій епископъ Іоаннъ, прося короля Владислава дать ему митрополію, обѣщаетъ уплатить за то королю 200 гривенъ и 30 коней [1]).

---

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 42.

Нельзя разсматривать этотъ фактъ, какъ простой подкупъ, или симонію; король никого не производитъ ни въ епископы, ни въ митрополиты; онъ получилъ бы 200 грив. за экономическую сдѣлку—передачу имущественныхъ правъ. Дѣло духовной власти—подчиниться, или не подчиниться выбору короля. Когда дѣло шло о выборѣ прихожанами простаго священника, то митрополитъ и владыки ставили условіемъ: если представленный имъ годенъ, то посвятятъ, если не годится, то нѣтъ.—Само собою разумѣется, что главѣ государства не приличествовало, изъ за денежныхъ интересовъ, насиловать волю представителей церкви, зная, что они не легко могутъ противодѣйствовать его выбору; мы и не знаемъ, какъ поступилъ король Владиславъ въ приведенномъ случаѣ и другихъ фактовъ открытой продажи епископій не знаемъ. Но окружающіе короля сановники и королевская канцелярія несомнѣнно получали доходы отъ назначеній епископовъ.

Въ лучшихъ и (полагаемъ) болѣе частыхъ случаяхъ воля великаго князя предрасполагалась при выборѣ епископовъ и митрополитовъ—*избраніемъ кандидатовъ со стороны населенія*. Такъ при назначеніи митрополитомъ Іоны Глѣзны, въ грамотѣ къ патріарху было написано отъ имени русскихъ (т. е. православныхъ) князей слѣд.: „взысканію многу бывшу во всѣхъ странахъ державы господаря нашего, обрѣтохомъ мужа свята, имѣющаго въ разумныхъ правителя христіанству, достойна вѣры, въ писаніяхъ сугубо наказаннаго, могущаго иныхъ пользовати и противящимся закону нашему славнаго взбранителя и устъ таковымъ затыцателя“ [1]).

Выше, говоря о субъектахъ права патронатства вообще, мы уже приводили фактъ (1562 г.), когда великій князь даетъ архіепископство Полоцкое Арсенію, „по челобитью бояръ, шляхты, мѣщанъ и всего посполства земли Полоцкой“. Полагаемъ, что вообще не соборъ епископовъ былъ главнымъ органомъ, дѣйствующимъ при выборѣ владыкъ,

---

[1]) Арх. Сборн. I, № 2.

а именно земства, согласно съ характеромъ православной церкви, въ которой не одна іерархія составляетъ церковь.

Когда дѣятельность земствъ ослабѣла, то рекомендація на должность владыкъ шла отъ отдѣльныхъ лицъ, пользовавшихся наибольшимъ значеніемъ въ государствѣ; такъ митр. Іона II былъ назначенъ по настоянію королевы Елены Ивановны (въ 1503 г.); Пафнутій получилъ Луцкую каѳедру по рекомендаціи кн. К. И. Острожскаго (въ 1526 г.).

Такъ какъ назначеніе на епископію означало (съ точки зрѣнія государственной) передачу имущественныхъ правъ, то отсюда явилась возможность такихъ способовъ назначенія, которыя имѣютъ характеръ гражданскихъ сдѣлокъ, а именно *переуступки правъ кому-либо правящимъ владыкою,* съ утвержденія вел. князя; уступающій отрекается отъ пользованія своими пожизненными правами по день смерти, а великій князь утверждаетъ не только эту частную сдѣлку, но и даетъ права на всю жизнь пріобрѣтающаго. Уступка владычества дѣлается самымъ распространеннымъ способомъ назначенія епископовъ: м. Макарій II (1534—1555 г.) испросилъ себѣ у короля „хлѣбъ духовный“ на основаніи уступочнаго акта предшествующаго митрополита (Іосифа III); Сильвестръ Бѣлковичъ получилъ право на митрополію при жизни Макарія. Для насъ особенно интересна передача правъ на митрополію м. Іоною Протасовичемъ (1568—1577 г.) королевскому дворянину Ильѣ Якимовичу Кучѣ; она выражена въ такой формѣ: „находясь въ преклонномъ возрастѣ и не имѣя возможности исполнять службу Божію, какъ слѣдовало бъ, я уступилъ („спустилъ“) архіепископство Кіевское Ильѣ Кучѣ, оставивши за собою пожизненно только духовныя дѣла“; король, на основаніи этой уступочной записи и по ходатайству пановъ-радъ, далъ Ильѣ Кучѣ митрополію Кіевскую съ тѣмъ, что при жизни Іоны, онъ будетъ управлять ею, а по смерти митрополита получитъ всю его власть [1]). Мы уже упомянули, что въ слѣдующемъ году Илья получилъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. Ш. № 71.

отъ патріарха „благословеніе". Нѣтъ ничего удивительнаго, что вел. князь охотно соглашался на подобныя уступки, ибо запись митрополита—предшественника означала рекомендацію лица весьма компетентнаго; извѣстно, что народъ въ В. Новгородѣ часто слѣдовалъ *завѣщательнымъ указаніямъ* предшествовавшаго владыки.

Но эти уступочныя записи при жизни правящаго владыки могли сопровождаться и сопровождались денежными интересами; уступающій выговаривалъ себѣ на всю жизнь пользованіе имуществами церкви; такъ въ 1580 г. владыка Луцкій Феодосій „тое владыцтво за дозволеніемъ славной памяти кор. Стефана... велебному Мелентию Хребтовичу... спустилъ" [1]), заключивъ съ нимъ арендный контрактъ, по которому новый (нареченный) владыка отдалъ въ арендное содержаніе прежнему епископу „владычество" (т. е. церковныя имѣнія) до конца жизни Феодосія, съ полученіемъ арендной платы впередъ, именно 1000 злот. польскихъ [2]). Сдѣлки такого рода, не смотря на ихъ неблаговидность, повидимому, не затрогиваютъ существенныхъ интересовъ церкви: уступающій владыка не можетъ передать своему преемнику *всей* власти, ибо получившій уступочную запись, не только свѣтское лицо (какъ Илья Куча), но и архимандритъ (какъ Мелетій Хребтовичъ), не имѣя епископскаго сана, не могъ исполнять функцій, соединенныхъ съ этимъ саномъ. Правящій владыка оставляетъ за собою „духовныя дѣла"; будущій преемникъ его есть пока только управляющій имѣніями и можетъ быть помощникъ при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Этимъ замѣняется институтъ викаріатства, какъ извѣстно, отсутствовавшій въ древне-русской церкви (единичный фактъ о „*дворномъ епископѣ*" владыки Владимірскаго, упомянутый выше, требовалъ бы особаго уясненія, которое здѣсь не у мѣста).

Но „уступки" проложили путь такимъ мѣрамъ назначенія владыкъ, которыя несомнѣнно были уже злоупотребленіями власти великихъ князей; а именно:

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх., кн. 927, л. 308 на об.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 23.

Вел. князь назначаетъ преемниковъ владыкъ при жизни этихъ послѣднихъ, безъ сдачи или раздѣла власти. Это такъ сказать „владыки in spe“; такъ Пафнутій, при жизни Луцкаго епископа Кирилла получилъ (въ 1526 г.) право на епископію Луцкую по смерти этого послѣдняго [1]). Это не помощники и не „нареченные“ епископы, а кандидаты, ждущіе смерти владыки. Понятно, какъ этимъ предупреждается всякій правильный выборъ преемника владыки. Право на владычество дается не по ходатайству и указанію предшественника, а по собственной просьбѣ искателя, чѣмъ открывается дорога для всяческихъ незаконныхъ подступовъ и выпрашиваній. Правда, и при этомъ возможно ходатайство и рекомендація стороннихъ лицъ, напр. въ преемники Пафнутія назначается на Луцкую кафедру Макарій, владыка Туровскій, по ходатайству Рады [2]); но это уже ходатайство за извѣстное лицо, а не выборъ между многими достойными. Назначеніе на будущія вакансіи повторялось въ XVI в. постоянно; между тѣмъ уже въ самомъ началѣ XVI в., именно на соборѣ 1509 г. было постановлено: „не искать мѣста при жизни епископа, игумена или священника и не назначать на мѣста живыхъ“.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ того же явилась возможность для вел. князя *назначенія свѣтскихъ лицъ на должность епископа*. Если самъ митрополитъ можетъ уступить свою должность какому нибудь королевскому дворянину, то тѣмъ болѣе можетъ это сдѣлать великій князь. Ниже мы укажемъ существованіе свѣтскихъ лицъ игуменами монастырей; тоже было и съ епископіями. Въ сущности вел. князья могли не считать это вопіющимъ злоупотребленіемъ: король въ правѣ дать „хлѣбъ духовный“ кому хочетъ; духовная власть должна смотрѣть, чтобы это лицо выполнило и каноническія условія назначенія. Предполагалось, что свѣтское лицо, получивши пожалованіе отъ вел. князя, вступитъ потомъ въ монашескій и епископскій санъ; пока же оно есть только *наре-*

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 146.
[2]) Ак. зап. Рос. II, № 151.

ченный епископъ. Въ такомъ качествѣ оно есть законный владѣлецъ церковныхъ имуществъ и можетъ не спѣшить съ выполненіемъ каноническихъ условій-посвящевія. Какъ извѣстно, нареченное епископство существовало и въ другихъ краяхъ православнаго міра, напр. В. Новгородѣ. Такъ вел. князь назначилъ свѣтскихъ лицъ Марка Жоравницкаго на Луцкую кафедру, а Ивана Борзобогатаго-Красенскаго—на Владимірскую. Оба они долго оставались свѣтскими епископами, а Иванъ Борзобогатый пребывалъ въ такомъ званіи до самаго перевода своего на Луцкое владычество и затѣмъ съ трудомъ уступилъ настояніямъ митрополита, принявъ монашескій и епископскій санъ. Какія епископскія функціи могъ отправлять свѣтскій владыка, насъ не касается; но онъ несомнѣнно былъ правомочнымъ субъектомъ церковныхъ имуществъ (которыми Иванъ Борзобогатый и распоряжался весьма свободно и во Владимірѣ и въ Луцкѣ).

Но такое назначеніе свѣтскихъ лицъ на епископіи могло повлечь за собою новыя послѣдствія, которыя съ канонической точки зрѣнія являются уже рѣшительнымъ беззаконіемъ. А именно: вел. князь можетъ вручить епископскія (собственно имущественныя) права лицу другого вѣроисповѣданія, не обусловивши пожалованія перемѣною религіи. Имѣемъ въ виду слѣдующій случай: еще въ 1564 г. имѣлъ какое-то отношеніе къ церковному имѣнію Квасовъ (епископіи Владимірской) нѣкто Станиславъ Жолковскій, польскій шляхтичъ Бѣльскаго повѣта. Судя какъ по имени, такъ и по происхожденію это былъ католикъ; тѣмъ не менѣе король (вѣроятно Сигизмундъ-Августъ) пожаловалъ ему „право на епископію Владимірскую". Дѣйствительнымъ (наличнымъ) епископомъ былъ еще Феодосій. Мы не знаемъ какъ Жолковскій осуществлялъ свое право; но еще при жизни Феодосія нареченнымъ епископомъ Владимірскимъ пожалованъ былъ отъ короля архим. Печерскій — извѣстный Мелетій Хребтовичъ. Тогда, именно въ 1580 г., между сыномъ Жолковскаго (также Станиславомъ) и Мелетіемъ Хребтовичемъ состоялась сдѣлка, по которой новый нареченный епископъ отдаетъ

младшему Жолковскому имѣніе Квасовъ въ пожизненное владѣніе, а Жолковскій съ своей стороны (отъ имени отца) уступаетъ Хребтовичу право на епископію Владимірскую, пожалованное старшему Жолковскому королемъ. Для этого составленъ былъ сторонами особый актъ, по которому младшій Жолковскій „все право, листы и привиля его корол. мил., ему на владычество Владимирское и Берестейское даные, уморилъ, скасовалъ и ни во што обернулъ", такъ что ни онъ самъ, ни дѣти его не имѣютъ уже права претендовать на владычество Владимірское. При этомъ право пожизненнаго владѣнія Жолковскаго церковнымъ имѣніемъ должно быть прекращено смертію Мелетія Хребтовича, если онъ умретъ раньше правящаго владыки, Феодосія [1]). Мы не будемъ настаивать на своемъ предположеніи о томъ, что Станиславъ Жолковскій, нареченный епископъ, былъ католикъ (по аналогіи фактовъ на счетъ монастырей въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго). Во всякомъ случаѣ очевидно, что пожалованіе Жолковскому не было обусловлено никакими каноническими требованіями. Иначе невозможны были бы дальнѣйшія явленія, вполнѣ анти-каноническія; а именно: *право на епископію могло перейти по наслѣдству* (конечно, въ мужскомъ поколѣніи), ибо въ анализируемомъ фактѣ отказъ отъ права совершенъ *сыномъ* привилегіата, и этотъ сынъ отрекается за себя и *дѣтей* своихъ. Во вторыхъ право это могло быть *уступлено третьему лицу* посредствомъ имущественной сдѣлки, за эквивалентъ (въ данномъ случаѣ—арендный контрактъ на церковное имущество).

Понятно, что представители православной церкви не могли не протестовать противъ безусловнаго права вел. князя на назначеніе свѣтскихъ лицъ владыками, когда оно могло привести къ столь беззаконнымъ послѣдствіямъ. Въ 1568 г. Кіевскій митрополитъ Іона представилъ на Гродненскомъ сеймѣ рядъ просьбъ, касающихся православной церкви; въ первой изъ нихъ содержится желаніе, чтобы въ Литовскомъ великомъ княжествѣ и въ тѣхъ областяхъ съ православнымъ

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх. № 921, л. 165—167 на об.

населеніемъ, которыя принадлежатъ Польшѣ, духовныя должности не даваемы были людямъ свѣтскимъ; а если бы какому-либо свѣтскому человѣку и дана была духовная должность, то онъ обязанъ принять духовный санъ въ течеНіи трехъ мѣсяцевъ; въ случаѣ неисполненія этого условія епископы и митрополитъ имѣютъ право отобрать отъ него „хлѣбъ духовный“ и дать духовному лицу. Этимъ существенно ограничивалось бы право вел. князя на подаванье. Но вел. князь, соглашаясь въ принципѣ съ такимъ требованіемъ, добавилъ, однако, что отбирать назадъ духовный хлѣбъ могутъ не митрополитъ и епископы, а только самъ вел. князь[1]). Но и самый принципъ не всегда удерживался, какъ мы видимъ на примѣрѣ Владимірской епископіи.

Тотъ же примѣръ указываетъ на злоупотребленіе другого рода, именно на выдачу изъ королевской канцеляріи *двухъ привилегій разнымъ лицамъ на одно и тоже владычество;* споръ двухъ равноправныхъ лицъ, по обычаямъ Литовскаго государства, разрѣшался *открытою силою.* Въ 1565 г. вел. князь пожаловалъ Владимірскую епископію Ивану Борзобогатому-Красенскому и въ тоже время епископу Холмскому Феодосію. Между двумя претендентами произошла открытая война. Предварительно стороны, повидимому, не обращались къ суду; до насъ дошла только жалоба противной стороны и вызовъ Феодосія къ суду короля послѣ событія, а именно: когда его соперникъ Борзобогатый-Красенскій опередилъ его и завладѣлъ епископскимъ замкомъ во Владимірѣ, то Феодосій вооружилъ пѣшее и конное войско съ пушками и взялъ замокъ штурмомъ. Обыкновенно это ставятъ въ большую вину Феодосію и, конечно, фактъ не мирится съ нашими понятіями о епископскомъ и монашескомъ санѣ. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду порядковъ Литовскаго государства XVI в. Напр. въ 1580 г. владыка Луцкій Іона Красенскій занесъ въ гродскомъ Луцкомъ судѣ жалобу на кн. Константина Острожскаго о томъ, что онъ „забывши верховную власть государя, миръ, предписанный закономъ,

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 43.

вольности шляхетскія и сеймовыя конституціи, наѣхалъ насильственнымъ образомъ и гвалтомъ на монастырь, дворъ и на имѣніе епископа Жидичинъ, а также на дворъ и села Буремецъ, Подгайцы, Боголюбовъ, забралъ все движимое имущество: золото, серебро, коней, скотъ, хлѣбъ; крестьянъ взялъ подъ свою власть; по дворамъ разставилъ на постой своихъ поганцевъ татаръ". Ознакомившись съ этой жалобой, всякій подумаетъ, что кн. Острожскій учинилъ разбойничій набѣгъ и завладѣлъ церковнымъ имуществомъ безъ всякаго права. Но къ счастью, сохранился актъ судебнаго производства по этому дѣлу; на судѣ оказалось, что король отнялъ (за хищническое управленіе) монастырь Жидичинскій и его имѣнія у епископа Іоны и отдалъ этотъ монастырь епископу Ѳеофану Меглинскому; когда же Іона воспротивился королевскому приказанію и не уступалъ монастыря, то кн. Острожскій, въ качествѣ маршалка Волынской земли, привелъ королевское повелѣніе въ исполненіе силою [1]). Въ тѣ времена такъ было обычно: исполненія судебнаго рѣшенія или распоряженія высшей власти совершались большею частью открытою силою, даже посполитымъ рушеніемъ. Но неправый отвѣтчикъ всегда придавалъ дѣйствію этой силы значеніе наѣзда и грабежа и заносилъ жалобу.—Въ данномъ случаѣ, если уже винить епископа Феодосія, то не менѣе подлежитъ осужденію и нареченный владыка Красенскій, который также противился силою. Обѣ воюющія стороны признавали себя правыми [2]).

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 27, 28.

[2]) Вообще мы полагаемъ, что личность епископа Феодосія оцѣнена историками недостаточно правильно, особенно по сравненію съ его современниками (напр. Кирилломъ Терлецкимъ). Человѣкъ, который счелъ нужнымъ отказаться отъ всѣхъ доходовъ всѣхъ церковныхъ имѣній на три года съ тѣмъ, что бы обратить эти доходы на учрежденіе школы, богадѣльни церковныхъ проповѣдниковъ и на возстановленіе соборной церкви, и это тогда, когда престарѣлый епископъ заплатилъ впередъ новому владыкѣ (Мелетію Хребтовичу) арендныя деньги за пожизненное пользованіе церковными имѣніями,—человѣкъ который, сознавая наступленіе дряхлости и болѣзней, самъ уступилъ свои епископскія права другому и обратился, задолго до своей смерти (за 12 л.) къ королю съ просьбою принять мѣры, въ

При соперничествѣ двухъ кандидатовъ, получившихъ пожалованіе правъ на одну и ту-же епископію, когда вопросъ не рѣшенъ открытою силою, споръ обращался въ граждански-исковую тяжбу; два претендента, основываясь на изъявленіи воли вел. князя, ведутъ между собою *тяжбу о епископской должности* точно такъ же, какъ два лица вели бы ее предъ судомъ о какомъ либо имуществѣ; тяжбы подаютъ поводъ къ возникновенію гражданскихъ сдѣлокъ, именно: сдѣлокъ займа, заставы (залога) церковныхъ имѣній, установленія пожизненнаго владѣнія на нихъ и мировыхъ сдѣлокъ. Такъ было и при упомянутой тяжбѣ владыкъ Феодосія и Іоны; въ 1567 г. священникъ церкви св. Николы въ м. Бужскѣ Нифонтъ предъявилъ искъ къ епископу Владимірскому Феодосію о взысканіи съ послѣдняго недоплаченной ему части долга, именно 111 золотыхъ и 20 гр.; долгъ этотъ образовался тогда, когда епископъ Феодосій велъ предъ королемъ тяжбу („правовался“) съ Иваномъ Борзобогатымъ о владычествѣ Владимірскомъ. При этомъ 100 золотыхъ червоныхъ занялъ у священника (истца) непосредственно владыка, а 34 зол. перевелъ въ видѣ долга своего подканцлеру коронному [1]).

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ взгляда на подаванье епископіи, какъ передачу имущественныхъ правъ, является возможность *отдачи епископіи въ аренду* (фактъ мы уже приводили, говоря о сдѣлкахъ епископа Феодосія и Мелетія Хребтовича) и *довѣренности на управленіе владычествомъ:* тотъ

случаѣ его смерти, къ огражденію церковныхъ имуществъ отъ обычнаго въ такихъ случаяхъ разграбленія,—едва ли такой человѣкъ можетъ быть признанъ образцомъ безнравственности и корыстолюбія. И это только на основаніи неразобранныхъ судомъ жалобъ такихъ людей, каковъ былъ Іона Красенскій, несомнѣнно человѣкъ стоявшій ниже Феодосія по своему нравственному облику, и на основаніи одной жалобы какого-то Лысаковскаго, также не разсмотрѣнной судомъ; такія жалобы всегда были односторонни и клеветливы (см. Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 6). Что Феодосій не отличался монашескимъ смиреніемъ (подобно всѣмъ людямъ XVI в.), въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

[1]) Кіевск. Цент. Арх. 934, л. 96.

же Мелетій, получивъ отъ Феодосія уступочную запись на Владимірскую епископію и устроивши дѣло съ Станиславомъ Жолковскимъ о ней же, далъ довѣренность брату своему Семену и Владимірскому войту Михаилу Дубницкому на управленіе владычествомъ, такъ какъ онъ самъ, оставаясь архимандритомъ Печерскимъ, жилъ постоянно въ Кіевѣ, а „епископію Володимерскую и Берестейскую его мил. о Феодосію до живота его мил. арендовалъ“; въ случаѣ смерти Феодосія, повѣренные Хребтовича должны были немедленно взять „въ свою моцъ и держанье ту епископію Володимерскую“ [1]).—Въ XVI в. вел. князь могъ давать *одному лицу два духовныхъ уряда*, именно епископію и архимандритство въ какомъ-либо монастырѣ. Давая такую привилегію, вел. князь обыкновенно оговаривалъ: „што потомъ по животѣ его (получившаго привилегію), въ пошлину ити не можетъ, але мы и потомки наши маемъ и волни будемъ тыми урядами духовными, водле воли и ласки нашое шафовати и оные порозну давати“ [2]) (рѣчь идетъ о пожалованіи владычества Владимірскаго и архимандритства Кіево-Печерскаго). Подобнымъ образомъ вел. князь Сигизмундъ-Августъ далъ владыкѣ Луцкому Іонѣ архимандрію Жидичинскую, но потомъ отобралъ ее назадъ у него.

Такова была власть вел. князя на подаванье епископій и таковы разнообразныя послѣдствія возникавшія изъ того. Достигнуть соглашенія между этою властію и канонами церкви было такъ же нелегко, какъ трудно было найти компромиссъ между папствомъ и имперіею въ борьбѣ за инвеституру. „Хлѣбъ духовный“ безспорно подлежалъ распоряженію главы государства; митрополиты и соборы старались внести кое-какія ограниченія въ это право.

Уже въ XVII в. возникли нѣкоторыя ограниченія,—не по настояніямъ церковной власти, а по велѣнію всемогущей тогда силы сейма соединенныхъ государствъ. Въ 1607 г. конституціею Варшавскаго сейма „o religiey greckiey“, по-

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 22.
[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 19.

становлено, что король долженъ раздавать должности и церковныя имущества православной церкви не иначе, какъ согласно съ ихъ фундаціями и старымъ обычаемъ, т. е. *людямъ шляхетскимъ* русской національности и православной вѣры; двухъ бенефицій (напр. владычества и архимандритства) одному лицу не давать; имущества церковныя, отчужденныя отъ церкви, духовныя власти имѣютъ право отыскивать (возвращать назадъ по суду); „однако державы Квасова, Тариковъ, Яневичъ, Липлянъ, Буремца, Водерадъ, Теремнаго, остаются при прежнемъ положеніи (przy prawie swym)“ [1]). Приведенная конституція важна какъ образчикъ сеймоваго законодательства соединенныхъ государствъ по нашему вопросу; но она, очевидно, имѣетъ въ виду не интересы православной церкви, а чисто сословно-шляхетскіе, именно, во-первыхъ, чтобы шляхетскія права не терпѣли изъятій въ пользу плебеевъ, которымъ могли быть присвоены шляхетскія имущественныя права чрезъ возведеніе въ духовный санъ и чрезъ то дарованіе имъ значительныхъ земскихъ имуществъ; во вторыхъ чтобы обезпечить большему числу шляхетства доступъ къ такимъ имуществамъ и правамъ, уничтоживъ совмѣщеніе сановъ въ одномъ лицѣ; въ третьихъ чтобы нѣкоторыя лица шляхетскаго сословія, уже завладѣвшія церковными имуществами, не были обижены отнятіемъ ихъ.

Нѣкоторыя изъ изложенныхъ выше постановленій относительно правъ вел. князя назначать представителей духовныхъ учрежденій относятся не только къ епископіямъ, но и *монастырямъ и церквамъ*. Дѣйствительно великому князю принадлежитъ право назначенія настоятелей всѣхъ монастырей, кромѣ частно-владѣльческихъ (часто замѣнявшихъ собою приходскія церкви и вообще монастырей, принадлежащихъ къ имѣнію). Право это нужно признать извѣчнымъ; иначе трудно объяснить, откуда бы оно взялось у католическаго монарха? Правда, выраженія нѣкоторыхъ актовъ могутъ иногда

---

[1]) Vol. leg. II, 438—439.

показаться сомнительными, т. е. наводящими на мысль, что вел. князь спеціально пріобрѣталъ право назначенія настоятелей нѣкоторыхъ монастырей, наравнѣ съ частными лицами. Напр. въ 1496 г. у вел. кн. Александра кіевлянинъ Григорій Григорьевичъ Поповичъ просилъ монастыря Михайловскаго Златоверхаго, заявляя, что тотъ монастырь издавна находится въ поданьи вел. князя, но что Кіевскій воевода кн. Дмит. Путятичъ отдалъ этотъ монастырь въ держаніе какому то простому старцу Ивану Смолнянину, безъ воли вел. князя, а онъ разорилъ („надказилъ“) тотъ монастырь. Вел. князь справился у Полоцкаго намѣстника Юрія Пацевича, дѣйствительно ли этотъ монастырь есть поданье вел. князя; Пацевичъ подтвердилъ, что онъ издавна есть поданье вел. князя. Вел. князь распорядился, что если дѣйствительно Михайловскій монастырь—его поданье и воевода далъ его черноцу безъ вѣдома господаря, то онъ вел. князь жалуетъ тотъ монастырь Гришку Поповичу до его живота; а Поповичъ обязанъ постричься какъ можно скорѣе. Вводъ во владѣніе монастыремъ порученъ князю Ивану Дашкевичу (Глинскому) [1]). Вопросъ вел. князя о его собственныхъ правахъ на поданье Михайловскаго монастыря означаетъ справку не о томъ, пріобрѣтено ли это право вел. княземъ, а о томъ, не отчуждено ли оно уже имъ кому-либо другому. Что это такъ, доказывается актомъ 1523 г. [2]), который свидѣтельствуетъ, что Михайловскій монастырь запустѣлъ давно, „отъ вынятя Кіевскаго“, т. е. отъ разоренія Кіева Менгли Гиреемъ; право поданья на несуществующій монастырь въ сущности не могло принадлежать уже никому и лишь по фикціи принадлежало государю, какъ res nullius (упоминаемые здѣсь старецъ Иванъ и Григорій Поповичъ, очевидно, не могли возстановить его).—Въ 1496 г. вел. кн. Александръ, по просьбѣ Овруцкаго намѣстника кн. Григорія Глинскаго, даетъ матери его монастырь св. Іоакима и Анны (въ Овручѣ), который держала земянка Овруцкая Ленкова; намѣст-

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 141.
[2]) Ак. зап. Рос. II, № 121 и 122.

никъ объяснилъ, что эта Ленкова „два монастыря (въ Овручѣ) отъ вел. князя держитъ: одинъ монастырь св. Пречистой, а другой монастырь св. Іоакима и Анны“. Вел. князь заявилъ, что „досыть (довольно) ей того одного монастыря отъ насъ держати св. Пречистоѣ“; а другой монастырь пожаловалъ княгинѣ Глинской до ея живота[1]). О томъ же монастырѣ вновь возникъ вопросъ при королѣ Сигизмундѣ I: именно: въ 1531 г. земянка Кіевская Олехна Немировна просила великаго князя дать ей монастырь Пречистой въ Овручѣ „который-де монастырь издавна есть поданье наше господарское“; король даетъ ей пожизненное право управленія монастыремъ[2]). Откуда проистекаетъ это „издавнее“ право поданья для вел. князя? Никакой нѣтъ вѣроятности, чтобы вел. князья спеціально пріобрѣли себѣ это право на очень не важное церковное учрежденіе въ городѣ совсѣмъ непервостепенномъ. Думать надо, что здѣсь разумѣется извѣчное право государя на назначеніе настоятелей и на право поданья всякаго учрежденія, не состоящаго въ частномъ патронатствѣ.

Возмемъ примѣръ важнѣйшаго изъ учрежденій западной Россіи — Кіевскаго Печерскаго монастыря за нѣсколько лѣтъ XV и XVI в. Въ 1494 г. вел. князь Александръ даетъ жалованную грамоту архимандриту Филарету съ подтвержденіемъ его въ должности архимандрита, пожалованной ему королемъ Казимиромъ: „нехай онъ тотъ монастырь держитъ со всимъ по тому, какъ при отцы нашомъ его держалъ ажъ до смерти своее“[3]). Въ 1524 г. вел. князь, даетъ архимандритство Печерское Антонію[4]), а въ 1525 г. архимандриту Игнатію, потому что Антоній, по показанію старцевъ монастырскихъ, оказался нерадивымъ въ соблюденіи общинныхъ порядковъ. Впрочемъ, по заявленію Игнатія, Антоній, „ему ту архимандрію спустилъ“ (т. е. уступилъ). Вел. князь до-

---

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 140.
[2]) Ак. зап. Рос. II, № 170.
[3]) Ак. зап. Рос. I, № 117.
[4]) Ак. зап. Рос. II, № 125.

бавляетъ, чтобы новый архимандритъ не поддерживалъ монаховъ, которые возставали противъ общины, а исполнялъ бы въ точности общинный уставъ, иначе „знай навѣрно, что не только тотъ монастырь изъ твоихъ рукъ отнимемъ, но прикажемъ выслать изъ него тебя самого и тѣхъ монаховъ, и дадимъ его такому архимандриту, который будетъ править согласно „хвалѣ Божіей и нашего господарскаго приказанія“[1]). Однако въ 1528 г. архимандритъ Антоній просилъ, чтобы король, пожаловавшій ему вновь архимандритство Печерское, не отнималъ у него; король пожаловалъ его пожизненно[2]). Въ 1535 г. король далъ кн. Юрію Семеновичу Слуцкому привилегію „на подаванье монастыря Печерскаго въ Кіевѣ на одну особу“[3]) т. е. на назначеніе и выборъ лишь одного архимандрита (а можетъ быть пожизненно для одного Юрія Слуцкаго?). Это было при архимандритѣ Печерскомъ Геннадіи; въ 1536 г. Геннадій, будучи боленъ, „спустилъ тую архимандрию Печерскую игумену монастыря Выдубицкаго Якимью (Іоакиму) и на закладъ свой взялъ у него полтораста копъ грошей“. За утвержденіе такой сдѣлки хлопоталъ воевода Виленскій Ольбрихтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, прося оставить Якимья на Печерской архимандріи пожизненно, что король и исполнилъ[4]). Когда въ томъ же году Іоакимъ скончался, то король жалуетъ архимандрію брату митрополита Макарія (по просьбѣ этого послѣдняго и королевы Боны)—Пацку (по мнѣнію С. Т. Голубева—Яцку, т. е. Іоакинфу).—Въ 1541—42 г. король въ своей грамотѣ заявляетъ, что онъ далъ было архимандриту Софронію Печерскій монастырь по ходатайству нѣкоторыхъ пановъ, но Софроній оказался плохимъ управителемъ какъ для монастыря, такъ и для крестьянъ монастырскихъ, и человѣкомъ корыстнымъ; а потому, по ходатайству митрополита и нѣкоторыхъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 135.

[2]) Ак. зап. Рос. II, № 154.

[3]) „Матеріалы для исторіи Кіевской митрополіи“ (Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1873 г.).

[4]) Ibid. Сл. „Матер. для ист. западно-русской церкви“ С. Т. Голубева, вып. I, стр. 4.

князей и пановъ, король даетъ архимандритство Вассіану[1]). Въ 1546 г. по смерти архимандрита Вассіана король, по просьбѣ священника Виленской Покровской церкви Іоанна, подкрѣпленной ходатайствомъ воеводы Виленскаго Юр. Юр. Глѣбовича, а также князей, пановъ и земянъ Кіевскихъ, пожаловалъ Печерскую архимандрію просителю съ краткимъ обозначеніемъ правъ и обязанностей его[2]). Здѣсь обошлось дѣло безъ выбора со стороны братіи; а потому въ 1550 г. король уничтожаетъ эту привилегію, какъ незаконную и утверждаетъ архимандритомъ Иларіона, правильно избраннаго монахами и обывателями земли Кіевской.

Примѣръ Печерскаго монастыря показываетъ, что иногда самъ вел. князь обусловливалъ свое право назначенія настоятелей предварительнымъ избраніемъ братіи и православнаго населенія округа. Но въ другихъ случаяхъ онъ обходился безъ этого условія. Такъ въ 1569 г. король Сигизмундъ-Августъ, по просьбѣ владыки Луцкаго Іоны Борзобогатаго-Красенскаго, пожаловалъ ему вакантное архимандритство Жидичинское съ правомъ пользоваться доходами „съ дворовъ, съ имѣній, и съ фольварковъ, съ селъ и съ гуменъ, и што колвек къ той архимандритьи Жидичинской здавна належитъ“[3]). Въ 1571 г. король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ дьяку коронной канцеляріи Евтиху Васильевичу Высоцкому, за вѣрную службу въ канцеляріи, пожизненно монастырь Межигорскій, „церковь русскую вѣры и закона греческаго, при замку нашомъ Кіевскомъ“ и сверхъ того землю пустую Вышгородную, съ землями пашными, съ млиномъ, который принадлежитъ монастырю, съ лѣсами и пасѣками, съ данью медовою, озерами и пр.[4]).

Изъ многочисленныхъ фактовъ сѣверо-запада приведемъ одинъ: въ 1581 г. король Стефанъ Баторій пожаловалъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 216. Сл. „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“. Вып. I, С. Т. Голубева, стр. 1—3.

[2]) „Матеріалы“ С. Т. Голубева, стр. 10, (актъ изъ Метрики Литовской).

[3]) Ак. зап. Рос. III, № 47.

[4]) Ак. зап. Рос. III, № 53.

(„з ласки нашое господарской“) дворянину господарскому Ждану Левоновичу монастырь Браславскій, который держалъ Семенъ Марковичъ Воловичъ (повидимому остававшійся до смерти въ свѣтскомъ званіи). Новый владѣлецъ получаетъ, въ пожизненное владѣніе монастырь „съ дворцомъ его, людьми, грунтами“ и пр., съ условіемъ принять духовный санъ [1]).

Таковы широкія права вел. князя относительно назначенія настоятелей монастыря.

По поводу приведенныхъ примѣровъ намъ надо остановиться на слѣдующемъ, очень важномъ, обстоятельствѣ: иногда весьма трудно различить, что̀ дается при томъ или другомъ пожалованіи монастыря—право-ли патронатства, или право настоятельства, особенно когда получающій пожалованіе есть лицо свѣтское. Для нашей цѣли (для опредѣленія имущественныхъ правъ, церковныхъ учрежденій) необходимо тщательно отличать пожалованіе права поданья и пожалованіе должности настоятеля. Послѣднее есть также пожизненное пожалованіе монастыря; оно имѣетъ такое-же значеніе, какъ пожалованіе епископіи. Впрочемъ между епископіею и монастыремъ въ этомъ отношеніи та разница, что для епископіи не можетъ быть назначенъ спеціальный патронъ; что-же касается до монастырей, то, по общему порядку, полученіе настоятельства отнюдь не исключаетъ возможности назначенія надъ монастыремъ особаго патрона (свѣтскаго или духовнаго).

Отличеніе двухъ видовъ пожалованія совершенно необходимо для надлежащихъ выводовъ о правѣ патронатства, потому что представитель монастыря настоятель есть дѣйствительный хозяинъ и владѣлецъ; приписать ему такія права, какъ патрону, значитъ вполнѣ исказить понятіе о патронатствѣ. Между тѣмъ и смѣшать эти двѣ роли очень легко, потому что часто вел. князья (до закона 1568 г.) жалуютъ *права настоятельства свѣтскимъ людямъ*, не обусловливая пожалованія принятіемъ духовнаго сана и, по злоупотребле-

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 129.

нію, иногда даже иновѣрцамъ. Признать такія лица за настоятелей нелегко, и скорѣе можно подумать, что это патроны, что и ведетъ къ указанной ошибкѣ въ понятіи о патронатствѣ. Уяснимъ дѣло примѣрами: самый характерный примѣръ представляютъ акты о правѣ Оранскихъ на монастырь св. Спаса въ г. Владимірѣ (хранящіеся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ и уже раньше изданные Коммиссіею)[1]). Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ въ пожизненное владѣніе Павлу Григорьевичу Оранскому, своему дворянину, означенный монастырь за заслуги, не имѣющія никакого отношенія къ церкви, именно за хорошее исправленіе должности королевскаго дворянина. Въ 1563 г. Павелъ Оранскій просилъ вел. князя расширить данное право, именно пожаловать монастырь въ пожизненное владѣніе не только ему, но и тремъ сыновьямъ его: Михаилу, Григорію и Ильѣ; вел. князь пожаловалъ. Одною изъ привилегій этого пожалованія была возможность для Оранскихъ владѣть монастыремъ, *не посвящаясь въ духовный санъ*, а имѣть лишь вмѣсто себя *викарія*—духовное лицо, знающее священное писаніе, для отправленія духовныхъ дѣлъ, т. е. богослуженія; ибо самое управленіе несомнѣнно принадлежало Оранскимъ; вел. князь приказываетъ старостѣ Владимірскому кн. К. К. Острожскому наблюдать, что-бы владыка Владимірскій не принуждалъ Оранскаго принимать духовный санъ, о чемъ онъ и самъ писалъ непосредственно владыкѣ. Очевидно всѣ права игумена принадлежали свѣтскому владѣтелю монастыря, если его замѣститель именуется *викаріемъ;* тоже видно и изъ прочихъ условій пожалованія, а именно: владѣлецъ обязанъ управлять монастыремъ „слушне и порадне, сообразно съ правилами закона греческаго (православнаго вѣроисповѣданія) и размножать хвалу Божію“. Это уже функціи вполнѣ духовныя (только не богослужебныя). Что касается до имущественныхъ правъ, то ему предоставляется получать *весь пожит*-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. 921, л. 180, 179, 182. Сл. Памятники, изд. К. Арх. Ком. т. I.

ки и доходы, принадлежащіе монастырю („всякихъ пожитковъ и доходовъ, тому монастыру належачихъ уживати“); во власть владѣльца передается и самый монастырь въ г. Владимірѣ, и его имѣнія (Яново и двѣ земли Подгайцы и Народожичи съ людьми). Несомнѣнно, что доходы составляли личную собственность Оранскаго (ибо въ этомъ и заключается интересъ пожалованія или награды); хотя несомнѣнно также, что часть этихъ доходовъ, по усмотрѣнію его, должна быть употребляема на нужды монастыря, т. е. содержаніе церкви, викарія и монаховъ. Однако, при этомъ не дается никакихъ правъ распоряженія; напр. въ 1570 г. Павелъ Оранскій задумалъ при жизни своей передать владѣніе монастыремъ старшему сыну своему Михаилу; но не счелъ себя въ правѣ осуществить это безъ воли короля; кор. Стефанъ, къ которому онъ обратился, соизволилъ на то. Духовная власть (владыки) совершенно отстраняется отъ управленія монастыремъ. Судебная защита владѣнія монастырскими имѣніями принадлежитъ свѣтскому привилегіату: въ 1585 г. земянинъ Михаилъ Оранскій жаловался Владимірскому гродскому уряду на Григорія Киселя-Низкиницкаго о безправномъ завладѣніи грунтомъ Подгайцами, который „принадлежитъ церкви св. Спаса въ гор. Владимірѣ и пожалованъ ему (Оранскому) отъ короля“. Рѣшеніе суда въ пользу Оранскаго почему-то долго не приводилось въ исполненіе, такъ что истцу пришлось обратиться съ жалобою къ королю; Стефанъ Баторій, предписывая мѣстному уряду немедленно исполнить это рѣшеніе, такъ опредѣляетъ въ своей грамотѣ юридическія свойства имущества, о которомъ идетъ рѣчь: „о гвалтовное выбите з спокойного держаня кгрунту *его* (т. е. Оранскаго), прозываемаго Подчаецъ, *приналежачого до церкви монастыря* св. Спаса въ Володимери, который онъ, за даниною нашою, отъ часу немалого спокойне *держалъ и уживалъ*“ [1]).

Не сомнѣваемся, что здѣсь мы имѣетъ дѣло со свѣтскимъ настоятельствомъ монастыря (что покажутъ сейчасъ и другіе примѣры того же). Если такъ, то имѣемъ здѣсь

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 943, л. 114.

очень интересный случай установленія волею вел. князя *наслѣдственнаго настоятельства* въ опредѣленномъ кругѣ ближайшихъ преемниковъ мужскаго пола, что не должно насъ удивлять послѣ того, что мы видѣли нѣчто подобное относительно епископій.—Фактъ врученія Оранскимъ настоятельства произошелъ до Гродненскаго сейма 1568 г., когда была узаконена необходимость для настоятелей принимать монашество въ извѣстный срокъ.

Для большей ясности дѣла представимъ примѣръ изъ однородныхъ фактовъ, относящихся къ сѣверо-западной Россіи. Въ 1577 г. вел. кн. Стефанъ Баторій даетъ грамоту, въ которой пишетъ, что онъ недавно пожаловалъ дворянину своему Богушу Невельскому монастырь Вознесенія Христова въ Минскѣ, но Невельскій пожелалъ уступить этотъ монастырь земянину Минскому Стефану Достоевскому, о чемъ и просилъ короля. Король согласился и пожаловалъ Достоевскому пожизненно упомянутый монастырь „съ фольварками, съ пашнею монастырскою, со всѣми селами, людьми, грунтами и доходами, которые онъ Достоевскій будетъ получать въ свою пользу и устроять всякіе духовные обряды съ помноженіемъ хвалы Божіей“ [1]).—Какъ Невельскій, такъ и Достоевскій были люди свѣтскіе; но при пожалованіи монастыря первому изъ нихъ было поставлено условіемъ принятіе монашества; стало быть онъ получилъ монастырь не какъ патронъ, а какъ настоятель; это видно не только изъ правъ, предоставленныхъ грамотою, но и изъ послѣдующихъ событій; Невельскій исходатайствовалъ позволеніе переуступить монастырь Достоевскому, когда король былъ въ Варшавѣ; благодаря этому въ новую грамоту короля проскользнули пункты, которыхъ въ прежней грамотѣ не было, именно условіе о принятіи духовнаго сана изчезло. Кіевскій митрополитъ Илья, Минскій каштелянъ Янъ Глѣбовичъ и чиновники и шляхта Минскаго повѣта писали королю въ Варшаву, что какъ Невельскій не хотѣлъ принимать духовнаго

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 89.

сана, такъ и Достоевскій есть не только человѣкъ свѣтскій, но и *не православной вѣры* (какой именно—не сказано, вѣроятно католикъ), что онъ владѣетъ монастыремъ только для своей выгоды, а хвала Божія никогда въ монастырѣ не исполняется; поэтому митрополитъ и Минскіе обыватели напоминаютъ королю, чтобы онъ, наравнѣ съ другими правами, не нарушалъ и правъ духовныхъ и рекомендуютъ въ настоятели земенина Минскаго повѣта Михаила Рагозу, человѣка благовоспитаннаго, богобоязненнаго и свѣдущаго въ святомъ писаніи, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ монашество. Король сознался, что прежнее его пожалованіе сдѣлано было вопреки постановленію Гродненскаго сейма при Сигизмундѣ-Августѣ, о томъ, что „если кому будетъ данъ хлѣбъ духовный, а онъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не принялъ духовнаго сана, то у него дарованное отнимается"; сообразно съ этимъ король въ 1579 приказалъ взять монастырь у Достоевскаго и передать Михаилу Рагозѣ (въ послѣдствіи извѣстному митрополиту Кіевскому), съ тѣмъ, чтобы онъ, ставши монахомъ и архимандритомъ, держалъ монастырь по обычаю вѣры греческой и пользовался всѣми доходами монастыря, которыми пользовались прежніе архимандриты [1]).—До постановленія 1568 года права великаго князя въ назначеніи свѣтскихъ настоятелей не были ограничены; напримѣръ нами выше былъ упомянутъ фактъ пожалованія кор. Сигизмундомъ-Августомъ въ 1562 г. монастыря Іоанна Предтечи королевскому дворянину Боркулабу Корсаку; Корсакъ долженъ держать монастырь, какъ „прежніе держали". Въ грамотѣ квалификація этихъ „прежнихъ" не обозначена (очевидно преднамѣренно): настоятели ли это (игумены), или патроны; умолчать объ этомъ приходилось поневолѣ, ибо Корсакъ есть лицо свѣтское, и останется таковымъ, а между тѣмъ онъ несомнѣнно становится настоятелемъ: онъ обязанъ *имѣть при себѣ* особу духовную, человѣка ученаго, который бы умѣлъ исправлять дѣла духовныя по закону греческому. Самому же Корсаку дается власть имѣть въ своемъ завѣдо-

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 110.

ванiи („справѣ“) поповъ, черницъ и черноцовъ и весь станъ духовный, который издавна былъ обязанъ повиноваться *настоятелю* того монастыря [1]). Такъ, въ концѣ концовъ прямо и назвалъ свѣтскiй владѣлецъ монастыря.

Какъ видно изъ предыдущаго примѣра, назначенiе свѣтскихъ настоятелей случалось и послѣ постановленiя Гродненскаго сейма.

Кромѣ свѣтскихъ лицъ, настоятелями могли быть *лица изъ бѣлаго духовенства*. Такъ Могилевскимъ Спасскимъ монастыремъ управлялъ нѣкогда Иванъ протопопъ Могилевскiй, по пожалованiю кор. Сигизмунда-Августа [2]). Имѣя въ виду, что монастыри весьма часто служили приходскими церквами въ городахъ и селахъ, въ настоятельствѣ лицъ бѣлаго духовенства нельзя видѣть такого противозаконiя, какъ въ настоятельствѣ лицъ свѣтскихъ и даже иновѣрцевъ. Однако, (какъ само собою разумѣется) и это противорѣчитъ монастырскимъ уставамъ, а потому при случаѣ такое противорѣчiе ставилось на видъ. Такъ въ 1578 г. архiепископъ Полоцкiй Ѳеофанъ-Богданъ, стремясь подчинить себѣ всѣ монастыри своей епархiи, донесъ королю Стефану Баторiю, что монастыремъ св. Николы въ Мстиславлѣ владѣетъ попъ Мстиславскiй Елпатiй, а монастыремъ Пустынскимъ близъ Мстиславля—сынъ того же попа Матвѣй, по пожалованiю будто бы Сигизмунда-Августа. Архiепископъ находитъ что оба эти лица, давно владѣя монастырями, не приняли однако доселѣ монашества и тѣмъ якобы нарушили постановленiе Гродненскаго сейма (о лицахъ свѣтскихъ). Король согласился съ такимъ толкованiемъ закона, отобралъ монастыри и передалъ ихъ владыкѣ [3]).

Такъ широка была власть вел. князя въ назначенiи епископовъ и настоятелей монастырей. Эту власть раздѣляли съ нимъ подчиненные органы государственнаго управленiя: Рада, которая, какъ мы видѣли назначала, во время отсут-

---

[1]) Ак. зап. Рос. Ш. № 29.
[2]) Ак. зап. Рос. Ш. № 94.
[3]) Ак. зап. Рос. Ш. № 98.

ствія вел. князя, епископовъ, намѣстники вел. князя (напр. въ упомянутомъ выше фактѣ, замѣститель Кіевскаго воеводы отдалъ Михайловскій монастырь нѣкоему Подоприсвѣту). Затѣмъ вел. князь делегируетъ свое право городскимъ общинамъ (какъ сдѣлалъ это вел. князь въ 1584 г. передавъ право избранія архимандрита Троицкаго монастыря Виленской городской общинѣ).

Ознакомившись съ представленными фактами, мы будемъ имѣть надлежащій критерій для различенія закономѣрныхъ дѣйствій власти отъ злоупотребленій; а именно: если избранное вел. княземъ лицо (точнѣе получившее пожалованіе имуществъ церковныхъ) можетъ удовлетворить и *каноническимъ* требованіямъ посвященія, то дѣйствіе власти не можетъ быть признано незаконнымъ, ибо поданіе церковныхъ имуществъ зависитъ отъ этой власти. Но лицо, удовлетворяющее формальнымъ требованіямъ каноническаго права, тѣмъ не менѣе можетъ быть недостойно высокаго духовнаго сана (по личнымъ свойствамъ); тогда фактически можетъ явиться трудно разрѣшимая коллизія. Нельзя напр. представить себѣ, чтобы церковная власть, не находя великокняжескаго кандидата достойнымъ, избрала бы своего, предоставивъ первому владѣнье имуществами, пожалованными вел. княземъ, ибо это означало бы полное отчужденіе имущества отъ церковнаго учрежденія, чего не могъ позволить себѣ ни вел. князь, ни церковныя власти. Нельзя, съ другой стороны, представить себѣ вел. князя простымъ раздатчикомъ имуществъ по указанію и велѣнію сторонней власти, ибо это значило бы совершенное лишеніе его патрональныхъ правъ (какъ объ этомъ и замѣтилъ кор. Сигизмундъ-Августъ въ 1568 г.). Таковы неизбѣжныя затрудненія, вытекающія изъ имущественныхъ правъ церкви и патрональныхъ правъ государства. Но если вел. князь избираетъ лицо, которое завѣдомо не можетъ удовлетворить каноническимъ требованіямъ, напр. иновѣрца, или такого, который не желаетъ вступить въ духовный санъ, то это, конечно, злоупотребленіе, которое и отстранялось духовными властями посредствомъ общихъ постановленій, или частныхъ жалобъ.

Тѣ же замѣчанія имѣютъ силу и относительно правъ частныхъ патроновъ.

Право частныхъ владѣльцевъ на избраніе духовныхъ лицъ, настоятелей монастырей и церквей и увольненіе ихъ возбуждало весьма сильныя пререканія между патронами и епархіальною властію, что вызвало нѣсколько правительственныхъ и церковныхъ постановленій, не вполнѣ достигающихъ, однако, цѣли. Вел. князь Александръ въ 1499 г., по просьбѣ митрополита Іосифа, подтвердилъ древнія права православной церкви („свитокъ Ярослава") и между прочимъ узаконилъ, чтобы власть митрополита и епископовъ судить церковныхъ людей не встрѣчала препятствій ни со стороны коронныхъ чиновниковъ, ни со стороны католическаго духовенства и свѣтскихъ пановъ и органовъ городскаго самоуправленія. „Тѣ православныя церкви, которыя, находясь въ имѣніяхъ князей и пановъ римской вѣры, издавна были въ поданьи митрополита или владыки, остаются по старому; а тѣ, которыя состоятъ въ поданьи „державца" (владѣльца) остаются въ его зависимости, но владѣлецъ не можетъ удалить священника безъ воли митрополита" [1]). Въ приложенномъ къ великокняжеской грамотѣ „свиткѣ Ярослава" между прочимъ означено, что тотъ изъ князей и бояръ, который бы противодѣйствовалъ власти епископа надъ священникомъ въ имѣніи князя или боярина,—тотъ рискуетъ „потерею ктиторства". Тоже, почти буквально повторено въ грамотѣ кор. Сигизмунда I, 1511 г. [2]). Выписка изъ свитка Ярослава объ отнятіи ктиторства у владѣльца взята изъ стараго Византійскаго права и отнюдь не могла имѣть практическаго примѣненія въ западной Россіи, какъ оказалось изъ послѣдующей исторіи вопроса.

Виленскій соборъ 1509 года, подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа Солтана, подробнѣе и точнѣе изложилъ затронутые здѣсь вопросы, а именно: князьямъ и панамъ,

---

[1]) Акты зап. Россіи т. I, № 166. Сл. „Волынь", Батюшкова, стр. 98. и „Русская исторія" К. М. Бестужева-Рюмина, т. II, вып. I, стр. 132—133.

[2]) Ак. зап. Рос. II, № 65.

имѣющимъ право поданья, запрещается отнимать у священника церковь, безъ вины и не объявивъ митрополиту; въ случаѣ нарушенія этого постановленія, запрещается ставить въ такую церковь священника. Если князь или панъ три мѣсяца не назначаетъ священника къ церкви, то назначаетъ его митрополитъ; если князь или панъ отнимаетъ что нибудь у церкви, то митрополитъ пишетъ къ нему; непослушнаго подвергаетъ отлученію. Правила эти должны соблюдаться неуклонно. Если же кто-либо, хотя бы самъ господарь, захочетъ ихъ нарушить, то воли его исполнять не слѣдуетъ, а подавъ челобитную господарю, непоколебимо стоять, что бы не была нарушена православная вѣра. Постановленіе собора 1509 г. получило отчасти подтвержденіе въ упомянутой выше грамотѣ Сигизмунда I 1511 г., данной на Брестскомъ сеймѣ [1]). Объ отнятіи ктиторства уже ничего не упоминается въ постановленіи 1509 г.

Само собою очевидно, что эти постановленія, гарантированныя однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ государственной власти и обращенныя отчасти къ иновѣрнымъ патронамъ (съ угрозою отлученія), не могутъ быть признаны цѣлесообразными.

Во всякомъ случаѣ весьма важны эти попытки установить отношенія церковныхъ учрежденій какъ къ государственной власти, такъ и къ частнымъ владѣльцамъ—католикамъ и православнымъ: къ ихъ праву удалять неугодныхъ представителей церковнаго учрежденія, праву назначать другихъ и къ соотношеніямъ правъ подавцевъ къ власти епископовъ и митрополита.

И въ послѣдующее время (въ теченіи XVI в.) отношеніе права подавцевъ частныхъ—свѣтскихъ владѣльцевъ къ мѣстной епископской власти въ дѣлѣ избранія кандидатовъ на духовныя должности, осталось неопредѣленнымъ. Имѣлъ ли право, и въ какихъ именно случаяхъ владыка не допустить того или другого священника къ церкви, которую подалъ ему мѣстный владѣлецъ? Въ 1548 г. занесена была

---

[1]) Ак. Ист. I, № 289; сл. Христ. Чтеніе 1855 г. ч. I, стр. 136.

жалоба митрополиту Макарію на распоряженіе Луцкаго владыки Ѳеодосія о недопущеніи священника Тимофея къ Клеванской Троицкой церкви, между тѣмъ какъ этотъ Тимофей уже получилъ названную церковь отъ владѣльца Клевани князя Ивана Чорторыйскаго. Митрополитъ нашелъ, что владыка дѣйствуетъ не по какому либо основательному мотиву, а просто потому, что не хочетъ допустить, что-бы священникъ былъ въ имѣніи кн. Чорторыйскаго. Митрополитъ ограничился однако „напоминаніемъ" владыкѣ, что такъ поступать не слѣдуетъ [1]).

Борьба возбужденная введеніемъ уніи, заставила обратить вниманіе на право подаванья и точнѣе выяснить его сущность, ибо въ интересахъ борющихся сторонъ было опереться на это право при проведеніи уніи, или при отпорѣ ей, смотря по тому, къ какому вѣроисповѣданію принадлежали борцы. А именно: вопросъ объ отношеніи епархіальной власти къ патронамъ въ частно—владѣльческихъ имѣніяхъ, остававшійся прежде не вполнѣ разрѣшеннымъ, поднятъ вновь уніатскимъ епископомъ (а потомъ митрополитомъ) Ипатіемъ Потѣемъ. Конечно, въ интересахъ уніи для уніатской епархіальной власти было рѣшить его въ смыслѣ расширенія правъ епископа. „Ипатій Потѣй (говоритъ одинъ ученый) понималъ свою епископскую и митрополитанскую власть чисто по католически, не обращая вниманія на права основателей и покровителей извѣстныхъ монастырей и церквей на томъ основаніи, что не только „въ имѣніяхъ собственно церковныхъ владычнихъ онъ есть господинъ и надзиратель, но и во всей епархіи его власть предотвращать и не допускать уничтоженія ихъ—принадлежитъ не кому иному, какъ только верховному пастырю, къ чему призываютъ его право божеское и гражданское и право поданія и высокій долгъ духовный и пастырскій [2]). Точка зрѣнія на отношеніе

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 7.

[2]) „Волынь", Батюшкова, стр. 131—132 и труды Кіев. Духов. Акад. 1869 г. іюнь: статья Н. И. Петрова „объ учрежденіи Ипатіемъ Поцѣемъ уніатской капитулы во Владимірѣ Волынскомъ".

права патроновъ и мѣстнаго епископа, изложенная здѣсь, отнюдь не можетъ быть названа спеціально католическою. Мы видѣли, что и византійское право ктиторства давало епископамъ большое значеніе въ отношеніи къ ктиторамъ. Что же касается до проведенія уніи при помощи права поданья, то результатъ выходилъ тотъ же, когда епископская власть принадлежала православному іерарху, а патронъ (частный владѣлецъ) былъ католикъ или уніатъ.

4, Четвертымъ (для насъ самымъ существеннымъ) правомъ поданья были *имущественныя права патроновъ.* Что касается до великокняжескаго права поданья въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ, то оно выражено въ одномъ изъ актовъ 2-й пол. XVI в.[1]) по частному поводу. Въ то время (1571) извѣстный владыка Луцкій Іона Борзобогатый-Красенскій, благодаря запутаности своихъ семейныхъ экономическихъ дѣлъ, велъ многочисленные процессы со многими окрестными владѣльцами. Суды, приговаривая ко взысканію долговъ съ владыки, допускали взысканіе ихъ на церковныхъ имѣніяхъ епископіи Луцкой и Жидичинскаго монастыря (архимандритомъ котораго былъ владыка Луцкій); епископъ Іона обратился съ жалобою къ королю, который въ своей грамотѣ предписываетъ Луцкимъ властямъ не допускать такой противозаконной мѣры, т. е. взысканія долговъ съ чужаго имущества. Мысль эту король выразилъ такъ: „вы (судьи) должны тщательно воспрещать и предупреждать (такое правонарушеніе) ибо *всѣ имѣнія церковныя суть властность (собственность) наша господарская:* на нихъ не только не должно быть взысканій за чужую вину, но мы не желаемъ видѣть ни самого малаго вреда и ущерба для нихъ".

Статутъ 1588 г., говоря о правѣ исковъ по вопросамъ о землевладѣніи, ставитъ „господарскія" имѣнія наряду съ „костельными подаванья нашего" относительно правъ судебной защиты ихъ господаремъ[2]).

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. № 2194, л. 684.

[2]) Стат. Разд. I, арт. 20.

Такое отождестленіе правъ поданья съ правами собственности мы, конечно, не должны принимать буквально: короли не пользовались никакими непосредственными экономическими выгодами съ церковныхъ имуществъ. Выраженіе, допущенное королемъ въ актѣ 1571 года, означаетъ лишь верховное право носителя государственной власти, какъ патрона.

Однако мы увидимъ сейчасъ что, при отчужденіи вел. княземъ своего права частнымъ лицамъ, черта, отдѣляющая ихъ право отъ права собственности, становилась сомнительной.

Но объ имущественныхъ правахъ патроновъ мы не будемъ здѣсь распространяться, ибо весь слѣдующій отдѣлъ нашихъ замѣтокъ будетъ посвященъ уясненію взаимныхъ отношеній разныхъ субъектовъ права на церковныя имущества къ правамъ патроновъ.

ГЛАВА III.

Отдѣльные субъекты правъ на церковныя имущества.

Представленныя нами замѣчанія о сущности и источникахъ права поданья могутъ подать поводъ къ такому выводу: субъектъ права на церковныя имущества, повидимому, очень сложный, а именно, кромѣ церковныхъ учрежденій, непосредственно владѣющихъ ими, право на церковныя имущества (какъ и на самыя учрежденія) признаютъ за собою великій князь (король), земства, городскія и приходскія общины, частные собственники имѣній (паны, шляхетство), и отдѣльныя лица (физическія и юридическія)—ктиторы. Теперь намъ предстоитъ разобраться среди этихъ показаній и удостовѣриться, слѣдуетъ-ли признать патроновъ субъектами права на церковныя имущества, или таковыми должны быть признаваемы церковныя учрежденія. Для этого разсмотримъ права отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій.

Въ западной Россіи таковыми были: 1, владычества (епископіи), 2, монастыри и 3, приходскія церкви. Другихъ учрежденій, существовавшихъ на востокѣ, какъ гостинницы, странноприимницы, больницы, здѣсь не было. Такъ называемые „шпитали“ (богадѣльни), хотя имѣли значеніе церковныхъ учрежденій, но будучи приписаны къ церквамъ или монастырямъ, не имѣли самостоятельныхъ имущественныхъ правъ.

1. Епископіи (владычества).

Въ юго-западной Россіи были три епископскихъ кафедры: Кіевская митрополія, Луцкое (и Острожское) владычество и владычество Владимірское и Берестейское. Первая занимала территорію Кіевскаго и Браславскаго воеводствъ,

второе—Волынь, за исключенiемъ сѣверо-западной части ея, третье остальную часть Волыни и Подляшье (воеводство Берестейское).

Владычества, въ особенности Луцкое, были весьма привлекательными должностями; на нихъ всѣми (правыми и неправыми) стезями стремились люди, иногда вовсе того недостойные и не чувствовавшiе ни малѣйшаго призванiя къ духовной службѣ и дѣятельности. Главною привлекательностiю были именно церковныя недвижимыя имущества епископiи.— Какъ увидимъ ниже, владыка былъ полноправнымъ хозяиномъ ихъ.

Правда, по древнему церковному обычаю, права на епископскую юрисдикцiю вообще должны были дѣлить съ владыкою такъ называемые *крылошане*—представители мѣстнаго духовенства, главн. обр. духовенство кафедральной церкви, святые патроны которой (Пречистая Богородица и пр.) именовались собственниками имуществъ епископiй въ юридическихъ актахъ. Иногда въ акты проторгается формула, свидѣтельствующая о дѣйствительномъ соборномъ управленiи. Такъ актъ 1516 г. разграниченiя имѣнiй Владимiрской епископiи отъ земель кн. Чорторыйскаго, начинается такъ: „се азъ смиренный Пафнотей, епископъ Володимiрскии, зволившеся зо всею, еже во Христѣ, братiю—священниками епископие Володимiрское...“ [1]). Несомнѣнно, что въ болѣе древнiя времена это не было пустою формою; но въ XVI в. въ юго-западной Россiи мало слѣдовъ дѣйствительнаго участiя священниковъ въ епархiальномъ управленiи вообще и въ управленiи церковными имуществами въ частности. По приведенной цитатѣ епископъ „со *всѣми* священниками епископiи“, очевидно, не могъ совѣщаться; дѣйствительное участiе могли принимать только крыломане соборной церкви и церквей кафедральнаго города. Въ послѣдствiи въ концѣ XVI в. замѣчаемъ, что въ церковномъ управленiи, участвуютъ такъ называемые соборяне, или „капитула“; можно-ли видѣть въ этомъ влiя-

---

[1]) См. этого тома № IX, 6.

ніе католичества или отраженіе древнихъ соборныхъ началъ православной церкви, объ этомъ скажемъ ниже. Для уясненія дѣла считаемъ необходимымъ предварительно обратиться къ аналогіи фактовъ изъ другихъ областей государства.

Въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVI в. сохранилась еще древняя соборная форма церковнаго управленія. Такъ въ Вильнѣ (около 1511 г.) соборное духовенство представило митрополиту Іосифу (Солтану) „пункты", въ которыхъ требовало, чтобы не монахи (которымъ митрополиты охотнѣе вручали намѣстническую власть и дѣла управленія), а они соборяне распоряжались-бы церковію, именовались-бы капитулою („способомъ давнимъ") и завѣдовали-бы имуществами соборной церкви и церквей приписныхъ къ собору (Пятницкой и Козмодемьянской), чтобы у нихъ хранились дѣла собора и другихъ церквей; соборяне приписываютъ себѣ право суда и „ряда" (не опредѣляя въ точности какого суда, надъ всѣмъ-ли духовенствомъ епархіи, или только надъ членами соборнаго клира и приписныхъ церквей)[1]. Еще раньше этихъ „пунктовъ", именно въ 1496 г. Виленскіе соборяне получили грамоту вел. князя по спору ихъ съ митрополитомъ Макаріемъ о своихъ правахъ[2]. Окончательно права Виленскаго собора, утверждены при митрополитѣ Макаріи II въ 1548 году.

Въ Вильнѣ рѣчь шла объ участіи крылоса вообще въ управленіи всѣми дѣлами церкви и ея имуществами, такъ какъ всѣ епархіальныя имущества давались на имя соборной церкви. Но фактически дѣло было далеко не вездѣ такъ: иногда крылосъ имѣлъ отдѣльныя имущества, назначенныя спеціально для него, и защищалъ ихъ противъ попытокъ епископа подвести такія имущества подъ общій уровень епископскихъ и распоряжаться ими. Такъ въ Полоцкѣ въ 1499 г. возникъ споръ между владыкою Лукою и крылошанами св. Софіи о правѣ владѣнія нѣсколькими селами, пожалованными кн. Скиргайломъ. На сторону крылоса стали городскія

---

[1]) Археогр. Сборн. т. VI, № 3.

[2]) Ак. зап. Рос., т. I, № 152.

власти—бояре, войтъ и мѣщане; по ихъ свидѣтельству, кн. Скиргайло далъ эти земли именно крылосу, и потому они отняли ихъ у епископа и передали крылошанамъ. Въ пользу крылошанъ рѣшилъ дѣло и вел. князь и далъ имъ право взимать дань и производить судъ въ спорныхъ имѣніяхъ;— а „опекатися“ этими имѣніями и „боронити“ ихъ поручилъ боярамъ, войту, бурмистрамъ, радцамъ и всѣмъ мѣщанамъ [1]).

Въ 1517 г. кор. Сигизмундъ, по просьбѣ кн. К. И. Острожскаго пожаловалъ нѣсколько тяглыхъ службъ въ Новгородскомъ повѣтѣ въ Цыринской волости крылошанамъ соборной Новгородской церкви свв. Бориса и Глѣба [2]).

Что касается до юго-западной Россіи, то нѣкоторые факты по вопросу о правахъ крылоса даютъ отрицательные отвѣты; а именно: при владыкѣ Іонѣ Борзобогатомъ-Красенскомъ церковныя имѣнія Луцкой епископіи подвергались расточенію. Когда новый владыка Кириллъ Терлецкій потребовалъ отчетъ отъ Луцкихъ соборянъ въ этой разтратѣ, то соборяне въ Луцкомъ гродскомъ судѣ и предъ митрополитомъ заявили, что владыка Іона никогда не совѣщался съ ними при заключеніи сдѣлокъ, мѣны, аренды и пр. на церковныя имѣнія и они не подписывались ни подъ какими актами [3]).

Однако и въ Луцкой епархіи, по крайней мѣрѣ послѣ смерти Іоны Борзобогатаго-Красенскаго, замѣчается не одинъ разъ участіе соборянъ, подъ именемъ крылоса, или капитулы, въ дѣлахъ управленія церковными имѣніями: въ 1585 г. въ гродскій Луцкій судъ было внесено заявленіе коморника королевскаго, производившаго опись Луцкой епископіи при вводѣ Кирилла Терлецкаго во владѣніе ею, о растратѣ нѣкоторыхъ церковныхъ имуществъ, произведенной бывшимъ епископомъ и его семействомъ; дѣйствующими лицами при этомъ заявленіи была „вся капитула церкви соборное св.

---

[1]) Ак. зап. Рос. I. № 174. См. обратное рѣшеніе вел. князя 1503 г. ib. № 209.

[2]) Ак. зап. Рос. II, № 99.

[3]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 49.

Іоанна Богослова"; коморнику заявляли объ этой растратѣ „протопопъ, попы и все духовенство церкви соборное" [1]).

Во время епископства Кирилла Терлецкаго, соборное духовенство („крылосъ") или, какъ теперь оно часто называется, капитула, принимаетъ постоянное участіе въ дѣйствіяхъ и актахъ по имуществамъ Луцкаго владычества, напр. при отдачѣ имѣнія Водирадъ въ аренду Кондыбѣ въ 1594 году дѣйствующими лицами были, кромѣ епископа, „*капитула, или крылошаны* церкви головное соборное Луцкое св. Іоана Богослова". Актъ подписанъ епископомъ, „протопопомъ Іоанномъ Вацутою, Григоріемъ—священник. Афанасьевской церкви—крылошаниномъ Луцкимъ, Федоромъ—священ. Пятницкой церкви,—крылошаниномъ Луцкимъ, Козмою—свящ. Михайловскимъ—крылошаниномъ Луцкимъ". Хотя въ явкѣ акта эти участники сдѣлки называются крылошанами „церкви главной соборной", но какъ видно изъ перечисленія, среди нихъ большинство не принадлежитъ къ соборной церкви, а состоитъ изъ приходскихъ священниковъ разныхъ церквей города [2]). Въ 1593 г. подкоморскій судъ разрѣшалъ межевое дѣло между Циминскимъ съ одной стороны и епископомъ Луцкимъ Кирилломъ Терлецкимъ, и „крылошанами церкви соборное Луцкое св. Іоана Богослова"—съ другой, о возстановленіи правильныхъ границъ между имѣніемъ Цивинскаго Шкленемъ и имѣніемъ церковнымъ Губиномъ. На разборъ дѣла со стороны владыки явился повѣренный его—Иванъ Велятицкій, а отъ крылошанъ соборной церкви—о. Григорій—священникъ Афанасьевскій и о. Парфенъ—священникъ Рождественскій, „*яко дедичи добръ церковныхъ*", именемъ своимъ и всей братіи своей—крылошанъ церкви соборной Луцкой св. Іоанна Богослова. Эти два лица и приносили присягу (въ правотѣ иска): „Я Григорій Офанасовскій, а я Парфенъ Рождественскій—крылошане церкви соборное Иоана Богослова присягаемъ Господу Богу на томъ, ижъ што п. Янъ Цимин-

---

[1]) Арх. юго-зап. Росс. ч. I, т. I. № 43.
[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 101.

скій кгрунтъ *нашъ* церковный Губинскии отъ кгрунту своего Шкленскаго кривды и вписки отъ часу немалого чинилъ[1]).

Наименованіе собора капитулою, конечно, заимствовано изъ католическаго обихода. Но устройство собора разнится отъ устройства капитулы. Въ католической церкви, капитула состояла изъ особо назначенныхъ лицъ, а соборъ есть собраніе священниковъ и прочихъ членовъ клира соборной и другихъ церквей. По существу дѣла казалось бы, что „клиросъ“ долженъ бы ограничиваться однимъ духовенствомъ соборной церкви, ибо имущества жаловались этой церкви (какъ мы видѣли); приходскія же церкви имѣли свои отдѣльныя имущества и права на нихъ. Однако дѣло не ограничивалось лишь духовенствомъ соборной церкви; о томъ свидѣтельствуютъ акты, которые приведены сейчасъ относительно Луцкой епископіи и которые будутъ приведены относительно Владимірской епископіи: въ соборъ включались священники всѣхъ или многихъ церквей главнаго города, а можетъ быть иногда, при болѣе важныхъ актахъ имущественныхъ сдѣлокъ, приглашались и избранные изъ священниковъ епархіи.

Относительно Владимірской епископіи участіе соборянъ находимъ въ грамотѣ короля Стефана Баторія 1588 г. Въ этой грамотѣ король пишетъ, что присылалъ къ нему владыка Владимірскій и Берестейскій Феодосій съ такою просьбою: будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и слабаго здоровья, онъ Феодосій озабоченъ судьбою имущества епископіи послѣ его смерти и судьбою своихъ родственниковъ, которымъ были розданы нѣкоторыя имѣнія церковныя во временное владѣніе, а потому проситъ короля принять надлежащія мѣры, въ качествѣ верховнаго владѣльца („звирхного пана“), „подавцы и оборонцы“. —Король постановилъ слѣд.: тотчасъ по смерти владыки протопопъ и вся капитула соборной церкви Владимірской должны сдѣлать опись церкви, священныхъ предметовъ въ ней, книгъ, привилегій и фундушей на имѣнія и десятины и затѣмъ взять въ свое завѣдованіе и охраненіе

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2969, л. № 99.

впредь до прибытія новаго владыки, которому протопопъ и вся капитула должны будутъ вручить опись. Родственники Феодосія могутъ свободно выѣхать изъ церковныхъ имѣній, съ тѣмъ, однако, чтобы гумна, стада и оборы церковныхъ имѣній владычества были оставлены и сохранены „*на насъ—господара* (говоритъ король), либо тому, кому тое владычество отъ насъ дано будетъ“ [1]).

Въ 1589 г. подобное постановленіе, но въ обобщенномъ видѣ, дано тѣмъ же Сигизмундомъ III (отъ 23 апрѣля), а именно король постановляетъ, что по смерти митрополита или епископовъ, церковныя имущества должны поступать во власть и управленіе соборнаго духовенства до назначенія новаго владыки. Такимъ образомъ участіе собора распространено на всѣ епархіи, въ томъ числѣ Кіевскую митрополію.

При упомянутомъ сейчасъ еп. Владимірскомъ Феодосіи Лазовскомъ мы видимъ не одно приведенное проявленіе правъ соборнаго духовенства на участіе въ дѣлахъ управленія церковными имуществами; соборяне предъявляли ихъ неоднократно, хотя не всегда достигали цѣли. Такъ въ 1589 г. соборное Владимірское духовенство заявило жалобу о расхищеніи церковныхъ имѣній зятемъ владыки Феодосія Дубницкимъ; но владыка запретилъ начать искъ объ этомъ [2]). Для насъ интересно въ этой жалобѣ указаніе на то, что называлось здѣсь соборнымъ духовенствомъ: духовенство ли одной соборной церкви, или соборъ духовенства городскихъ церквей, жалоба занесена отъ имени; „всей капитулы церкви соборное Володимірское—св. Пречистое“ слѣдующими лицами: Епимахомъ протопопомъ Владимірскимъ, настоятелемъ соборной церкви, Дмитріемъ—священникомъ цер. св. Прокофія; Максимомъ—церкви св. апостоловъ, Іосифомъ—церкви св. Николая, Мануиломъ—церкви св. Іоанна, Симеономъ—церкви Федоровской. Жалоба заявлена въ грод. книги уже послѣ смерти епископа Феодосія. При жизни епископа Фео-

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 13.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I. № 57.

досія видимъ участіе соборянъ въ дѣлѣ весьма полезномъ для церкви, а именно: 1588 г. августа 15 въ гродскомъ Владимірскомъ судѣ заявлено было слѣдующее рѣшеніе владыки Феодосія и всей капитулы церкви соборной Владимірской, за подписью владыки, протопопа и нѣкоторыхъ священниковъ (церквей св. Іоанна, св. Прокопія, Апостоловъ, св. Феодора); въ данномъ постановленіи участвовали и представители городской общины: рѣшено было, для возстановленія запущенной соборной церкви, отдѣлить въ пользу этой церкви изъ епископскихъ имѣній на три года села Бискупичи, Божанку, Купечовъ, Салотвинъ, Сушильно, мѣстечко Озеряны и село Бѣлашовъ, не оставляя для епископа ничего изъ доходовъ этихъ селъ; всѣ доходы, должны идти на поправку церкви; а на содержаніе вновь установленныхъ для нея двухъ дьяконовъ, двухъ или трехъ дьяковъ, хлопятъ и нѣсколькихъ спѣваковъ (пѣвчихъ) назначаются села Грошовая и Полупанщина. На содержаніе двухъ проповѣдниковъ назначаются доходы селъ: Городокъ и Сушибаба. Сверхъ того учреждается школа изъ двухъ бакаляровъ, одного для ученія греческаго, а другаго—славянскаго; для школы опредѣляются два дома въ епископскомъ замкѣ—каменный и деревянный; на содержаніе школы назначается доходъ со всѣхъ епископскихъ людей (живущихъ) въ городѣ Владимірѣ. Наконецъ учреждается богадѣльня для больныхъ и увѣчныхъ въ домѣ, въ которомъ раньше была школа; на содержаніе богадѣльни назначается село Петикоровъ. Всѣми исчисленными имуществами и вообще хозяйствомъ церковнымъ и отчетностію завѣдуютъ назначенные справцы и шафары въ теченіе 3-хъ лѣтъ, не оставляя епископу никакихъ доходовъ со всѣхъ этихъ имуществъ. По прошествіи означеннаго срока имѣнія возвращаются епископу [1]).

Участіе крылоса въ судебной дѣятельности епископа засвидѣтельствовано бракоразводнымъ дѣломъ Вас. Загоровскаго 1583 г., когда недовольные приговоромъ владыки Фео-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I. № 55.

досія, поставили вопросъ: согласны-ли съ мнѣніемъ владыки и крылошане? Другой владыка, именно Холмскій, участвовавшій въ томъ-же засѣданіи, не согласился съ рѣшеніемъ владыки Владимірскаго „вмѣстѣ съ крылошанами своими“ [1]).

Обсуждая въ совокупности представленные факты объ участіи крылоса, или собора въ управленіи церковными епархіальными имуществами и дѣлами, мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностію рѣшить вопросъ: насколько въ нихъ проявляется древнее соборное устройство управленія православной церкви, и на сколько здѣсь надо видѣть вліяніе католическихъ порядковъ (которыми начали тогда увлекаться православные епископы). По сличенію съ приведенными выше фактами сѣверо-западной Россіи, слѣдуетъ думать, что древнее соборное начало православной церкви никогда не умирало по крайней мѣрѣ въ сознаніи и убѣжденіяхъ бѣлаго духовенства и лишь временно (въ XVI в.) было затемнено деспотическими пріемами нѣсколькихъ іерарховъ западной Россіи.

Такова была организація епархіальной власти, составляющей субъектъ правъ на имущества епископій. Въ сущности власть епископа была очень велика; значеніе крылоса выступало или post factum, т. е. когда церковныя имущества, по смерти владыки, оказывались расхищенными или подвергались опасности расхищенія его родственниками, или тогда, когда владыка самъ призывалъ крылосъ къ участію въ какой-либо имущественной сдѣлкѣ, или, наконецъ, тогда, когда возникалъ вопросъ о принадлежности тѣхъ или другихъ имуществъ крылосу въ отдѣльности. При обыкновенномъ же теченіи дѣлъ *право управленія* имуществами всецѣло принадлежало владыкѣ и осуществлялось чрезъ „урядниковъ“ (управляющихъ), которыхъ избиралъ владыка единолично. Весьма нерѣдко владыки замѣняли урядниковъ своими сыновьями и другими родственниками; ни какому контролю или отчетности управленіе ихъ не подлежало. Доходы имѣ-

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 179.

ній составляли личный доходъ епископа, изъ котораго онъ могъ удѣлять часть, по своему усмотрѣнію, на нужды соборной церкви и можетъ быть другія обще-епархіальныя потребности. Можемъ, однако, полагать, что удѣляемая владыками доля на эти нужды, была весьма не щедра (судя по жалобамъ о разореніи кафедръ владыками). Тѣмъ болѣе мы должны цѣнить изложенный выше поступокъ епископа Феодосія.

Что касается прочихъ правъ, именно права распоряженія, владѣнія и нѣкоторыхъ правъ пользованія, то власть епископа находится подъ ограниченіемъ со стороны власти великаго князя, верховнаго „подавцы и оборонцы" церковныхъ и въ частности епископскихъ имѣній. Для обозначенія характера этихъ ограниченій, приведемъ выраженіе одной королевской грамоты, которая хотя относится къ монастырскимъ, а не епископскимъ имѣніямъ, но имѣетъ общее значеніе, ибо монастыри, состоящіе въ непосредственномъ поданьѣ вел. князя, находились совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и епископіи (а потому о такихъ монастыряхъ, какъ субъектахъ имущественныхъ правъ, мы отдѣльно говорить не будемъ, предупреждая, что все, что говорится здѣсь о епископскихъ имѣніяхъ, относится и къ нимъ): король Стефанъ Баторій, передавая Жидичинскій монастырь епископу Феофану Меглинскому въ 1582 г., ставитъ слѣдующее условіе: „безъ воли нашое никому имѣней, селъ и якихъ же колвекъ пожитковъ отъ того монастыря отдаляти, давать и уменшивать жаднымъ способомъ и обычаемъ не маетъ и не будетъ мети" [1]).

Мы уже видѣли выше, что изъ всѣхъ церковныхъ учрежденій епископіи именно выдѣлялись какъ предметъ исключительнаго права вел. князя на поданье ихъ и что старыя претензіи удѣльныхъ князей, бывшихъ владѣтельныхъ, отстранены рѣшительно вел. княземъ въ XVI в. Важнѣйшая изъ епископій—митрополія Кіевская, конечно, никогда не могла подпадать патронатству какихъ-либо частныхъ лицъ,

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 31.

даже и при удѣльныхъ Кіевскихъ князьяхъ (Оленьковичахъ), ибо она была не только епархіею, но и представительницею всей западно-русской церкви. Однако случались притязанія и на патронатство надъ митрополіею со стороны частныхъ лицъ и обществъ. Именно столичная городская община, т. е. община гор. Вильны, быть можетъ по древнимъ воспоминаніямъ о государственныхъ правахъ вѣчевыхъ городовъ, заявила въ довольно позднее время попытку распоряжаться дѣлами митрополіи; въ 1569 г. митрополитъ Іона жаловался вел. князю, что „городской урядъ столичнаго гор. Вильны, еще при жизни митрополита Сильвестра, забралъ къ себѣ всѣ привилегіи и листы на все наданье и уфундуванье того (Кіевскаго) архіепископства, не имѣя на то никакого дѣйствительнаго права". Документы не были возвращены долгое время и при митрополитѣ Іонѣ, не смотря на неоднократное его настояніе; городскія власти „распоряжались (имуществами?) по своему произволу". Только по особому приказанію вел. князя и только теперь—въ 1569 г. привилегіи были возвращены митрополиту, но далеко не всѣ. Въ слѣдствіе новой жалобы митрополита, король велѣлъ записать его явку въ свои господарскія книги, имѣя въ виду, что, то архіепископство „есть надане и вфудоване предковъ его (короля) и состоитъ въ оборонѣ и въ подаваньи его господарскомъ", а между тѣмъ сокрытіе привилегій можетъ сопровождаться какимъ-либо вредомъ и умаленіемъ правъ митрополіи [1]).

Итакъ единственною силою, ограничивающею права владыкъ, была власть вел. князя. Разсмотримъ соотношеніе этихъ властей по отдѣльнымъ видамъ правъ на имущества епископій.

Право распоряженія ими, при господствѣ принципа неотчуждаемости, не должно бы принадлежать никому; но мы уже знаемъ, что нѣкоторые способы распоряженія не только владѣніемъ и пользованіемъ, но и правомъ собственности

[1]) Археогр. Сбор. т. VI, № 26.

допускаемы были и въ западно-русской церкви. Хотя всѣ такіе способы находятся въ распоряженіи мѣстнаго владыки, но болѣе значительные изъ нихъ могли быть примѣняемы не иначе, какъ съ разрѣшенія великаго князя. Такъ:

Мѣна церковнымъ имуществомъ на имѣнія стороннихъ лицъ могла быть совершена не иначе, какъ чрезъ испрошеніе формальнаго (письменнаго) соизволенія государя, которое онъ выражаетъ въ особомъ привилеѣ на имя владыки. Въ 1592 г. заключена какая то (не дошедшая до насъ) сдѣлка о мѣнѣ имѣніями Шистовомъ и Ольшаницею между владыкою Владимірскимъ Мелетіемъ Хребтовичемъ и п. Абрамомъ Дубницкимъ; но сдѣлка эта была отмѣнена декретомъ ассенорскаго суда, какъ касающаяся церковнаго имѣнія, а потому незаконная („тую замеку, яко *неправную з добръ церковныхъ* през декретъ ихъ мил. пановъ асесоровъ знесено")[1]). Очевидно, что на заключеніе сдѣлки не было испрошено разрѣшеніе короля, ибо подъ этимъ условіемъ мѣна всегда допускалась: въ 1523 г. кн. Фед. Мих. Чорторыйскій мѣнялся съ владыкою Луцкимъ Кириломъ своимъ дворищемъ Коршовцемъ на церковное дворище Демяново; владыка заключилъ эту сдѣлку „зъ расказаня господарского"[2]). Въ 1574 г. владыка Луцкій Іона промѣнялъ имѣніе церковное—Хорлупъ на имѣніе кн. Радзивиловъ—Фалимичи „зъ волею, вѣдомостью и позволеньемъ его корол. милости короля Гендрыка". Король далъ позволеніе, находя просьбу владыки согласною, какъ съ верходнымъ правомъ господаря, такъ и съ правомъ поданія, принадлежащимъ ему[3]). Подобнымъ же образомъ было испрашиваемо и дано позволеніе тогоже короля на обмѣнъ церковнаго имѣнія Луцкой епископіи Пальче на имѣнія Красное и Омеленикъ князей Радзивиловъ („которую замену мы, господарь, за слушную мети

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 947, л. 210 на об.

[2]) См. этого тома стр. № 356.

[3]) „Бачачи быти въ томъ жедане владыки Луцкого слушное, такъ з вирхности нашое господарьское, яко и з стороны подаваня нашого, на тую замену позволили". Кіев. Центр. Арх. кн. № 2048, л. 311 на об.

хочемъ и вечне ее держати")[1]). При подобныхъ же условіяхъ произведенъ обмѣнъ церковной земли въ Луцкѣ на фольварокъ Лучинскій вдовы Федора Янушевича - Фенны[2]).

Правда, иногда мѣна обходилась безъ спеціальнаго разрѣшенія вел. князя, но это только въ такомъ случаѣ, когда она касалась неглавныхъ принадлежностей церковнаго имѣнія; такъ въ 1547 г. владыка Владимірскій Геннадій промѣнялъ Алексѣю Яким. Волчку „плецъ церковный, што въ селѣ" на два дворища, сподручныя имѣнію церковному, безъ разрѣшенія вел. князя[3]).

Мѣна, какъ извѣстно, легко можетъ сдѣлаться актомъ полнаго отчужденія части имущества и потому требовала внимательнаго контроля со стороны верховнаго патрона вел. князя. Такъ это случилось въ дѣйствительности въ приведенномъ выше случаѣ промѣна Хорлупа на Фалимичи Луцкимъ епископомъ: когда владыка Іона умеръ, то соборное духовенство заявило, что покойный владыка, безъ вѣдома и позволенія всей капитулы, посредствомъ своего сына Василія отдалъ Радивиламъ Хорлупъ, промѣнявъ его на Фалимичи и с. Иванчичи, получивши 1500 зл. польск. *придачку* или *барышу*, который и забралъ себѣ Василій Красенскій, а между тѣмъ Фалимичи съ сельцами не стоятъ и половины замка и мѣстечка Хорлупъ и селъ Хорлупскихъ[4]). Такимъ образомъ посредствомъ мѣны по крайней мѣрѣ половина одного изъ лучшихъ имѣній епископіи подверглась отчужденію безъ эквивалента для церкви. Впослѣдствіи оказалось, что къ довершенію всего самое право Радивиловъ на Фалимичи было спорнымъ и по распоряженію секретаря королевскаго королевскимъ коморникомъ (конечно, не безъ воли вел. князя) было отобрано у церкви; объ этомъ въ 1590 г. епископъ Кириллъ Терлецкій и капитула соборной церкви подали въ гродскій Владимірскій судъ жалобу (Фалимичи были въ Луцкомъ повѣтѣ)[5]).

---

[1]) Кіев Центр. Арх. № 2048, л. 315.
[2]) См. этого тома стр. № 247.
[3]) См. этого тома стр. 151—152.
[4]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I. т. I. стр. 209.
[5]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 275 и слѣд.

Размежеваніе, подобно мѣнѣ неглавными принадлежностями имѣнія, могло быть произведено по волѣ владыки, безъ особаго разрѣшенія вел. князя. Такъ въ 1511 еп. Владимірскій Пафнутій произвелъ размежеваніе церковной земли отъ имѣнія князя Ф. М. Чорторыйскаго, съ предоставленіемъ этому послѣднему права примкнуть греблю (плотину) къ церковной землѣ [1]); такимъ образомъ при размеживаніи безъ воли вел. князя совершилась сдѣлка, соединенная съ нѣкоторою уступкою правъ собственности.

На церковной землѣ допускалось установленіе *вѣчнаго чиншеваго владѣнія*, но требовало спеціальнаго разрѣшенія вел. князя: въ актѣ 1547 г. разсказывается судьба церковнаго дворища, принадлежащаго Владимірскому владычеству, въ с. Хмелевѣ среди владѣній пана Волчка; это дворище издавна, „при нѣкоторыхъ предкахъ нашихъ (говоритъ еп. Геннадій), первыхъ епископахъ Владимірскихъ, запустѣло и пляцъ (усадебная земля) этого дворища въ с. Хмелевѣ лежалъ въ пустѣ, отъ чего церковь долгое время не получала никакого дохода; по этому предшественникъ нашъ еп. Пафнутій, съ дозволенія господарскаго [2]), далъ это дворище отцу п. Алекс. Волчка—Якиму, съ полями и сѣнокосами, подъ условіемъ ежегодной платы въ 100 грошей; на такихъ условіяхъ отецъ Волчка держалъ это дворище при покойныхъ епископахъ Пафнутіи и Іонѣ“. Владыка Геннадій въ свою очередь подтверждаетъ чиншевое право Волчка „на вечные часы“, но не испрашиваетъ уже на то новаго дозволенія вел. князя [3]), очевидно потому, что дозволеніе необходимо при первоначальномъ установленіи чиншеваго владѣнія а при переходѣ къ новымъ владѣльцамъ требовалось лишь утвержденіе собственника.

Къ чиншевому владѣнію относится одинъ актъ 1570 г., не совсѣмъ, впрочемъ, ясный по своему содержанію, а

---

[1]) См. этого тома стр 30.

[2]) Кор. Сигизмундъ I въ 1514 г. далъ привилей на дозволеніе этой сдѣлки „вечно, ведлугъ злюбу и воли своее“. См. этого тома № XXV, 8.

[3]) См. этого тома стр. 150—151.

именно: Янъ Андреевичъ Монтовтъ внесъ въ актовыя книги заявленіе, что владыка Владимірскій Феодосій выбилъ урядника его изъ имѣнія Десятины; потомъ стороны вошли въ сдѣлку между собою, изъ которой оказывается, что Монтовтъ держалъ (несомнѣнно) въ чиншевомъ владѣніи церковное имѣніе Десятину съ давнихъ временъ, какъ держали и предки его—каштелянъ Луцкій Михаилъ Козинскій и мать Монтовта, уплачивая ежегодно по 8 копъ грошей владыкѣ. Очевидно, владыка Феодосій почему-то хотѣлъ прекратить это чиншевое право Монтовта и насильственно удалилъ изъ имѣнія его урядника. По установленной же новой сдѣлкѣ Монтовтъ удерживаетъ за собою и впредь владѣніе Десятиною, до того времени, пока Монтовтъ не выхлопочетъ у короля какого-либо другаго имѣнія въ пользу Владимірской епископіи въ замѣнъ Десятины, или пока не замѣнитъ ея самъ какимъ-либо своимъ имѣніемъ [1]). Ясно, что Монтовтъ, упослѣдовавшій владѣніе церковнымъ имѣніемъ Десятиною, не желалъ уступать его собственнику, тоесть церкви (быть можетъ прекратилъ взносъ чинша) и рѣшилъ освоить его на правѣ собственности, или даромъ, при помощи пожалованія отъ вел. князя новаго имѣнія церкви, или путемъ мѣны.

Возможность установленія вѣчнаго чиншеваго владѣнія на церковныхъ имуществахъ подавала поводъ къ злоупотребленіямъ, которыя приводили къ отчужденію церковныхъ имуществъ; на пр. по смерти владыки Луцкаго Іоны Красенскаго соборное духовенство заявило, что замокъ Жабче, издавна принадлежащій Луцкой епископіи, и хорошо снабженный обороною, тоесть оружіемъ, Іона, безъ вѣдомости и позволенія соборнаго духовенства и конечно безъ разрѣшенія вел. князя, отдалъ за своею дочкою въ приданое Александру Жоравницкому, бывшему Луцкому старостѣ; сынъ владыки Василій Борзобогатый забралъ изъ замка двѣ литыхъ пушки и отдалъ одну Гавр. Бокію, а другую Алекс. Жоравницкому, а три пушки забралъ въ свои имѣнія; са-

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 966, л. 220 на об.

мый же за̊мокъ (постройки) Жабча тотъ же зять владыки перевезъ въ свое Блудово[1]). Очевидно, мы здѣсь должны предполагать не отчужденіе права церковной собственности (такая сдѣлка все равно не удержалась бы), а установленіе вѣчнаго владѣнія, нарушающее, однако, права собственности.

Нѣкоторое сходство съ чиншевымъ владѣніемъ имѣетъ *установленіе войтовства* въ церковныхъ имѣніяхъ властію епископа. Извѣстно, что съ войтовствомъ соединялось наслѣдственное пользованіе участкомъ, присвоеннымъ этой должности. Вся разница войтовства отъ чиншеваго владѣнія заключалось лишь въ томъ, что собственникъ, вмѣсто денегъ, получалъ услуги по отправленію должности войта (колонизаціонныя и административныя). Владыкѣ принадлежитъ и право отмѣны войтовства, если, согласно условію, войтъ получаетъ, въ замѣнъ войтовства, денежное удовлетвоереніе въ опредѣленной суммѣ. Безъ такого условія право войта и его наслѣдниковъ неотъемлемо[2]).

Пожалованіе церковныхъ имѣній служилымъ церковнымъ людямъ подъ условіемъ службы имѣетъ большое значеніе для судьбы церковныхъ имуществъ. Оно исходитъ отъ церковной власти, именно епископской. Имущества даваемы были или „вѣчно“ или „до воли и ласки“. Въ сферѣ церковной это различіе имѣло такое же значеніе, какъ въ сферѣ государственной пожалованіе имѣній великимъ княземъ; какъ въ послѣднемъ случаѣ жалованыя имущества („выслуги“) переходили потомъ въ потомственныя, такъ и церковныя земли, данныя „до воли и ласки“, обыкновенно, становились предметомъ потомственнаго (наслѣдственнаго) права въ рукахъ церковныхъ бояръ. Однако въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ была и значительная разница: церковный бояринъ никогда не могъ обратиться въ независимаго собственника пожалованныхъ ему (не только временно, но и на вѣчность) имуществъ, въ силу принципа неотчуждаемости; прекращая службу церкви, онъ долженъ былъ возвратить ихъ. Во всякомъ случаѣ уста-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. т. I, ч. I, стр. 209—210.

[2]) См. Кіев. Центр. Арх. кн. 941, л. 453—483 на обор.

новленіе „вѣчнаго“ (то есть наслѣдственнаго) владѣнія, какъ сдѣлка весьма важная для судьбы церковныхъ имуществъ, требовала предварительнаго соизволенія великаго князя, а пожалованіе „до воли и ласки“, лишь послѣдующаго подтвержденія; при этомъ привлеченіе воли вел. князя иногда наступало не при первоначальномъ пожалованіи, а при наступленіи на кафедру новаго владыки; напримѣръ владыка Брянскій и Черниговскій Нектарій далъ боярину своему Григорію Иванову церковное сельцо св. Спаса съ принадлежностями, съ обязательствомъ служить послѣдующимъ владыкамъ Брянскимъ. Когда на кафедру вступилъ новый (нареченный) владыка (Іона), то бояринъ Григорій обратился съ просьбою къ вел. князю подтвердить ему пожалованіе Нектарія, что вел. князь и исполнилъ [1]). Здѣсь вмѣшательство вел. князя вызвано не интересами церкви (охраною ея имуществъ), а интересами получившаго пожалованіе, такъ какъ очевидно пожалованіе дано не на „вѣчность“; временный владѣлецъ опасался, что послѣдующій владыка не уважитъ воли своего предшественника.

Возможность перехода временнаго пожалованія въ „вѣчное“ владѣніе можно видѣть между прочимъ изъ слѣд. факта: въ 1577 г. Кіевскій митрополитъ Илья (Куча) обратилъ вниманіе на то, что Василій Панковичъ получилъ отъ митрополита церковныя селища Филимоновщику и Багриновъ на службѣ коиной боярской „до воли и ласки“, но потомъ сынъ его Максимъ Панковичъ, безъ вѣдома и позволенія митрополита, заставилъ Филимоновщику земянину Кіевскому Бенедикту Шкаревскому въ 70 копахъ грошей, а селище Багриновъ, по какому-то взысканію (съ Панковича), судомъ воеводы присуждено нѣкоему Федору Черевчею и наконецъ поступило во владѣніе намѣстника Кіевскаго воеводства—Василія Рая въ 40 копахъ грошей. Митрополитъ находитъ, что такое распоряженіе церковными имѣніями совершенно несогласно съ каноническимъ правомъ. Однако что же предстояло сдѣлать митрополиту для возвращенія имѣнія

[1]) Ак. зап. Рос. I. № 168.

въ руки церкви? Митрополитъ предоставилъ право Богушу Гулькевичу Глѣбовскому выкупить упомянутыя селища и затѣмъ владѣть ими безсрочно подъ обезпеченіемъ уплаченой имъ выкупной суммы, но и послѣ выкупа ихъ у него церковію, Гулькевичъ и его преемники (жена, дѣти и потомки) будутъ владѣть и пользоваться обоими селищами вѣчно и митрополиты не имѣютъ права чинить ему въ томъ какое-либо препятствіе, ибо онъ хорошо заслужилъ церкви Божіей и продолжаетъ служить. По полученіи выкупа за упомянутыя селища Гулькевичъ будетъ обязанъ служить съ нихъ службу земскую военную, наравнѣ съ другими шляхтичами—обывателями Кіевск. воеводства, т. е. ставить одного коня [1]). Такимъ образомъ, одна сдѣлка, т. е. установленіе служебнаго владѣнія перешла въ другую—заставную. Почему митрополитъ нашелъ дѣйствія Максима Панковича незаконными? Конечно не потому, что онъ овладѣлъ послѣ отца имуществами, пожалованными только „до воли и ласки". Несомнѣнно сынъ имѣлъ право такого наслѣдованія, если „ласка" собственника не прекратилась и пожалованіе не отнято. Незаконность не состояла и въ томъ, что владѣлецъ заложилъ церковное имѣніе; единственно въ чемъ онъ виноватъ, это то, что совершалъ сдѣлки „безъ вѣдома и позволенія" митрополита. Итакъ, владѣлецъ церковнаго имѣнія не только потомственный, но и временный, могъ совершать всѣ тѣ сдѣлки, какія доступны и для самой церковной власти, подъ условіемъ неотчуждаемости и при соблюденіи условія т. е. службы церкви. Даже взысканія по долгамъ владѣльца могли пасть на церковную землю. Наконецъ временное служебное владѣніе переходитъ въ вѣчное. Въ изложенномъ сейчасъ фактѣ не видно ни въ чемъ участія воли вел. князя, конечно потому, что первоначально пожалованіе было дано лишь „до воли и ласки" владыки.

Иначе стоитъ дѣло съ пожалованіями на вѣчность: такъ напримѣръ владыка Владимірскій Феодосій далъ боярину владычества Владимірскаго—Тимофею Васильевичу на вѣч-

[1]) Ак. зап. Рос. Ш. № 83.

ность сельцо церковное Федоровецъ, въ которомъ было людей осѣдлыхъ 5, а пустовщинъ 3, и далъ ему на то грамоту. Бояринъ представилъ эту грамоту для утвержденія королю. Король, хотя и подтвердилъ пожалованіе владыки, но выразилъ слѣд. „владыка не имѣлъ и не имѣетъ права раздавать на вѣчность никому церковныхъ имѣній нашего (т. е. велико-княжескаго) подаванья безъ вѣдома и воли нашей“ [1]). Выраженіе: „подаванья нашего“ не означаетъ, что были другія епископскія имущества, не состоявшія въ великокняжескомъ подаваньѣ, которыми владыка могъ бы распоряжаться безъ воли вел. князя; великокняжескому патронатству подлежали всѣ владычнія имѣнія. Итакъ, пожалованіе на вѣчность требовало не послѣдующаго *подтвержденія*, а предварительнаго *дозволенія* вел. князя, въ чемъ, конечно, есть большая разница.

Пожалованіе имуществъ церковнымъ слугамъ и боярамъ вызывалось необходимостію, именно обязанностію владыкъ служить государству съ церковныхъ имуществъ. Во всякомъ владычествѣ, вслѣдствіе этого, существовало нѣсколько отдѣльныхъ владѣній бояръ на пѣшей или конной службѣ. Въ инвентаряхъ они и значатся, обыкновенно, какъ имѣнія боярскія, не переставая быть церковными. Въ такомъ пожалованіи нѣтъ никакого личнаго (экономическаго) интереса владыкъ.

Переходимъ къ такимъ сдѣлкамъ, въ которыхъ проявляется личный интересъ этихъ послѣднихъ.

Отвѣтственность церковныхъ имуществъ по обязательствамъ правящихъ епископовъ и заставное право. Изъ одного примѣра, приведеннаго выше, видно, что, по рѣшенію вел. князя 1571 года, церковныя имущества не отвѣчаютъ по обязательствамъ епископовъ. Однако, цѣлый рядъ актовъ, относящихся ко времени, какъ предшествующему, такъ и послѣдующему за этимъ рѣшеніемъ, содержитъ въ себѣ доказательства противнаго; по обязательствамъ владыкъ идутъ въ удовлетвореніе кредиторовъ доходы имуществъ епископій,

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 54.

для чего самыя имущества поступаютъ во временное владѣніе кредиторовъ, или тѣхъ органовъ судебной власти, которымъ поручено взысканіе. Такъ въ 1570 г. маршалокъ господарскій Михаилъ Малинскій предъявилъ гродскому Луцкому суду жалобу на владыку Луцкаго и архимандрита Жидичинскаго Іону Борзобогатаго по слѣдующему поводу: 9 мая 1570 г. изъ стада лошадей, принадлежащихъ Малинскому, пропало 11 „валаховъ ѣздныхъ“, на которыхъ онъ Малинскій отправлялъ службу земскую военную; объ этой пропажѣ всюду по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ было заявлено („волано“) и заповѣдано. Оказалось, что урядникъ имѣнія Рожищъ (владычества Луцкаго), съ слугами и людьми Рожищскими, захватилъ коней въ дубравѣ воровскимъ способомъ, скрывалъ во дворѣ Рожищскомъ, ѣздилъ на нихъ, бороны волочилъ и коней испортилъ. Судъ приговорилъ владыку къ уплатѣ въ пользу Малинскаго 169 копъ гр. Такъ какъ владыка въ срокъ не заплатилъ этого штрафа, то судъ предписалъ возному войти во владѣніе („увязатися“) частію имѣній Луцкаго владычества, изъять ихъ изъ власти владыки и взять въ свою власть, списать на реестръ всякіе доходы и пожитки и выплачивать Малинскому до полнаго погашенія присужденной суммы и затѣмъ возвратить взятую часть имѣній владычеству Луцкому. Во исполненіе этого рѣшенія суда, возный вступилъ во владѣніе селами Пѣвчемъ и Бущею [1]).—Доходы церковныхъ имѣній должны бы исключительно идти (кромѣ личнаго содержанія владыки) на „умноженіе хвалы Божіей“, т. е. на ритуальныя нужды церкви, а отнюдь не на уголовные штрафы за преступленія лицъ, управляющихъ ими; но это послѣднее вызвано особенностями уголовнаго Литовскаго права, по которому преступленія большею частью оплачивались денежными штрафами; а при отсутствіи наличныхъ денегъ обыкновенно доходами имѣній виновныхъ лицъ, или тѣхъ, кому они служатъ. Въ разсматриваемомъ случаѣ владыка подвергся штрафу потому, что урядникъ его дѣйствовалъ якобы „з волею и ведомостію

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2045, № 80.

пана своего", т. е. владыки. Очевидно, что церковныя имущества епископій разсматривались, какъ личное, хотя и временное имущество правящаго владыки.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ въ особенности слѣдующій фактъ: въ 1571 г. тотъ же владыка Луцкій Іона Борзобогатый-Красенскій велъ въ корол. судѣ дѣло съ подканцлеромъ Литовскимъ Ост. Воловичемъ и былъ присужденъ въ пользу Воловича къ уплатѣ долга въ огромной суммѣ 29,628 зол. Король предписалъ взыскать этотъ долгъ съ собственныхъ (личныхъ) имѣній владыки, а также съ имѣній и *доходовъ церковныхъ Луцкаго владычества и архимандритства Жидичинскаго*. Владыка вступилъ въ сдѣлку съ лицами, назначенными для взысканія и, отдавая въ ихъ распоряженіе свое родовое имѣніе Красное, добавилъ, что остальная сумма (недостающая) имѣетъ быть выплачена съ готовыхъ пожитковъ церковныхъ имѣній, а именно: съ гуменъ, ставовъ, млиновъ, корчемъ, мытъ, скота и всякаго другого имущества. Впредь до утвержденія этой сдѣлки Воловичемъ, владыка обязывается ничего въ имѣніяхъ церковныхъ не уменьшать и не опустошать, и ни какихъ доходовъ въ свою пользу не брать. А за тѣмъ, когда сдѣлка состоится, не сопротивляться вводу во владѣніе кредитора [1]).—Мы не знаемъ обстоятельствъ дѣла и основаній долга, но очевидно, что дѣло шло о личныхъ обязательствахъ владыки Іоны, а не о какой-либо отвѣтственности, падающей на него, какъ епископа, ибо взысканіе прежде всего падаетъ на его собственныя родовыя имѣнія.

Въ предыдущемъ примѣрѣ, однако, не совсѣмъ ясны основанія обязательства, по которому слѣдовали взысканія; но вотъ примѣръ, не оставляющій сомнѣнія въ томъ, что церковныя имущества отвѣчаютъ за долги личные владыки и *членовъ его семьи:* въ 1574 г. тотъ же владыка Іона Красносельскій подвергся взысканію въ 2 т. коп. гр. за долгъ свой и сына своего Василія. По рѣшенію суда взысканіе обращено на собственныя родовыя имѣнія Красносельскихъ, именно Омельникъ и селище Красносельское, но также и на

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2045, л. 345 на об.

церковное имѣніе епископіи Луцкой—Водирады и монастыря Жидичинскаго—дворецъ Боголюбовскій; въ тѣ и другія имѣнія безразлично введены во владѣніе слуги кредитора (княгини Чорторыйской). При этомъ достойно примѣчанія, что когда возный, пріѣхавши въ имѣніе Водирады для описи, предлагаетъ урянику имѣнія обычный вопросъ: отъ кого онъ держитъ имѣніе, то урядникъ отвѣтилъ: „держу тѣ всѣ имѣнія (село и приселки) отъ его милости отца владыки Луцкаго *и отъ сына его п. Василія*“ [1]). Такимъ образомъ, церковными имѣніями пользовались не только самъ владыка, но и члены его семьи.

Несомнѣнно, что пользованіе и распоряженіе доходами церковныхъ имѣній принадлежало исключительно епископу, что изъ этого истекаетъ отвѣтственность церковныхъ имѣній за долги его. Но вопросъ о правѣ владѣнія этимъ отнюдь не разрѣшается. Можетъ ли правящій епископъ по собственной волѣ передать владѣніе церковными имѣніями другому стороннему лицу? Уже представленные выше примѣры показываютъ, что и при взысканіи долговъ съ владыки установляется (сообразно съ особенностями литовско-русскаго гражданскаго права) для кредитора временное владѣніе имѣніями должника; само собою понятно, что это не есть владѣніе, соединенное съ animus domini, а особый видъ заставного владѣнія; однако съ заставнымъ владѣніемъ, какъ и съ тогдашнимъ чиншевымъ правомъ, соединялись права, болѣе приближающія ихъ къ вещному праву, чѣмъ къ обязательственному.

Уже мы видѣли, что право владѣнія весьма близко соприкасается съ правомъ распоряженія; владыки, установляя чиншевое право церковными имѣніями въ пользу стороннихъ лицъ, тѣмъ самымъ отчасти предрасполагаютъ будущую правовую судьбу имѣній навсегда. Обратимся къ заставному владѣнію въ точномъ смыслѣ.

Условія заставнаго владѣнія церковными имѣніями (и ихъ ограниченія) всего яснѣе видны изъ слѣд. факта: Иванъ Борзобогатый-Красенскій, будущій Луцкій владыка Іона,

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2048, л. 130.

былъ сначала нареченнымъ владыкою Владимірскимъ (не имѣя сана епископа); въ этомъ званіи онъ задолжалъ П. Т. Киселю Низкиницкому сто копъ грошей и въ обезпеченье долга отдалъ ему въ заставу имѣніе Пятикоровъ, принадлежащее Владимірской епископіи. Пока Иванъ Борзобогатый продолжалъ быть нареченнымъ Владимірскимъ епископомъ, кредиторъ владѣлъ означеннымъ имѣніемъ безпрепятственно. Но затѣмъ Борзобогатый перешелъ на епископію Луцкую и, принявъ епископскій санъ, сдѣлался владыкою Іоною. Согласно съ условіями сдѣлки, въ случаѣ если должникъ оставитъ владычество Владимірское, кредиторъ имѣлъ право взять въ свое владѣніе 10 службъ какого-либо другого имѣнія Борзобогатаго („которое бы въ себѣ и въ держаню и вживаню своемъ мелъ") [1]). Такъ какъ при переходѣ на Луцкую каѳедру владыка не отдалъ Киселю долга, то Кисель, взявши отъ уряда вижа и вознаго, самъ вошелъ во владѣніе $9^1/_2$ службами имѣнія Боголюбовскаго, принадлежащаго Жидичинскому монастырю (въ Луцкой епархіи). Сколько времени продолжалось это владѣніе Киселя церковнымъ имѣніемъ Луцкой епархіи, не знаемъ. Но затѣмъ, отправляясь на службу въ Витебскъ и ликвидируя свои дѣла на Волыни, Кисель перезаложилъ это имѣніе Михаилу Малинскому въ тойже суммѣ [2]). Заставная сдѣлка между Киселемъ и Малин-

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2044, л. 407.

[2]) Однако, по неизвѣстной намъ причинѣ заставное владѣніе Киселя имѣніемъ Пятикоровъ продолжалось и при владыкѣ Феодосіи до 1581 г., когда нареченный владыка Мелетій Хребтовичъ вступилъ въ управленіе епископіею (по уступочной записи отъ Феодосія), получилъ вводъ во владѣніе и этимъ имѣніемъ, объявивши войту и крестьянамъ, чтобы они впредь ни въ чемъ не слушались п. Петра (Киселя) и его урядника, и поставилъ тамъ собственныхъ слугъ. Затѣмъ родственникъ и опекунъ имѣній Киселя Григорій Кисель Низкиницкій подалъ жалобу въ судъ о томъ, что Хребтовичъ, съ вѣдома и воли владыки Феодосія, „наѣхавши силою и гвалтомъ, со многими слугами и помощниками", на имѣніе Пятикоровъ, находившееся съ давняго времени въ спокойномъ владѣніи Киселя, выбилъ его изъ этого имѣнія. Судъ, по обычаю, послалъ вознаго для освидѣтельствованія факта; при этомъ войтъ съ „мужами Пятикоровскими" заявилъ: „теперь мы имѣемъ уже другого пана; а панъ Кисель уже довольно нами распоряжался, и впередъ распоряжаться не будетъ". Подобнымъ же образомъ заявили и

скимъ обошлась безъ всякаго участія владыки, какъ обычная цессія отъ кредитора.

Изъ этого акта позволительно сдѣлать нѣсколько выводовъ о правѣ владыкъ на епископскія имѣнія: а) владыка имѣетъ право отдать церковное имѣніе въ заставу за свой долгъ. Застава весьма отличается отъ взятія имѣнія для взысканія впредь до уплаты долга; въ послѣднемъ случаѣ имѣніе освобождается, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленный срокъ; при заставномъ же владѣніи отъ должника зависитъ неплатить долга въ теченіи неопредѣленнаго количества времени и во все это время церковное имѣніе должно было служить интересамъ кредитора безъ всякой пользы для церкви. Иногда заставное владѣніе продолжалось болѣе столѣтія; а потому застава можетъ быть причислена къ сдѣлкамъ отчужденія [1]).

Но б) въ анализируемомъ актѣ есть указаніе, что заставное владѣніе за долгъ епископа должно прекратиться, когда на кафедру вступаетъ новый епископъ; составляетъ ли это общій порядокъ, неизвѣстно: Что же касается до даннаго случая, то спеціальная оговорка въ актѣ на счетъ случая отчисленія Борзобогатаго отъ Владимірской кафедры вызвана можетъ быть тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ еще не былъ епископомъ и еслибы духовная власть почему-либо не удо-

слуги Мелетія Хребтовича, поставленные имъ въ этомъ имѣніи, а именно, что этотъ послѣдній взялъ имѣніе, какъ свое собственное—церковное; а потому „ты, панъ урядникъ (Кисель) поѣзжай прочь и больше не распоряжайся крестьянами; иначе мы силою будемъ обороняться противъ тебя". Григорій Кисель, всетаки не вѣря, чтобы отецъ Мелетій Богуринскій учинилъ такой гвалтъ противъ спокойнаго владѣнія, рѣшилъ отправить своего слугу къ нему самому съ вознымъ и свидѣтелями. Хребтовичъ ограничился краткимъ заявленіемъ, что онъ „не безъ причины въѣхалъ, але яко во властнее церковное, владычеству Володимерскому належачое". Намъ неизвѣстны основанія, по которымъ Мелетій Хребтовичъ фактически изъялъ имѣніе Пятикоровъ изъ заставного владѣнія; но съ тѣхъ поръ это имѣніе оставалось въ непосредственномъ владѣніи епископіи (Кіев. Центр. Арх. кн. № 942, л. 121, 132.

[1]) О заставномъ владѣніи въ Литовскомъ государствѣ надѣемся представить отдѣльный этюдъ.

стоила его этого сана, то едва ли совершенныя имъ сдѣлки оставались бы въ силѣ. Провѣрить этого мы не можемъ, потому что случая невозведенія въ епископскій санъ нареченнаго владыки мы не знаемъ. Безсрочность заставной сдѣлки косвенно подтверждается самымъ этимъ актомъ заставы им. Пятикоровъ, именно въ слѣд. выраженіи: „при жизни своей онъ самъ (Борзобогатый), а (послѣ) сыновья, близніе и родственники его въ томъ владѣніи и пользованіи моемъ... не должны дѣлать никакихъ препятствій“. Правда, здѣсь рѣчь не о преемникахъ епископской каѳедры, а о наслѣдникахъ родовыхъ, однако, смыслъ безсрочности заставы остается тотъ-же.

в) Въ разсматриваемомъ актѣ содержится указаніе, что при переходѣ епископа на другую епархію, долгъ, обезпеченный на церковныхъ имѣніяхъ первой, можетъ быть перенесенъ на имѣнія церковныя другой епархіи въ силу простого условія, допущеннаго владыкою. Въ данномъ случаѣ кредиторъ могъ, по произволу, установить заставное владѣніе на любомъ изъ собственныхъ имѣній Борзобогатаго, но онъ предпочелъ церковное имѣніе (монастыря Жидичинскаго) и владѣлъ имъ безпрепятственно; ни епархіальныя, ни монастырскія власти Луцкой епархіи не протестовали, признавая безусловныя права владыки на церковныя имущества; очевидно епархіальное духовенство и братія епископскаго монастыря не участвовали въ распоряженіи имѣніями.

г) Наконецъ застава церковнаго имѣнія (какъ всякая другая застава) могла быть передана кредиторомъ третьему лицу безъ участія духовной власти.

Такимъ образомъ, права владыки на церковныя имущества епископіи не только состоятъ въ неограниченныхъ полномочіяхъ по управленію и пользованію ими и употребленію ихъ доходовъ на личныя надобности, но и близко соприкасаются съ правами распоряженія, конечно съ тѣмъ ограниченіемъ, какое установлено для церковныхъ имуществъ началомъ неотчуждаемости.

Право отдачи церковныхъ имѣній въ пожизненное владѣніе. Не менѣе важное значеніе имѣетъ отдача имѣній въ пожизненное владѣніе стороннихъ лицъ; оно давалось или до смерти владыки, или контрагента его: въ 1580 г. Мелетій Хребтовичъ, нареченный епископъ Владимірскій, передалъ, по условію, Станиславу Жолковскому церковное имѣніе Владимірской епископіи Квасовъ въ пожизненное владѣніе за то, что Жолковскій уступилъ Хребтовичу свои права на владычество Владимірское, пожалованныя ему королемъ. При этомъ Жолковскій обязывается не отчуждать имѣніе отъ церкви и возвратить его или въ случаѣ полученія денежной суммы отъ Хребтовича, или въ случаѣ смерти своей или Хребтовича (хотя бы наличный правящій владыка Феодосій былъ бы еще живъ). Но пожизненный владѣлецъ имѣетъ право отдать имѣніе въ аренду [1]).

Особый видъ пожизненнаго владѣнія составляетъ установленіе пожизненнаго пользованія для одного или двухъ лицъ преемственно (мужа и жены, отца и сына) за деньги; такъ какъ здѣсь уплата арендной суммы производится ежегодно, то такая сдѣлка не должна бы ничѣмъ отличаться отъ обыкновенной аренды, кромѣ нѣкоторой неопредѣленности срока исполненія, а потому слѣдовало ожидать, что власть епископа заключать такую сдѣлку, принадлежала ему безусловно и сдѣлка не требовала бы участія со стороны верховной власти. Однако, мы имѣемъ одинъ примѣръ, когда именно такая сдѣлка была представлена на утвержденіе государя: въ 1578 г. владыка Владимірскій Феодосій отдалъ въ пожизненное владѣніе Якубу Хруслинскому и его женѣ церковное имѣніе соборной церкви Пречистой Богоматери— Бискупичи Малые. Мотивомъ отдачи владыка въ своей грамотѣ объявляетъ бездоходность имѣнія въ рукахъ церкви; однако, прибавляетъ и другой: Якубъ Хруслинскій есть „добрый и цнотливый пріятель его во всѣхъ службахъ и потребностяхъ церкви Божіей“. Это уже даетъ тонъ пожалованія, а не простой экономической сдѣлки. Да и самое опре-

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 921, л. 165 об.

дѣленіе срока жизнію обоихъ супруговъ указываетъ на тоже, т. е. на услугу или уступку въ пользу будущаго владѣльца. Бискупичи отдаются съ людьми тяглыми, съ огородниками и съ ихъ грунтами и всѣми повинностями и со всѣми доходами (пожитками), слѣдующими съ того имѣнія, какъ установлено издавна, безъ всякаго уменьшенія ихъ. Ежегодная плата—20 зол. польскихъ, уплачивается въ новый годъ на мѣстѣ обычномъ въ замкѣ владычнемъ Владимірскомъ. Преемники владыки не имѣютъ права дѣлать никакихъ препятствій владѣльцамъ въ ихъ владѣніи („держаніи"). Актъ подписанъ однимъ владыкою (безъ участія соборнаго духовенства) и свидѣтелями подписались лица стороннія. Не смотря на выраженную оговорку на счетъ преемниковъ владыки, слѣдующій за нимъ епископъ Владимірскій Мелетій Хребтовичъ даетъ свое подтвержденіе той-же записи въ 1585 г. Но черезъ 3 года послѣ того Якубъ Хруслинскій обратился къ королю Сигизмунду III съ просьбой утвердить означенную сдѣлку. Исполняя это, король въ своей грамотѣ говоритъ, что онъ соизволилъ на утвержденіе ея „по своей королевской милости и по просьбѣ пановъ радныхъ во вниманіе къ услугамъ Хруслинскаго на службѣ Рѣчи Посполитой при кор. Сигизмундѣ-Августѣ и Стефанѣ во время войны съ Москвою"; вотъ по этимъ причинамъ король и соглашается утвердить грамоту владыки Владимірскаго. Это уже совсѣмъ форма пожалованія; владѣніе церковнымъ имѣніемъ укрѣпляется королевскою властію не вслѣдствіе исполненія контрагентомъ обыкновенныхъ арендныхъ условій. Этимъ думаемъ мы, и объясняется обращеніе Хруслинскаго къ королю за утвержденіемъ, котораго не требовали обыкновенные акты аренды. Король и здѣсь остается патрономъ церковныхъ имуществъ, разрѣшая переходъ ихъ во владѣніе стороннихъ лицъ; власть владыки считалась для того недостаточною.

Заключеніе простой арендной сдѣлки, какъ осуществленіе права пользованія, принадлежавшаго владыкѣ, не требовало дозволенія высшаго патрона, т. е. вел. князя. Аренда могла

быть установлена на какой угодно срокъ, но обыкновенно ее заключаютъ до смерти епископа, напримѣръ Василій Загоровскій въ своемъ завѣщаніи говоритъ: „село Влад. владычества—Бискупичи о. владыка Ѳеодосій отдалъ мнѣ въ аренду до своей смерти“ [1]).

Въ особыхъ случаяхъ, когда аренда была установляема на очень долгіе сроки, съ полученіемъ денегъ впередъ за все условленное время, и аренда требовала дозволенія вел. князя. Для образца возмемъ контрактъ, заключенный еп. Кирилломъ Терлецкимъ въ 1594 г., предъ отправленіемъ въ Римъ къ папѣ по дѣлу объ уніи, съ Станиславомъ Кандыбою на имѣніе Водирады. Сдѣлка заключена съ предварительнаго дозволенія вел. князя-короля. Контрактъ написанъ отъ имени владыки и капитулы на 40 лѣтъ, по 50 зл. польскихъ въ годъ, всего-же за все время аренды—за 20 т. зл. польск., полученныхъ отъ Кандыбы впередъ. Частичныя условія аренды были слѣд.: арендаторъ можетъ передать аренду другому; ежегодные налоги, слѣдующіе съ имѣнія, уплачиваетъ арендаторъ. Имѣніе отдается разореннымъ; въ немъ нѣтъ ни одной постройки; постройки, которыя возведетъ арендаторъ, могутъ быть, по окончаніи аренды, взяты себѣ церковію, по оцѣнкѣ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ снять и забрать ихъ. Опустошенія, произведенныя непріятелемъ или случайнымъ пожаромъ, не ставятся въ вину арендатору [2]).

Изъ представленныхъ фактовъ и соображеній, видно, что хотя имущества епископій находятся подъ опекою верховной государственной власти, но субъектъ правъ на эти имущества есть мѣстный епископъ и епархіальное (соборное) духовенство (по идеѣ). Владыкѣ принадлежитъ безконтрольное право такихъ сдѣлокъ относительно церковныхъ имуществъ, съ которыми не связано отчужденіе ихъ и такихъ владѣльческихъ актовъ, которые не угрожаютъ правамъ собственности церкви. Впрочемъ на практикѣ сдѣлки

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 91.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 101.

послѣдняго рода не рѣдко совершались помимо вел. князя, безъ всякаго вниманія къ интересамъ церкви (напр. застава). Власть государя есть власть очень отдаленная и слишкомъ высокая, чтобы участвовать во всѣхъ дѣйствіяхъ владыкъ въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ и стѣснять ихъ.

Злоупотребленія епископскою властію, особенно такихъ владыкъ, какъ Іона Борзобогатый, раздававшій церковныя имущества своимъ родственникамъ, иногда встрѣчали отпоръ со стороны земск. чиновъ на сеймахъ; такъ на влад. Іону жаловались на сеймѣ 1555 г. королю, который, хотя и обѣщалъ, по разсмотрѣніи дѣла, возвратить церковныя имущества владычеству, но прибавилъ, что родичи Борзобогатаго утверждаютъ, что они держали церковныя имѣнія въ арендѣ, а, по словамъ короля, нельзя воспретить владыкѣ отдавать земли въ аренду, пока онъ состоитъ владыкою [1]).

Поэтому изъ всѣхъ спеціальныхъ субъектовъ права на церковныя имущества, епископская власть самая независимая и полная (иногда къ большому вреду церкви). Совсѣмъ не то увидимъ мы относительно монастырей и церквей, права которыхъ на ихъ имущества въ значительной степени стушевывались предъ правами подавцевъ (патроновъ).

Монастыри.

Вторымъ, по своей важности, субъектомъ правъ на церковныя имущества были монастыри; но это учрежденіе далеко не однородное: общимъ именемъ монастыря назывались учрежденія очень разнообразныя. Намъ нѣтъ надобности входить въ описаніе устройства тогдашнихъ монастырей во всѣмъ его разнообразіи; достаточно замѣтить, что было три главныхъ типа ихъ: а) монастыри-общины (общежительные), б) монастыри необщежительные и в) монастыри, замѣняющіе приходскую церковь и отличающіеся отъ обыкновенной приходской церкви только тѣмъ, что клиръ состоялъ изъ

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 14 (стр. 66).

чернаго духовенства. Женскіе монастыри подходятъ подъ второй изъ этихъ трехъ типовъ.—По отношенію къ имущественнымъ правамъ на земли, принадлежащія монастырю, указанные типы весьма различествовали: въ монастыряхъ общежительныхъ владѣніе, пользованіе и управленіе имуществами принадлежали совокупности братіи (старшей) подъ главнымъ начальствомъ настоятеля (архимандрита или игумена); въ большихъ монастыряхъ (напр. Печерскомъ) было кромѣ того, нѣсколько выборныхъ должностныхъ лицъ по различнымъ спеціальностямъ экономическаго управленія, согласно съ уставомъ общины. Въ монастыряхъ необщежительныхъ управленіе имуществами (въ томъ числѣ землею) принадлежало настоятелю, которому и вручалась вся власть въ жалованныхъ грамотахъ вел. князя (если монастырь былъ не частновладѣльческій). Монастыри, такъ сказать, приходскіе совершенно уравнивались съ приходскими церквами, а потому здѣсь мы не будемъ имѣть ихъ въ виду; о приходскихъ церквахъ будетъ сказано ниже.

Указанное различіе монастырей имѣетъ лишь то значеніе, что имъ опредѣляется кругъ лицъ, непосредственно распоряжающихся имуществомъ; для историко-юридическаго значенія, надо имѣть въ виду другую разницу между ними, опредѣляемую не характеромъ внутренняго устройства монастырей, а характеромъ ихъ отношеній къ патронамъ. Въ этомъ отношеніи важно различіе монастырей великокняжескихъ и монастырей частновладѣльческихъ.

Монастыри, состоящіе въ непосредственномъ поданьѣ вел. князя, совершенно уравниваются относительно правъ на земельныя имущества съ епископіями, т. е. владѣютъ, пользуются и управляютъ имѣніями самостоятельно, совершая лишь важнѣйшія сдѣлки съ дозволенія вел. князя-патрона, или его замѣстителя (воеводы, старосты).

Что касается до *частновладѣльческихъ монастырей*, то они состояли или въ пожизненномъ, или въ потомственномъ владѣніи патроновъ; имущественныя права тѣхъ и другихъ были не одинаковы. Сущность права поданья при пожиз-

ненномъ владѣніи видна наиболѣе изъ слѣдующаго акта: Въ 1511 г. кор. Сигизмундъ I жалуетъ князю Кон. Ив. Острожскому монастырь Жидичинъ въ Луцкомъ повѣтѣ пожизненно и говоритъ, что тотъ монастырь „издавна былъ въ нашемъ господарскомъ поданьѣ“. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, въ чемъ состоитъ жалуемое право, а именно: „позволили ему (князю Острожскому) въ томъ монастырѣ св. Николы въ Жидичинѣ установить общину и устроить монастырскій порядокъ по ихъ греческому закону; и тотъ монастырь даемъ ему во *власть* („моцъ“) и *опеку* до его смерти; а по смерти его тотъ монастырь долженъ быть возвращенъ въ наши руки и поданье. Что касается до выбора игумена, то князья, паны и земяне Волынской земли, вмѣстѣ съ старцами того монастыря, выбравши человѣка добраго и годнаго къ тому, должны прислать его къ намъ (королю); тому человѣку мы и дадимъ монастырь Жидичинъ, а игуменъ долженъ отъ того монастыря дать намъ челобитья 60 золотыхъ. Община и порядокъ, который установитъ кн. Константинъ, должны оставаться во вѣки вѣчные нерушимо“ [1]).—Вотъ и всѣ права, предоставляемыя получившему пожалованіе: онъ можетъ установить порядокъ въ монастырѣ; но и въ этомъ отношеніи право утвержденія игумена принадлежало непосредственно королю, и король прямо отъ себя передаетъ монастырь игумену (помимо князя-патрона). Въ чемъ же заключается интересъ пожалованія? Изъ за чего хлопоталъ Острожскій о такой *милости*, данной ему „за его вѣрную службу?“ Повидимому, нѣтъ никакихъ основаній такое право относить къ правамъ частнымъ. Но, принимая во вниманіе другія пожалованія монастырей (между прочимъ приведенныя выше), которыя даже наводятъ на мысль о правѣ собственности на монастыри, слѣдуетъ признать, что и въ данномъ случаѣ подразумѣваются экономическія выгоды, т. е. участіе въ доходахъ съ монастырскихъ имѣній.—Вообще можемъ принять за окончательное принципіальное указаніе терминъ, употребленный въ этомъ актѣ,—

[1]) См. этого тома стр. 289—290.

именно *опека*,—терминъ, который можетъ вполнѣ уяснить намъ права и экономическія выгоды патрона.

Обращаемся къ потомственному патронатству, наиболѣе интенсивному по своимъ правамъ и постараемся уяснить его на отдѣльныхъ примѣрахъ. Въ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда I, данной въ 1526 г. князю Ф. М. Чорторыйскому на монастырь Пересопницу, права владѣльца (патрона) исчисляются такъ: „тотъ монастырь далъ его милость (кор. Александръ) князю Федору въ его подаванье со въсими селы и з людми всими того монастыря и з землями пашными и бортными и съ сеножатьми и со всимъ съ тымъ, што звеку къ тому монастыру прислухало". При поверхностномъ вниманіи къ выраженіямъ грамоты можетъ показаться, что такое пожалованіе ничѣмъ не отличается отъ пожалованія имѣній. Но мы должны отмѣтить, что право жалуемое именуется здѣсь не собственностію (власностію), а *подаваньемъ*, земли называются монастырскими, „з веку къ тому монастыру прислухаючими". Въ томъ же актѣ король Сигизмундъ подтверждаетъ тому же князю и право на два имѣнія (Суско и Колнятинъ), пріобрѣтенныя Чорторыйскимъ отъ частныхъ лицъ; а это даетъ намъ возможность сличить, какія права разумѣются подъ подаваньемъ монастыря и какія подъ правомъ собственности на имѣнія: сказавъ, что онъ подтверждаетъ своимъ листомъ, согласно съ привилегіею брата своего (короля Александра), князю Федору Чорторыйскому монастырь Пересопницу „въ подаванье его и потомковъ его", вел. князь заключаетъ грамоту такими словами: „кн. Федоръ и его потомки будутъ имѣть тотъ монастырь въ подаваньѣ и власти („моцы") своей; старосты Луцкіе не должны ничѣмъ вступаться въ тотъ монастырь... А что касается до имѣній (Суска и Колнятина), то они (князья Чорторыйскіе) имѣютъ право прибавлять, разширять и обращать ихъ къ своей выгодѣ, какъ сами найдутъ лучшимъ"[1]). Послѣднее выраженіе есть обычная формула укрѣпленія частной собственности на земельныя имущества; она имен-

[1]) См. этого тома X, 8.

но обозначаетъ безусловныя права распоряженія, принадлежащія собственнику. Но къ праву владѣнія монастыремъ такая формула въ грамотѣ не примѣнена.

Дальнѣйшая исторія Пересопницкаго монастыря, однако, можетъ вновь поселить мысль, что кн. Чорторыйскимъ принадлежало право собственности какъ на самый монастырь, такъ и на его земельныя имущества; а именно: монастырю на содержаніе было дано село Пересопница; неизвѣстно, перешло ли это имущество по жалованной грамотѣ отъ короля, или впослѣдствіи выдѣлено монастырю патронами. Но этотъ фундушъ не былъ укрѣпленъ за нимъ никакими формальными записями ни въ какомъ судѣ. Монастырь, видимо не пользуясь этимъ имуществомъ, пришелъ въ запустѣніе, не стало въ немъ ни игумена, ни монаховъ; наконецъ кн. Юрій Ивановичъ Чорторыйскій въ концѣ XVI в. заставилъ (заложилъ) монастырь и село Пересопницу сестрѣ своей Катеринѣ Загоровской. Но затѣмъ, въ 1595 г. тотъ же кн. Юрій Чорторыйскій и его жена кн. Вишневецкая, рѣшились возвратить заложенное имущество церкви, хотя путемъ косвеннымъ; именно они согласились на предложеніе другой сестры своей Елены Горностаевой выкупить монастырь и село Пересопницу у Загоровской и передать ей монастырь и село *въ держаніе*, но обратить тотъ и другое на хвалу Божію на вѣчныя времена и укрѣпить за монастыремъ фундушъ. Супруги Чорторыйскіе руководились, по ихъ словамъ, тѣмъ соображеніемъ, что имущество дано монастырю ихъ предками исключительно на хвалу Божію. Позволеніе обратнаго выкупа дано ими въ такой формѣ: „даемъ, даруемъ и на вѣчныя времена записываемъ п. Горностаевой, какъ нашу собственность (яко *властность* нашу) *постройки* того монастыря, съ фольваркомъ, полями, сѣнокосами и т. д., съ людьми подворищными, огородниками, съ ихъ грунтами, платами, чиншами, работами и повинностями". Затѣмъ въ актѣ обозначены границы монастырскихъ владѣній [1]). Елена Горностаева въ слѣдующемъ 1596 г. исполнила условіе и выдала

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 115.

фундушевую запись на вѣчность, именно записала самый монастырь (съ церковію Пречистой, съ сосудами и пр.), съ грунтами, съ млинами и с. Пересопницу съ людьми и пр. *на монастырское братство*, не оставляя *ничего для себя* и своихъ потомковъ[1]).

Изъ этого примѣра видно, что хотя монастырь пересталъ существовать (б. м. по винѣ патрона) и патронъ считаетъ себя въ правѣ заложить его имущество, однако въ актѣ говоритъ не просто о селѣ Пересопницѣ, но о монастырѣ (фактически несуществующемъ). Здѣсь мы наталкиваемся на важный вопросъ—имѣетъ ли право патронъ возвратить себѣ имѣніе, если церковное учрежденіе (монастырь) прекратило свое существованіе? Изъ настоящаго акта убѣждаемся, что патронъ не приписывалъ себѣ такого права и считалъ монастырь учрежденіемъ вѣчнымъ, а имущество его неотъемлемымъ. Въ данномъ случаѣ дѣло осложняется еще тѣмъ, что имущество (фундушъ) не было укрѣплено за монастыремъ; по этому патронъ м. б. позволилъ себѣ бо́льшую свободу въ распоряженіи имъ. Когда же укрѣпленіе состоялось, то новая патронесса передаетъ монастырскому братству въ полное распоряженіе имущество монастыря, „не оставляя ничего для себя", т. е. пользуется лишь чистымъ правомъ поданья.

Приведемъ еще примѣръ, который можетъ навести на мысль, что по самымъ жалованнымъ грамотамъ монастыри составляли „имѣнія" или часть имѣній и что они вмѣстѣ съ прочими частями имѣнія, повидимому, поступали въ собственность владѣльца. Однако, мы увидимъ, что и въ этомъ случаѣ право на монастырь именовалось правомъ „поданья" и отнюдь не равняется праву собственности. Въ 1452 г. кор. Казимиръ пожаловалъ Немирѣ Резановичу имѣніе Литовижъ съ его принадлежностями, а именно сельцомъ Торговищемъ, Червищемъ, Стволовичами, Земномъ, Бубновомъ, Чеснымъ Хрестомъ, Серномъ и Литошиномъ. Все это были несомнѣнно населенные пункты, имѣющіе экономическую цѣнность; въ каждомъ изъ нихъ были обрабатываемыя земли и

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 118.

крестьяне. Но оказывается, что изъ числа поименованныхъ *частей имѣнія* Земно и Чесный Хрестъ были *монастыри*. Сынъ Немиры Яковъ Война, составляя свое духовное завѣщаніе, писалъ между прочимъ, что завѣщаетъ село Марковъ Ставъ Пресвятой Матери Божіей Земенскаго села, самое-же Земно (т. е. монастырь) оставляетъ въ „поданьи и опеканьи" своей матери, какъ это было и прежде, а Чесной Хрестъ и другія имѣнія завѣщаетъ женѣ своей Маріи въ пожизненное владѣніе [1]).

Судя по королевской грамотѣ, можно было подумать, что монастыри пожалованы на одинаковыхъ условіяхъ съ селами и какъ сами они, такъ и ихъ земли подлежатъ безусловному праву собственности владѣльцевъ. Но духовное завѣщаніе Якова-Войны исправляетъ такую ошибку: монастырь Земенскій получаетъ по завѣщанію имѣніе и стало быть самъ есть владѣющее юридическое лицо, а не предметъ владѣнія, и что хотя тотъ-же монастырь служитъ предметомъ завѣщанія, однако, получившая его по завѣщанію мать завѣщателя сохраняетъ лишь право „поданья и опеканья".

Въ этомъ-же смыслѣ надо понимать и показанія послѣдующихъ актовъ о тѣхъ-же монастыряхъ, когда они перешли во владѣніе кн. Чорторыйскихъ. Въ 1547 г. два брата князья Чорторыйскіе Иванъ и Александръ подѣлили между собою всѣ свои имѣнія; между прочимъ въ актѣ раздѣла читаемъ: „А што ся тежъ дотычетъ монастыря Пресвятой Богородицы Земенскаго, тотъ *маемъ обадва* весполокъ зъ княземъ Александромъ его м. *будовати и въ поданю нашомъ мети и отъ кривдъ посполите боронити*" [2]). Вотъ всѣ права, которыя приписываютъ себѣ патроны надъ монастыремъ, т. е. заботливую опеку надъ нимъ. Въ 1555 г. кн. Александръ Федоровичъ Чорторыйскій пишетъ вѣновную запись своей женѣ Магдалинѣ Деспотовнѣ и между прочимъ даетъ ей замокъ Литовижъ съ войтовствомъ его и монастырь св. Ни-

[1]) См. этого тома стр. 26—27.

[2]) См. этого тома, стр. 39.

колы съ селами монастырскими—Лѣшнею и пр., монастырь Чесного Хреста, дворецъ Бубновъ и села боярскія, тянущія къ тому замку... со всѣми платами и дяклами,.. млинами, ставами, рѣками, озерами, данями,.. съ ловами и всякими доходами, которые только могутъ быть наименованы[1]). Казалось-бы, что монастыри суть только доходныя статьи и части имѣнія и наравнѣ съ прочими частями подлежатъ всѣмъ правамъ распоряженія владѣльца, напр. передачѣ по вѣновной записи. Однако, въ томъ-же актѣ отдѣльно именуются села *монастырскія;* на нихъ тотъ же самый монастырь имѣетъ свои права, которыя какимъ-то образомъ согласуются съ правами владѣльца. Въ 1567 г. тотъ-же князь той же женѣ своей даетъ новую запись, обезпеченную 10 т. злот. польскихъ на дворѣ Сельцѣ, монастырѣ Чесного Хреста и на поданьѣ монастыря Земенскаго; „княгиня жена моя (говоритъ князь) послѣ моей смерти можетъ взять къ своимъ рукамъ всѣ выше упомянутыя *имънія* со всѣми селами и приселками и пользоваться доходами со всѣхъ тѣхъ имѣній". Княгиня можетъ передать обязательство (въ 10 т. зол. п.), лежащее на этихъ имѣніяхъ, третьимъ лицамъ, кому захочетъ, а слѣд. передать и право владѣнія имѣніями и моностырями[2]). Еще болѣе: въ духовномъ завѣщаніи того же кн. Александра Федоровича Чорторыйскаго, онъ завѣщаетъ похоронить себя „въ *отчизнъ моей*--монастырѣ Земенскомъ"; далѣе князь подтверждаетъ свои прежнія записи женѣ на дворъ Сельце съ фольваркомъ и селами, монастырь Чесного Хреста... и на половину *монастыря отъчизны моее Земенского* съ фольварки и селы монастырскими"[3]). Въ 1571 г. княгиня Магдалена Деспотовна завѣщала сыну своему князю Михаилу всѣ свои права на имѣнія, данныя ей мужемъ; „а особливо *владане и справоване* половицы монастыра Земенского"[4]). Такимъ образомъ, право на монастырь не только передается по

---

[1]) См. этого тома, стр. 30—32.

[2]) См. этого тома, стр. 32—33.

[3]) Ibid 34—35.

[4]) Ibid стр. 48.

завѣщанію, но и дробится пополамъ между наслѣдниками.— Всѣ приведенныя въ изложенныхъ актахъ выраженія, могущія навести на мысль о правахъ собственности на монастыри, однако, должны быть истолковываемы въ иномъ смыслѣ по требованію указаній тѣхъ же актовъ, а именно: половинное право княгини Магдалины Деспотовны именуется въ актѣ „владаніемъ" и „*справованіемъ*" т. е. управленіемъ,—терминъ вовсе не соотвѣтствующій праву собственности или пожизненнаго владѣнія. Половинное „владаніе" означаетъ здѣсь тоже, что общее право двухъ братьевъ князей Чорторыйскихъ на тотъ же Земенскій монастырь въ актѣ, приведенномъ уже нами, а именно: обоюдныя заботы двухъ братьевъ-патроновъ о благосостояніи монастыря.

Болѣе рѣшительное обозначеніе правъ подавцевъ и экономическаго значенія поданья монастырей (и церквей) въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ можно найти въ слѣд. актѣ, относящемся къ тѣмъ же кн. Чорторыйскимъ и ихъ отношенію къ тому же Земенскому монастырю. Въ 1570 г. января 28 занесена жалоба княгини Анны Чорторыйской, вдовы кн. Ивана Федоровича отъ себя и отъ имени ея дѣтей на деверя кн. Александра Федоровича Чорторыйскаго. Вдова—княгиня заявляетъ, что Земенскій монастырь состоялъ въ общемъ („посполитомъ и нероздѣльномъ") владѣніи двухъ братьевъ, т. е. ея покойнаго мужа—кн. Ивана и кн. Александра; но когда мужъ ея умеръ, то братъ его кн. Александръ завладѣлъ одинъ правами на этотъ монастырь, не удѣляя половины ихъ вдовѣ и дѣтямъ ея; права эти въ жалобѣ обозначаются такъ: „подавать" архимандритовъ, владѣть церковными имѣніями того монастыря, а именно: селомъ Земно, с. Брыневъ съ корчмою, ставомъ и млиномъ, с. Горычовъ съ фольваркомъ и пашнею, и при этомъ селѣ двумя спустными ставами, селомъ Тишковичи съ фольваркомъ и пашнею, селомъ Менчичи, селомъ Марковъ-Ставъ съ фольварками, пашнями, млинами и ставами; въ означенныхъ селахъ кн. Александръ одинъ (не дѣлясь съ невѣсткою и племянниками) *беретъ себѣ доходы („пожитки") всякіе съ имѣ-*

ній, фольварковъ, ставовъ и крестьянъ, отягощаетъ крестьянъ названныхъ селъ подводами, непомѣрными работами и отправкою на р. Бугъ „попеловъ", хлѣба и барокъ (комягъ). Вдова—княгиня, желая возстановить владѣніе своею частію монастыря и устроить надлежащій порядокъ въ томъ монастырѣ, посылала къ кн. Александру своихъ довѣренныхъ („пріятелей") лицъ, но тщетно; князь не уступаетъ въ ея власть („моцъ и шафунокъ") половины монастыря, а также фольварковъ, пашенъ, млиновъ, ставовъ, селъ и крестьянъ, принадлежащихъ („прислухаючихъ") къ тому монастырю [1]). Князь, очевидно распоряжается имѣніями монастыря, какъ своими и извлекаетъ изъ нихъ доходы въ свою пользу. Но послѣднее выраженіе акта отстраняетъ мысль о томъ, что села и крестьяне принадлежатъ не монастырю, а князю Чорторыйскому; напротивъ по буквѣ акта всѣ, исчисленныя выше части имуществъ, суть имущества церковныя, именно принадлежащія Земенскому монастырю; но хозяйственное управленіе ими принадлежитъ патрону—владѣльцу, монастырь несомнѣнно получалъ отъ него готовое содержаніе изъ части тѣхъ же доходовъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что владѣльцу—патрону принадлежали права распоряженія монастыремъ (и его имѣніями): въ 1580 г. кн. Чорторыйскій и жена его Софья Ходкевичевна заложили мон. Чесной Хрестъ Иваницкому за 400 копъ гр. [2]). Кромѣ этого случая *залога* монастыря, есть факты и другихъ формъ распоряженія: въ 1533 г. кн. Василій Михайловичъ Сангушко совершилъ *мѣновую сдѣлку* съ Фед. Сангушко, по которой монастырь Милецкій (Мелецкій) съ его селами, принадлежавшій кн. Василію, пошелъ въ обмѣнъ на с. Мостище, принадлежавшее кн. Ѳедору [3]). Въ 1577 г. Янъ Ходкевичъ передалъ въ *пожизненное владѣніе* Философу Сасину Калечицкому Мaренинскій монастырь (въ Волынскомъ воев.) съ его отчинами и доходами [4]). Въ 1604 г. Яросл. Солтанъ, передавая свои

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. № 966, л. 30 об.

[2]) Акт. Южн. и Зап. Рос. I, № 97.

[3]) Пам. Кіев. Арх. Ком. I, ч. II, № VIII.

[4]) Ак. зап. Рос. III, № 79.

имѣнія сыну Іерониму, между прочимъ означаетъ и монастырь церкви св. Симеона и село Муровецъ, пріобрѣтенныя имъ на вѣчность отъ брата Давида Солтана [1]).

Итакъ, владѣльцы—патроны (за исключеніемъ тѣхъ, которымъ принадлежало только чистое право поданья) несомнѣнно обладали правомъ пользованія доходами монастырскихъ имѣній и правами распоряженія на самый монастырь вмѣстѣ съ его имуществами, именно правомъ залога, мѣны, передачи пожизненнаго владѣнія, записи въ вѣно. Между нѣсколькими лицами—патронами пользованіе могло быть и общее и раздѣльное. Нѣтъ только ни одного факта, по которому патронъ могъ бы отчуждать свое право стороннимъ лицамъ по сдѣлкамъ купли продажи и мы въ правѣ заключить, что такія сдѣлки и не допускались въ отношеніи къ монастырямъ (но не въ отношеніи къ церквамъ, какъ увидимъ ниже).

Во всѣхъ упомянутыхъ формахъ распоряженія, однако, не мыслится *право собственности* патрона на монастырь и его имущества; посредствомъ всѣхъ этихъ сдѣлокъ отчуждается лишь право поданья, а не собственности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно рѣшить для себя вопросъ: могъ ли патронъ продавать отдѣльныя имѣнія монастыря, какъ собственныя? У насъ нѣтъ такихъ фактовъ и полагаемъ, что право патрона не простиралось на отчужденіе отдѣльныхъ монастырскихъ имѣній въ интересахъ владѣльца, ибо иначе утрачивалось бы всякое понятіе о *церковныхъ* имуществахъ и нарушалось бы вполнѣ воля лицъ, даровавшихъ эти имущества монастырямъ для религіозныхъ цѣлей; путемъ имущественныхъ сдѣлокъ отчуждались права общественнаго характера, подобно тому, какъ это было тогда при отчужденіи войтовства, или при залогѣ староства, или какъ было при куплѣ, залогѣ и завѣщательныхъ распоряженіяхъ на цѣлыя княжества въ сѣверной Россіи.

Уяснивъ такимъ образомъ право патрона распоряжаться монастыремъ съ его имуществами, мы можемъ получить яс-

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. II, № 10.

ное представленіе о томъ, кто изъ двухъ лицъ патронъ, или монастырь долженъ быть признанъ субъектомъ права на самыя имущества? Для окончательнаго рѣшенія вопроса приведемъ нижеслѣдующіе акты (частію относящіеся прямо къ юго-западной Руси, частію къ одной изъ юго-западныхъ епархій).

Въ 1517 г. жена Волынскаго каштеляна Агафія Пясечинская основала въ своемъ имѣніи Торoccанскій монастырь и дала фундушевую запись слѣдующаго содержанія: „Видя, что въ имѣніи моемъ Тороканахъ, Чикинѣ, Лосинцахъ, Телковичахъ и Рѣчицѣ нѣтъ храма („хвалы Божой“), объявила я о. Іосифу Солтану, митрополиту Кіевскому и намѣстнику (его) о. Паисію, архимандриту Жидичинскому и просила ихъ, чтобы они въ имѣніи моемъ создали храмъ Божій св. Живон. Троицы и монастырь для чернцовъ. На это я дала митрополиту 100 копъ грош. Лит.; а на содержаніе монаховъ имѣніе мое Тороканы, Чикинъ, Лосинцы, Телковичи и Рѣчицу *отдаю совсѣмъ монастырю*. Митрополитъ не имѣетъ права присоединять этотъ монастырь къ своимъ имѣніямъ, а равно и архимандритъ Жидичинскій соединять съ своею архимандріею, подъ угрозою страшнаго суда Господа Бога. Монастырь въ моемъ имѣніи долженъ быть общежительный („общытельный“), игумена будутъ выбирать сами чернцы того монастыря, кто имъ будетъ милъ и любъ; мнѣ и моимъ преемникамъ въ то не вступаться, чтобы только хвала Божія не прекращалась. Для большей твердости я Агафія Пясечинская привѣсила печать мою къ этому листу“ [1]).

[1]) Археогр. Сборн. т. VI, № 142. Однако, подобныя записи и укрѣпленіе ихъ въ судахъ были достаточны для огражденія правъ монастырей отъ вмѣшательства въ нихъ будущихъ патроновъ, но отнюдь не отъ произвола духовныхъ властей. Это показываетъ дальнѣйшая исторія той же записи на Тороканскій монастырь: митр. Іосифъ Солтанъ деньги присвоилъ себѣ, а монастыря не построилъ; недвижимыя же имущества архим. Жидичинскій присоединилъ къ своей архимандріи. Затѣмъ владыка Луцкій Іона Борзобогатый-Красенскій, выхлопатывая себѣ Жидичинскую архимандрію, упомянутыя имѣнія подарилъ подканцлеру Евстафію Воловичу, который переуступилъ ихъ Овруцкому старостѣ Мышкѣ. Но, какъ видно, имѣнія не удержа-

Такая запись, внесенная въ гродскія книги (въ данномъ случаѣ—Пинскія) имѣла значеніе вѣчнаго укрѣпленія, а потому пожертвованныя имущества навсегда оставались собственностью монастыря, а не ктитора.

Послѣднее съ очевидностію выступаетъ въ актѣ 1514 г., относящемся къ Супрасльскому монастырю, именно въ грамотѣ митрополита Іосифа, дающей уставъ этому монастырю, основанному въ имѣніи Александ. Ив. Ходкевича; по этому уставу *завѣдованіе имѣніями* и судъ надъ монашествующими и управленіе ими *принадлежатъ исключительно игумену;* а игумена избираетъ братія [1]).

Въ частности права́ распоряженія имѣніями принадлежатъ и въ частновладѣльческихъ монастыряхъ игуменамъ (съ участіемъ собора братіи): въ 1516 г. состоялась мѣновая сдѣлка между игуменомъ Супрасльскаго монастыря Іоною и Степаномъ Чапличемъ (бояриномъ Ходкевича), по которой стороны обмѣнялись частями своихъ земель. Мѣстный владыка, епископъ Владимірскій и Берестейскій, былъ только свидѣтелемъ этой сдѣлки, а митрополитъ потомъ былъ приглашенъ приложить свою печать; участія же ктитора (Ходкевича) вовсе нѣтъ [2]).

лись въ рукахъ свѣтскихъ лицъ: епископъ Львовскій Гедеонъ Балабанъ, будучи архимандритомъ Жидичинскимъ, началъ искъ о возвращеніи ихъ во владѣніе этого монастыря, чего, вѣроятно, и достигъ, ибо потомъ Ипатій Потѣй выхлопоталъ у короля Сигизмунда III позволеніе передать ихъ Берестейскому монастырю. Затѣмъ митр. Іосифъ Вельяминъ Рутскій получилъ отъ короля привилегію перевести эти имѣнія на Виленскій монастырь (св. Троицы), а митроп. Рафаилъ Корсакъ, исхлопотавши себѣ жалов. грамоту на Тороканъ, передалъ его новиціату. Въ 1671 г. генеральный викарій Литовскихъ базиліанскихъ монастырей Пахомій Огилевичъ заявилъ въ Новгородскомъ гродскомъ судѣ протестъ противъ такихъ распоряженій имуществами, пожертвованными на Тороканскій монастырь, и началъ искъ противъ митрополита Гавріила Коленды о возвращеніи ихъ по первоначальному ихъ назначенію, говоря между прочимъ, что митрополиты, получившіе королевскія привилегіи, поступали незаконно, ибо дѣло касалось „земскихъ" имѣній, „которыя никогда не принадлежали и не принадлежатъ къ коллаторству королей" (Акты Вилен. ком. т. XI, № 73).

[1]) Акты Вилен. ком. т. I, № X.

[2]) Ibid № XII.

Правильную форму отношеній между патрономъ и настоятелемъ монастыря можно опредѣлить по слѣд. акту: было уже упомянуто, что князь Богушъ Фед. Корецкій основалъ между прочимъ Маренинскій монастырь. По смерти Корецкаго опекуномъ его имуществъ и сына былъ Янъ Ходкевичъ, къ которому между прочими правами перешло и право патронатства надъ монастырями. Въ 1577 г., по смерти архимандрита Маренинскаго монастыря Григорія, Ходкевичъ назначаетъ новаго настоятеля „пана Философа Сасина Калечицкаго, получивъ отъ разныхъ особъ свидѣтельство о благочестивой его жизни и хорошемъ знаніи вѣры закона греческаго". Новоизбранному опекунъ-патронъ вручаетъ грамоту, въ которой прописываетъ, что даетъ настоятелю *монастырь со всѣми его имуществами* („властностями") *и принадлежностями по реестру*, въ которомъ описаны всѣ доходы и пожитки монастыря; онъ долженъ тѣмъ монастыремъ владѣть и управлять хорошо и благопристойно, беря всѣ доходы („пожитки") себѣ и пользуязь ими до смерти[1]). Итакъ, патронъ избираетъ настоятеля, охраняетъ монастырское имущество, сдавая его новому настоятелю по инвентарю, самъ не пользуется иногда никакими доходами, которые предоставляются всѣ настоятелю.

Подобное же представленіе о патронатствѣ и отношеніе его къ правамъ настоятеля и монастыря можно получить изъ исторіи основанія Черейскаго монастыря св. Троицы въ Смоленской землѣ. Владыка Смоленскій Мисаилъ при вел. кн. Казимирѣ основалъ этотъ монастырь на своей наслѣдственной землѣ. Затѣмъ, кромѣ матери владыки, стороннія лица—князья Друцкіе Бабичи и князья Лукомскіе пожертвовали этому монастырю значительныя земельныя имущества (въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XV в.). Король Казимиръ, по просьбѣ владыки, утвердилъ владѣнія монастыря и прибавилъ въ своей грамотѣ слѣд.: „*маетъ держати ихъ* (земли) къ св. Троицы владыка Смоленьскій Мисайло..., а по его животѣ—*игуменъ съ братьею*, который коли будетъ у св. Троицы мо-

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 79.

настыря Черейского, маетъ тые люди и земли держати со всимъ къ св. Троицы, вѣчно". Между тѣмъ владыка Мисаилъ завѣщалъ, чтобы „тотъ храмъ Божій и монастырь по моемъ животѣ у кого въ оборонѣ былъ съ кровных моих, приказалъ есми и далъ тотъ храмъ Божій, по своемъ животѣ, въ оборону и поданье братаннѣ своей княгини Марьи и зятю нашому п. Богдану Сопѣзѣ и жонѣ его, и дѣтемъ, и наслѣдникомъ ихъ со всими людми и селы..." т. е. назначилъ наслѣдственнаго патрона. Таковыми и были: Богданъ и сынъ его Иванъ Сопѣги. Сынъ послѣдняго Иванъ Ивановичъ обратился къ королю Стеф. Баторію въ 1578 г. съ просьбою подтвердить его патрональныя права́. Король подтвердилъ „тотъ монастырь Черейскій со всимъ наданьемъ въ оборонѣ, спокойномъ держанью и въ подаванью своемъ мети вѣчными часы" [1]).

Въ фундушѣ Ходкевича Супрасльскому монастырю (1533 г.), между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Я Александръ, съ женою своею Василисою и дѣтьми моими обозначенныя (обширныя) имущества, *со всѣмъ правомъ и панствомъ* (т. е. правами собственности), ничего не оставляя для себя, жены, дѣтей и потомковъ-наслѣдниковъ, даемъ и дали церкви Божіей—Благовѣщенію и св. Ив. Богослову на монастырь Супрасльскій *вѣчно и на вѣки нерушимо*, нынѣшнему *архимандриту* (Сергѣю Кимбару) *и всей братіи* и имѣющимъ быть послѣ нихъ. *Онъ самъ* (фундаторъ), жена, и дѣти *и потомки его* въ это наданіе церкви Божіей *не могутъ вступаться* и чинить какія-либо кривды. Архимандрита избираютъ братія и избраннаго представляютъ (объявляютъ) ктитору, который за это не получаетъ никакого *поклона;* монахи не имѣютъ права выходить („выламываться") изъ „опеканья" Ходкевича, его дѣтей и потомковъ; а равно не имѣютъ права продавать или мѣнять это наданье.—Далѣе владѣлецъ обязуетъ своихъ наслѣдниковъ, въ случаѣ раздѣла между ними, монастыремъ и его имуществами не дѣлиться; а онъ самъ и его наслѣдники обязываются—церковь Божію и наданье свое

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 101.

отъ всякихъ кривдъ оборонять, за нихъ стоять и очищать своимъ трудомъ и издержками“[1]).

Итакъ, частновладѣльческіе монастыри (въ лицѣ настоятелей и братіи) могутъ быть признаны правоспособными субъектами правъ на имущества, но правоспособными въ томъ смыслѣ, въ какомъ признаются таковыми лица, состоящія подъ опекою: имущество принадлежитъ имъ, но управленіе и пользованіе имъ находится подъ надзоромъ патрона, который можетъ пользоваться и не пользоваться частію доходовъ съ нихъ. Патронъ въ правѣ отчуждать свои монастыри съ ихъ имуществами по всякимъ сдѣлкамъ (вѣроятно—за исключеніемъ купли-продажи); но при этомъ въ рукахъ новаго пріобрѣтателя имущества остаются церковными, а самые монастыри уничтожаемы быть не могутъ. Патронъ, въ силу жалованныхъ грамотъ и фундушевыхъ записей, не можетъ отнять имущество у монастыря.

Церкви.

Для разрѣшенія вопроса, можно ли признать въ западной Россіи XVI в. церковь субъектомъ правъ на землю, приписанную къ ней, и чтó именно разумѣется здѣсь подъ церковію, различимъ: а) церкви въ городахъ и селахъ коронныхъ и б) церкви въ имѣніяхъ частновладѣльческихъ.

а) Что касается до *городскихъ церквей*, то мы имѣли уже предъ собою факты наслоенія права патронатства великаго князя, епархіальной власти и городскихъ и приходскихъ общинъ, а равно притязанія приходского духовенства на распоряженія имуществами церквей. Здѣсь всего труднѣе установить субъектъ правъ на эти имущества; такъ мы видѣли, что представители городской общины, въ спорахъ съ митрополитомъ о правѣ поданья городскихъ церквей, обращаются къ великому князю; къ нему же обращается и мѣстное приходское духовенство, считая себя обиженнымъ

[1]) Акты Вил. ком. I, № XIII.

обѣими сторонами. Великій князь разрѣшаетъ споры въ качествѣ высшаго патрона. До конца XVI в. коллизія правъ названныхъ лицъ не была еще столь рѣзкою, какъ послѣ введенія уніи. Тогда король—католикъ, взявши подъ свою защиту уніатство, началъ предъявлять свое право поданья на городскія церкви со всею рѣшительностію, въ интересахъ уніи (какъ напр. въ Могилевѣ при Іосафатѣ Кунцевичѣ). Въ свою очередь городскія общины выставили свое древнее участіе въ правѣ поданья съ полною ясностію и исключительностію, желая воспользоваться этимъ правомъ для защиты православія. Но и тогда этотъ вопросъ не достигъ надлежащаго общаго разрѣшенія, т. е. три конкурирующихъ субъекта права поданья не размежевались между собою.—Остается несомнѣннымъ, что одному изъ этихъ трехъ патроновъ, именно вел. князю принадлежитъ безспорное и непосредственное право лишь на *замковыя церкви*, въ коронныхъ городахъ; здѣсь представители великаго князя, т. е. намѣстники, воеводы и старосты осуществляли это право подобно частнымъ владѣльцамъ въ ихъ имѣніяхъ; имъ принадлежитъ право назначенія настоятелей и прочихъ членовъ клира и передача избраннымъ земельныхъ имуществъ церкви; приведемъ такой примѣръ: замковый попъ въ гор. Владимірѣ, защищая на судѣ права своей церкви на назначенный ей грунтъ, говоритъ: „я того кгрунту гвалтомъ подъ себе къ церкви замковой не забиралъ; мне его за уряду замкового... подсторостій Володимерски, при подаваню церкви замковое, подалъ“ [1]).

Что касается до городскихъ общинъ, то право ихъ на городскія церкви, несомнѣнно было ближе и интенсивнѣе; мы уже знаемъ, какъ они хозяйничали въ имуществахъ всѣхъ городскихъ церквей. Но какія бы лица и общества ни участвовали въ правахъ на церковныя имущества, всѣ они и всегда считаютъ и именуютъ эти имущества *церковными*, а не своими, слѣд. всегда предполагается церковь, какъ настоящій собственникъ.

---

[1]) См. этого тома № LXXIII.

Кромѣ указанныхъ, въ городахъ были возможны и частновладѣльческія формы патронатства. Въ одномъ изъ приведенныхъ выше актовъ уже мы видѣли напр., что въ гор. Владимірѣ церковь св. Василія была подъ патронатствомъ католиковъ—Радивиловъ, а затѣмъ вслѣдствіе мѣны это право перешло къ Луцкому православному епископу (церковь эта первоначально была пожалована кор. Сигизмундомъ I кн. Вас. Сангушкѣ и уже отъ этого послѣдняго право на нее перешло къ Радивиламъ)[1]. Такъ какъ въ городахъ были „подворья", т. е. частновладѣльческіе участки разныхъ лицъ и учрежденій, то владѣлецъ, основывая церковь на своемъ подворьѣ, пріобрѣталъ чрезъ то исключительное право на церковь.

За исключеніемъ владѣльцевъ домовыхъ церквей,—всѣ исчисленныя лица суть патроны, но только патроны, а не собственники церковныхъ имуществъ. Дѣйствительные собственники этихъ имуществъ суть церкви. Но что такое церковь? Храмъ ли въ которомъ совершается богослуженіе? Или лица, совершающія богослуженіе, или тѣ, для которыхъ совершается богослуженіе?

Отвѣтимъ на эти вопросы въ порядкѣ обратномъ тому, какъ они поставлены сейчасъ. Сообразно съ вѣроисповѣдными особенностями каждаго народа, эти вопросы разрѣшаются различно: владѣющимъ лицомъ признается то храмъ, то клиръ, то приходская община. По характеру православной церкви, признающей мірянъ такими же своими членами, какъ и іерархію, казалось бы, что для этой церкви правильнымъ отвѣтомъ будетъ то, что для приходскихъ церквей хозяиномъ имуществъ ихъ будетъ приходская община—эта наименьшая единица въ составѣ церкви вообще. Факты, повидимому, какъ разъ подтверждаютъ это положеніе: мы видѣли уже, что представители приходской общины (общая сходка прихожанъ, старосты или старшіе братія) отчуждаютъ церковныя имущества (продаютъ и отдаютъ въ аренду) и управляютъ всѣми имуществами церкви чрезъ особыхъ вы-

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 124.

борныхъ экономовъ (шафаровъ); если прибавить къ этому, что та же приходская община избираетъ и смѣщаетъ священниковъ и прочихъ членовъ клира, то неизбѣжно приходишь къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ настоящаго (дѣйствительнаго) собственника имуществъ церкви. Однако, изъ тѣхъ же фактовъ убѣждаемся, что прихожане распоряжаются этими имуществами не какъ своими, а какъ церковными, дѣйствуя такъ сказать по уполномоченію церкви въ ея интересахъ. Кромѣ того мы видѣли, что сдѣлки, совершенныя безъ участія духовенства, подвергаются протесту, какъ незаконныя. Наконецъ, рядомъ съ церквами, состоящими въ распоряженіи прихожанъ, стоятъ другія, находящіяся въ пожизненномъ или потомственномъ владѣніи настоятелей или клира. Сами приходскія общины пытались (какъ мы видѣли) распредѣлить права на церкви и ихъ имущества по землѣ, на которой онѣ стоятъ, между государствомъ, клиромъ и общинами.

Посмотримъ, на сколько можно принять мысль о принадлежности церковныхъ имуществъ духовенству (настоятелямъ и клиру). Изъ множества актовъ оказывается, что полномочнымъ владѣльцемъ имуществъ церкви и самой церкви является *настоятель* ея. Нѣкоторые изъ настоятелей пріобрѣтали право „собственности" (властности) на церковь отъ государственной или церковной власти, „одѣдичивали" себѣ ее, и въ такомъ случаѣ распоряжались ею какъ бы своею вещію, что̀ увидимъ сейчасъ. Но и тѣ изъ нихъ, которые не были снабжены особыми привилегіями, совершаютъ многія сдѣлки по имуществамъ церкви отъ своего лица, ведутъ отъ себя иски по церковнымъ имуществамъ, пользуются этими имуществами въ своемъ исключительномъ интересѣ. Такъ въ 1560 году Луцкій протопопъ Демьянъ, настоятель Дмитровской церкви ведетъ тяжбу съ Полонскимъ священникомъ—Федоромъ о землѣ, принадлежавшей Дмитровской церкви, но захваченной Полонскимъ священникомъ; фактъ этотъ болѣе подробно изложенъ нами выше (когда рѣчь шла о дав-

ности въ примѣненіи къ церковнымъ имуществамъ)[1]). Теперь для насъ интересно отмѣтить лишь нѣкоторыя черты, относящіяся къ вопросу о носителѣ правъ на церковныя имущества. Церковь св. Димитрія долго пустовала (т. е. въ ней не отправлялось богослуженія) и земли ея были разобраны всѣми, кто хотѣлъ. Между прочимъ „тотъ попъ (Полонскій) *подъ себѣ* забралъ“ спорный участокъ. Разумѣется онъ забралъ эту землю не въ личную собственность, а на имя своей церкви; между тѣмъ истецъ выражается, что отвѣтчикъ присвоилъ ее *себѣ*. Затѣмъ истецъ продолжаетъ, что владыка Луцкій Феодосій „ту церковь (св. Димитрія) поправилъ и мне *зо всѣмъ*, посветивши, далъ“, т. е. хозяиномъ становится протопопъ; онъ (а не епископъ) и ведетъ искъ отъ своего лица предъ духовною властію и даже предъ вел. княземъ. Духовная власть является только судьею и, наконецъ, рѣшаетъ тяжбу въ пользу протопопа. Ни о какомъ участіи прихожанъ Дмитровской церкви нѣтъ упоминанія.

Владѣніе церковію священника предполагается пожизненнымъ, а потому, при такомъ владѣніи, нельзя еще говорить о правѣ собственности. Но многіе священники (повидимому, большинство ихъ) запасались привилегіями на полное—потомственное право, которое и изображается въ актахъ чертами, свойственными праву собственности.

Самыя рѣшительныя указанія на этотъ счетъ даетъ актъ 1585 г. слѣд. содержанія: священникъ церкви св. Пятницы во Владимірѣ Малафей Ивановичъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ онъ прежде всего отказываетъ „сыну своему Ивану Малафеевичу церковь заложенія св. Пятницы *собственную свою отчизну и дѣдизну*, утвержденную за нимъ на вѣчность привилегіею короля св. памяти Сигизмунда-Августа съ людьми и землями церковными, которыя находятся подлѣ церкви, а также съ тѣмъ грунтомъ церковнымъ, который данъ при размежеваніи въ замѣнъ прежняго на Турьемъ полѣ между грунтами городскими и которымъ завѣщатель спокойно владѣлъ нѣсколько десятковъ лѣтъ,—вообще со всѣми дохо-

[1]) См. этого тома стр. 359.

дами и пожитками, какіе издавна соединяются съ означенною церковію"; завѣщатель назначаетъ въ наслѣдство эту церковь *„сыну Ивану, дѣтямъ и потомкамъ его на вѣчность"*. Далѣе въ духовной слѣдуетъ отказъ собственныхъ недвижимыхъ имуществъ наслѣдователя, пожалованныхъ предкамъ его вел. кн. Свидригайломъ, а также движимости тому же сыну Ивану, а прочихъ частей имущества другимъ родственникамъ [1]).—Въ этомъ актѣ передается по завѣщанію какъ право на званіе настоятеля церкви, такъ вмѣстѣ право владѣнія и пользованія имуществами (землями и крестьянами) этой церкви. Права священника истекаютъ изъ пожалованія великаго князя на вѣчность. Съ современной точки зрѣнія трудно установить въ подобномъ случаѣ иной субъектъ правъ на церковныя имущества кромѣ настоятеля; нельзя признать здѣсь ни церковь, ни приходъ юридическимъ владѣющимъ лицомъ, а священника лишь представителемъ его.—Но при внимательномъ анализѣ нельзя признать и за настоятелемъ право частной собственности. Право завѣщанія отнюдь не есть одно изъ безусловныхъ правъ владѣльца; оно истекаетъ изъ пожалованія королемъ церкви на вѣчность. Самая церковь (храмъ) несомнѣнно не составляетъ частной собственности настоятеля, т. е. не можетъ быть имъ уничтожена. Недвижимыя имущества церкви не могутъ быть проданы или вообще отчуждены независимо отъ церкви, по частному интересу настоятеля. Самъ настоятель отчетливо различаетъ свои собственныя имущества, пожалованныя вел. кн. Свидригайломъ, отъ имуществъ церковныхъ.—Такимъ образомъ, мы должны заключить, что въ такихъ случаяхъ разумѣется потомственное усвоеніе *должности*, соединяемой съ имущественными правами, т. е. *владѣніе бенефиціальное*, но не право собственности. Въ рукахъ такого владѣльца церковныя имущества остаются *церковными*.

Для дальнѣйшаго опредѣленія способовъ пріобрѣтенія и свойствъ правъ настоятеля церкви, у насъ есть въ распоряженіи слѣдующій весьма содержательный фактъ. Въ 1578

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. № 943, л. 32.

г. владыка Владимірскій Феодосій занесъ жалобу такого содержанія: въ гор. Владимірѣ была церковь св. Иліи, которая издревне подлежала съ грунтами и людьми церковными подаванью и власти („моцы и владности и подаваню“) владыкъ Владимірскихъ и никого другого. Эту церковь „держалъ“ покойный священникъ Иванъ за поданьемъ владыки Геннадія; затѣмъ онъ, Иванъ, съ дозволенія нареченнаго владыки Ивана Борзобогатаго, уступилъ („спустилъ“) церковь зятю своему Тишку Конаховичу, который обязался сдѣлаться попомъ и, исполняя всѣ обязанности духовнаго сана, „держать“ церковь Иліи въ зависимости отъ соборной церкви Владимірской пр. Богоматери и отъ владыки. Не принявши, однако, посвященія, онъ явился въ королевскую канцелярію и тамъ назвалъ себя (ложно) попомъ и выпросилъ себѣ подтвержденіе короля на право пожизненнаго владѣнія означенною церковію; но затѣмъ, не желая быть самъ попомъ, просилъ владыку Феодосія, что бы онъ дозволилъ ему вмѣсто себя имѣть викарія. Владыка дозволилъ и обѣщалъ дать на то свой листъ (грамоту); когда грамота была написана, то владыка подписалъ ее, не читавши; но послѣ прочитавши и увидѣвши, что она написана неправильно („неслушнымъ обычаемъ“), печати своей къ грамотѣ не приложилъ, а велѣлъ переписать. Но Конаховичъ задержалъ ее у себя, не переписывая; сверхъ того въ его рукахъ очутилась почему то и грамота владыки Владимірскаго Іосифа о томъ, что церковь св. Ильи подлежитъ подаванью владыки („на ведомость подаванья владычнего“), и эту грамоту онъ долженъ былъ отдать владыкѣ, но не отдалъ. Когда потомъ епископъ Феодосій выѣхалъ по дѣламъ своей епархіи въ Берестье, то Конаховичъ поспѣшилъ воспользоваться документами, бывшими у него въ рукахъ и продалъ п. Василію Загоровскому, городничему Владимірскому, церковь св. Иліи съ грунтами землеными, полями, сѣнокосами, съ садомъ, съ людьми и со всѣмъ, что принадлежитъ этой церкви издавна, за извѣстную сумму, заявивъ, что онъ имѣетъ на то дозволеніе отъ владыки въ его грамотѣ съ печатью, чего

владыка отнюдь ему не давалъ.—Продавъ церковь Загоровскому, Конаховичъ забралъ къ себѣ въ свой домъ на Залужье, дерево, приготовленное тестемъ его попомъ Иваномъ на постройку новой церкви св. Иліи. По просьбѣ владыки, урядъ Владимірскій далъ вижа для осмотра этого дерева, которое еще находилось при домѣ Конаховича. Вижъ нашелъ на гумнѣ его бревна, которыя, по словамъ жены Кохановича, дѣйствительно, составляютъ матеріалъ, приготовленный для церкви, но потомъ взятый ея мужемъ на собственныя надобности [1]).

Приведенный актъ содержитъ нѣсколько указаній по нашему вопросу. Въ качествѣ лицъ, обладающихъ правомъ поданья выступаютъ: вел. князь, который утверждаетъ распоряженіе мѣстнаго епископа, и мѣстный владыка. Владѣющимъ же субъектомъ оказывается частное лицо, которому владыка далъ право на церковь, а вел. князь подтвердилъ это право. Права настоятельства могли быть пріобрѣтены свѣтскимъ лицомъ, которое могло управлять церковію посредствомъ викарія и, въ качествѣ настоятеля, отчуждаетъ церковь посредствомъ продажи стороннему, также свѣтскому, лицу. Въ данномъ случаѣ продажа совершена при помощи обмана, и не могла быть признана законною; для этого требовалось согласіе владыки. Намъ неизвѣстенъ конецъ этой исторіи и мы не можемъ съ точностію сказать, что пріобрѣлъ чрезъ такую сдѣлку п. Загоровскій. Можемъ, однако, предположить, что покупатель получилъ не право настоятельства, что для пана-ключника было не интересно, да и невозможно, безъ согласія епархіальной власти. Полагаемъ, что чрезъ такую сдѣлку право, принадлежавшее настоятелю (владѣльческое), превратилось въ рукахъ покупщика въ право поданья. Въ самомъ дѣлѣ какой интересъ могъ имѣть Загоровскій, платя деньги за церковь? Конечно, его привлекали имущества этой церкви; однако, по купчей передаются не только имущества, но и самая церковь. Почему это? Ра зумѣется потому, что безъ церкви нельзя было воспользо-

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 935, л. 96.

ваться ея имѣніями; они остаются церковными, неотдѣлимыми отъ церкви и неотчуждаемыми. Только при помощи права на церковь получается право и на ея имущества, т. е. право патроната [1]).

Другія сдѣлки, кромѣ купли-продажи, безспорно могли быть совершаемы настоятелями, которые чрезъ нихъ распоряжались церковными имуществами независимо отъ церкви: въ завѣщаніи того же Вас. Загоровскаго между прочимъ содержится слѣд.: „уже въ давнее время священникъ церкви св. Апостоловъ во Владимірѣ, о. Василій, теперь уже умершій, съ письменнаго позволенія владыки Владимірскаго и Берестейскаго, о. Феодосія, отдалъ мнѣ въ аренду грунтъ этой церкви, издавна ей принадлежащій, именно: поля, сѣнокосы и заросли подъ гор. Владиміромъ, подлѣ предмѣстья Завальскаго и Запятницкаго надъ рѣкою Лугомъ... Эту аренду, т. е. листъ владыки и священника господарь король его мил., Сигизмундъ-Августъ, какъ фундаторъ и подавца не только этой церкви, во и владычества Владимірскаго, своимъ господарскимъ листомъ утвердилъ (и отдалъ) мнѣ и потомству моему *на вѣчность* упомянутый грунтъ, согласно съ листами владыки и священника“ [2]).—Подтвержденіе на вѣч-

[1]) Относительно права настоятелей городскихъ церквей распоряжаться имуществами церквей, приведемъ примѣръ изъ актовъ сѣверо-западной Россіи: въ концѣ пятидесятыхъ, или въ 60-хъ годахъ XVI в. Виленскіе мѣщане жаловались митрополиту Сильвестру на трехъ Виленскихъ поповъ (Михайловскаго, Воскресенскаго и Никольскаго), что они заложили церковные дома безъ вѣдома начальства городской общины (т. е. бурмистровъ и радцевъ). Митрополитъ отвѣчалъ, что онъ тутъ не причемъ, „ибо вы выбираете поповъ, а не я, а мы только благословляемъ ихъ къ той церкви, которую вы имъ дадите“. Митрополитъ прибавляетъ, что онъ тѣмъ не менѣе писалъ уже раньше упомянутымъ попамъ, чтобы они освободили домà отъ залога, однако они не обратили на то вниманія, а ему нечѣмъ ихъ карать, кромѣ неблагословенія (Арх. Сборн. VI, № 22).—Въ 1546 г. свящ. Покровской церкви г. Вильны, Іоаннъ въ своей уступочной записи въ пользу этой церкви, пишетъ, что онъ при поступленіи нашелъ церковный домъ, въ которомъ жили попы, *проданнымъ на вѣчность* Андрею Мацкевичу. О. Іоаннъ выкупилъ его на свои средства и затѣмъ выстроилъ новый каменный, и уходя изъ Покровскаго ирихода, утвердилъ его за церковію (Ibid № 25).

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 16.

ность не означаетъ передачу королемъ церковнаго имущества въ собственность стороннему лицу (вопреки признанному принципу неотчуждаемости); король лишь утверждаетъ то, что совершено священникомъ-настоятелемъ („согласно листу владыки и священника") а священникъ отдалъ Загоровскому грунтъ *въ аренду;* очевидно, и король подтвердилъ арендный контрактъ.

Выраженіе „на вѣчность", обозначаетъ вѣчную аренду, т. е. *чиншевое право.* Итакъ, настоятелю принадлежитъ право установленія чиншеваго владѣнія на имѣніяхъ церкви, но съ согласія мѣстнаго владыки и утвержденія короля.

Таковы весьма важныя права бенефиціальнаго владѣнія настоятелей церквей. Несомнѣнно, что имъ принадлежали и всѣ прочія менѣе существенныя права на церковь и ея имущества. Такъ въ 1532 г. настоятель-священникъ сельской Вечинской церкви (состоящей въ великокняжескомъ поданьѣ), принявъ выкупъ за землю, находившуюся въ заставѣ у церкви, передаетъ ее лицу, выкупившему ее (п. Михаилу Семашку), или какъ онъ выражается въ своемъ актѣ, „поступилъ зо всѣмъ на все". Актъ надписанъ такъ: „Я смеренный Макарии Семеновичъ, за поданьемъ господарскимъ настоятель церкви Вечинское" [1]). Эта весьма важная сдѣлка обошлась безъ участія какихъ-либо властей.

Но настоятель не всегда бываетъ единственнымъ полномочнымъ субъектомъ правъ на церковь; иногда эти права дѣлятся между всѣми членами клира, чѣмъ фактически ограничивается полнота бенефиціальныхъ правъ.

Иногда имущества, при дарованіи ихъ церкви, назначаются отдѣльно каждому члену причта; напр. въ самомъ началѣ XVI в. княгиня Анна Сангушковна записываетъ по душѣ брата Яцка въ Деречинѣ на церковь св. Спаса слѣдующіе участки: попу—землю Романовскую и четырехъ „человѣкъ": Буневича, Триду, Киселя и Жука; дьякону—землю Дашеву и трехъ „человѣкъ": Раца, Юца и Пилипа („человѣки", именуемые здѣсь, суть крестьяне, владѣющіе своими

---

[1]) См. этого тома стр. 369-370.

наслѣдственными участками и обязанные повинностями панамъ, или церкви). Сверхъ недвижимыхъ имуществъ попу и дьякону дано по копѣ грошей[1]). По смыслу акта недвижимыя имущества, данныя церкви, предназначаются въ вѣчное владѣніе конечно, не лицамъ, а должностямъ. Это есть ни что иное, какъ распредѣленіе доходовъ между членами причта, сдѣланное самимъ „фундаторомъ"; субъектомъ имуществъ остается, несомнѣнно, церковь, въ правахъ которой участвуютъ фундаторы по общему правилу, а потому защита владѣнія и другія дѣйствія собственника очевидно, должны были исходить отъ всего причта и того, кому принадлежитъ „право подавья"[2]).

Въ 1567 г. Григ. Александр. Ходкевичъ далъ слѣдующую фундушевую запись Заблудовской Успенской церкви: „до которое церкви обрали есмо и встановили священникомъ на имя Остафея Григоріевича и деакона на имя Ивана—брата его,—придали есмо имъ на пашню земли—свещеннику две волоки, а діакону волоку третюю". Въ замѣнъ этого прежняя выдача десятины съ Заблудовскаго двора Успенской церкви прекращается и десятина идетъ на шпиталь, который вновь основанъ Ходкевичемъ при церкви русской; для надзора за шпиталемъ (богадѣльнею) и управленія имъ городъ ежегодно избираетъ двухъ радцевъ[3]).

При такомъ распредѣленіи доходовъ между членами причта уже невозможно исключительное владѣніе церковію для настоятеля ея и примѣненіе къ ней тѣхъ пріемовъ отчужденія, о которыхъ мы говорили. Каждый членъ клира можетъ допускать сдѣлки (неотчужденія) на своемъ удѣльномъ участкѣ.

Право владѣнія церковными имѣніями, принадлежащее приходскому духовенству, могло быть *общимъ для нѣскольх-*

---

[1]) Литов. метрика, изд. 1903 г., стр. 1355.

[2]) Примѣры эти взяты изъ частновладѣльческихъ актовъ, но само собою разумѣется, что обозначаемыя ими явленія относятся также, и притомъ съ большею рѣшительностію, и къ коронnымъ церквамъ.

[3]) Археогр. Сборн., т. XI, № 114.

кихъ приходскихъ церквей или для всѣхъ церквей извѣстнаго города. Такъ въ 1574 г. искъ о нападеніи Яна Вороны на церковный грунтъ Реванецкій, заявленъ былъ Луцкими священниками церквей Троицкой и Рождественской отъ себя и отъ имени игуменовъ Пречистенскаго, Никольскаго и Афанасьевскаго. Это, по всей вѣроятности, всѣ или почти всѣ Луцкія церкви, кромѣ состоящихъ въ частномъ поданьѣ. Какъ устанавляется это общее совладѣніе церквей; сказать съ увѣренностію трудно. Что то была именно общая собственность церквей (condominium), это видно изъ прямаго выраженія приводимаго акта: „властный а звечистый, спокойный *кгрунтъ церквей Божихъ* Реванецкий, у которыхъ мы на сесчасъ служителями". Пользованіе общимъ имуществомъ, однако, было раздѣльное: въ томъ же актѣ одинъ жалобщикъ говоритъ: „Я Троицкій (священникъ) послалъ на *свое властное и старовѣчное* поле, спокойное держаніе, орать плугомъ своимъ, а п. Ворона напалъ и „молодца" моего (работника) избилъ жестоко палкою по головѣ, ранилъ, и плугъ съ поля согналъ" [1]). Именно этотъ поступокъ п. Вороны и вызвалъ жалобу не одного Троицкаго священника, а всѣхъ поименованныхъ выше: „и тѣмъ *насъ всѣхъ священниковъ* вышеписанныхъ насильственно (гвалтовне) выбилъ изъ спокойнаго владѣнія тѣмъ полемъ". Явленіе, о которомъ говоритъ намъ приведенный актъ, весьма немаловажно для опредѣленія субъекта правъ на имущества церкви; въ данномъ случаѣ нельзя признать таковымъ ни приходъ, ни клиръ какой-либо церкви. Очевидно уже тогда мыслилось и признавалось право отвлеченнаго субъекта—церкви, какъ учрежденія; земля принадлежитъ „церквамъ Божіимъ". Особенности древняго (бенефиціальнаго) владѣнія здѣсь выразились лишь въ правѣ пользованія, которое могло быть передаваемо наличными членами клира потомственно (участокъ общей собственности, подвергшійся нападенію, названъ „властнымъ и извѣчнымъ" для одного изъ совладѣльцевъ). Но права собственника, именно

[1]) Кіевск. Центр. Арх. № 2048, л. 103 об.

судебная защита, осуществляются отъ имени всѣхъ участниковъ.

Итакъ, въ городахъ владѣющимъ лицомъ является церковь, какъ учрежденіе, назначенное для богослуженія; но полномочными (б. ч. наслѣдственными) представителями (бенефиціальными владѣльцами) были или настоятели, или всѣ члены клира, въ раздѣльности. Возможна была и общая собственность нѣсколькихъ церквей. Власть патроновъ (вел. князя, епархіальнаго владыки, городскихъ и приходскихъ общинъ и частныхъ лицъ), не будучи владѣльческою, приводила въ должныя границы права бенефиціальныхъ владѣльцевъ (настоятелей и другихъ членовъ клира), предотвращая переходъ бенефиціальныхъ правъ въ права собственности и сохраняя так. обр. за церковію, какъ учрежденіемъ, дѣйствительное значеніе субъекта права на церковныя имущества.

Такія же права принадлежатъ церквамъ и въ сельскихъ коронныхъ имуществахъ: наданье церкви священнику совершалось посредствомъ выдачи великокняжеской привилегіи, обыкновенно съ пожалованіемъ церкви потомственно, но нерѣдко и пожизненно. Потомственный владѣлецъ—священникъ могъ уступить свое право, по договору, другому священнику; изъ чего иногда возникали споры между новымъ священникомъ и потомками прежняго; тяжбы разрѣшались мѣстнымъ старостою. Такъ въ 1589 г. священникъ церкви св. Михаила въ с. Половцахъ Берестейск. староства—Иванъ Парфиновичъ получилъ церковь по уступочной записи предшественника своего Федора Семеновича и отбившись судомъ отъ притязаній наслѣдниковъ его, просилъ вел. князя утвердить за нимъ права на церковь; король утвердилъ пожизненное право „на ту церковь и земли, ей принадлежащія“ [1]).

Вел. князь лично и непосредственно распоряжался назначеніемъ настоятелей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно же правомъ поданья сельскихъ церквей на коронныхъ земляхъ завѣдовали старосты; они выдавали „листы“

[1]) Ак. Вил. ком. т. II, № 6.

(грамоты) на это право; къ вел. князю за утвержденіемъ обращались заинтересованныя лица уже послѣ,—иногда чрезъ много лѣтъ послѣ полученія церкви. Такъ вел. кн. Сигизмундъ-Августъ утвердилъ за Иваномъ Кунцевичемъ право, данное ему Остаф. Воловичемъ—старостою Берестейскимъ, (по просьбѣ, войта, бурмистровъ, радецъ и всѣхъ мѣщанъ мѣст. Пещатскаго) на церковь св. Пятницы въ этомъ мѣстечкѣ [1]).

Итакъ несомнѣнно, что въ сельскихъ церквахъ на коронныхъ земляхъ преобладало также бенефиціальное право владѣнія настоятеля; но отсюда не слѣдуетъ, что коронныя власти приходская община не имѣли здѣсь никакого значенія; въ противномъ убѣждаетъ насъ аналогія городскихъ общинъ, т. е. ихъ правъ въ отношеніи къ священникамъ, получавшимъ наданье отъ вел. князя. Во всякомъ случаѣ субъектомъ правъ на имущества и здѣсь остается церковь.

Вел. князь иногда жалуетъ право подаванія въ своихъ коронныхъ имуществахъ частнымъ лицамъ, не жалуя никакихъ имуществен. правъ; такъ въ 1555 г. Янъ Никол. Гайко, королевскій писарь просилъ у короля предоставить въ его подаванье церковь въ селѣ Озяцкомъ (въ Берестейскомъ староствѣ). Эта церковь, находившаяся въ королевской волости, принадлежала къ подаванью господарскому. Но въ томъ же селѣ, среди коронныхъ имуществъ былъ и фольварокъ просителя—Гайка; Гайко очевидно принадлежалъ къ приходу этой церкви и прежде снабжалъ ее вещами („никоторыми церковными потребами“). Король въ своей грамотѣ пишетъ: „если эта церковь наше господарское подаванье, то даемъ ему въ подаванье на вѣчность для обороны ея отъ нарушенія ея правъ; имѣетъ право онъ (Гайко), его жена, дѣти и потомки, имѣя церковь въ своемъ подаванье, оборонять ее отъ обидъ, установлять при ней священниковъ годныхъ и образованныхъ, ничѣмъ не нарушая духовныхъ правъ вла-

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. II. № 8. Дата,—1580 г. очевидно испорченная: въ явкѣ стоитъ 1580 г., въ самомъ актѣ—даже 1590. И то и другое, очевидно, невѣрно.

дыкъ. А что касается земли, данной нами этой церкви на вѣчность, то онъ не имѣетъ права причинять въ томъ церкви какой-либо ущербъ, а также дѣти и потомки его, т. е. они не могутъ эту землю отнимать у церкви, или уменьшать ея количество; землею долженъ пользоваться священникъ теперешній и тѣ, которые будутъ послѣ него". Мѣстному воеводѣ поручается ввести Гайка во владѣніе и приказать тамошнему священнику быть во всемъ послушнымъ ему. Если же по смерти священника, въ теченіи 12 недѣль вдова священника, дѣти или потомки его не позаботились найти къ той церкви настоятеля, или если панъ уменьшитъ церковную землю или сдѣлаетъ ей какую-либо обиду, то воевода долженъ защищать церковь и, наконецъ, самую церковь взять обратно въ поданье и управленіе вел. князя[1]). Въ этомъ актѣ сдѣлано совершенно ясное разграниченіе правъ патрона, какъ опекуна (безъ права участія въ пользованіи имуществомъ), правъ священника, какъ пользователя, и, наконецъ, церкви, какъ собственника.

Церкви въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, снабжены наименьшими правами изъ всѣхъ субъектовъ церковныхъ имуществъ. Во многихъ отношеніяхъ онѣ сами служатъ предметомъ обладанія лицъ, владѣющихъ имѣніями, какъ по буквѣ жалованныхъ грамотъ, такъ и по фактическому осуществленію правъ владѣльцевъ, такъ что церковь, повидимому, совсѣмъ нельзя причислять къ владѣющимъ субъектамъ, а напротивъ слѣдуетъ считать предметомъ владѣнія частныхъ лицъ; здѣсь уже патронатство какъ будто переходитъ въ полное право собственности. Однако, намъ нужно отнестись съ крайнею осторожностію къ нижеприводимымъ фактамъ. Около 1450 г. в. кн. Свидригайло жалуетъ Петру Кирдѣевичу Мыльскому нѣсколько имѣній въ Луцкомъ повѣтѣ; въ одномъ изъ этихъ имѣній, именно въ Полгановѣ, такъ перечисляются составныя части владѣнія: „два дворища служебныхъ и церковь съ дворищемъ церковнымъ и съ ставомъ и съ мытомъ"[2]).

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. II, № 3.

[2]) См. этого тома стр. 12.

Затѣмъ, исчисливши по обычаю всѣ предметы владѣнія („приходы, доходы, вольности, уѣзды"), т. е. поля, лѣса, пасѣки и пр., вел. князь продолжаетъ, что Петръ Кирдѣевичъ Мыльскій и его потомки могутъ всѣ эти имѣнія продать, промѣнять, заложить и завѣщать; при этомъ не дѣлается исключенія относительно самой церкви и ея дворища. Надо имѣть въ виду, что въ многочисленныхъ жалованныхъ грамотахъ разнымъ лицамъ весьма часто не упоминается о церквахъ и ихъ имуществахъ, хотя слѣдуетъ предполагать, что въ каждомъ изъ значительныхъ селъ были церкви, так. обр., повидимому, принадлежность церкви имѣнію разумѣлась сама собою. Въ купчихъ записяхъ церкви перечисляются наряду съ полями, сѣнокосами и пр.: въ 1538 г. Угриновскій продалъ М. В. Свинусскому имѣніе Теслуговъ съ дворомъ, съ церковію, полями пахотными и дворными [1]).

Въ *реестрахъ (инвентаряхъ)* имѣній, составляемыхъ по разнымъ поводамъ (вводѣ во владѣніе, установленіи опеки и пр.), церкви съ ихъ имуществами перечисляются наряду со всѣми другими принадлежностями имѣнія. Напр. въ реестрѣ двора Рыканскаго, принадлежавшаго Юрію Тышковскому, послѣ перечисленія построекъ, дворовъ и движимаго имущества въ нихъ, рѣчь продолжается такъ: „ку двору ставъ, гай, сѣножать; къ тому двору церквѣ двое: одна въ селе передъ дворомъ, другая за селомъ; попъ тыхъ церквей дворище съ полми и зъ сѣножатми держитъ" [2]). Иногда въ инвентаряхъ при переходѣ имѣній перечисляются не только церкви, но и священные предметы, находящіеся въ нихъ; такъ въ инвентарѣ замка Буремля, составленномъ въ 1573 г. при вводѣ во владѣніе княгини Маріи Денисковны Буремской и другихъ сонаслѣдниковъ, содержится между прочимъ слѣд.: „кухня съ коморой, лазня (баня) з сеньми, и посередѣ замку церковь св. Троицы, побитая контами, цвинтеръ; о у ней образъ св. Троицы, а другій св. Пречистое, третій св. Дмитрия, а четвертый св. Флора и Лавра, деисусъ, сосудъ

---

[1]) См. этого тома стр. 229 и 231.

[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2045, л. 212.

церковный: келехъ, ложка, звезда и воздухи; рызы китайки жолтое, злотоглавомъ обложоное, стихарь, петрахиль и поручи, и поесъ, и другие ризы полотенѣные; книги: евангелие напрестольное, зеленымъ оксамитомъ крыто; апостолъ Петръ (sic), трефолой, треоди две: одна постная; а другая цветъная, шостодъневецъ, псалтырь. Стрельбы..." (далѣе перечисляются пушки и ручницы при замкѣ)[1]). Въ томъ же 1573 г. кн. Мар. Буремская, уступая имѣніе Буремль Хреницкому, въ своемъ инвентарѣ означаетъ: „напродъ (во первыхъ) городище, на которомъ ниякого будованя нетъ, только одна церковь ново-зробленая"[2]). При такихъ указаніяхъ трудно не признать сельскую церковь объектомъ владѣнія мѣстнаго пана, какъ одну изъ составленныхъ частей его имѣнія.

Относительно власти владѣльцевъ на церкви и ихъ имущества есть весьма поучительный фактъ *тяжбы* 1554 г. о правѣ на церковь между княземъ Фрид. Глѣб. Пронскимъ и кн. Яков. Вас. Крокоткою. Дѣло въ томъ, что кн. Пронскій выпросилъ себѣ монастырь въ землѣ Волынской (безъ спеціальнаго наименованія), давши ложную справку, яко-бы онъ лежитъ впустѣ и никто имъ не владѣетъ. („нихто его на себе не держитъ"); но потомъ кн. Крокотка подалъ королю жалобу, что это не безхозяйный монастырь, а его *собственная* („его власная") *церковь* въ селѣ Чеконѣ съ ставомъ и млиномъ, что эта церковь есть принадлежность его имѣнія, Яловичъ, которое было пожаловано дѣду его князю Ив. Дмитр. Крокоткѣ королемъ Казимиромъ; между приселками этого имѣнія поименованъ тогда и Чеконъ. Кор. Александръ подтвердилъ это пожалованіе. Съ тѣхъ поръ церковь и с. Чеконъ находились все время въ спокойномъ владѣніи Крокотокъ, пока, по грамотѣ Сигизмунда-Августа, кн. Пронскій не овладѣлъ „силою и гвалтомъ" какъ церковію, такъ и селомъ Чекономъ (т. е. силою привелъ въ исполненіе пожалованіе, данное королемъ, какъ это дѣлалось тогда по-

---

1) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2092, л. 10 на об.

2) Ibid № 2095, л. 614.

стоянно). Такъ какъ кн. Крокотка намѣренъ былъ доказать, что церковь есть его собственность („власность"), то король посылаетъ своего дворянина изъять изъ владѣнія кн. Пронскаго ту церковь и село Чеконъ съ ставомъ и млиномъ и передать кн. Крокоткѣ. Князю Пронскому предоставляется доказать судебнымъ порядкомъ, что спорная церковь лежитъ *не въ границахъ имѣнія кн. Крокотки, а отдѣльно отъ него*[1]).— Въ этомъ интересномъ актѣ уясняется: а) что церковь отличается отъ монастыря тѣмъ, что первая должна быть принадлежностію села и имѣнія, второй можетъ лежать внѣ, отдѣльно; б) что поэтому монастырь можетъ быть и не быть предметомъ отдѣльнаго владѣнія, а приходская церковь должна принадлежать владѣльцу имѣнія; в) что церковь и ея имущества составляетъ, повидимому, собственность владѣльца имѣнія, наравнѣ съ прочими составными частями его.

Послѣдняя мысль иллюстрируется актомъ 1558 г.[2]) тяжбы между кн. Збаражскимъ и Волчкомъ Якимовичемъ Жасковскимъ о принадлежностяхъ имѣнія Жасковскаго и Колоновскаго, во владѣніи которымъ были участниками обѣ стороны. Именно первая жена кн. Збаражскаго княжна Козечанка принесла въ приданое часть упомянутаго имѣнія; между совладѣльцами былъ произведенъ раздѣлъ; но кн. Збаражскій началъ вторгаться въ права совладѣльца, а именно: „церковь св. Николы въ имѣніи Жасковскаго—Жасковичахъ по раздѣлу досталась ему (т. е. Жасковскому), а кн. Збаражскій отнялъ силою и гвалтомъ поля и сѣножати, издавна приписанныя той церкви предками жены Збаражскаго". Интересъ этого показанія заключался въ томъ, что завладѣніе простиралось не на церковь съ ея имуществами, а отдѣльно на имущества, приписанныя церкви; завладѣвшій захватилъ эти имущества, такъ же какъ и другія—не церковныя угодья того же имѣнія (берегъ пруда, дорогу), очевидно не различая значенія тѣхъ и другихъ.

---

[1]) Стр. 108—109 этого тома.

[2]) Ibid, стр. 142—143.

Мысль о принадлежности владѣльцу земель церковныхъ, *независимо отъ самой церкви*, имѣетъ для насъ особое значеніе; если такъ, то мы имѣли бы здѣсь доказательство того, что право владѣльца на церковныя земли не зависитъ отъ права поданья и не опредѣляется имъ. Приведенный выше фактъ, однако, не можетъ дать намъ надлежащихъ выводовъ, ибо это—фактъ безправный, возникшій изъ насильственнаго завладѣнія. Возмемъ другой примѣръ: въ 1539 г. Богд. Март. Хребтовичъ продалъ королевѣ Бонѣ имѣніе Блудово „съ дворомъ тамошнимъ, со всѣми слугами путными и людьми тяглыми, съ огородниками, съ полями пашнями, *дворными и церковными и съ землями людскими* (т. е. крестьянскими), съ сѣножатями, съ гаемъ. Вольна ея милость (королева) и потомки ея, то имѣніе Блудово кому хочетъ отдать, продать, замѣнить, записать.., какъ будетъ угодно ей и ея потомкамъ распорядиться для лучшей выгоды своей“ [1]). Согласно съ буквою акта, церковныя земли, наравнѣ съ дворовыми, принадлежатъ владѣльцу независимо отъ церкви и подлежатъ его безусловному распоряженію, т. е. могутъ быть имъ проданы, замѣнены, подарены кому угодно, хотя бы остальное имѣніе и церковь въ немъ оставались неотчужденными, ибо всякое имѣніе можетъ быть отчуждено какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Однако, такой выводъ былъ бы очень поспѣшнымъ. На необходимость осторожности наводитъ то обстоятельство, что въ томъ же актѣ церковныя земли сопоставлены не только съ дворными пашнями, но и съ крестьянскими землями. Любопытно знать къ какому же именно типу онѣ приравниваются. Къ дворовымъ, или крестьянскимъ? Правда въ этомъ актѣ владѣльцу приписывается якобы безусловно право и на крестьянскія земли независимо отъ крестьянъ, между тѣмъ для половины XVI в. такое положеніе было бы вполнѣ ошибочно: земли принадлежали крестьянамъ и не могли быть

---

[1]) Стр. 262, 265. Бона передала то же имѣніе Мих. Вас. Свинусскому съ такими же условіями, т. е. „съ полями пахотными, дворными и *церковными*“; см. стр. 270.

отняты у этихъ послѣднихъ. Имѣніе съ крестьянами могло быть продано, подарено, завѣщано и т. д. въ цѣломъ или въ частяхъ, но не крестьяне безъ земли и не земля (крестьянская) безъ крестьянъ [1]) (разумѣется, злоупотребленія не берутся въ разсчетъ) [2]).

Но не будемъ спѣшить къ общему выводу и отмѣтимъ еще, что на мысль о принадлежности землевладѣльцу какъ самой церкви, такъ и ея имуществъ (движимыхъ и недвижимыхъ) могутъ въ особенности наводить *акты раздѣла* имѣній и церквей въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока цѣлая церковь съ ея имуществами принадлежитъ одному лицу, свойства зависимости ея отъ этого лица неясны; власть бываетъ разная: опекунская, административная, патріархальная. Но если нѣсколько лицъ начинаютъ дѣлить между собою части вещи, то кажется нѣтъ уже сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ правомъ собственности. Мы увидимъ, что фундаторы иногда спеціально оговариваютъ, что церковь съ ея имуществами не подлежитъ раздѣлу между наслѣдниками ихъ, что всѣ они должны владѣть ею сообща [3]). Но иногда такого условія не поставлено; тогда возможны явленія въ родѣ раздѣла имѣнія Берестовицъ въ Гродненскомъ повѣтѣ въ 1604 г. между кн. Федор. Масальскимъ съ одн. стор. и Андр. Лещинскимъ и кн. Януш. Жославскимъ—съ другой. Прежде всего они раздѣлили „церковь самую по поламъ въ длину; часть по правую сторону досталась кн. Масальскому, а по лѣвую двумъ остальнымъ соучастникамъ; такъ же подѣленъ и цвин-

---

[1]) См. реестръ крестьянъ Блудовскаго имѣнія на стр. 277—278 этого тома съ прибавленіемъ: „А што ея ткнеть служобъ, и платовъ и доходовъ, што повинни тые люди, и огородники и корчмиты давати, то широко есть на ономъ реестрѣ ихъ описано“—(стр. 278), т. е. отчуждалось право на опредѣленныя повинности крестьянъ съ ихъ земель. Сл. этого тома стр. 326 и 331.

[2]) См. ibid на стр. 335.

[3]) См. приведенную выше фундушевую запись Алекс. Ходкевича Супрасльскому монастырю 1533 г. „Кгды дасть Богъ дѣтемъ нашимъ именьями се делить, ино дети и потомки наши тымъ монастыремъ и наданемъ нашимъ делитися а ни въ делъ становить и въ то уступоватися на вечные часы не маютъ“. Ак. Вил. Ком. I, № XIII.

таръ (погостъ); при раздѣлѣ зданія церкви досталось на каждую часть образовъ по 14-ти; колоколовъ при церкви было три, а потому Масальскому назначенъ одинъ большой колоколъ, а двумъ другимъ—два меньшихъ, но эти послѣдніе дали придачу 10 копъ гр. Литов., на каковыя деньги должны были купить еще одинъ колоколъ для той же церкви. При церкви находился пляцъ (усадьба), огороды и погнои поповскіе и грунтъ подъ огородникомъ поповскимъ въ 15 моргивъ; эта земля раздѣлена такъ: часть ея съ огородникомъ поповскимъ досталась на часть Лещинскаго и Жославскаго, а Масальскому другая—часть съ домомъ поповскимъ. Кромѣ того были грунты поповскіе тойже церкви подъ мельницами на р. Свислочѣ, гдѣ лежалъ огородъ церковнаго крестьянина, сѣнокосы и лѣсъ поповскій; и это подѣлено между двумя группами владѣльцевъ съ наддачею въ пользу одной лишнихъ 13 морговъ, пот. что земля, доставшаяся этой части была худшаго качества. Затѣмъ церкви принадлежали поля: первое поле поповское, называемое Поповщизна, раздроблено на мелкіе куски для уравненія качества почвы въ каждой части. Подобнымъ же образомъ подѣлены остальныя поповскія поля (поле на Черевковщинѣ, поле на Москалевщинѣ) [1]).—Такимъ образомъ остались нераздѣленными только алтарь со священными сосудами, съ престоломъ и пр.; все остальное—образа, колокола и (повидимому) самое зданіе церкви раздѣлено. Раздѣлъ земель особенно интересенъ при уравненіи за качество количествомъ, что, само собою разумѣется, означаетъ уравненіе доходности. Даже жилище священника пошло въ раздѣлъ.—Однако, что же означаетъ этотъ раздѣлъ? Если на каждую часть досталось по 14 образовъ, то разобрали ли эти иконы владѣльцы себѣ по домамъ? Несомнѣнно, что нѣтъ; образа остались въ той же церкви, ибо на нераздѣльномъ ея престолѣ продолжало совершаться богослуженіе. Это очевидно изъ того, что хотя колокола также подѣлены, но ихъ не только не сняли, а рѣшили докупить къ нимъ еще четвертый. Поповскій домъ пошелъ въ раздѣлъ; однако, если

[1]) Ак. Вил. ком. т. I, № IV.

богослуженіе въ церкви и звонъ продолжается, то надо, чтобы былъ попъ и требуется, чтобы онъ гдѣ нибудь жилъ. На другую часть достался огородникъ поповскій; никакъ не можемъ думать, что съ момента раздѣла этотъ огородникъ выгнанъ изъ своего жилища. Итакъ, раздѣлъ въ этихъ пунктахъ имѣетъ какой то фиктивный характеръ. Полагаемъ, что и остальные его пункты, касающіеся раздѣла полей, имѣютъ такое же значеніе. Если бы предположить, что раздѣлившіеся совладѣльцы обратили церковные участки въ свое исключительное экономическое обладаніе, то имъ пришлось бы подумать вновь объ обезпеченіи церкви и священника, разъ церковь продолжаетъ существовать, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія.

Во всякомъ случаѣ, однако, смыслъ этого дѣлежа не ясенъ. Такой (впрочемъ единственный) актъ раздѣла относится къ XVII в.; въ XVI в. и ранѣе подобныхъ фактовъ не встрѣчаемъ.

Напротивъ въ XVI в. не одинъ разъ встрѣчаются фундуши, прямо (какъ сказано) воспрещающіе раздѣлъ церкви, или предупреждающіе его, въ родѣ слѣдующаго: въ 1592 г. при раздѣлѣ имѣнія въ с. Токаряхъ (въ Берест. повѣтѣ), всѣ владѣльцы этого села, какъ сородичи, такъ и пріобрѣтшія участки стороннія лица, выдѣлили изъ всѣхъ своихъ частей 1 волоку и 5 морговъ на Токаревскую церковь; при этомъ прибавили: „этого церковнаго грунта, хотябы попъ изъ Токарей ушелъ, или умеръ, владѣльцы Токаревскіе не имѣютъ права отбирать себѣ и дѣлить между собою; онъ долженъ вѣчно оставаться въ пользованіи попа“ [1]).

О чемъ свидѣтельствуютъ приведенные факты? Что значитъ *церковь „власная“*? Что означаетъ *пожалованіе и продажа съ землями церковными?* Доказываютъ ли эти факты, что владѣлецъ имѣнія обладаетъ правомъ, какъ собственникъ, распорядиться по произволу церковными имуществами, напр. отнять ихъ у церкви и присоединить къ дворовымъ (экономическимъ), или передать ихъ во владѣніе своему слугѣ, или, наконецъ, продать ихъ (отдѣльно отъ имѣнія и церкви)?

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. II, № 9.

Мы должны предварить отвѣтъ слѣд. общимъ замѣчаніемъ: въ имѣніяхъ всякаго пана могли быть и были различныя владѣнія съ разными б. или м. условными правами; это было своего рода маленькое государство; здѣсь были владѣнія на служебномъ правѣ и боярскія имѣнія; владѣльцы ихъ (иногда носившіе шляхетское званіе) обязаны были въ пользу пана разными повинностями (военной, административной, экономической службы); были участки чиншевыхъ владѣльцевъ, обязанныхъ денежною данью[1]); были земли тяглыхъ людей, обязанныя личною работою, заранѣе обусловленною. Непосредственное право пана простиралось только на земли, составляющія его личную собственность, т. н. дворныя, или фольварочныя; онѣ никому, кромѣ пана, не принадлежали и обрабатывались рабскимъ трудомъ; „паробки и женки невольныя", хотя и сидѣли на землѣ, но на землѣ чужой—панской. Всѣ прочіе классы жили на своей землѣ. Надъ всѣми ими простирается власть пана; но для изчисленныхъ свободныхъ классовъ это не была власть собственника ни надъ личностію, ни надъ имуществомъ населенія. Въ числѣ прочихъ владѣльцевъ въ имѣніи пана была и церковь со своими землями. Можно съ увѣренностію сказать, что среди прочихъ зависимыхъ владѣльцевъ церковь была наименѣе зависимою, ибо надъ ней не тяготѣло никакихъ спеціальныхъ условій, или повинностей, неисполненіе которыхъ могло повлечь если не отнятіе земли у владѣльца, то разныя невыгодныя для него послѣдствія, при чемъ онъ самъ могъ бросить землю и искать выхода (крестьянинъ „похожій"). Надъ церковію и ея имуществами власть пана была такъ сказать государственною: панъ есть судья, рѣшающій тяжбы по имѣнію между церковію и другими владѣльцами имѣнія; панъ „подаетъ" (рекомендуетъ) настоятеля; панъ есть необходимый представитель интересовъ церкви въ государственныхъ судахъ. Дворищами, приписанными церкви, владѣетъ и пользуется „попъ"; никакими экономическими выгодами

[1]) Всѣмъ этимъ формамъ владѣнія мы надѣемся посвятить особые этюды въ дальнѣйшей исторіи землевладѣнія западной Россіи.

отъ этихъ участковъ (дворищъ) панъ не пользуется. Эти имущества неотъемлемы, не отдѣлимы отъ церкви; монастырскія имѣнія (б. ч. крупныя и цѣнныя) приносили экономическія выгоды патрону; церковные—мелкіе участки, равные крестьянскимъ, не приносили пану ничего. Возмемъ примѣръ изъ вышеприведеннаго факта, когда одинъ совладѣлецъ имѣнія (Жасковскій) жалуется на другаго, что по раздѣлу между ними ему досталась церковь, а между тѣмъ, послѣ раздѣла, другой совладѣлецъ (кн. Збаражскій) захватилъ безправно поля и сѣнокосы, издавна приписанные той церкви. Очевидно, что первый видитъ явное доказательство своей правоты въ томъ, что отъ церкви, оставшейся въ его участкѣ, не могли быть отдѣлены ея имущества, „издавна ей приписанныя“; онъ защищаетъ не свои интересы, а интересы церкви. Какъ рѣшилъ судъ, мы не знаемъ, но не сомнѣваемся, что имущества должны были возвратиться церкви. Жалобщикъ дѣйствуетъ, какъ патронъ церкви, а не какъ собственникъ.

Возмемъ другой изъ приведенныхъ выше фактовъ: двое князей спорятъ о церкви въ Чеконѣ: одинъ (кн. Пронскій) называетъ ее самостоятельнымъ монастыремъ, который владѣетъ селомъ Чекономъ; Пронскому интересно было заполучить въ свое владѣніе этотъ мнимый монастырь съ большимъ владѣніемъ; ибо (какъ сказано) патроны монастырей пользовались экономическими выгодами отъ имѣній монастырей. Другой (кн. Крокотка) доказываетъ, что это не монастырь—владѣлецъ села, а напротивъ церковь, принадлежащая къ селу; селомъ владѣлъ панъ (кн. Крокотка), а церковь м. б. владѣла въ томъ же селѣ какимъ-нибудь однимъ или двумя дворищами. Понятенъ экономическій интересъ тяжбы безъ предположенія о какихъ-либо непосредственныхъ правахъ владѣльца на имущества церкви.

Что же означаютъ приведенныя свидѣтельства актовъ о правахъ отчужденія принадлежащихъ владѣльцу имѣнія на церковь? Они означаютъ отчужденіе тѣхъ правъ, которыя дѣйствительно принадлежали владѣльцу, т. е. правъ патронатства. Въ составѣ имѣнія могли быть отчуждены и бояр-

скіе, и чиншевые, и крестьянскіе участки (такъ же, какъ и церковные), но это не значитъ, что чиншевикъ лишился своихъ правъ на землю, бояринъ потерялъ свои владѣнія, церковь свои имущества; при переходѣ къ новому пану всѣ эти владѣльцы остаются при своихъ правахъ, гарантированныхъ грамотами пановъ, фундушами и инвентарями.

Конечно возможно отчужденіе церкви и ея имуществъ такимъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ они не могутъ сохранить своего прежняго значенія, именно нехристіанамъ. Въ 1485 г. священникъ Берестейской церкви мучен. Сергія и Вакха—Нафанаилъ Фалелеевичъ пишетъ въ завѣщаніи своемъ между прочимъ слѣдующее: „сынове мои повинни будуть доходити церкви св. муч. Сергія и Вакха, которую былъ змуровалъ п. Иванъ Иваницкій, а мене, слугу Божого, до ней затягъ, а теперь не ведле закону нашого греческого и правилъ св. отецъ, мене отгналъ отъ ней, а противникомъ креста святого *запродалъ*“ (вѣроятно евреямъ).—Завѣщатель возлагаетъ обязанность уничтожить такую запродажу и на еп. Влад. Феодосія, а если и онъ того не сдѣлаетъ, то зоветъ пастырей своихъ на судъ Божій и проситъ жену и дѣтей вложить вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ написанный имъ вызовъ къ такому суду [1]). Здѣсь несовсѣмъ ясно, что означаетъ „запродажа“ церкви и кто разумѣется подъ противниками креста. Если здѣсь дѣйствительно разумѣется отчужденіе патрономъ церкви и ея имуществъ евреямъ, то едва ли такая сдѣлка могла быть признана законною, даже съ точки зрѣнія тогдашняго свѣтскаго права. Поэтому завѣщатель имѣлъ полное основаніе возложить на своихъ дѣтей обязанность оспорить ее предъ судомъ. Но если бы гражданскіе суды отказали бы въ искѣ, то завѣщатель вполнѣ увѣренъ, что духовныя власти могутъ достигнуть уничтоженія столь беззаконнаго акта, если только пожелаютъ взяться за дѣло. Только въ виду возможности уклоненія духовной (епархіальной) власти, завѣщатель присоединяетъ угрозу вызова на страшный судъ Божій.

---

[1]) Акты Вил. ком. т. III, № 3.

Кажущаяся безусловною, власть владѣльца надъ церковію въ его имѣніяхъ, встрѣчаетъ ограниченія съ двухъ сторонъ: во первыхъ со стороны приходской общины, вовторыхъ со стороны духовной власти. Изъ нашего разсмотрѣнія мы исключаемъ домашнія и такъ называемыя зa̍мковыя панскія церкви. Церкви же, основанныя, для народа, т. е. приходскія, могутъ обслуживать не только крестьянъ и вообще жителей одного имѣнія; къ ихъ приходу могли принадлежать жители и другихъ званій и имѣній. А потому ни церковь, ни ея имущества не могутъ находиться въ безусловномъ распоряженіи одного владѣльца. Для уясненія дѣла приведемъ слѣдующій примѣръ: въ 1511 г. король рѣшалъ споръ между п. Щасною Крупскою и бояриномъ Александра Ходкевича—Степаномъ Чаплею о томъ, на чьей землѣ должна быть церковь, стоявшая въ имѣніи Крупской—Пилиповщинѣ. Степанъ Чапля, наѣхавши гвалтомъ (насильственно) снесъ съ ея земли церковь русскую, извѣка стоявшую на этой землѣ и перенесъ на „свою" (sic) землю; а когда Крупская опять на томъ же мѣстѣ выстроила церковь, то онъ разметалъ ее. Отвѣтчикъ защищался тѣмъ, что онъ совершилъ переносъ церкви съ дозволенія вел. кн. Александра, котораго онъ самъ *съ мужами вел. князя Волковыянами* просили, чтобы эта церковь стояла на землѣ „нашой" (великаго князя), а не на землѣ Чапли, который, вѣроятно, занималъ коронный участокъ; вел. князь, удовлетворяя этому желанію, выдалъ свою грамоту („листъ") въ этомъ смыслѣ.—Но при вторичномъ разсмотрѣніи того же дѣла кор. Сигизмундомъ въ 1511 г., когда Крупская доказала, что „та земля, на которой стояла церковь, именно Пилиповщина, есть извѣчная ея собственность, а также и *церковь ея же*", то этотъ вел. князь посмотрѣлъ на дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ его предшественникъ и далъ такое рѣшеніе: „Ино намъ видѣлося и паномъ радамъ нашимъ: коли онъ (Ст. Чапля) брату нашому украсилъ (sic) заочно, а того не поведалъ, ижъ бы то *церковь и земля ее*, а его милость ему дозволилъ, на его поведанье, тую церковь перенести, и онъ... два кгвалты вчи-

нилъ", за что назначается уголовный штрафъ. „А церъковь пани Крупская зася на той своей земли маеть мети по давному, бо то *земля и церъковь ее звѣчная*" [1]).—Съ точки зрѣнія кор. Сигизмунда дѣло стоитъ очень просто: рѣшеніемъ его ясно и твердо обозначается принципъ принадлежности церкви владѣльцу по землѣ, на которой она стоитъ. Къ церквамъ въ частныхъ имѣніяхъ, очевидно, примѣнены тѣ правила, которыя и нынѣ примѣняются къ домовымъ церквамъ и правамъ на нихъ домовладѣльцевъ. Но съ точки зрѣнія кор. Александра дѣло имѣетъ совершенно иной характеръ. Къ нему обращаются за позволеніемъ снять церковь съ одного мѣста и перенести на другое; онъ даетъ это разрѣшеніе. Ст. Чапля, дѣйствовавшій согласно разрѣшенію короля, не совершалъ никакого самоуправства и насилія и не могъ подлежать никакому наказанію, какъ дѣйствовавшій по уполномочію высшей государственной власти. Какимъ же образомъ два короля, на небольшомъ разстояніи времени, могли такъ рѣзко разойтись въ своихъ рѣшеніяхъ? Конечно ими руководилъ не какой-либо личный капризъ и кор. Александръ имѣлъ также основанія для своего рѣшенія. Любопытно уяснить, что служило мотивомъ для дѣйствій Ст. Чапли, за которыя онъ понесъ наказаніе: въ первый разъ онъ *перевезъ* церковь; можно подумать, что имъ руководилъ корыстный мотивъ воспользоваться чужимъ матеріаломъ для зданія; но онъ перевезъ и поставилъ ее не на свою землю, а на великокняжескую (государственную); во второй же разъ онъ *разметалъ* чужую церковь. Зачѣмъ это ему понадобилось? Вѣдь у него уже была своя церковь (хотя и построенная изъ чужого матеріала); сосѣдка выстроила себѣ опять другую церковь,—чѣмъ она ему мѣшала? Развѣ не могутъ стоять двѣ церкви въ разныхъ мѣстахъ? Для рѣшенія загадки служитъ то обстоятельство, что о перенесеніи церкви просилъ кор. Александра не одинъ Ст. Чапля, а еще „мужи Волковыяне" и церковь поставили на государственной землѣ. Очевидно, церковь была *приходскою* для окрестныхъ жителей разнаго

[1]) Литов. Метрика, изд. 1903 г., стр. 755—757.

званія (великокняжескихъ и панскихъ). „Мужи Волковыяне“, самъ Чапля, а равно земянка Щасная Крупская и ея крестьяне составляли *приходъ* этой церкви. Церковь могла стоять на какой угодно землѣ, входящей въ составъ прихода. Нѣтъ сомнѣнія, что та часть прихода, гдѣ стоитъ церковь, пользуется большими удобствами (близость посѣщенія богослуженія, близость священника для исполненія экстренныхъ требъ), а можетъ быть и выгодами отъ собраній народа изъ окрестныхъ мѣстъ во дни большихъ праздниковъ (изъ сборищъ на храмовые праздники образовались торги и ярмарки). Слѣдуетъ полагать, что въ данномъ случаѣ именно указанныя удобства и выгоды и были причиною возникшаго спора двухъ частей прихода о мѣстѣ нахожденія церкви. Кор. Александръ склонился (по неизвѣстнымъ для насъ обстоятельствамъ) на сторону одной изъ нихъ и позволилъ перенести церковь, очевидно не признавая ее частною собственностію владѣлицы земли—Крупской. Кор. Сигизмундъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны, не принявъ (ошибочно) соображеній брата своего.—Итакъ, по взгляду болѣе древнему, приходская церковь, какъ учрежденіе общественное, не есть чья-либо частная собственность; она сама можетъ быть субъектомъ правъ имущественныхъ, представителемъ которыхъ является *церковная община—приходъ*; о духовенствѣ въ дѣлѣ совершенно не упоминается; но мы увидимъ сейчасъ, что въ другихъ случаяхъ оно выступаетъ на первый планъ.

Наданье совершается нерѣдко не по личной только инціативѣ владѣльца, но по просьбѣ и желанію прихожанъ; такъ въ 1431 г. фундушъ на Семятичскую церковь св. Троицы (въ Берестейскомъ повѣтѣ) данъ владѣльцемъ Алексѣемъ Кмитою Судимонтовичемъ, „по челобитью, земянъ и подданныхъ его (крестьянъ) въ с. Семятичахъ въ пов. Дорогицкомъ“. При этомъ какъ земяне, такъ и крестьяне участвуютъ въ содержаніи церкви[1]. Очевидно, въ такомъ слу-

[1]) Акты Вил. ком. т II, № 1.

чаѣ патрональныя права владѣльца не могутъ быть правами собственности.

Власть землевладѣльца на церковь въ его имѣніи не можетъ быть признана безусловною не только въ томъ случаѣ, когда приходъ обнимаетъ жителей нѣсколькихъ имѣній, но и тогда, когда весь приходъ лежитъ въ границахъ одного имѣнія. Фундуши, укрѣпленные за церковію, укрѣпляются на вѣчность, все равно—получено-ли имѣніе по пожалованію вел. князя, унаслѣдовано ли оно отъ предковъ-фундаторовъ церкви, или самъ владѣлецъ основалъ церковь. Въ послѣднихъ случаяхъ, конечно, дѣйствовали правила древняго византійскаго права ктиторства; духовная власть несомнѣнно имѣла право защиты церковныхъ интересовъ; ниже приведемъ факты, относящіеся къ сѣверо-западной Россіи, которые, по существу дѣла, не могутъ считаться какою либо особенностію этого края. Сверхъ того надо отмѣтить, что (какъ мы уже говорили) нѣтъ ни одного указанія на то, что владѣльцы имѣли право отчуждать имѣнія, записанныя церкви, или уничтожать самыя приходскія церкви, а имущества ихъ эксплоатировать въ свою пользу; но за то есть факты, указывающіе, съ какимъ уваженіемъ относились патроны владѣльцы къ правамъ церкви, даже въ томъ случаѣ, когда приходъ нарушаетъ эти права.

Если между приходомъ, который въ тоже время есть и сельская община (крестьянская), возникаютъ споры о томъ, кому принадлежитъ земля—церкви, или крестьянской общинѣ, то представителемъ церковныхъ интересовъ является уже *духовенство*, въ частности *настоятель церкви* и его права на потомственное владѣніе церковными имуществами берутъ перевѣсъ. Сложныя права владѣльца, прихожанъ и духовенства на практикѣ приводились къ удовлетворительному соглашенію. Нѣкоторые изъ издаваемыхъ нами актовъ даютъ возможность достигнуть правильнаго представленія о правахъ церкви, какъ учрежденія, и настоятеля ея въ отношеніи къ землевладѣнію въ частныхъ имѣніяхъ: въ 1548 году владѣлецъ—кн. В. М. Сангушко-Ковельскій рѣшалъ судеб-

нымъ порядкомъ споръ о землѣ между церковью и крестьянами въ одномъ и томъ же своемъ имѣніи. Священникъ Хотышевской церкви велъ тяжбу съ крестьянами о „соснахъ“ (бортяхъ)—предъ владѣльцемъ-княземъ, который разобравъ дѣло, рѣшилъ его въ пользу церкви и далъ письменный приговоръ въ такихъ выраженіяхъ [1]): „я, выслушавши священника и крестьянъ, видя невиновность священника, оставилъ его при той „соснѣ“ и не только его самого, *но и дѣтей его и потомковъ его*, которые будутъ служить у того престола—у св. Архангела Михаила; долженъ онъ совершать поминовеніе по нашимъ предкамъ, а за меня Господа Бога просить, а также совершать поминовеніе своихъ дѣтей духовныхъ, а за живыхъ Бога просить... А кто бы вздумалъ это нарушить, *жена моя, дѣти, или потомки мои*, тотъ дастъ отвѣтъ за это предъ страшнымъ судьею“. Такъ гарантируются права церкви, какъ со стороны владѣльцевъ, такъ и со стороны прихожанъ.

Изъ приведенныхъ актовъ убѣждаемся, что сельская церковь въ частномъ имѣніи есть собственникъ участка земли, приписанной ей, что потомственнымъ (бенефиціальнымъ) владѣльцемъ этой земли былъ священникъ—настоятель церкви, что, наконецъ, панъ есть патронъ церкви. Бенефиціальное право настоятеля, конечно, подлежало тѣмъ же ограничительнымъ условіямъ, какъ и въ городскихъ церквахъ. Настоятелю, несомнѣнно, принадлежали такія же права на совершеніе сдѣлокъ, какъ и въ церквахъ на земляхъ коронныхъ. Патронъ гарантируетъ права церкви и настоятеля своими грамотами („листами“), которыя, если и не явлены и не укрѣплены въ государственныхъ судахъ, то во всякомъ случаѣ сохраняютъ силу и въ отношеніи къ самому патрону и въ отношеніи къ его потомкамъ; въ случаѣ нарушенія правъ церкви, они всегда могли быть предъявлены въ судѣ. Поэтому угроза отвѣтственности на страшномъ судѣ Христовомъ, отнюдь не есть только моральная, лишенная юридической силы (впрочемъ для людей XVI в. моральная ос-

---

[1]) См. № LXIX, этого тома.

нова обязательства, конечно, имѣла гораздо большее значенiе, чѣмъ для людей вѣка XX-го); въ силу грамоты можно было отвѣтить не только на страшномъ, но и на простомъ земскомъ судѣ. Если слуги пана предъявляли иски (и получали удовлетворенiе) на основанiи панскихъ грамотъ (на что у насъ есть факты), то разумѣется того же права не лишена и церковь и духовенство. Повторяемъ, что неотчуждаемость и неотъемлемость церковныхъ имуществъ была въ Литовско-русскомъ государствѣ принципомъ, который никогда не подвергался колебанiямъ.

Владѣльцы имѣнiй не нарушали фундушей православныхъ церквей даже тогда, когда сами они уже перешли въ другое вѣроисповѣданiе; въ 1612 г. знаменитый наѣздникъ, прославившiйся въ смутную эпоху Московскаго государства, Янъ Сапѣга, католикъ по вѣроисповѣданiю, составилъ духовное завѣщанiе въ предѣлахъ Московскаго государства; въ немъ, между прочимъ завѣщатель распоряжается похоронить себя около православной церкви въ его имѣнiи Лейпунахъ, гдѣ находился тогда и костелъ католическiй; Сапѣга увеличиваетъ прежнiй фундушъ православной церкви, гдѣ погребены его предки, назначивъ для нея еще 10 осѣдлыхъ волокъ (а на костелъ 20)[1]).

Для иллюстрацiи нашихъ выводовъ о правахъ частновладѣльческихъ церквей приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ, хотя не прямо относящихся къ юго-западной Россiи, но взятыхъ изъ исторiи церковныхъ учрежденiй епархiи Владимiрской и Берестейской; въ 1502 г. (янв. 15) Иванъ Гуринъ Здитовецкiй далъ фундушевую запись основанной имъ въ своемъ имѣнiи церкви св. великом. Никиты, надъ р. Мухавцемъ. Для содержанiя священника и церкви ктиторъ назначаетъ двѣ волоки земли; избранный имъ попъ Савва и послѣ него будущiе попы будутъ пользоваться ими; и затѣмъ (говоритъ фундаторъ) „*никто изъ наслѣдниковъ моихъ, т. е. дѣтей, внуковъ и другихъ потомковъ*, кто будетъ владѣть имѣнiемъ Здитовецкимъ, этихъ двухъ церковныхъ волокъ *во*

---

[1]) Ак. Вил. Ком. I, № VI.

вѣкъ вѣки никогда и никакимъ способомъ да не дерзнетъ отбирать, замѣнять, или заявлять права на нихъ („удиратися до нихъ"); для чего я, Иванъ Гуринъ Здитовецкій.., велѣлъ сдѣлать межи, и никто не имѣетъ право нарушать этихъ межъ и предѣловъ. Выборъ и содержаніе просвирницъ, звонарей и дьяковъ предоставляется усмотрѣнію настоятеля. Попу дается право рубить въ лѣсахъ владѣльца деревья на дрова и огорожу, безплатно молоть хлѣбъ на мельницахъ имѣнія и ловить рыбу въ рѣкахъ. Выборъ новаго священника и презентація его епископу Владимірскому и Берестейскому предоставляется владѣльцамъ имѣнія. Охранять дарованное церкви имущество ктиторъ приказываетъ съ заклятіемъ сыновьямъ, внукамъ и наслѣдникамъ своимъ, подъ угрозою суда Божьяго и утраты спасенія вѣчнаго, въ чемъ во всемъ *епископъ Берестейскій долженъ имѣть опеку, стараніе и досмотръ*. „А кто бы сему листови фундушови моему въ чемъ крывду чинилъ, оного ломалъ, грунты отбиралъ, и что въ немъ описаное не зважалъ, поповъ Здитовецкихъ вредилъ, таковыхъ и такового на страшный судъ Божій и второе пришествіе позываю, на семъ свѣтѣ будетъ проклятъ великою клятвою св. отцовъ триста осмнадесятъ, иже въ Никеи собраныхъ. И къ тому, кто бы дерзнулъ противно сего фундата моего поступовать, тую церковь подвижать и поповъ вредить,—епископъ Берестейскій того маеть постерегать, *до суду позывать* и всего хоронить. А се я, Иванъ Гурынъ Здитовецкій всякого суду смиренно молю, абы ни въ чемъ сесь мой листъ повреденія не моглъ мѣти". Каждый будущій владѣлецъ, который рѣшился бы нарушить права той церкви и поповъ, долженъ напередъ заплатить заруки 4 тыс. копъ лит., половину на замонъ Берестейскій, а половину—на владыку и попа, а затѣмъ фундатъ остается тѣмъ не менѣе въ своей силѣ.—Эта запись дана и написана при владыкѣ Берестейскомъ, явлена суду земскому Берестейскому; на ней фундаторъ *присягалъ въ замкѣ Берестейскомъ* передъ судьями. Судъ приложилъ къ ней свою печать судовную [1]).

[1]) Арх. Сборн. VI, № 128.

Въ 1585 г. Ив. Ив. Хребтовичъ заявилъ въ Гродненскомъ земскомъ судѣ для записи въ актовыя книги свою фундушевую запись въ пользу Липской церкви, въ дополненіе къ фундушу своей бабки, жены Юрія Хребтовича, ур. княжны Толочинской, которая назначила для той церкви двѣ волоки земли. Ив. Хребтовичъ, находя, что этого недостаточно для содержанія священника, присоединяетъ еще дворецъ свой Липскій, по имени Тимошковскій, въ которомъ три волоки земли, съ постройками и со всѣми другими угодьями. Но такъ какъ прежнія двѣ волоки, данныя бабкою его, лежатъ вдали отъ названнаго дворца, то владѣлецъ присоединяетъ ихъ къ своимъ дворовымъ имуществамъ, а взамѣнъ выдѣляетъ другія двѣ волоки, населенныя крестьянами со всѣми старовѣчными повинностями и службами этихъ крестьянъ, которыя они обязаны были исполнять при предкахъ его и исполняютъ при немъ. Весь, взятый вмѣстѣ, этотъ фундушъ, состоящій изъ 5 волокъ, владѣлецъ отмежевалъ, „отъ имѣнія своего Липскаго, отъ своей родовой собственности отдѣлилъ, *отсудилъ отъ себя самого, отъ жены и потомства своего*, отъ всѣхъ братьевъ, сестеръ, родныхъ отдѣлилъ и отписалъ". Избравъ священникомъ о. Василія Мартиновича, фундаторъ вручилъ ему Липскую церковь со всѣмъ наданьемъ на пожизненномъ правѣ, а по его смерти церковь и пользованіе имуществами церкви предоставилъ женѣ его также пожизненно, при чемъ она обязана на свой счетъ содержать годнаго священника. По смерти обоихъ супруговъ, владѣлецъ имѣнія (ктиторъ) и его наслѣдники могутъ назначить другого священника, по собственному выбору. Священники не имѣютъ права отчуждать церковной земли и сами лично не могутъ выступать изъ власти и присуда самого владѣльца и его потомковъ, „такъ какъ эта Липская церковь и поповское послушаніе должно вѣчно принадлежать власти, подаванью и присуду его и его преемниковъ". Въ случаѣ нарушенія этой записи владѣльцемъ, его наслѣдниками или сторонними лицами, нарушитель, *будучи позванъ въ судъ, прежде всего обязанъ будетъ уплатить заруки королю 200 копъ*

грошей, а священнику 50. А затѣмъ настоящій фундушъ и по минованіи доживотья упомянутаго священника и его жены, сохраняетъ свою полную силу *во всякомъ судѣ на вѣчное время* [1]).

Среди Гродненскихъ актовъ находимъ одинъ, въ которомъ описывается случай закрытія церкви владѣльцемъ и отобранія ея имущества; актъ этотъ есть судебный протоколъ тяжбы 1677 г. между уніатскимъ митрополитомъ Кипріаномъ Жоховскимъ и Воловичами, мать которыхъ, „не памятуя о фундушѣ и завѣщаніяхъ предковъ ея мужа“, закрыла церковь въ своемъ имѣніи Балѣ, забрала документы (о фундушѣ), образъ Пречистой Богородицы и много другихъ образовъ, аппараты и сосуды церковные, плебанію (усадьбу церковную) съ постройками и шпиталь, такъ что немалое время прошло, что служба въ церкви не совершается и нѣтъ поминовенія о душахъ предковъ Воловичей; доходы же и десятину Воловичи обратили въ свою пользу. Не смотря на обычныя хитрости адвокатовъ, судъ (земскій) рѣшилъ, что Воловичи обязаны возстановить церковь со всѣми ея имуществами [2]). Дѣло, повидимому, возникло на почвѣ тогдашней борьбы православія съ уніатствомъ; во всякомъ случаѣ судъ призналъ подобный поступокъ владѣльца правонарушеніемъ.

Хотя въ нѣкоторыхъ фундушевыхъ записяхъ прямо отрицается право патрона на замѣну имущества церкви, но въ одномъ изъ приведенныхъ сейчасъ актовъ мы видѣли, что владѣлецъ—патронъ или фундаторъ считалъ себя въ правѣ замѣнить части церковныхъ имуществъ другими въ томъ же или большемъ объемѣ, въ случаѣ явныхъ неудобствъ владѣнія для самой церкви. Вотъ другой фактъ такого же рода: въ 1609 г. Агафія Богдановна Пацъ, ур. Сапѣжанка, утверждая древній фундушъ на Збирожскую церковь св. Параскевы (въ Берестейскомъ повѣтѣ), говоритъ, что церковь должна оставаться вѣчно и нерушимо при тѣхъ имуществахъ, кото-

---

[1]) Ак. Вилен. ком. т. I, № 1.

[2]) Ак. Вил. ком. I. Отд. I, № XXXVI.

рыми владѣли прежніе попы; но видя, что домъ священника стоитъ подъ самымъ дворомъ сына ея—Гайка, что угрожаетъ опасностію отъ огня, она—патронесса переселила попа съ этого церковнаго грунту, причемъ и садъ былъ вырубленъ; въ вознагражденіе за это вмѣсто прежнихъ 4 морговъ и 15 прутовъ, попъ получилъ на новомъ мѣстѣ 10 морговъ и 10 прутовъ. Сверхъ того она же даетъ вновь на діакона цѣлую волоку и на усадьбу два морга и на пономаря волоку [1]). Владыкѣ Владимірскому и Берестейскому дается право защиты данныхъ церковныхъ имуществъ противъ всѣхъ потомковъ фундаторши, если они захотѣли бы нарушить наданье; но подавцею церкви и ея имуществъ долженъ быть не владыка, а сынъ патронессы Янъ Гайко, его жена, дѣти, потомки и преемники [2]).

Приведенными фактами вполнѣ ясно разрѣшаются вопросы, поставленные нами выше, а именно: 1, патронъ и его наслѣдники не имѣютъ права отбирать назадъ имущество у церкви; 2, право на это имущество состоитъ подъ охраною государственныхъ судовъ; 3, защита этого права принадлежитъ епархіальной власти; 4, замѣна имущества другимъ, по указанію необходимости, въ томъ же или большемъ количествѣ (но не меньшемъ), допускается по волѣ патрона; 5, въ случаѣ закрытія церкви патрономъ и присвоеніи имъ имущества, свѣтскіе суды признаютъ такое дѣйствіе противозаконнымъ.

Въ заключеніе, для окончательнаго утвержденія мысли о незыблемости правъ церкви на имущества, приведемъ нѣсколько формулъ частныхъ наданій церквамъ, монастырямъ и епископіямъ: въ 1515 г. Пинскій князь Федоръ Ярославичъ, утверждая фундушъ церкви св. Феодора, говоритъ: „надали есмо тыи дворыща верхуписаныи на тотъ храмъ вечно и непорушно на веки вечныи. А если бы хто мелъ нашо надане отъ того храму порушыти, тотъ розсудится з

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. II, № 12.

[2]) Ibid. № 13.

нашыми душами предъ мердымъ Богомъ на страшномъ суде" [1]). Подтверждая имущества, дарованныя Пинской епископіи в. кн. Витовтомъ и Казимиромъ, въ 1518 г., тотъ же князь выражается: „прырекаемъ сами за себе, за всихъ потомковъ щадковъ нашихъ, же въ тые надане ни во што не маем увступоватисе, и то Господу Богу, во Тройцы Одыному, шлубуемъ и хто бы то з насъ, або по насъ будучый дерзнули на церковъ Божую и столецъ тои светый епископии крывдыти, нехай будетъ клятый и проклятый отъ св. Апостолъ Петра и Павъла и отъ св. богоносныхъ отецъ седми вселенъскыхъ соборовъ, и Боже его забий на душе и на теле, и да мучытсе душа его во аде со демоны на веки вечные" [2]).

Кн. Андрей Семен. Соколинскій, вопреки волѣ (записи) своего умершаго брата, началъ отнимать отъ Кіев. Печерскаго монастыря людей, записанныхъ этому послѣднему покойнымъ Соколинскимъ. По жалобѣ архим. Вассіана, кор. Сигизмундъ—Августъ въ 1544 г. предписалъ Андрею Соколинскому возвратить монастырю отнятое, съ прибавленіемъ: „если же ты, не обращая вниманія на наше приказаніе, и впредь будешь отнимать отъ церкви Божіей тѣхъ людей, то будь увѣренъ, что пошлемъ нашего дворянина, прикажемъ возвратить ихъ церкви, а съ тебя взыщемъ нашу заруку" [3]).

Въ концѣ XV з. [4]) жена князя Ивана Семеновича Кобринскаго—Феодора, согласно съ завѣщаніемъ мужа, даетъ фундушъ монастырю св. Спаса въ Кобринѣ, именно даетъ ему с. Корчичи и прибавляетъ: „А не вступатисе въ тые

---

[1]) Описаніе рукоп. отдѣленія Виленской публичной библіотеки. Вып. IV, 1903 г. Прилож. № 62.

[2]) Ibid. № 24.

[3]) Ак. зап. Рос. III. № 1.

[4]) Вил. Ком. (Акты т. III, № 1) отнесла ошибочно этотъ актъ къ 1401 году, потому что въ немъ стоитъ 6909 годъ; но затѣмъ подъ № 2 тутъ же напечатанъ болѣе ранній фундушъ княгини Ульяны Кобринской—матери князя Ивана Семеновича, датированный не цифрою, а словами: „лето шесть тысячъ и девятьсотъ семдесятъ третего" (1465). Сверхъ того подъ фундушемъ кн. Федоры Кобринской въ числѣ свидѣтелей подписался Левъ Боговитиновичъ, жившій въ концѣ XV в.

дѣла иншому никому, штожъ есмо записали по души князя небощика мужа своего, къ монастыру св. Спасу у Кобрини; а хотя бы есть (sic) мелъ иншій вступати въ тые дѣла и той рушити нашъ записъ, тотъ ся розсудить на ономъ страшномъ судѣ предъ милостивымъ Богомъ. Богу нашому слава во вѣки вѣковъ. Аминь".

Послѣднее замѣчаніе о непреложности правъ церкви на имущества (въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ) мы можемъ выставить, какъ заключительное для всего нашего этюда о церковныхъ имуществахъ въ юго-западной Россіи XVI в. Сила правъ гражданскихъ для всѣхъ (свободныхъ) лицъ столь крѣпкая въ Литовскомъ государствѣ и дѣлающая ему великую честь, въ особенности ясна въ примѣненіи къ церковнымъ имуществамъ. Въ благовѣрной Москвѣ великіе князья и цари мало стѣснялись древнимъ началомъ неотчуждаемости имуществъ церкви; но ни великіе князья Литовскіе—католики, которыхъ такъ часто выставляютъ гонителями православія, ни шляхетскій польскій сеймъ, ни могущественное католическое духовенство никогда не слѣдовали Московскому примѣру, конечно, не по уваженію чуждыхъ для нихъ византійскихъ традицій, а по уваженію къ незыблемости гражданскихъ правъ вообще.

Кромѣ этого общаго вывода мы получаемъ слѣдующіе частные:

1, Большое количество церковныхъ имѣній юго-западной Россіи (игравшее такую видную роль въ исторіи защиты русской національности церковію), обязано своимъ происхожденіемъ щедрости какъ древнихъ русскихъ князей съ первыхъ временъ христіанства въ Кіевѣ и вел. князей Литовскихъ, такъ и частныхъ жертвователей, увѣренныхъ, что ихъ даръ сохранится за церковію на вѣчность; а потому государство и не могло имѣть притязаній на распоряженіе ими по своему усмотрѣнію.

2, Принципъ неотчуждаемости проводился во всѣхъ его послѣдствіяхъ и соблюдался въ XVI в. довольно строго какъ въ вопросѣ о наслѣдованіи государствомъ вымороч-ныхъ, т. е. оставшихся по закрытіи церковнаго учрежденія, его имуществъ, такъ и въ вопросѣ о manus mortua и секуляризаціи.

3, Право поданья, совершенно отличающееся отъ ктиторства, не противорѣчитъ выраженному сейчасъ принципу: какъ государство (главный патронъ и первоисточникъ права поданья), такъ и общественные союзы и частные владѣльцы не признавали за собою правъ собственности на церковныя имущества, хотя право поданья давало широкія полномочія патронамъ и возбуждало возможность злоупотребленій имъ. Это право постоянно держало въ тѣсной связи церковь съ государствомъ и обществомъ.

4, Дѣйствительными собственниками церковныхъ имуществъ были не патроны, а церковныя учрежденія, именно епископіи, монастыри и церкви. Патроны—только опекуны церковныхъ учрежденій и имуществъ.

М. Владимірскій-Будановъ.

1907 г. Февр. 1.

I.

1407 г., мая 20. Жалованная грамота в. кн. Витовта п. Ильѣ Вячковичу на Порѣцкъ, предъявленная въ 1547 г.

Княз Александро Порецкий [1]) покладалъ и оказывалъ привилей, который нижей написанъ.

Привилей пану Ильи Вячьковичу на село Порицко, другое Порицко, Гриковичи, Трубки, въ Володимерскомъ повете; на Ворочичин, Трыстен, Стыден, в Луцкомъ повете, вечнымъ правомъ.

Милостью Божю, мы, княз великий Витовт.

Чинимъ знаменито и даемъ ведати симъ нашимъ листомъ кожъдому доброму, нинешнимъ и потомъ будучимъ, хто на н(ь) узрыть или чтучи въслыщить, кому его будеть потребъно. Видевъ есмо знаменитую служъбу намъ верънуую, николи неомешканую, нашого верного пана Ильи Вячъковича, и мы порадили з нашою верною радою, со князми и паны, даемъ и дали есмо предречоному пану Ильи Вячъкевичу за его верную служъбу село (в) Влoдимерскомъ повете—Порицъко, и другое Порицъко, Гриковичи, Трубъки, а въ Луцкомъ повете—Ворочичинъ, Трыстен, Стыден; дали есмо тая села со въсими доходы и приходы, з данми, з мыты, ничого на себе не выменяя, с пашнями, зъ сеножатьми, з лесы, з луги, з дубровами и з бортными земълями, з ловы и з ловищи, и з бобровыми гоны, с озеры, з реками и с криницами, с потоки, ставы и со въсими пожитъки и податьми, што к тымъ селомъ слушало и тягло, и такожъ што может собе примышлити и разширити, на новомъ корени посадити. И дали есмо тая села пану Ильи Вячкевичу вечно и непорушно ему и его жоне, и его детемъ, и близкимъ, и счедкомъ; вольно во

[1]) Князья Збаражскіе пріобрѣли впослѣдствіи Порѣцкъ (или Порыцкъ), почему одна вѣтвь ихъ и получила наименованіе Порѣцкихъ.

всехъ именяхъ кому отъдати, и продати, и заменити, и по души отъдати пан Илья и его близкие по немъ будучие. А ещо з нашой ласки, для его вѣрьной службы, отъпустили есмо воловъщину и ямъ вечъно пану Ильи и его близкимъ; а въ тыхъ именяхъ следу не гонити; кому шкода—за своимъ поиди, а пана Ильинымъ людемъ следу не брати; а и роспустокъ влдцы не давати; а хто соль везеть, отъ воза грошъ мыто; а коли омынеть, гроша (не)давши, да через его земълю, двадцать грошеи промыты отъ воза. А при том были светъки рада наша: воевода виленский пан Дидикголдъ, панъ Остикъ [1]), пан Бутрымъ [2]), панъ Кгезгалъ [3]). Псан у Вильни в лета ҳЅЛ҃ЕІ [4]), май 20 ден. А для твердости вышей писаныхъ речей к сему листу приложили печать нашу [5]).

Лит. Метр., кн. Записей Лит. № 12, л. 6—7.

---

[1]) Упом. съ 1398 г. [2]) Упом. въ 1403 г. [3]) Упом. въ актѣ 1412 г.

[4]) На листѣ 7-мъ Кн. 22 Зап. Л. М. въ оригиналѣ написано: „в лета ҳЅЛ҃ЕІ, май 20 ден“ и т. д. Такія невозможныя цифры, встрѣчаемыя въ Лит. Метрикѣ и другихъ копіяхъ древнихъ актовъ, объясняются тѣмъ, что въ пол. XVI в. литовскія канцеляріи уже разучились понимать славянское счисленіе и неудачно срисовывали цифры, или переводили ихъ на словесное обозначеніе.

[5]) Этотъ, какъ и многіе изъ нижеслѣдующихъ актовъ, занесены въ Лит. Метрику по слѣдующему поводу: въ 1547 г. король Сигизмундъ-Августъ обратилъ вниманіе на большія злоупотребленія при взиманіи провозныхъ пошлинъ (мыта) съ товаровъ почти въ каждомъ изъ частныхъ имѣній на Волыни, а потому потребовалъ отъ владѣльцевъ предъявленія ихъ актовъ на имѣнія для провѣрки правъ ихъ на взиманіе мыта. Это обстоятельство изложено предъ списками предъявленныхъ документовъ (Метр. Зап. № 22) такъ: „Господаръ корол его милость и великий княз Жикгимонтъ-Августъ рачилъ припозвати княжатъ и панятъ земли Волынское о покладанье листов и привилеев на именья их для частыхъ мытъ, которые они въ ыменьяхъ своихъ на себе беруть, хотечи ведати, которые с них за листы або за которымъ правомъ мыто беруть, и тежъ которые замокъ з ыменей своихъ робити повинъни; и казалъ его милость таковые привилья и листы покладати и оказывати кождому с них перед велможнымъ паномъ Яномъ Юрьевичомъ Глебовича, воеводою виленскимъ, канъцлеромъ великого князьства Литовского; а которые бы привильев не мели, казалъ его милость причину оповедать, яко ихъ позбыли.

Якожъ, за росказаньемъ господарскимъ, его милость панъ воевода виленский и канъцлер, привильевъ и листов ихъ огледавши, каждый листъ до книгъ канцеляреи его милости уписати казалъ; а которые листов и привильев на именья не мели, тые в тыхъ же книгах нижеи написаны.

Деялося у Вилни, лета Божего нароженья тисеча пятсотъ сорокъ семого году, мѣсяца октябра, двадцать семого дня, индикта шостого“.

II.

1420, ноября 8. Жалованная грамота в. кн. Витовта городу Перемилю на магдебургское право и подтвердительная грамота кор. Сигизмунда I 1509 г., октября 2.

Privilegium regis Sigismundi oppidanis de Przemil in terra Volinen(sis) super jura et libertates eorum.

In nomine Domini. Amen. Ad perpetuam rei memoriam. Sublimis regum principumque maestas quicquid pro suorum commodo subditorum aut denuo decernit, aut id, quod antea fuerat concessum, innovat, ne id ipsum edax temporum oblivis e mortalium absumat memorio, literarum apicibus, testiumque fide dignorum annotatione, perhennat. Proinde, nos, Sigismundus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiaeque etc. dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quomodo constituti in nostra et consiliariorum nostrorum, hic nobiscum existentium, praesentia, providi incolae oppidi nostri Przemyl in terra Luceorien., in magno ducatu Lithuaniae nostro siti, exhibuerunt privilegium tenoris infrascripti, incolis dicti oppidi per illustrem olim principem et dominum Alexandrum, alias Withowdum, magnum ducem Lithuaniae, successorem nostrum, concessum, quivis vero sigillum ab eodem privilegio avulsum et abscissum sit, tamen sanum, salvum et integrum privilegium, que ipsum non viciatum, non cancellatum, nec in aliqua parte sui suspectum, coram nobis reproduxerunt; supplicaruntque nobis humiliter, suis et totius communitatio oppidi praedicti nominibus, quatenus illud de gratia et manificentia nostris regijs innovare, approbare, ratificare et confirmare dignaremur; cuius quidem privilegij tenor sequitur et est talis.

In nomine Domini. Amen. Ad perpetuam rei memoriam. Nos, Alexander, alîas Witholdus, Dei gratia magnus dux

Lithuaniae terrarumque Russiae etc. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis. Quomodo cupien(tes) profectus et utilitates in terra nostra Luceorien(si) commodius adaugere, oppidum Przemyl dictum denuo decrevimus collocandum; in quo oppido Przemyl advocatiam benemerito et honesto Wieruhoni de Roroni, et suis haeredibus legittimis, contulimus et praesentibus damus et inscribimus perpetuo et in aeuum, cum omnibus utilitatibus et proventibus infrascriptis, videlicet decimum mansum, siue laneum; itaque quando cunque decem laneos collocaverit, tunc decimum pro se debet accipere; item piscinam cum molendino in fluvio Wyknija cum piscatura et omnibus emolumentis; it. laneum unum cum omni eius censu; it. sextum denarium census et tertium denarium poenarum de judicio; it. medietatem laneorum siue macellarum, carnificum, pistorum et sutorum; quos omnes proventus et redditus advocatiae praedictae nominatus Wieruz et sui successores legittimi cum omni iure haereditario et dominio tenebit, habebit, utifruet et possidebit perpetue et in aevum, cum plena facultate vendendi, commutandi, alienandi, prout sibi et haeredibus suis melius et utilius videbitur expedire. De qua quidem advocatia nominatus advocatus et sui successores nobis et nostris successoribus ad quamlibet expeditionem cum duabus balistis servire tenebit et debebit. Ut autem praedictum oppidum nostrum Przemyl eo citius posset collocari, omnibus et singulis civibus et incolis praedicti oppidi, locatis vel locandis, polonis videlicet et theutonis et sanctae romanae ritus ecclesiae hominibus, ius theutonicum, quod maijdemburgense dicitur, damus, concedimus et perpetuo inscribimus, removentes ibidem omnia iura polonicalia, ruthenicalia et quoslibet modos et consuetudines universas, quae ipsum jus theutonicum perturbare consueverunt, eximentes etiam et liberantes oppidanos et încolas dicti oppidi Przemyl ab omni iurisditione et potestate omni ducatus nostri: palatinorum, capitaneorum

judicum, et subiudicum, et quorumvis officialium, et ministerialium eorundem; nec coram ipsis vel ipsorum aliquo pro causis communibus et parvis citati, minime respondebunt, nec aliquas poenas solvere tenebuntur; sed totum oppidani et incolae praedicti coram suo advocato, qui pro tempore fuerit, advocatus vero coram nobis vel iudicio nostro generali, quando citatus fuerit vel vocatus, tunc non aliter quam suo iure theutonico de se quaerulantibus tenebitur respondere. In causis vero criminalibus et capitalibus, puta: homicidij, incendij et alijs, woijwoda noster, qui pro tempore fuerit, iudicio praesidere et indicare, simul cum dicto advocato, tenebitur et debebit. In quibus quidem causis magnis sive parvis advocato suprascripto ibidem in praedicto oppido Przemyl et in metis eiusdem convicendi, plectendi, puniendi, sententiandi et condenmandi plenam et omnimodam concedimus facultatem prout ipsum ius theutonicum in omnibus suis articulis, clausulis, punctis, sententijs et conditionibus postulat et requirit, juribus tamen nostris ducalibus in omnibus semper salvis. Quibus etiam oppidanis et incolis oppidi superdicti per spatium decem annorum, a data praesentium continue computandorum, ab omnibus exactionibus, laboribus, tributis, et quibusvis aggravationibus plenam et omnimodam, tenore praesentium, concedimus libertatem. Harum quibus sigillum nostrae maestatis oppensum est testimonio literarum. Actum et datum in Luczka, feria sexta proxima ante festum sancti Martini Confessoris, anno Domini millesimo guadringentesimo vigesimo. Praesentibus r-ndis in Christo patribus dominis Gregorio Wlodimiriensi, Michael Kioviensi episcopis, strenuis militibus: Gedigoldo capitaneo Podoliensi [1]), Joanne Butrino [2]) marschalco nostro, Gniewosio de Dalmienicze subdapifero Cracoviensi et

---

[1]) Гедигольдъ былъ старостою Подольскимъ въ 1415—1423 г. (См. Ад. Бонецкаго: „Poczet Rodȯw“ etc. Warsz. 1887, стр. 62).

[2]) Упом. въ актѣ 1414.

Jacobo de Cobilany, alijsque testibus fide dignis, per manus Nicolai Maldrzyk secretarij nostri fidelis dilecti.

Quibus quidem supplicationibus, tanquam iustis, benigniter annuentes, privilegium per insertum, ratum et gratum habendo, innovandum, approbandum, ratificandum et confirmandum in omnibus eius punctis, conditionibus, clausulis et articulis, in dicto privilegio contentis, de certa scientia nostra et consiliarorum nostrorum consensu, duximus, iuramusque, approbamus, ratificamus et confirmamus praesentibus, decernentes ipsum robur perpetuae firmitatis obtinere. In cuius rei testimonium sigillum nostrum praesentibus est subappensum. Actum et datum Leopoli, feria tertia post festum sancti Hieronimi proxima, anno Domini millesimo quingentesimo nono, regni vero nostri anno tertio, praesentibus magnificis, generosis et strenuis Georgio Stanisławowicz Oscihowicza marschalco curiae nostrae, Ioanne Mikołaiewicz Radziwilowicza tenutario Slonimensi, Ioanne Lithaur Chrebtowicz marschalcis nostris magni ducatus Lithuaniae, Georgio Mikołaiowicz Merecensi et Bogusio thesaurario terrae et notario nostro, Zyzmorskique et Dowgowski tenutariis, sincere et fidelibus nostris dilectis testibus ad praemissa fide dignis [1]).

Лит. Метр., кн. Зак. Лит., № 25, л. 125—127.

---

[1]) Городъ Перемиль, долгое время бывшій однимъ изъ важныхъ правительственныхъ центровъ, въ концѣ XV в. обращенъ въ частное владѣніе; именно, сначала онъ данъ былъ „въ держаніе" кн. Өедору Четвертинскому; но въ 1511 г. выпросили его себѣ въ полную собственность Өедоръ и Иванъ Михайловичи Вишневецкіе (грамота объ этомъ напечатана въ сборникѣ „Грамоты вел. князей", изд. Козловскимъ и Антоновичемъ. Кіевъ, 1868, № 24), при чемъ король пожаловалъ городъ и „съ торгомъ, и съ ярмарками, и съ правомъ магдебургскимъ, и съ землями церковными", съ обязанностію для Вишневецкихъ построить костелъ и имѣть при немъ каплана отъ своей руки, и съ монастыремъ греческимъ (православнымъ), гдѣ они могутъ имѣть игумена отъ своей руки и пр. Съ тѣхъ поръ Перемиль сдѣлался однимъ изъ важныхъ землевладѣльческихъ центровъ; мы помѣщаемъ здѣсь настоящій актъ (указывающій, что магдеб. право не предохраняло города отъ возможности превратиться въ частную вотчину), какъ древнѣйшее указаніе на причисленіе права войтовства къ частнымъ (вотчиннымъ) правамъ.

III.

1430 г., марта 30. Грамота в. кн. Свидригайла Ивану Мукосѣевичу на села въ Луцкомъ пов.: Маловъ, Охматковъ, Пашево и Золочевъ, и въ Кременецкомъ пов.: Борщовку, Рыдомль, Устье, Бѣлку и Ожеговцы. Актъ явленъ въ 1572 г., октября 15.

Року 1572, месяца октебря 15 дня. Пришедши на врядъ кгродский в замокъ господарский Луцкий передъ мене, Фалелея Бережецкого, будучого на местъцу пана Станислава Петровъского, подстаростего луцкого, его мл. панъ Иван Чаплич-Шъпановский, войский землѣ Волынское луцкий, оповедал тыми словы, иж дей теща моя ее милость пани Григоръевая Болбасовая, писаровая земская кремянецкая, пани Катерина Цатинна, позвала была з ыными учасниками своими велможного его мл. князя Стефана Корыбутовича, воеводу троцкого, до суду земского кремянецкого о именъе Ожоговцы; а так дей его милостъ князь воевода троцъкий, не хотечи тамъ у суду належного ӧтказовати, позвал ее мл. панюю Болъбасовую и иныхъ участников до его королевское милости: иж дей вы, не маючи права жадного на Ожоговцы, мнѣ затрудненъе чините; а так дей ее мл. пани Болбасовая, маючи на тое имене Ожоговцы у себе привилей великого князя Литовского Швитрикгайла, якожъ его мл. панъ Чаплич, войский луцкий, тот привилей ее милости панее Болбасовое передо мъною на вряде покладал и просил именемъ ее мл. панее Болбасовое, тещи своее, абы тот привилей до книг кгродъскихъ луцъких был уписан, которого я до книгъ для вписованья принял и так ся в собе маетъ:

Милостъю Божею, мы, великий князь Швитрикгаил, Литовский, Руский и иных, чинимъ знаменито и даемъ ведати симъ нашимъ листомъ кождому доброму, нинешнимъ и потомъ будучимъ, хто на н возрит или чтучи услышить, ко-

муж то коли его потребно будет: иже видев и знаменав службу намъ вѣрную, а никгды неопущоную, нашого вѣрного слуги пана Ивана Мукосѣевича, и мы, подумав с нашими князи и с паны, и с нашою верною радою, даемъ (и) дали есмо и записали за его вѣрную службу села на имя Малов, а Охматковъ, а Пашева, а Золочов у Луцкомъ повѣте; а в Кремянецкомъ повѣте: Борщовка, Рыдомлъ, Устье, Белка, Ожеговцы, зо всимъ с тым, што к тымъ селамъ звѣка здавна слушало и тыми разы слушаетъ, ничого на нас не выменяя, и с приселъки, и с нивами, с пашнями, и з лесы, и з дубровами, и зъ бортными землями, и з гаѣ, и с пасеками, и з ловы, и з ловищи, и з бобровыми гоны, и с веремяны, и з реками, и с озеры, и с криницами, и с потоки, и со мълыны, и с мыты, и ставы, и ставищи, и з болоты, и с рудами, и такъ што в тых собе именяхъ примыслитъ, на новомъ корени посадит, и зо всими платы, што к тымъ селамъ слушало и тягъло, и такъ с луги, и сеножатми, и зо всими пожитки; может собѣ полепъшовати, и розъширивати, и осадити, и примножити. И дали есмо тому предписаному пану Ивану Мукосѣевичу верхуменова(ныя) мѣста вѣчно и непорушно ему, и его дѣтямъ, и его внучатомъ, и его ближнымъ счетъкомъ; волни во въсехъ тыхъ именъяхъ кому отдати, и продати, и променити пан Иван Мукосѣевичъ и его близкии по немъ будучии. А при томъ были сведъки, наша верная рад(а): владыка луцкий Феодосий, панъ Монивидъ, панъ Юрша [1]), пан Хохлевский, пан Сикушко, пан Казарин, маршалок Луцкое землѣ, пан Иванъ Волотовичъ, пан Боговитин [2]), панъ Гаврило Шило, пан Миско Гулевичъ, пан Дениско Мокосѣевичъ. А на потверженъе того нашого листу,

---

[1]) Юрша въ 1431 г. б. старостою Луцкимъ, а въ 1437—1448 гг. воеводою кіевскимъ. См. „Pocz. Rod." стр. 114.

[2]) Боговитинъ подписался подъ актомъ поручительства королю Ягайлу въ 1431 году.

про лѣпъшую памет и сведомост, печать нашу велели есмо привѣсити к сему нашому листу. Писан в Луцку, под лѣты Рожества Исус Христова тисечу лѣть и чотыриста и тридцатого лѣта, месяца марта тридцатого дня, индиктъ 8. Великий князь приказалъ, а писал писар Попко.

А так я тот менованый листъ, привилей ее милости панее Болбасовое, с початку ажь до конца до книг кгродских луцких записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2061, л. 1107, актъ 987.

IV.

1447 г., августа 1. Грамота в. кн. Свидригайла слугѣ-ловцу Петрашу Волковыю на землю въ Луцкомъ повѣтѣ; явлена 1584 г., іюня 2.

Року 1584, месяца июня 2 дня. На рочках судовых земскихъ etc., перед нами, то есть etc., ставъшы объличне, панъ Петръ Волъковыя Подгаецъкий оповедалъ и покладалъ перед нами привилей великого князя Литовъского Швитригайла, на паркгамени писаный, с печатю привѣсисътою и з написомъ на остатку того лисъту: „самъ", и просилъ панъ Подгаецкий сам от себе и от матки своее Настаси Подгаецкое, абы тотъ привилей вычитанъ и въ книги справъ судовыхъ земъскихъ уписан былъ, которого мы огледавшы для вписованья до къниrъ приняли, и такъ ся в собѣ маетъ:

Милостю Божю, мы, великий князь Швитригайло Литовский и иныхъ, чинимъ знаменито сим нашим листомъ кождому доброму нинешънимъ и потомъ будучымъ, кто на нь узрыть или его чтучы услышыт, комуж того потребъно будетъ, ижъ видевъ намъ служъбу его верную, не отпущъную никгды, нашого слуги пана Петраша Волковыя ловъца, мы, досмотревъшы с нашими княжми и паны, с нашею верною радою, даемъ и дали есмъ ему у Луцкомъ повѣте, и мы ему дали и записали за его верънную службу у гаи и на усей стороне от города семъ дворыщъ; а поля есмь ему дали и уехали своей земълѣ—по конец лозы нивъка на долини, а оттоля к Медвижи могили, а от могилы к Стырову болонью конец Михалковы нивъки; а въ гай далъ есми ему у пулъ гаю за манастыремъ Помостича, потреб ему бчола водити; а по всему гаю волно ему дрыва рубати; а здес по Бутыр и по Виноградную гору, а за рекою по крутый берегъ против

двухъ грушъ; потуль ему волно сено косити и рыба ловити; а на низ ему покул его пол(ь), потул и болот. А дали есмъ ему вѣчне то непорушъно зо всѣми уходы и приходы, ничого на себе не выменевая, с нивами, и с сеножатми, и з бобровыми гоны, и з бортною землею, и з дубровами, и з ловы, и з ловищами, и з реками, и з озеры, и з болоты; а также што у том именю собе полепъшыт, на новом корени посадит, может собе розширити и осадити. А даемъ ему, предописанному пану Петрашу Волковыи, ловцу, верху именованое место вѣчне, непорушъно ему и жоне его, дѣтемъ его и бълижным его, и сщадкомъ его; волно ему во всемъ томъ именю отдати и променяти, и по своем животѣ дати, и ку церкви Божей дати; и при том были светки, наша верная рада: владыка луцкий Феодосий, пан Иван Гулевич, пан Козарын, маршалок земский, пан Боговитинъ, пан Иван Черный, пан Иван Волотович; а на утвержене сего листу про лепъшую нашу твердост велим есмо привесити нашу печат. А писано в Луцку, под лет Рожества Исус Хрыста 1000 лѣть и 400 в лѣто 47, индикта 1, месяца августа. Самъ.

А такъ мы тот листъ великого князя Швитригайла слово в слово, с початку аж до конца, до книгъ справ судовыхъ земскихъ луцкихъ записати казали.

Кн. Кіев. Центр. Арх. № 2096, л. 478, актъ 337.

V.

1445—1452. Жалов. грам. в. к. Свидригайла Петру Ланевичу Кирдѣевичу Мыльскому на имѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ: Киселинъ, Твердынь и др.

Привилей великого князя Швитригайла пану Петру Ланевичу Кирдеевичу Мылскому на розные села и кгрунъты в Луцкомъ повете и мыта вечнымъ правомъ.

Милостью Божъю, мы, великий княз Швитригайло Литовъский, Руский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ кожъдому доброму, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому-жъ коли будеть его потреба. Узривъши есмо знаменитую намъ служъбу, а никгды опущеную, слуги нашого верного пана Петра Ланевича Кирдеевича Мылского,[1]) маршалъка земъского, и мы, дорадивъшися з нашими князи и паны, з нашою радою верною, дали есмо ему село Киселинъ с озеромъ на реце на Тури, а другое село Твердынъ, а Мутвитище въ Луцъкомъ повете, а Клоча в Луцкомъ же повете, а у Полганови две дворища служебъныхъ, а церъков и з дворищомъ церковънымъ, и з ставомъ, и з мытомъ; а в Лагъмановы две дворища тяглыхъ, а третее служебъное, а село Вербяев въ Луцъкомъ повете, со всими тыми приходы, и доходы, и волностями, и уезды, што къ тымъ селомъ слушаеть и тягнеть, с полми, з ролями, з гаи, и з заросльми, з дуброваами, з лесы, с пасеками, з ловы, з ловищи, з ловисками, з реками, з речищами, с озеры, с озерищи, со млыны, со млынищи, ставы, и з ставищи, и со всими беги водными, з мыты, з мытомъ(?), и з сеножатми, и з рудами, и з рудными лесы, и с криницами, и с потоки, и з береги, и з бережищи, и з боры, и з бортъными землями, и з бобры,

---

[1]) Петръ Мыльскій былъ маршалкомъ въ 1452 г.

и з бобровыми гоны, и з зеремены, и со всими правы и доходы, и со всими пожитъки и вольностьми, ничого на себе не выймуючи и не оставуючи, со всими грошовыми платы и с цынъши; можеть собе полепъшивати и розширивати, на новомъ корени осадити и примножити, какъ самъ налепей знаючи. А дали есмо напередреченому Петру Ланевичу Кирдеевичу Мылскому верхуменованые именъя и села, и дворища вечъне и на веки непорушно ему, и его детемъ, и ихъ внучатомъ, и щадкомъ его напотомъ будучимъ, и его ближъними; воленъ естъ панъ Петръ Ланевичъ Кирдеевичъ Мылский, маршалокъ земъский, и его дети, и его ближъние, и по немъ будучие щадки во всемъ именъи продати, и променяти, и заставити, и по души дати. А при томъ были светъки, наша верная рада: княз Васильевичъ Михайло [1]), а княз Михайло Костенътиновичъ, а княз Александро Сендюшкович, а панъ Козаринъ Резановичъ, а панъ Немира, староста луцъкий [2]), а панъ Василей Полоцъкий, и иныхъ много добрыхъ при томъ были. А еще над то потверженье сего нашого жалованья, про лепшое сведецство и твердость памети, и печат нашу казали есмо привесити къ сему нашому листу. Данъ въ Луцъку, под лет Исус Христова Рожества въ 1605-е лето(sic).

Приказан. пана Немиры, старосты луцъкого.

Метр. Литов., кн. Запис. № 25, лл. 268 об—269 об.

---

[1]) Кн. Мих. Вас. Чорторыйскій былъ маршалкомъ въ 1445 г.

[2]) Немира былъ старостою Луцкимъ въ 1445—1451 г.

VI.

1446 г.(?), мая 15. Жалованная грамота в. к. Свидригайла Ходьку на имѣнія Миловши и Задубы въ Луцкомъ и Турійскомъ повѣтахъ.

Donacio magni ducis Switrigaiila quibus cuidam Chotkowij donavit bona Mijlowszy et Zadyby.

Милостью Божьею, мы, великий князь Швитригаил Олкгирдович, чиним знаменито сим нашим листом кождому доброму, нинѣшним и потом будучим, хто на н позрыт, или чтучы его услышит, комуж доколи его будет потребно, иже видев и знаменав службу нам верную, а николи нам неомешканую, нашого верного слуги пана Ходка, и мы, порадився с нашими князми и с паны, с нашою вѣрною радою, дали есмо ему и записали за его верную службу, николи не омешканную, села Миловши у Луцком повѣте на рецы на Стыре, а другое село у Турийскомъ повѣте Задыбы, со всимъ с тым, што къ тым селомъ слушает, изъ вѣка и здавна тягло, со всими входы и приходы, и з селищи, и с полми, и з нивами, и с пашнями, и з дубровами, и з бортными землями, и с пасеками, и з ловы, и з реками, и с крыницами, и с потоки, и з ставы, и ставищи, и з млыны, и з луги, и з сѣножатми, со всими пожитки, што в тых собе имѣняхъ примышлит и на новом корени посадит; и может соби полепшивати, и розширивати, и осадити, и примножити. Дали есмо тому преречоному пану Ходку увся тая села, у верху именованая мѣста, ему самому вѣчно и непорушно до его живота, а по его животѣ ино его жоне, и его дѣтем, и его ближним, кто ж будет ближний его к тому. А при том были свѣдоки: маршалко нашъ князь Михайло Васильевичъ Чорторыиский, а князь Михайло Костянтиновичъ, староста володимерский, а пан Немира, староста луцкий[1]), а панъ Пашко

[1]) Старостой луцкимъ былъ въ 1445—1451 гг.

Дахновичъ, а панъ Ѳедко канцлеръ нашъ. А на потверженье, про лепшую память, къ нашему листу и печать нашу казали есмо привѣсити, къ сему нашому листу. А дан у Луцку, мая 15 день, индикт 9., под леты Христова Рожества 1000 лѣт и чотыриста лѣтъ (sic) [1]).

Приказъ пана Ѳедковъ канцлеровъ.

Метр. Лит., кн. Публичн. дѣлъ № 28, л. 77—77 об.

---

[1]) Индиктъ 9-й соотвѣтствуетъ 1446 году.

VII.

Акты на владѣніе имѣніями Мышчичей-Холоневскихъ, явленные въ 1568-мъ году въ Луцкомъ гродскомъ судѣ.

1. 1451 г., декабря 22. Грамота в. кн. Свидригайла Ольгердовича Петру Мышчичу на село Холуневъ и его принадлежности: Холуневецъ, Подгае, Селищево Городище, дворище Гучина и селище Бѣче.

2. 6967 (1459), сентября 14, инд. 12 [1]). Раздѣльный актъ между братьями Богданомъ и Дмитріемъ Холоневскими на имѣнья, челядь и движимое имущество.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца октебра 8 дня. Ставши очевисто в замку господарскомъ Луцком, передо мною, Гавриломъ Василевичомъ, судею земъскимъ повету Луцкого, а передо мною, Остафъемъ Соколскимъ, подсудкомъ луцъкимъ, земянъка господарская пани Овдотя Ивановая Жуковецкая, бывшая перво пани Грицъковая Холоневская, оповедала и добровольне сознала: иж дей пан Василей Андреевичъ Холоневский знайдовалъ мене в томъ прозбами своими, абыхъ ему право его на имене его отчизное Холоневское, которое ся при мне от мужа моего первшого, а дядка его небожчика Грицка Холоневского были зостали, то естъ привилей и лист дѣлъчи, на паркгамине написаные, ему отдала, што дей я ему тые листы дати приобецала. И положивши тое право перед нами в суду земского, просила, абы то было въ книги земские записано.

1. Который привилей светое а славное памети господаря его милости Александра, великого князя литовского, так ся в собе мает:

Милостю Божою, мы, великий княз Александро, инако Швитрикгайло, Олкгирдовичъ, чинимъ знаменито и даемъ вѣдати симъ нашимъ листомъ кождому доброму, хто на н

[1]) Но индиктъ 12-й приходится на 1449, 1464, 1479 и т. д. годы.

войзрит или чтучи его услышитъ, коли кому его потребно будетъ, нинешнимъ и потомъ будучимъ, иж есть(sic) видев есмо знаменитую нам службу, никгды неомешканую, верного слуги нашого пана Петра Мишчича, и мы, порадившися з нашою вѣрьною радою, и со князи, и паны нашими, даемъ и дали есмо ему имене у Перемилскомъ повете село Холуневъ, а къ тому Холуневецъ, а Подгае, а Силищово городище, а дворище Гугнино, а селище Бѣче. А дали есмо напредреченому пану Петру Мышчичу у верху выписаная и со всими приходы и доходы, какъ издавна и звека к тымъ селомъ прислушало и слушает, и к тымъ дворищамъ, и со всими пожитми, и с полѣ(sic), и с пашнями, и зъ гаи, и з дубровами, и з боры, и з бортными землями, и з данми, и з лесы, и с пасеками, и зъ сычемъ, и з ловы, и з ловищами и сеножатми, и з болоты, и с криницами, и с потоки водными, и з рудами, и з бобровыми гоны, и зъ веремяны, и зъ ставы, и ставищы, и со млыны, и з реками, и с озеры, и з мыти, вѣчьно и непорушьно самому пану Петру Мышчичу, и его дѣтемъ, и его близкимъ, и его щадкомъ. А может собѣ у тыхъ именяхъ полепшати и ширити, на нове корени садити; а волен и отдати, и заменити, и по души дати. А при томъ были рада наша: княз Иванъ Василевичъ [1]), а княз Михаило Василевичъ [1]), а княз Иван Четвертенский [2]), а княз Михайло Четвертенский, а пан Казарин Резановичъ, а пан Немира Резановичъ, староста луцький, а панъ Семашъко, а пан Хведко, а пан Сенко подканцлерий. А про лепшую свѣдомост и твердост и печат нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан в Луцку, месяца декабра двадцат второго дня, под лѣты Рожества Христова тисяча лѣтъ чотыриста пятдесят первого, индикта пятогонадцат. Приказъ пана Семашьковъ.

[1]) Князья Чорторыйскіе.
[2]) Упом. въ актахъ подъ 1446 годомъ.

2. А другий листъ дѣлъчий, на паркгаминеж писаный, так ся в собе мает:

А се я, Богдан Холоневский Мышчичъ [1]), сознаваю моимъ листомъ: делилъ есми з братомъ своимъ и з Дмитромъ отчизною нашою Холоневомъ; досталася ему сторона тая, где его дворъ, люди и каждое поле и маева(sic) на полы; а копани свои кажды человѣкъ свое вѣдаетъ; а могутъ собе еще причинити; новый ставъ и зо млыномъ брату моему; а сеножати от Божовское границы до Олзаровское границы и селище за его дворомъ отъ Нового ставу до Бѣцъского ставу, от лѣса, што сеножат от моего ставъка до Бѣсцъкого ставъка и до Бѣйча, а Бѣйчемъ до Городища и до Салищова за Злодейскую стежку, по долину, брату моему; а болото от Новаго ставу, мимо Бѣйче, около городища, мимо Галичаны, по похилую березу брату моему; под Божовскимъ ставомъ половина болота; а борьтное дерево на полы, а к тому собе причинити может; а в гаехъ волно брату моему и его людемъ; а Бѣецъкий ставъ брату моему; а под моимъ млыномъ не маютъ волочити. А челяд, и стадо, и статки домовые делили на полы. А можетъ своее отчизны полепшати. А хто бы хотѣлъ земъли нашой утискъ учинити, то и маем пospолъ боронити. А што есми на брата своего мовилъ, штобы не з делного платилъ за Микуличы, ино ся есми доведалъ, што и з делъного платилъ; ино я ис того брата своего вызволяю, иж есть невиненъ. А того не маю ничого рушити; а естлибы тое рушилъ, тогды я маю брату своему пану Дмитру сто копъ заплатити. А при томъ были свядъцы: пан Михайло Масковичъ, пан Гришко Борисковъскій, пан Федор Линевскій. А про лепъшое сведоцтво печат свою есми приложилъ. Писанъ в лето семое тисеча шест-

---

[1]) Богданъ и Димитрій Мышчичи извѣстны по привилегіи в. кн. Александра 1495 г.

сотъ девятдесят семого року, месяца сенътебра четвертогонадцат дня, индикта второгонадцат.

А такъ мы тот привилей господарский и листъ пановъ Холоневъскихъ бывшихъ дѣлъчий слово от слова, с початку ажъ до конца, в книги справъ земъскихъ записати казавши, тое право привилей и листы пану Василю Андреевичу Холоневъскому до рукъ дали, а пани Овъдотъя Ивановая Жуковецкая, дядиная его, выписъ с книгъ подъ печатъми нашими собе на то взяла.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2093, л. 287, актъ 94.

VIII.

1475—1480 [1]). Инд. 6, іюня 30. Письмо старосты луцкаго Ивана Ходкевича королю Казимиру объ охраненіи Свинюсской королевской пущи отъ вторженія сосѣднихъ частныхъ владѣльцевъ (кн. Мих. Сангушковича и др.).

Листъ до тоежъ справы належачый старосты луцкого пана Ивана Ходкевича до короля его милости Казимира, о ловехъ Свинюских писаный.

Господару нашому милостивому Казимеру, Божъю милостью королю Полскому и великому князю Литовъскому, Рускому, Прускому и иныхъ. Што ваша милость мне очивисте приказали и дворанина своего пана Стецъка Шишку прислали, абыхъ отъ вашей милости князю Михайлу Санъкгушковичу приказалъ да и тымъ земяномъ, которые именя свои мають под ловы Свинюские, пригрозилъ, штобы лововъ вашей милости не пустошили. Ино я с тымъ дворанином вашей милости до князя Михайла посылалъ; и княз Михайло самъ к Луцъку на съем приехалъ, а п. Михайло Маскевичъ передо мьною сталъ тутъ же, а при нас в тотъ часъ былъ Зиновей, нареченый владыка луцъкий [2]), а княз Семенъ Васильевичъ, наместъникъ кремяницъкий [3]), а панъ Василей Хребътовичъ [4]), а княз Путята, городничий луцъкий [5]), а пан Семашко, а панъ Сенько Ѳедковичъ, панъ Гринко Муковичъ (sic), панъ Михайло Загоровъский, Волчъко Хренницъкий, Лютикъ, а хоружий луцъкий Ломанъ; и дворанинъ вашей милости перед нами то князю Михайлу гово-

---

[1]) Точнѣе до поступленія Ив. Ходкевича на воеводство Кіевское (1483).
[2]) Лицо, не значащееся въ спискахъ луцкихъ епископовъ.
[3]) Кн. Збаражскій.
[4]) Былъ намѣстникомъ владимірскимъ въ 1495 г.
[5]) Упом. городничимъ въ 1488 г.

рилъ и тымъ земяномъ, абы в дуброву Свинюскую не ездили и не пустошили лововъ, и в топылехъ зверинъныхъ по волнину стад и черед не поили, и новинъ с пол старыхъ не причинивали; а што проробили новины по рачвамъ и под волнинъ, тымъ бы дали покой. Ино, господару, княз Михайло отъказалъ: я дей самъ ничимъ ся в ловы господаръские не вступую, а ни мои люди с поля старого пяди в дуброву Свинюскую без упроса не идуть, а которого моего чоловека волковицъкого, заечицъкого в дуброве имуть, нехай его узвесять, мене не допускаючи. А тые, господару, земяне вси тоежъ отъказали и тыхъ всихъ новинъ коло рачовъ, коло воинина отреклися. Мы приказали тымъ ловъцомъ вашей милости свинюшаномъ и тые новины заведати. Псан у Луцъку, июн 30 ден, ин. 6 [1]).

Слуга вашей милости Иванъ Ходкевичъ, староста луцъкий нын., челом бьет.

Литов. метр., кн. Запис. Лит. № 25, л. 265—265 об.

---

[1]) Инд. 6 приходится на 1473 и 1488 годы.

IX

Акты на имѣнія кн. Чорторыйскихъ, предъявленные для записи во Владимірскія гродскія книги кн. Юріемъ Михайловичемъ Чорторыйскимъ въ 1605 г., янв. 1.

1. 1460 (2) г., дек. 31. Грамота в. кн. Свидригайла Митькѣ, «племяннику» Немиры, старосты луцкаго, на с. Липую въ Перемильскомъ пов. и села Бутятичи и Тишковичи во Владимірскомъ пов.

2. 1450 г., инд. 13, ноября 10. Жалов. грам. короля Казимира Ягелловича Немирѣ Резановичу на имѣнія: Земно, Бубново, Марковъ Ставъ и Стернъ.

3. 1452 (6760) г., инд. 15, марта 2. Жалов. грам. того-же короля тому-же Немирѣ Резановичу на имѣнія: Литовижъ, сельцо Торговища, Червища, Стволовичи (состоявшія и прежде во владѣніи Немиры), а также на имѣнія: Земно, Бубново, Чесный-Крестъ, Сернъ и Литашинъ.

4. 1452 (6760) г., янв. 3, инд. 15. Жалов. грам. корол. Казимира Никитѣ, «Немирину племяннику» на имѣнія, Липую въ Перемильскомъ повѣтѣ и на Вутятичи и Тишковичи во Владимірскомъ повѣтѣ.

5. XV в. Духовное завѣщаніе Якова Войны, сына Немиры, въ пользу матери, жены и сестры (княгини Чорторыйской). *Безъ даты.*

6. 1516 г., инд. 4, іюня 4. Разграниченіе земель Владимірской епископіи отъ имѣнія Земно князя Федора Чорторыйскаго.

7. 1555, марта 1. Вѣновная запись кн. Александра Федоровича Чорторыйскаго женѣ своей Магдаленѣ Деспотовнѣ на 3-ю часть имѣній Литовижа, монастыря св. Николы, селъ Лѣшней и Осмиловичи (?), Молникова двора, Ждчаровъ, Житаней, монастыря Честнаго-Креста, дворца Бубнова и селъ боярскихъ въ округѣ за̀мка Литовижа и пр.

8. 1567 г., янв. 12. Запись кн. Александра Өедоровича Чорторыйскаго женѣ своей Магдаленѣ Деспотовнѣ съ обезпеченіемъ имъ

10,000 золотыхъ польскихъ (4 т. копъ грошей литов.) на всѣхъ своихъ имѣніяхъ и домѣ въ гор. Вильнѣ.

9. 1569 г., дек. 17. Завѣщаніе кн. Александра Өедоровича Чорторыйскаго, воеводы волынскаго, въ пользу жены Магдалены Деспотовны и сына кн. Михаила.

10. 1547 г., іюня 19. Раздѣльный актъ между братьями князьями Иваномъ и Александромъ Федоровичами Чорторыйскими.

11. 1547 г., іюня 22. Дополнительный актъ къ предыдущему, касающійся имѣній выслуженныхъ.

12. 1537 г., янв. 10. Росписка въ полученіи приданаго Василіемъ Богдановичемъ Чижемъ, державцею кричевскимъ, отъ кн. Өедора Михайловича Чорторыйскаго, дочь котораго кн. Ганна вышла замужъ за Чижа.

13. 1560 г., іюля 30. Подобная же запись Петра Богдановича Хребтовича и жены его Настасьи, урожд. княжны Чорторыйской, о полномъ удовлетвореніи ихъ относительно приданаго братьями Настасьи Хребтовичевой—князьями Александромъ и Иваномъ Чорторыйскими.

14. 1553 г., августа 23. Квитанція, выданная Федорою Федоровною Свинюсскою, ур. княжной Чорторыйскою, брату своему князю Александру въ полной выдачѣ ей той части приданаго ея, которая слѣдовала изъ имѣній, ему доставшихся.

15. 1569 г., окт. 8. Подобная же квитанція въ полномъ удовлетвореніи приданымъ, выданная Андреемъ Павловичемъ Сапѣгою и женою его Мариною Александровною, урожд. княж. Чорторыйскою, князю Александру Чорторыйскому и женѣ его Магдаленѣ Деспотовнѣ.

16. 1543 г., іюня 20. Полюбовная сдѣлка между Маріею Ворыскою и Грицкомъ Өедоровичемъ Ворыскимъ, съ одной стороны, а князьями Александромъ и Иваномъ Чорторыйскими, съ другой, о размежеваніи земель имѣнія первыхъ Быличъ отъ имѣнія вторыхъ Литовижа и др.

17. 1571 г., іюля 13. Завѣщаніе княгини Магдалены Деспотовны Чорторыйской въ пользу сына кн. Михаила Чорторыйскаго.

18. 1498 г., инд. 1, іюля 8. Декретъ вел. князя Александра по дѣлу между кн. Семеномъ Александровичемъ (Чорторыйскимъ?) и кн. Федоромъ Михайловичемъ Чорторыйскимъ объ имѣніяхъ.

19. 1582 г., февр. 22. Завѣщаніе кн. Михаила Чорторыйскаго, старосты житомирскаго, въ пользу жены своей Софьи Ходкевичевны [1]).

Лѣта Божого нароженя тисеча шестсот пятого, месяца генъвара первого дня.

На вряде кгродскомъ, в замку его королевское милости Володимерскомъ, передо мною, Андреем Мисевскимъ, буркграбимъ и наместникомъ подстароства Володимерского, его милость освецоное княжа и панъ Юрей Михайло(вич) княжа Чорторыское покладалъ для актыкованя до книг кгродских володимерских листы, привилля, твердости на вси именя свое, в повете Володимерскомъ лежачие, которые вжо суть рознымъ особомъ от его милости правомъ вечистымъ пусчоны, даючи того причину, ижъ тые вси именя одными листами и привилями продкомъ его милости были наданы и потвержоны, а тепер, розные особы тые добра держачи, менованых листовъ, привиллевъ и твердости кождый з особна у себе держати и оных уживати не могутъ; прото, абы кождый з них, конътенътуючися бранем тых справъ, выписами с книг, добра преречоные держал и уживалъ; для того, по-

---

[1]) Такіе сборники фамильныхъ документовъ, представленные въ судъ, издаемъ въ ихъ цѣломъ составѣ, не разбивая хронологически на отдѣльные акты, такъ какъ они даютъ наглядное представленіе о фактическомъ ростѣ землевладѣнія отдѣльныхъ родовъ и отчасти о юридическомъ ростѣ самыхъ правъ.

даючи его милости тые всѣ справы, листы, привилля и твердости до книг, просил, абы приняты и до книг уписаны были; которых я, огледавши, перед собою читати казалъ, и такъся в соби маютъ [1]).

3. Казимир, Божю милостю корол Полский, великий князь Литовский, и Руский, и Жомоитский и иныхъ. Чинимъ знаменито и даемъ ведати кождому доброму симъ нашим листом, хто на нь узрит или чтучи услушит, комужъ то потребно его будеть ведати, нинешним и на потом будучим: видивши есмо службу намъ верную и николи не омешканую пана Немирину Резановича, а додумавши есмо с нашими князи и паны, с нашою верною радою, дали есмо пану Немири Резановичу и записали тая именя: Литовижъ, сельцо Торговища, Червисча, Стволовичи по тому, какъ было при великомъ князю Витовти, и какъ тепер панъ Немира держалъ, а к тому Зѣмно, а Бубъново, а Чесный Кресть, а Марковъ Став, а Серн, а Мъстишин и со всимъ с тым, што издавна к тымъ именямъ слушаетъ, с приселки, и с лесы, и з дубровами, с полми, ставы, ставищи, с крыницами, и с потоки, и с мыты, и з болоты, и сеножатми, и з бортными землями, и з ловы, и з гаи, и зъ бобровыми гоны, ничого на себе не выменяя; а можеть то собе полепшивати и розширити и на новомъ корени посадити; а подали есмо ему и записали вечно и непорушно и его жонѣ, и его дѣтемъ, и его близким, и его щадкомъ. А при томъ были рада наша свѣдки: князь Матей, бискупъ виленский, воевода виленский панъ Кгаштовтъ [2]), воевода новогородскій, маршалокъ зем-

---

[1]) Затѣмъ слѣдуетъ 1, грамота вел. кн. Свидригайла Митькѣ на села Липую, Бутятичи и Тишковичи, напечатанная въ „Арх. кн. Сангушковъ", т. I, № 48, и 2, грам. кор. Казимира 1450 г., ноября 9 Немирѣ Резановичу на землю Бубново (а не Дубно, какъ напеч.) и пр., напечатанная въ „Ак. Зап. Рос.", I, № 54, 2.

[2]) Янъ Гаштолдъ былъ воеводою виленскимъ въ 1445—1457 гг.

ский панъ Петр Монтикгирдович[1]), панъ Виленский, панъ Судивой[2]), пан Т(роц)кий, панъ Пацъ, панъ Андрей Сакович, наместник полотский[3]), панъ Михайло, канцлеръ, наместникъ смоленский, панъ Юшко Кгонъцевич, панъ Миколай Немировичъ, панъ Станко Мордась и инные наши князи и панове. А на твердость вышей писаных речий и печат нашу привесили есмо к сему листу. А дан у Вилни, в лѣто шостое тисеча семъсотъ шестьдесятого, марца второго, инъдыкта пятогонадцатого. У того листу печать его королевской милости привесистая, а подпис руки тыми словы: Якув.

4. Казимир, Божию молостю корол Полский, и великий князь Литовский, и Руский, и Жомоитский и иных. Чиним знаменито и даемъ ведати кождому доброму симъ нашимъ листомъ нинешнимъ и на потомъ будучимъ, хто на н узрит или чтучи услышить, комуж того потреба будеть ведати: видивши есмо службу намъ верную, а николи неомешканую, пана Миткову, пана Немирина племенника, и подумавши есмо з нашими князи и паны, с нашою верною радою, дали есмо пану Митку тая именя у Перемыльскомъ повете на имя Липую и оба береги, а у Володимерскомъ повете Бутятичи, а Тишковичи, и с Дубровицою, а с Лѣшною, со всим, што к тымъ именямъ прислушаетъ, с лѣсы, и дубровами, с полми, ставы, ставищами, и с крыницами, и потоки, и с мыты, и з болоты, и зъ сеножатьми, и з бортными землями, и з ловы, и з гаи, и с бобровыми гоны, ничого на себе не выменяя; а можетъ собе тая именя полепшивати и розъширивати и на новомъ корѣню посадити; а тая именья, верху писаная, дали есмо пану Митку и записали вечне а непорушне и его жонѣ, и его дѣтюм, и его близким, и его счад-

---

[1]) Петрашъ, или Петръ, Монтигирдовичъ былъ воеводою новгород. въ 1430 - 1452 гг.

[2]) Судивой былъ каштеляномъ виленскимъ въ 1452 г.

[3]) Андрей Саковичъ былъ намѣстникомъ полоц. въ 1450—1457 гг.

кам. А при том были сведки рада наша: отецъ нашъ князь Матей, бискуп (в)иленский, князь Андрей Володимерович, князь Юрий Семеновичъ, воевода виленский панъ Кгаштовт, воевода троцкий и пан Монвид, воевода новгородский, маршалокъ земский панъ Петръ Монтикгирдович, пан виленский, панъ Судивой, панъ троцкий панъ Пац, пан Андрей Немирович[1]), панъ Андрей Сакович, панъ Радивил Остикович[2]), панъ Олехно Довойнович[3]), пан Ивашко Койцевич, панъ Малюский и иные наши князи и панове. А на твердость выше писаныхъ речей и печать нашу привесили есмо к сему листу. А дан у Вилни, в лѣто шестой тисечи семъсот шестьдесятого, генвара третего, инъдыкта пятогонадцать; у того листу печать его королевской милости привесистая одна.

5. Во имя Божое аминъ. Я, Война, пана Неминъ сынъ, на имя Яков, пишу сию духовницу своимъ целым умом, лежа у рани на постели, которуюжъ рану маю от Александра Ладяты, штожъ ми ее задалъ зрадне своею рукою, засѣд на доброволной дорозе у своемъ имени у Колпыници; и я, познав по соби, иже с тое раны маю пойти перед Бог, записую Пресвятой Божей Матери Земенского села по своей души Марков Ставъ; записую матце своей пане Анне Немириной: Мстишин, Полганов, Коршево, Сернъ и Ждчары и Зъдчарки, Ракулин, Сердятичи, Заболотци, Грибовица, Щенютинъ; Земно у матки моее воли, у подани и в опекани, якже было и у моей во(ли); записую жонѣ своей Мари: Стволовичи, село Житани, Чесный Хрестъ, Бубнов, Горѣчов, Ти(ш)ковичи, Щучатинъ. Будеть ли жона моя седети на своемъ удовином столци, она тые имена (дер)жи до своего

---

[1]) Андрей Немировичъ извѣстенъ по актамъ 1441 и 1452 гг. (см. Pocz. Rod., 206).

[2]) Радив. Остиковичъ въ 1477 г. былъ уже воеводою троцкимъ.

[3]) Олехно Довойновичъ извѣстенъ по актамъ 1432, 1436 гг.; въ 1452 г. былъ намѣстн. брестскимъ.

живота; а по ее животе ближним моимъ всѣ тые именя, сестренцомъ моим, князя Михайловым детемъ; пакъ ли жона моя Маря пойдет замужъ, ино зять мой князь Михайло Василевич и сестра моя княгиня Маря и сестренци мое, дѣти их, отложать за вся тая именя триста копъ гроший готовых широких, а тые именя, што есми еи записал, усѣ собѣ возмуть; а пакъли не отложать еи тыхъ пенезей, и она всѣ тые именя держить до своего живота, а по ее животе сестренцомъ моимъ записую и зятю моему князю Михаилу Василевичу, и сестре моей кнегини Мари, и детемъ их; а моимъ сестренцомъ место Литовижъ, а Кречовъ, а Горки, а Олеско; нижли зять мой князь Михайло маетъ отложити за тые Горки Станиславу Недоспѣлскому осмъдесят коп грошей и осмъ копъ, а половину тую вызволит Горокъ собѣ, што онъ держитъ у своих пенезех; на тых же Горках и на половици Олеска маетъ дядиная моя пани Козариновая—сто гривенъ на половици Горокъ, а сто гривенъ на половици Олеска, што еи записал у вѣне дядя мой панъ Козарин до ее живота; ино всхочет ли зят мой князь Михайло отложити еи тую двѣсте гривенъ за половицу Горокъ и за половицу Олеска, а онъ будеть сполна держати Горки и Олеско; пакли не схочеть еи тых пенезей отложити, а она будетъ половицу Горокъ а половицу Олеска держати до своего живота, а по ее животе сполна Горки и Олеско зятю моему князю Михаилу Василевичу [1]), сестри моей кнегини Мари и их дѣтем, моим сестренцомъ. А што коли кому буду чим должен, што будъ (у) кого узял пенезей, ал чимъ будъ бралъ в кого, ино тые долги мое поплати зять мой князъ Михайло, а на моей души не положи. А што есми положил привилея

---

[1]) Кн. Мих. Вас. Чорторыйскій извѣстенъ по актамъ 1445, 1446, 1452 гг. Въ 1489 г. получилъ пожалованіе уже сынъ его Федоръ. Настоящій актъ, поэтому, можетъ быть отнесенъ къ 60-мъ или 70-мъ годамъ XV в.

князя великаго Швидрикгайлова и королева потверженя на всѣ тые именя, што отецъ мой держалъ и я, по отцу, у тещи моее пани Федки Олизаровой; ино тые (и) привилея и потверженя королева указую узяти зятю моему князю Михаилу и собѣ их держати на всѣ тые именя, што я держалъ. А штом был узялъ пенезей тридцать гривенъ у Игнатка Путивельского за мой стат, што у мене взялъ мой стат дяди моего пана Мисковы, и я тых пенезей не взялъ у Игнатка, ино тые пенези возми, князь Михайло, зят мой, а дай матци моей; она тымъ поменетъ душу мою. Отписую Пречистой до Печерского монастыра панцыр и кожух куний, сѣрою кутвѣрою волоченъ. А половицу стада жоне моей; половицу стада жона моя продай да по души моей дай; а пану Гвоздю кожух куний, рабою камъкою волочен; а пану Юрши моеи полъ платье. А иншие пан'ьцыры жона моя продай да по души дай. А королеви два кони чорный а ти(савый). Аж толи, коли мое слово и запис сей духовници моей нарушит или хто матьце моей в чомъ коли будеть кривду делати, тот ся зо мною розъсудить перед Богови. А при том был духовник мой поп Иванъ Стволовицкий, а князъ Янъ Клебан (sic) Крошинский. А писал духовницу королевский дворенинъ Митко, Лукъянов сын. А на твердост сведецтво к сей духовници и печать свою привесил. У того тестаменту печатий з воскомъ чорнымъ три.

6. Се азъ, смиренъный Пафнотей, епископъ володимерский[1]), зволившися зо всею еже о Хрысте братьею, священиками епископие Володимерское, учинили есмо грани зъ его милостю господарем княземъ Федором Чорторыским от земли церковное Володимерское, а княжое земли Земенское по речку, которая идеть отъ Горечова до реки Луга; не надабе(sic)

[1]) Еп. Пафнутій перешелъ въ 1526 г. на Луцкую каѳедру (см. В. Иванова: „Епископы древней Луцкой епархіи“, Почаевъ. 1891 г, стр. 40); въ годы-же, непосредственно предшествовавшіе 1526-му, инд. 4-й падаетъ на 1516-й годъ.

князю Федору за тую речку на земли церковные переходити, а и владыкам на Земенские за тую речку переходити. А позволили есмо князю Федору от городища Зименского до берегу землѣ церковное гребелку засыпати, и ставокъ заняти, и млынокъ збудовати на память светого Еврема; а з того ставку и млынку доход увес светому Еврему быти маетъ. А над ручомъ месцу также грани есмо положили с княземъ Федоромъ от его имене(й) Селца и Чесного Хреста, а от церковное земли Бискупич и Грушович, по сихъ знаменах: зачав отъ дуба у дороги Селецкое до Войковичъ, и другое от боку грани Хмелевское от дуба по Олховый Корчъ, по Красный Дубъ и к рудыци, к болоту великому, идучи простым путемъ, а черезъ тое болото по речку Луг до земли Бужъковское, где Марков Став маетъ грань свою из Бужковичами, по границу Дудранку; по правой—землѣ князя Федоровы, а по левой—земли церковные, и ненадоби ся намъ вже черезъ тую гран в земли чужие ничимъ вступовать а ни подданым нашим навеки. Писан в Зѣмне, месяца июня четвертого дня, инъдыкта четвертого.

7. Александер Федорович Чорторыский—ознаймую тымъ моимъ листомъ, штожъ есми з воли Божое понял собе малжонку кнегиню Ивановую Вишъневецкую, кнегиню Макгдалену Деспотовну; взялом по ней не мало речей: золота, серебра, перел, клейнотов, шат и иных речей такъ веле, яко полторы тисечи копъ гроший; а такъ я, бачачи ее, малжонки моее милое, доброе а цнотливое захованe и поволность ку мне, малжонку своему,—даю, дарую и записую еи, малжонце моеи кнегини Макгдалене Деспотовне на третей части именей своихъ, то естъ, замок Литовижъ з войтовствомъ его и манастыр светого Николы з селы манастырскими: Лѣшнею, и Осмиловичи, именье Молниковъ и Ждчарки двор, селце, и Ждчары, Житани, манастыр Чесного Хреста, дворецъ Бубнов и села боярские, которые к тому замку прислухают:

Заболотци, Ракулин, Сердятичи, Наврятин, и на именю моемъ Борках три тисечи копъ гроший литовское личбы, зо всими платы и дяклы, з слугами путными и людми тяглыми, и зъ ихъ службами, з млыны, и ставы, з реками, и озеры, з даньми грошовыми и медовыми, з ловы зверинными и с пташими, и бобровыми гоны, и въсякими пожитками, которымъ колъвекъ именемъ названы а выменены быти могутъ, якъ ся тотъ замокъ Литовижъ и тые всѣ именя вышей писаные в платех и пожитках своих маютъ. А уховай Боже, часу смертного на мене, жона моя ма седети на той третей части, ее держати и уживати водлуг воли свое(и), а дѣти, и братя, сестры и ближные мое не маютъся в тую третюю част ничимъ уступовати; и волна она тую три тисечи копъ гроший отдати, даровати и записат, кому будет воля ее, какъ ее милост налепей увидить. А еслибы по смерти моей дѣти, братя, сестры и близкие моее поведили, ижъ бы тая была оправа, которуюм я еи, малжонце моей, на третей части именей моихъ вчинилъ, звыше, нижъ и тая третяя част, тогды маютъ всѣ именя мое в одно место спустити и зровновати в третюю част; еслибы было большей третее части, што еи записал, тогды мают тое части вняти; а паклибы меньшей было, тогда маютъ с тых двох частий то наполнити. К тому теж з особливое ласки своее даю, дарую и записую еи, малжонце моей, всѣ мое рухомые речи: золото, серебро, перла, клейноты, шаты и вси рухомые речи, которымъ-колвекъ именемъ названы або менены могутъ; маетъ жона моя на той третей части именей моих, яко вышей написано, жити до живота своего и волна она тую три тисечи копъ гроший, от мене еи записаную, и тые рухомые речи, которыми я еи милости з особливое ласки моее даровалъ, отъдати, даровати и по души своей записати, кому будеть воля ее, якъ она налепий хотеть будетъ; а дети, братя, сестры и ближние мое не мают ся в тую третюю част ничим вступовати; а хтобы з

них мелъ в тую третюю част имени и в тые рухомые речи, штомъ еи записалъ, уступовати и тот лист мой чимъ нарушити, тотъ маетъ заплатити господару королю его милости тисечу копъ гроший литовских, а заплативши, то предся мает ся захавати водлуг того листу моего, который маетъ быти при моцы захованъ. И на то далемъ малжонце моей, кнегини Макгдалене Дейспотовне, сес мой листъ под печатю моею и с подписомъ власное руки моее. А для лепъшое веры и твердости сего листа моего просилемъ вельможного князя Семена его милости Юревича Голшанского а их милостей вельможных пановъ: пана Василя Тишковича, маршалка господаря короля его милости, старосты минского, державци красноселского, а пана Петра Кирдея Мылского, маршалка короля его милости, пана Скумина Лъвовича Тишковича а пана Семена Залеского, дворанина господарского, о приложене печати; и их милости на прозбу мою то вчинили и печати свое приложили к сему моему листу. Писан у Вылни, под лѣты Божого нароженя тисяча пятсот пятдесять пятого, месяца марца первого дня.—У того листу печатий привесистыхъ шесть, а подпис рукъ тыми словы: Александер Чорторыский власную руку подписал.

8. Я, князь Александро Федорович Чорторыский, воевода земли Волынское, чиню явно и вызнаваю тым моимъ листомъ кождому, кому будет потреба того ведати, ижъ дознавши есми ку собе склонность, милост, поволанне, службы и на всемъ цнотливое а уцтивое захованне молжонки моее княгини Макгдалены Деспотов(н)ы, которые она, яко верная а цнотливая малжонка моя, по всѣ часы ку мне, малжонкови своему, показовала и чинит,—што я, хотячи еи вызнати з ласки и зъ милости моее малжоньское ку ний, даю, дарую и симъ листомъ по моемъ животе записую еи милости малжонце моей, кнегини Макгдалене Деспотовне, певную суму пенизий десеть тисечей золотых полских, то естъ, чо-

тыри тисечи копъ гроший литовское личбы, на именях моих: на дворе и местечку, на всѣх селах и приселках, и именях боярских, ку тому двору прислухаючих: на дворе Селцѣ, и манастыри Чесного Хреста, на селе Наврятине на селе Житанех, ку тому двору прислухаючих, на фолварку Бубнове и на именяхъ Горскихъ, на Полесью, при реце Припети, и на подаване манастыра Зѣменского, и на домъ в месте Виленскомъ, под тымъ обычаемъ: если бых я напередъ, нижли она, з тото света зшолъ, тогды ее милост кнегиня малжонка моя по животе моем маетъ тые всѣ вышъпомененые именя, со всими селы и приселки, ку тымъ именямъ прислухаючими, к рукамъ своимъ взяти, держати и их уживати со всими тых именей доходами и пожитками, и пашнями дворными, з данми грошовыми и медовыми, з дяклы житъными и овсяными, з ставы и зъ ставищами, з млынами и их вымелками, и з ловы пъташими и зверинными, и зо всими доходы и пожитками, яким-колвек именемъ названы або поменены быти маютъ, такъ долго и широко, яко ся тые именя здавна сами в соби в границах, обыходех своих маютъ, ничого з них на дѣти и кревные, и близкие мое не зоставуючи. И мешкати ее милост на них спокойне маетъ до живота своего, ни от кого з детей або близких моих с тых именей до живота своего рушона быти ни мает никоторыми причинами; в тые именя, и тежъ в люде, и ни в которые пожитки тых именей дети, кревные и близкие мое ничим ся уступовати и в держаню и вживаню тых именей нѣкоторые перереказы чинити еи ни мают до живота ее; а по животе своем волна будеть кнегиня малжонка моя, кому похочеть, тую суму пенезей десеть тисечей золотых полских, то естъ, чотыри тысечи копъ гроший литовскихъ, на тых вышъ помененых именях моих дати, даровати и на церковъ записати и ку своему пожитку лепъшому обернути, яко сама налепей розумеючи. А кому она по животе своемъ тую суму пенезей отъ-

пишет, дети и кревные, и близъкие мое также, не отдавши тое сумы пенезей, не мають ся ничимъ и никоторыми причинами в тые именя уступовати; але похочуть ли тые именя и к рукамъ своимъ мети, тогды повинни будуть первей тую суму пенезей десет тисечей золотых полских тому, кому то от ее милости записано будеть, отложити, тожъ тые именя к рукамъ своимъ взяти мают. И на то есми малжонце моей кнегини Макгдалене Дейспотовне далъ сес мой листъ под моею печатю. А при томъ были и того добре сведоми, за прозбою моею, печати свое к сему моему листу приложити рачили велможные панове их милости: панъ Юрей Василевич Тишковичъ, воевода берестейскій, державца волковыский; панъ Михайло Тихнович Козинский, каштялян луцкий, городничий володимерский; а панъ Петр Загоровский, маршалокъ господара короля его милости. Писан у Городне, лѣта Божого нароженя тисеча пятьсотъ шестьдесявъ семого, месяца генвара второгонадцать дня.—У того листу печатий притисненых чотыри; подпис руки тыми словы: Александер, власна рука.

9. Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминъ. Я, Александер Федорович, княжа на Чорторыску, воевода земли Волынское, вызнаваю и даю ведати тымъ моим тестаментомъ, бачачи небезъпечность живота своего, бо ничого певнейшого на свети не естъ, одно смерть: на первей, душу свою грешную полеца(м) Богу Сотворителю, во Тройци славимому, а тело землѣ; а тело мое гришное мают поховати у вотчизны моей у манастыри Зѣменском; а память и обыходы водлуг закону нашого хрестяньского злецаю жонѣ моей милой кнегини Макгдалене Дейспотовне и сынови моему милому князю Михаилу. А штомъ первей записал жонѣ моей милой кнегини Макгдалене Дейспотовне, то и тепер записую еи, жонѣ моей, то естъ, двор мой на име Селце, с фолварком з Бубновомъ, з селомъ з Житаньми и приселъкомъ Наврятинскимъ, манастыр Чесного

Хреста и в Литве дворъ мой Стволовичи, к тому имене мое Горки на рѣци Припяти, данники и половицу манастыра отъчизны моее Земенского с фолварки и селы манастырскими; маетъ жона моя княгиня Макгдалена Деспотовна тые всѣ именя вышейменованые держати и их уживати зо всими платы, доходы и с пожитъками, з службами, зо вшелякими повинностями, якимъ колвекъ именемъ названыи або помеnены быти могуть. К тому тежъ, будучи есми потребенъ на службы господарские и земские пенезей, позычилъ есми у жоны моее милое кнегини Макгдалены Деспотовны десеть тисечий золотых полских,—на тых же именях вышеменованых записую жоне моей милой кнегини Макгдалене Деспотовне. Которую суму пенезий десеть тисечей золотых полских волна будетъ жона моя кнегиня Макгъдалена Деспотовна при животе и по животе своем, кому хотячи, отдати, даровати и на тых же именях записовати и тыми водлугъ баченя своего шафовати, яко сама найлепий розумети будет. Што ся дотычетъ именей моих литовских места ... одышокъ и двора Олдова с фолварки и селы, к ним прислухаючими, которые небожчикъ князь Иванъ Вишневецкий даровалъ и записал жонѣ своей, которая, по животе его, зо мною будучи, мне тыи именя даровала и записала и перед урядомъ, то естъ, перед его милостю паном воеводою виленскимъ небожчикомъ, сознала,—на тых именях жона моя до живота своего мешъкати маетъ; а по животе ее тые именя никому иншому, толко сынови моему милому князю Михаилу быти маютъ вечными часы; а жона моя за живота своего тых именей никому заводити, а ни жадное сумы записовати на них ни маетъ, якожъ я тое все право, которое есми на тые именя мелъ, узъливамъ на сына моего и всѣ листы, што на тые именя прислухаютъ, ему дал. А што се дотычеть речей рухомых, то естъ, золото, серебро, клейноты и вшелякие рух(ом)ые речи, яким бы колвекъ именемъ названы або поменены быти могли,—то все за

писую жоне моей милой княгини Макгдалени Дейспотовне, окром тых речий, которые я при животе своемъ князю Михаилу, сыну моему, подавалъ и посправовалъ,—то при немъ зостати маетъ. Што ся дотычет сына моего князя Михаила, тому именя отчизные купленые, и за якимъ-колвекъ правом я державъ, все быти мают. К тому тежъ долги мое, комумъ што виненъ, тые, за оказанемъ листовъ моих вызнаных и ведомости сына моего, онъ маетъ з ыменей платити; служебникомъ тежъ моимъ заслужоное заплатит мает. Штося дотычетъ девки моее княжны Марины, которую есми выдалъ за пана Андрея Сапегу, воеводича новогородского, тую есми выправил и посаг такий, який пристоит, еи далъ, якожъ они сами листы своими вырекълися и перед урядомъ сознали, ижъ ся имъ во всемъ досыть стало и вже никоторых речий и жадного права такъ зо мною, якъ з жоною, з сыномъ нашимъ, вести ни маютъ, а ни о томъ мовити могутъ. Штося тежъ дотычетъ именей моих литовских, которые есмо з братомъ своимъ княземъ Иваном розделили, где онъ взялъ Корыличи, а мне поступил Стволовичи, якожъ есче на тое именье Стволовичи правомъ княгини Илъиной и доцце ее естъ заховано, а такъ еслибы с права тое имене Стволовичи отъ сына моего отышло, теды сын мой з братьею своею, ведлугъ листовъ дельчих, заховатися маетъ. А покорными прозьбами моими его королевское милости, своего милостивого пана, прошу короля Полского, великого князя (Литовского) Жикгимонта-Августа, ижъ бы его королевская милост, панъ нашъ милостивый, паметаючи службы мое, рачил ласкавымъ а милостивымъ паном оборонцою быти жонѣ моей и сыну моему. К тому теж прошу ясне вельможного княжати Юря на Слуцку, пана брата моего гербовного, а его милости велможного княжати князя Романа Санъкгушъковича, пана брата моего, воеводы браславского, старосты житомирского, а его милости князя Андрея Ивановича Вишневецкого, кашталяна волынского, ижъ бы их ми-

лости з ласки своее по животе моемъ во вшеляких долеглостяхъ жоне и сыну моему помочни быть рачили. Якож, заховуючися в том водлугъ обычаю права посполитого и статуту земского, то естъ(sic) и на вряде то есми вызналъ и до книг записати казалъ. А такъ то, для лепшого сведомя и певности, рукою своею власною тотъ тестамент есми подписалъ и печать свою притиснути есми казалъ. А при томъ были и того добре сведоми и за очевистымъ прошенемъ моим печати свое к сему моему тестаменту приложити рачили его милост князь Богушъ Федоровичъ Корецкий, староста луцкий, браславский и виницкий; его милост панъ Петр Загоровский, маршалокъ его королевское милости; панъ Григорей Гулевич, хоружий земли Волынское; панъ Иванъ Чаплич-Шпановский, войский луцкий; панъ Гаврило Бокий Печихвоский, судя земский повету Луцкого. Писанъ у Чорторыску, под лѣты Божого нароженя тисяча пятсотъ шестьдесять девятого, месяца декабра семогонадцать дня. У того листу печатий притисненыхъ шесть.

10. Я Иванъ Федорович Чорторыский, даю ведати симъ моимъ листом нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будет потреба того ведати: которыи именя намъ з братомъ моимъ княземъ Александром его милостю после отьца нашего небожчика зостали, а такъ мы сами промежку себе, доброволне зволивъшися, вмыслили и заховали всѣ именя наши, на первей, замокъ Чорторыскъ и место, и всѣ именя, которые к нему прислухають, и зъ селы боярскими; замокъ Литовижъ и место, двор Селце, двор Мстишинъ также зо всими именьи, которые к тому замку нашому Литовижу и к тымъ двором прислухаютъ, именя боярские, к тому именя Шпрахи а Горки, зо всими платы и пожитки их, яко ся они в соби мают,—тые замки и места и именя наши, зраховавши, в одну часть есмо постановили; в другую част постановили есмо замокъ Клеванъ и место; замокъ Белгород и место

также со всими именьи тамошъними и зъ селы боярскими, ку тому двор Шапле, именье Сернъ, Холопъ, Чаруковъ, который бояринъ Викгура держить, фолварокъ въ Луцку на передместю. И кгды есмо тые имения наши зраховали и на две части розделили, тогды тые обедве части ровны собе одна противъ другое в платехъ и пожиткахъ своихъ стали; гдежъ князь Александер его милост, братъ мой, дал мне напередъ обирати, которая бы ся част мне в дел подобала; а такъ я обралъ и взялъ собѣ замокъ и место Клеванъ, замокъ Белогородъ и место, двор Шапле, имене Сернъ, Холопы, фолварокъ в Луцку а Чаруковъ, зо всими имени тамошними и людми боярскими, которые к тымъ замкомъ и двору Шаплю прислухаютъ, слугами путными и людми тяглыми, и зъ их землями, и з службами, с платы грошовыми и з дяклы, з даньми медовыми, грошовыми и всякими, зъ землями бортными и пашными, з гаи и лесы, з ставами, з реками, з озеры, з ловы звериннымы и бобровыми гоны, и зо всими пожитками, которымъ-колвекъ именемъ назватис могуть, якося тые замки и места, и имѣня всѣ вышшей написаные в соби и в пожитках своихъ маютъ. А я его милости князю Александру, брату своему, пустилъ замокъ и место Чорторыско, замок и место Литовижъ, двор Селце, двор Мстишинъ, имене Шпрахи а Горки, со всими именьи, к тым замком и дворомъ прислухаючими, и з ыменьи боярскими, з слугами путными, и людми тяглыми, и зъ их землями и службами, с платы грошовыми и дяколъными, зъ землями бортными и пашенными, з гаи, лесы, з даньми медовыми и грошовыми, куничными и всякими, з млыны и ставы, з реками и озерами, з ловы звериннымы, бобровыми гоны и зо всими пожитками, якимъ-колвекъ именемъ названы быти могуть, якося сами в соби и в пожиткахъ своихъ маютъ. Штося дотычет именей нашихъ литовских Корeличи а Стволовичи, тыми именя не вечно, одно дочасне ся есмо з братом моим княземъ Алек-

сандромъ его милостю поделили: я обрал собе Кореличи, а его милости пустилъ Стволовичи; а для тое причины тых есмо именей наших в делъ вечистый не постановили, ижъ о именье наше Стволовичи король его милост намъ с кнегинею Илиною право заховати рачилъ. А еслибы хто мел нас о тые именя наши, яко о Кореличи, такъ и о Стволовичи, або о реч земленую тых именей наших ку праву позывати, тогды мы обадва один другому в томъ допомогати и в праве отказовати и посполытым накладом нашимъ того боронити маемъ; еслибыхмо тое именье наше Стволовичи с права пустили, тогды на он часъ тымъ именемъ Кореличами на полъ вечне розделитися маемъ. А што ся дотычеть тых двохъ частий наших: части моее замку Клеванского и места, замку и места Белагорода, со всимъ с тым, што к нимъ зраховано, и в тую часть постановлено, што естъ вышей написано, которуюж часть я обрал; а част князя Александра его милости замку и места Чорторыска, замку и места Литовижа с тыми дворы, имени и их платы и пожитки, которые ку части его милости такъ вжо зраховали и меновите на томъ листе моемъ вышей выражоно, которуюжъ часть я его милости брату своему самъ в дел пустилъ з тыми всими замки и месты, ино ..... тыи имени наши ми сами есъмо промежи себе доброволне и вечне ся розделили, и на томъ перестали. А што ся тежъ дотычеть манастыра Пресветое Богородици Зѣменского, тотъ маемо обадва, весполокъ з княземъ Александромъ его милостю, будовати, а в поданю нашомъ мети и от кривдъ посполите боронити. К тому што ся дотычет скарбу отца нашого: золота, серебра, клейнотов, перелъ, шатъ, коний, стада, зброй и всих военъных и рухомыхъ речей, то есмо все з братом моим княземъ Александромъ ровне розделили. К тому тежъ на том есмо промежъ себе застановили, ижъ ни маемъ оден от другого такъ служебников, яко и людий посполитых приймовати. Долг отца нашого и посполитый нашъ маемъ

обадва, весполокъ с князем Александромъ его милостю, платить. Што ся дотычеть листовъ и привилъевъ на имена наши, тые есмо промежку собе розобрали, которые ку части чией прислухають, на обедве стороне и вже ни маемъ жадных один на другомъ листов, а ни привилеев и никоторых инших речей поискивати, бо ся намъ з братом моимъ княземъ Александромъ в тых всих вышейписаных, какъ в кгрунтовых, якъ и в рухомых, речах слушный а справедливый дел сталъ; и не маемъ мы сами, дети и потомки наши того делу нашого рушити и никоторыми причинами того листу нашого делчого выступати и на вечные часы его держати и полнити маемъ. Еслижъ быхмо мы сами, дети и потомки наши мели чимъ тотъ делъ нашъ нарушити и с того листу нашого выступити, тогды тая сторона, которая сторона делъ рушати будеть, маетъ заплатити стороне противной заруку тисечу копъ гроший; а заплативши тую заруку, предъ ся маемъ о тотъ дел нашъ вечное молчане мети, а то неотменне держати мы сами, дети и потомки наши на вечные часы. Што ся дотычеть княженъ сестр наших, которых две зостали, о то маемъ другие листы наши промежъ себе одинъ другому под печатми дати, якъ ся маем в том захововати. На штожъ далъ есми князю Александру его милости, брату моему, сес мой листъ з моею печатю и с подписомъ власное руки моее. А для лепшого сведома и твердости сего моего листу просил есми господина отца нашого владыки его милости луцкого и острозского Феодосия, господина отца нашого архимандрыта его милости Жидичиньского и пана Богдана Михайловича Семашка, старосты ковельского, мелницкого, миляновского, вижовского и фалимицкого, пана Петра Богдановича Загоровского, пана Михаила Михайловича Свинюского, пана Яна Богдановича Загоровского о приложене печатий к сему моему листу; а их милости на прозбу мою то вчинили и печати свое к сему листу моему приложили.

Писан у Чорторыску, под лѣтъ Божого нароженя тисеча пятсот сорок семого, месяца іюня девятыйнадцать день, инъдыкта пятого. У того листу печатий привесистыхъ семъ; а подпис рукъ в тые слова: Я, Иван, руку свою подписалъ.

11. Я Иванъ Федорович Чорторыский, вызнаваю тымъ моимъ листомъ: которыми именьи есмо розделили уси, которые намъ остали по небожчику отцу нашомъ, межи которых именей ест выслуги отца нашого в обеех частех нашихъ, такъ у моей, яко у его милости брата моего князя Алекъсандровой части, а такъ еслибы о тую выслугу хто з нас был от господара его милости позван, уховай Боже, если бы з нас кого з выслуги отца нашого было рушоно, теды мы другий с части своее другому то нагородити, а у права тогды маемъ того посполитымъ накладомъ боронити. И на то далъ есми его милости брату моему князю Александру сесь мой листъ з моею печатю и с подписю власное руки моей. Писанъ в Чорторыску, под лѣтъ Божого нароженя тисяча пятсот сорок семого, месяца июня двадцать второго дня, индыкта 5.

12. Я Василий Богдановичъ Чижъ, конюший дворный господара короля его милости, державца крычовский, накелский, и з жоною моею Ганною, вызнаваемъ сами на себе симъ нашимъ листомъ кождому доброму, хто на него посмотрить, або чтучи его услышит, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ того потреба ведати, што есми з воли Божое понял дочку княжну Ганъну у господина моего князя Федора его милости Михайловича Чорторыского, старосты луцкого, и которая выправа водлуг статуту прав земскихъ мела бы прийти на княжну дочку его милости, жону мою, ыменей отчизных его милости с четвертое части, а такъ его милост вже намъ весполокъ зъ жоною моею за то досыт учинил, яко готовыми грошъми, такъ клейноты, золотомъ, сребромъ, перлы, шаты и иншими

речми слушную выправу далъ; и вже черезъ то я самъ, а ни жона моя княжна Ганна, и дети наши ни маемъ (зъ) князем Федоромъ его милостю, господином и отцемъ нашимъ милымъ, и зъ его милости детми—с князем Александромъ и княземъ Иваномъ—о тую выправу з отчизны его милости, яко в статутех описуетъ, мовити и никоторыми причинами того под их мил. поискивати не маемъ; и маемо о то вечное молчанье мети, бо вже намъ и зъ жоною моею Ганною господинъ отецъ нашъ князь Федор его милост, староста луцкий, досыть учинил. А при томъ были и тому добре сведоми: князь Василей Федорович Четвертенский, панъ Оникий Горностай, ключникъ виленский, державца каневский и дубицкий, писар волостий господарских руских, панъ Богданъ Михайлович Семашко, писар пана воеводы его милости виленского, панъ Василей, панъ Петр Чаплич, панъ Петр Михайлович Семашко, писар пана виленского его милости. А для лепшого сведомя и твердости печат есми свою привесил к сему моему листу; и просил есми тых вышей менованых панов о их милостей печати; и их милост на мою прозбу то вчинили: печати свое к сему моему листу привесили. Писан в Чорторыску, под лѣтъ Божого нарожения тисеча пятсотъ тридцать семого, месяца генъвара десятого, индыкта. У того листу печатий привесистыхъ осмъ.

13. Я Петр Богданович Хребътович, и зъ жоною моею Настасею вызнаваемъ сами на себе симъ нашимъ листомъ кождому доброму, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати, што есмо з воли Божое понялъ сестру у их милостей пановъ а добродѣевъ своих, в князя Александра и в князя Ивана Федоровичов Чорторыских, и которая выправа, водле статуту прав земских, мела бы прити на княжну и сестру их милостей, жону мою, з ыменей отчизны(х) их милости с четвертое части, а такъ их милости вже намъ весполокъ зъ жоною моею досыть учинили, як гото-

выми грошми, такъ клейноты, злотомъ, сребромъ, перлы, шаты и иншими речми слушную выправу дали, то естъ, готовыхъ пенезей пятьсотъ копъ грошей литовское личбы дали, а в выправе другую пятьсот копъ, то естъ, всего тисеча копъ грошей литовскихъ; и вже черезъ то я самъ, а ни жона моя княжна Настася, дети и потомъки наши на их мил. князю Александру а князю Ивану о выправу з отъчизны их милостей, яко в статуте описуетъ, мовити, а никоторыми причинами того под их мил. и потомках их мил. поискивати ни маемъ; и маемъ ото вечное молчане мети, на што их м. князю Александру а князю Ивану Чорторыскимъ даемъ сесь нашъ листъ з нашими печатми и с подписанемъ власное руки моее. А при том были и того добре сведоми: панъ Павелъ Ячимирский, дворанин господарский, а панъ Бенедыктъ Юрага, судъя повету Новогородского, панъ Богушъ Овсяникъ, дворанинъ господарскій, которыи за прозбою нашою печати свое к сему листу нашему приложили. Писан у Чорторыску, лета Божого нароженя тисеча пятьсот шестьдесятого, месяца июля тридцатого. Петр Хребтовичъ руку свою подписалъ.

14. Я Михайловая Свинюская Федора Федоровна, княжна Чорторыская, вызнаваю и чиню явно тымъ листомъ моимъ кождому доброму, кому будетъ потреба того ведати, ижъ што их милости князя братя мое: князь Александер а князь Иванъ Чорторыские зостали мне винни вена двесте копъ гроший литовских; то пак его милость князь Александро, вже по смерти небожчика малжонка моего его милости пана Михаила Свинюского тую сто копъ гроший мне отдалъ и за все вѣно, што мне з части его милости именей отъчисты(хъ) приходило, досыть учинил; и вжо я сама и нихто з близкихъ моих не маюся его милости князю Александру Чорторыскому, малжонце его милости и сынови его милости князю Михаилу и потомком их милостей вена своего вспоми-

нати на вечные часы; на што есми его милости князю Алекъсандру дала сесь мой листъ под печатю моею. А при том были и того добре сведоми их милости панове: панъ Петр Богданович Загоровский, маршалок господарский, панъ Петр Костюшкович Хоболтовский, а панъ Семен Яскович Черничицкий. Которые панове за прозбою моею печати свое к сему моему листу приложити рачили. Писан у Свинюсех, лѣта Божого нароженя тисеча пятсот пятьдесятъ третего, месяца августа двадцать третего дня.

15. Я Андрей Павлович Сапега, воеводич новгородский, поспол з малъжонъкою моею Мариною Алекъсандровною Чорторыскою, воеводянъкою волынскою, чиним явно и вызънаваемъ симъ листомъ нашим всимъ в обецъ и каждому з особна, кому будетъ потреб того ведати або чтучи его слышати, што которую суму пенезей готовизны, такъ и выправы, обецал его милост князь Александро Чорторыский, воевода волынский, и малжонка его милости кнегиня Магдалена Деспотовна, през пана Петра Загоровского, маршалка господарского, мне вѣна по доцце своей кнегини Макгдалене дати, а то естъ: готовых пенезей пять тисечей копъ гроший личбы и монеты великого князства Литовского, личечи по десети пенезей белых въ грошъ, а у выправе тисечу сѣмъсотъ пятьдесят копъ гроший личбы литовское; ино его милост князь Алекъсандро Чорторыский з малжонъкою своею, чинечи досыт обетъници своей, суму пенезей вышей речоную пят тисечий копъ гроший готовых, такъ и тую выправу тисечу семъсотъ пятьдесять копъ гроший, мне Андрею Сопѣзе, и малжонце моей всю сполна заплатить и до рукъ наших отдать рачили; и вже я, Андрей Сапега, и малжонка моя Марина у его милости князя Александра Чорторыского, отца нашого, и малжонъки его милости кнегини Макгдалены Деспотовны за живота ихъ милостей, такъ и по животе у сына их милостей князя Михаила Чорторыского, якъ маетности,

такъ вшелякихъ речий упоминатися и жаднымъ правом на ихъ милостяхъ поискивати и вечне молчать маемъ, бо намъ уже от их милостей за все досыть стало. Якожъ я, Андрей Сапега, з малъжонкою моею Мариною, ставши очевисто передъ урядомъ замку Луцкого, о отдане сумы нам отъ их милостей, такъ тежъ што вже намъ за все стало досыт, до книг вызнали и записать дали. И на то даемъ ихъ милостям сес нашъ листъ с подписанемъ рукъ наших и печатми. А при том были и тому добре ведоми: его милость панъ Петр Загоровский, маршалокъ господарский; панъ Иванъ Чапличъ, войский луцкий; пан Гаврило Бокий, судья земский повету Луцкого. И за очевистыми прозбами нашими печати свое приложить к сему нашому листу (рачили). Писан у Чорторыску, лѣта Божого нароженя тисеча пятсот шестьдесят девятого, месяца октебра осмогонадцать дня. У того листу печатий пять, а подпис рук тыми словы: Jendrzy Sopiga, woiewodzicz nowogrodzkij, ręką wlasną. Марина Чорторыская Андреевая Сапежиная, власная рука ее.

16. Я Федоровая Яцковича Варыского Маря, а Грицко Федорович Ворыский, даемъ ведати и вызнаваемъ тымъ нашимъ листомъ, што господар корол его милост на жалобу нашу рачилъ листомъ своим господарским рокъ праву зложить князю Александру а князю Ивану Федоровичам Чорторыскимъ, старостичомъ луцкимъ, о кривдах, которые ся из давных часовъ деяли в землях и в ынших речах з места ихъ милостей Литовижа а з ыменя их милостей от Грабовици, Сердятич, Кракулина, имению нашому Биличом; где жъ яко князѣ Чорторыские ихъ милости и я изъ сыном своим на тотъ рокъ, отъ господара его (мил.) зложоный, на тые землѣ певные выехали и комисари з обудву сторонъ вывелимь: з руки своее—князя Александра Федоровича Збаразского, князя Андрея Михайловича Козеку, пана Тихна Киселя; княжата их милости и с своее з руки—пана Лва Борисовича

Образцова, а пана Грицка Янъчинского, а пана Федора Якимовича Хмелевского; и перед их милостями паны комисарми нашими листы жалобные и права свое з обох сторонъ положивши, и на конецъ уживаючи правъ, и не ожидаючи от их милостей жадного розсудку, сами доброволне есмо зволившися, якъ князи их милости, так и я и сын мой, маючи лета зуполные, просили есмо их милостей обохсторонъных комисаров нашихъ, абы их милости рачили тые незнаски и розници наши едъналнымъ угодливымъ обычаемъ поскромити. А такъ панове комисаре наши, бачачи нас склонных ку еднаню, объехавши земли пенъные и выслухавши обудву сторонъ речи и листовъ наших, приятелскую угоду а постановенье едналнымъ обычаем рачили промежку нас на конец вчинити и тые землѣ от местца и от именей их милостей князей ко именю нашому Биличом ограничити на вечные часы, копцѣ закоповати и грани въ деревю починити, почавши от великого болота Страховецкого, которое не пенно по половицы обедве стороне вживаемъ, черезъ поле и диброву ажъ по Грабовецку землю, которая прилегла ку кгрунту пенному; оттол промежку Былич к Грабовици идеть гран дубровою, копце покопаны, грани позарубованы, ажъ к Мышовской землѣ; а отъ именя ихъ милостей Сердятич также их милости рачили ограничити, взявши верхъ тогожъ великого болота черезъ диброву ажъ ку Мышовской грани, копци их милости рачили закопати и грани зарубати. Которуюж вгоду и постановенье и тутежъ положене границ мы, обедве стороне, яко княжа их милости, такъ и я и сынъ мой Грицко, вдячне от их милостей панов комисаровъ наших приняли и на вечные часы полнити обецали, ничимъ зъеднаня и листу своего еднаного невыступуючи. А еслибы з нас которая сторона мела чимъ выступити, еднаня и листу едналного нарушити, тотъ маетъ заплатити господару королю его милости двесте копъ грошей, а поедначомъ нашимъ сто

копъ гроший; а сторона выступная держачой тое постановенье стороне маетъ заплатити двесте копъ гроший; а заплативши тотъ заклад, маетъ предце вечне молчати и подлуг того листу едналного во всемъ ся заховати. На щожъ я Ворыская и сынъ мой Грицко дали есмо княжатамъ их милостям Чорторыским сес нашъ листъ под нашою печатю; и просили есмо тых, верхуписаных пановъ, обудву сторонънихъ едначовъ нашихъ, о приложене печатий; их милости на нашу прозбу то вчинили: печати свое приложили к сему нашому листу. Писан в Быличах, под летъ Божого нароженя тисеча пятьсотъ сорокъ третяго, месяца июня двадцатого дня, инъдыкта второго.

17. Во имя Божое станся. Поневажъ всякие справы вечные, которые если хто вечными и непорушными мети похочетъ, не згола справованы, але писмомъ объяснены бывають, абы с памети и ведомости людских не сходили; прото я Алексанъдровая Федоровича Чорторыского Макгдалена Дейспотовна, воеводиная волынская, чиню явно и вызнаваю тымъ моим тестаментом, кому бы то ведати належало, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ будучи есми з допущеня Божого хоробою обложною навежона и сподиваючися на себе часу смертного, кгдыж на свети над смерть ничого певнейшого не естъ, а еслибы з воли Божое час смертный на мене пришол, полецаю душу мою во Тройци славимому Богу; а телу моему погребъ учинити маетъ сын мой князь Михайло Чорторыский, воеводич волынский, в манастыре Зѣменскомъ зо всими обыходы, водлуг закону нашого хрестянского. К тому маетъ сынъ же мой князь Михайло Чорторыский роздати по церквамъ на обыход и панахиды певную суму пенезей, то естъ, до манастыра Зѣменского десеть копъ гроший, до церкви соборное светое Пречистое в месте Виленскомъ десеть коп гроший, до церкви соборное в Луцку десеть копъ гроший, до церкви соборное у Володимери де-

сеть копъ гроший, до церкви соборное в Чорторыску десеть копъ гроший, до церкви Жодиское десеть копъ гроший; што все справе и доброму баченю сына моего милого князя Михаила Чорторыского поручаю. К тому теж што его милость славное памети князь Александро Федорович Чорторыский, воевода волынский, малъжонок мой, речи рухомые маетности своее, то есть, злото, сребро, пенези готовые, ланцухи, клейноты, перла, шаты, кони ездные и возники, тежъ цѣнъ, мѣд, олов, желизо, и все, што одно маетностю рухомою названо и менована быт может, даровалъ и записал мне на вечность; к тому на дворе именю Селецкомъ, на Бубнове, на селе Чеснохрескомъ, на Житанех, на Наврятине в повете Володимерском, а на другим именю Стволовицкомъ в повете Новогородскомъ, тежъ на именю Горках в повете Пинскомъ, розно лежачих, доживотье и сумы десеть тисечей золотых личбы полское, а особъливе владане и справоване половици манастыра Зѣменского и каменицу въ месте Виленскомъ тежъ мне записал помененый князь Александро Чорторыский, малжонокъ мой. А такъ я, вышепомененая Макгдалена Дейспотовна, дознавши и маючи завше при собе милость, склонность и угажаня поволными а зычливыми службами, и прихилность статечную сына моего милого князя Михаила Александровича Чорторыского, воеводича волынского, который онъ, яко милый а зычливый сын мой, охотне ку мне чинити не омешкивалъ, не будучи ни черезъ кого намовена, а ни примушона, але по своей доброй воли, и будучи при доброй памети и с полного розуму, тое все вышеменованое, мне отъ князя воеводы, малжонка моего, дарованое и записаное, яко маетност свою рухомую, такъ сумы десет тисечей золотых полских (на) Селецкомъ именю, дворех и приселъках, такежъ и на Стволовичах и Горках з доживотьемъ, князю Михаилу Чорторыскому, воеводичу волынскому, сыну моему, дала тотъ мой тестаментъ под печатю моею. А при

справованю того моего тестаменъту везваны были и того добре сведомы ихъ милости: панъ Гаврило Бокий, судья земский повету Луцкого, а панъ Богдан Сушко Хоболтовъский, судъя земский повету Володимерского, а панъ Иванъ Колосовский, судъя кгродский володимерский, а панъ Федор Солтанъ, писар земский повету Володимерского; и за очевистою прозбою моею их милости менованые панове печати свое приложили к сему моему тестаменту. Писан у Селци, лѣта Божого Нароженя тисеча пятьсот семъдесятъ первого, месяца июля третегонадцат дня. У того тестаменту печатий притисненыхъ пять.

18. Александер, Божию милостю, великий князь Литовский, Русский, Жомоитский и иных—смотрили есмо того дѣла с паны радою нашою: жаловал намъ князь Семенъ Александрович на князя Федора Михайловича Чорторыского, искалъ под нимъ половины отчизны его, и мовили о томъ перед нами очевисто: князь Федор поведилъ, штожъ отецъ его о тот дѣлъ его отцу не въпоминалъся; князь Семенъ рекъ, штожъ отецъ его князя Федорову отцу о тотъ ся делъ впоминалъ за отца нашого короля его милости. И мы пытали князя Семена: кому бы тая реч сведома была паном раде отца нашого, штожъ бы отецъ его князя Федорову отцу о тотъ ся дѣлъ впоминал? А онъ на то доводу никоторого не вчинилъ. Тѣжъ поведили передъ нами панове рада наша панъ виленский, наместникъ городенский, князь Александер Юревичъ, воевода троцкий, маршалокъ земский панъ Янъ Юревичъ, штожъ отецъ князя Семеновъ о тотъ делъ князя Федорову отцу не впоминалъ [1]) за отца нашого короля его

---

[1]) Далѣе, въ актовой книгѣ, по ошибкѣ писца, занесенъ отрывокъ изъ другого документа, а именно, завѣщанія княгини Магдалины Деспотовны Чорторыйской...: „записане и особливо доживотье, справоване половици манастыра Зѣменского и каменици Виленское, и еще що-колвекъ я сама своих власных речий рухомое маетности, так иж золота, серебра, пенезей готовыхъ, ланъцуховъ, клейнотовъ, перел, шатъ, коний ездныхъ, возниковъ, тежъ цыны

мл. Ино коли отецъ его о то ся его отцу не впоминал, а то так ся вдавнило ажъ и до тых часовъ, имъ того досмотривши, князя Федора Михайловича в том есмо правого нашли; нехай онъ тую свою отчизну всю сполна держить и завидаетъ(sic) по давному; а князь Семенъ Алексанъдрович о тот дѣлъ не маетъ ему вжо впоминатися, а ни дѣти его на немъ того искати на веки. Писан у Вилни, июля осмого дня, инъдыкта первого.—У того декрету печать одна великого князства Литовского, а подпис в тые слова: при томъ были князь Войтех, бискупъ виленский, панъ Виленский, наместникъ городенский князь Александро Юревич, воевода троцкий, маршалок земский панъ Янъ Юревичъ, староста жомоитский панъ Станиславъ Янович и иные панове рада.

19. Во имя святое, фалимое и нераздельное Тройци Отца и Сына и Духа Святого Бога Вшехмогучого станся. Кгдыжъ не толко память людская естъ слаба и коротка, але и сам векъ, або животъ чоловечий, вельми нетрывалый и намъней непевный; для того от Пана Бога подана естъ наука писма, абы имъ законъ святый и всѣ побожные речи могли быти кгрунътовне и статечне задержаны и в потом-

мѣди, олова, желиза, маю все от мала до веля, даю, дарую и симъ тестаментомъ моим записую и остатнею волею моею потвержаю менованому сыну моему, его милости князю Михаилу Чорторыскому, воеводичу волынскому на вечность, отдаляючи то все отъ иншых сынов, дочокъ и зятей моих, такожъ и от потомства, вечными часы; которое обоее рухомое маетности, яко тое мнѣ от князя воеводы, малжонка моего и отца его милости, дарованое, такожъ што власное маетности моее было, и сумы десет тисечей золотых полских з доживотемъ моимъ на имению Селецком, дворехъ и иных именях тамошних, к Селцу прислухаючих, к тому на Стволовичахъ и на Горкахъ, а особливе справу и владанье половицу манастыра Зѣменьского и каменицу Виленскую маетъ вжо помененый сын мой, князь Михайло Чорторыйский, яко власность свою, в моцъ и держанье свое вземши, по воли своей вживати и всимъ тымъ менованымъ, яко рухомыми маетностями, такъ именями и сумою з доживотьемъ моемъ, мне от малжонка моего а отъца его милости записаную, подле найлепшого баченя и уподобаня своего, оборочати и шафовати, яко самъ найлепий розумети; а иншие дѣти—сынове и дочки и зяти мое, и потомство их—в то ся никоторыми причинами вступовати и в томъ жадное переказы и трудности князю Михаилу Чорторыскому, сынови моему, задавати не мають вечными часы".

ные часы варованы. Прото и я, многогришный рабъ Божий Михайло Чорторыский, староста житомирский, ведаючи то яко с писма святого, так зо вшелякихъ припадковъ светскихъ, не быт ничого певнейшого кождому чоловеку надъ смерть, вонтплившого и таемнейшого над час смерти, для чого насъ и Панъ Изб.витель нашъ Исус Христосъ у Евангелие свое написал и напоминати рачить, абыхмо чули, а на заволане Его готовы были, не ведаючи часу, а ни годины, хотечися в томъ водле воли милого Бога и звычаю людий хрестянских справити, а за часу погоды тое, якобы по животе моемъ, кгды мя Панъ Бог до фалы своее святое с того света поволати рачить, все уцтиве и пристойне в дому моемъ ити могло, опатрити и то писмомъ на всѣ пришлые часы объваровати и объяснити, ачъ-колъвекъ будучи есми на теле хвор, але на умысле, баченю и памети, з ласки Божое, зуполный и досконалый, сесь тестаментъ остатънее воли моее самъ, по своей доброй воли и статечнымъ розъмысломъ моимъ, казавъши написати, и такъ то все, якося нижей описало, мети хочу. Наперъвей, душу мою, яко теперъ за живота, такъ по смеръти, поручаю Пану Богу Всехъмогучому, уфаючи яко Отъцу милосеръдному и добротливому, же для Сына своего Единородного, Пана Избавителя нашого Исуса Хрыста, грехи мое оставити, а мене до фалы своее светое приняти рачилъ. А кгды Панъ Богъ волю свою светую надо мъною выконати и мене с тымъ светомъ розълучити будеть рачилъ, тѣло мое до манастыра Сосници заложеня Святое Тройци, подъ Чоръторыскъ, маетъ быти отъпроважоно и учътиве, яко належить, черезъ княгиню малъжонъку мою и ихъ милость пановъ опекуновъ, нижей описаныхъ, поховано. А што ся дотычетъ малъжонки, детей и маетъности моихъ, тое, яко малъжонъку мою милую, такъ дети и вси маетности мое лежачие и рухомые тутъ, на Волыню, и у великомъ князстве Литовъскомъ, поручаю и подаю в моцъ, в

опеку и в оборону Пану Богу Всехъмогучому, а ихъ милости паномъ и добродѣемъ моимъ ихъ милости: его мл. ясне-вельможному княжати Андриеви Вишневецкому, воеводе волынскому, старосте любецкому, брату своему, его милости ясневельможному княжати Янушови Збаразъскому, воеводе браславскому, старосте кременецъкому и пиньскому, а его мл. князю Дмитру Козѣце, которыхъ ихъ милость, яко кождый дознаваетъ побожъности, щирости и доброти, такъ я немъний будучи того досконале сведомъ, и по их милости всякое милости, ласки ку собе певенъ, то ихъ милост злецаю и покорне прошу, абы з доброти и ласки своее ку мне, а немней съ повиньности хрестянское, тую працу на себе приняти и малжонку мою милую, дѣти и маетности мое в своей ласковой опеци и обороне мети, а наболшей о уцтивом выхованю и цвиченю дѣтокъ моихъ милостивое старане мети рачили; якожъ уфаю ихъ милостивой ласце, же их мл. того, штобы было ку уцтивъшому детей моихъ, з милостивое ласки своее и в надѣю отъ Пана Бога обфито нагороды, опустити не рачить. Именя со вси маетности мое лежачие и рухомые тутъ, на Волыню, и въ великомъ князстве Литовскомъ, малжонка моя милая княгиня Зофия Ходъкевичовна, которое я цноты, веры, упреймое милости малжоньское завжды дознаваю, до летъ детей моихъ, або поки замужъ не пойдетъ, в рукахъ своихъ мети и того спокойне уживати, а дети мое пристойне выховати, опатровати, сыномъ на науки и иншие потребы, также и дочкамъ на всякие охендозства, водле воли и науки ихъ мл. пановъ опекуновъ, накладати; а еслибы замужъ пошла, нимъ дети мое летъ доростутъ, тогды их мл. панове опекунове, звлаща его мл. пан воевода волынский, яко братъ прирожоный, опекун, такъ и его мл. пан воевода браславский, отъ малжонки мое дети и маетности мое з рукъ и держаня ее взяти, и тымъ до летъ детей моихъ, подлугъ налепшого баченя своего, штобы з налепшим детей моих ра-

чили розумети, справовати маютъ, окромъ именей тыхъ, на которые малъжонка моя милая право и записъ отъ мене маетъ; с тыхъ ее ихъ милость панове опекунове рушити и переказы чинити ни маютъ; але она оныхъ именей спокойне, водле записовъ своихъ, уживати волна и личъбы з нихъ чинити не будетъ повинъна. Ку тому, тойже малъжонце моей, за щирую и уприймую ее ку мне милость и поволность малъженьскую, всихъ речей моихъ рухомыхъ, якокольвекъ назъваныхъ, золота, сребра, клейнотовъ, шатъ, коний, быдла, стада, збожа и всякихъ статъковъ и спрятовъ домовыхъ, што одно кольвекъ естъ и оказатся можетъ, еи, малъжонъце моей, половицу симъ тесътаментомъ моимъ записую и упевняю. Долги мое вси, которые бы ся за слушъными записы, водле права учинеными, показали, а особно, кромъ запису, пану Якубу Торосовичу, мещанину лвовъскому, семьсотъ золотыхъ полъскихъ, служебникомъ моимъ Матысу Хмелевскому триста золотыхъ полскихъ долгу, Андрею Шпраскому семъсотъ золотыхъ полскихъ долгу, Яну Муравъскому сто золотыхъ полскихъ и полъсеманадьцать золотыхъ полскихъ долъгу, з ыменей моихъ власныхъ, черезъ ихъ милость паны опекуны и малъжонъку мою милую, поколъ именъя мои деръжати будетъ, плачоны быти маютъ. Такъже слугамъ моимъ юръкгелтъ, або урочистое ихъ заслужоное, подле заслугъ кожъдого, з мыта чорторыского и литовизъского, або и з ынышихъ пожитков, ихъ милость панове опекуны зъ кнегинею малъжонъкою моею поплатити и пристойне ихъ отъправити маютъ. А што бы которые з нихъ особливе з ласки моее отъ мене мети могли, то на инъшомъ реестри моемъ, с подписомъ руки моее, назначоно будетъ. Земяне тежъ мое, або слушне оселые, которые именя от продковъ моих и от мене держать, тых именей кождый з них, водлугъ права, листов и записовъ своихъ, уживати маетъ. И на том сесь тестамент власное воли моее списаный ихъ ми-

лости паномъ опекуномъ и княгини малжонце моей зоста-вилъ, с подписомъ руки моее власное и с печатю моею; при котором справованю были, того добре сведоми, а за устною прозбою моею печати свое къ нему приложити рачили панове а приятелѣ мое: ихъ милость панъ Павелъ Оранский, панъ Семенъ Ласко Черъчицъкий, панъ Григорей Киселъ Низъкиницъкий, земяне господаръские повету Володимерского. Писанъ у Литовижу, тисяча пятьсот осмъдесятъ второго року, лѣта Божого нароженъя, месяца февраля двадцат второго дня.—У того тестаменту печатий чотыри, а подъписъ рукъ его милости князя Чоръторыского в тые слова: Михайло Чорторыский, староста житомирский, власною рукою.

А такъ я тые листы вышей менованые, передо мною покладаные, за прозъбою его мл. княжати Чорторыского до книгъ справъ кгродскихъ володимерскихъ записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 970, л. 1, актъ 1.

X.

Акты на имѣнія князей Чорторыйскихъ, предъявленные княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Чорторыйскимъ въ 1547 г.

1. 1511 г., іюня 15. Грамота кор. Сигизмунда I князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому на городъ Литовижъ, на монастырь св. Николы и селище Зчарки во Владимирскомъ повѣтѣ.

2. 1501 г., іюня 12. Подтвердительная грамота короля Александра городу Литовижу на магдебургское право, съ прописаніемъ грамоты в. кн. Свидригайла, первоначально пожаловавшаго это право означенному городу.

3. 1510 (?), инд. 13, сент. 29. Запись Степана Кунаховича Гуща князю Ѳедору Михаиловичу Чорторыйскому на имѣніе Колнятичи, выкупленное княземъ изъ заставы отъ Вас. Семашковича [1]).

4. 1450 г. (инд. 13), дек. 29. Жалованная грамота в. кн. Свидригайла князю Михаилу Васильевичу Чорторыйскому на имѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ: села Алышовъ, Деревянное, Дековъ, Суховѣсъ, монастырь св. Николы на Клевани и с. Чаруковецъ [2]).

5. 1452 г., дек. 29. Жалованная грамота в. кн. Свидригайла кн. Михаилу Васильевичу на село Холопы въ Луцкомъ повѣтѣ.

6—7. 1504 и 1505 г. Двѣ грамоты короля Александра княгинѣ Марьѣ и князю Ѳедору Мих. Чорторыйскимъ на монастырь Пересопницу (напечатаны: первая въ Акт. Зап. Рос. т. I. № 212, вторая въ Акт. Южн. и Зап. Рос. т. I. № 41, и потому здѣсь не помѣщаются).

---

[1]) Издана проф. Ѳ. И. Леонтовичемъ (Акты Лит. метр., № 12) подъ неправильною датою 1449 г.; эта запись, какъ и грамота Литовижу, тамъ-же напечатанная, здѣсь не помѣщаются.

[2]) Въ изд.: „Грамоты вел. князей Литовскихъ“ (Кіевъ, 1868) былъ напечатанъ польскій переводъ этой грамоты; здѣсь помѣщается ея подлинный текстъ, занесенный въ метрику.

8. 1526 г., февраля 18. Подтвердительная грамота короля Сигизмунда I князю Ѳ. М. Чорторыйскому на монастырь Пересопницу и имѣнія Сусско и Колнятичи, пріобрѣтенныя имъ отъ частныхъ лицъ.

9. 1529 г., ноября 18. Грамота кор. Сигизмунда I князю Ѳед. Мих. Чорторыйскому, которою дозволяется ему установить торгъ въ замкѣ его Бѣлгородѣ, а также держать тамъ корчмы и учредить ярмарку.

10. 1530 г., дек. 16. Жалованная грамота кор. Сигизмунда I князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому на нѣкоторыя дворища и слугъ путныхъ въ Новгородскомъ повѣтѣ.

11. 1517 г., іюня 6. Продажная запись князя Ивана Ивановича Корецкаго князю Ѳед. Мих. Чорторыйскому на с. Суско.

12. 1542 г., февраля 13. Дарственная запись на 1/3 и заставная на 2/3 имѣнія въ Тудоровѣ, данная Сасиномъ Васковичемъ Гавсовичемъ князьямъ Александру и Ивану Ѳедоровичамъ Чорторыйскимъ.

Князь Алексанъдро Ѳедорович Черторыский покладалъ листы, самъ от себе и от брата своего князя Ивана, и поведилъ, ижъ мыто беруть в ыменни своемъ Черторыску звечистое от комяги по осми грошей, и естли з рыбино комяга—по трое рыбъ малых с комяги; естли зъ солю—по пятдесятъ головяжен соли с комяги; а естли з горщъки—с таковое комяги по горщку, а от воза накладного—по два гроши. То сутъ тые листы, которие покладали, нижеи написаны; а иныхъ листовъ купчих и меновныхъ на именя свои не покладали, где мыт не беруть.

1. Привилей князю Ѳедору Михаиловичу Чорторызскому на место Литовижъ зо всими принадлежностями въ Володимерскомъ повете

за короля его милости Жикгимонта вечнымъ правомъ.

Во имя Божъе. Амен. Кгды бы вчинки людские, которыи ж с прироженя своего кончаються, через твердости листовъ ку вечности не приведены, слушънымъ сведецством ку пришлого часу ведомости не были бы докончаны, сказила бы всякие речи с часомъ старость; а для того смысльностью рады устав(ле)но естъ, абы безрядъствомъ, а не̇вставичъностью, речи, которые ж ся имуть напотомъ деяти, шкоды не было; прото, ку векуистое тое то речи памяти, мы Жикгимонт, з ласки Божъи король Польский, великий княз Литовъский, Руский, княжа Пруское, Жомоитъский и иныхъ, пан и дедичъ, чинимъ знаменито сим нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его въслышить, нинейшимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того вѣдати, ижъ вбачивъши есмо верънуую, и справедливую, и накладную, завъжды николи немешканую служъбу князя Ѳедора Михайловича Чорторызского, ижъ он з особливыхъ завъжды цнотъ своихъ не былъ вмешканъ служъбъ нашихъ и земъскихъ противку непрiятелей нашихъ, всякою повольностъю и накладомъ—статъком своимъ, не лютуючи горла своего, охотне намъ заслуговалъ, мы, маючи възгляд о заплате працы его и хотячи его напотомъ охотнейшого и пильнейшого мети в большиx службахъ нашихъ, яко то ку пану его дедичъному, и для того з особливой ласки нашой пожаловали есмо его, дали ему у Володимерскомъ повете место нашо на имя Литовижъ зъ войтовствомъ и манастыр святого Николы и съ селы и людми манастырскими, и селища Зчарки со въсими людми, зъ землями пашными и бортными, и з боры, и з лесы, и з дубровами, и з ловы звериными и пташими, и з гаи, и сеножатьми, и з ляды, и ставы, и ставищи, и з млыны и их вымелки, и с озеры, и з реками, и з речками, и потоки, и колодези, и з данми грошовыми, и медовыми, и

бобровыми, и куничными, и службами, и с корчмами в томъ месте, и со всими поплатъки, и податьми, и доходы, и пожитки, которымъ-кольвек именем могуть названы або менены быти, со всимъ правомъ и панствомъ, и пожиткомъ, ничого на насъ не оставляючи и на наши наследки. А дали есмо ему тое место Литовижъ з войтовствомъ литовижскимъ и со всими доходы войтовскими, што к тому войтовству здавна прислухало, и манастыр светого Николы, и села, и люди манастырскии, и селища Зчарки со всимъ, какъ ся съ стародав въ своихъ границахъ мають, и какъ на насъ держано. Такъ же даем и дозволяемъ ему в томъ месте в Литовижи два ярмарки мети в кождый год: первый ярмарокъ на ден перенесенъя мощемъ светого Николы, а другий ярмарокъ у в осень на день светого Николы жъ; а торгъ в кождый тыйден во второкъ. И потвержаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно князю Өедору Михайловичу Чорторызскому, и его княгини, и их детямъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ; маеть он и его наследки тое место Литовижъ з войтовствомъ Литовижскимъ, и з доходы всими войтовскими, и манастыръ Светого Николы, и съ селы, и людми манастырскими, и селища Зчарки, и съ тыми вышеименеными двема ярмарки, и с торгомъ держати и въживати вечно и непорушно со всимъ с тымъ, какъ вышеи в семъ нашом листе выписано; и воленъ он то отдати и продати, заменити и розширити, и люды садити, къ своему ужиточному и лепшому обернути, какъ ся ему и его жоне и ихъ наследком налепей увидить. А на твердость того печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу; а при томъ были велебный и урожоный княз Войтехъ, бискупъ виленский, воевода виленский канцлер нашъ пан Миколай Миколаевичъ Радивиловича, воевода троцкий, маршалокъ дворный пан Григорий Станиславовичъ Остиковича, гетман, староста луцкий и браславский, и веницкий, маршалокъ Волынское земли,

княз Костентинъ Ивановичъ Острозский, панъ троцкий, староста жомоитский панъ Станиславъ Яновичъ, воевода полоцкий пан Станиславъ Глебовичъ, староста городенский, пан Станиславъ Петровичъ воевода новгородский, панъ Ян Яновичъ Заберезенский и иныи панове рада наша. Сталося и дано у Берестьи, лета Божъего тисеча пятъсотъ первого надесятъ, мѣсяца іюнь пятыйнадесятъ ден, индикта четвертого надесятъ.

4. Листъ князю Михайлу Васильевичу на именье в Луцкомъ повете у Жукове село Алышов на реце на Стубле, Деревяное на рудце, Деков на Стубле ж, Суховсь дворище верхъ Радоховки, манастыр светого Николы на Клевани и далеи, вечностью.

Милостью Божю, мы, великий княз Александро, инако Швитрикгайло, Олькгирдовичъ—чинимъ знаменито и даемъ ведати симъ нашимъ листомъ кождому доброму нинешнимъ и потомъбудучимъ, коли кому его потребно ведати, хто на нь возрыт или чтучи его услышит, ижет видевъ есми знаменитую служъбу, намъ никгды неомешъканую, верного нашого князя Михайла Васильевича, и мы, порадивши ся с нашими князи и паны,и с нашею веръною радою, даемъ и дали есмо ему имене в Луцкомъ повете у Жукове село Алышов на реце на Стубле, а к тому Деревяное на рудце, а Деков на Стубле жъ, а Суховъсь дворище верхъ Радоховъки, а манастыр Светого Николы на Клевани над Стубълемъ же и с церковъным дворищомъ и с Плескачовъскимъ, а Чаруковець на реце на Полоной, и со въсими пожитъки и платы, какъ здавна и звека к тымъ селомъ прислушало и слушаеть, и къ тому манастырь, и с поли, и с пашънями, и з гаи, и з дубровами, и з боры, и з борътными земълями, и з данми, и з лесы, и с пасеками, и з ловы, и з ловищи, и сычемъ, и сеножатьми, и зъ болоты, и с крыницами, и з рудами, и с потоки вод-

ными, и со мѣлины, и зъ реками, и с озеры, и ставы, и ставищи, и з мыты, и з бобровыми гоны, и з веремяны, якожъ то здавна окружено и ограничено. А дали есмо напередреченному князю Михайлу Васильевичу у верху выписаная села вечно и непорушно ему самому князю Михайлу, и его детям, и его близкимъ, и его щадкомъ, а волен и отъдати, и продати, и заменити, коли хотя, и по души отъдати; а можеть собе у тыхъ именяхъ полепъшати и ширити и на новомъ корени садити. А при томъ были: владыка луцъкий Ефремей, а княз Иванъ Василевичъ, а княз Иванъ Четьверътенский, а панъ Казарин Разановичъ, а пан Немиря Разановичъ, староста луцъкий [1]), а княз Алекъсандро Санкгушковичъ, а панъ Петрашъко Мыльский, маршалокъ земъский, а панъ Ѳедко, канцлер нашъ, а пан Ѳедко Хомич крайчий. А про лепъшую сведомость и твердость и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Псан листъ у Луцъку, дек. 29 ден., индиктъ 10, под летъ Рожества Исус Христова 1000 летъ и 400 и 50. Приказъ пана Ѳедков крайчого.

5. Привилей князю Михаилу Васильевичу на село Холопы, в Луцкомъ повете, вечностью.

Милостью Божъю, княз великий Олександро, инако Швитригайло, Олкгирдович — чинимъ знаменито и даемъ ведати симъ нашимъ листомъ кождому доброму, нинешнимъ и потомъ будучимъ, коли кому его потребно будеть, хто на нь возрыть или чтучи его вслышить, ижеть видевъ есмо знаменитую службу намъ, никгды неомешканую, веръного нашого князя Михаила Васильевича, и мы, порадившися с нашими князи, и паны, и с нашею веръною радою, даемъ и дали есмо ему у Луцъкомъ повете село Холопы на Случи, што Вагановичъ держалъ, и со въсими пожитъки и с платы, какъ здавна

---

[1]) Былъ старостою луцкимъ въ 1445—1451 гг.

и звека к тому селу прислушало и слушаеть, и с поли, и з гаи, и з дубровами, и з боры, и з борътными земълями, и з данми, и з лесы, и с пасеками, и сычомъ, и з ловы, и з ловищи, и сеножатьми, и з болоты, и с криницами, и з рудами, и с потоки водными, и со млины, и ставы, и ставищи, и з реками, и с озеры, и з мыты, и з бобровыми гоны, и зеремяны, якожъ то здавъна окружено и ограничено. А дали есмо напередреченому князю Михайлу Васильевичу у верхуписаное село вечъно и непорушно ему самому князю Михаилу, и его детям, и его близкимъ, и его щадкомъ; а воленъ отъдати, и заменити, и продати, коли хотя и по души отъдати. А можеть собе в томъ именю полепшати и ширити и на новом корени садити. А при томъ были владыка луцъкий Ефремей, а княз Иванъ Васильевичъ, а княз Иванъ Четьвертенскій, а панъ Казарин Резановичъ а пан Немира Резановичъ, староста луцъкий, а княз Алекъсанъдро Сенкгушковичъ, а пан Петрашъко Мылский, маршалокъ земъский, а пан Пашъко Дохнович, староста володимерский, а пан Ѳедко. А про лепъшую сведомость и твердость и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Псан листъ у Луцъку, месяца дек. 29 ден, под литъ Рожества Исусъ Христова 1000 летъ и 400 и пятъдесятъ 2, индиктъ 15. Приказ пана Ѳедковъ.

8. Потверженье князю Ѳедору Михайловичу Чорторызскому etc. на манастыр Пересопницу в подаванье, на именье Суско, купленое у князя Ивана Корецкого и жоны его, на третюю часть именья Колнятич, дарованую от Степана Гуща, вечнымъ правом.

Жикгимонт Божью милостью корол Полский, великий княз Литовъский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий и иных—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрыт або чтучи его вслышить, нинешнимъ и потомъ

будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ староста луцкий княз Ѳедор Михайловичъ Чорторыский и покладалъ перед нами привилей брата нашого Алекъсанъдра короля его милости, в которомъ же стоить, штожъ его милость матъце его милости далъ манастыръ свой на имя Пересопъницю до ее живота; а потомъ тотъ манастыр дал его милость самому князю Ѳедору въ его подаване со въсими селы, и з людми всими того монастыра, и з земълями пашъными и бортными, и с сеножатьми, и со въсимъ с тымъ, што звеку к тому манастыру прислухало; а старосты луцъкие в тотъ манастыръ, и въ люди, и земъли, и въ подаване того манастыра не маютьца уступовати; и то его милость братъ нашъ привильемъ своимъ князю Ѳедору на вечъность потвердилъ. А к тому поведилъ перед нами княз староста, ижъ княз Иван Ивановичъ Корецъкий, с княгинею своею Ѳедкою и з детьми своими продали его милости имене свое отчизное на имя Суско, отъделеное отъ матъки и ото всее братьи своее, зъ землями пашъными и бортными, и с сеножатьми, и з лесы, и з боры, и з дубровами, и з реками, и з бобровыми гоны, и с озеры уступъными и з засушъными, и со всими входы и пожитъки, какъ ся тое имене з вековъ в собе маеть, ничого на себе не оставъляючи, за полътретядцать копъ грошей полугрушковъ. А другий земянинъ волынский Стефан Кунаховичъ Гуща далъ и записалъ ему по своей доброй воли третюю часть именья своего отъчизного Колнятичъ со въсимъ, какъ ся тая третяя часть здавна в собе маеть, и на тое имене Суско листъ купъчий князя Ивана Корецъкого, а на третюю часть именя Колънятичъ листъ записный Степана Гущин княз староста его милость перед нами вказывалъ; и билъ намъ челомъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ и потвердили то ему нашимъ листомъ. Ино мы з ласки нашое на его чоломъбитье то вчинили и на то дали его милости сесь нашъ листъ, и тотъ ма-

настыр Пересопницю, подле привиля брата нашого, въ его и потомъкомъ его в подаване, и тежъ тое имене Суско и Колнятичи третюю часть потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вечъно и на веки непорушно самому князю Өедорю, и его княгини, и ихъ детямъ, и на потомъ будучимъ щадкомъ ихъ с пашнями дворными, и со въсими людми тыхъ именей путными и данными, и тягълыми, и з земълями всими, и пашъными и бортными, и съ сеножатьми, и з гаи, и лесы, и боры, и дубровами, и з ловы зверынными и пъташими, и с озеры, и з реками, зъ езы, и з речъками, и с криницами, и болоты, и ставы, и з млыны и ихъ вымелъки, и з бобровыми гоны, и служъбами и въходы всими тых людей и земль, и з данми грошовыми, и медовыми, и бобровыми, и куничъными, и з дякълы иржаными и овъсяными, и со въсими иными платы и доходы и пожитки, которымъ-кольвекъ именемъ могуть названы або менены быти, и со въсимъ с тымъ, што к тому манастырю здавна прислухало, и как тежъ тые именя вышейреченые стародавъна сами в собе и въ границахъ ся своихъ мають, подле купъли его и листовъ купъчого и записного; и маеть князь Өедоръ и его потомъки тотъ манастыръ в подавани и въ моцы своей мети, а старосты луцкии в тотъ монастыр не мають ея ничимъ въступовати, подле данины и привилья брата нашого Александра короля его милости; и в тыхъ именяхъ вольни тежъ они прибавити и розширити и къ своему лепъшому пожиточъному оберънути, какъ сами налепей розумеючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Псан у Неполоницахъ под летъ Бож нароженя 1526, мѣсяца февърал 18 ден, индиктъ 14. Копоть Васкович, маръшалок и писаръ.

9. Листъ тому же князю Өедору Чорторыскому etc. на дозволене в замъку его Белогороди

торгъ в четвергъ, корчмы и ярмарокъ одинъ в годъ установити вечно.

Жикгимонт, Божю милостью корол Полскии, веикий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий и иныхъ—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрит або чтучи его услышить, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ староста луцъкий княз Өедоръ Михайловичъ Чорторыский и просил насъ, абыхъмо дозволили ему в замъку его в Белогороди торъгъ установити в четверъгъ, и корчмы держати; а к тому ярьмарокъ один на году на ден Рожества Пречистое казали быхъмо ему тамъ мети, о чомъ же и воевода виленский, канцлеръ нашъ, староста бельский и мозырский панъ Ольбрахътъ Марътиновичъ Кгаштолътъ нас за нимъ жадалъ. Ино мы з ласки нашое, на жедане пана воеводы его милости и на его чоломъбите, то въчинили, дозволили есмо ему в томъ замъку его Белегороди в тотъ ден, в четвергъ, торъгъ установити и корчмы держати и ярьмарокъ один в году на ден Рожества Пречистое мети. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ; маеть он тотъ торгъ, и корчмы, и ярмарокъ в томъ именю своемъ держати и пожитки собе мети без шкоды нашихъ торговъ господарских; который же торгъ и ярьмарокъ и коръчмы потвержаемъ симъ нашимъ листом вечъно и навеки непорушно князю Өедору самому, и его княгини, и ихъ детемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ. А на твердость того печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Притомъ были панове рада: княз Янъ, бискупъ виленский, воевода троцкий, гетьман навышъший староста бряславъский и веницъкий княз Костянтинъ Ивановичъ Острозский, воевода виленский, канцлеръ великого князства пан Ольбрахътъ его милость, его милость пан виленский, староста городенский, маршалок дворъный, державъца лидский и белицкий панъ Юрей Миколаевич

Радивиловича, маршалокъ земъский, воевода новгородский, державца мерецъкий и довъкговский пан Ян Янович Заберезенский, и иные панове рада великого князства Литовъского. Писан у Мелнику, под леты Божъего Нароженья тисеча пятьсотъ двадцат девятый, мѣсяца ноебъря осмыйнадцать денъ, индиктъ третий.

10. Привилей князю Өедорови ж Чорторыскому на люди—дворища в повете Новгородскомъ.

Жикгимонт, Божю милостью корол Полский, великий княз Литовъский, Руский, княже Пруское, Жомоитский и иных—билъ нам чоломъ княз Өедоръ Михайловичъ Чоръторыский и просилъ в насъ людей и дворищъ въ Новгородскомъ повете—слуг путъныхъ на имя: Меленевича, а Михалковича, а Малыщевича, а Ходоровича, а Горбачевича; а въ Кореличахъ Новъгородского жъ стягу шести служебъ, дворищъ татарскихъ: Юхна Мосыревича, а Болота Кожича, а Розлуковичовъ, а Тулатовичовъ, а Величъковичовъ, а Шиломановичовъ; а трех дворищъ садовъницких з людми: Тереховичовъ, а Кокоречичовъ, а Медведевичов. Ино мы з ласки нашое, для его к намъ веръное а справедливое, накладное и николи неомешканое служъбы, тыи верхъмененые дворища з людми слугъ путъныхъ: Меленевича, а Михалковича, а Малыщевича, а Ходоровича, а Горбачевича, и въ Кореличахъ дворища татаръские: Юхна Мосыревича, а Болота Кожича, а Розлуковичовъ, а Тулатовичовъ, а Величъковичовъ, а Шиломановичовъ, а три дворища садовъницъкие: Тереховичовъ, а Кокоречичов а Медведевичовъ, з людми, ему есмо дали со въсимъ с тымъ, какъ ся тыи люди а дворища з давъныхъ часовъ в собе мают, и какъ на насъ были деръжаны к замъку нашому новъгородскому. Нижли которые татарове на тыхъ дворищахъ седять, если бы они хотели, на тыхъ земляхъ своихъ будучи, ему служити, и они нехай князю Өедору служать доброволно; а если не въсхотять ему слу-

жити, а въсхотять ли с тыхъ земѣль сойти прочъ, тогъды онъ маеть их с тыхъ земѣль спустити, не гамуючи ничимъ. Писан у Вильни, декабр 16 ден, индикта третего. При томъ былъ воевода виленский канцлеръ панъ Миколай Миколаевичъ Радивилъ, панъ виленский гетман, староста луцкий и бряславъский и веницъкий, маршалокъ Волынское земъли князь Костяньтин Ивановичъ Острозский, воевода троцкий, маршалокъ дворный панъ Григорей Станиславовичъ Остикъ, пан троцкий, староста жомоитъский панъ Станиславъ Яновичъ, воевода полоцъкий, староста бельский панъ Ольбрахтъ Марътиновичъ Кгаштолътъ и иные панове рада. Ивашко Горъностай.

11. Листъ князю Ѳедору Чорторыскому от князя Ивана Корецкого и жоны его продажы именья Суска на вечность.

Я, княз Иван Иванович Корецъкий, и своею княгинею Ѳедкою и з детми своими вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ сами на себе, кому будеть потребъ того ведати або чтучи его слышати: продали есмо имене, на имя Суско, свое отъчизъное властное, никому непенное, вделное отъ матки моее кнегини ее милости и отъ всеи братьи моеи, князю Ѳедору его милости Михайловичу Чорторыйскому за полътретядцать копъ грошей полугрошковыхъ вечъно и непорушно векъ навеки, его милости, и его милости княгини, и ихъ милости детямъ, и ихъ милости близкимъ и напотомъ будучимъ ихъ милости щадкомъ, со въсимъ с тымъ, какъ ся тое имене здавъна в собе маеть, ничого на себе не оставъляючи, и з земълею пашною, и з сеножатьми, и з деревомъ борътнымъ, и з лесы, и з дубровами, и з боры, и з реками, и з бобровыми гоны, и з developedеремяны, и з озеры уступъными и з засушъными, и со въсими ихъ доходы, какъ ся тое имене звеку само в собе маеть. А я, княз Иванъ Корецъкий, продалъ есми тое имене его милости вечъно и непорушно, какъ же уверъху

выписано векъ навеки, никому непенное; не надобе в тое имене вступатися ни мне, ни жоне моей, ни детямъ моимъ, а ни матъце моей, а ни братьи моей, а никоторымъ ближънимъ моймъ; а хто бы мелъ в тое именье упиратися, тогды я, княз Иванъ, маю с тымъ мовити и тое именье его милости очищати; а княз Өедор его милость маеть тое именье в целости держати, какъ же продал есми его милости вечъно и непорушъно; а если быхъ я, княз Иванъ, або жона, або дети мои, або которые отъродку моего, тую купълю его милости порушити мели, тотъ маеть господару королю его милости вины дати сто копъ грошей, а князю Өедору его милости пятдесятъ копъ грошей, а на город Луческъ тридцать копъ грошей. А при том были люди добрые: панъ Михайло Полукнезевичъ, а панъ Олехно Ленъковичъ Шпаковъский, а панъ Михайло Григоревичъ Astучанинъ, наместникъ князя Костентина его милости Заборольский, а панъ Матеей Дариновичъ бояринъ пана Петра его милости Станиславовича, а Якуш, бояринъ князя Петра его милости Михайловича с Чоръное, а к тому инъшихъ людей добрыхъ много было. А на твердость сего моего листа я, княз Иванъ, и печать есми приложилъ к сему моему листу; а над то просилъ есми тыхъ людей добрыхъ верхъписаныхъ в семъ моемъ листе, ижъ бы ихъ милость печати свои приложили к сему моему листу; и ихъ милость то для прозбы моее вчинили, печати свои приклали. А при томъ былъ и писалъ сесь мой листъ наместник пана Богуша его милости Боговитиновича, маршалъка и писара господаря короля его милости, Жуковъский Васько. Писанъ в лето семое тисячи 25, у Рубъчи на Горини, мѣсяца іюн 6 ден, индиктъ 5.

12. Листъ Сасина Васковича Гавсовича, даный княземъ Алексанъдру (и) Ивану Чорторыскимъ на записанье им третее части именья в Тударове вечно, а дву частей оного жъ именья в суме пенязей.

Я, Сасинъ Васковичъ Гавсовича, вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кождому доброму, кому будеть потребъ того ведати або чтучи его слышати: видячи есми ку собе великую ласку и добродейство ихъ милости князя Алекъсанъдра а князя Ивана Θедоровичовъ Чоръторыйскихъ, старостичовъ луцъкихъ, а будучи ни в чомъ не припужонъ, которую четъвертую часть именья въ Тудорове, отъчизны моее, намъ отъделеное отъ братьи моей, я с тое части моее записую третюю часть именья моего ихъ милости князю Александру а князю Ивану Θедоровичомъ Чоръторыйскимъ на вечъность и на веки вечъные у дворе моемъ, и въ людехъ, и въ ихъ работахъ, и платехъ, и дворищахъ пустыхъ, и земъляхъ пашъныхъ, въ поляхъ, и навозехъ, и въ роспашахъ, и въ сеножатехъ, и въ гаехъ, и в дубровахъ, и въ садехъ, и з рекою Рутою, и въ млынахъ, и въ мутьвищахъ, в попасехъ, и огородѣхъ овощовыхъ во въсемъ томъ именьи части моей, яко я держалъ записую ихъ милости третюю часть именя моего Тудорова; мають ихъ милость тую третюю часть именья держати и въживити вечъне на веки вечъные; и волъни ихъ милость тую третюю часть именя моего продати, и отъдати, променяти, розширити и к своему лепъшому оберънути; а я, Сасин, и жона моя Орына, и дети мои, братья и сестры, близкие мои не маемъ ся в тую третюю часть уступовати, а ни о то зъ их милостью перед правомъ ея правовати; естлижъ быхъ я, Сасинъ, або жона моя Орина, або дети мои, або близкие наши, мели о тую третюю часть князей ихъ милости позывати або о який накладъ приводити, тогъды мають ихъ милости сто копъ грошей отъложити, а вины на замокъ господаръский Новъгородокъ сто копъ грошей заплатити, тожъ о то зъ ихъ милостью мовити; а ихъ милость пред ся тую третюю часть мають на вечъность держати. А потреба была мне пенязей: я, Сасинъ Васковичъ, з жоною моею Ириною, заставилъ есми тыи две части именя моего въ Тудорове кня-

земъ ихъ милости князю Алекъсанъдру а князю Ивану Ѳедоровичомъ Чоръторыйскимъ у семидесятъ копахъ грошей литовъское личъбы, по десяти пенязей у грошъ, со въсимъ с тымъ, якъ ся тыи две части въ собе мають, и яко я держалъ, не оставуючи на себе ничого, яко вышей в семъ листе моемъ выписано; мають ихъ милость тыи две части именя моего держати и вживати въ той суме пенязей верхуписаной до живота моего; а я, Сасин, и жона моя Орына до живота нашого не маемъ у ихъ милости тыхъ двух частей выкупати, а братья, и сестры, и ближние мое такъ же при животе нашомъ не мають у их милости тых двухъ частей выкупати; а по животе моемъ въсхочуть ли дети, братя, сестры мои, и ближъние наши тые две части у их милости окупити и зато пенязи отъложити верхуписаную суму; тогъды што ихъ милость на тое имене наложить, выкупуючи люди и земли и сеножати тыхъ двухъ частей моихъ, што еще отецъ и матка моя и я самъ позаставъляли, и што тежъ и ихъ милость наложат на двор у будованью и въ селю в роспашехъ, и на ставы, и мутвища, и люди мои осаживаючи, тогъды первей мають ихъ милости тот вес наклад отъложити, тожъ тую верхуписаную суму пенязей семъдесятъ копъ грошей заплатити литовъское личбы, а тые две части ку рукамъ своимъ взяти; а которое збожъе ихъ милостей в тых двухъ частех земъли засеяное будуть мети, ихъ милость по выкупленю тыхъ двух частей мають тое збожъе из земъли зняти и ку своимъ рукамъ взяти, а земълю яловую имъ подати. А для лепъшого сведомя и твердости сего моего листа билъ есми чоломъ его милости господину отъцу нашому, митрополиту киевъскому и галицкому и въсея Руси кир-Макарею, а пану Ивану Кмите Стретовичу, а пану Горяину Турчичу, подстаростему новъгородскому, пану Ивану Харитоновичу, войту места Новъгородского, а пану Михну Гринкевичу о приложене печатей; ихъ милости то для чоломъбитья моего вчи-

нили, печати свое приложили к сему моему листу. Писанъ у Кореличох под лет. Божъ. нарожъ. 1542, мѣсяца фев. 13 день, индиктъ 1.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 7—18 об.

Родъ кн. Чорторыйскихъ.

[1]) Въ дополненіе извѣстныхъ данныхъ о родѣ кн. Чорторыйскихъ приводимъ слѣдующую грамоту короля Владислава III Ягелловича 1442 г., на литовскій гербъ, наз. Погонь, Ивану, Александру и Михаилу Чорторыйскимъ; грамота эта была подтверждена кор. Сигизмундомъ-Августомъ въ 1569 и Августомъ II въ 1713 гг., а въ 1720 г. явлена въ кремснецкія гродскія актовыя книги.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego, miesiąca aprilis dwudziestego siodmego dnia.

Przed urzędem y aktami ninieyszemi grodzkiemi krzemien. y przede mną, Bazylim Sieszyckim, namiesnikiem burgrabstwa Krzemien., personaliter comparens, urodzony iego mc pan Konstanty Wąsowicz, dla wpisania do akt ninieyszych grodzkich

XI.

Документы на владѣніе с. Бытнымъ въ Луцкомъ пов., предъявленные къ записи въ Луцкія гродскія книги Иваномъ Чапличемъ-Шпановскимъ и его женою Ганною ур. Болбасовною Ростоцкою, въ 1578 г., сент. 27.

1. 1444(?) г., инд. 7, дек. 18. Жалованная грамота в. кн. Свидригайла Ольгердовича зем. Ѳедьку Бобровичу на с. Бытное.

---

krzem., nizey wyrazony przywiley confirmationis od nayiasnieyszego krola iego mci Polskiego Augusta Wtorego dawnieyszych przywileiow od swiętey pamięci krolow ich mcw połł. przeswietnemu domowi jasnie osw. xiążąt ich mm Czartoryskich na rzecz pewną, nizey w tymze przywileiu inserowanym specyfice wyrazoną, danych y służących (iako o tym tenze przywiley confirmationis latius in se obloquitur), ad acta praesentia castrensia capitanealia crem. per oblatam podał, prosząc mnie, urzędu, o przyięcie onego y do akt wpisanie. Ktorego ia, urząd, affectationi annuendo, pomieniony przywiley ad acticandum przyimuiąc, czytałem de eo verbor. qui sequitur, tenore:

Augustus Secundus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithvaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kijoviae, Volhyniae, Podoliae, Podlachiae, Smolensciae, Livoniae, Severiae, Czerniechoviae que, necnon haereditarius dux Saxoniae et princeps elector,—significamus praesentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis: continere in actis metrices cancellariae regni, nempe in libro septuagesimo nono, sub literis X. N., numero octuagesimo, folio ducentesimo decimo sexto, literas serenissimi divae memoriae regis Sigismundi Augusti, praedecessoris nostri, confirmationem privilegij serenissimi divae memoriae Vladislai, Poloniae et Hungariae regis

2. 1534 г., марта 20. Грамота кор. Сигизмунда I дворянину Өедору Сербину съ позволеніемъ этому послѣднему выкупать части им. Бытнаго, которыя продаютъ и заставляютъ Радко и Романъ Гнѣвошевичи, совладѣльцы Сербина по этому имѣнію.

---

super insigni ducali, Pogonia dicto, familiae illustrium ducum de Czartorysko communicato, seu pro sigillo dato et uti permisso, in se continentes; suplicatumque nobis est, ut easdem literas ex ijsdem actis describi et parti postulanti authentice extradi p—mittere dignaremur; quar. quidem literar. tenor est talis:

Sigismundus Augustus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithvaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Volhyniae, Podlachiae etc. dominus et haeres,—significamus praesentibus literis nostris, quorum interest, univer(s)is: eam semper fuisse illustrium ducum de Czartorysko familiae dignitatem, ut a serenissimis Poloniae regibus, antecessoribus nostris, ac a nobis ipsis, quoque multis ijsque gravissimis de causis singularis illius ratio habere...... nam et antiquissima est, et cum inclita Jagiellonum familia, ex qua nos paternum genus ducimus, sanguinis vinculo conjuncta. Huc accedit, quot qui ex hac familia processerunt, singulari semper erga serenissimos principes suos studio et observantia fuerunt, fidemque suam illis ac regi publice integram et constantem omnibus in rebus, tam domi, quam foris, probaverunt; quo factum est, ut vicissimi serenissimi principes, majores nostri, cum ob alias causas, tum ob hanc illorum praesentem fidem ingensque de se ac republica sua benemerendi studium et charos(sic) semper habuerint et maximis quibusque honoribus dignos judicaverint; quorum quidem, in republica praecipuos semper illos gessise (sic), constat, hanc familiae et majorum suorum dignitatem non modo conservavit verum, etiam auxit illustris et magnificus Alexander dux Czartoryski, terrarum nostrarum Volhyniae palatinus,

3. 1558 г., янв. 8. Продажная запись Радька Гнѣвошевича Бытенскаго и жены его Евфросиніи на 1/3 принадлежащей ему части им. Бытнаго въ пользу Ѳедора Ѳедоровича Сербина Хорохоринскаго, хорунжаго Волынскаго.

4. 1558 г., янв. 3. Заставная запись отъ тогоже томуже на 2/3 имѣнія Бытенскаго.

---

qui ab eunte etate ad hoc usque tempus per omnes et etatis et honorum gradus ita se publice et privatim gessit, ut maximam ingenij, prudentiae, fortitudinis probitatisque ac fidei constantis erga nos ac rempublicam, cum apud omnes alios, tum apud nos, laudem meruerit ac ob has virtutes ea praemia et ornamenta, quibus nunc inter caeteros eminet, a nobis consecutus fuerit, quam quidem ejus laudem non parum auget p—clara illustris ac genori (sic) ducis Michelis Czartoryski, filij ejus legitimi, indoles, qui in j(u)venili (sic) state (?) sua magna dat singularis virtutis, ingenij et in rebus gerentis dexteritatis suae documenta bonamque spem facit, se a paterna majorumque suorum virtute non esse degeneraturum, imo daturum operam, ut progressu etatis non solum veterem familiae suae dignitatem retinere, verum etiam p—virili sua amplificare possit; is itaque illustris et magnificus dux Alexander Czartoryski, Volhyniae palatinus, exhibuit nobis literas serenissimi olim principis domini Vladislai, Hungariae Poloniae regis, magni patrui nostri, in pargameno scriptas et sigillo ejusdem appenso communitas, quibus serenitas illius ducibus de Czartorysko........ singulari erga hanc familiam gratia insigni ducali, quod vulgari lingua nostra Pogonia dicit. p—sigillo uti permisit et concessit, petens a nobis, ut eas literas describere ac authoritate nostra approbare et confirmare dignaremur; quarum literarum tenor est talis:

In nomine Domini. Amen. Ad perpetuam regi (sic) memoriam. Nos, Vladislaus, Dei gratia rex Hungariae, Poloniae, Dal-

5. 1551 г., инд. 9, февр. 14. Раздѣльный актъ на части имѣнія Бытнаго между Радкомъ и Романомъ Гнѣвошевичами, выданный отъ имени перваго.

6. 1559 г., окт. 14. Продажная запись Романа Гнѣвошевича Бытенскаго на 1/3 часть им. Бытнаго Никитѣ Ѳедоровичу Сербину Хорохоринскому, хорунжему Волынскому.

---

matiae, Croatiae, Rusciae, Serviae, Sclavoniae, nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Svadiae (sic), Lancinae, Cujaviae, Lithvaniae princeps supremus, Pomeraniae Russiaeque dominus et haeres etc.—significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis, praesentibus et futuris, notiam(sic) praesentium habituris, quo modo cupientes fratruum nostrorum illustrium dominorum Ivonis, Alexandri et Michalis ducum de Czartorysko honori intendere, qui singulari affectatione et fidelitate erga nostrem(sic) majestatem et inclitam coronam regni nostri Poloniae se exhibent et exercent, p. eorum ducali statu et emotione(?) p—habita natura, de liberatione et consilio praelatorum et baronum nostrorum tam Poloniae, quam Hungariae, regnorum, praefatos duces consangvineos nostros communiter et divisim sigillo eorum ducali frui quo ex avo et patre ipsorum, uti osveverunt(sic), scilicet aequo(sic), cui supersedet vir armatus, gladium evaginatum in manu tenens, volumus, decernimus, approbamus et concedimus perpetuo ac in aevum, in cuius regi (sic) testimonium sigillum nostrum praesentibus est appensum. Actum Budae, feria quinta proxima ante festum sancti Viti, anno domini millesimo qvadragentesimo quadragesimo secundo, praesentibus itidem rev-dis in Christo patribus dominis Simone Agrigen., Petro Czanadien. episcopis, magnificisque Laurentio de Hedvara regni Hungariae, Luca de Gorka Posnanien, Petro Odrowonz de Sprowâ Leopolien. palatinis, Laurentio de Kalinowa Siradien., Gregorio Branicze Radomien. kastellanis ac alijs pluribus fide dignis; dat. p. ma-

7. 1559 г., окт. 14. Заставная запись тогоже Романа Гнѣвошевича томуже Никитѣ Сербину на остальныя двѣ части им. Бытнаго, принадлежащія первому.

8. 1559 г., мая 14. Декретъ Луцкаго гродскаго суда по тяжбѣ между братьями Романомъ и Радкомъ Бытенскими о правѣ на дворъ въ с. Бытномъ.

9. 1559 г., окт. 15. Заявленіе Романа Гнѣвошевича Бытенскаго предъ Луцкимъ гродскимъ урядомъ о томъ, что онъ, продавши и заставивши Никитѣ Сербину свои части им. Бытнаго, не дѣлалъ ни-

---

nus magnificor. Ioannis de Koniecpoliae, cancellarij, et Petri Woda de Szczekoczyn. vicecancellarij regni Poloniae, sincere nobis dilectorum. Ad relationem magnifici Petri Orovasch (sic) de Sprowa, palatini leopolien.

Nos, itaque, Sigismundus, rex Augustus p—nominatus ex exigentibus et singularibus p—dicti illustris et magnifici Alexandri ducis Czartoryski, terrarum Volyniae palatini, erga nos ac rempublicam regni nostri meritis, literas suprascriptas non solum quemadmodum et nobis petitum est ad verbum describi fecimus, easque authoritate nostra regia approbavimus et confirmavimus, quemadmodum approbamus et confirmamus praesentibus literis nostris, decernen. eas robur debitae et perpetuae firmitatis obtinere debere, verum etiam fisemur (sic) nos omnia, quae ad hanc familiam ornandam et amplificandam pertinebunt, libenter quantum in nobis erit (sic) et cum se occasio dederit, facturos se; in cujus rei testimonium praesentes manu nostra subscripsimus et sigillo nostro communir. fecimus. Datum Lublini in conventione regni nostri generali, vigesima quinta die maij, anno Domini millesimo quingentesimo sexagesimo nono, regni vero nostri quadragesimo. Cui supplicationi, uti justae, nos benigne annuentes, p—insertas privilegii literas, prout in actis metricis regni inscriptae continentur, nos ex iisdem describi et parti affectanti in forma authentica

какихъ распоряженій на это имѣніе въ пользу другихъ лицъ, а именно зятя своего Мартина Луковскаго.

10. Повтореніе тогоже акта (1599, окт. 15, здѣсь не помѣщается).

11. 1559 г., нояб. 10. Квитанція, выданная Радкомъ Гнѣвошевичемъ Бытенскимъ Никитѣ Сербину, въ томъ, что послѣдній вполнѣ уплатилъ первому за его часть имѣнія Бытнаго, частію проданнаго, а частію заставленнаго Сербину.

12. 1559 г., окт. 15. Листъ уряда Луцкаго о назначеніи Никиты Князскаго вижемъ Никитѣ Сербину по его дѣламъ.

13. 1559 г., окт. 18. Свидѣтельство выданное вижемъ Никитою Князскимъ Никитѣ Сербину, о томъ, что Романъ Гнѣвошевичъ и жена его Софья заявили при немъ, что продали Никитѣ Сербину на вѣчность ту часть имѣнія Бытнаго, которая была заставлена ими отцу Никиты—Федору Сербину.

14. 1558 г., сент. 3. Дарственная Палагіи Богдановны, жены Ѳедора Ѳедоровича Сербина, хорунжаго земли Волынской, на третью

---

extradi p—misimus. In cujus rei fidem praesentibus sigillum regni est opressum. Actum et dictum (sic) Varsaviae, feria secunda post dominicam Laudi proxima die, sclt vigesima nona mensis maij, anno Domini mille(simo) septingentesimo decimo tertio, regni nostri decimo sexto anno. U tey oblaty confirmacyi przywileiow podpisy s przypisami innemi przy pieczęci w. koronney temi są wyrazone słowy: Ioannus Szembek, supremus regni cancellarius (locus sigili), Relati. illustriss. et excellentis. domini Ioannis, comitis in Słupow Szembek, supremi regni cancellarii Lomzen. Gradentien. capitanei. Antonius Kolinski, S. reg. ma. secretarius. Confirmatio privilegii superinsigni ducali Pogonia dicto, illustris. familiae ducum de Czartoryski.

A tak ta oblata konfirmacyi przywileiow za podaniem y prosbo wyzrzeczonego imci Oserowa (sic), a za moim, urzędo-

часть ея имѣнія Бытнаго въ пользу сына Никиты Ѳедоровича Сербина, съ отстраненіемъ прочихъ дѣтей ея за непочтеніе къ ней.

15. 1558 г., сент. 3. Заставная запись тойже томуже на остальныя двѣ части имѣнія Бытнаго.

16. 1559 г., апр. 15. Завѣщаніе Ѳедора Сербиновича Хорохоринскаго, хорунжаго земли Волынской, въ пользу сына его Никиты, съ отстраненіемъ дочерей, какъ выданныхъ замужъ при жизни завѣщателя.

17. 1452? г. (инд. 15), марта 27. Подтвердительная грамота короля Казимира Богдану Сербину на село Пирковичи, пожалованное ему в. кн. Свидригайломъ.

---

wym, przyięciem, wszystka zupelnie, tak iak się w sobie pisana ma, de verbo ad verbum, do xiąg ninieyszych grodz. krzemien. iest ingrossowana.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1631, л. 411, актъ 313.

Лѣта Божого Нароженія 1578, месеца сентебра 27 дня.

На рочкохъ судовыхъ кгродскихъ луцкихъ, отъ дня прошлого четверга месеца сентебра двадцать пятаго дня зачатыхъ и отъправованыхъ, постановившися очевисто на вряде кгродскомъ в замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною, Александромъ Жоравницкимъ, старостою, ключникомъ и кгородничимъ луцкимъ, его мил. панъ Иванъ Чапличъ Шпановскій, войский земли Волынское луцкий, и малжонка его мил. пани Ганна Болбасовна Ростоцкого, оповедали и сознали тыми словы: ижъ што дей которое постановене згодное и спольное учинили есмо о дочку зошлого пана Михала Сербина, подкоморого луцкого, то естъ, панну Марию, к тому о имения и маетность небожъчиковскую с кревными и повинными его, и тое дочка пана Сербиновы з ихъ мил. паномъ Федоромъ а паномъ Антономъ Рудецкими, паномъ Остафемъ а паномъ Костентиномъ Колпытовскими, паномъ Ярофеемъ а паномъ Гавриломъ Гойскими, паномъ Иваномъ Окорскимъ и з малжонкою его пани Ориною Сербиновною, паномъ Гуриномъ Жабокрицкимъ—з малжонкою его пани Опранкою Сербиновною, а пани Ганною Ванъковою Лосятинъскою; которое дей постановене наше на особливыхъ листехъ—записехъ нашихъ меновите естъ описано. А ижъ дей на тые имення небожчика пана Сербина, которые в опеце ихъ мил. до летъ дѣвъки небожъчиковское панны Мари быти маютъ, листы, привилея и все право належачое при ихъ мил. зостати маеть,—теды просимы, абы оное все право, листы и привилея его кор. мил. до книгъ кгродскихъ луцкихъ слово отъ слова уписаны, а намъ выписъ с книгъ выданъ былъ. Которыхъ же то я листовъ, привилевъ его кор. мил., отъ пана войского и от малжонки его мил. передо мною на вряде покладаныхъ, огледалъ, и такъ ся в собе маютъ.

1. То естъ привилей великого князя Швитригаила, который такъ ся в собе маетъ.

Мы, великій князь Швитригайло, дали есмо земенину нашому Федку Баброковичу село Бытное у Луцкомъ повѣте и со всимъ с тымъ, што к тому селу к Бытному прислушало и слухало, и тягнетъ, и тягло издавна извѣка. Дапа в Любчи, дакабра 18 день, индикта 7.

2. То естъ листъ короля его мил. Жикгимонта такъ се в собе маетъ.

Жикгимонтъ, Божю милостю корол Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий и инныхъ. Билъ намъ чоломъ дворенинъ нашъ Федоръ Сербинъ и поведил перед нами, штож дей которое имение в повѣте Луцкомъ на имя Бытне маетъ онъ посполъ з земяны луцкими Романомъ а Радкомъ Гневошевичи, ино дей тые Гневошевичи того именння своее части люди продають и заставляють, а он дей есть к тому именню близкий; и билъ намъ чоломъ, абыхъ мо дозволили тые люди, штобы мели заставляти они, ему окупати водле близкости его. А такъ, еслибы тые Гневошевичи хотѣли кому люди свои продавати, або заставляти, мы дозволили ему в тыхъ, кому они заставятъ, тые люди окупати и пинези имъ откладати водле близкости его. И на то есмо дали ему тотъ нашъ листъ дозволеный подъ нашою печатю. Писан у Вилни, подъ летъ Божего нароженя тисеча пятсотъ 34, месеца марца двадцатого дня, Индиктъ 7. Михаило писаръ.

3. А то естъ листъ Радка Бытенского на продажу вечистую части имени Бытенского пану Федору Сербину, такъ ся в собе маетъ.

Я, Радко Гневошевичъ Бытенъский, и з жоною моею Ефросинею и з детми нашеми чинимъ явно и ознаймуемъ тое симъ нашимъ листомъ кождому, кому того будетъ потреба ведати або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, што которого имѣня моего материстого Бытня зостала мнѣ часть, водле права моего прирожоного, у в от-

деле вечистомъ от брата моего старшого Романа, то естъ четвертая часть всего села Бытенского; в которой части моей заштья и розници навалныя, кривды и втиски презпрестанне от суседовъ моихъ мевали есмо немалые; для которыхъ кривдъ и втисковъ великихъ немалую суму пенезей людемъ обчимъ остали есмо винни, а платити того не мели чимъ, и варуючи, абы того долгу нашого на насъ самыхъ, водле права земского, не отправовано, а такъ мы за таковыми великими а пилными потребами нашими, по нашой доброй воли, никимъ непримужоныи, з ведомомъ вряду господарского луцкого, продали есмо того имення нашого Бытня с тое четвертое части, которую я маю у в отделе отъ брата своего Романа третюю часть, з дворомъ, з пашнею дворною, с полми, и з сеножатми, и з людми тяглыми, и з дворищи пустовскими, и з огороды, з полми, и з сеножатми, з дубровами, и лесы, и с землею бортною, з гаи, и з зарослями, с проробками старыми и новыми, з млыномъ, и з вымелками, и з ставы, ставищи, з реками, и речищами, з луги, и з болоты, и з звериными ловы, пташими и зо всимъ, по тому, яко ся тая часть имення нашого Бытенского сама в собе и въ своихъ межахъ и кграницахъ маеть, пану Федору Федоровичу Сербину Хорохоринскому, хоружому земли Волынское, и сыну его мил. пану Миките за полтораста копъ кгрошей монеты и личбы великого князтва Литовского, личечи по десети пензей у грошъ, ничого на насъ самыхъ тое третее части и на потомки наши не оставуючи; маетъ его мил. панъ Федоръ Сербинъ и сынъ его мил. тую третюю часть вышей помененую держати, и вживати, прибавляти, розширати, будовати, ставы сыпати, роспаши у дубровахъ и на поляхъ, в лозахъ сеножати чинити и всякие пожитки ведле воли своей множити вечно и на веки непорушно, маетъ онъ самъ и сынъ его мил. панъ Микита, и дети, и напотомъ будучии его щадки; и воленъ его мил. панъ Сербинъ и сынъ его

мил. и потомки его мил. тую третюю часть в части моей Бытенской отдати, и продати, и кому хотя записати, и ку своему лепшому а вжиточному обернути, яко сами найлепей розумеючи. А мы вже тую третюю часть не маемо сами, дети и потомъ будучие наши щадки, а ни ближние, никоторыми причинами уступовати, а ни подъ его мил. самимъ, и сыномъ его мил., и потомъ будучими ихъ щадки поискивати, а и никоторое имъ переказы и поволоки ку праву чинити, только в томъ вечное молчане мети. А естли быхмо мы сами и дети або потомки наши, а либо хто з ближнихъ нашихъ мѣлися в тую третюю часть чимъколвекъ уступовати, и подъ его мил. и потомками его поискивати, чинечи в тому поволоку ку праву або переказъ; тогды мы сами, дети и потомки наши маемъ и повинни будемъ господару королю его мил. заплатити сто копъ кгрошей, а старосте луцкому— пятдесятъ копъ кгрошей, а пану Федору Сербину, и сыну его, и напотомъ будучимъ щадкомъ его—сто копъ кгрошей заплатити, и вси шкоды и втраты, штобы мели правуючися наложити, без кождого доводу, едно на речене слова ихъ самыхъ або потомковъ ихъ, оправити и досыть вчинити, и, заплативши тые заклады и шкоды, предъ ся маетъ тая продажа наша и купля ихъ мил. тое третее части вечно держана быти, подле сего листу нашого продажного. И на то есмо дали пану Федору Сербину и сыну его мил. пану Миките сесь нашъ листъ продажный подъ нашими печатми. А при том были и тому добре сведоми: ихъ мил. князь Матфей Василевичъ Четвертенский, а панъ Михаило Даниле-вичъ Малинъский, а панъ Дмитръ Олехновичъ Козинский, а панъ Андрей Ивановичъ Русинъ. Якожъ я, Радко Гневошевичъ, просилъ есми ихъ мил. пановъ верхуписаныхъ о приложене печатей; и ихъ мил. на мою прозбу вчинити рачили и печати свои приложили к сему моему листу. Писанъ в Луцку, лета Божого Нароженя тисеча пятсотъ пятдесятъ

осмого, месеца генъвара осмый денъ. На тотъ листъ и вы-
писъ с книгъ замку Луцкого въ року тисеча пятсотъ пят-
десятъ осмомъ, месеца генвара девятого дня, очевистого со-
зназня передъ урядомъ пана Радка Гневошевича Бытенского
передо мною на вряде покладалъ.

4. А то естъ другий листъ пана Радка Бытенского, который такъ се в собе маетъ.

Я, Радко Гневошевичъ Бытенскій, и з жоною моею Ефросиниею и з детми нашими чинимъ явно и ознаймуемо тое симъ нашимъ листомъ кождому, кому того потреба будетъ вѣдати або чтучи его слышати, нынешнимъ и на потомъ будучимъ, штожъ которого имения моего материстого Бытня зостали мнѣ части подле права моего прирожоного в отделе вечистомъ отъ брата моего Романа, в которомъ именю зайштя и розницы, навалненя, кривды и втиски презпрестанне отъ суседовъ нашихъ досыть(?) немалыхъ; для которыхъ кривдъ и втисковъ великихъ немалую сумму пензей людемъ обчимъ остали есмо были винни, а платити того чимъ не мели, и варуючи, абы того долгу нашого на насъ самыхъ, подле права земского, не отправовано, а такъ мы ку таковымъ великимъ и пильнымъ потребамъ нашимъ, по нашой доброй воли, никимъ неприпужонымъ, з ведомостю вряду господарского замку Луцкого, заставили есмо того имѣня нашого Бытня две части з дворомъ и з пашнею дворною, с польми и сеножатми, з людми тяглыми, и дворищи пустовскими, и з огороды, з дубровами и лесы, и землею бортною, з гайми и зарослями, с проробки старими и новыми, з млыномъ и з вымелками, ставы, ставищи, з реками и речищами, з луги и з болоты, з ловы звериными и пташими, и зо всими пожитки по тому, яко ся тые две части имени нашого Бытенского сами в собе и в своихъ межахъ и кграницахъ здавна маютъ, пану Федору Федоровичу Сербину Хорохоринскому, хоружому земли Волынское, и сыну его

мил. пану Микити и потомкомъ ихъ, в трохъсотъ копахъ грошей личбы литовское, личачи по десети пензей в грошъ, ничого на себе, потомки и близкие наши не оставуючи з тыхъ двохъ частей; маетъ его мил. панъ Сербинъ и сынъ его мил. панъ Микита того именя нашого Бытенского две части, въ тыхъ трехъсотъ копахъ грошей, держати и вживати; и воленъ будетъ его мил. панъ Федоръ Сербинъ и сынъ его мил. панъ Микита на тыхъ двохъ частех прибавляти, розширати, дворы будовати, ставы сыпати, роспаши в дубровахъ, в поляхъ, в лозахъ, сеножати чинити и всякие пожитки мети, и дерево бортное прибавляти. А естли быхъмо мы сами, потомки и бълизкие наши тые две части въ его мил. хотели выкупити, тогды первей тотъ накладъ, который его мил. на тые две части выложити мелъ, маемъ его мил. пану Сербину и сыну его мил., без жадного доводу, едно на приречене слова, заплатити; заплативши тотъ накладъ весь, тожъ тую триста копъ грошей его мил. отдати маемъ. А хотяжъ за тые две части тую сумму отдамо сполна, тогды пред ся тую третюю часть панъ Сербинъ, и сынъ его мил., и потомкове ихъ, ведле листу нашого продажного, маютъ вечне держати. А не отдавши тыхъ трехъсотъ копъ грошей литовскихъ и не заплативши оного накладу, вышей писаного, отъ ихъ мил. оныхъ двохъ частей з рукъ выймовати не маемъ; а естли быхъмо мы або потомки и близкие наши, трехъсотъ копъ грошей ихъ мил. и того накладу не заплативши, а якими-колвекъ причинами хотели з рукъ ихъ мил. тое именне вынять, тогды первей винъни будемъ заруки господару королю его мил. двесте копъ грошей заплатити, а стороне сто копъ грошей заплатити маемъ; и тую заруку заплативши, пред ся ихъ мил. тые две части въ той суме на себе держати и вживати маютъ до тыхъ часовъ, поколь мы, ведле обязаня нашого, весь накладъ ихъ мил. отдамо и оную триста копъ грошей сполна заплатимъ. И на то есмо

дали пану Федору Сербину и сыну его мил. пану Миките сесь нашъ листъ заставный подъ нашими печатми. А при томъ были и тому добре сведоми: ихъ мил.: князь Матфей Василевичъ Четвертенский, панъ Михаило Данилевичъ Малинский, панъ Дмитръ Олехновичъ Козинский, а панъ Андрей Ивановичъ Русинъ. Яко жъ я, Радко Гневошевичъ, и з жоною моею Ефросинею просили есмо ихъ мил. пановъ верху писаныхъ о приложене печатей; ихъ мил. на нашу прозбу вчинити рачили и печати свое приложили к сему нашому листу. Писанъ въ Луцку, лета Божого Нароженя тысеча пятьсотъ пятдесятъ осмого, месеца генвара осмого дня. На тотъ листъ и выписъ с книгъ замку Луцкого подъ датою року тысеча пятсотъ пятдесятъ осмого, месеца генвара девятого дня, очевистого сознаня на вряде пана Радка Гневошевича Бытенскаго и малжонки его Ефросимии передо мною на вряде покладали.

5. А то естъ листъ делчий пана Радка и пана Романа Бытенскихъ, который такъ ся в собе маетъ.

Я, Радко Гневошевичъ Бытенскій, вызнаваю симъ моимъ листомъ, ижъ есмо вчинили промежку собою вгоду з братомъ моимъ Романомъ Гневошевичомъ Бытенъскимъ в поровнании людей и дворищъ пустовныхъ: Романъ взялъ ку своей руце Назара Пева, Сенка Ножчича, Пацка Билминовича, Буня, Гаврила, Трухона, Сенка Батновича, Прокуду, Пацка Костеневича, Иванъца Пашковича, Яцка Медведевича з сыномъ, Рацину а Иванца Левонцевича. А которое дворище пусто на тотъ часъ Мареевское, тое на полы маемъ мети; онъ маетъ тыи люди и з ихъ дворищи и с подачками держати ку своей руце; а я маю тыхъ людей и з ихъ дворищи и с подачками держати, которые в листе его описаные. А если быхъ мелъ тую ровность рушити, тогды маю заплатити на Луцко пятдесятъ копъ грошей, а брату своему другую пятдесятъ копъ грошей. А при томъ были и того добре све-

доми: князь Иванъ Григоровичъ Велицкий, а панъ Михно Зубовичъ, а панъ Богданъ Андреевъ, сынъ Зубовича, Мельницкий; а просили есмо тыхъ высшей писаныхъ людей добрыхъ о печати, и ихъ мсть на мое чоломъ бите вчинили, печати свое приложили къ сему моему листу. Писанъ у Велицъку, февраля четвертогонадцать дня, индиктъ девятого

6. А то естъ листъ на продажу вечистую части именя Бытна Романа Гневошевича Бытенскаго, такъ ся въ собе маетъ.

Я, Романъ Гневошевичъ Бытенский, и з жоною моею Зофею чинимъ явно и ознаймуемъ то симъ нашимъ листомъ кождому, кому того потреба будеть ведати або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, што которого именя моего материстого Бытня зостала мне часть, ведле права моего прирожоного, у в отделе вечистомъ отъ брата моего меншого Радка, то естъ часть всего села Бытенского, в которой части моей заштя, и розницы, навалненя, и кривды, и втиски презпрестанне отъ суседовъ моихъ мевали есмо немалыи; для которыхъ кривдъ и втисковъ великихъ немалую суму пензей людемъ обчимъ остали есмо винни, а платити того не мели чимъ, и варуючи, абы того долгу нашого на насъ самыхъ, ведле права земского, не отправовано, такъ мы за таковыми великими а пильными потребами нашими, по нашой доброй воли, никимъ неприпуженыи, з ведомомъ вряду господарского Луцкого, продали есмо того именя нашого Бытня с тое четвертое части, которую я маю в отъделе отъ брата своего Радка третюю часть, з дворомъ, пашнею дворною, с полми, и з сеножатми, и з людми тяглыми, з дворищи пустовскими и з огороды, с полъми и з сеножатми, з дубровами и лесы, и с землею бортною, з гаи, и зарослями, с пробками старыми и новыми, з млыномъ и з вымелками, и з ставы и ставищи, з реками и речищами, з луги и болоты, и звериными ловы и пташими, зо всимъ, потому, якъ ся

тая часть именя нашого Бытенского сама в соби и въ своихъ межахъ и кграницахъ маеть, пану Миките Федоровичу Сербину Хорохоринскому, хоружому земли Волынское, за полтораста копъ кгрошей монеты и личбы вел. князства Лит., личечи по десети пензей в грошъ, ничого на насъ самыхъ тое третее части и на потомки наши не оставуючи. Маетъ его мил. панъ Микита Сербинъ тую третюю часть, вышей помененую, держати и вживати, прибавляти, розширати, будовати, ставы сыпати, роспаши въ дубровахъ и на полахъ, в лозахъ сеножати чинити и всякие пожитки, ведле воли своей множити вечно и на веки непорушно; маетъ его мил. панъ Микита Сербинъ, и дети и напотомъ будучие его щадки и воленъ его мил. и потомки его мил. тую третюю часть в части моей Бытенской отдати, и продати, и кому хотя записати, и ку своему лепшому и вжиточному обернути, яко сами налепей розумеючи. А мы вже в тую третюю часть не маемо сами, дети и потомъ будучии наши щадки, а и ни ближнии никоторыми причинами уступовати, а ни подъ его мил. самымъ и потомъ будучими его щадки поискивати, а никоторое имъ переказы и поволоки ку праву чинити, только в томъ вечное молчане мети. А если быхъмо мы сами, и дети або потомки наши, или бо хто з ближнихъ нашихъ мели ся в тую третюю часть чимъ-колвекъ уступовати и подъ его милостю и потомками его поискивати, чинечи в томъ поволоку ку праву або переказу, тогды мы сами, дети и потомки наши маемъ и повинни будемъ господару королю его мил. заплатити сто копъ кгрошей, а старосте луцкому —пятьдесятъ копъ кгрошей, а пану Миките Федоровичу Сербину и напотомъ будучимъ щадкомъ его мил.—сто копъ кгрошей заплатити, и вси шкоды и втраты, штобы мели правуючимся наложити, безъ кождого доводу, одно на реченъе слова его мил. а потомковъ его, отправити и досыть вчинити; и заплативши тые заклады и шкоды, предъ ся ма-

етъ тая продажа наша и купля его мил. тое третее части вечне держана быти подле сего листу нашого продажного. И на тое есми далъ пану Миките Федоровичу Сербину сесь мой листъ продажный подъ моею печатю. А при томъ были и тому добре сведоми: ихъ мил. князъ Матфей Василевичъ Четвертенский, панъ Михайло Данилевичъ Ело-Малинский, панъ Василей Михаиловичъ Семашко, панъ Григорей Федоровичъ Ело. Якожъ я, Романъ Гневошевичъ, и з жоною моею Зофею просили ихъ мил. пановъ верхуписаныхъ о приложене печатей; ихъ мил. на нашу прозбу вчинити рачили и печати свои приложили къ сему нашому листу. Писанъ в Луцьку, лета Божого нароженя тысеча пятсотъ петъдесят девятого, месеца октобра четвертогонадцетъ дня. На тотъ листъ и выписъ с книгъ замку Луцкого, подъ датою року тысеча пятсотъ пятдесятъ девятого, месеца октобра пятогонадцать дня, очевистого сознаня на вряде Романа Гневошевича Бытенского передо мною на вряде покладалъ.

7. А то есть листъ Романа Гневошевича Бытенского и з жоною его Зофею на заставу двухъ частей именя Бытна пану Михайлу Сербину, который такъ се в собе маетъ.

Я, Романъ Гневошевичъ Бытенский, и з жоною моею Зофею чинимъ явно и ознаймуемъ то симъ нашимъ листомъ кождому, кому того потреба вѣдати будетъ або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, штожъ которого именя моего материстого Бытня зостала мнѣ часть, подле права моего прирожоного в отъделе вечистомъ отъ брата моего Радка, в которомъ именю заштя и розницы, и навалненя, и кривды, и втиски презпрестанне отъ суседов нашихъ мевали немалых, для которыхъ кривдъ и втисковъ великихъ немалую суму пенезей людемъ обчимъ остали есмо были винни, а платити того имъ (чимъ) не мели; и варуючи, абы того долгу нашого на насъ самыхъ, подле права земского, не отправовано, а такъ мы ку таковымъ великимъ а пильнымъ потребамъ

нашимъ, по нашой доброй воли, никимъ не принужонымъ, з ведомостю враду господарского замку Луцкого, заставили есмо именя нашого Бытня две части з дворомъ и з пашнею дворною, с полми и сеножатми, з людми тяглыми и дворищи пустовскими, и з огороды, з дубровами и лесы, и землею бортною, з гайми и зарослями, з проробки старыми и новыми, з млыномъ и з вымелками, ставы, ставищи, з реками и речищами, з луги и з болоты, з ловы звериными и пташими, и зо всими пожитки, потому, яко ся тые две части именя нашого Бытенского сами в собе и в своихъ межахъ и границахъ здавна маютъ, пану Миките Федоровичу Сербину Хорохоринскому, хоружому земли Волынское, и потомкомъ его, в трехъсотъ копахъ кгрошей личбы литовское, личечи по десети пензей в грошъ, ничого на себе, потомки и близкие наши не оставуючи з тыхъ двохъ частей. Маетъ его мил. панъ Микита Сербинъ и потомки его того именя нашого Бытенского две части в тыхъ трехъсотъ копахъ кгрошей держати и вживати; и воленъ будетъ его мил. панъ Микита Сербинъ и потомки его мил. на тыхъ двохъ частех прибавляти, розширяти, дворы будовати, ставы сыпати, роспаши в дубровахъ, в поляхъ, в лозахъ сеножати чинити и всякие пожитки мети и дерево бортное прибавляти. А если быхъмо мы сами, потомки и близкие наши тые две части в его мил. хотели выкупити, тогды первей тотъ накладъ, который его мил. на тые две части выложити мелъ, маемъ его мил. пану Миките Сербину, безъ жадного доводу, едно на приречене слова, заплатити, и заплативши тотъ накладъ весь, тожъ тую триста копъ грошей его мил. отдати маемъ; а хотяжъ за тые две части тую суму отдамо сполна, тогды предъ ся тую третюю часть панъ Микита Сербинъ и потомки его мил., ведле листу нашого продажного, маютъ вечне держати. А не отъдававши тыхъ трехъсотъ копъ кгрошей литовскихъ и не заплативши оного накладу, вышейписаного,

отъ ихъ мил. оныхъ двохъ частей з рукъ выймовати не маемъ; а если быхмо мы або потомки и близкие наши трехъсотъ копъ кгрошей его мил. и того накладу не заплативши, а якими-колвекъ причинами хотели з рукъ его мил. тое имене выняти, тогды первей винни будемъ заруки господару королю его мил. двесте копъ кгрошей заплатити, а стороне сто копъ кгрошей заплатити маемъ, и тую заруку заплативши, предъ ся его мил. тые две части в той суме на себе держати и вживати маетъ до тыхъ часовъ, поколь мы ведле обязаня нашого, весь накладъ его мил. отдамо и оную триста копъ кгрошей сполна заплатим. И на то есми далъ пану Миките Федоровичу Сербину сес мой листъ заставный подъ моею печатью. А при томъ были и тому добре сведоми: ихъ мил. князь Матфей Василевичъ Четвертенский, панъ Михаило Данилевичъ Ело--Малинский, панъ Василей Михайловичъ Семашко, панъ Григорий Федоровичъ Ело. Якожъ я, Романъ Гневошевичъ, и з жоною моею Зофею просили есмо ихъ мил. пановъ верхуписаныхъ о приложене печатей; ихъ мил. на нашу прозбу вчинити рачили и печати свое приложили к сему нашому листу. Писанъ в Луцъку, лета Божого нароженя тысеча пятсотъ петъдесят девятого, месеца октобра четвертогонадцатъ дня. На тотъ листъ и выпис замку Луцъкого, под датою року тысеча пятсотъ пятдесятъ девятого, месеца октобра пятогонадцетъ дня, очевистого сознаня на вряде пана Романа Бытенского з жоною его Зофею передо мною покладалъ.

8. А то есть копѣя съ книгъ замъку Луцкого, с подписомъ руки писарское, суду князя Андрея Михайловича Сангушковича Кошерского, старосты луцкого, такъ се в собе маетъ.

Под лето Божого нароження тисеча пятсотъ пятдесятъ девятого, месеца мая четвертогонадцетъ дня. Выписъ с книгъ замку господарского Андрея Михайловича

Сангушковича Кошерского, старосты луцкого, а в той часъ зо мною на той справе были: ихъ мил. Францишко Фалчевский, староста ковельский, а панъ Михаило Ело-Малинский, князь Иванъ Федоровичъ Четвертенский, а панъ Романъ Федоровичъ Гулевичъ, панъ Иванъ а панъ Богданъ Сосницкие. Смотрели есмо того дела: стояли передъ нами очевисто: жаловалъ передъ нами водле позву своего земенинъ господарский панъ Радко Бытенский на брата своего Романа Бытенского тымъ обычаемъ: штожъ дей онъ за дозволенемъ моимъ во власномъ дворе моемъ мешкаетъ и его вживает, а теперешнего часу мни, яко близкости моее, не ведати, для которое причины, поступити не хочетъ. А такъ ставши передъ нами Романъ Бытенский речъ мовити и в отказе быти злецилъ зятю своему Мартину Лыковскому, который, ставши, Радку напротивку позву и жалобы его, отказъ чинилъ тымъ обычаемъ: што дей онъ жалуетъ на тестя моего Романа, якобы онъ мелъ за дозволеннемъ его въ томъ дворе, о который онъ жалуетъ, мешкати, але дей тесть мой тотъ дворъ в моцы и держаню своемъ маетъ и его, яко власности своей, вживаетъ, яко отъ тридцати летъ; а онъ самъ, а ни хто з близкихъ о то ся не вспоминалъ. Мы Радка пытали: якъ тому есть давно, якъ они тымъ именемъ Бытномъ делили? Онъ поведилъ: вже дей тому есть большей двадцати летъ. Ку тому пытали есмо Радка, если маетъ листъ отъ брата своего, за которымъ бы мелъ отъ него тамъ в томъ дворе мешкати и вспоменания слушного для давности земское, ажъ онъ большей двадцетъ летъ о то в молчани былъ; а такъ Радко якъ листа брата своего Романа, зачимъ бы мелъ отъ него в томъ дворе мешкати, такъ и припоминаня слушного для давности земской и листу дельчого не положилъ; ачъ колвекъ положилъ листъ врядовый напоминальный, который писанъ ближше, нижли отъ року, который листъ к тому праву о давности земской моцы жадное не маетъ. Якожъ

и статутъ права земского опеваетъ на тое: если хто именя або кгрунту земского черезъ десять лѣтъ у молчани былъ, и припоминаня жадного на то не мелъ, тотъ маетъ о то вечное молчане мети. И з ихъ милостью верхуписаными паны, которые на тотъ часъ со мною на той справе были, выслухавши позву и жалобы Радковы, а отпору Романа Бытенского черезъ зятя его Мартина Лыховского (sic), а такъ ся мнѣ з ихъ мил. видѣло: кгдыжъ Радко Бытенский листа брата своего Романа на тотъ дворъ, за чимъ бы онъ мелъ отъ него в томъ дворе мешкати, такъ тежъ упоминаня слушного о давность земскую и листа делчого передъ нами не положилъ и никоторого права своего на тотъ дворъ прислухаючий его не показалъ, заховываючися есмо в томъ водле обычаю права посполитого и статуту земского, вскизали есмо и присудили тотъ дворъ у Бытни з огороды и зо всими пожитки, яко ся въ собе маетъ, Роману Бытенскому, жоне, детемъ, и потомкамъ, и близкимъ его, яко власность его, на вечность; вже черезъ тое Радко Бытенский, жона, дети и потомки его Романа Бытенского, детемъ и потомкомъ его повторе о дворъ, о который теперъ его позывалъ, до жадного права позывати и того поискивати не маетъ, едно о то вечное молчане мети маеть. И на то далъ есми Роману Бытенскому тотъ мой листъ судовый з моею печатю. Писанъ в Луцьку. Романъ Перевеский.

9. То есть выписъ замку Луцкого такъ се в соби маетъ.

Выпись с книгъ замку господарского Луцкого, лета Божого Нароженя тысеча пятсотъ пятдесятъ девятого, месеца октебра пятогонадцать дня. Пришедчи передъ мене, Остафя Василевича Сокольского, подстаростего луцкого, земенинъ господарскій панъ Романъ Гневошевичъ Бытенский веспо-локъ з жоною своею Зофею поведали и доброволне до книгъ сознали тымъ обычаемъ: што жъ дей которая часть именя материстого ведле права прирожоного мни в делу

вечистом отъ брата моего Радка зостала, а такъ я, маючи кривды и утиски немалые отъ суседовъ обополныхъ, для которыхъ кривдъ и втисковъ немалую суму пензей людем обчимъ остали есмо были винни, а платити того чимъ не мели; а такъ мы, ку таковымъ великимъ а пильнымъ потребамъ своимъ, заставили есмо с тое четвертое части имени Бытенского, которое мни отъ брата моего Радка в делу остала, две части его мил. пану Миките Федоровичу Сербину Хорохоринскому, хоружичу земле Волынское, за певную суму пенезей, то есть з дворомъ, з пашнею дворною, з польми, и з сеножатми, з людми тяглыми, и дворищи пустовскими, у трехъсотъ копах кгрошей личбы и монеты литовское; а третюю часть того именя моего Бытна, з дворомъ, з пашнею дворною, з польми, и з сеножатми, з людми тяглыми, и дворищи пустовскими, зо всимъ тымъ, якося тая третяя часть сама в соби и в пожиткахъ своихъ маетъ, ничого на себе и на потомки свои не оставуючи, продалъ есми его мил. пану Миките Федоровичу Сербину, хоружичу земле Волынское, за полътораста копъ кгрошей личбы и монеты литовское на вечность, на што листъ заставный и листъ продажный на то его мил. далъ, и на вряде в замку господарскомъ в Луцку то до книгъ вызналъ и записати далъ, и листъ делчий на тое имене Бытенское его мил. пану Сербину далъ, а што ся дотычитъ листа судового его мил. князя старосты луцкого, штомъ право мелъ передъ его мил. о дворъ свой Бытенский з братомъ своимъ Радкомъ, тотъ листъ и самъ не ведаю, где ми згинулъ; яко то с книгъ судовыхъ замку господарского Луцкого того знайдення и застановеня его мил. князя старосты вынелши, с подписю дяка замкового Романа Перевиского, пану Миките Сербину далъ. А што ся дотычить затя моего Мартина Луковского, который зо мною во власномъ дворе моемъ у Битне мешкаетъ, я ему жадного запису под печатю своею на тое имене Битне,

такъ теж и на суму пенезей, ему не давалъ; а если бы ся на потомъ где-колвек у права який колвекъ записъ подъ печатю моею на тое имене Бытенское, або на якую суму пенезей, показати мелъ, тогды таковый записъ жадное моцы у права мети не маетъ; а панъ Микита Сербинъ завжды у кождого права мает быти захованъ ведле листа моего продажного и заставного. А такъ я тое доброволное вызнане Романа Гневошевича Бытенского в книги замковые записати казалъ, и выписъ съ книгъ пану Миките Федоровичу Сербину Хорохоринскому, хоружичу земле Волынское, з печатю моею на то далъ. Писанъ в Луцку. Романъ Перевеский.

11. А то естъ квитъ Радка Гневошевича Бытенского, которымъ з сумы пенезей, што ему за Бытне былъ виненъ, пана Микиту Сербина квитовалъ, и такъ ся в собе маетъ.

Я, Радко Гневошевичъ Бытенский, вызнаваю симъ моимъ квитомъ, кому будетъ потреба ведати або чтучи его слышати, нинешнимъ и потомъ будучимъ, ижъ што которую часть я мелъ именя моего материстого в Бытню водле права моего прирожоного у в отделе отъ брата моего старшого Романа, то есть четвертая часть всего села Бытня, которое я части своее продалъ третюю часть на вечность за полтораста копъ грошей, яко естъ ширей описано в листе моемъ продажномъ, а две части заставилъ в суме пенезей в трехъсотъ копахъ грошей монеты Литовского князства великого, яко естъ ширей в листе моемъ заставномъ описано, его мил. пану Миките Федоровичу Сербину, хоружичу земле Волынское; а такъ тая сума пенезей вся, то есть полъ пята ста копъ грошей, мене, Радка, дошла отъ его мил. пана Микиты Федоровича Сербина, на што я пану Миките Федоровичу Сербину далъ сесь мой квитъ подъ моею печатю. Писанъ в Хорохорине, подлѣтехъ Божого Нароженя 1559, месеца ноября десятого дня.

12. То есть листъ отъ суди и подстаростего луцкого, до вижа писаный, такъ ся в собе маетъ

Отъ Гаврила Бокия, суди повету Луцкого, а отъ Остафя Сокольского, подстаростего луцкого, земенину господарскому пану Миките Князскому. Просилъ земенинъ господарский панъ Микита хоружичъ Сербинъ, абыхмо му тебе вижомъ придали; где ему потреба будетъ, абысь у его мил. вижомъ былъ. Писанъ у Луцку, подъ леты Божого Нароженя, тысеча пятсотъ пятдесятъ девятого, месеца октебра пятогонадцеть дня. Романъ Перевѣский.

13. А то есть листъ вижовый, такъ ся в собе маетъ.

Я, Микита Гавриловичъ Князский, вижъ даный з уряду господарского замку Луцкого отъ суди повету Луцкого пана Гаврила Бокия, а отъ подстаростего луцкого князя Остафя Сокольского, пану Миките Федоровичу Сербину, хоружичу земли Волынское, ижъ што Романъ Гневошевичъ Бытенский часть свою в Бытню материстую, которую былъ заставилъ первей отцу его мил. пана Микиты Федору Сербину, хоружому земли Волынское, тутъ тежъ и его мил. пану Миките Федоровичу Сербину; топакъ теперъ тую часть свою именя своего материстого в Бытню Романъ Гневошевичъ продалъ вечне его мил. пану Миките Федоровичу Сербину, хоружичу земли Волынское, з дворомъ, з пашнею дворною, с полми, з сеножатми, зо всими пожитки, такъ яко ся тая часть в собе маеть, якожъ то Романъ Гневошевичъ и з жоною своею Зофею передо мною вызнали явно и поступили его мил. пану Миките Сербину зо всимъ на все, такъ яко сами первей держали. Якожъ я, Микита Гавриловичъ Князский, вижъ даный з уряду господарского луцкого, того вызнаня пана Романа Гневошевича, и того всего виденя и слышеня моего, далъ есми его мил. пану Миките Федоровичу Сербину, хоружичу земли Волынское, сесь мой листъ вызнаный подъ моею печатю и с подписомъ руки моее властивое. Писанъ въ Бытни, лѣта

Божого Нароженія 1559, месеца октебра осмогонадцеть дня. Я Микита Князский, рукою своею подписалъ.

14. А то есть листъ пани Федоревое Сербиновое Хорохоринское, хоружиное волынское, которымъ третюю часть именя Бытня сыну своему пану Микитe Сербину на вечность записала, и такъ ся в собе маеть.

Я, Федоровая Сербиновая Хорохоринская, хоружиная волынская, Палагя Богдановна, сознаваю то симъ моимъ листомъ кождому, кому будетъ потреба того вѣдати або чтучи его слышати, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ, мешкаючи мнѣ з малжонкомъ моимъ его мил. паномъ Федоромъ Федоровичомъ Сербиномъ, хоружимъ земли Волынское, и з ласки Божеи дети маючи, которые бы были повинни служити мнѣ, яко матцы своей; але ижъ повинности своей противъко мнѣ показати не хотѣли, толко сынъ мой Микита, почевши з молодости летъ своихъ, милуючи мене, матку свою, не жалуючи тратъ и трудностей своихъ, ко мнѣ ся завжды цнотливе заховалъ; а такъ я, обачивши то по немъ тые службы и поволности, не з жадного припуженя або намовы людское, едно по доброй воли моей, вмиловавши за его ко мнѣ цнотливые службы, даю, дарую и записую сыну моему Микитe Федоровичу Сербиновича Хорохоринскому, ему самому, жоне, детемъ и потомкомъ его третюю часть именя моего отчизного Бытенского, з дворомъ, з пашнею дворною, с полми, и з сеножатми, слугами путными, и людми тяглыми и ихъ дворищами, и дворищами пустовскими, з огороды, полми, и сеножатми, з дубровами, и лѣсы, и землею бортною, з гаи, и зарослями, з пробробки старыми и новыми, з млыномъ и вымелками, ставы и ставищи, з реками и з речищами, з луги и болоты, и з ловы звериными и пташими, зо всими платы и доходы малыми и великими, потому, якъ ся тая третяя часть именя моего отчизного Бытенского сама в собе, межахъ и кграницахъ своихъ маеть, отдаляючи то отъ

дочокъ моихъ и детей ихъ, потомковъ и всихъ близкихъ моихъ тую третюю часть, с тымъ всимъ, якъ вышей написано, на вечные часы. Маетъ сынъ мой, жона, дети и потомки его тую третюю часть именя моего отчизного Бытенского держати и вживати, прибавляти, розширати, будовати, ставы сыпати, роспаши в дубровахъ, на поляхъ, в лозахъ сеножати чинити и всякие пожитки малые и великие, якимъ колвекъ именемъ названые, водле воли своее множити вечно навеки непорушно; и воленъ будетъ отдати, продати, променяти, на церковъ записати, и подле воли своей обернути. А дочки мои, дѣти и потомки ихъ, и на потомъ будучие ихъ щадки, и нихто з блискихъ моихъ тое третее части с тымъ всимъ, яко вышей описано, подъ сыномъ моимъ Микитою, жоною, детми и потомки его на вечные часы, жадною причиною поискивати не маютъ. Якожъ тую волю и даръ мой сама есми, ставши обличъне передъ врадомъ господарскимъ в Луцку, вызнала и оповедала, в книги замковые записати казала и выпис, вземши с книгъ подъ печатю врядовою, сыну моему Миките Федоровичу Хорохоринскому, и сес мой листъ даровный дала. А при томъ были и того добре сведоми ихъ мил. князь Матфей Василевичъ, а князь Иванъ Федоровичъ Четвертенские, а князь Василей Солтановичъ Сокольский. Просилъ есми ихъ мил. о приложене печатей; ихъ мил. на прозбу мою то вчинили, а печати свои к тому листу моему приложили; а на твердость того листу моего и свою есми печать къ тому листу моему приложила. Писанъ в Луцку, лѣта Божого Нароженя 1558, месеца сентебра 3 дня. На тотъ листъ и выписъ с книгъ замку Луцкого, подъ датою року 1558, месеца сентебра 5 дня, очевистого сознаня на вряде пани Федоровое Сербиновое, передо мною покладалъ.

А то есть лист пани Федоровое Сербиновое, которымъ две части именя Бытня сыну своему, пану Михаилу Сербину, в суме пенезей заставила, такъ се в собе маетъ.

Я, Федоровая Сербиновая Хорохоринская, хоружина волынская Палагия Богдановна сознаваю то симъ моимъ листомъ кождому, кому будетъ потреба того вѣдати, або чтучи его слышати, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, што я выдаючи дочки мои за мужъ, милуючи ихъ, детей моихъ, а хотечи ихъ достаточне а добре выправить и даровати, кромъ воли и вѣдомости мужа моего, на выправу ихъ позычаючи в людей посторонниxъ такъ грошей готовыхъ, яко и иншихъ речей, и достала (sic) есми винна сумму немалую пенезей; которыхъ долговъ моихъ не маючи чимъ платити, позичила есми и остала винна сыну моему Миките Федоровичу Сербиновича Хорохоринскому на тую выправу дочокъ моихъ чотыреста копъ грошей монеты и личбы великого князства Литовского, личечи по десети пензей у грошъ, о чомъ дѣти мои и сами не вѣдали, отъколь я тую выправу имъ, яко дочкамъ своимъ, чинила; в которой суме вышей помененой чотырехъсотъ копахъ грошей заставила и записала есми ему две части именя моего отчизного Бытенского, з дворомъ и с пашнею дворною, с полми и сеножатми, з слугами путными и людми тяглыми и ихъ дворищами, и з дворищами пустовскими, и з огороды, з дубровами и лесы, землею бортною, з гаи и зарослями, з проробки старыми и новыми, з млыномъ и вымелками, ставы и ставищи, з реками и речищами, з луги и болоты, з ловы звериннымии пташими и зо всими пожитки малыми и великими, потому, якъ ся тые две части именя моего отчизного Бытенского сами в собе въ границахъ и межахъ своихъ отъ давныхъ часовъ, маютъ, ничого на дочки и близкие мои не оставуючи с тыхъ людей повинностей и подачокъ, платовъ и доходовъ, сыну моему Миките записала. Маетъ сынъ мой тые две части именя моего отчизного Бытенского в тыхъ чотырехъсотъ копахъ грошей держати и вживати, и воленъ будетъ на тыхъ двохъ частех прибавляти, розширати, ставы сыпати,

дворъ будовати, роспаши в дубровахъ, поля в лозахъ, сеножати чинити и всякие пожитки мети, дерево бортное прибавляти, до того часу, покули дѣти мои ему тую суму сполна всю читырыста копъ грошей личбы литовское отдадуть; а при отданю тое сумы новинни дѣти мои сыну моему Микитe тотъ накладъ, якъ людей осажованя, такъ поль роспаханя и двора будованя, што ся вышей менoвите написало, на чомъ словомъ речеть, нагородити, што накладомъ своимъ на тыхъ двохъ частехъ за держаня своего прибавить; тожъ на тотъ часъ повиненъ будеть сынъ мой Микита с дочками моими, а сестрами своими, тые две части именя Бытенского, отъ мене ему записаную, в ровный розделомъ промежку себе пустити. А не отдавши ему дочки мои, а сестры его, потомкове и близкие мои тое сумы пенезей чотырехъсотъ копъ грошей литовскихъ и тыхъ накладовъ, што будеть на тое розширенье наложилъ, на розроблюванье поль и иншихъ речей, што ся вышей написало, не маютъ ся ничимъ в тые две части вступовати и на немъ поискивати; едно сынъ мой, жона, дети и потомки его спокойно тые две части до того часу держати маеть, покуля ему сполна чотырыста копъ грошей и тотъ накладъ его до рукъ прийдеть. Якожъ есми и на вряде замку господарскомъ Луцку, ставши сама обличне, то вызнала и оповедала, в книги замковые давши записати, и выписъ с книгъ оземши подъ печатю врядовою, сыну моему дала. На то есми дала сыну моему Миките Федоровичу Хорохоринскому сесь мой листъ заставный. А при томъ были и того добре сведоми ихъ мил. панове: его мил. панъ Матфей Василевичъ, а князь Иванъ Федоровичъ Четвертенские, а князь Василей Солтановичъ Соколский. Просила есми ихъ мил. о приложене печатей; ихъ мил. на прозбу мою то вчинили и печати свои приложили къ сему моему листу, а на твердость того листу моего и свою есми печать приложила к тому листу моему. Писанъ в Луцку,

лета Божого Нароженія тысеча пятсотъ пятдесятъ осмого, месеца сентебра третего дня. На тотъ листъ и выписъ с книгъ замку Луцкого подъ датою року пятдесятъ осмого сентебра пятого дня очевистого сознаня пани Федоровое Сербиновое на вряде передо мною покладалъ.

16. А то естъ тестаментъ небожчика пана Федора Сербина такъ се в собе маеть.

Во имя Божъе и Пречистое Его Матеря станся. Каждая речъ с памети людское давностю выходитъ, але написаньемъ в листехъ ку свежой памети завжды ся приводитъ; а звлаща при моцы живота своего кождый человѣкъ, ведле христянства, напередъ душу свою в моцъ и владность Богу, Отцу поручити, а потомъ дѣти и близкие и кождого повиноватого своего остатнею волею своею на тестаментѣ оставити и роспровадити естъ повиненъ. Про то я Федоръ Сербиновичъ Хорохоринскій, хоружій Волынское земли, ознаймую тымъ моимъ тестаментомъ, видечи и розумеючи то по собе, ижъ будучи човекомъ хорымъ, а с тое хоробы живъ быти не могу, пишу сесь мой тастаменъть за доброе памети и суполного розуму моего, хотечи, абы сынъ мой Микита и иншие дѣти мои—дочки спокойне по моемъ животе безъ накладу, поволоканя и шкодъ мешкали, напередъ, поручаю душу мою Богу Сотворителеви и Пречистой Матери Его, а тело мое грешное земли; тело мое маетъ быти положоно в Луцку Пречистое Светое монастыри. Тамъ сынъ мой дати маетъ на сорокоустъ; по иншимъ церквамъ и на обходъ всякий тела моего далъ есми устную науку сыну моему. На то (sic) именье мое отчизное, которое продалъ есми в повете Мозырскомъ, Юревичи, тое именье мело прійти по животе моемъ правомъ прирожонымъ сыну моему,—я за тые пенези тутъ, в Бытню, в пана Романа и пана Радка Бытенскихъ, заставою и куплею, што ся на листехъ ихъ заставныхъ и продажныхъ значитъ, набылъ, тую заставу и куплю при

моцы сыну моему Миките зоставую. Речи тежъ рухомые: золото, сребро, шаты, кони, стадо, быдло, цѣнъ, мѣдь, желѣзо, всякие речи домовые малые и великие, то все при именяхъ моихъ отчизныхъ и набытыхъ при моцы сыну моему зоставую. Дочки мои, а сестры его, до того ничого мети вечне не маютъ, бо еще есми за живота моего кождую з нихъ, съ слушную (sic) выправою и досыть вчинивши съ тыхъ имений, выправилъ. К тому тежъ, што небожчица жона моя Полагъя Богдановъна, выправуючи дочки наши за мужъ, в людей посторонъныхъ, позичила такъ грошей готовыхъ, якъ и иншихъ речей, кромъ воли и ведомости моей, и остала была досыть немало винъна, и не маючи чимъ того долгу платити, позычила в сына нашого Микиты чотырыста копъ грошей литовскихъ, и не хотечи чоловеку обчому заводити в руки именя своего отчизного, в тыхъ чотырохъсотъ копахъ заставила две части именя своего Бытенского сыну нашому Миките, а третюю часть в томъ же именю Бытню, вмиловавши его, яко сына своего, отдаляючи отъ иншихъ детей своихъ, дочокъ нашихъ, ему дала и даровала подъ сведомомъ моимъ, што ся достаточней на листехъ ее, небожчицы, заставномъ и даровномъ, ему данымъ, доложоно. Якожъ при остатней воли своей мене просила и впоминала абыхъ то сходечи з света на тестаменти своемъ для ведомости доложилъ, жебы дочки наши, а сестры его, по животѣ моемъ сыну нашому Миките поволоки жадное, ведаючи на то волю нашу, не чинили. Грошей тежъ сполечныхъ пановъ Волынскихъ, што ми были ихъ мил. выбирати на потребы земские позволили, тыхъ ся остало десять копъ; сынъ мой повиненъ то будеть, кому ихъ мил. панове Волынские роскажутъ, отдати. На то оставую сесъ мой тестаментъ для ведомости и росправы детей моихъ, суполного розуму справеный. При томъ были и того добре сведоми ихъ мил. панове пріятели мои: князь Матфей Василевичъ Четвертенский,

а панъ Василей Михаиловичъ Семашко, судя луцкій. Которые за прозбами моими печати свои приложили къ сему тестаменту; а на твердость того и свою печать есми приложилъ къ тому тестаменту моему. Писанъ в Бытни, лѣта Божого нароженія 15 пятдесятъ девятого, месеца апреля пятогонадцать дня.

17. То естъ привилей короля Казимера на Пирковичи, такъ се в собе маетъ.

Казимеръ, Божю милостю корол Полскій, великій князь Литовскій, и Рускій, и Жомойтскій, и инныхъ, старосте володимерскому пану Пашку Дахновичу [1]). Што тамъ подъ Володимеромъ Сербинъ Богданъ держитъ село Пирковичи, и он бы таки держалъ, потому, какъ ему стрый нашъ, небожчикъ князь Швитригаило, далъ. А писанъ у Лѣрунах марца двадцатъ семого, индиктъ 15.

А такъ я тые вси вышей помененые листы привилее небожчика пана Михаила Сербина, подкоморого луцко(го), за прозбою его мил. пана Ивана Чаплича Шпановского, войского земли Волынское, луцкого и малжонки его мил. пани Ганны Болбасовны съ початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Архива № 2052, л. 610 на обор., актъ 906.

Родъ Сербиновъ.

Богданъ Сербинъ
(1452)

Сенко — Федоръ

Федоръ
|
Федоръ
(ж. Палагія Богдановна)
|
Микита

[1]) Упом. какъ стар. Влад. подъ 1452 годомъ.

XII.

1473 г.—Мѣновая запись между князьями Збаражскими на имѣнія.

А се мы кнзи Василиевичи, отчичи Збаразскии: князь Михайло а князь Семень Меньшин [1]), посполитою рукою, сознаваемъ симь нашимь листомъ кажьдому доброму, кому его потрѣбѣ слышати, нинѣшнимъ и потомъ будучимъ, ижъ мѣняли есмо и з дядкомъ и своимъ со князем Семеномъ Василиевичомъ Збаразкимъ, старостою кремянецкымъ, отчиною своею: и с своеи дѣлници поступили ся есмо Ивачевъ Нижний и ставомъ, а Янковци, а Обаринци, а Васковьци, къде Онацко сидѣлъ, а Опрѣловци и ставомъ, а со всѣмъ с тымъ тая имѣня и которыи жъ будуть к тымъ имѣнемъ селища, што издавна къ тымъ имѣнемъ слушало, а ничего на себе не вымѣняючи; а на той часъ, коли ся есмо мѣняли, Ивачевский ставъ былъ не заставленъ; а во всѣхъ тыхъ имѣниехъ, которыхъ же есмо поступили, ино не было десяти члвка. А възяли есмо у князя Семена, у дядка своего, противку того Косковъ и ставомъ, и з млиномъ направнымъ, и Шюлжинци; а къ тымъ имѣниемъ што коли есть приселковъ и селищъ, то со усѣмъ и съ тымъ. А въ тый часъ, коли ся есмо мѣняли, тогды не было въ тыхъ имѣниехъ на и҃ (8) члвка. А мѣняли есмо своею доброю волею, а ни и жадной наглости. А коли быхмо хотѣли тое узрушити, тогды быхмо имѣли первои (господарю) королю положити триста золотыхъ угорьскихъ, а князю Семену двѣстѣ копъ широкихъ гроши; а штобы наложилъ кнзь Семенъ на тыя имѣния, ино што бы рекъ своимъ простымъ словомъ, то быхмо ему имѣ-

---

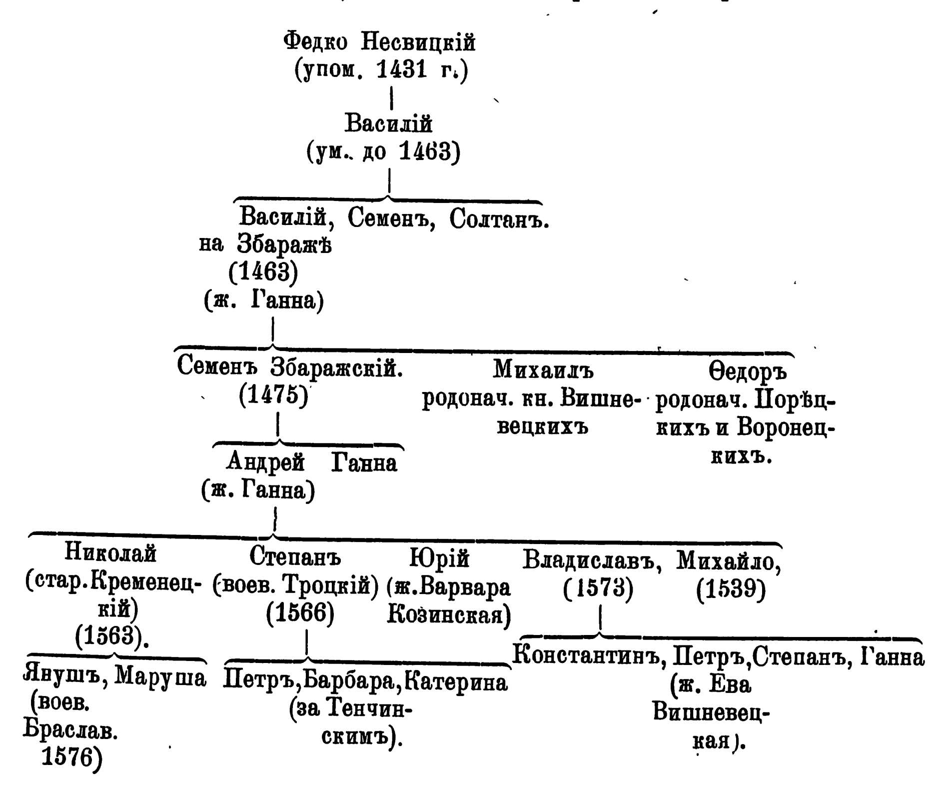
[1]) См. Pocz. Rodów. стр. 412.

[2]) Кн. Сем. Вас. Збаражскій (Меншій) упом. подъ 1475 г. (См. Pocz. Rodów, стр. 415).

ли тое усе отложити готовыми грошми;—тожь бых мо имѣли узрушити. А при томъ былы свѣтки: кнзь Иванъ Санкушковичъ, кнзь Василий Курцевичъ, а панъ Гринко Мукосѣевичъ, а панъ Ивашко Калениковичъ и з братомъ и своимъ и съ паномъ Дашкомъ; а панъ Сенко Денисовичъ и з братомъ своимъ съ паномъ Анъдреемъ, а панъ Олехно Русиловичъ и з братомъ своимъ съ паномъ Цатою, а панъ Богданъ вичъ (sic) Немиря. А про лѣпшюю и справедливость и печати есмо свои приложили къ сему листу.

Подлинная принадлежитъ Руликовскому. При грамотѣ шнуры для 5 печатей, но печати отрѣзаны.

Родъ кн. Збаражскихъ, Вишневецкихъ, Порѣцкихъ и Воронецкихъ.



XIII.

Документы князей Крокотокъ на владѣніе имѣніемъ Яловичами, въ Луцкомъ повѣтѣ, предъявленные Луцкому гродскому уряду зятьями княгини Крокоткиной 1578, августа 15. Документы эти были сданы княгинею на храненіе брату ея Димитрію Козинскому, но при нашествіи крымскаго хана въ 1577 г. были сильно повреждены татарами.

1. 1485 г., инд. 3, сент. 28. Грамота кор. Казимира Ягелловича на имя старосты луцкаго Олизара Шиловича о передачѣ князю Ивану Крокоткѣ имѣнія Яловичей, которое предъ тѣмъ держала жена в. кн. Свидригайла.

2. 1493 г., іюля 21. Грамота в. князя Александра на имя старосты луцкаго кн. Семена Юрьевича (Гольшанскаго) о подтвержденіи указанной грамоты короля Казимира.

3. 1496 г., іюля 4. Жалованная грамота в. князя Александра князю Ивану Дмитріевичу Крокоткѣ на право потомственнаго владѣнія имѣніемъ Яловичами съ приселками: Воршиномъ, Чекономъ и Котелевымъ.

4. 1554 г., янв. 19. Грамота короля Сигизмунда-Августа кіевскому воеводѣ кн. Фридриху Глѣбовичу Пронскому о томъ, что монастырь въ Луцкомъ повѣтѣ, испрошенный у короля кн. Пронскимъ подъ видомъ пустого и безхозяйнаго, оказывается частію имѣнія кн. Крокотки, пожалованнаго ему в. кн. Казиміромъ и Александромъ, а именно церковію с. Чекона; король возвращаетъ церковь и село Чеконъ кн. Якову Васильевичу Крокоткѣ (внуку Ивана Дмитріевича).

4. 1542—1560 г. Рѣшеніе третейскихъ судей: луцкаго бискупа Юрія Фальчевскаго, князя Андрея Михайловича Сангушко-Кошерскаго (старосты луцкаго) и Исаіи, пріора монастыря Виленскаго Св. Духа по спору между пріоромъ Луцкаго монастыря св. Маріи Севериномъ—съ одной стороны, и княземъ Василіемъ Крокоткою и сыновьями его Яковомъ и Тимофеемъ—съ другихъ о сѣнокосной землѣ по рѣкѣ

Стырѣ. По рѣшенію третейскаго суда спорная земля подѣлена между спорящими сторонами по поламъ.—Даты нѣтъ, ибо конецъ акта былъ оторванъ татарами.

Лѣта Божего Нароженя 1578 г., месеца августа 15 дня.

Пришодчи на вряд кгродский в замок кгосподарский Луцкий до мене Александра Жоравницкого, старосты, ключника и городничого луцкого их. мил. княз Михаило Ружинский, панъ Григорей Данилевичъ, судя кгродский луцкій, панъ Василей Привередовский а панъ Степанъ Федоровичъ Русинъ Берестецкий оповедали сами отъ себе и именемъ малжонокъ своихъ Якововенъ Крокотчанокъ Яловицкихъ тыми словы. Ижъ дей зошлая кнегиня Якововая Крокотчиная Яловицкая, теща наша а матка жонъ нашихъ, за живота своего листы привиля королей ихъ мил., зошлыхъ продковъ его кор. мил. теперешнего пана нашого, и иншие розные листы на именя Яловичи и приселки, к тому менованому именю Яловичомъ, прислухаючіе, намъ всимъ, зятемъ и дочкамъ ее мил., а жонамъ нашимъ, потребные и прinaлежаче, до рукъ и до схованя зошлому пану Дмитру Козинскому, брату своему, з зскрынкою железною окованую дала, топакъ дей кгды в прошломъ року семдесятъ семомъ в постъ великій, з допущеня Божого, непріятель господара короля его мил. цар Перекопскій з людомъ своимъ великимъ татарскимъ в землю господарскую на Подолие и на Волынъ вторгнувши, плѣнъ, а во именяхъ и дворехъ шляхетскихъ шкоды и опустошеня велике чинили, тогды на онъ же часъ, упадши в дворъ пана Дмитра Козинского Терешовский, речи и маетност его власную татаре побрали и тую скринку, которую княгиня Яловицкая, теща наша, з листы з привилями ему до схованя была дала, отбивши, одны листы подравши и помарнавши, пороскидали, а отъ другихъ печати привесистые поотдирали; которую дей мы скринку з остаткомъ листовъ у пана Семена Козинского, которую небощикъ панъ

Дмитръ Козинский без ведомости на тое з листы своими в схованe далъ, ажъ теперъ отыскали, и яко тую скринку отбитую, такъ и остатокъ листовъ привилевъ, што одно зънашли и поотрываньe отъ оного листу паргаменового печатей вашей мил., пане старосто, яко враду короля его мил., на сей часъ оказоваемъ; и просили панове, вышей менованые особы, абыхъ я тыхъ листовъ привилевъ огледавши, до книгъ уписати казалъ; ино я тые привиля передо мною на вряде покладаные слово отъ слова вписати есми до книгъ казалъ.

1. Напервей листъ короля Казимера, такъ се в собе маетъ.

Казимеръ Божей милостию корол Полскій, великий кнезъ Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомойтский и иныхъ. Старосте луцкому, маршалку Волынское земли, пану Олизару Шиловичу [1]). Што небожчица кнегина Швитригайловая держала имене у Луцкомъ повете на имя Яловича (sic), и мы тое имене Яловичи дали князю Ивану Крокотце со всимъ с тымъ, што к тому именю Яловичомъ прислухаетъ, потому, какъ небожчица княгиня Швитригайловая держала, опроч млынов. Писанъ в Троцехъ, сентебра двадцетъ осмого дня, индиктъ третій.

2. А то листъ короля Александра такъ ся въ собе маетъ.

Александръ Божю милостю великий князь Литовский, Руский, Жомойтский и иных. Старосте луцкому князю Семену Юревичу и иннымъ старостамъ нашимъ, хто потомъ будетъ одъ насъ старосство Луцкое держати: билъ намъ чоломъ князь Иванъ Крокотка, ижъ (отецъ) небожчикъ отецъ нашъ, король его мил. далъ ему имене въ Луцкомъ повете на имя Яловичи, што держала небожчица кнегини Швитри-

---

[1]) Олизаръ Шиловичъ б. старостою Луцкимъ съ 1480 г.

гайловая, и листъ отца нашого передъ нами вказовалъ; и просилъ насъ, абыхъмо ему на то листъ нашъ дали; ино мы ему на то листъ нашъ дали, подлугъ отца нашого листу, нехай онъ тое имене держитъ зо всимъ потому, какъ отецъ нашъ ему далъ и што к тому здавна слушало. Писанъ у Троцехъ, июня двадцетъ первого дня, индикта 11. Прик. воевода троцкий, маршалокъ земскій, панъ Пет. Яновича.

3. А то естъ другий листъ короля Александра такъ ся в собе маетъ.

Александръ Божю милостю великий князь Литовский, Руский, Жомоиттский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его вслышитъ, кому потреба того ведати будетъ. Билъ намъ чоломъ князь Иванъ Дмитровичъ Крокотъка и вказалъ передъ нами листъ отца нашого короля его мил., штожъ его мил. далъ ему имене въ Луцкомъ повете на имя Яловичи з приселками и з людми; и билъ намъ чоломъ, абых мо то ему потвердили нашимъ листомъ. Ино мы тое имене Яловичи и тые приселки на имя Ворсинъ, а Чеконъ и Котелевъ з людми и зо всимъ с тымъ, што к тому именю и приселкомъ слушаетъ, и какъ здавна ся в границахъ своихъ мели, потвержаемъ симъ нашимъ листомъ, вечно и непорушно ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ. А на твердость того и печат нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ у Вилни, в 1496 лѣт, месеца июля 4 дня, индиктъ 14. Правил воевода виленский, канцлеръ панъ Миколай Радивилъ.

4. А то листъ короля Жикгимонта Августа такъ ся в собе маетъ.

Жикгимонт Августъ, Божю милостю корол Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий и инныхъ. Воеводе киевскому, державци чернобылскому князю Фридриху Глебовичу Пронскому. Што перво

сего дали есмо тобе манастыръ в земли Волынской у повете Луцкомъ, которого ты отъ насъ просилъ, давши намъ тую справу, жебы в пусте лежалъ и нихто его на себе не держитъ; ино тыхъ часовъ приездилъ до насъ князь Яковъ Василевичъ Крокотка, жалуючи и вилико собе обтежаючи, штожъ дей ты церковъ его власную и село Чеконъ з ставомъ и з млыномъ взялъ, поведаючи на то данину нашу господарскую; а онъ дей тую церковъ держитъ к именю своему Яловичомъ, которое дѣду его князю Ивану Дмитровичу Крокотце, дѣдъ нашъ, славное памети Казимеръ король и великій князь его мил. з ласки своее далъ, тамъ в земли Волынской у Луцкомъ повете и приселками до того именя Ворсинъ, а Чеконъ и Котелевъ, и потомъ Александръ король его мил., дядя нашъ, листомъ своимъ то ему потвердилъ; и теперь дей тая церковъ его, што на себе взялъ, у границахъ оныхъ именей лежитъ, што за даниною и листомъ короля Казимера, а за потверженемъ Александра короля его мил. продкове его спокойне на себе держали, и по сей часъ онъ держалъ, и нихто ся в то не вступовалъ; одно дей ты теперъ за тою даниною нашою, заочне на то одержаною, моцю, кгвалтомъ тую церковъ и оное село Чеконъ взялъ, менечи то бысти пустымъ манастыромъ и чинечи ему кривду надъ право его, одъ продковъ нашихъ славное памети деду его и имъ потомкомъ даное. Якожъ онъ и тотъ листъ, потвержене Александра короля на тые именя прислухаючие, писаный на паргамене под завесистою печатю, перед нами покладалъ, держаня спокойного тыхъ именей доводечи; и билъ намъ чоломъ, абыхмо таковаго безправя и шкоды чинити ему не казали, и оную церковъ и село, яко звечистое а власное его, за ся ему привернути велели. Про то кгдыж твоя милость такъ насъ въ томъ справилъ, жебы то отъ давного часу упусте залегло, а нихто того не держалъ, и ач колвек за таковою справою твоею, того есмо твоее милости не

отмовили и манастыр пустый тобе дали, нижли ижъ онъ власностю своею то быти поведает и завжды слушне то показати хочетъ, мы особливую обачность на то маючи, абы никому с подданыхъ нашихъ на справедливости ихъ жадное уближене безправне се не дѣяло, послали есмо тамъ дворенина нашого Ивана Василевича Бокия и розказали ему тую церков и оное село его Чеконъ, и з ставом, и з млыномъ, з моцы твоее выняти и за ся ему подати и поступити; ты бы о томъ ведалъ и тому дворенину и розказаню нашому противен в томъ не былъ. Естлиж бы тая церковъ не в границахъ того именя его лежала и од тыхъ имeней его особна была, ты бы того правомъ доводилъ, и о то его позывалъ. В чомъ правное розказане межи вами учинено будетъ. Писанъ у Книшине, лета Божего нароженія 1554, месеца генвара (19) дня. При том были панове рада наша ихъ милост: княз Валерианъ, бискупъ луцкий; воевода виленский, маршалок земский, канцлер, староста берестейски панъ Миколай Радивилович, воевода троцкий, панъ Миколай Юрьевич Радивилович, пан Троцкий, староста жомоитскій пан Ероним Александрович Ходкевич, воевода новгородский, маршалок дворный подскарбий земский пан Иван Юрьевич (?). Остафей писаръ.

5. А то листъ граничный на паргамене писаный так ся в собе маетъ.

Мы Юрей Фалчевский, з ласки Божее и бискупъ луцкий и берестецкий, а Андрей Михаловичъ Санъгушковича Кошерский, староста луцкий [1]) маршалокъ короля его мил. ключникъ городничій и мостовничій луцкій, а Изаяшъ, преоръ клаштора Виленского костела святого Духа, ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати, што позывалъ позвы господарскими преоръ кляштора Луцкого костела

[1]) Андр. Мих. Сангушко б. старостою Луцкимъ въ 1542 г.; ум. въ 1560 г.

Панны Мари кнезъ Северинъ князя Василя Крокотку и сыновъ его князя Якова а князя Тимофея о сеножати именя своего костелного Новаго Ставу, ижъ оны о ты именя своего Яловичъ через вечистую границу реку Стыръ в тые сеножати уступовали и сено косили и подданым своим косити допущали. Гдежъ господаръ корол его мил. рачилъ розказати того межи иими досмотрети маршалкомъ своимъ пану Никодиму Яновичу Стехановца, старосте мелницкому, а пану Миколаю Нарбуту, старосте мозырскому и кревскому, а пану Василію Тишкевичу, старосте менскому и волковыйскому; которые суди, видячи промежку ними споръ, конъца оной справе ихъ не вчинили, и зложили имъ обема сторонамъ рокъ певный на тую землю выехати и судей своихъ вывести. Где кнезь Северинъ взялъ судею з руки своее мене Юрія Фалчевского, бискупа луцкого, князи Крокотки з руки своее били взяли судею мене Андрея Кошерского, старосту луцкого; и ач колвекъ я бискупъ луцкий, за хоробою своею, на тотъ рокъ тамъ выехати не могъ и посылалъ на местце свое некоторыхъ людей добрыхъ, которые на тот часъ выеждчали, нижли на той справе жадного доконченя о землю вчинити не могли и зехали проч. Кгдыжъ яко князь преор, такъ и князи Крокотки, обоя сторона, тутъ у Вилни передъ нами стали; мы тежъ, розумеючи тому, ижъ естлибы они межи собою мели право вести, тогды бы в болшии шкоды и наклады пришли, а сумнене свое нѣкоторая сторона з нихъ через такъ давную реч мела бы нарушити и, делаючи водле Бога и сумненя нашого, ижъ они на обе стороны привился и права свои достаточные мели, то есмо межи ними едналнымъ обычаемъ вчинили и вгодили под тымъ способомъ. Што ся дотычетъ тыхъ сеножатей пенныхъ, о которые ся они правовали, то князь преор не хотечи сумненя своего нарушити, а ижъ тежъ князи Крокотки того от давныхъ лѣтъ у держаню были, поступилъ имъ половину

тыхъ сеножатей пенныхъ, иж мают там межи ними тые сеножати пенные на полы лыкомъ о розделити, то естъ князю преору и потомком его тых пенных сеножатей половина к сеножати старой костелъной; а княземъ Крокоткамъ и потомъкомъ их тых пенных сеножатей половина, о которые ся правовали отъ граници Кирдеевы подъ их двором; а што князь преор правуючися с князи Крокотками накладал, крыжи и келехи костелные позаставлялъ, то князи Крокотки за то дали князю преору двадцать копъ грошей литовское личбы. Вже князъ преор и потомкове его преорове луцкие на князехъ Крокоткахъ тои половины сеножатей пенных, а ни жадных речей и накладов своих, поискивати, а князи Крокотки тежъ также на князе преоре луцкомъ и на тыхъ потомкахъ его, яко тои половицы сеножатей пенныхъ, которая костелу достала, такъже шкод и накладов своиих жадныхъ на обе стороне поискивати и трудности и воликиты собѣ задавати не мают.

А конца в того листу што на паркгамене писаный нѣтъ, бо слова з одного конца на паргаменом отодрано и печати. А такъ я тое оповедане ихъ мил. князя Михаила Ружинского, пана Грегоря Данилевича суди, кгродского луцкого, пана Василя Привередовского, а пана Степана Русина Берестецкого, и тые листы королей ихъ мил. и листъ граничный до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Архива № 2052 Л. 460 на обор. № А 662.

XIV.

1493 г. мая 7. Грамота кор. Александра намѣстнику овруцкому Горностаю Романовичу на человѣка Дитятковича въ Кіевскомъ пов.

Priviley panu Hornostaju Romanoviczu, naméstniku wruckomu, na czełovika Dydîetkowicza zo wsimi prynalezytosciami ieho oprocz słuzby krolewskoy w Czernobyli.

Самъ Александръ Божью милостью великий князь литовский.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить, або чтучи его услышить, кому жъ будеть потреб того ведати. Бил намъ чоломъ наместникъ вруцкий панъ Горностай Романовичъ [1]), а поведал нам, штожъ небощикъ отецъ нашъ король его милость далъ ему въ киевъскомъ повете человека на имя Дитятъковича, а казалъ его милость о томъ доведатся пану Юрю Пацевичу, какъ держалъ от его милости Киев; панъ Юрей, о томъ доведавшися, и до его милости отписал. Ино тотъ листъ отъца нашого в животе не засталъ, а Горностай и тепер того человека естъ в держаньи и листъ пана Юрьевъ, который писаный до отъца нашого, передъ нами клалъ; панъ Юрей пишеть, ижъ тотъ человекъ Дитятъковичъ даивалъ отцу нашему с тое земли, на которой он седить, дани чотыри карамоны меду пресного, а две ведре, а две кузни меду, а три копы грошей, а топор, а стого сена, а коня ставилъ на неделю къ Чорнобылю и служба одна. И просил нас, абыхмо ему того чоловека Дитятъковича дали; и мы ему того человека Дитятъковича дали вечно ему и его жоне, и ихъ детемъ, и потомъ будучимъ и их щадъкомъ, и з землями, и з водами,

---

[1]) Горностай Романовичъ былъ намѣстникомъ Овруцкимъ въ 1487—1493 гг.

з бобровыми гоны, и з данью медовою и грошовою, и со всими платы и доходы, потому, какъ и отцу нашему служивалъ и дань даивалъ, вы именея коня маеть ставить на неделю в Чорнобыли по давному. А на твердость того казали есмо ему и печать нашу привесити к сему нашому листу. Писан у Вилни, в лет 7001, мѣсяца маия 7 ден, инъдикт 11.

Прик(азалъ) пан вое(вода) вил(енскии), кан(цлеръ) пан Мик(олай) Рад(ивиловичъ).

Лит. Метр., кн. Запис. Литов. № 3, л. 84 об.

XV.

1494 г., мая 16. Жалов. грам. кор. Александра Васку Ершевичу на им. Мошны въ Черкасскомъ повѣтѣ.

Боярину киевскому Васку Ершевичу на именье Мошны въ Черкаском повете.

Сам Александръ Божю милостю. Наместнику черкаскому пану Кмите Александровичу и иным наместником нашим, хто и напотом от насъ будеть Черкасы держать. Бил нам чолом бояринъ киевский Васко Ершевичъ и повѣдилъ перед нами, штож князь Семенъ Олелковичъ дал отцу его именье в Черкаском повѣте на имя Мошны за его отчынну; а в том его именьи люди были ясачныи: къ Черкасом служыли ясачную службу; и тыми разы тых его людей поганство татарове побрали, а иншыи до Черкасъ пошли; и билъ нам чолом, абыхмо ему дозволили в том его именьи люд садити за ся. Ино которых он людей призоветь и в том своем имѣньи осадить, ажбы еси ихъ въ ясачную службу не вернулъ и дал им впокой, нехай они ему служатъ по тому, как и в ыншых бояр киевских люди господарем своим служать. Писан у Вилни, мая 16 день, индик 12. Янушко писарь.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 5, л. 13.

XVI.

1494 г., окт. 29. Грамота короля Александра ключнику Кіевскому Семену Полозовичу на имѣніе Хабное.

Privіley kluczniku kiiewskomu Semenu Połozowiczu na jmena w Kiiewskom powietie w Zawskoy wolosti na jmene Chabnoie na wecznost.

Самъ Александръ, Божю милостю великий княз литовский.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, кому будеть потребъ того ведати. Билъ намъ чоломъ ключникъ киевский Сенько Полозовичъ и просил у нас именья в Киевъскомъ повете въ Завъшкой волости на имя Хабное и людей 10 потуговъ; и мы ему тое именье Хабную дали съ всими людьми, которые к тому именью здавна слухивали, съ всими землями с пашными, и з бортными, и з ловы, и з реками, и с перевозы, и з луги, и зъ сеножатьми, и зъ езы, и с озеры, и з бобровыми гоны, и з дачкою грошовою и медовою, и с неделскими ведры, и с побережными куницами, съ всимъ с тымъ, што здавна к тому именью слухавало; а дали есмо тое именье вечно ему, и его жоне, и их детемъ, и его ближнимъ, и потомъ будучимъ, и щадкомъ их. А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан у Вилни, в лет 7002, мѣс. окт. 26 д., инъдикт 12.

Правил воев(ода) вил(енскій) пан Мик(олай) Ради(виловичъ), канъцлеръ.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 3, л. 84.

XVII.

1495 г., іюля 28. Пожалованіе королемъ Александромъ Калусовскому с. Вербична въ замѣнъ его имѣнія Локва, присоединеннаго къ гор. Высокому.

Манцу Калусовскому на тры дворища села Вербичъна у Володимерскомъ повете.

Самъ Александръ Божю милостью.

Наместнику володимерскому пану Василью Хребътовичу. Бил нам чоломъ дьякъ нашъ Манец Калусовский а поведал намъ, што жъ купил был землю в Дорогицкомъ повете в Лутове на имя Локво, ино тую землю его место наше новое Высокое посело и на волоки померили; и просил в насъ противъ тое земли отмены трех дворищъ села на имя Вербичъна у Володимерскомъ повете в Туриску; и мы ему тые три дворища село Вербичну и з людми дали, а поплаты и подводы отпустили есмо ему; а дали то есмо ему до нашого осмотренья; а увязати его казали есмо в тые дворища дворенину нашему Сенюте. Писан у Вилни, июл 28 ден, инъдиктъ 13.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 6, л. 55 (стр. 109).

XVIII.

1492 г. дек. 19. Запись о пожалованіи Васку Жеребятичу земли въ Милославичахъ въ Кіевскомъ повѣтѣ.

Земянину киевъскому Васку Жеребятичу дано в Киевском повете в Милославичох селище на имя Чотаново на одну соху, а два озерцы Верещу а Бихчу со въсимъ, што к ним здавна прислухало. Писан в Мен., дек. 19 ден., инд. 10.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 8, л. 132.

XIX.

1496 г., марта 12. Грамота короля Александра съ пожалованіемъ Михаилу Семашковичу хуторка Жидовскаго въ Тополи съ двумя человѣками.

Михайлу Семашковичу и брати его на дворец Жидовский в Тополи, на Волыни.

Сам Александръ Божю милостю.

Старосте луцкому, маршалку Волынское земли, князю Семену Юревичу. Билъ намъ чолом земенинъ волынский Михайло Семашковичъ з братею своею и просили в насъ дворца Жидовского з двема чоловѣки на имя Никонова а Шломина Симчичовъ въ их же имени в Топольи; а ты сам за ними о то еси насъ прохалъ, а поведал еси перед нами, штожъ тое дворище не велико естъ, и мы на твое жедане тое дворице им есмо дали с тыми двѣма чоловѣкы вѣчно у отчину; и ты бы им увязане дал. Писан в Берштах, марта 12 день, индиктъ 14.

Писар Янушко.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 5, л. 59.

Родъ Семашковъ.

XX.

1496 г., марта 7. Рѣшеніе кор. Александра о томъ, что бездѣтная вдова не можетъ отчуждать приданаго имѣнія (по тяжбѣ Тириковича съ зятемъ о дворищѣ Давыдовскомъ).

Вырок земенину волынскому Андрею Тириковичу и сестренцом его на дворище Давыдовское.

Сам Александръ, Божью милостью великий князь.

Смотрели есмо того дѣла: жаловал нам землянин володимерский Андрей Тириковичъ съ сестренцы своими з Богданомъ а с Кондратомъ Гринковичы на зятя своего Богданца, штожъ дали ему были по сестре своей дворище на имя Давыдовское; ино тая сестра их з ним будучы вмерла, а детей с ним не мѣла, и он им и того дворища не хотел поступити; а отбывал их перед нами тым обычаем, штож тая жона его, сестра их, вмираючы записала ему тое дворище в чотырнадцати копах грошей; и тот Андрей с тыми сестренцы своими в тое се дворище были увезали после смерти сестры своее; и он искалъ того на нихъ перед намѣстникомъ володимерскимъ, паномъ Васильемъ Хребтовичомъ; и пан Василей на них ему и кгвалт был присудилъ, што они своею волею в то ся увязывали. И мы, того досмотрѣвшы, нашли есмо такъ: коли тая сестра их за ним будучы, а детей с ним не мѣла, не могла отчины их мужу своему записывати отъ них, от ближних; а што они (в) тое дворище увязали ся были своею волею, в том есмо никоторого кгвалту не знашли, и тое дворище Давыдовское тому Андрею и сестренцом его Богдану а Кондрату есмо присудили по близкости их, а тому зятю их Богданцу в то ся вже ненадобе вступати. Писан в Берштах, марта 7 день, индиктъ 14.

Писарь Янушко.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 5, л. 59.

XXI.

1498 г., іюля 30. Разъѣзжій листъ намѣстника владимірскаго Василія Хребтовича, съ опредѣленіемъ границъ имѣній п. Янчинскаго отъ сосѣднихъ (границы обозначены еще в. кн. Свидригайломъ).

Року тисеча пятьсотъ деветдесят третего, месяца июля шостогонадцат дня.

На рокохъ судовыхъ земскихъ володимерскихъ, у три недели по Светой Тройцы, святе римском, в року теперешнемъ, деветдесятъ третемъ, месяца июля пятого дня припалыхъ и судовне отправовати зачатыхъ, перед нами Андреем Валентовичомь Заленскимъ з Слубуцъ судьею, а Григоремъ Киселемъ Низкиницъкимъ подъсудкомъ, врядники судовыми земъскими повету Володимерского, постановивъшися очевисто в суду пан Иванъ Гаврилович Яковицкий оповедал, иж дей што ее млсть пани матка моя, пани Гавриловая Яковицкая, подъсудковая земская володимеръская, рачила мне з ласки своеи именя Туропин и Волицу, в повете тутошнемъ Володимерскомъ лежачие, поступити и передъ судомъ зозънати и листы права на тые именья належачие отдать; а ижъ я видечи оден листъ граничъный для старости псоватися почалъ, и варуючи для того, абы и до конца далей не зопсовалъ и в тым вонтпливости не поносилъ, прето для вписаня в книги земъские подаю. Которого листу перед нами у суду положилъ, просил, абы до книгъ земъскихъ володимерских записанъ былъ. Мы, того листу, передъ нами в суду покладаного, огледавши и его прочитать велевши, видечи его для старости иж початъ псовать, слово от слова до книгъ записати казали, который такъ ся в собе маеть:

Приказане его милости Александра, господара нашого, великого князя, Литовского. Я, Василей Хребтовичъ, намесникъ володимерский, сознавамъ симъ моимъ листомъ: розежчалъ

есми землю пану Янъчинскому от господаря нашого великого князя людми з Мокрычаны и з игуменомъ Блаженицким; на первей повел нас пан Янчинский по своимъ гранямъ долиною, што от Блаженика идет подле реки, и рекъ панъ Янчинский: на той долине мои люде маютъ слидогонъ и з Блаженичаны; и оттол приехали есмо к дорожцѣ, што от Блаженика идеть в лѣсъ Кгоперецкий, и пан Янчинский рекъ: ту я маю слидогонъ и (с) Мокрычаны. И Мокрычанъ опытали; и Мокрычане инъшие рекли: тут мает панъ Янчинский слидогонъ, а иншие рекли: далей маем; и в том реч свою подвоили. И оттол поехали есмо дорожкою, што от Блаженика идеть кг Бовбломъ и преехали есмо к дубу, и пан Янъчинский рек: тот дуб стоит на моей земли а словет Дягилев дуб; мой чоловек Дягил выделал его своею рукою, потому словет Дягилевъ дубъ; и от того привел нас пан Янчинский и к граням и рек: тут тые грани сам княз великий Швитригайло, привернувши свой кон и вынемши кордъ, своею рукою тые грани зарубал. Мы Бовблян опытали, и Бовбляне рекли вси: „правда ест, тые грани сам княз великий Швитригайло привернулъ свой кон и, вынемши кордъ, своею рукою тые грани зарубал и казал намъ потол держати и по тот дуб, што от нас едучи от Бовбол ко Блаженику стоит по левой руце дороги, што словет Дягилев дуб, ино по лѣвой руце того дуба казал пану Янчинскому держати, а по правой руцѣ того дуба к дороги, што идет от нас и к Блаженику, нам казал держати и пахат“. И потом Мокрычане нас повели по своим граням мановицами по дубровѣ и по бору; и опят есмо приехали к той долине, откол нас пан Янчинский повел; и Мокрычане нам жадного знаку не вказали, а ни грани. И я есми з людми добрыми порозумелъ, ижбы тые люди господарскии Мокрычане с паномъ Янчинским ото болшей того тяжи не мели; и о колко земли оне с паном Янчинским спор мели, и я есми того половицу отехал и грань

перъвую есми зарубал в дубѣ, едучи от Бовбол к Блаженику, к лесу приехавши, по левой руце подле самой дороги тот дуб стоит, и оттоль через гребли конецъ пропаханых нив и озли тое смужали (сеножати?), што и къ Блаженику слушают, олижъ до самое реки; а што Мокрыцкии пропаши (и) сеножати, тое есми казалъ Мокрычанемъ робити; а што Блаженицкии пропаши и сеножати, то есми казал Блаженичаномъ робити. А при мнѣ былъ панъ Яцко Хвалелиевичъ, а княз Петръ Михайловичъ Межиносовичъ, а панъ Исачко Пузовский, а пан Федько Шелвовскии, а панъ Литаваровъ, наменикъ вербовский Сидоръ. А для липъшои твердости и печат есми свою приложил и к сему моему листу. Писан у Володимери, июля тридцатого дня, индыктъ первый.

Который же тот лист вышей менованый до книгъ земскихъ володимерских естъ записан.

Книга Кiев. Центр. Арх. № 929, л. 158 об. актъ 94.

XXII.

1499 г., апр. 18. Подтвердительная грамота короля Александра князю Вас. Мих. Верейскому на городъ Любечъ съ дворами и волостями, пожалованный кор. Казимиромъ.

Потвержене князю Василью Верезскому на замокъ Любечъ и на дворы Койданов з Рубежевичи, Усу, Старынки, Ислоч, Воложин и Радошковичи вечностью.

Самъ Александръ, Божю милостью великий князь Литовский.

Во имя Божье. Аминь. Чинимъ знаменито симъ нашымъ листом, хто на него посмотрит або чтучи его услышыть, кому будеть потреба того ведати: билъ намъ чоломъ князь Василей Михайловичъ Верезский [1]) и з своею княгинею и

[1]) Кн. Вас. Мих. Верейскій, перешедши въ 1484 г. изъ Москвы въ Литву, получилъ означенныя въ этомъ актѣ имѣнія отъ кор. Казимира.

поведилъ перед нами, што жъ отецъ нашъ, король его милость, далъ ему город Любеч а дворы и волости на имя: Койданов зъ Рубежевичы, а Усу, а Старинъки, а Ислочъ, а Воложино, а Радошковичи; а на все на то положил перед нами листы отца нашого короля его милости. У тыхъ листехъ стоить, што жъ его милость тотъ замокъ Любечъ и тыи дворы и волости вышейписаные далъ ему у отчызну вечно. И билъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему нашъ листъ и потверъдили быхмо нашымъ листомъ. Ино мы, упамятавшы его ку отцу нашому, доброе памети королю его милости, и к намъ верънную службу, з ласки нашое, тую всю выслугу его, што ему подавалъ отецъ нашъ, король его милость, городъ Любечъ и дворы и волости Койданово зъ Рубежевичы, а Усу, а Старынъки, а Ислочъ, а Воложино, а Радошковичы, потверъжаем симъ нашымъ листомъ вечно ему и его княгини, и ихъ детемъ, и потом будучым ихъ счадкомъ, со всимъ по тому, што здавна к тому вышеречонъному замъку Любечу и двором и волостем прислухало, и з селы бояръскими и со всими их землями пашными и борътными, и з ловы, и з ловищи, и з гаи, и з сеножатми, и з реками, и з ставы, и з ставищы, и з озеры, и з бобровыми гоны, и з слугами путными, и з людми тяглыми, и з даньники, и з ихъ данми грошовыми и медовыми, и з мыты, и з ихъ поплатки, и з капъщинами и со въсими доходы, што с них перъво шло подле давъного обычая,, якъкольвекъ бы могли наменены быти; воленъ князь Василей, и его княгиня, и их дети, и ихъ ближънии, и их щадки тот вышейписаный город Любечъ с тыми дворы и волостьми собе разширыти, и их продати, и отдати, и заменити, и к своему вжиточъному оберънути, какъ самъ налепей разумеючи; бо мы ему, и его княгини, и их детемъ, и их счадкомъ тотъ замокъ Любечъ(и) вси тыи именья вышейписаны потвержаемъ со всимъ правомъ, и панствомъ, и пожитъкомъ, ничого не оставъляючы

на себе и на нашы наследки. Такежъ которымъ бояромъ своимъ подавали княз Василей, и его княгини, и дети их именья и люди, то бояре мають деръжати, а с того мают служити князю Василью, и его княгини, и детемъ их; и тежъ которыи бояре отчичы тыхъ именей, тыи имъ жо мають служыти, а пакли бы з них которыи ихъ бояре прыеждчыи, або отчычы тых именей не хотели имъ служыти, и они добровольне со всимъ своимъ мають пойти от нихъ прочъ, а тыи именья и люди маеть княз Василей и его княгиня и их дети деръжати и на себе взяти. А пры том были велебныи и велможныи вроженый княз Войтех, бискупъ виленъский, а воевода виленъский канъцлеръ нашъ панъ Миколай Радивиловичъ, а панъ виленский наместъникъ городенъский княз Александро Юрьевичъ, а староста жомоитский панъ Станиславъ Яновичъ, и иные панове рада наша; а на твердость того и печать нашу казали есмо прывесити к сему нашому листу. Писанъ у Вилни, лѣта Божьего тисеча чотырыста деветьдесятъ девятого, мѣсяца апреля осмыйнадесятъ день инъдикъ 2.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 5, л. 90—90 об.

XXIII.

1498 г., іюня 14. Судеб. рѣшеніе кор. Александра по вопросу: имѣетъ ли право собственникъ продать имѣніе стороннимъ, не объявляя своимъ родственникамъ (по тяжбѣ между Шудовичемъ и Варaксичемъ о сельцѣ на Петеши).

Wyrok mezy tymze pisarom Terechowiczom a mezy Lwom Szudrowiczom toiesz selco na Peteszy.

Самъ господаръ Александръ Божью милостью, великий княз Литовский, Руский, Жомойтский и иныхъ.

Смотрели есмо того дела: жаловалъ намъ Лев Шудович на Богдана Вараксича, рекучи: продал он селцо на Петеши четвертую часть в дяди нашого в Григоря Симоновича писару воеводы виленского пана Миколаеву Радивиловича Сеньку Тереховичу, нас не обсылаючи; и мы есть к тому близшие. И Богдан перед нами поведилъ: тое селцо на Петеши дядко мой Сенько Дичко, еще будучи ключникомъ троцкимъ, купил в Григорья Симоновича обел вѣчно за отца моего влостные пенязи; и тое селцо дядко мой Сенько Дичко за отца моего влостные пенязи мне спустил и записал обел вечно; а коли дядько мой Сенько Дичко тое селцо у Григоря Симоновича купил, тогды Григорей Симоновичъ, дядко их, усихъ тыхъ ближних своих обсылал, абы они тое селцо окупили, не хотячи мимо ближнихъ своихъ иному никому продати; и они не хотели у него того селца окупити. И поставил Богдан передъ нами Федка Ромашковича, дядковича ихъ старшого, и тотъ Федко Ромашкович передъ нами поведилъ тымъ обычаемъ: коли дядко нашъ Григорей продавалъ тое селцо Сеньку Дичку, тогды онъ усихъ насъ ближнихъ своихъ обсылалъ, абыхмо у него тое селцо окупили; и мы не мели пенязей, чимъ тое селцо откупити; и дядько нашъ Григорей, з нашимъ призволеньемъ усихъ насъ, тое селцо продалъ Сеньку Дичку обел вечно. И мы Льва спытали: было-ль пак тобе которое упоминанье Сеньку Дичку, ижъ бы он того селца иному никому не продавалъ мимо вас ближнихъ за отца нашого короля его милости. И он на то доводу никоторого не дал. И мы того досмотревши, и порозумели есмо, штожъ негораздо Левъ того селца на Богдане Вараксичу искалъ, а писару пана воеводину гораздо продалъ з нащимъ призволеньемъ; и в томъ есмо Богдана отправили и тое селцо присудили есмо на Петеши писару пана Миколаеву Радивиловича Сеньку Тереховичу вечно; маеть онъ тое селцо держати со всимъ с тымъ, какъ Сенько Дичко держалъ, а

после его Богданъ Вараксичъ; а Льву Шудовичу ненадобе вжо в тое селцо уступатися, а ни ближнимъ его. Писан у Вильни, июня 14 день, индик. 1.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 3, л. 88.

XXIV.

Документы князей Корецкихъ.

1. 1571 г. янв. 21. Заявленіе вознаго, по просьбѣ кн. Богуша Ѳедоровича Корецкаго, о сожженіи неизвѣстнымъ злоумышленникомъ зам̂ка его Межирича со всѣмъ движимымъ имуществомъ и актами, хранившимися въ этомъ зам̂кѣ; перечисляется множество весьма важныхъ документовъ; часть актовъ спасена случайно, такъ какъ была взята изъ Межирича въ Киликіевъ, гдѣ и оставалась во время пожара. Серія документовъ начинается съ в. кн. Витовта; нѣкоторые изъ нихъ приведены in extenso, вѣроятно по уцѣлѣвшимъ отъ огня клочкамъ.

Лѣта Божего нароженя тисеча пятсот семдесят первого, месяца генваря двадцат первого дня. Будучи и заседши нам на справах земъских судовых, которые есмо, водле порядку статутового, справовати почали в року теперешнем, семъдесят первомъ, на завтрее рымского свята трех кролей месяца генвара семого дня, яко будучи нам суду зуполному земъскому в замку его кролевское милости Володимерском, заседши на справах земъских, мне Богдану Костюшковичу Хоболтовскому суди, а Гаврилу Яковицкому подсудку, врядников земъских повету Володимерского, и при нас будучому писару земскому повету Володимерского Федору Солтану, постановивъшися перед нами обличне, шляхетный Тихно Оранский, возный повету Володимерского, оповедал нам и до книг земъских вызнал тыми словы: што дей присылал перво сего мне до вряду кгродского володимерского староста луцкий, браславский и веницкий княз Богуш его милост Федорович Ко-

рецкий, оповедаючи нещасте и пригоду свою, которая се его милости за справою некоторого неприятеля стала, иж дей в року минулом, семъдесятом, месяца ноября чотырнадцатого дня з овторка на середу, на минулые месопусты Филиповы, семои годины в ноч, праве в первосны самые, замочок его милости Межирецкий ест запален праве с тое стороны, откуля в тот час вѣтер великий кгвалтовный тягнул; с которого запаленя увес замочок Межирецкий и в нем увес спрят и схованя князя старосты луцкого и малжонки его которое там усе было зложоно, погорело. Где его милост, собе за наболшую шкоду подкладаючи, ознаймил то, наперед, иж привилей земъский волынский всим княжатам, панятом, дигнытаром и всему рыцерству обавателем земли Волынское на волности и права их, от его кролевское милости пана нашого милостивого на сойме валном ковелском [1]) при злученю унии земли Волынское с коруною полскою даный, который дей выпис князю старосте луцкому зверон в захованe от всее брати его княжат и панят и всего рыцерства обавателей земли Волынское; при котором же дей привили земском, его млст. властные нѣкоторые привиля и листы в той же скрины тамже в захованю были, тые погорѣли; и ку тому золото, серебро, клейноты, ланцухи, перстени, камене дорогое, перла, шаты, золотые черленые таляри, пенези, на... золотом и сребром оправленые, зброи бляховые, бехтери, панцери, шишаки, прилбицы, военные уборы рыцерские, и иныи наряды сребреные и иншие многие рыштунки; к тому стрелбы, тоест дѣла, гаковницы, полугаковницы, ручницы с конями и зубчастые, рогатины и списы, древца, тарчины, буклѣры, гаркабузы, и не мало пороху, салетри, олову, кул желѣзных, вшисткое материей, ку стрелбам и оборонам замъковым прислухаючимъ; и к тому спижа, живностей, на замок наготов-

---

[1]) Разумѣется: „Любельскомъ".

леных вшеляких, яко на замъку украйном было,… … медов прѣсных, и инших речей многих было … великим множеством ошацовати немогучи, одно на листы написавши, до вряду, як напружей могучи, его мл. ознаймил. И в тот же дей час колконадцат служебников и служебниц его мл. народу шляхецкого, которые ратовати того огню хотели, от кгвалтовного пламени захвачоны и погорѣли. А сам дей его милост княз староста луцкий з малжонкою и з детми своими босо и без шапок, в чом на ложках лежали, с того кгвалтовного поломени через явную моц Божую толко в том выбавени. Котороеж дей князя старосты луцкого на он же час в книгах есть кгродскихъ на замку Володимерском записано, але иж потребовал его милост княз староста луцкий на обведене и огледане того пожежеща замку своего Межирецкого а… … всих шкод, в нем от огню его милости сталые, возных зо всих поветов волынских, тогды за просбою его милости князя старосты луцкого вряд кгродскій володимерский придал (ему ?) на гледане тых всихъ помененых речей, пак спаленя замъку его милости межирецкого, я яко шкод там его милости от того огню сталых, мне яко возного повету Володимерского. Ино приехавши … … там тогож месяца ноябра двадцат осмого дня, нашолом теж там возных поветов волынских: повѣту луцкого Левка Верховского, повету кремянецкого Семена Андрузского; с которымиж возными знемшися есмо, на городищи, где замокъ межирецкий был и спален, шли; а при нас там было шляхты немало людей добрых, тоест, на первей: княз Иван Василевич Масалский, пан Михайло Джуса, пан Данилей Богуринский, пан Михайло Вилгорский, пан Гаврило Тесовский, пан Федор Чаплич, пан Григорей а пан Олизар Житинские, пан Василей Завидский, пан Иван Сошенский, пан Грицко … … … [1])

[1]) Въ подлинникѣ пробѣлъ.

Словский, пан Олехно Павълович, пан Хвалелий Выговский, и иных людей добрых при нас было немало. Тут же на первей врадник его милости князя старосты луцкого пан Андрей Самострелский, и з ыными слугами князя его милости пана своего, оповедал именем князя его милости старосты луцкого тыми словы: иж дей тот замочокъ Межирецкий от некоторого неприятеля его милости ест запален в ночи на месопусты Филиповы, яко то и первей у в оповеданю его милости есть описано и доложоно; в котором же дей замъку увес спрят его милости згорѣлъ; але на первей его милост покладает собе за наболшую шкоду то, иж некоторые привиля и листы, межи которыми привилей тот, который его кролевская милость всим обавателем земли Волынское на волности их на недавно минулом сойме любелском за злученем у мандат (sic); которые привиля и листы меновите в мл. оповедаем, тоест тые: на первей привили земскии всим княжатомъ, и панятом, дыкгнитаремъ и всему рыцерству обавателем земли Волынское на волности и права их от его кролевской милости пана нашого милостивого на сойме валномъ любелском, при злученю унии земли Волынское с коруною даный. Другий привилей великого князя Витовта продку князя его милости князь Александру Патрикиевичу [1]) на вси имена его отчизные, которые мѣлъ у великомъ князъстве Литовском, под печатю маестатною, з написом всих князей и панов рад великого князства литовского даный. Третий привилей великого князя Швитригайла, который он князю Василю Александровичу [1]), потвержаючи того привиля великого князя Витовта на вси имена литовские, меновите в нем выписуе. Четвертый привилей великого князя Казимира, с печатю маестатною а з написом всѣх князей и панов рад литовских, которых тых

[1]) Этимъ существенно дополняется родословная кн. Корецкихъ, которая до сихъ поръ не шла выше Ивана, нам. Красносельскаго при кор. Александрѣ.

двух привилев, так Витовтова, яко и Швитригайлова, потвержает, князю Василю Александровичу даный. Пятый привилей короля его милости старого Жикгимонта, данина отцу князя его милости князю Хведору и дядку его милости князю Ивану Корецким на Торговицу и на приселки и селища, к ней прислухаючие, также на торги и на мыта а на ярмарки в том имению Торговицы, с подписом руки его кр. милости, а справы Ивана Сопѣги писара[1]). Шостый лист розездъный на перкгамене князя Ивана Четвертенского под шестми печатми, который мѣлъ з дѣдом княжим князем Иваном Корецкимъ от именя своего Хлапотина, в котором грани меновите описаныи, почонши от пяты, где ся збегла земля Корецкая, Звеголская, Хлапотинская; от тое петы дорогою великою а шляхом, которым татаре хоживали от Житомира через Случ на Кикову, на Хлапотин, на Гориню, на Волын; ино тым шляхом киковским у лево просто через дуброву до Круглого лѣсу, пускаючи Круглый лѣсъ у право, который лѣсъ увесь межи земли Корецкое; а от того Круглого лѣса до другого лѣса Мокрого, пускаючи тотъ лѣсъ Мокрый у право, также въ землю Корецкую; и от того лѣса Мокрого по певным врочищам и знакомъ ажъ до верховя рѣчки Сѣчи, и тою Сѣчою на низ аж в Корец. На тот же лист потвержене короля его милости Казимира[2]). Семый лист теж розездъный князя Ивана Жеславскаго[3]) з дѣдом моим князем Иваном Корецким межи именями их Жеславскими, Корецкими, в котором также грани меновите описывает, почонши от рѣчки устья Телешовки, где впадывает в реку Корец, оттол рѣчкою Телешовкою уверхъ до шляху тогож Киковского, который через Хлапотин на Гориню, через Дятелов

[1]) Эта привиллегія сохранилась въ спискахъ и издается нами здѣсь.
[2]) Актъ относится ко 2-й пол. XV в. (до 1492).
[3]) Иванъ Юрьевичъ былъ нам. Витебскимъ въ 1485 г.

идет и тым шляхом аж до верховя речки Мирутинки, где речка у речку Жерек упадает; и на тот лист привилий потвержене великого князя Александра. Девяты лист теж розездъный, с петма привѣсистыми печатми, на паркгамине, с княземъ Иваном Острозским[1]) дѣда князя его милости князя Ивана Корецкого межи именей их острозских и корецких, в котором также меновите грани были описаны, то ест, почënши от устья Руды певное, гдѣ впадывает в речку Жерев ... ...[2]) тою Рудою мимо селце Острозское Плоскую аж до Поломитого, от Поломитого аж до Медвежей Лозы; и на то теж было потвержене привилей великого князя Александра[3]), тот розездъ (по)твержаючи. Десятый привилей короля его милости пана нашого теперешнего, потвержаючи лист наданя дѣду моему князю Ивану на два ярмарки у Корцы: один ярмарокъ на ден светого Кузмы и Демяна, а другий лѣту на ден светого Ивана; в котором теж тому мистечку волности а торгъ в ден наделный описаный; подпис руки господаръское, справы писара пана Яна Шимковича. Одиннадцатый привилий короля его милости пана нашого теперешнего—надане мѣстечку моему Межирецкому трех ярмарков: один ярмарок на святки, другий на ден Честного Креста, третий на ден светое Ягнѣшки; в том же привили волности месткие и торгъ в пятницю и места были описаны, с подписю руки господаръское, справы писара пана Яна Шимковича. Дванадцатый также привилей короля его милости на волности местечку и селища Евы (?), ярмарки двакрот, на ден светого Юря в ... ...[4]) и зимнего, торгъ во второк; подпис руки господаръское, писар Шимкович. Третийнадцат въ Яруни местечку, також волности: ярмарки два крот на ден светого Миколы земнего и

[1]) Здѣсь, конечно, разумѣется кн. Иванъ Красный 1464—1505 гг.
[2]) Пропускъ въ оригиналѣ.
[3]) Оба послѣдніе разъѣзжіе акты относятся къ 1492—1501 гг.
[4]) Въ подлинникѣ пропускъ.

в ... ... [1]) торгъ и у четвергъ, волности теж мѣстьские; подпис руки господаръское, писар Шимкович. Четвертыйнадцат привилей на Торговицю, потвержаючи куплю княжую у князя Василя Масалского; в том же привилю, потвержаючи, дозволяеть будовати замок, осаживати мѣсто, ярмарки два: один на Вознесене Христово, а другий на Рожество Пречистои, а торгъ во второк; волности местские и мыта; подпис руки господаръское, писар пан Ян Шимкович. Пятыйнадцат листъ на паркгамени—купчие на Моквин, с привѣсистыми печатми, от пана Дмитра Козинского мне даный. Шостыйнадцат листъ, на паркгамени—купъчие панов Чапличов на ру.... [2]) Семыйнадцат привилей на паркгамени короля его милости, даный мнѣ на староство Луцкое доживотя. Осмыйнадцат на староство Браславское доживотя. Девятыйнадцат привилей, на паркгамени, заставный короля его милости на Вѣницу; которую суму на волост и мѣсто Вѣницкое пят тисечей коп грошей его кролевская милост ку потребе своей у князя его милости взяти рачил [3]); в тых всих подпис руки господаръское. Двадцатая справа с паном Олбрихтом Ласким, воеводою сирадским, и малжонкою его, декреты его королевское милости и вся справа и листы увяжчие, с которыми коли ездил за посланем его королевской милости увязыватися вы именя Острозские, в суме пенезей сорок семъ тисечей чотыриста семъ копъ одинъ грош пенезей осмъ, дворянин его королевское милости пан Иван Семенович за суполную, на пану Олбрихте Ласком, воеводе сирадском, и малжонце его Беаты с Костелца, бывшой кнежне Острозской, от его королевской милости сказаное; и колиж за поступъкомъ статутовым тот дворянин его королевское

---

[1]) Въ подлинникѣ пропускъ.
[2]) Въ подлинникѣ пропускъ.
[3]) Этотъ актъ также сохранился.

милости пан Иван Семенович в тую помененую суму пенезей увязыватися почал, ино там его черезъ заруку, которая так великая есть его королевской милости на пана воеводу сирадского и малжонку его, врядников, слуг и бояр его, яко и самая сума от его королевское милости на них сказаная, и к тому тисеча коп грошей особно положона ест, ино через тую заруку того дворянина его королевское милости пана Ивана Семеновича мало не забито и увязыватися ему не допущоно; ино и тая справа въ тот же час згорѣла. Одноꙗж всих тых справ записы въ книгах кгродских и земъских остали в повѣте Луцкомъ. Двадцат первая справа Кривчицкого, лист его записный, якося мѣлъ заховати у паленю попелов в лесех моих у Почной, и квит его.... [1]) тисеча и петидесят коп, почому бы от мене золотые чирвоные и таляри за Красное не приняли, абы то доложил. Двадцат вторая: к тому теж некоторые листы так старих господарей панов наших, яко и его королевъское милости, и тежъ от их милости панов рад врядовые, и дворянские, и вижовые, и теж выписы с книг канцлерийских, земъских и городовых на именя князя его милости купленые, меновные и заставные, так теж и отчизные, а меновите на именя князя его милости отчизные: Бронное, Поляныи, Суско, Яблонно, Войнищо и теж при тых листех многих дворян его королевское мл. и сознаня шляхты и вижов; и теж листы заслужоные гроши князя его милости, коли его милост жолнеръскую служивал, припоминалные, иж и заслужоное не заплачено; одноꙗж справы остали въ книгах кгродских и земских, которые на врядех записано до книг. Двадцат третий лист теж меновный и с привилем и с потверженемъ его королевское милости на мену Корецкую, на паркгамени справленые, зо всими листы к нему прислухаючими а дозволеными королевскими, врядо-

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ.

выми, и з листы судовыми граничными невѣрковскими, хупковскими, и быстрыцкими, голышовскими, и глумецкими, и ходоръковские, которыи были при тых же привилях, ач не вси зложоны; и тые теж там-же погорѣли. Двадцат четвертая справа: закупный лист на Красное, за которую дал княз его милост князю воеводе киевскому двѣ тисечи и осмъсот коп грошей; лист короля его милости на то дозволеный в той суме пенезей заставити, с подписом руки господаръское, справы пана Остафъя Воловича писара... [1]) тое справы в книгах кгродских земских луцких записаныи. Двадцат пятая: хотяж тые привиля так короля его милости старого, яко и теперешнего короля его милости пана нашого, и иных листов судовых записных, которые на том сознаня возного писаны сут меновите, которые погорѣли, тогды видимусы тых многих привилев и листов его королевское милости... листовъ судовых их милости панов рад, и теж с книг кгродских и врядовых, под печатми их милости панов рад и врядо... остали. Которые тые слуги и врядник его милости... старосты луцкого помененый нам всим тром возным оповедали тыми словы: иж дей не вси листы и справы его милости князя старосты луцкого пана нашого в том огню погорѣли; того дей тая причина до того есть, которая от того огню и иншие листы и справы его милости оборонила, иж дей тых часов будучи его милости князю въ именю своем Киликиеве, а тые вси справы и листы обецне бывали в захованю в Межиречи; в тот час зъехали се здѣ до его милости князя возные и шляхта для отправованя сумы пенезей, от суду земъского его милости на пану Виленском и на врядникох, боярах, слугах и подданых княжих жеславских, которые тепер пан Виленский опекою именя держит, сказаное; ино иж в небытности князя его милости у Межиречу тое

---

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ.

справы в скринях межи листы доискатися не могли, и для тое справы тые скрини до князя его милости, до Киликиева, з Межирича были привезены; тамже и остали въ захованю, поки аж и тое нещасте от огню на замок его милости пришло; и для тое причины многие справы и листы с тыми выписы не згорѣли, от того огню цѣлы остали. Гдеж есмо видели замок Межирецкий увес до кгрунту згорелый; и на том городищи не мало остатков огорѣлых, што землею припало, и кгды замок горелъ, штучок привилевых паркгаменовых, знаковъ золота, серебра и шатных ополков (?) коверцовых, солгацких, также и церковных уберов престолных, книжных, и емаговых(?) крижовых, серебреных звонов злитых, зброй, теж сребра и злота горѣлого и злитощы, мѣд, дѣлъ, гаковниц, полугаковниц, ручниц, аркабузовъ, рогатин, кгротков (?) и иншах многих а не зличоных речей военных, (котор)ых и выписати трудно, што есмо там погорело, видели... (о) писати и зличити не могли. Гдеж тые служебники... его милости князя старосты луцкого повѣдили, иж дей его милость княз пан нашъ тепер тых всих шкод, которые ся тамъ на замку его милости от огню стали, в. мл. через нас оповедает, которые всѣ меновите на писаньи его милост на реистре особливомъ, в себе мает; и коли ся его мл. княз о том неприятели своемъ, который его милости тот замок запалил и тые шкоды через огон его милости учинил, довѣдает, на он час его милость тот реистръ на вряде покажет и зь ним о то, даст Бог, мовити будет. А так мы сознане возного Тихна Оранского, иж он, будучи там з уряду кгродского приданым, тое шкоды его милости огледавши, до книг судовых земъских записати есмо казали и выпис с книг под печатми нашими князю старосте луцкому, браславскому и вѣницкому, его милости князю Богушу Федоровичу Корецкому дали. Писан у Володимери.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 954, л. 214 об., актъ 101.

XXIV.

2. 1520 г., Іюля 21. Грамота короля Сигизмунда I князьямъ Ѳедору и Ивану Ивановичамъ Корецкимъ на дворъ Торговецъ и села къ нему: Лихачевку, Волничи, Рудлецъ, Баболоки, Бѣлый Берегъ и Рудлевецъ, при чемъ кн. Ѳедору дается $^2/_3$, и кн. Ивану $^1/_3$. Актъ явленъ 1569 г., окт. 14.

Лета Божего нароженя 1569, месяца октебра 14 дня. Пришедши в замок его кролевское милости Луцкий перед мене, Гаврила Бокѣя судю, а Остафъя Соколского подсудка, земских повѣту Луцкого, его милость князь Богушъ Федорович Корецкий, староста луцкий, браславский и веницкий, оповедал тыми словы: иж дей што жаловал на мене князь Богдан Масалский, [1]) якобых я безправне мел держати болшую половицу именя Торговицкого, а ему в том делу не поступати, ино дей иж я в том именю Торговицы маю две части, яко отчизны своее, а он дей по матце своей мает третюю част, якож дей на знак того показую и право на тое имене Торговицу; нижли дей иж того привиля не завжды при собе мевати могу, толком дей его тепер перед вашею милостью, пане суде, показал для узнаня невинности моее, а к тому иж дей ми ест трудно завжды на так частые справы при собе того привиля мевати, и для того его милость князь Богуш Федорович Корецкий, староста луцкий, положивши оный привилей его кролевское милости перед нами, просил, абы был вычитан, который кгды есмо перед собою читати казали, тогды тот привилей так ся в собе мает:

Жикгимонтъ (Август), [2]) Божю милостью, корол полский, великкий князь литовский, руский, кнеже пруское, жомоит-

---

[1]) Единственная дочь кн. Ивана Ивановича Корецкаго (дяди Богуша Ѳедоровича) Ганна была замужемъ за кн. Ив. Масальскимъ.

[2]) Слово „Августъ" очеркнуто въ подлинникѣ (въ актовой книгѣ).

ский и иныхъ etc. Чиним знаменито сим нашим листом нинешним и на потом будучим, кому того будет потреба ведати, штож обачивши есмо верные, пилные и николи неомешканые службы дворен наших князя Федора а князя Ивана Ивановичов Корецких, которые они к нам, яко пану своему прирожоному, верне, накладне показали, и хотячи теж их напеpед къ службам нашим поспешнейших и охотнейших мети, пожаловали есмо их з ласки нашое и дали им двор нашъ в Луцкомъ повете на имя Торговец и села того двора: Лихачовку, Волниче, Рудлев, Баболоки, Белый Берег, Рудлевец, з с пашнями дворными, з бояры путными, и з людми тяглыми и подворищъными, и подсуседками, и з их платы, и з данми медовыми, грошовыми, куничными, чиншовыми, овсяными, и роботами, зъ всякими повинностями и пожитками, з ставы, ставищами, з млыны и з их вымелками, з реками, с озеры, и з их пожитками, з бобровыми гоны, з ловы зверинными и с пташими, з лесы, гаи, и з боры, и с хворощами, зарослями, с полми ореными и неореными, с пробками, з сеножатми, з болотами, и с пожитки рыбими, с торгомъ и мытом, естли будет там здавна торгъ и мыто бывало и зо всими платы и пожитки, ничого на нас, господаря, и на потомки наши не зоставуючи: две части князю Федору, а третюю част князю Ивану во всем вечне и на веки непорушно им самым, жонам, детем, и напотом будучим щадком их. Волни они сами и их справедливые наследки тот двор (и помененые именя) [1]) отдати, продати, заменяти, розширити, дворы собе збудовати, ставы и млыны справити, къ своему лепшому и ужиточнейшому обернути, яко сам налепей розумеючи. И на то есмо им дали сес нашъ лист з нашею привесистою печатю. Писан у Кракове, под лет Божого нарожения тисяча пятсот двадцатого, месяца июля двадцат пер-

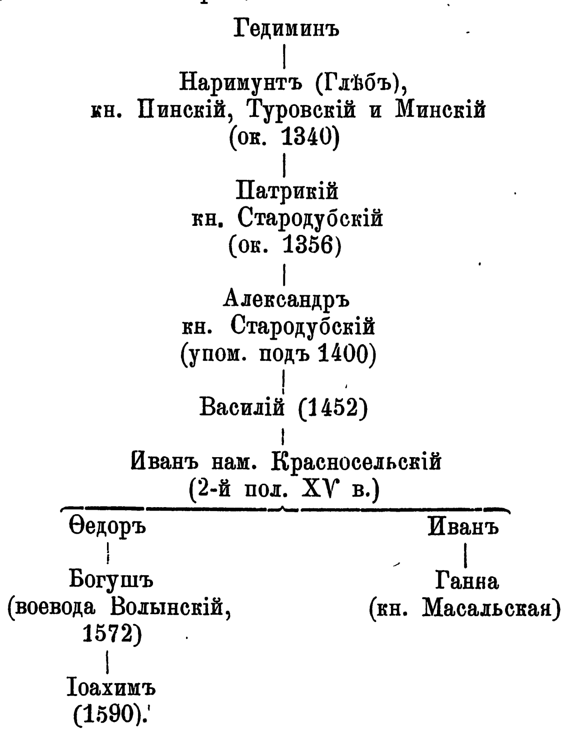
[1]) Слова, взятыя въ скобки, зачеркнуты въ подлинникѣ (въ актовой книгѣ).

вого дня. Подпис руки его кролевское милости. При том был князь Костентин Иванович Острозский, пан Виленский, гетман навышшого(sic) великого князьства Литовского, староста луцкий, браславский и веницкий, маршалок Волынское земли.

А по вычитаню того привиля князь староста его милост луцкий просил, абы тот привилей до книг справъ судовых земских уписан был. А так мы, то припустивши до ведомости своее, достаточне его выслухавши, казали есмо тот привилей слово от слова до книгъ справ судовых земских записати [1]).

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2093, л. 466, актъ 91.

Родъ князей Корецкихъ.



[1]) Такъ какъ подлинная грамота на Торговицу сгорѣла въ Межиричѣ (см. выше N. XXIII), то настоящій актъ, очевидно, былъ представленъ кн. Богушемъ Өедоровичемъ по копіи и притомъ неисправной.

XXV.

Документы 1476—1563 на право владѣнія Хмелевымъ, Подгайцами и другими имѣніями, представленные въ земскій Владимірскій судъ судьею земскимъ владимірскимъ Яномъ Заленскимъ вслѣдствіе рѣшенія главнымъ трибуналомъ тяжбы между имъ и Катериною изъ Хмелева Потѣевою, 1628, окт. 26.

Року тисеча шестсотъ двадцатъ осмого, месяца октобра двадцатъ шостого дня.

На роках судовых земских володимеръских, во три недели по светомъ Михале, рымскомъ святе, в року звышъ написаном припалых и судовне одправовати зачатых, передъ нами, Петромъ Загоровским, подсудком, и Ярошом Павловичом, писаром, урядниками судовыми земскими володимерскими, и мною, Матияшом Иваницъким, субделекгатом на местцу урожоного его мл. пана Яна Заленъского, суди земъского володимерского, будучи засажоным при одправованъю справы межы урожоною ее мл. панею Катериною зъ Хмелева Яновою Потеевою, подсудковою берестейскою, и малжонъком ее мл., яко опекуном, поводами, а урожоным помененем его милостю паном Яномъ Заленъским, судею земским володимерским, позваным, о привилея, так на Хмелюв, яко и Подгайци, належачие, тотъ же его мл. панъ судя, водлугъ декрету трибуналъского, на консерватах в року теперешнем сужоных ферованого, справы вси, водлугъ реестру нижей вписаного, для вписаня в книги нинешние пер обълятам подал, о чом тотъ реестръ ширей в собе маетъ, просячи, абы принят и до книгъ нинешних уписан был; а так суд нинешний, для вписанъя до книгъ приймуючи, перед собою читати казалъ, и такся в собе писмом полъским писаный маетъ:

Regestr spraw y przewileiow, ktore iego msc. pan sędzia ziemsky włodzimiersky, według dekretu trybunalskiego, do

actikowania w xięgi ziemskie włodzimierzskie podał roku tysiąc szescset dwudziestego osmego na rokach swięto—Michalskich. Pierwszy,—zapis na Podhayce od xiązęcia Sanguszka, na pargamine pisany, s pieczęciami prziwiesistemi; u niego pieczęci szesc. Drugi,—mały przywileiek stary na Podhayce, s trzema pieczęcmi, na pargaminie pisany. Trzecia,—sprawa stara Wołczkowska w fastikułu małym, w ktorym dwa stare iakies munimenciki. Czwarty,—fastikul drugi spraw starych, w ktorym munimencikow pięc, z ktorych niektore przez starosc y zdarcie przeczitać sie nie mogą. Piąty,—original zapisu przedaży od pana Wolczka panu Zalenskiemu y panu Chmielowskiemu na połowice Chmielowa y Podhaec, na pargamine pisany, z szescią pieczęci przywiesistych. Szoste,—przyznanie tegoż zapisu w grodzie Włodzimierskim przez pana Wołczka, na pargaminie pisany, z dwema pieczęcmi przywiesistemi. Siodme,—przeniesienie tegoż zapisu do ziemstwa Włodimierskiego ze dwiema pieczęcmi przywiesistemi, na pargaminie pisany. Osmy,—wypisy dwa z xiąg ziemskich urzędowych miedzy Prokopem Wołczkem a Feodosiem, władyką włodzimierskim, o dworzyszcze Mieczowskie. Dziewiąty,—fastikuł spraw miedzy Wołczkami y dziale miedzy bracią, w ktorym cztery munimenta. Dziesiąty,—fastikuł, w ktorym list Henadia, władyki włodzimierskiego, na dworzyszcze cerkiewne, Wołczkowi sluzący; list krolia Zygmunta na tęz dworzyscze y pozwow cztery od władyki włodzimierskiego względem tego dworżyscza po pana Zalęnskiego y pana Chmelowskiego y rellacy dwie woznych. Jedynasty,—przywileiek, na pargaminie pisany, od pana Chmielewskiego panu Wołczkowi Żaskowskiemu przedaży za osmdziesiąt kop groszy szirokich, s pieczęcią przywiesistą iedną. Dwunasty,—fastikuł spraw, w ktorym originał y wypis od Wołczka małzonce iego na trzecią częśc maiętnosci iego słuzący; między temiz dozywocie spolne y wypis tamze y zapis od tegoż Wołczka małząco iego na rzeczy ruchomę.

У того реестру подписъ руки его мл. пана суди земского володимерского тыми словы: Jan Zalęsky, sędzia ziemsky włodzimiersky, mp. Который же то вышъменованый реестръ за поданемъ и прозбою вышъменованое особы, а за принятем судовым, увес ажъ до конъца до книгъ нинешнихъ ест уписан.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л. 84, актъ 51.

1. 1550 г., дек. 13. Запись о продажѣ с. Подгаецъ отъ кн. Александра Андреевича Сангушковича-Коширскаго и сестры его княгини Ганны Андреевны Сангушковичевой-Коширской Волчку Якимовичу Жасковскому.

Облята запису од кнежати Санкгушка на продажу Подгаецъ пану Волчку служачыи.

Року тисеча шестъсот двадцатъ осмого, месяца октобра двадцат шостого дня [1]).

Я, князъ Алексанъдръ Анъдреевичъ Сонъкгушковича Коширский, маръшалок господаря короля его милости, весполок и з сестрою мо(е)ю кнегинею Ганъною Анъдрѣевною Сонъкгушковича Коширского, чинимъ явно и сознаваем сами на себе сим нашим листом нинешним и на потом будучимъ, кому будетъ потреба того ведати албо чтучи его слышати, штожъ продали есмо посполитою рукою нашою именъе наше материстое Подгайцы в повете Володимерскомъ пану Волчку Якимовичу Жасковскому за триста копъ грошей монеты и личбы литовское, личачи по десети пинезей у грошъ, з двором, с полми, зъ сеножатъми, болоты, и зо всими землями пашными, дворными, з людми отъчизными и прихожими, и з ихъ полъми, и сеножатъми, и з болотами, и з дубровами, и зъ гаи, з лесы, и проробками, и з зарослями, и кустовъемъ, и форощами, и зо всими платы и доходы

[1]) Предъ каждымъ изъ нижеслѣдующихъ документовъ повторяется формула обляты (явки) 1628 г., окт. 26, которая здѣсь опускается.

тых людей и всякими пожитками, яким колвекъ именем могутъ названы быти, и якося тое именъе наше Подгайцы само у собе и в своих обыходех и границах маетъ, ничого мы на себе, а ни на потомки наши не оставуючи. А я, княз Александро Санъкгушкович Коширский, а ни я, княгиня Ганъна Анъдреевна Сонкгушковна, а ни ближние наши не маемся в тое именъе Подгайцы, яко ест вышей описано в семъ нашом листе, ничим вступовати на вечные часы, а панъ Волчко Якимович Жасковский, пани и дети и потомки ихъ маютъ тое именъе Подга(й)цы зо всим с тым держати, и его уживати, и розширати, прибавляти и всякие пожитки множити, водлугъ воли своее и водлугъ продажы нашое на вечные часы; волен его мл. тое именъе Подгайцы отдати, продати, заменити, и на церковъ Божъю записати, и кого хотячи даровати и ку своему лепъшому а пожиточному обернути, так яко ся ему налепей а пожиточней видети будетъ. А при том были и того добре сведоми: княз Алексанъдръ Федоровичъ Порыцкий, а панъ Петръ Богданович Загоровъский, панъ Михайло Ванъковичъ Ощовский, а панъ Балцеръ Дубровский; и просили есмо ихъ милости о приложене печатей; ихъ мл. на прозбу нашу учинили—печати свои приложили к сему нашому листу. А для лепшого сведомя и твердости сего нашого листу я, князь Александръ Анъдреевич Кошерский, а я, кнегиня Ганъна Анъдреевна Сонкгушковича, и свои есмо печати приложили к сему нашому листу. Писанъ в Конюхах, под леты Божего Нароженъя тисеча пятъсотъ пятъдесятого, месяца декабра тринадцатый денъ; инъдикт девятый. У того запису печатий привесистых шест.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л. 85, актъ 52.

2. 1498 или 1528 г.? инд 1, мая 14. Запись о продажѣ с. Подгаецъ отъ Яна Никлевича Подгаецкаго Василію Хребтовичу, старостѣ владимірскому (явленъ земскому Владимірскому суду въ 1628 г., окт. 26).

Уписанъе привилейку старого на Подгайци од Яна Никлевича Подгаецъкого, пану Василю Хребтовичу, старосте володимерскому, служачого.

Я, Янъ Никлевичъ Подгаецький, сознаваю сим моимъ листом, кому будетъ его потреба ведати албо чтучи его слышати: продал есми свое имѣнъе отъчистое и дедичное Подгайци у Володимерскомъ повете своею доброю волею, безъ кажъдого примушенъя, з своеи жены и дѣтий вѣдомом, пану Василю Хребътовичу, старосте володимерскому [1]), и его панеи, и их мл. дѣтем вѣчно и непоручно со всим с тым и по тому, какъ к тому имѣнъю слушаетъ, с полми, и сеножатми, и с гаем, и с дубровою, и с водами, и с потоки, ничого на себе не выменяя, так долго и широко, какъ зъдавна к тому имѣнъю слушало, какъ отецъ мой держалъ и я сам. А о то ся ненадобѣ вступати ни женѣ моей, а ни дѣтем моимъ, а ни брати моей, а ни ближнимъ моимъ, а ни которому роду моему. А коли есми у пана Василя пенязи брал за тое имѣнъе, при том был владыка володимерский Иона, [2]) а панъ Яцко Хвалелѣй, а пан Янъчинский, а панъ Федко Енъковичъ, а панъ Страшко, а панъ Порванецкий, а панъ Яковицкий, а панъ Янъ Калусовский, а панъ Яким Пузовский. А для лѣпъшои твердости я, Янъ Никлевич, и печатъ свою приложил к сему моему запису; а и владыки володи-

[1]) В. Хребтовичъ былъ старостою владимірскимъ въ 1495—1501 гг. Между этими годами инд. 1-й падаетъ на 1498 г.

[2]) Но Іона былъ владыкою владимірскимъ въ 1527—1533 г; между этими годами инд. 1-й соотвѣтствуетъ 1528 году. Не было ли другого еписк. Іоны?

мерского Ионы просил есми и пана Янъчинского и пана Федька Енъковича, абы их мл. печати свои приложили к сему моему запису. Писанъ у Володимери, мая чтырнадъцатый ден, инъдикт первый. У того привилейцу печатей привесистых три.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л. 86 об., актъ 53.

3. (1533 г.) инд. 7, мая 21. Вѣновная запись Моисея Ивановича Чувотовича-Туличовскаго женѣ своей Огринкѣ, урожд. Лѣтинской, на 30 копъ грошей литовскихъ, обезпеченныхъ на имѣніи его Туличовѣ.

4. 1558 г., августа 21. Вызовъ къ суду отъ Владимірскаго уряда князю Николаю Андреевичу Збаражскому по дѣлу о притѣсненіяхъ, чинимыхъ имъ Волчку Якимовичу Жасковскому въ общемъ имѣніи ихъ Жасковскомъ и Колоновскомъ (часть котораго досталась кн. Збаражскому по женѣ его Маріи Козечанкѣ).

Уписанье справы старое Волчковское з фастикулика малого, в котором два старые муниментики.

Я, Мойсѣй Иванович Чуватович Туличовский, вызнаваю сам на себе тым моимъ листомъ кажъдому доброму, кому будетъ потреба того ведати, або чтучи его слышати, ижъ, з воли Божое и з намовы приятелей моих, понял есми дочъку въ его милости пана Яцка Лѣтинъского за себе в малженъство панъну Огринъку и взял есми по ней вѣна десятъ копъ грошей литовское личбы, личачи по десети пенезей в грошъ, так в перлахъ, в шатах, в конех, и в ынъших рухомых рѣчах; приятели мои то все ошацовали внесенъе малъжонъки моее панъны Огренъки; а так я, Мойсѣй Иванович, намовившися с приятелями моими, записую я ей, на противъку вношеня ее, на имѣнъи своемъ Туличове на части, тамъ которую я мамъ въ отдѣли отъ братъи моее, на третей части тридцатъ копъ грошей литовское монеты по десяти пенезей в грошъ; ко тому тежъ з милое ласки своее малжонъку свою панъну Огренъку тым дарую и записую як в

грошах, так в срѣбре, в шатах, в конех, в быдле, и въ иншихъ рухомых рѣчах, выслузе и въ купле и въ чом колвек набытых. А при том были и тому добре вѣдоми его мл. панъ Зѣнъко Борсукович, а панъ Богданъ Ставецъкий [1]), а панъ Павел Яковицъкий, а панъ Василей Болобанъ, панъ Яцко Ивановичъ Дрозденъский, а панъ Василей Тагачинъский, а панъ Тихно Порванецъкий; просил есми их милости верхуписаных пановъ о печати; ихъ мл. на прозбу мою то учинили и печати свои приложили к сему моему листу. А для лѣпъшей справедливости и твердости и я, Мойсѣй Иванович, и свою печатъ приложилъ к сему моему листу. Писан в Лѣтини, месяца мая двадцатъ первый денъ, инъдиктъ семый. У того мунименту печатей девятъ.

А другий такъ ся въ собе мает. От Костентина Костентиновича Острозского, маршалъка Волынское землѣ, старосты володимерского, а отъ Михаила Курцевича, суди повѣту Володимерского велеможному князю Миколаю Анъдреевичу Збаражъскому. Вже неоднокротъ жалуетъ господару королю его мл. и намъ, за комисию его мл. господарскою, суди повету Володимерского панъ Волчко Якимовичъ Жасковский на т(вою) мл. о том, штожъ дей т(воя) мл. зъ именъя своего Жасковского и Колоновъского, которыи се по жоне своей кнегини Мари Козечанъце маешъ, через заруки, в листех ваших записных описаные, которые вы з обу сторон промежъку собою подъ печатъми, яко своими, так и людей добрых, дали, моцно кгвалтом в землѣ имени его Жасковского и Колоновского вступуешъ...... которая церковъ светого Николы вы именю его Жасковичох ему..... и отъ жоны т(воей) мл. в делу зостала; топак дей т(воя) мл. от тое церкви поля и сеножати, што там здавна прислухало, отъ предковъ т(воей) мл...... жоны т(воей) мл. небожчици першое наданые, моцно кгвалтом. Над то

[1]) Упом. под 1527 г. (Poez. Rod., 335).

дей тежъ сеножати его противъ двора твоего, выделену верхъ ставу т(воей) мл(сти) Жасковского ему померою от т(воей) мл. и жоны небожчици твоей, моцно кгвалтом не мало землѣ на греблю свою побрал и дорогу старую, которая идетъ от села его Жаскович къ Гриковичом мимо двор т(воей) мл., на правую сторону тобѣ, а на лѣвую сторону дороги ему, землю его власную, греблю свою сыпаючи, выбралъ, а гребли своее понизилъ; а еще власное землѣ его, через дорогу перешедши, моцно кгвалтом выбравши, и дорогу на власной землѣ его положил. Якож дей онъ неоднокротъ первий сего господару королю его милости о то жаловал и листы комисныи канъцелярии господарское на т(вою) мл. и на малжонъку твою был одержал; але ижъ на онъ час служба господарская и земская зашла, а в том часе жона т(воей) мл. змерла, а онъ за тым и до того часу с т(воей) мл. о то справедливости собе довести не моглъ, што дей есть в той речи ширей и достаточней в листех ваших записных, з обу сторон межи вами подаваных, описано; и инъшие дей многие кривды и шкоды ему самому и людем его Жасковским и Колоновъским от т(воей) мл. самого и людей твоих Жасковских, в кгвалтех, боехъ, грабежах, наездъках деютъ; а в том дей ни в чом от т(воей) мл. справедливости собе довести не моглъ. При томъ дей тежъ року прошлого, пятдесятъ пятого, месяца априля двадцатъ первого дня, в тыденъ по велицедъни, наславши т(воя) мл. врядника своего Жасковского Войтка и служебника своего Болобана и всих подaных своих Жасковских, моцно кгвалтом на власном поли его Жасковском два кони в подданого его Лукяна взяти казал; за одного дей давано пятъ копъ грошей, а за другого—три копы грошей. А еще дей войтъ т(воей) мл. Жасковский, на имя.... перенемши на доброволной дорози, на власной землѣ его, подданого его Лукияна и жону его Марю, збилъ и змордовалъ. А служебник дей т(воей) мл. Янко, которого жона была т(воей) мл. ключ-

ницею, не мало речей покрадши, и многие шкоды поделавши, втек з двора его до боярына т(воей) мл. Яна Бобровского, которого дей застато в него з стороною людми добрыми; нижли дей онъ его ему выдати и справедливости не хотел вчинити. Еще дей тежъ року теперешнего, пятьдесят осмого, месяца генъваря семого дня, тотже боярин т(воей) мл. Янко Бобровский человѣка его Жасковского Михна Вловсковича, через заруку господарскую, збил и зъранил безвинъне; в тотъ дей часъ згинуло з калиты в него двадцатъ грошей литовских. Которых он всихъ кривдъ и шкод своих и людей своих, от т(воей) мл. самого, урядников, слугъ и людей твоих починеных, реистръ, меновите написаный, в себе быти поведаетъ и на праве его положити хочет. Его королевская мл., за жалобою и чоломбитемъ пана Волчка, рачил росказати листъ свой господарский писати до нас, абыхмо в том т(вою) мл. листом нашим обослали и рок назначивши, перед собою стати казали, и в том зъ т(воею) мл. пану Волчку справедливостъ слушную, кром кожъдое проволоки, вчинили. А прото абы т(воя) мл., чинечи досытъ воли и росказанъю господарскому, перед нами ку праву сталъ, врядника своего Жасковского Войтка, и служебника Болобана, и войта Жасковского и боярина Яна Бобровского поставил на тот рок, на который и т. мл. позовет сим нашим листомъ. Писан у Дворци, лѣта Божого нароженя тисеча пятъсотъ пятдесятъ осмого, месяца августа двадцатъ первого дня.

У того мунименту печатей притисненых две.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л. 87 об., актъ 54.

5. 1543, дек. 16. Актъ раздѣла им. Хмелева и Полганъ между Александромъ Андреевичемъ Гетолдомъ Шпиколосскимъ и женою его Маріей, съ одной стороны, и дядею послѣдней Волчкомъ Якимовичемъ Жасковскимъ съ другой.

6. 1557 г. Напоминальный листъ старосты владимірскаго Марьѣ Шпиколосской—вдовѣ о томъ, чтобы она уступила право опеки надъ своими падчерицами дядѣ ихъ Волчку Жасковскому.

7. 1545 г, марта 14 Грамота кор. Сигизмунда-Августа кн. Андрею Михаиловичу Сангушковичу Коширскому о томъ, чтобы онъ принялъ выкупъ на заставленное отцу его имѣніе Иванчичи отцомъ Федора и Волчка Якимовичей Жасковскихъ.

Уписанъе фастикулу другого справъ старых, въ котором муниментиков пять до справъ хмелевскихъ.

Я, Алексанъдро Анъдрѣевичъ Кгетолт Шпиколоский, и з жоною моею Марею, братанъкою пана Волчка его мл. Якимовича Жасковскаго, дочъкою пана Щасного, вызнаваем сами на себе сим нашим листом кожъдому доброму, кому будетъ того потреба ведати або чтучи его слышати, нинешним и на потомъ будучимъ: который же спадок на нас испал по дядку жоны моеи, по небожчику пану Яну Волчку Якимовичу Хмелевском, имѣнъя ихъ отъчизныи на имя Хмелювъ и Полганы, а также мы тыхъ часовъ тыи имѣнъя наши на вечны часы нам ся остало и з дѣлу од пана Якимовича Жасковского имѣнъе на имя Полганы и з лисы, и з дубровы, и с полми, и сеножатъми, и з ставы, и зо млыны, и зо всякими пожитъками, и зо всим на все, як ся тое имѣнъе изстародавна у границах своих мает, и на противъку того нашого имѣнъя Полганъ остало дядку жоны моей его мл. пану Волчку Якимовичу имѣнъе Хмелево и зо всимъ на все, як ся тое имѣнъе изстародавна въ собѣ мает, з гаями, и с полми, и сеножатъми, и ставы, и зо млыны, и зъ гаи, зъ деревом бортным, и зо всякими пожитъки, яко ся тое имѣнъе изста-

родавна въ границах своих маєт, на нас ничого не оставуючи; а маємо мы сами, и жоны наши, и дѣти, и потомъки наши тыи имѣнъя наши вышейписаныи держати на вѣчныи часы. А еслибы который з нас, або жоны наши, або дѣти и потомъки наши тотъ дѣл нашъ хотели чимколвек нарушити або расторгнути, тогды мають господарю королю его мл. заплатити пятъсотъ копъ грошей, а сторона стороне другую пятъсотъ копъ грошей, а дѣлчим и едъначом нашим двѣсте копъ грошей; а заплативши тыи заруки, тотъ дѣл нашъ предся маетъ одержанъ быти на вечныи часы. А при том были и тому добре сведоми: княз Александро Федоровичъ Порицкий, а княз Анъдрѣй Михайлович Козѣка, а панъ Григорій Янъчинъский, а панъ Федор и панъ Гаврило Василевичи Бокѣи, а панъ Василий Федоровичъ Линовский, а панъ Дахно Охлоповский; ино про лѣпъшую твердость того нашого листу били есми чолом их мл. паном вышейписаным о печати; и их мл. на наше чолом бите вчинили и печати свое приложили к сему нашому листу; а так же я, Маря Александровая Кгелтовая .... печатъ есми пана его мл. мужа своего посполитою рукою нашою приложили къ сему нашому листу. Писан.......... под леты Божого нароженъя тисеча пятъсотъ сорок третего, месяца декабра шестнадцатый ден, инъдикт четвертый. У того мунименту печатей осмъ.

А другий так ся в собе маетъ. От Костентина Костентиновича Острозского, маршалка Волынское землѣ, старосты володимерского, земянце господарской Александровой Кгелтовтовой панеи Маріи Кгелтовне. Жаловал нам судя повету Володимерского панъ Волчко Якимович Жасковскій, штож дей в том часе повинный приятел его, малжонъок твой, панъ Александро Кгетолт з Божого допущенъя умер; по котором дей три дочки его першое жоны небожчки Марии, братанки его рожоное, одна Зофия, другая Домникия, тре-

тяя Татяна, зъ именями своими материстыми, никому ничим непенными, то есть Шпиколосы, Полганы......... зостали; и дал намъ того справу, ижъ он яко близший прирожоный опекун тых падчериц твоих, ижъ мужъ твой небожчик Кгетолт, не вчинивши достаменту, змерл, ездил дей .... до брами из служебником нашим Яном Колчинъским, ... ему на тую справу от нас приданым, упоминаючися тобе, яко властный дядко, тых дѣвок и именъя небожчиковского отчизного, материстого, и к тому скарбовъ его небожчиковъских: зброи, кони, быдла и инших всих маетностий, которые бы тым девъкам приналежали. Топак дей ты, будучи девок тых мачохою, а не маючи з небожчиком мужем своим ни одного дѣтяти, не такъ дей, ижъбы если хотели одного именъя албо маетности якое отчизное ему з девъками в опеку або на списанъе поступит, але дей еще и тыми сиротами по воли своей, не водлугъ пристойности, шаеуешъ, замуж их змовляеш и их отдавать хочешъ, в чом собе пан Волчко и тые сироты кривду и шкоду немалую быти менит. И просил нас за то, абыхмо в том твою мл. з уряду нашого через лист нашъ навпоминалный..... А так мы твоюй милости в том навпоминаем, ижъ бы твоя мл. пану Волчку тыи дети, именъя их, изо всими маетъностями их, яко прирожоному, в опеку поступила зо всим, ими сама шафоватъ не смела под закладом на господаря короля его мл. противъ кождой особы ихъ тых паненокъ чотырмасты копами грошей. А мы росказали тому служебнику нашому .... Колчинскому, ижъ-бы онъ вси тыи именъя, и маетности, и скарбы, зброи, кони, чогоколвек твоя мл. пану Волчку поступишъ и подаш, на реестръ списат велели, и одинъ росказалъ есми твоей милости дати, а другий пану Волчку, а третий есмо ему казали при .... Писан в Дубни, лета Божого нароженя тисеча пятсот пятдесят семого, месяца .... двадцатъ семый ден. У того мунименту печат одна.

А третий так ся в собе маетъ: Жикгимонт-Август, Божию мл. король полский, великий княз литовский, руский, прускій, жомоицъкий, мазовецъкий и инных, старосте луцкому, маршалку нашому князю Анъдрею Михайловичу Сонъкгушковича Коширскому. Вже многокротъ жалуютъ нам земяне землѣ Волынскои, повету Володимерского Федор а Волчко Якимовичи Жасковские о том, ижъ которые имене отецъ их Яким, небожъчикъ, на имя Иванчичи, в повете Луцком заставил отцу [1]) твоему пану Василю Хребтовичу в девенусту копахъ грошей, топак дей они, яко отъчичи оного именъя, тобе о тую суму пенезей, въ чомъ тое именъе (заставлено), отдаютъ; а ты дей пенезей взяти, а оного именъя имъ поступити не хочеш. Ино, если будетъ такъ, якъ они намъ жалуютъ, приказуемъ тобѣ, абы еси оною суму девеносто копъ грошей в них взял и того именъя, яко отчизны их, им поступил; паклижъ бы еси пѣнезей взяти, а оного именъя им поступити не хотелъ, а мел ихъ чимъ отбывати; ино они хотят о томъ съ тобою перед нами очевисто мовити. Прото, на который рок они тебе перед нас позовутъ, ты бы на тот рок перед нами сталъ и листы твердости, которые будешъ на тое именъе мети, перед нами на тот же рок положил, и в томъ з ними росправилъ; паклижъ бы еси перед нами ку праву стати и в том ся з нимъ росправити не хотел, ведай о том певне, иж пошлемъ по тебе децкимъ дворенина нашого и кажем тобе перед нами моцно поставити. Писан у Вилни, под лѣто Божого нароженя тисеча пятсотъ сорок пятого, месяца марца чтырнадцатый ден, индикт третего. У того мунименту печать притисненая одна а подпис руки тыми словы: Валериян, писар.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л. 90, актъ 55.

---

[1]) Т. е. тестю: кн. Андрей Михайловичъ Сангушко былъ женатъ на дочери Василія Богдановича Хребтовича Ганнѣ.

8. 1514, февр. 1. Подтвердительная грамота кор. Сигизмунда I. Якиму Жасковскому на дворище церковное въ Хмелевѣ, отданное ему епископомъ Пафнутіемъ въ вѣчное чиншевое владѣніе, съ постоянною платою въ сто копъ грошей въ годъ.

Уписанъе привилею его кор. мл. на дворище церковное в селе Хмелеве пану Якиму Волчку Жасковскому.

Жикгимонт, Божъю милостю корол полский, великий княз литовский, руский, кнежа пруское, жомоитский и иных. Бил намъ чолом владыка володимерский и берестейский Пахнотей и повѣдил перед нами, штож далъ дворище звѣчное церъковное у Хъмелеве земянину волынскому Якиму Жасковскому, а он злюбил ему (и) на потомъ будучим по нем владыкам давати с того дворища въ каждый год по сту грошей ко церкви Божое и Пречистое Богоматери соборной, как же и сам тотъ Яким перед нами то поведилъ; и бил намъ владыка чолом, абыхмо тежъ на то дали ему нашъ лист. Ино мы на его чолом бите дали ему сес нашъ лист: нехай тот Яким тое дворище у Хмелева держитъ, а к церкви Божое и Пресвятой Богоматери того (sic) владыце Пахнотию и на потом будучим владыкамъ володимерскимъ по сту грошей в кожъдый год даетъ вечно, водлугъ злюбу и вмовы своее. Писан у Вилни, февраля первый денъ, индикт второго. У того привилю его кор. мл. печатъ притисненая, а подпис руки тыми словы: Богушъ, писар.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л. 134, актъ 71.

9. 1547 г., дек. 3. Подтвердительная запись Геннадія, владыки владимірскаго Алексѣю Якимовичу Волчку на чиншевое владѣніе церковною землею и мѣновая на обмѣнъ церковной земли (находившейся и прежде въ постоянномъ чиншевомъ владѣніи Волчка и его предковъ) на земли, принадлежавшія Волчку. Эти послѣднія послѣ промѣна остаются въ вѣчномъ чиншевомъ владѣніи Волчка и его потомковъ.

Уписанъе листу отъ Генадия, владыки володимерского, на дворище церковное Волчкови служачыи (sic).

Мы, Генадей, Божъю милостю епископъ володимерский и берестейский, даем вѣдати и сознаваем тым нашимъ листом всим теперешнимъ и на потомъ будучим, кожъдому того потребуючому, хтобы того потребовал або вѣдати хотел, штожъ которое дворище зъстародавна на церковъ соборную володимеръскую Пречистои Богоматере с полми и сеножатъми во именъю пана Олексѣя Якимовича Волчка отчизном въ Хмелеве естъ наданое, котороеж дворище зъдавна з нѣкоторыхъ предковъ наших първших епископовъ володимерскихъ опустело и плецъ того дворисча в том селѣ Хмелеви промежъку людми его пусто лежалъ, зъ щого церкви вже жадъного приходу через немалый час не было; гдежъ обачивши то предок нашъ небожъчик Пахнотей епископъ и хотячи то в пожиток церкви Божой и собѣ привести, щого бы тежъ мел што той церкви Божой привлащити, дал тое дворищо церковное, з дозволенъемъ господарским, отцу его небожъчику пану Якиму с полми и сеножатми на плате на сту грошох держати и на том плецу пустом людей ему дозволил был садити; котороежъ дворище церковное зо всим тымъ небожчик отецъ его, яко за того продъка нашого небожъчика Пахнотия, так и за Иону, на том плате держал въ год по сту грошей и церкви Божой им даивал. А такъ, кгдыж вже по них тая епископия Володимерская к рукамъ

напым пришла, а панъ Волчко тежъ по небожчику отцу своем на том именю Хмелеве осѣл и просил нас, абыхмо его от того дворища церковного не отдалили, и ему предс(я) на том плате на сту грошей держати дали, а о тот плец церковный пустый, што въ селѣ, и о сеножати церковъныи, которые бы он ставомъ своимъ мел затопити, вгоду слушную з ним вчинили. Штож мы добре вырозумевшы, якобы то было без шкоды той церкви Божей и нам, отъ того есмо его не оддалили, и яко о тотъ плецъ церковъный пустый, што в селѣ, так тежъ и о сеножати, которые промежъку пол дворища церковного и ставу его што онъ ново в том именъю своемъ Хмелеви на болоте, которое отъ Микулич идет, вниз землѣ церковное, застановил, вгоду есмо з нимъ вчинили и на том промежъку себе постановили: тотъ плецъ церковный, што в селѣ, бачачи ижъ к той землѣ церковной полной не прилеглъ и неспоруч был, але ку именю его належал и споручъ ему был, з нимъ есмо зменяли и ему к тому именъи его Хмелеву поступили на вечность, а онъ противку того плецу и церкви Божой отмѣну дал, вымеривъши и так много, яко тотъ плецъ замѣрилъ, поля своего власного того имени его Хмелево, Миткова а Лецкова дворища, также где было споручну к полям церковъным на вечность поступилъ и копъцы окопал. А што—се тежъ дотычет сеножатей того дворища церковъного, которим межы тых пол церковных и ставу его в березе, што на нас копываны, кгды того ставу его не было, мы для знаку, покол бы вода с того ставу его мѣла залити, палѣ есмо отъ болота казали позабивати; и покол вода с того ставу его тых сеножатей церъковных далей палѣ к полям залет, топак Волчко также много вымеривъши в землѣ своей сеножатей, гдебы тежъ, одного споручъ было к той землѣ церковной на слушномъ местъцу, противку того отмѣну церкви Божой маетъ намъ дати и ограничити. Штожъ обваровавши и вчинивши есмо в том с

паном Волчкомъ вгоду и постановене, яко тыи землѣ звечныи дворища церковъного, так тежъ и тыи поля, што он меною за плецъ церковный к тым полям церковным поступил, на том же плате, на котором отецъ его от Пахнотия держал, тоестъ на сту грошох литовскихъ, пахати и робити есмо ему дали вѣчне; маетъ он в кождый год от тыхъ землъ церковных о ярмаръце володимерском осѣнъномъ на Рождество Пречистои нам самым и потомкомъ нашимъ по сту грошей литовских и церкви Божой давати, а тыи землѣ церковныи на себе держати и того вживати, а тотъ плецъ церъковъный, который есмо ему меною поступили, людми собѣ воленъ осадити и ку своему доброму а пожиточному обернути, яко самъналепей розумѣючи; нижли штося дотычет тых сеножатей церковъныхъ, которых якъ бы много панъ Волчко тым ставомъ своимъ мел затопити, за то он нам отмѣну мает дати водлугъ тое вгоды и постановенъя нашого, яко в том листе нашом вышей естъ описано. А тое вгоды и постановенъя имений наших и потомки наши по насъ будучие епископы володимерские ничим узрушивати не маемъ на вечныи часы. И на то есмо пану Волчку Якимовичу дали тотъ нашъ листъ з нашею печатю и с печатми тых людей добрых, которыи на тот час при томъ были: пана Петра Калусовского, а пана Лаврина Богушевича Иваницъкого. Писан у Володимери, под лето Божого нароженъя тисеча пятсотъ сорок семого, м-ца декабра третего дня, и(н)дикт шостый. У того листу печатей три.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л. 135, актъ 72.

10. 1476 г. Продажная запись Опанаса Бабыны Хмелевскаго Волчку Жасковскому на им. Хмелевъ.

Уписанъе привилейку од пана Хмелевского пану Волчкови Жасковскому служачого.

Я се есми я пан Опанасъ Бобына Хмелевский продал есми свою верную выслугу Хъмелевъ своею доброю волею пану Волъчку Жасковъскому за осмъдесятъ копъ широких гроший со всим и с тымъ, какъ есми сам держал, што к тому имѣнъю тягнетъ, и с мытом, и зъ гаем и со всѣмъ и с тымъ, што коли к тому имѣнъю прислушаетъ; а то есми продал пану Волчку Жасковскому вѣчисте; а в то ся имѣнъе не мают вступовати ни дѣти мои, а ни близъшийи мои прирожоные, бо то естъ моя вѣрная выслуга. А под свѣдомемъ пана Олизара, старости володимерского [1]). А при том былъ: княз Михайло Сенъкгушковичъ [2]), панъ Васко Воютинский, панъ Война Немѣричъ [3]), панъ Микита Гулевич, панъ Андрушко Матецкий, панъ Брян Радовицкий. А над то про лѣпшую справедливостъ приложил есми печат свою к сему моему листу. Инъдикт девятый [4]) У того привилейцу печат привесистая одна.

Книга Кiев. Центр. Арх. № 1202, л. 139 об., актъ 74.

---

[1]) Олизаръ Шиловичъ былъ старостою владимiрскимъ въ 1461—1475 и затѣмъ вновь 1480—84 г.

[2]) Жилъ во 2-й пол. XV в.

[3]) См. о Войнѣ-Яковѣ, сынѣ Немиры, прим. къ его духовной (въ акт. кн. Чарторыйскихъ); онъ жилъ во второй пол. XV в.

[4]) Между 1461 и 1484 гг. инд. 9-й приходится въ 1476 г.

11. 1563 г., іюля 21. Дарственная запись отъ Алексѣя Волчка Якимовича Жасковскаго женѣ его Ганнѣ Васильеввѣ (ур. Патрикѣевичевой) на третью часть родовыхъ имѣній: Жасковичъ, Колонной и Хмелева, и на все купленное имѣніе Подгайцы.

Уписанъе фастикулу справъ пана Олексия Волчка Якимовича Жасковъского.

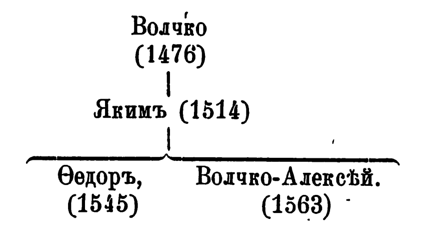
Я, Олексий Волчко Якимовичъ Жасковский, судя повету Володимеръского, чиню явно и вызнавамъ самъ на себе симъ моимъ листомъ всим теперешним и напотомъ будучимъ, хтобы того потребовалъ або вѣдати хотел, штожъ узнавъши есми то, ижъ на свити кожъдому ничого не естъ так певънейшого, одъно съмеръть, бо кожъдый с прироженъя чловеченъства того увойти, а ни оминути не можетъ, яко тежъ и мне будучи чловеку хорому, а въ памяти доброй, и маючи баченъе сам на себе, яко в семъ часе при животи, так и в потомънемъ по животи моемъ, а зъвлаща бачачи и възнавши есми ку собѣ малжонъки моей панеи Ганъны Василевны Патрикиевича доброе а цнотливое захованъе и верностъ в малъженъствѣ и вперед хотячи малжонъки моей милой, ведле звыклости малженъской, такъ тежъ въ добромъ мешъканъю малженъском и веръной милости при животѣ, а по животѣ моем охотъную ку памяти души моей мѣти, и хотячи за живота моего за то слушъне еи объдаровати, даю, дарую и записую еи малжонъци моей панеи Ганъни Василевни Патрикиевича третюю частъ во всихъ именъяхъ моих отчизъных, тоестъ в Жасковичох, и в приселъку Колоной, и въ Хмелеви, у дворехъ моихъ отчизъныхъ, в пашъняхъ дворныхъ и въ земляхъ, в садахъ, в полехъ, в сеножатех, в ставех, в млынехъ, в дуброваxъ, в гаехъ, в запустах, в ловехъ зъверинъныхъ и пташих, в людех тяглых и слугах путъныхъ и их земъляхъ, дъворищохъ, въ чинъшахъ, в роботах, на въсихъ ихъ повинъносътяхъ, доходехъ и пожитъкох, якимколвекъ

именемъ названы або менованы быти могутъ, штоколвекъ к той третей части прислухаетъ; а к тому тежъ и купленое имене мое все Подъгайцы со всимъ на все, ничого на себе, на дѣти и близкии мои не зоставуючи, на вечностъ; и вжом отъ сего часу дня даты, в семъ листе моемъ нижей описаномъ, тую третюю частъ во всих именъяхъ моихъ отъчизных, вышейописаных, так тежъ и куплю свою, имѣнъе свое Подъгайци, все зо всим на все еи поступилъ и в моцъ подалъ. А перъве сего николи есми тои третеи части во именъяхъ моихъ отъчизныхъ, такъ теж и купли моей Подъгаецъ, никому не даровалъ, а ни записывал и никоторых листовъ на то я не давалъ; и потомъ вже никому инъшому от малъжонъки моей даровати, а никоторым обычаемъ записывати, а ни оддаляти не маю; а хочъ же бы напотомъ въ кого инъшого якииколъвек листы ку переказе малжонъце моей на то ся показали, таковыи я всѣ листы симъ моимъ листом уморямъ и внивечъ оборочамъ, которыи жадъное моцы мѣти на противъку малъжонъцы моей и сего листу моего ничого шкодити, и ни в котором прави приймованы и держаны быти не мают. Маетъ она, малъжонъка моя, пани Ганъна Василъевна Патрикиевича, так при животе моемъ, якъ и по животе тую третюю частъ во всихъ тыхъ именъях моихъ в Жасковичох, в Колоной, у Хмелеви и куплю мою всю Подгайци со всими тыми речъми вышейменоваными на себе держати и вживати, и всякими пожитъки собѣ привлащати и подле воли своей, яко власностю своею, шафовати; и маючи то вжо в моци своей, волна она тую третюю часть въ тых именъях моихъ отчизных в Жасковичох, в Колоной, у Хмелеви и куплю мою всю Подгайци, отъ мене вечъностю дарованую, еи записаную, кому хотечи отдати, продати, даровати, променити, на церковъ Божию записати и ку своему доброму а пожиточному обернути, як сама налепей розумеючи вечными часы. Я самъ и потомъки, то естъ дѣти наши, а ни

который близкий, кревъный мой в тую третюю часть во всихъ именъяхъ моихъ отчизных и во всю куплю мою Подгайци ничим ся вступовати и никоторыми причинами еи рушати, а ни в жадъное право о то позывати и того подъ нею поискивати не маемъ на вечные часы, але вже вечъне о то молчати маемъ. И на то есми еи малъжонъце моей панеи Ганъни Василевни Патрикиевича дал сес мой листъ вызнаный з моею печатю и с подписомъ власное руки моей. А при томъ были и того добре сведоми и печати свое за чоломъбитъемъ моимъ ихъ милост ку сему моему листу приложити рачили: его милостъ княз Михайло Ивановичъ Курцевичъ, судя повету Володимерского, а княз Дмитрей Анъдрѣевичъ Козѣка Замълицъкий, а панъ Лаврин Богушевичъ Иваницъкий, а панъ Иванъ Семеновичъ Ляховский. Писанъ у Жасковичох, под леты Божого нароженъя тисяча пятъсотъ шестъдесятъ третего, месяца июля двадцатъ первого дня. У того запису печатей пятъ, а подпис руки тыми словы: Алек. Волчко, власная рука.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1202, л 140, актъ 75.

Родъ Волчка-Жасковскаго.



XXVI.

Документы Кіевскаго Николо-Пустынскаго монастыря XV и XVI в.

1. 1491 г., окт. 22. Отводъ кіевскимъ державцею земли, пожалованной королемъ Александромъ Кіевскому Николо-Пустынскому монастырю.

Я, Андрей Александровичъ, намѣстникъ лидскій, державца кіевскій на тот часъ што гдрь нашъ король его млсть далъ игумену и старцом стого великого Николы мнстря Пустынского двѣ нивки городское земли Плоскую а Клиноватую и листъ свой на то им его млсть далъ, и я подлугъ листу гдрского обедвѣ тые нивки отехалъ к црквe Бжіей к стому Николе и границу есми положилъ Плоской ниве подле дороги великое, котораяж идетъ от Печерского мнстря к Лыбеди к рѣчце, а от дороги на право межею великою по конецъ Вздвиженское нивы, да в долину стѣшкою просто на взгорокъ к Клиноватой ниве; а Клиноватой ниве границу положилъ есми уверхъ подлѣ малое долины и замежокъ малое нивки, котораяж посполито с Клиноватою, и то есми привернулъ к той ниве Клиноватой и грань той ниве положилъ есми с Сѳѳейскою землею. А которыи нивки в долине и долина самая и за долиною нивки от тоежъ нивы Клиноватое, то есми велелъ держати виноградником, а ігумену и старцом не казалъ есми в тое вступатися. А с нами в тот часъ были панъ Олехно Скорута, подкоморній земли Холмское, и дворяне гдря нашего великого короля Александра: Петръ Шостовскій, а Тиша Быковскій, а кнзь Василей снъ князя Андреевъ Прихабского, а слуги кнзя Дмитріевы Путятича Іван Тѳѳритинъ а Ярославъ, и мещанинъ кіевскій Ганко, и иншіи. А на то есми далъ им сесь мой листъ и з моею печатью. Писана в Кіеве, октября 22 день, індиктъ 9. (мѣсто печати).

Книга Кіев. Центр. Арх. № 5874, л. 19.

2. 1508 г., іюля 29. Разрѣшеніе кіевскаго воеводы Юрія Михайловича Монтовта монастырю Николая Пустынскаго купить землю бортную Полукнязевскую у Солтана Альбѣевича.

Я, Юрій Міхайловичъ Монтовтовича, воевода кіевскій, державца черниговскій и любецкій,—докладалъ насъ Матвѣй, ігуменъ пустынскій, и с своими старци, абыхъмо им призволили землю бортную купить в Солтана у Альбѣевича, у толмача гдрского; и тут нас и Солтанъ тотъ с ними докладалъ, абыхмо ему призволили тую его землю ігумену и старцемъ пустынским продать; и мы имъ обоимъ призволили, Солтану продати, а ігумену с старцы купити. А тая земля от Кіева за Днепромъ на име Полукнязевъская, а судеревъ с ыхже землею з Николскою, а слухала к городищу к Халеплю. И на то есмо им дали сей нашъ листъ под нашею печатью. Писанъ в Кіевѣ, іюля 29 день, індиктъ 11 (м. п.).

Книга Кіев. Центр. Арх. № 5874, л. 60 об.

3. 1508—9 (?), янв. 20, [1]). Рѣшеніе межеваго суда о границах владѣній Печерскаго и Николо—Пустынскаго монастырей въ землѣ Звѣринской.

Приказаньем кнзя Юрья Александровича, воеводы кіевскаго, я, Яцко Лоза, а Тишко Проскура, а Богданъ Васильевичъ. Ездили есмо смотрѣти промежи архимандрита Печерского Протасія и промежи ігумена Пустынского Макарія и старцевъ Пустынского мнстра и землях црковныхъ за Днепромъ о землю стого Воскресенія Звѣринскую и о землю стого Николы—Пустынского; а при нас были люди добрые на имя Каленникъ Диковский, а Ходко Іванисовичь, а Ондрей Седелникъ, члвкъ панковскій, а Яковъ Гуторъ кузнецъ з мѣста Кіевского, а четыри милословчане: а Иванъ

[1]) Кн. Ю. А. Гольшанскій былъ кіевскимъ воеводою съ 24 окт. 1508 г. по 1510 г. (но инд. 4-й приходится на 1501 и 1516 годы).

Шкитко, а Карпъ, а Радивонъ Гуторовичъ, а Гридко атаманъ. Тые люди добрые земли перед нами разводили и границу указали тым обѣма землямъ: рѣку Дарницу, на которой же рѣце и млынища, што перед тым стго Николы Пустынского млынъ былъ, и на тои грѣблѣ есмо стояли с архимандритом его млстю Протасіемъ и с ыгуменом пустынским Макаріем и с тыми со всѣми людми добрыми, а того есмо не слыхали, чтобы архимандритъ печерский Протасей к тому млынищу приуповѣдался и к тому озеру; нижли Макарій, ігуменъ пустынскій, такъ рекъ: тое дей млынищо и с тым озером гдрское нам жаловане великого короля Александра; и архимандритъ печерскій Протасей такъ рекъ: и я се де в тое не вступаю, что де вам гдрь далъ. Такъ есмо видели и слышели. И на то есмо дали сесь нашъ листъ ігумену пустынскому Ігнатію со всею о Хрсте братьею, старцы Пустынского мнстря, с нашими печатьми. Писанъ у Кіевѣ. мца генваря 20 день, індикта 4.

При том приложено три войсковіе(sic) черные печати.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 5874, л. 52 об.

4. 1510 г., іюня 30. Рѣшеніе суда по тяжбѣ между Николо—Пустынскимъ монастыремъ и Кіево-Печерскимъ о землѣ.

Я, кнзь Юрій Александровичь. Приказаньемъ.... кнзя Юрья Александровича, воеводы кіевского, я Михайло Павшиничъ, а Дмитрей Ивашенцовичь, а Южно Обернѣевичь, а Яцко Лозичь: што жаловалъ Макарей, ігуменъ Пустынского мнстря, с старцы пустынскими кнзю Юрью Александровичу, воеводе кіевскому, на Протасья, архимандрита печерского, што лежитъ нива пашная Печерского мнстря над стго Николы мнстремъ Пустынскою, которую ниву отприсягъ Санко чернецъ от Пустынского мнстря; ино с тое нивы Протасей, архимандритъ Печерского мнстря, около кургана и около их гумна деревье порубавши, извѣчную целину поооралъ и гумно ихъ хотелъ

зметати над их мнстремъ, в том им кривду вчинил, а Макарей, ігуменъ Пустынского мнстря, и старцы пустынскіи повѣдали: коли им было право о тую пашную ниву с Өиларетом, архимандритом печерским, тогды Өиларетъ архимандритъ о тую целину и о тое гумно, у праве стоячи з ними перед кнзи и пны Кіевское земли, не вспоминался а ни к тому приповѣдался, и кнзь Юрьи, воевода кіевскій, на тое дѣло выслалъ насъ, абыхмо безклопотно промежи ними того досмотрѣли и ихъ поеднали; и Протасей, архімандритъ печерскій, довѣдався и роспытавши в старых старцовъ, што тогды Өиларетъ, архимандрит печерскій, под ними тое целины и того ихъ гумна не искалъ, к тому приступилъ, того гумна и тое целины ораное поступился стому Николѣ Пустынскому мнстру вѣчно и непорушно. И межы есмо межи ними положили от кургана просте у густую липу, што стоитъ повыше гумна в заломѣ; такъ же и дорогу были им печерскіи заорали, што идетъ от пустынки на великую дорогу городскую, а они ѣзживали ровком возлѣ своего плетеня,—и Протасей, архимандритъ печерскій, и тую дорогу имъ очистилъ, ездити имъ по роль и озлѣ ровка потомужъ вѣчно и непорушно. А потом Протасью, архимандриту печерскому, того всего под ігуменом пустынским и под старцы пустынскими не искати, а ни того узрушивати, а не его братьи по нем будучим архимандритом печерскимъ, а не старцемъ, ни врядникомъ Печерского мнстря. А при том с нами былъ Иванъ Тарожненскій; а с архимандритом былъ Гарасимъ, полатникъ печерскій, а от слугъ были Ондрюшко Чемровичь а Иванъ, тивунъ печерскій, и иных было много. А на то есмо дали сесь нашъ листъ с нашими печатми у манастыру стаго великаго архіерея чудотворца Хрстова Николы. Писанъ в Кіевѣ, мца іюня 30 день, индикта 13. (Мѣсто печатей).

Книга Кіев. Центр. Арх. № 5874, л. 20.

5.—1516 г., февр. 22. Подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ I пожалованія кор. Александра Николо-Пустынскому монастырю млинища на р. Дарницѣ.

Жигимонтъ, Божиею милостию король полскій, великій князь литовскій, рускій, княжа пруское, жомоитскій и иныхъ. Били нам чоломъ старцы с Кіева мнстря святого Николы Пустынского и указывали перед нами листъ—данину брата нашего Александра короля его млости. В томъ листѣ стоить выписано, иж его млость далъ имъ и ихъ мнстру стого Николы Пустынского млиныщо пустое на рѣкѣ Дарници, гдѣ бы они мили собѣ млинъ справити для пожитку мнстрского; и били нам чолом, абыхъмо имъ на то дали нашъ листъ и потвердили то им к црквы Бжіей нашим листом на вѣчность; ино мы, выслухавши того листа брата нашего Александра короля его млсти, из ласки нашое на их чолобитье, то вчинили, на то есмо им дали сес нашъ листъ, и тое млинищо на рецѣ на Дарници потвержаем имъ к той црквы Бжіей мнстрю стого Николы Пустынского симъ нашимъ листом вѣчно; нехай они то держатъ, подлугъ данины и листу брата нашого короля его млсти. Писанъ у Вилни, февраля 22, индиктъ 4.—У подлиной грамоты пишетъ тако: Міхаило Василовичь. На той же грамотѣ королевская печать.

Книга Кіев. Центр. Арх., № 5874, л 52.

6.—1516 г., февр. 22. Подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ I пожалованія кіевскаго воеводы въ пользу Николо-Пустынского монастыря на четыре нивки (Теремища, Дерноватую и пр.) и на право взиманія мыта съ монастырскихъ людей, живущихъ въ Кіевѣ.

Жикгимонтъ, Божію млстью король полскій, великій княз литовскии, русскій, кнжа пруское, жомоитскій и иных.

Били нам чолом старцы с Кіева мнстря стого Николы Пустынского и повѣдили перед нами, штож воевода кіевскій панъ Андрей Немировичъ придалъ им к црква Бжей на мнстръ стой Николы Пустынского нивки на имя Теремища а Дереноватая, а другіи двѣ нивки, одна под Клиноватою нивою у долине, а другая нивка по сторону тоежъ нивы з долиною; а к тому далъ имъ з ихъ же людей монастырскихъ, которыи в мѣсте нашом Кіевском мешкаютъ, мыто рыбное от свѣжих рыбъ и от вялыхъ, и промыту на них брати до нашое воли; и на то листы его перед нами оказывали, и били нам чолом, абыхмо тыи нивки и мыто рыбное и промыту на ихъ людехъ монастырскихъ имъ дали и потвердили то имъ къ црква Божей монстру стого Николы нашим листом; ино мы на ихъ чолобитье то вчинили—тыи нивки вышеписаныи, которыи въ листехъ пана воеводы киевского суть выписаны, и мыто рыбное и промыту на ихъ людехъ мнстрьскихъ имъ есмо дали; нехай они тое держать до нашое воли. А на то есмо им дали сесь нашъ листъ. Писанъ у Вилне, февраля 22, день, индикта 4. На подлинном листе пишетъ тако, Міхайло Васковичъ. (Мѣсто печати королевской).

Книга Кіев. Центр. Арх., № 5874, л. 17.

7. 1517 г., апр. 19. Обязательство, данное архимандритомъ печерскимъ Игнатіемъ, не нарушать обмѣна землями (около самаго Никольскаго Монастыря) Печерскаго Монастыря и Николо-Пустынскаго, который установленъ кіевскимъ воеводою Андреемъ Немировичемъ.

Млстью Божеею и Пречистое его Богоматери и стых преподобных отцъ Антонія и Өеодосія печерских я, Игнатій, архимандрит лавры Престыя Бцы Печерскаго мнстря, иж есть в богоспасаемом граде у Кіевѣ, чиню знаменито сим моим листом, комуся его усхочетъ видѣти или чтучи слышати, штож лежитъ нива долгая Печерского мнстря над мнстремъ стого Николы Пустыннимъ, уеждяючи у мнстрь Пустынскій по лѣвой руцѣ к дорозѣ самой концемъ и к кургану, а другим концом уским к печерищу, а боком лежитъ водлѣ самыи лѣсокъ Пустынского мнстра, ино о тую ниву пустынским старцемъ великая бранъ бывала от Печерского мнстря, штож им выпуста з мнстра ниско (?) для тоей нивы. Ино ігуменъ пустынскіи Сергей с пустынскими старцы били чолом воеводе кіевскому пану Андрею Немировичу, абы его млсть Пречстои Бцы Печерскому мнстрю и нам где отмену обмыслилъ противку тоей нивы; и его млсть панъ воевода кіевскій, панъ Андрей Немировичь, для гдрского богомолья и для тыхъ стыхъ Божьихъ црквей, и для того, ижъ бы болши того промежи тыхъ мнстрей Печерского и Пустынского брани не было, помысливши его млсть с паном Семеномъ Полозовичом, с старостою вруцкимъ, и со всѣми паны Кіевское земли и омыслили ихъ млсть противъ тоей нивы Печерскому мнстру и нам отмену дати: из Печерского мнстря идучи дорогою выгонною к Лыбеди, одну нивку дали ихъ млсть на правой руцѣ, подлѣ самый окопъ, што полко (sic) окопано, а другую нивку по левой руце на самом выгоне передней нивки. И мы такеж помысливши и з своею братьею с крылашаны, и з застоль-

ники, и з бояры, и з слугами Печерского мнстря, взили(sic) есмо тыи две нивки верхописанныи Печерскому мнстру и к своим рукамъ, а тое нивы Долгое, што над Пустынскимъ мнстремъ, водлѣ дѣла его мсти пана воеводы киевского и пана Семена Полозовича, старосты вруцкого, и всихъ млсти пановъ Киевскіе земли, поступили есмо тое нивы стому Николе к Пустынскому мнстру вѣчно и на вѣки. А в тот часъ при пану его млсти воеводе были: панъ Семенъ Полозовичъ, староста вруцкій, а панъ Михаило Павша, а земяне ихъ млсть кіевскіи панъ Яцко Лоза, а панъ Тишко Проскуринъ, а панъ Богданъ Коташевичь, а дворяне гдря короля его млсти кнзь Андрей Ивановичь Озерецкій, а пан Өедоръ Бака, а панъ Міхайло Скрипоревичъ, а панъ Иванъ Уколовъ, а панъ Суморокъ Івановичъ Радогощанинъ, а панъ Тимоөей Лвовичъ, а Петръ Сасинъ. А на твердость того дѣла я, Ігнатій, архимандритъ печерского мнстря дали есмо ігумену пустынскому и всеи еже о Христѣ братьи старцом Пустынского манастыря сей мой листъ под печатью Престыя Бцы Печерского мнстря. Писанъ в Печерском мнстри, в лѣто седмое тысищи въ 25, мца априля 19 день, індикта 5. (Мѣсто печати Печерского монастыря).

Книга Кiев. Центр. Арх. № 5874, л. 17 об.

8. 1528 г., іюня 20. Грамота кор. Сигизмунда I. старостѣ черкасскому Ост. Дашкевичу, подтверждающая грамоту этого послѣдняго Николо—Пустынскому монастырю объ исключительномъ правѣ монастыря на уходы между Ерданью и Быстрицею.

Жикгимонтъ, Божю млстью король полскій, великій кнзь литовскій, рускій, прускій, жомоитский, мазавецкий и иныхъ.

Старосте черкаскому и каневскому пну Остаею Дашковичу и иным старостамъ черкаскимъ, хто будетъ от насъ Черкасы держати: присилали к намъ игуменъ и старцы вси

манастыра Пустынского стого Николы с Кіева, чоломъ бьючи о томъ, штожъ которы входы данные, бобровые гоны, и ставенье сетокъ, и рыбны ловы по озеромъ приданы на тотъ мнстръ Пустынский еще за перших державецъ черкаских, якожъ и ты, пне Остафей, за своего держаня о томъ довѣдовался и опытывалъ бояръ и мещан черкаских, и казаковъ, старыхъ людей, покол урочища сут тым уходомъ манастыра Пустынского. И оны перед тобою повѣдѣли, ижъ тимъ уходомъ урочища на низь идучи по Ердань, а у верхъ идучи по Быстрицу, и в томъ еси их опытавши, далъ на то старцомъ пустынскимъ свой листъ, иж черкасцы и казаки черкаскии не маютъ по тымъ берегомъ от Быстрицы аж до Ердани бобровъ гонити, а ни сеток ставити, а ни рыб по озеромъ ловити, потому какъ за первых державецъ бывало. И на то они листъ твой перед нами указывали и били намъ чоломъ, абыхмо имъ на то дали нашъ листъ; ино мы имъ на то дали сесъ нашъ листъ и тые входы по тымъ урочищамъ, какъ вышей у семъ нашомъ листе выписано, к той церквы Божеи монастырю Пустынскому стого Николы потвержаемъ симъ нашимъ листомъ. Нехай они тые входы держатъ, подле наданя старого и листу твоего, и ты бы черкасцомъ и казакомъ приказалъ, иж бы они в тые входы манастырскии ничим ся не уступали и шкодъ и переказы тамъ имъ ни в чомъ не дѣлали. Писан у Вилны, под лѣт Бож. Нарож. 1528, мца іюня 20 день, индикт 1.

У подлиной подписано тако: Копотъ писар. (М. п.).

Книга Кіев. Центр. Арх. № 5874, л. 78 об.

9. 1560 г., мѣсяца (?). Намѣстникъ кіевскаго воеводы рѣшаетъ тяжбу между Николо—Пустынскимъ монастыремъ и кіевскимъ войтомъ Сем. Мелешковичемъ о правѣ на берегъ р. Десны, близъ Погребовъ.

Я, Василей Рай, намѣстникъ кіевскій, его милости кнзя пана моего, кнзя Костянтина Костянтиновича Островского, воеводы кіевского, маршалка Волынской земли, старосты володимірского, а на тотъ часъ со мной были земянинъ господарскій, Кіевского повѣту, панъ Ѳедор Тиша, а служебники кнзя его млсти воеводы кіевского Богданъ Івановичъ Шудла, а Семенъ Михайловичь Обель. Смотрили есмо того дѣла: жаловали нам ігумен стаго Николы Пустынского Касьянъ зо всею братьею чернцами того мнстра на войта кіевского Семена Мелешкевича, штож дей онъ отнимаетъ берегъ нашъ црковный к земли к своей Четоновской на Деснѣ рецѣ, уверхъ едучи по правой сторонѣ, Погребовъ не доезжаючи, и к тому берегу казалъ входникомъ мозырским езъ бити, а в тым дей месте наши обадва береги црковныи стого Николы; войтъ на то им отказъ чинил: есть дей то берегъ земли моее Четановское, которую я купилъ в земянина городского(sic) Левка Валкевича, на што и листъ его маю, иж онъ мне зо всем продалъ, яко тая земля сама в собе маетъ. Мы, выслухавши жалобы ихъ и не чинечи того коротко, зложили есмо им рокъ тамъ на тую землю выехати и справедливость вчинити и того заводцу войту казали есмо тамжо на той землѣ поставити; а кгды жъ тотъ рокъ припалъ, мы там на тую землю выехали и на томъ берегу стали. Ігуменъ николскій Касіянъ и з братіею чернцами николскими тым жо обычаемъ почал жаловати: иж то берегъ нашъ црквный, который вжо держим от колкодесятъ лѣтъ и его вживаемъ, а в землю пана войтову Четановскую ничим ся не вступуем, бо тот берегъ Василей Жеребятичъ отписалъ на мнстрь Николскій

для своего душевнаго избавленія, отдаляючи от всѣхъ блискихъ роду и потомковъ своихъ. И тотъ листъ перед нами показали, в котором пишетъ Василей Жеребятичъ: который берегъ мой, выслуга моя, и против Николскаго берега, тотъ отписую на мнстрь стого Николы Пустынского; вжо мнѣ, и жонѣ, и дѣтем, и блиским, и потомкомъ моимъ в тот берегъ ничим ся не ступовати. Потом тыежъ старцы показали листъ небожчика пана Андрея Немировича, воеводы кіевского, иж имъ тотъ берегъ листом своим подтвердилъ, водле запису того небожчика Василья Жеребетича; и колкодесят светковъ поставили суседъ сугранниковъ, которые свѣдоми, иж то есть берегъ стаго Николы Пустынского. Мы, выслухавши тыхъ листовъ, потом светковъ пытали: есть ли того добрѣ свѣдомы, што то есть берегъ мнстрскій? Атаманъ уветицкіи бискупіи члвкъ Илья то поведил: я дей памятую от пятидесять лѣтъ, коли ещо Немировичь на Кіевъ наехалъ, што есть берегъ стго Николы и езъ бывали на мнстръ, а в то ся нихто невступовалъ; потом поведил Зарянко, бискупіи же члвѣкъ, а другій члвкъ пана Семена Гринкевича на имя Пупецъ: мы дей сами тутъ езъ бивали на мнстрь Николскій от чернцовъ за Протасія, архимандрита печерского; атаман стое Б-цы печерское Васко Никоновичъ, митрополіи члвкъ з Погребовъ, Степанъ Івановъ снъ, члвкъ мнстрскій Остапъ Прохиренокъ, другій члвкъ мнстрскій Остапъ Чорный а Санко Якововъ снъ, а Ермакъ, николскій члвкъ, вси тые в одно слово повѣдили и светчили, ижъ то есть берегъ стого Николы Пустынского и ези бывали на мнстрь Пустынскій. Кгдыж есмо тых светковъ выслухали, пытали пана Семена Мелешкевича, чим бы того доводилъ, же то берегъ того имѣнья его Четановского? Онъ показалъ перед нами листъ свой купчей, иж тое имѣнье купилъ, яко само в собѣ маетъ, привилей гдрскій, то ему подтвержаючи, а о тот берегъ меновите в листе его купчом не описуетъ. И поставилъ нам перед нами заводцу своего,

от кого тое имѣне маетъ, Левка Валковича. Мы его пытали: естьли тотъ берегъ црквный войту продалъ; онъ повѣдилъ: продал дей есмы тое именье, которое по отцы своемъ держалъ, а церквного дей, не маючи моцы, некому не продавалъ. Мы в том намовившися, ижь войтъ на тотъ берегъ никотораго листа, такъ тежь и светковъ жадного, не мает, а тотъ заводца ево, от кого онъ тое имѣнье маетъ, з того ся вырекъ, всказали есмо тотъ берегъ и присудили ігумену стого Николы отцу Касіяну и всей братіи къ мнстрю стого Николы Пустынскому вечными часы держати, и езы бити, и рыбы на себе брати. И на то дали есмо отцу ігумену Касіану и всей братіи тотъ нашъ листъ под нашими печатми. Писанъ в Кіевѣ, лѣта Бжого Нарожденія 1560, мца 10 (sic).

Книга Кіев. Центр. Арх. № 5874, л. 54.

10. 1598 г., марта 19. Полюбовная сдѣлка между монастырями Печерскимъ и Никольскимъ о разграниченіи ихъ владѣній близъ Баришполя.

Року 1598, мца марца 19 д. За ожиданемъ и пилностію и докукою ігумена и всихъ старцов николских, я, Никифор Тур, архимандрит кіевскій, а при мнѣ на тотъ часъ были братя чернцы с капитули мнстра Печерского отцъ Іона архідьяконъ, отцъ інокъ Герасимъ Котелникъ, а з стороны стаго Николы ігуменъ Никифоръ Федоровичъ, Генадій Турубарка, Гедеонъ Горѣйко, полатникъ Сидоръ Голубыцкій, выдучи мы межи поддаными церковнимы обеох мнстрей, такъ мнстра Печерского Пречистое Светое Гнѣденчаны, яко и стго Николи Пустынского поддаными их Бортничаны, трывоги частіе и посвары о кгрунты, на которых они мешкаютъ и их уживаютъ, а межи собою померкованя слушного не маючимъ, тогды з обудву сторонъ упатровалисмы то, абы се далей такіе розницы не дѣяли. Якож мы ігуменъ и чернцы николскіе

ѐго милости отца архімандрита жадали, абы то скончити рачил а певъное постановѐнье и слушніе граны вѣчне ся застановилъ; его милост на прозбу ншу то рачилъ вчинить, и самъ на тот грунтикъ выехал и застановенье певное вдѣлалъ, которое такъ се маетъ: почавши от Днепра Доброю криницею на поли, а от Доброе криницы у верхный конецъ Найдѣнокъ у Реучое, а от Реучого у Гнили затонъ, всюды на пол, яко река, такъ закопы и затоны; а оттол у Проклетицу в нижній конецъ, а Проклетицою уверхъ, оставуючи по правой сторонѣ мнстря Печерского кгрунты а по лѣвой сторонѣ стого Николи Пустынского, ажъ до Пасечища на гору, которое Пасечище въ кгрунте Печерскаго мнстра; тамже горою ажъ до Осовина, от Осовина до Канюкова дуба, всюды просто, не ухибляючи ни на право ни на лѣво, в которомъ дубе кажут каменъ граничный над дорогою, которая идетъ до Глибокого, и тамже такимже способомъ просто аж до Баришполя по лѣве стаго Николы кгрунтъ а по праву мнстра Печерского; теды тыя урочища и границы вишепомененые дѣлятъ къгрунты мнстырей звышъречоныи; которые то границы, в моцы зуполной зоставивши их, для ростырковъ подданыхъ такъ утвердивши уставуемъ, абы от того часу такъ подданые печерскіе, яко и николские, черезъ оные не переходили вѣчными часы, ѐдно каждый своего кгрунту, якъ се менило, уживалъ. А такъ я, архимандритъ, того розезнанья и утверженя границъ з братею своею капитулою, ігумену и чернцемъ николскимъ далъ сесъ листъ мой под печатю церковною и под печатю моею архімандричою и с подписомъ власное руки моее и с подписом рукъ з братьи, которіи писати умели. Писанъ у мнстиру Печерскомъ, року и дня выше речоного. На подлинномъ пишетъ тако: Никиѳор Тур, архімандритъ, власною рукою. Інокъ Іона, архідіакон, власною рукою.

Книга Кiев. Центр. Арх. № 5874, л. 62.

XXVII.

1501 г., іюня 20. Грамота в. кн. Александра Казимировича, подтверждающая право земянки Смыковской и сына ея Гнѣвоша на имѣніе Смыковъ, выданная по случаю истребленія прежнихъ документовъ татарами. Грамота предъявлена въ 1629 г.

Уписане привилею на село Смыковъ панов Смыковских. Року тисеча шестсот двадцать девятого, месяца мая двадцат осмого дня. Предо мною, Теодором Сосновским, коморником граничным повету Луцкого, при отправованю акту подкоморского на термине, з декрету трибуналского и позву подкоморского до него выданого припалом, в справе с поводства панов участников села Смыкова з велебными его мл. отцем Еремияшем Почаповским, епископом луцким и остроскимъ, и капитулою церкви соборное луцкое светого Иоана Богослова позваными до розграниченя добр стороны поводовое помененого села Смыкова з добрами епископии Луцкое Жабчем и Колодезями точачойсе, кгды, по уфундованю юрисдиции уряду подкоморского и по приволаню стороны до права, стороны пречечоные обедве з собою се зрочили росправу правную, маючи права и документа правные з обох сторон перед урядом подкоморским продуковали. Помененый его милость отец епископъ луцкій, обачивши привилей королевский на Смыков, през сторону поводовую продукованый, домовялся и просил, абы в книги подкоморские был вписанный; который то привилей на жадане пречечоного его мл. отца епископа луцкого, за поданем стороны поводовое, я, уряд подкомирский, для вписаня до книгъ приймуючи, передъ собою читати казалем, и так се в собе писмом русским на паргамине писаный мает: Самъ Александеръ, Божию милостию великій княз литовъский, руский, жомоитъский и иных била намъ чолом земянка волынская Перемилского повѣта Пашковая Смыков-

ская и з сыном своимъ Гнѣвошом и поведила перед нами, штож какъ поганство татарове брали землю Волынскую и в ымѣнiи ее застали, и она сама втекла в гай, а статки ее вси забрали, и которыи листы и твердости имѣла она на отчизну мужа своего, на имѣне на Смыковъ, тые листы в тот час татарове з скринкою взяли; и била нам чолом, абыхъмо тое имѣне Смыков еи самой и сыну ее подтвердили нашим листом; ино тыми разы на вкраинахъ отъ татар многим таковая ся пригода и шкода пригожает, мы, порозумѣвши той их шкоде и тое имѣне Смыков сыну ее Гневошу потвержаемъ сим нашим листом вѣчно и непорушно ему самому, и его жонѣ, и их дѣтем, и на потом будучим их счадкомъ, со всим тымъ, што здавна къ тому имѣню слушало и как ся в границах своих мѣло; волен онъ тое имѣне Смыков отдати, продати, и заменити, и розширити, и прибавити, и ку своему лѣпшому и вжиточному обернути, какъ сам налепѣй розумѣючи. А на твердость того печат нашу казали есмо приложити к сему нашому листу. Писан у Вилни, в лѣто семои тисечи, девятого, месяца июня двнадцатый день, индикта четвертого. При том были..... нам. жол. пан Мархребъ, подскар., нам. белицкий пан Фец Хребто.... Который же то привилей, за жаданемъ вышъречого его мл. отца епископа луцкого, а за принятемъ моим урядовым, увес слова до слова до книг справъ подкоморских повету Луцкого естъ уписанъ.

Книга Кiев. Центр. Арх. № 2973, л. 117, актъ 36.

XXVIII.

Документы на владѣніе селами Котеневомъ и Трибѣсами въ Браславскомъ пов. 1504—1508 г.

1. 1504 г., апрѣля 28. Грамота старосты Браславскаго кн. Михаила Васильевича Збаражскаго войту винницкому Шульгѣ Долбыничу на селище Котеневъ.

Приказаньемъ господаря нашего милостивого Александра, короля полского и великого князя литовского[1]), я, князь Михайло Василевич Збаражский, староста бряславский, подлоуг листу господарьского и наоуки его милости, дал есми воитоу вѣнницъкому Шюлзѣ Долбыничю имѣнье въ Бряславском повѣте на вси селишче на имя Котеневъ съ всим с тым, што к томоу Котеневоу и здавна прислухает и теперъвѣ слоущает, з бобровыми гоны, и з ловы, и с полми, и з доубровами, и з лѣсы, и з сѣножатьми што Котеневоу тягнет; а дали есмо емоу вѣчнѣ и непорушнѣ емоу, и женѣ его, и дѣтем его; а он мает с того имѣнья господарю его милости послоужити; и ъвязати есмо его дали въ тое имѣнье дворяниноу господарьскому пану Счасному Полозовичу; и листъ есмо емоу наш дали на тое имѣнье под нашею печатью. Пис. у въ Вѣенн(ицы), апрѣля 28 день, индикт. 7.

Арх. Кіев. Арх. Ком. № 22.

---

[1]) Грамота короля Александра дана въ томъ же 1504 г.,на имя намѣстника браславскаго кн. М. В. Збаражскаго (она напечатана въ сборникѣ: „Грамоты великихъ князей" и пр., изд. Козловскаго и Антоновича. Кіевъ 1868, № 18); въ ней король пишетъ, что мѣщанинъ винницкій (въ упом. изданіи ошибочно напечатано: „земенинъ") просилъ у него селище Котенево и сообщалъ, что это селище давно пусто лежитъ „и наслѣдка къ ней никакого нету". Король жалуетъ просимое условно (если дѣйствительно селище „пусто") и приказываетъ намѣстнику дать просителю вводъ во владѣніе („увязанье"). Однако, намѣстникъ даетъ не только вводъ, но и жалованную грамоту.—Серія документовъ о владѣніи Котеневомъ и Трибѣсами представляетъ немалый интересъ по отношенію къ вопросу о лицахъ, получающихъ пожалованіе, о превращеніи (чрезъ пожалованіе) мѣщанъ въ земянъ и о правѣ евреевъ владѣть дворянскими имѣніями

2. 1505—1506 г. Грамота намѣстника браславскаго кн. Михаила Васильевича Збаражскаго земянину браславскому Ивану Долбыничу-Котеневскому на селище Трибѣсовъ.

Я, князь Михайло Василевич Збаражский, намѣстникъ браславский и звинигородский и чудновский. Бил мнѣ чолом земянин браславский на имя Иван Долбынич Котеневский и просил у мене селища у Браславском повѣте на имя Трибѣсова, на рецѣ на Рси; ино я, увидивши его вѣрную службу ку господарю нашому королю его милости, иж он есть слуга добрый, дал есми ему тое селище Трибѣсовъ со всим тым, што к тому селищу здавна прислухало, и з бобровыми гоны, и с пасеками. А на твердость сего моего листа и печат есми свою приложилъ к сему моему листу. Писан у Браславли [1]).

Арх. Кіев. Архсограф. Ком. № 21.

3. 1506 г., ноября 28. Запродажная (заставная) запись Масины Ивановича Шульжича, сына войта винницкаго, на имѣнія отчизныя Котеневъ и Трибѣсовъ „жиду Острожскому" Михилю Шимонковичу.

Я, Масина Ивановичъ Шулжич, воита вѣницкого, земянина бряславскаго, вызнаваю сим моим листом кождому доброму, кому будет потреб того вѣдати, або чтучи ею слышати: штож запродал есми имѣня свои отчизныи на имя Котенев

---

[1]) Въ предыдущемъ случаѣ жалованная грамота намѣстника слѣдуетъ за пожалованіемъ короля; въ настоящемъ случаѣ обратно: намѣстникъ даетъ пожалованіе, а король потомъ утверждаетъ; именно, кор. Александръ далъ грамоту 1506 г., марта 11 (напечатана въ вышеупомянутомъ сборникѣ Козловскаго и Антоновича подъ № 22), на имя намѣстника и въ ней писалъ, что „земянинъ" браславскій Иванъ Долбыничъ Котеневскій представлялъ ему листъ намѣстника на селище Трибѣсовъ и просилъ дать ему листъ отъ имени короля. Король исполнилъ просьбу. — Изъ этой грамоты видно, что въ весьма короткое время мѣщанинъ уже сдѣлался земяниномъ и къ своей мѣщанской фамиліи присоединилъ уже прозваніе по имѣнію: Котеневскій.

а Трибѣсов пану Михилю Шимонковичу, жиду острожскому, мытнику бряславскому и вѣницкому, за пятдесят коп грошей литовское личбы, личачи въ грош по десяти пенезей, з ловы звериными и пташими, з реками, и з рѣчками, и с плесы, и з бобровыми гоны, и з лесы, и с пасеками, и з дубровами, со всим с тым, как ся тыи именя въ своихъ границах мают, и как отецъ мой и я держал; и не маюся я Масина нѣ в вошто въступати; мает Михил тыи имѣнья держати со всим на все и службу служити с них до тых часов, поки я в него тыи имѣня выкуплю в тых пятидесят копах грошех. А при том были: пан Дмитръ Олександрович, староста житомирский, а пан Олехно Козинский, староста вѣницкий, а мѣщане вѣницкии Миско Перехабан а Тютко. А сес лист мой писал пана Симиненъ Кордышевича Демян; а не мѣл есми своеи печати и я просил пана Дмитра а пана Олехна о их милости печати; и их милость на мою прозбу вдѣлали и печати свои приложили къ сему моему листу. Писан у Вѣницы, нояб 28 ден, индикт 9 [1]).

Арх. Кіев. Археограф. Ком. № 47.

4. 1507 г., іюля 9. Грамота кор. Сигизмунда I, которою король утверждаетъ закупную сдѣлку „жида Михеля Шимонковича" на Котеневъ и Трибѣсовъ.

Жикгимонт, Божю милостю корол полский, великий князь литовский, руский, княжа пруское, жомоитский и иных: бил нам чолом мытник острожский воеводы троцкого, гет-

[1]) Инд. 9-й соотвѣтствуетъ 1506, къ которому несомнѣнно и относится настоящій актъ, ибо въ слѣд. году (см. слѣд. №) послѣдовало утвержденіе этой сдѣлки королемъ Сигизмундомъ. Так. обр. мѣщане Долбыничи не долго пробыли владѣльцами и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по полученіи второго имѣнія, отчудили оба селища „жиду острожскому". Настоящій актъ, впрочемъ, имѣетъ характеръ не продажи а „запродажи", т. е. заставной сдѣлки; отчужденное имущество подлежитъ выкупу. Но срока для выкупа не установлено, почему акты этого рода сближаются со сдѣлками полнаго отчужденія. Сл. слѣд. акты.

мана нашого навышшего, старосты бряславскаго и вѣницкого, князя Костянтина Ивановича Острозского, Михел Шимонкович и повѣдил перед нами, штож закупил у войтовича вѣницкого, земянина бряславского Масина Ивановича Шулжича имѣне его отчизное на имя Котенев а Трибѣсовъ за пятдесят коп грошей, на штож он и листъ его закупный перед нами вказывал; и бил нам чолом, иж быхмо ему тыи имѣня дозволили закупити, и на то дали ему наш листъ. Ино мы, выслухавши того листу закупного его, на то дали есмо ему сес наш листъ; мает он тыи имѣня держати зо всим водле листу его закупного, поки он, або близкие его тыи пѣнязи его пятдесат коп грошей ему за тыи имѣня отложат. Писан у Вилни, июл. 9 день, индиктъ 10.

Арх. Кiев. Архсограф. Ком. № 48.

5. 1508 г., марта 14. Подтвердительная грамота кн. Констант. Ив. Острожскаго, намѣстника браславскаго, вдовѣ войта винницкаго Шульжиной и ея дѣтямъ на имѣнія Котеневъ и Трибѣсовъ, съ обязанностью служить съ этихъ имѣній вел. князю.

Я, Констянтинъ Иванович Острозский, гетман господаря короля его милости, староста луцкий, маршалок Волынское земли, намѣстник браславский и вѣницкий: била мнѣ чолом войтовая вѣницкая Шюлжиная и з детми своими и покладала передо мною листы господаря нашого славное памяти короля его милости Александра, штожь его милость мужу ее пожаловал двѣ селища оу Бряславскомъ повѣте на имя Котенев а Трибѣсов, и на то его милость ему и листы свои подавал. И просила мене тая воитовая, ажь бых я дозвол(илъ) еи и дѣтем еи тыи селища Котенев и Трибѣсов держати потомуж, как господарь его милость мужю ее Шюлзе дал. И я еи приказал, подлуг данины и листов господарьских, тыи селища и дѣтем ее держати и службу господарьскую с них

служити. Ино хто будеть от мене Бряславль держати, и он бы о томъ вѣдал и в тыи ся селища не вступал; нехай она тыи селища и з детми своими держить и службу господарьскую служить. И на то есми еи дал сесь мой листъ з моею печатью. Писан у Вѣницы, мар. 14 день, индик. 11 [1]).

Арх. Кіев. Археографич. Ком. № 49.

6. 1508 г., апрѣля 10. Запись браславскаго землянина Юхна Семеновича Кошки о передачѣ сестрѣ его Оринѣ Зяловской Трибѣсова и Котенева, купленныхъ Кошкою у „жида" Михеля Шимонковича.

Я, Юхно Семенович Кошка, земинин господарьский повѣту Бряславского, вызнаваю сам на сѣбе сим моим листом кождому доброму, кому будеть потреб того вѣдати або чтучи его слышати, штож которыи имена Трибесов а Котенов на реце на Рси купил есми у Михеля Шимонковича, жида острозского, за пятдѣсят коп. грошей монеты и личбы литовское, личачи в кождый грош по дѣсяти пѣнязей, которыиж имена Трибесов а Котенев на реце на Рси дал есми сестрѣ своее панеи Орине Зъяловской за материзну ее и за часть именей отчизных, которая на нее приходила в ыменяхъ моих; а так я ее, сестру свою, з ыменей своих яко зъ отчизных, так и з материзных, выправил и за часть ее, которая на нее мѣла была прийти, тые двѣ имена еи есми дал;

[1]) Въ этомъ актѣ содержатся указанія, во перв., на право намѣстниковъ подтверждать права на имѣнія при переходѣ ихъ въ наслѣдство; во втор., на право семейнаго владѣнія: о подтвержденіи проситъ вдова съ дѣтьми, хотя въ предыдущихъ актахъ сдѣлка объ этихъ имѣніяхъ совершена отъ имени одного сына (конечно старшаго). Настоящій актъ среди другихъ предыдущихъ и послѣдующихъ можетъ породить недоумѣніе: имѣнія запродано еврею, а затѣмъ еврей продалъ ихъ стороннему лицу — Кошкѣ; для какой же цѣли прежніе собственники просятъ объ утвержденіи этихъ же имѣній за ними? Но имѣнія эти выданы еврею не по купчей, а по запродажной; права собственности (именно надежда на выкупъ) сохраняются за Шульжичами-Долбыничами.

мает она их держати и их уживати на вечность и кому хотя их отдати або продати и на церков або близким записати, як налепей сама собе розумѣючи и ку своему пожиточному обернути; нижли вже через то жадного дела до именей моих отчизных и материзныхъ мети не мает, а ни теж жадное выправы от мене мети не будет, якож и лист свой она мнѣ под печатми людей добрых на то дала. А которыи твердости—листы господарьскии и отчичов перших—на тыи земли у Мехеля взял есми, я тыи листы госцодарскии, потверженя на тыи именя, сестре своей панеи Орине дал. И на то есми еи дал сес мой листъ под печатю моею. А при том были и тому добре свѣдоми его милость пан Василей Шандыревский, а пан Иван Войниковичь Бердиновский, а мещане веницкии Миско Перехабен а Пашина Кравецъ; якожь его милость пан Шандыревский за прозбою моею и свою пѣчать приложил к сему моему листу. А писал сес мой листъ пан Стрыжовский Матфей. Писан в Стрыжовце, апрел 10 день, индикт. 11 [1]).

Арх. Кіев. Арх. Ком. № 52.

[1]) Въ настоящемъ актѣ пріобрѣтеніе имѣній Котенева и Трибѣсова Юхномъ Кошкою отъ „жида" Михеля Шимонковича именуется купчею („купилъ"); но по предыдущимъ актамъ еврей владѣлъ ими лишь по запродажной записи. Остается неяснымъ: дали ли собственники Долбыничи свое согласіе на полное отчужденіе имѣній Кошкѣ, или запродажная сдѣлка сама собою повела къ сдѣлкѣ полнаго отчужденія.

XXIX.

Документы на имѣніе Жоравники XV и XVI в.

Рѣшеніе Луцкого земского суда по иску Селецкихъ и другихъ потомковъ Сидора Барсана о выкупѣ имѣнья Жоравники, заставленнаго Марку Вас. Жоравницкому за 40 коп. грошей. 1584 г., окт. 5. Въ немъ приведены:

1. 1458—1488 гг., инд. 6, іюня 3. Грамота кор. Казимира кн. Вас. Козѣчкѣ и кн. Олехну Порыцкому о томъ, чтобы они разобрали споры между Васкомъ Барсановичемъ и Пахномъ Гулевичемъ.

2. XV в. Іюля 14. Дѣльчій листъ Андр. Волотовича и другихъ между братьями Барсанами Андреемъ и Яцкомъ.

3. Нач. XVI в. Мая 7. Листъ кн. Федора Чорторыйскаго, старосты луцкаго, женѣ Марка Жоравницкаго, бывшей прежде женою Сидора Барсана, о томъ, что въ имѣніе этого послѣдняго должны б. введены сестры его—жены Барсука и Селецкаго.

4. Нач. XVI в. Вводный листъ въ означенныя имѣнія Щаснаго Михайловича Чуватова.

5. Нач. XVI в. Изложеніе письма кн. Ѳедора Чарторыйскаго старосты луцкаго, къ королю Сигизмунду съ ходатайствомъ въ пользу правъ женъ Барсука и Селецкаго на выморочныя имѣнія Барсана.

6. 1531, авг. 29. Грамота короля Сигизмунда 1-го маршалку Волынской земли кн. Андрею Александр. Сангушковичу и сыну его—кн. Ѳедору Андреевичу—старостѣ владимірскому, о томъ, чтобы они, когда будутъ на сеймѣ въ Луцкѣ, произвели разслѣдованіе о томъ—дѣйствительно ли Барсанъ передалъ свое имѣніе въ собственность женѣ.

7. 1531—1532 гг., инд. 6., марта 6. Опредѣленіе суда на сеймѣ въ Луцкѣ (отрывокъ неоконченный).

8. 1532 г., іюня 9. Вызовъ Марка Васильевича на судъ королевской Рады (регеста).

9. 1532 г. окт. 1. Судебное опредѣленіе Рады объ отложеніи разбора дѣла по неявкѣ отвѣтчика и о предварительномъ вводѣ во владѣніе истцовъ въ 2/3 спорнаго имѣнія.

10. Свидѣтельство вижа, что Маркъ Васильевичъ не допустилъ ввода силою.

11. 1533 г., апр. 7. Вызовъ ва судъ Рады Марка Васильевича по жалобѣ о недопущеніи ввода (регеста).

12. Выпись изъ книгъ суда Рады о предоставленіи дѣла на судъ короля (регеста).

13. 1533 г., іюля 9. Вызовъ Марка Вас—ча на судъ королевскій.

14. 1533 г., дек. 7. Вторичный вызовъ его на судъ короля.

15. Разборъ дѣла панами—радою, которые предоставили рѣшеніе королю (за непредставленіемъ отвѣтчикомъ свидѣтелей).

16. 1534 г., апр. 4. Вызовъ Марка Вас. на судъ короля.

17. 1534, авг. 3. Рѣшеніе пановъ—радъ въ пользу Барсука и Селецкаго.

Року 1584, месяца октебра пятого дня. На рокох судовых земских etc. Перед нами, то ест etc., ставши объличъне у суду земяне господаръские землѣ Волынское, повету Луцкого, панъ Иванъ Федорович Селецкий а панъ Иванъ Тихновичъ Поръванецъкий и з иншыми всими участниками своими, в позве нижей уписаномъ поменеными описаными, жаловали с позву своего на пана Яна Марковича Жоравъницъкого и на братанича его пана Ивана Василевича Жоравницкого, которым позвали, абы панъ Янъ Маръковичъ Жоравъницкий, яко будучий опекунъ братанича своего пана Ивана Василевича Жоравъницкого, пенези за именье Жоравники и за приселъки к нему належачые, тоестъ за Волицу и за селище Высоцкого, которое село Жоравники и селищо Высоцко, якобы они в заставе в сороку копахъ грошей литовских от отцов ихъ держати мѣли, взялъ, абы право, если бы якое на тое именье Жоравъники и на его приселъки мѣлъ, передъ судомъ положыл. Который то позовъ земъский луцъкий слово в слово туть уписать есьмо велѣли и такъ ся в собе маетъ: Стефан, Божъю милостью король польский, великий князь литовъский, руский, пруский, мазовецъкий, жомоитский, киевъ-

ский, волынъский, подъляшъский, ифълянтьский, княжа седъмикгордъское и иных. Земенину нашому земълѣ Волынъское повету Луцъкого Яну Марьковичу, который ся зовешъ быти Жоравъницъкимъ, опекуну сыну брата твоего небожъчика Василья Марьковича, который ся дей такъ же звал быти Жоравъницкимъ, и именья Жоравъникъ с приселком Волицою и селищемъ Высоцъкомъ; а земенину нашому земъли Волынъское повету Луцъкого Ивану Васильевичу, который ся зоветъ быти Жоравъницъким, будучого у в опеце стрыя твоего родъного Яна Марковича, менованого Жоравъницъкого, з ыменьемъ Жоравъники с приселъкомъ Волицою и селищомъ Высоцъкомъ, жаловали у суду нашого земъского Луцкого земяне наши земъли Волынъское повету Луцкого Иванъ Хведорович Селецъкий, восъполокъ з братаничомъ своимъ Иваномъ Гавъриловичомъ Селецъкимъ и з сесътрою своею родною Андрѣевою Свищовскою Ганъною Хведоровною Селецкого, а Левъко Кръжищовский з детми своими, з Богъданою Хведоровною Селецкого, з жоною его, спложоными, тоестъ сынъми: Яном, Федоромъ, Иваномъ, Григоръемъ, Олехъномъ а дочъкою Марею и зо всѣми потомками менованое жоны его Богданы, з сыном и дочками ее, с першими мужами спложоными, тоестъ Андрѣевою Кузминъскою, Огъренною Ивановною Чаруковъского, Хилимономъ Матфиевичомъ Сушъковичемъ Наврятинъскимъ, Павловою Медъведъскою Зофеею а Ильяшевою Овдотьею Матъфѣевънами Сушъковнами Навърятинъского, Иванъ Тихновичъ Порьванецъкий, Лавъриновая Марина Зеньковна Борьсуковъна, а Олехъно Гавъриловичъ Холоневъский и зъ жоною своею Ганъною Михайловною Козинъского, Катерына Яновая Хасимовая, на вас о том, штожъ дей отъцы ихъ небожчики Зенько Борсукъ а Федько Селецкий мели за собою у малъженъстве жоны свои а матъки их, а Ивана Порванецкого и Олехъновое Холоневъское Ганъни бабъки, а Катерины Яновы

Хасимовое прабабъки, Зенко дей Борсукъ—Марью а Федко Селецкий—Фенъну Барсамовны, на которыхъ дей жонъ их по Сидоре Баръсане, по брате ихъ родномъ, правомъ прирожонымъ отчизънымъ спадъком пришъло, яко по вмерълой руцѣ, именье Жоравъники съ приселкомъ Волицою, селищом Высоцъкомъ спало, которого дей они черезъ право свое прирожоное, Яне, у в отца твоего Маръка Васильевича и у матки твоее, а въ дѣда и въ бабки твоей, Иване, выискали черезъ судъ и вырокъ продъка нашого короля Жикгимонта и пановъ радъ его милосъти; то пакъ дей отцы ихъ тыхъ особъ звышъпомененыхъ Зенько Боръсукъ а Федько Селецъкий тое именье жонъ своихъ Жоравъники з Волицою и зъ Высоцъкомъ засътавили дей небожъчику отъцу твоему, Яне, а дѣдови дей твоему, Иване, Маръку Василевичу в сороку копахъ грошей, зо въсѣмъ на въсе, и зо въсѣми обыходы, якося в собѣ тое именье Жоравъники и Волица и Высоцъко маетъ, не осътавуючы на себе ничого; которое дей имене Жоравъники в той сумѣ в сороку копахъ грошей по отъцу твоему, Яне, а по дѣду твоемъ, Иване, Маръку Василевичу в заставе в брата твоего, Яне, а отца твоего, Иване, у Василья Маръковича зосъстало в той же сумѣ в сороку копахъ грошей; а по зейштью с того света Василья, брата твоего родъного, Яне, сынъ его Иванъ и то именье Жоравъники с приселъки, к нему прислухаючими, въ тебе и в опеце твоей зостало; которое то именье звышъпомененое Жоравъники на Ивана Селецъкого и на всихъ сестръ его и сябъровъ, по маткахъ их, правомъ прирожонымъ материсътымъ, а на Ивана Порьванецъкого и на Олехновую Холоневъскую Ганъну Козинъского, по бабъкахъ ихъ, а на Катерину Яновую Хасимовую по прабабъце ей, такъ же правом прирожонымъ бабизнымъ спало; якожъ дей Иванъ Селецъкий зо всѣми учасъниками своими тебе, Яне, яко държачого сына брата твоего Ивана именья Жоравъникъ и съ приселки,

опекуна, а тебе дей, Иване, по отцы твоем Василью, в томъ именью Жоравъникахъ при заставе зосъталого, потомъкомъ и о именье свое материстое, а Поръванецъкий и Холоневъская о бабизну, а Хасимовая о прабабизъну—Жоравъники о Волицу и Высоцъко неодънокроть приятельски наупоминали и гъроши сорокъ копъ, яко за засътаву, вамъ давали; а вы дей, якъ ты дей, Яне, будучы опекуномъ, такъ дей ты, Иване, черезъ опекуна своего у нихъ тыхъ грошей взяти есте не хотели, а имъ именья ихъ материстого и бабизъны Жоравникъ з Волицою и з Высоцъкомъ не поступили, в чомъ они собѣ от васъ великую крывъду и шъкоду быти поведают и обо въсемъ томъ з вами в суду нашого земъского луцкого очевисто мовити хочутъ. Про то, приказуемъ вамъ, абы есте на рокохъ пришлыхъ судовыхъ земскихъ луцъкихъ, которые припасъти мают на день светого Михала рымъского свята, и на завътрее того свята початися и сужоное быти маютъ, которое свято маетъ быти въ року теперъ идучомъ, тисяча пятъсотъ осмъдесят четъверътомъ, в замъку нашомъ в Луцъку, передъ судомъ земъскимъ повету Луцкого ку пъраву на року завитомъ сами стали, лисъты, твеpъдосъти и все право свое, которое бы есте ку обороне своей на тое именье Жоравъники и приселъки, къ нему належачими, в себе мѣли, передъ тымъ жо судомъ земъскимъ положили и въ томъ ся Ивану Селецъкому и въсѣмъ сябъромъ его во въсемъ, водълугъ сего позъву и жалобы ихъ, в нем описаное, скутечъне усъправедъливили. Писанъ в Луцку, року отъ нароженья Исусъ Хрыста Сына Божого тисяча пятъсотъ осмъдесятъ четъверътого, месяца авъгуста десятого дня. Михайло Корытенъский писаръ.—И первей нижъ былъ позовъ читанъ, панъ Янъ Жоравъницкий самъ отъ себе и от братанича своего пана Ивана Васильевича Жоравъницкого злецылъ моцъ очевисъто передъ судомъ приятелемъ своим пану Федору Бруяци, пану Богушу Липъленъскому а

пану Дмитру Кгъдешинъскому в справе своей противъку стороны поводовои и пана Ивана Селецъкого а пана Ивана Поръванецкого и противъко всѣхъ вчасниковъ ихъ отъпоръ чинити и пъравомъ ся росъпирати; и давъши тое очевистое злеценье речи, в книги земские записати далъ. Слухали позъву, которого сторона поводовая слушъного положенья созънаньемъ возного довела. А по вычитаню позву умоцованый пановъ Жоравъницъкихъ панъ Федоръ Бруяка, заховавъши собѣ всѣ обороны правъные в целе до речы, повѣдилъ: ижъ суду не вижу, абы былъ зуполный, то естъ писаръ не естъ зупольного слуху и вельми не чуетъ и не можетъ слушне и достаточъне водъле повинъности своеи писарскои всего писати, колижъ не слышитъ; бо водъле Статуту, писар маетъ писати все, што стороны(мовять), и дъля того неповиненъ есъми тутъ у право вступовати; а къ тому, ижъ тежъ писаръ о то, ижъ урядомъ своимъ справовати для тои недолужъности своеи не может, и до его королевъское милости естъ позъванъ. Противъ чого панъ писаръ поведилъ, што дей ты мовишъ, ижъ бысь суду зупольного не мелъ видети и якобыхъ я не былъ в зуполномъ слуху и тежъ, ижъ бы слушъне а досътаточне все описати, што стороны мовять, немогъ, споминаючы тежъ нѣякоесь позъванье, яко быхъ мелъ до суду его королевъское милосъти коло недолужъности якое позъванымъ быти; ино если буду отъ кого позъванъ, тогъды дей я дамъ о собѣ таковую справу, якая на онъ часъ будетъ годится дати, а тепер дей тому пану не повиненъ никоторое дальшое справы о собѣ давати; колижъ при вашой милосъти, пане суде, седячы врядомъ своимъ писарскимъ, владъну и въладнуть могу и то пишу ушами (sic), (што) ваша милость, пане суде, кажете писать и тежъ што стороны с правънымъ посътупъкомъ мовенья чинять, записую и невинъную дей забаву тот то умоцованый пана Жоравъницъкого вашой милости, суду, и мне прожъным мовеньемъ своимъ задает. И домо-

вялъся панъ писар, жебы таковое непотребъное мовенье умоцованого пана Жоравъницкого у суду месъца не мѣло и не было приймовано; а такъ мы, судъ, бачачи то ижъ панъ писаръ, седечи на суде з нами, повинности своей досыт чинитъ и то, шъто кольвекъ при суде ся точитъ, до кънигъ уписувает, и кгды въ яких справахъ з нами объмову чинитъ, слушъне намъ радитъ, и то, што з нимъ мовимо, слышитъ, призънавъши есмо собѣ за судъ зупольный, умоцованого пана Жоравъницкого мовенье на съторону отъложивъшы, сказали есмо, абы панъ Янъ Жоравъницъкий з стороною поводовою до права далей посътуповалъ, в чомъ онъ на насъ, судъ, вознымъ свѣтчылъ и поведил: хотя дей мнѣ ваша милост, пане суде, сказуете далей поступовати, только жъ дей я еще не повиненъ на тотъ позовъ отказовати, а то с тых причынъ, ижъ не всѣ учасники позываютъ. И доводилъ панъ Жоравницъкий, подаючы намъ артыкул сорокъ осмый в розъдили четвертомъ в Статуте писаный о вчасникахъ, ижъ всѣ маютъ сполечъной речы доходити, для чого потребовал, ижъ бы всѣ учасники пана Ивана Селецкого и пана Ивана Поръванецъкого, в позве помененые, сами очевисъто стали. Которые всѣ озъвавъшися передъ судом, за проволываньемъ умоцованого пана Яна Жоравницкого, по одному, водъле реестру и порядъку в позве оденъ по другомъ, меновите оказовалися сами особами, а никоторое черезъ умоцованыхъ своихъ, только ижъ одного Хилимона Матфѣевича Наврятинъского, вчасъника, такъ тежъ Яна Лвовича Ржыщовъского, другого учасъника, не было; которыхъ учасъники всѣ поведили, ижъ дей отъ давъныхъ часов ест в чужых краинахъ, о которых мы сами не ведаемъ, гдеся оборочаютъ; и показали в статуте въ раздѣли четверътомъ артыкулъ сорокъ осьмый, водъле которого просили, абы были захованы; в которомъ такъ пишетъ: ижъ вчасъникъ оден без другого, который бы былъ добре оселый, можетъ кожъдого дедицства,

описавъшися сторонѣ, доходити. Умоцованый пановъ Жоравъницъкихъ поведилъ, ижъ дей то артыкулъ не естъ имъ ку помочы для тых причинъ, кгдыжъ вчасниковъ всѣхъ з собою не мают и о них сами не вѣдают; о которыхъ мы, суд, пытали стороны поводовое, есъли бы о нихъ ведати могъли; сторона поводовая, панъ Иванъ Порванецкий зо всѣми учасъники своими, повѣдили: ижъ дей о нихъ не вѣдаемъ и не маемъ ихъ в земълѣ пана нашого, короля его милосъти, але гдес естъ у чужых краинахъ. Мы, судъ, видечы то, ижъ сторона поводовая до слушъное ся речы береть, заховываючися водле артыкулу звышпомененого сорокъ осмого, в роздили четъверътомъ описаного, сказали есмо, абы сторона поводовая зо всѣми учасъниками своими, которые тутъ ест, за оныхъ, которыхъ не машъ, паномъ Жоравъницкимъ на маетностяхъ своихъ описалися, на што всѣ учасники стороны поводовое позволили. От того сторона позваная, умоцованый панов Жоравъницъкихъ, апелевал. Мы, суд, узънавши, ижъ то еще не ест реч головная, апеляцыи есмо не допустили; умоцованый пановъ Жоравъницъких на нас ся вознымъ светчыл. И вскazали есмо обеюмъ сторонам, абы далей у право поступовали; умоцованый пановъ Жоравъницких на то повѣдилъ, ижъ дей есмо хотѣли то первѣй вѣдати о всѣх учасъникахъ стороны поводовое, абы тутъ стали; которые ижъ не всѣ есть, противъ тогося есмо сведъчили; тежъ сторона поводовая не заховалися водле обычаю права посполитого, бо пановъ Жоравъницъкихъ всѣх менови́те не позъвали, бо бы мели позвати детей его милости пана Алекъсандра, старосты луцкого, и пана Михаила, подкоморого луцкого, Жоравъницъкихъ, згола всѣхъ панов Жоравницких, иле их ест, о тое имене Жоравники; и подали на то артыкул, в Статуте написаный, сорокъ осмый и сорокъ четвертый, в которых описует всѣхъ учасъниковъ позывати, и, водъле оных артыкуловъ, умоцованый пановъ Жоравъницъ-

кихъ просилъ вольности от позву. Панъ Иванъ Порванецкий на то поведил: ижъ дей я жадного иньшого вчасника в том именью Жоравьникахъ не ведаю только пана Ивана Васильевича, которого панъ Янъ, яко братанича своего с тымъ име ньем Жоравьниками в опеце своей маетъ и тое именье держитъ; и домовьлялся, абы панъ Янъ братанича своего пана Ивана, который на позвѣ естъ помененъ, ставил. Умоцованый пановъ Жоравьницкихъ повѣдилъ, ижъ дей не повиненъ панъ Янъ Жоравницкий сябров и вчасниковъ своихъ ставити, але они были повиньни всѣхъ ихъ, яко учасниковъ, позывати, кгдыжъ тое именье не одьного пана Яна, але и панъ Иванъ, братаничъ пана Янова, того именья естъ вчасьникомъ. Панъ Иванъ Порьванецький зо всѣми учасниками своими на то повѣдил: не вьчитъ дей мя право посьполитое, абыхъмо летъ недоросьлого позъвомъ особьливымъ позывати мели,—только опекуна и при немъ на одномъ позьве, яко летъ недоросьлого, братанича пана Янова, пана Ивана Васильевича, ку бранью пенезей, яко за заставу; и подалъ на то в Статуте, в роздѣли шосьтомъ, артыкулъ осмый, в которомъ такъ описуетъ, ижъ дѣти лѣтъ недоросьлые повиньни за заставу черезъ опекуна пенези взяти, а именье пусьтити, и домовялъся, абы панъ Янъ, яко опекун того именья Жоравьникъ и братанича своего, пензи взялъ, а именье пустилъ и право, есьлибы якое на то именье мел, абы перед нами судомъ показалъ, бо дей мы жадного иньшого вчасьника у Журавникахъ не ведаемъ, але нехай самъ пан Янъ ихъ покажетъ. Мы, судъ, пана Яна пытали, есьли бы тамъ у Журавникохъ з собою в держанью якого вчасьника мелъ, перед нами судомъ значьне показалъ; панъ Янъ Жоравницький за тым пытаньемъ нашимъ, яко самъ черезъ себе и черезъ умоцованыхъ своих; перед нами судомъ жадьного вчасьника, который бы оного именья Жоравьникъ зъ нимъ сполечьно ужывал, не показалъ, кроме братанича своего,

лѣтъ недоросълого веръхуменованого, который в него в опеце естъ. Мы, судъ, обеюмъ сторонамъ далей у право поступовати казали. Умоцованый пановъ Жоравъницъкихъ панъ Федор Бруяка отъ того сказанья нашого апелевалъ; мы, судъ, узънавши, ижъ то еще не естъ речъ головная, апеляцыи есьмо не допустили; умоцованый пановъ Жоравъницъкихъ панъ Федор Бруяка на насъ возънымъ ся свѣтчыл и поведилъ, ижъ тутъ сторона поводовая задала паномъ Жоравъницъкимъ речъ новую, о чомъ передъ тымъ не вѣдали, маючы права свои, листы, привилья на тое именье Жоравъники по разъных месъцахъ, а тоестъ, меновите, листы, привилья головъные Жоравъницъкие, не вѣдаю, есъли при небожъчику пану старосте луцъкомъ при пану Алекъсанъдру были, чили при пану Михаилу, подъкоморомъ луцъком, зостали, которыхъ такъ прудъко досягнут есьмо не могъли; просилъ, абы имъ было отложоно до другихъ роковъ на показанье листътовъ и подалъ на то в Статуте, в роздѣли четъверътомъ, артыкулъ четъверътыйнадъцать, в которомъ такъ описует, ижъ если такъ поводовая, яко и отпорная, стороны, оступивши в право одна другой, бы што нового задала, о чомъ бы передъ тымъ не вѣдала и такъ за короткимъ часомъ того досягънути не могъла, а брала бы ся на инъший доводъ до другихъ роковъ, того еи судъ допусътити маетъ. Панъ Поръванецкий на то такъ повѣдилъ, ижъ дей то не естъ речъ новая, абы панъ Янъ о томъ ведати не мѣлъ, кгдыж я з учасниками своими еще пана Михаила, пана подкоморого луцъкого, брата его, который тое именье Жоравъники посполъ с паном Иваномъ Васильевичомъ, братаничомъ твоимъ, в опеце мелъ, а по немъ и пана Яна, яко опекуна, и братанича его пана Ивана, который с тымъ именьемъ Жоравъниками и съ приселками его у в опеце у пана Яна естъ, не первым позвомъ, але и здавна ни о шъто инъшого, толко о тое именье Жоравъники и о приселъки, к нему належачые,

близъкостю своею от отцевъ нашых пану Маръку Васильевичу, у сороку копахъ грошей заставъленое, позывали, докъладаючы того на кождомъ позве, абы передъ судомъ панъ Янъ и панъ Иванъ грошы, яко за заставу, взяли, листы, твеpъдости и въсе право свое, которое бы на тое имене Жоравъники у себе мѣли, передъ тым же судомъ оказали и на томъ же року положыли, чего доводечы и позвы старые показовали, усѣхъ шест на разъные роки, то естъ меновите: одинъ позовъ, писаный по пана Михаила Маръковича, подъкоморого луцъкого, опекуна, и по братанича его пана Ивана Васильевича на роки Михаловъские подъ датою року тисяча пятсот осмъдесят третего; другий позвъ, писаный по пана Яна Маръковича и по тогожъ братанича его пана Ивана Васильевича на роки трекролские подъ датою року тисяча пятсот осмъдесятъ второго; третий позовъ, писаный по пана Яна Маръковича и по тогожъ братанича его пана Ивана Васильевича на роки троецъкие подъ датою року тисяча пятсот осмъдесят второго; четъверътый позов, писаный по пана Яна Маръковича и по пана Ивана Васильевича на роки троецъкие под датою року 1573; пятый позовъ, писаный по пана Яна Марковича и по пана Ивана Васильевича на роки михаловъские под датою року 1573; шостый позовъ, писаный по пана Яна Маръковича и по пана Ивана Васильевича на роки троецъкие под датою року тисяча пятъсотъ осмъдесят четъверътого. В которыхъ то всѣхъ помененыхъ позъвехъ, яко то в перъшомъ позъве земъском луцъкомъ, по пана Михаила Маръковича, подъкоморого луцъкого, и по пана Ивана Васильевича, в опеце будучого, писанымъ, такъ тежъ и въ тых всѣхъ позъвехъ земъских луцъких по пана Яна Маръковича и по братанича его пана Ивана Васильевича, в опеце у пана Яна будучого, значъне то описуетъ, ижъ не отменяючы только, абы на рокохъ земъскихъ луцъкихъ, в тыхъ позъвехъ описаныхъ, сами ставили и тую суму пене-

зей, тоестъ сорокъ копъ грошей, в позъвехъ такъ у тыхъ старыхъ, яко и в теперешънемъ, описаную, отъ них взяли за засътавъное именье их Жоравники и присельъки к нему присълухаючие, листы, тверъдости и все право свое, которое бы кольвекъ в себе на тое именье Жоравъники и на его приселъки мѣли, передъ тымъ же судомъ оказали и на томъ же року положыли и в том ся з ними у пърава передъ судомъ росправили. А ижъ вже в тот часъ того ся дня, в пятъницу, было спозънило, с тыхъ причынъ, мы судъ, тую справу до дня завтрешнего под тоюж моцю отложыли. А на завтрее, в суботу, мы, судъ, месце свое судовое засѣдъшы, сторон знову до справы возъному прыволать казали, хотечи имъ о ихъ справы вчорашъние вcase нашъ судовый, водъле права посъполитого, вделати; пан Бруяка, умоцованый пановъ Жоравъницкихъ, передъ всказомъ оповедалъ: ижъ дей еще одноее вчасничъки, братанъки пана Ивана Селецъкого, Насътасьи, а сесътры Ивана Гавърыловича Селецъкого не маешъ и въ позве от стороны поводовое противъко пановъ Жоравъницъкихъ не естъ написана; на то панъ Иванъ Селецъкий и пан Иван Порванецкий и всѣ вчасники их повѣдили, ижъ дей тая панъна Насътасья Гаврыловъна Селецкого до того ничого не мает, с тых причин ижъ она в себе маетъ брата рожоного, которому мимо нее правомъ отчизнымъ по отцу ихъ приходитъ тая близъкость, а не на нее; потомъ панъ Марко Алекъсанъдровичъ Жоравъниъкий, старосътичъ луцкий, очевисто приповедалъся быти вчасъникомъ пану Янови в томъ именью Жоравъникахъ, а панъ Иван Порърванецкий зо всѣми учасъниками своими на то повѣдил: то дей панъ Маръко, старосътич луцъкий, речъ новую до суду, в. м., приноситъ и зъ стороны в право утручается, хотечы право наше розоръвати; а то ему ити не можетъ, с тыхъ причинъ, ижъ онъ тамъ не естъ жаднымъ держачымъ и тамъ якъ двора, такъ врядъника и подъда-

ныхъ своихъ, не маетъ; и подалъ на то артыкулъ сорокъ третий, въ розъдѣли четъверътомъ в Статуте описаный, в которомъ такъ описуетъ: ижъ нихъто правомъ своимъ зъ стороны до пърава разрывати не маетъ; и пъросил панъ Поръванецъкий, абы, водле того артыкулулу, былъ захованъ. Мы, судъ, бачечы то с певъныхъ выводовъ пана Поръванецъкого и от всѣхъ вчасъниковъ ихъ с позъвовъ старыхъ, которыми панов Жоравъницъкихъ о тое именье Жоравъники ку бъранью пенезей, яко за засътаву, такъ на оказане права, то есть листъовъ, есълибы якие на тое имене Жоравъники мелъ, позывали; и розумеючы то быть не новую речъ, так тежъ приповеданье пана Маръка Жоравъницъкого видечы быти не водле права посъполитого, сказали есъмо обѣюмъ сторонамъ далей у право поступовати. Умоцованый пановъ Жоравъницкихъ апелевалъ. Мы, бачечы то, ижъ не от речы головъное апелюетъ, апеляцыи есьмо не допусътили, противъ чого ся на насъ, судъ, возъным свѣтъчылъ; и поведилъ умоцованый пана Яна Жоравъницъкого: ижъ дей панъ Янъ неповиненъ на тот позовъ отъказовати, с тыхъ прычинъ, ижъ его по вълосъномъ отъчызъном именью Жоравъникахъ волосънымъ тытуломъ Жоравъницъкимъ не описуетъ, в позъве одъно споминаетъ его быти нѣякимъсь Жоравъницъкимъ, а его дей милость есть власнымъ Жоравъницкимъ; на што сторона поводовая панъ Иванъ Поръванецъкий зо въсѣми учасъниками своими повѣдилъ: што дей тутъ, пане суде, умоцованый пана Янова передъ вашою милостю мовилъ, абы панъ Янъ не был повинен намъ у пърава на позву нашъ отъказовати, жехъ мы пана Яна з братаничомъ его меновите тытуломъ Жоравницкимъ по именью Жоравъникахъ не написали, то ему тутъ ити не можеть, с тыхъ прычынъ, кгдыжъ то вже досыт ся оказало и сълушъными причинами передъ судомъ на роцехъ недавно, прошлыхъ которые в року теперъ идучом, тисяча пятсот осмъдесятъ четъ-

верътомъ, отъ дня Светои Тройцы сужоны и отправованы были, за выводомъ нашымъ декърeтом своим судовымъ ваша милость, пане суде, пана Яна и братанича его пана Ивана от того тытулу отътяли, а насъ ку дальшому поступъку правъному припуститъ рачили; о што я теперъ далей пану Яну и умоцованымъ его о томъ тытулѣ дальшее справы давати не повиненъ. Умоцованый пановъ Жоравъницких поведилъ; кгдыжъ дей панъ Селецъкий и панъ Поръванецъкий, и въчасъники ихъ, поведают собѣ быти тое именье Жоравъники по матъкахъ своихъ близъкостью своею, нехай дей покажутъ або лисътами выводятъ, яко то ихъ естъ близкость. Мы, судъ, слышачы то отъ стороны позъваное, прихиляючыся до пърава посъполитого и Сътатуту арътыкулу пятъдесятъ пятого, в роздѣли четъверътомъ описаного, в которомъ пишет: хто кому добъровольне пустит на доводъ, тогъды есьмо того судъ допустити маетъ,—сказали есьмо сторонѣ поводовой, абы, яко ест тое именье Жоравъники зъ его прысел... ихъ власъная близъкость, листовъне передъ судомъ показали; панъ Иванъ Селецъкий а панъ Иванъ Поръванецкъий зо въсѣми учасъниками своими на первѣй показали листъ—комисѣю славъное памети короля Казимера, подъ печатью его милосъти, в справе продъка ихъ Васька Барсановича Жоравъницкого писаный до князя Василья Козѣки и до князя Олехна Порыцкого, который такъся в собѣ маетъ:

1. Казимир, Божъю милостью король польский, великий князь литовский, русъкий, княжа пруское, жомоитский, и иныхъ,—князю Василью Козѣчичу а Олехъну Порыцкому: жаловалъ имъ Васько Барсановичъ на Пахъна Гулевича, штож дей отънимаетъ у него земълю безъвинъно, и перъво сего намъ Пахно на него жаловалъ, ижъ бы ему отъ него крывъда ся дѣяла; и възялъ в насъ на тое дѣло судьею князя Алекъсанъдра Санъкгушъковича; а онъ в насъ взялъ

судьями на тое дѣло васъ; протожъ, што бы есте, на томъ згодивъшися, и тамъ выехали, и ихъ обысълали, и рокъ положыли, и о томъ бы есъте межи ними досъмотрѣли, и съправедъливость тому вчинили. Писанъ в Радомъли, июня третего дня, индикта шостого. А напис на той комисии тыми словы: Князю Василью Козѣчичу а Олехъну Порыцкому.—

2. Другий листъ отъ пана Анъдрѣя Волотовича, старосты перемилского, подъ печатью его, дельчый, што делилъ продъковъ ихъ именьями отъчызъными, который такъ ся в собѣ маетъ: А се я, пан Анъдрѣй Волотовичъ, староста перемильский, и панъ Иванъ Долзъский Зеньковичъ, и панъ Федко Козинъский созънаваемъ симъ нашимъ листомъ: просили нас два братя рожоная: старейшый панъ Баръсанъ на имя Анъдрей, а другий Баръсанъ панъ Яцко, менъшый братъ, пана Маськовы сыны, и просили насъ, быхъмо ихъ розделили ку ихъ отчини. И мы их роезделили: досъталося пану Барсану Анъдрѣеви Жоравъники и Высоцъко селище и съ тымъ, што к Журавъникомъ и къ Высоцъку селищу изъ вѣка вечного тягъло; а пану Яцъку, менъшему брату, досъталося Гуговъ и съ тымъ, штожъ изъ вѣка вечного тягъло к Гугову. И уделил ему панъ Боръсанъ, старейшый братъ, своего стада пять кобылъ стадъныхъ, а дъва конь, а далъ ему чоторы коровы, а шубу; а еще подънялся ему панъ Барсанъ, брат его старейший, ставъ засътавити ниже Гуговъского ставу у подобномъ месъци, трохъ локоть у зъвышки а чотыри поперекъ; а то есьмо ихъ розъделили вечъно и непорушно; а в том делу закладъ межы собою заложыли: хтобы хотелъ той делъ порушити, то на том господару королю сто копъ, а межы собою собѣ заложыли на виноватомъ другую сто копъ правому. А пры томъ были свѣтки добрые: былъ панъ Немира Цевовъский, панъ Волъчъко Ощовский а панъ Пашъко Смыковъский, и еще надъ

то про лѣпъшую справедъливость и про лепъшее сведоцъство и печати есмо свои прывѣсили. Писанъ у Зъвинячой, июля четверътогонадъцать дня.

3. Третий листъ князя Федора Чорторыського, старосты луцкого, писаный по съмерти Сидора Баръсана, продъка ихъ, до жоны его пани Ганъны Ворысцкого, в тот часъ еи будучой за другимъ мужомъ паном Маркомъ, и такъ ся в собе маетъ: Отъ князя Федора Михайловича Чорторыського, старосты луцкого, земянъци господарской панеи Марковой панеи Ганъни Жоравъницъкой поклонъ и приязнь; такъже тыхъ часовъ приездили до мене земяне господарские панъ Зѣнько Борсукъ а панъ Федор Мушатичъ и поведили намъ, ижъ за ными сестры небожъчика пана Баръсановы, перъвого пана твоего; ино дей якъ пан Баръсанъ умеръ, по немъ дей зосталъ с тобою одинъ предокъ девъка, а потом т. мл. замужъ пошьла за пана Маръка; а такъ дей тыхъ часовъ и той отродокъ небожъчика пана Баръсановъ девъка вмерла. Ино тотъ спадокъ именья Жоравъниковъ прыпголъ на жоны ихъ, сестры пана Баръсановы, отчичокъ того именя. И мы, водълугъ правъ госъподаръских, посълали тамъ служебъника нашого Щасъного и казали есъмо ему яко люди, такъ быдло дворъное, кони, жывотину и инъшыи домовыи статъки, и збожъе пописати и въ двѣ части, яко у дъворъ, такъ в люди, в кони, и жывотину, и въ збожъе, и въ инъшые домовыи статки тых земянъ по жонах ихъ, отъчичокъ того именья, увязати казали, а на третей часъти твою милость зоставити казали до права, поки твоя милость будешъ з ними право мѣти в томъ передъ господаремъ або передъ нами, гдѣ будетъ воля госъподарская; и тъвоя бы милость о томъ ведала. Писанъ в Чоръторысъску, мая семого дня.

4. Четъвертый листъ Щасъного, увяжъчего князя Чоръторысъкого, старосты луцкого, который такъся в собѣ маетъ: Про паметь мнѣ, Щасному, што есъми зъ росъказанья князя

старосты луцъкого его милосъти увязалъ землнъ госъподаръскихъ Зѣнька Боръсука а Федора Селецкого ув отъчизъну жонъ их у во именье Жоравъники, подалъ есъми имъ двѣ часъти людей, а третюю часть людей на панюю Боръсановую оставил у вѣне, у дъворѣ далъ есъми имъ изъбу с коморою а другую истебъку и съ хижею а сътайню большую, а панеи осътавилъ есми светлицу с коморою, гдѣ сама мешъкала, а сътайню мєнъшую, а пивъницу, а кухъню; а пани сама поведала, и я тежъ зосталъ, скота рогатого двадцатеро, а овецъ поведала тридъцатеро безъ двухъ, а ягънят десеть, а съвиней тридъцатеро, а търое гусей, а трое гусенятъ, а коней поведила трое: голубый конь, а сѣрый находъникъ, а чалый жолънерц, а полъпета стога жыта; а я далъ имъ скота рогатого десятеро на двѣ части, а панеи ся осътало семеро скота; а овецъ есьми имъ далъ двадъцатеро и зъ ягъняты, а панеи ся осъталo десятеро; а съвиней имъ ся осътало двадъцатеро, а панеи десятеро; а коня есъми имъ сирого находъника, а голубый конь и чалый жолнерец панеи ся осъттало; а зъбожя паномъ далъ есъми тры стоги жыта, а панеи ся осталъ стогъ жыта великий, а другый малый стогъ, а третий оденокъ. А при томъ были панъ Гавърыло Богдановичъ Холоневъский, а панъ Анъдрѣй, а панъ Якимъ Дмитъровичъ Холоневские, а панъ Богъданъ, а панъ Якимъ Охълоповъские, а панъ Ивашко Брянъский. А я Щасъный Михайлович Чуватова про лѣпшую справедливость сего моего списъка и печать есми свою приложил к сему моему списъку.

5. Пятый листъ князя Федора Чоръторысъкого, старосъты луцъкого, писаный до его королевъское милости годънои памети Жикгимонъта, причинъный за Зѣнькомъ Борсукомъ а за Федькомъ Селецъкимъ, в которомъ значъне выписуетъ, ознаймуючы королю его милосъти, ижъ тое именье Жоравъники по безъпотомномъ небожъчику Сидоре Барсане, по брате жонъ ихъ родъномъ, ни на кого инъшого

не съпадаетъ, только на жоны Зенька Боръсука а Федька Селецкого на Баръсановъны правомъ прырожонымъ отъчизънымъ спало; и тамъже князь Чоръторысъкий пишетъ, просечы короля его милосъти, абы ихъ, яко отчычокъ, до того именья Жоравникъ припустити рачыл.

6. Шостая—копия з листу короля его милости, годънои памети Жыкгимонъта, до князей Санъкгушъковъ писаный, штобы зъехали на соймъ до Луцъка и сълухали свѣтковъ пана Марковыхъ, которая такъ ся в собе маетъ: Жикгимонтъ, Божъю милостью король польский, великий князь литовъскій, русъкий, прусъкий, жомоитский, мазовецъкий и иныхъ—маръшалъку Волынской земли князю Анъдрѣю Алекъсанъдровичу и сыну его старосте володимеръскому Федору Анъдрѣевичу Санъкгушковичомъ: здеся очевисто жаловалъ намъ дворанинъ нашъ Маръко Васильевичъ на земянъ повету Луцъкого Зенька Боръсука а Федька Запону о томъ, штожъ дей они, безъ бытъносъти его, наехавъшы на именье его Жоравъники, моцъно кгвалътомъ шкоды ему великие поделали и мъногии речы у дворѣ его побърали, чогожъ онъ собѣ шацуетъ вышей на пятсотъ копъ грошей. И тыи земяне передъ нами поведили, ижъ дей они некгвалътовънымъ обычаемъ на тое его именье наежъдчали, але за увяжъчымъ старосты луцкого князя Федора Михайловича Чаръторыського. И которые речы тоть увяжъчый имъ подалъ, то они взяли, а чого не далъ, того они не бърали; а князь староста дей луцкий увяжчого имъ давалъ якобы водъле тыхъ правъ нашыхъ писаныхъ новоданыхъ; ино штося дотычетъ оного увяжъчего его, ино князь староста луцъкий то вчынилъ не водъле тыхъ правъ писаныхъ, бо в тыхъ правахъ писаныхъ такъ описуетъ: есълибы хъто о которую-кольвекъ речъ на кого жаловалъ, тогъды врядъ маетъ другую сторону обосълати лисъстомъ своимъ; а на заочную жалобу одъной сторонѣ врядъ

не маетъ никому увяжъчихъ своихъ давати; прото, кгдыся тая речъ такъ в собе маетъ, мы такъ межы ними нашъли, иж тыи земяне маютъ того увяжчого его, и кгъды вы будете на сойме в Луцъку, передъ вами поставитъ; и есъли тотъ увяжъчий его ихъ заступитъ, ижъ онъ тыи речы имъ давалъ, тогъды то все в целости оный увяжъчый его маетъ за ся Маръку поотъдавати и за то досыть вчынити; а къ тому ся ижъ его не будетъ, а они сами то побрали, о томъ маетъ Маръко с тыми земяны мовити. Штося тежъ дотычетъ того именья Жоравъникъ, тыи земяне поведили, ижъ тое имене Жоравъники естъ близъкость жонъ ихъ, а мы дей не ведаемъ, которымъ обычаемъ Маръко тое именье держытъ; а Маръко тежъ поведилъ, ижъ онъ понял жону небожъчика Баръсанову, и тое именье ему по ней ся зосътало, на шътожъ и записъ жоны своее онъ передъ нами покъладалъ, в которомъ же описуетъ, ижъ небожъчыкъ Баръсанъ, понемъшы дочъку у земенина нашого Федора Ворысъцкого, и възялъ по ней вѣна сто копъ грошей, а у выправе в серебре и шатах, у перлахъ и в ынших речах другую сто копъ грошей; нижли не мелъ такъ много именья своего, на чомъ бы могъ на противъку оного посагу, што жона его к нему в дом унесла, записати; и которое именье продку его великий князь Швитърыгайло у трохъсотъ золотых черъленыхъ далъ держати, онъ на томъ именьи ей жоне своей оную трыста золотых черъленыхъ отписалъ; и коли его в животѣ не стало, она по нем на томъ именьи зосътала; и какъ дей небожъчикъ Баръсанъ тотъ записъ свой справовалъ, в тотъ часъ при томъ были дворяне наши: княз Алекъсандро Михайловичъ Вишъневецъкий, а князь Висилей Ивановичъ Куръцевичъ, а Ванько Яковицъкий. В которогожъ запису и печати сутъ привишоные. А тые земяне к тому мовили, ижъбы тот записъ по жывоте небожъчика Баръсанове былъ справован и печати ихъ к тому не прыкладываны, и не хотели его

за зауполный мѣти. А такъ мы, речей ихъ с обусторонъ высълухавъшы и того запису небожъчика Баръсанова огъледавъшы, на томъ зосътавили, ижъ маютъ оныи свѣтъки, которые в записе стоятъ, опытаны быти; про то, кгды вы будете на сойме в Луцку, и вы бы, весъполокъ з старосътою луцким княземъ Федоромъ, Алекъсанъдру Вишъневецъкому и князю Василью Куръцевичу, Иванъку Яковицъкому, велили в себе быти и въ томъ ихъ объпытали, и есъли то они созънаютъ, ижъ небожъчикъ Баръсанъ еще за жывота своего оный описъ справовалъ, а они тому свидоми и печати свои к тому запису прыкъладывали, вы бы ся, отъ нихъ доведавъши о томъ, до насъ в листе своемъ отъписали; мы, с писанья вашого зрозумевъшы, с тымъ такъ учынимъ, якося будетъ годити. Писанъ у Къракови, подъ лет Божого Нароженя тисяча пятсот трыдъцать перъвого, месяца августа двадъцать девятого дня, инъдикъта четъверътого.

7. Семый—выпис с книгъ князя старосъты луцъкого на сойме в Луцъку под датою месяца маръта шосътого дня, инъдикта шосътого, о зъборе в Луцку. Выписъ с книгъ князя Федора Михайловича Чоръторысъкого, старосъты луцъкого: Про паметь казано записати. Жаловали и припоминали намъ панъ Зенько Боръсукъ а панъ Федько Селецъкий об отчизъну жонъ своихъ о Журавъники, ижъ Марько Васильевичъ кгвалтомъ деръжытъ а имъ посътупити не хочетъ, и покълали передъ нами листы госъподаръские и дельчыи продъковъ жонъ ихъ; в котором же лисъте госъподаръскомъ описуетъ, ижъ бы Марько самъ сталъ передъ нами в Луцъку о сойми и свѣтковъ своихъ поставилъ, которыи светъки в его листа записаного. И Марько о зъборе передъ ними не сътавилъся и свѣтковъ своихъ передъ нами не посътавълялъ; а они перед нами ставили, имъ не жаловали в томъ, (?) гдежъ и увяжчого своего служебъника нашого Щасъного передъ нами ставили, который былъ служебникъ нашъ в тое именье

ихъ увязалъ по съмерти шурына ихъ небожъчика Баръсана, и съписки они тыи передъ нами покъладали и с чим ихъ той служебъиикъ нашъ увязалъ и съ чимъ имъ тое именье подалъ; которогож мы списъку казали в книги записати; и подалъ имъ двѣ части людей, а третюю часть на Баръсановую зосътавилъ у вѣни; а въ дворѣ далъ имъ Боръсуку комору, а другую истебъку с хижою, а стайню большую, а панеи светълицу и комору, где сама мешъкала, а стайню менъшую, а пивъницу и кухъню. А пани сама поведила: я тежъ засътала скота рогатого двадъцатеро, а овецъ, поведила, тридъцать безъ двуйга, ягнятъ десять, свиней тридъцат трое, гусей трое, гусенятъ, коний трое: голубый конь, сѣрый находъникъ, чалый жолънирецъ, полъпета стога жыта. Я имъ далъ скота рогатого десятъ на двѣ части, а панеи зосталося семеро скота, а овецъ есъми далъ двадъцатеро и зъ ягъняты, а панеи зосталося десять; а съвиней имъ зосталося двадъцатеро, а панеи десятеро; а коня далъ есъми имъ сѣрого неходъника а голубого коня, а чалый жолънерецъ панеи зосъталъ; а зъбожъя далъ есъми тры стоги, а пане осталося стогъ жыта великий, а другий малый, а третий оденокъ.

8. Осъмый листъ—позов отъ пановъ рад по пана Марка Васильевича в жалобе пана Зѣнька Боръсука а Федька Селецъкого о именье Жоравники, о отчизъну жонъ ихъ; в которомъ позве ознаймуетъ рокъ на соймъ о съветой Покрове, абы Маръко Васильевичъ сам стал и въсе право свое, листы, твердосъти на тое именье Жоравъники тамъ же положыл; который позов под титуломъ пана Олъбрыхъта Марътиновича Кгашътолъта и тежъ подъ титуломъ пана Станисълава Олъбрыхътовича Кгаштолта, подъ датою под летъ Божого Нароженя тисяча пятъсотъ тридъцать второго, месяца июня девятого дня, инъдикта пятого.

9. Девятый лист судовый от пановъ радъ короля его милости, который такъся в собѣ мает: От Миколая Вижъ-

кгайла, з Божеи ласъки бисъкупа жомоитского, от Ольбрыхъта Марътиновича Кгашътолъта, воеводы виленъского, канъцлера великого князства Литовъского, отъ Юръя Миколаевича Радивила, пана Виленъского, гетмана навышъшого и марьшалъка дворного великого князъства Литовъского, старосъты городельского, державци лидского и белицъкого, от Станисълава Олбрыхтовича Кгашътолъта, воеводы новъгородского.— Дворенину господара короля его мл. Марку Василевичу и жонѣ его Ганъни: жаловали нам земяне господаръские Зѣнько Борсукъ а Федко Селецкий отъ жонъ своих о том, ижъ вы держыте отчизну жонъ их именье Жоравники, которое на нихъ спало по брате их по Барсане, несълушънымъ обычаемъ, а им поступити не хочете, о чемъ же мы первей сего лисъты наши позовъные им по вас подавали, ижъ бы есте перед нами стали на року судовом, положоном от госъподара его мл. о съветой Покърове у Вилни, и в том ся з ними росправили; и вы не дбаючы о лисъты и о росъказанье наше, перед нами стати и въ том ся росъправити не хотелъ; а такъ мы, вглянувши статуту, который господаръ корол его милость всѣмъ подъданымъ своимъ великого князства Литовъского рачилъ дати, где естъ написано: хто бы кого на рокъ судовый позвал, а тот позваный не съталъ на томъ року, тогды той жалуючой сторонѣ маетъ дано быти увязанье в то, о што ся жалует. А такъ мы для непослушенъства твоего послали тамъ дворенина господарского Михна Ощовъского и казали есьмо ему их в двѣ часъти того именья всего, якъ в дворъ, такъ в пашъню, и въ люди, и въ земли, и во въсякие пожытки моцъно въвязати до тыхъ часовъ, поки вы перед нами станете и въ томъся з ними росъправите; а третеи части не велели есмо имъ давати, изъ вашых рукъ выймовати, будучы тои надѣи, ижъ бы жона твоя на именью оправу мела. И приказуемъ тобѣ подъ закъладом госъподарскимъ тисячею копами грошей, а на нас пановъ радъ пятсотъ копъ грошей,

ижъ бы есте в тые двѣ части того именья ничимъ ся не въступал и въ том именьи далъ имъ покуй; а предъ ся приказуемъ вамъ рокъ под страченьем права, ажъ бы есте передъ нами стали на року судовомъ, прийдучомъ о семой суботе, з листы и зо всѣми доводы своими, которыи кольвек будете на тое именье мѣти, за чымъ есте тое именье держали, передъ нами положыли и въ томъ ся з ними наконецъ росъправили. Писанъ у Вилни подъ летъ Божого Нарожeня тисяча пятъсотъ трыдъцать второго, месяца окътебра перъвого дня, инъдикъта шосътого.

10. Десятый лист—сведоцъства от шляхты, которые при дворенине короля его милосъти были и вижъ князя старосты луцъкого при дворенине былъ, коли увязовали Зенька Борсука а Федька Селецъкого у во именье Жоравъники; который так ся в собѣ маетъ: намъ, вижу князя старосты луцкого Омъброжому-Анъдрею Холоневъскому, а Сеньку и Немиры Поръванецъкимъ, а Мешъку Бранъскому, а Васку Гуговъскому, а Сънѣжъку Старосътавъскому, а Гавърылу Тупальскому, што панове ихъ милость, высокая рада госъподаря короля его милосъти великого князъства Литовъского, рачили росъказати дворянину госъподаръскому Михъну Ощовъскому тых земянъ госъподаръскихъ Зѣнька Борсука а Федька Селецького увязати у в отъчизъну жонъ ихъ, у во именье Жоравъники, у двѣ части во въсякие пожытъки, а третюю часть Маръку и жонѣ его осътавити до права. И тот дворянинъ госъподаръский Михъно Ощовский и тые земяне Зѣнько Боръсукъ а Федько Селецъкий просили насъ, абыхмо з ними до Жоравъникъ ехали того видити, и мы на ихъ прозьбу тамъ з ними ехали; и тотъ дворянинъ господаръский Михно Ощовский Марку и жонѣ его лисъты от пановъ радъ их милосъти имъ подалъ и почалъ мовити, абы ся они двохъ часътей в том именью в Жоравъникохъ, яко у дворѣ, так в людех, и въ пашънѣ, и въ полях, и в вынішыхъ во въсяких

пожитъкохъ тымъ земяномъ Зеньку Боръсуку а Федьку Селецъкому посътупили и сами бы на третей часъти осътали до пърава. И Маръко рекъ: вы дей где были сами? А я дей былъ на съветои Покъровы день у Вильни и мешъкалъ есми тры дни, а васъ не было; и тые земяне Зѣнько а Федько рекъли тымъ обычаемъ: мы дей далибогъ на тотъ рокъ положоный, на съветои Покъровы день, на который есьмо тебе позъвали до пановъ ихъ мл., до Вилъни приихали и до Роконъ-тишокъ (?) до пана воеводы его милости виленъского, а ты не бывал, и мешъкали есьмо двѣ недели у Вильнѣ, поки панове ихъ милость рачыли казати насъ отъправити. И за тымъ Марко рекъ, якъ дей я о листы пановъ радъ не дъбаю, такъже и пъриказанья их не чыню; а именья не поступълю. И дворенинъ господарский Михно Ощовъский почалъ ему тою зарукою заручати, которуюж панове ихъ милость заруку, на листе своемъ до него описаною, под тисечею копами грошей на госъподара его мл., а под петмасъты копами грошей на их мл. пановъ радъ, абы ся в тыи двѣ части того именья не въступали и дали имъ впокой. И Марко рекъ: и о заруку дей я не дъбаю; быхъ добъре еи запълатилъ, а не посътупълю. И дворянинъ госъподаръский Михъно Ощовъский, подълугъ росъказанья пановъ рад ихъ милосъти, почалъ тыхъ земянъ увязывати; и възялъ мужей сколькось старъшыхъ, хотечы в нихъ росъпытати, якъ бы поровънати на три часъти; и онъ ся в нихъ, у тыхъ мужей, довѣдавъшы кожъдои речи и поровнан на тры части, яко дворъ, такъ и люди, и пашъню, и иные всякие пожитки, и на съписьки пописавъшы и приихавъшы на завътрее, тымъ земяномъ двѣ часъти подал якъ двора, такъ людей, пашънѣ и иныхъ всякихъ пожытъковъ, а Марку и зъ жоною третюю часть оставилъ такъже зо всѣмъ на въсе и съписокъ ему подалъ. И онъ наперней списокъ окъномъ выкинулъ вонъ и рек: ты дей увязуешъ ихъ, а я жадъною мерою не подамъ; и, вышодъ-

шы и зъ жоною своею, увяжъчого почалъ соромити и тых земя́нъ Зенька Борсука а Федька Селецъкого такъ жо соромотилъ и на кгъвалтъ закъликалъ, и люди в тых земянъ, што увяжъчый подалъ, кгвалтомъ передъ нами отнялъ; и увяжчый почал другою зарукою ему заручати такъже подъ тисечею копами грошей на госъподара его мл., а на пановъ рад ихъ мл. пятсот копъ грошей, абы людей кгвалтом не отнималъ, и въ тыи ся двѣ часъти не въступалъ и ихъ самых не соромотилъ. И онъ рекъ: якъ дей я перъво отказалъ, ижъ я о лисъты и о росъказанье пановъ радъ не дьбаю и заруки ихъ несълухаю; быхъ добъре и запълатилъ, а именья не поступълю, такъже и тепере тобѣ отъказываю; и передъся увяжъчого и тыхъ земянъ посоромотилъ и моцъно и зъ слугами и зъ людьми своими ихъ изъ села выбилъ вонъ. Мы якожъ не на бой приехали, тое видивъшы и сълышавъшы, поехали есьмо прочъ. И къ тому списку нашому печати свои приложыли.

11. Перъвыйнадъцать листъ позовъный подъ титуломъ славънои памети ихъ милосъти пана Олбрыхта и пана Станисълава Кгаштолътовъ, и пана Юрья Миколаевича Радивила, в жалобе земянъ госъподаръскихъ Зенька Боръсука а Федька Селецького по пана Маръка Васильевича писаный о непосътупенье увязованья дворенину госъподаръскому Михъну Ощовъскому у во именье Жоравъники и о заруки в листе увяжъчомъ, от их мл. пановъ рад даномъ; который позовъ подъ печатми их мл., подъ датою подъ летъ Божого Нароженя тисяча пятьсотъ тридцать третего, месяца апъриля семого дня, инъдикъта шостого.

12. Вторыйнадъцатать листъ—выписъ пановъ радъ с книг ихъ мл., што записано непосълушенство Маръка Васильевича, ижъ на дъва роки за позъвы не съталъ о именье Жоравъники, што ихъ мл. панове отложыли до науки короля его мл., который выпис под печатми их мл. пановъ радъ.

13. Третийнадъцать листъ—позовъ короля его милосъти, который такъ ся в собѣ маетъ: Жикгимонтъ, Божъю милостъю, король полский, великий князь литовъский, руський, прусъкий, жомоитъский, мазовецъкий и иныхъ,—дворянину нашому Марку Васильевичу и жоне его: жаловали намъ земяне нашы волынъскии на имя Зенько Борсукъ а Федько Селецъкий о томъ, ижъ дей ты деръжышъ отъчизъну жонъ их, именье Жоравъники, не ведают которымъ обычаемъ, а имъ, яко близькимъ, посътупити не хочешъ и къ тому дей по съмеръти шурына их небожъчика Баръсана вси статки его: шаты, перъла, золото, клейноты, сребъро, кони, зброи и инъшые всѣ рѣчы, што кольвек ся по немъ зосътало, побъралъ и войтовъство Квасовъское взялъ, о чом жо они хотять с тобою очевисъто передъ нами мовити; прото, што бы есте передъ нами стали и въ томъ ся з ними росъправили на тотъ рокъ, на который они тебе передъ насъ зазовуть симъ нашымъ лисътомъ. Писанъ у Вилни, подъ летъ Божого Нароженя тисяча пятсот тридъцать третего, месяца июля девятого дня, инъдикта шостого. Горъностай, подъскарбий земъский.

14. Четверътыйнадъцать—листъ позовъ короля его милосъти, который такъся в собѣ мает: Жыкгимонтъ, Божъю милостью король польский, великий князь литовский, русъкий, прусъкий, жомоитский, мазовецъкий и иныхъ, —двоpенину нашому Маръку Васильевичу: жаловали нам земяне нашы волынъскии Зенько Боръсукъ а Федько Селецъкий о том, ижъ ты деръжышъ именье отъчизну жонъ ихъ, не маючи жадъной справедъливосъти, а имъ, яко отчичкамъ, того именья посътупити не хочешъ, якожъ они и перъво сего о томъ тебе передъ насъ позъвы нашыми позывали, а такъ дей ты на тыи позвы наши передъ нами ку пъраву стати и въ томъ ся з ними росъправити не хотелъ; а пърото и тепере повторе приказуемъ тобе, ижъ бы еси передъ нами ку пъраву сталъ и въ томъ ся з ними на конецъ росъправилъ по Трехъ Крулехъ за

тыйдень. Писан у Вильни, под летъ Божого Нароженя тисяча пятсот тридцат третего месяца, декабра осмого дня, индикта семого. Горносътай.

15. Пятыйнадъцать листъ судовый отъ пана Кгаштолъта, воеводы виленьского, который такъ ся всобѣ мает; смотрѣли есмо того дѣла восъполокъ с князем Федоромъ Михайловичомъ Чорторысъкимъ, старостою луцъкимъ, а съ князємъ Юремъ Ивановичомъ Дубровицкимъ. Жаловали перед нами земяне волынъскии Зенько Боръсукъ а Федько Федьковичъ Селецкий на дворенина госъподаръского Маръка Васильевича о томъ, ижъ онъ деръжит отъчизъну жонъ нашыхъ, именье на имя Жоравъники, и къ тому статокъ увесь шурына нашого Баръсана, не вѣмъ про которую прычыну, а намъ и жонам нашымъ отъчичъкамъ того именья посътупити не хочетъ. Маръко на то отказъ въчынил, ижъ жона его перъвѣй за шурыномъ их Барсаномъ; а такъ онъ, поймуючи ее у в отца ее Федька Ворыщъского, взялъ по ней сто копъ грошей готовыхъ, а у выправе сто копъ и не мѣлъ еи на чомъ веновати, одъно записалъ еи трыста золотыхъ черъленыхъ на томъ именьи на Жоравникохъ, которые продокъ его мѣлъ у заставе отъ великого князя Швитрыгаила в трехсотъ золотыхъ черъленыхъ; и к тому тежъ, сходячы с того свѣта, статокъ свой увесь, што-кольвекъ мѣлъ, еи жонѣ своей отъписалъ. И на то онъ запис и тастаментъ Баръсановъ шурына ихъ передъ нами вказывалъ и повѣдил передъ нами, ижъ тое именье и сътатокъ Баръсановъ деръжит по жонѣ своей за тыми лисъты Баръсановыми. Боръсукъ и Федко к тому мовили: тое именье Жоравъники николи не было у заставе от великого князя Швитрыгайла, але то отчизна и дедизна и прадедизна шурына нашого Баръсанова, брата жонъ наших рожоного; еще продъки его и жонъ наших деръжали тое имене далей нижъли за Витовта; имена тымъ продъком жонъ наших, которые деръжали: Иван, посъле него сынъ

его Семенъ, посъли Семена сынъ его Масько; и потом, за Казимера короля, Маськовъ сынъ Анъдрей, дедъ Барсановъ и жонъ нашых, делилъся з братомъ своим Яцъкомъ имени своими отчизными тыми Жоравъниками а Гуговомъ, а делилъ их староста перемильский панъ Анъдрѣй Волотовичъ и з ыншими паны волынъскими, и листъ делчый свой имъ дали, въ которомъ выписует, иж делили их именя их отчизными; одъному досъталося Анъдрѣеви Жоравъники, а другому Яцкови—Гугово; и тотъ листъ делчый передъ нами показывали; и Маръка пытали: ты такъ поведаешъ, яко бы мялъ продокъ Баръсановъ тое именье в застави мѣти от великого князя Швитрыгайла, вкажы на тое листъ засътавъный великого князя Швитрыгайла. Марько отказалъ: иж я инъшыхъ жадныхъ листовъ на тое не маю а ни о них вѣмъ, только тот листъ Баръсановъ. Они к тому листу мовили, ижъ того листа шурынъ нашъ Баръсанъ жонѣ своей не давалъ, далъ ей листъ веновъный подле обычаю права, венуючы ее на третей часъти именья своего отчизного Жоравъникъ, а тотъ листъ ново уросъ ку крывъде нашой. А такъ мы, тыхъ речей ихъ высълухавъшы, дали на вырокъ короля его милости.

16. Шосътыйнадъцать листъ—позовъ короля его милосъти по пана Маръка Василевича, который такъ ся въ собѣ маетъ: Жикгимонтъ, Божъю милостью король польский, великий князь литовский, руский, прусъкий, жомоитъский, мазовецъкий и иныхъ,—дворенину нашому Марьку Васильевичу: што есьмо были казали воеводе виленъскому, канъцлеру нашому, старосте бельскому и мозыръскому, пану Олъбрыхту Марътиновичу Кгаштолъту смотрѣти тебе зъ земяны нашыми волынъскими Зенькомъ Боръсуком а Федькомъ Федоровичомъ на жалобу ихъ о именье Жоравъники небожъчика Баръсана, шурына ихъ, и о статокъ Баръсановъ, которое именье и сътатокъ ты дерьжышъ зъ жоною своею, которая перъвей за Баръсаномъ была, гдежъ они менили передъ его милостью

ижъ тое именье Жоравъники отъчизна и дедизна Баръсанова, къ которому близки суть жоны их, якъ влосьной отчизны своей; а ты перед его милостью повѣдилъ, ижъ продокъ Баръсановъ тое именье Жоравъники держалъ у засътаве отъ великого князя Швитрыгайла в трохсот золотых черъленыхъ, и ктъды небожъчикъ Баръсанъ понялъ былъ жону твою, тогъды на противъку внесенья ее тую трыста золотыхъ на томъ именьи Жоравникохъ еи записал; который жо лист Баръсановъ ты передъ его милостью вказывалъ, а листа заставъного великого князя Швитрыгайла не въказалъ а ни в себе его не поведилъ. А они тежъ тому листу Баръсанову ганили, поведаючы, абы не онъ жонѣ своей давалъ; а ты тежъ тыхъ светковъ, которыи в томъ лисъте описаны, при собе не мелъ, кимъ-бысь мелъ того лисъта подъперети. А такъ панъ воевода виленъский, тыхъ речый межы вами высълухавъшы взложылъ на вырокъ нашъ; нижъли за справами нашыми земъскими не мог тыхъ часовъ тое при?—а отпоровъ вашыхъ передъ нами отказати, зложылъ тую речъ вашу подъ тым способомъ, ижъ какъ тыхъ часовъ о семой суботе у войско до Мѣньска збирати будете, ижъ ты маешъ тыхъ свитъковъ, которые в томъ листе Баръсановомъ веновъномъ описаныи, передъ его милостью поставити; а есъли его милость тамъ не будетъ, и ты маешъ ихъ поставити передъ гетьманомъ нашымъ навышъшымъ и передъ паны тыми, которыи при гетьмане нашом тамъ будутъ, и тотъ листъ свой очисътити; а панъ воевода, а безъ бытности его мл. панъ гетьманъ, сведоцъства тыхъ свѣтковъ твоихъ высълухавъшы, маютъ межы вами на конецъ сказанье вчинити. Гдежъ тобѣ покъладаемъ рокъ под страченьемъ права у дву неделяхъ по семой суботе тыхъ светъковъ перед ихъ милостью поставити и тотъ листъ свой очысътити. Писан у Вильни, подъ летъ Божого Нароженя тисяча пятъсотъ трыцать четъверътого, месяца апърѣля четверътого дня, индиктъ семый. Горъностай.

17. Семыйнадъцятъ лист судовый от пановъ радъ, што в Меньску судили о именье Жоравъники, отъ Марка отъсудили, который такъ ся в собѣ маетъ: мы, Ольбрыхтъ Маръ-тиновичъ Кгаштолътъ, воевода виленъский, канцлеръ великого князъства Литовъского, старосъта белский и мозыръ-ский, Юрей Миколаевичъ Радивиловичи, панъ Виленъский, гетманъ навышъшый великого князства Литовского, староста городельский, маршалокъ дворъный, деръжавъца лидский и белицъкий, Станисълавъ Ольбрыхтовичъ, воевода новъгородъ-ский: Будучы намъ на сълужъбе госъподаръской тыхъ часовъ в Меньску, припоминали передъ нами земяне волынъскии Зенько Боръсукъ а Федоръ Федьковичъ о томъ, што есмо, будучы у Вилъни, жаловали господару королю его милосъти на Маръка Васильевича, ижъ онъ держыт отчизну жонъ нашыхъ именье Жоравъники и статокъ шурына нашого Баръсана. Господар его милость росъказалъ межы нами розъсудокъ вчинити твоей мл., пане воеводо виленский; гдежъ онъ передъ вашою милостью поведилъ, ижъ онъ тое именье Жоравьники и статокъ Баръсановъ держитъ потому, якобы жонѣ его записалъ мужъ еи перъвый Баръсанъ в трохсотъ золотыхъ черъленыхъ, у которыхъ будто мелъ у заставе от великого князя Швитърыгайла продокъ Баръсановъ. Мы есмо на онъ часъ мовили ему, ижъ то отчызъна и дидизна жонъ нашыхъ, а то листъ фальшивый, тому листу невѣрымъ. Ваша милость, пане воеводо, тыхъ речей нашыхъ высълухавъшы, рачыли королю его милости отказати. Господаръ король его милость казалъ тотъ листъ подъперети светъками, которыи в томъ лисъте описаные, и листъ свой намъ до него далъ, покъладаючы ему рокъ подъ страченьемъ права ве дъву неделяхъ по семой суботе у Менъску тыхъ светъковъ поставити передъ твоею милостью, пане воеводо, а безъ бытъносъти вашой милосъти перед твоею милостю, пане гетмане. А такъ мы его во двухъ недѣляхъ по Велицедъни тымъ лисътомъ

госъподаръскимъ объсылали, абы онъ самъ сталъ и тых свѣтков поставил; тепере ради быхмо з нимъ конецъ в той речы взяли, подле выроку листу господарского. Марко перед нами отказалъ: кгды ваша мл., пане воеводо, нас з росказаня господаръского судилъ, я з розъкасанья госпоцаръского з Вилни выехалъ, а о томъ выроку его милости не ведал; а они тежъ мнѣ того листа господарского не въказовали, а ним о нем вѣдалъ. Они на то поведили: кгды есмо тотъ листъ госъподаръский тобѣ вказовали, в тотъ часъ з нами было не мало людей добърыхъ шляхъты; готовые мы того довести тыми людми добрыми и присътавили шапъку до съветковъ; и кгъды шапъку приставили, Маръко на то поведилъ: правъдать (sic) естъ, милосътивыи панове, ижъ они тотъ листъ мне вказывали во дъву неделях по Велицедъни, нижъли я на онъ часъ ещо имъ отъказалъ, ижъ я того лисъта слухати не буду а ни того року приймую, бо тыхъ свѣтков не могу поставити, ижъ жаденъ з нихъ не пойдетъ; а то не естъ моя речъ, але госъподаръская. А такъ мы тыхъ речый ихъ высълухавшы и вырозумевъшы тому, и кгдыжъ госъподаръ король его милость лисътомъ своимъ ему рокъ зложыл подъ страченьемъ права, а онъ тыхъ светъковъ не посътавилъ; бы добъре они не хотели становити, ему о томъ за часу зънати дано, мял бы о томъ госъподару его милосъти объявити и тыхъ светковъ ку сведоцъству позъвы госъподаръскими припозъвати; еслижбы они не сътали за позвы господаръскими, тобы вже господаръ его мл. ведал штобы мял съ тым чинити; а кгдыж он чуйности коло того мети не хотел а того листа не очистил, а ему дано за такъ долгый час знати, на томъ есьмо застановили, ижъ онъ тые золотые, што в томъ листе было жонѣ его описано, стратилъ и тотъ листъ, которымъ ся отъ нихъ боронилъ, въ нивеч оборотили, а Боръсука и Федька пры томъ именью Жоравъникох зоставили. А ведъже король его милостъ ма о томъ поведити, есъли тое имене бу-

детъ у заставе у продъковъ Баръсановых отъ великого князя Швитригайла, тогъды маетъ имъ отъложити трыста золотых черъленыхъ, а тое именье к своимъ рукамъ мети; естлиж будетъ ихъ отъчизна, тогъды они маютъ вечьне деръжати, бо госъподаръ его милость справедъливого ничиего не бере. А при томъ были: панъ Анъдрѣй Якубовичъ Немировича, воевода киевъский, деръжавъца свисълоцъкий, панъ Василей Чижъ Богъдановичъ, конюшый дворъный, староста крычевский и аеньский, князь Александъро Федоровичъ Чоръторысъкий, старостичъ луцъкий. И на то есьмо Борсуку а Федьку дали сесь нашъ листъ судовый с печатми нашыми. Писанъ у Менъску, подъ летъ Божого Нароженя тисячи пятсот трыдъцать четъвертого, месяца авъгуста третий день инъдикта семого.

А по указанью тыхъ листъовъ панъ Иванъ Поръванецъкий зо всими учасниками своими просилъ, абы былъ прыпущонъ до именья Жоравникъ и до приселъковъ, к нему належачыхъ: до Волицы и селища Высоцъка, яко до близъкосъти своее, будучы готови паномъ Яну и пану Ивану сорокъ копъ грошей, яко за засътаву, отъдати, домовъляючися того, ижъ дей есьмо явъне и значъне тутъ передъ судомъ показали, ижъ тое именье Жоравъники с приселъками-власъная близъкость наша. Мы судъ, заховываючися водъле права посполитого, пытали стороны поводовои, есъли бы еще якие листы мели, абы их показали. Панъ Иванъ Поръванецъкий показалъ листъ пани Олены Семашковое подъ печатью ее и под печатьми людий добрыхъ, который такъ ся в собѣ маетъ: я, Олена Семашковая Яковицкая, вызънаваю симъ моимъ листомъ кожъдому добърому, хто на него посмотърытъ або чтучы его услышитъ, кому будетъ потреба ведати, што есъми мѣла по мужу своемъ перъвомъ небожъчику Баръсане половину Жоравъникъ у вине, ино панъ Семашъко Баръсанъ мнѣ за тую половину пѣнязи отъложылъ полъ-

третядъдцать копъ грошей, а я ему тое половины того именья посътупила; вже онъ маетъ то все держати к своей руцѣ. А пъры томъ были и тому свѣдоми пан Ванько Яковицъкий, панъ Зенько Боръсукъ, а панъ Федько Селецкий, а панъ Петръ Кропивичъ; а я, Семашковая Олена, печать есми свою приложыла к сему моему листу. Для лепъшои справедъливости просила есъми тыхъ пановъ, вышъшей писаныхъ, абы ихъ милость печати свои приложыли к сему моему листу; ихъ милость на мою прозбу то вчынили, печати свои прыложыли к сему моему листу. Писан у Володимери, сентебра двадъцать третего дня. Другий листъ показалъ зашитый отъ пана Михаила Свинюского, писара его королевъское милосъти, до пана Маръка писаный, который такъ ся в собѣ маетъ: госъподину и брату моему, пану Маръку Васильевичу, дворенину госъподара короля его милосъти, о здоровъи т. м., и твоеи милости панеи, и вашое милости богоданныхъ детей радъ быхъ-слышалъ на кожъдый часъ. А такъже, пане Марку, здеся жаловалъ мнѣ панъ Зенько Боръсукъ о томъ, штожъ дей которое подворъе маетъ онъ у замъку госъподаръскомъ Луцъку—купъля половину тещы ихъ, а половина по небожъчику по Баръсане отчича жонъ ихъ; ино дей твоя милост тое подворъе в нихъ отънимаешъ; ино, пане Маръку, естъ добре паметъно мнѣ, ижъ коли т. м. мел з ними розъмову о именье, тогъды твоя милость о тое подворъе ничого не мовилъ; а такъ штобы т. м. в тое подъворъе ихъ ничымъ ся не въступовалъ. А есъли бы т. мл. хотел што к тому мовити и тъвоя бы милость о то з ними мовилъ, бо лепей т. мл. добротою з ними ся обышолъ. А за тымъ брацъкой приязъни т. м. ся полецам. Писан у Вильни, месяца февраля шостогонадъцатъ дня. Я Михайло Васильевичъ, т. мл. чоломъ бъет. А на веръху того листу такий написъ: госъподину и брату моему пану Маръку Васильевичу. Потомъ показали тры листъты сведомъя шляхты людий добрых

порозъно с печатми и съ подъписъми рукъ ихъ: одинъ листъ отъ пана Михаила Ивановича Козинъского, другий листъ отъ пана Ивана Гаврыловича Холоневъского, а търетий листъ отъ пана Василья Михайловича Оцовъского; которыи листы такъ ся в собѣ маютъ: Я, Михайло Козинъский, чыню явъно и созънаваю на семъ листъте моемъ кожъдому, хътобы о томъ хотелъ ведати, в кождого права и суду, што снать и мъногымъ людемъ зацънымъ сведомо, давъного веку будучымъ, ижъ яко Зенько Боръсукъ а Федько Селецкий и зъ жонами своими, з Маръею а Фенъною Васильевънами Жоравницъкого, вели право о въласъное именье свое отчизъное, по Сидоре Баръсане, по родъномъ брате Мари а Фенны, яко по безъпотомъномъ, на нихъ спалое, о Жоравъники и з прыселъки с паномъ Маръкомъ Васильевичомъ, дворяниномъ короля его милосъти, который тое именье Жоравъники держалъ, понемъшы за себе жону по съмерти небожъчика Сидора Баръсана Ганъну Ворысцкого; и, выискавъшы тое именье Жоравъники со въсимъ правъне, Зенько Боръсукъ а Федко Селецъкий зась тое именье заставили томужъ пану Маръку Васильевичу, дворянину короля его милости въ сороку копахъ грошей литовскихъ; я тое моее ведомосъти дал есъми на то пану Ивану Селецъкому а пану Ивану Поръванецъкому сес мой листъ з власъною печатью моею. Писанъ в Борисъковичохъ, року Божого Нароженья тисяча пятъсотъ осмъдесятъ третего, месяца апърѣля пятогонадъцать дня. Другый листъ сведоцъства пана Ивана Холоневъского, который такъся въ собѣ маетъ: Я, Иванъ Гавърыловычъ Холоневский, созънаваю то на семъ листъте моемъ кожъдому, хтобы о томъ хотелъ ведати, ижъ ест ми то в добърой памети, што за молодыхъ летъ моихъ поведилъ мнѣ отецъ мой, ижъ панъ Богданъ Холоневъский, дѣдъ мой, маючы за собою жону пана Василья Жоравъницкого, по зештью его, панъну Яковицъкую, часъ немалый мешъкаючы з нею, дочки ее з

Васильем Жоравъницким сплножоные: Марю, бабъку Ивана Порванецкого, а Фенъну, матъку Ивана Селецъкого, при собѣ ховалъ и зъ дому своего с Холонева оные замужъ, Марью за Зенька Борьсука и Фенъну за Федька Селецъкого, повыдавалъ; и кгъды братъ ихъ родъный Сидоръ Васильевичъ Барсанъ Жоравницкий, маючы вцеле отчизъну свою Жоравъники з ынши(ми) прыселъками, безъ потомства изъ сего свѣта змеръ, осътавивъши во именью Жоравъникохъ жону свою Ганъну Ворицкого, которая была пошъла за второго мужа пана Марька Васильевича, дворенина короля его мл., который тое именье Жоравъники з нею, жоною своею, по зошъломъ Сидоре Баръсане дерьжалъ, о которое именье Жоравники Зинько Борьсукъ а Федько Селецъкий з жонами своими Марею а Фенью Васильевнами Жоравъницъкими, яко о вълосъную отъчизну ихъ по ихъ, брате родъномъ Сидоре Баръсане, яко по безъпотомъномъ, на нихъ спалое, пана Марька Басильевича позывали и, выискавъшы тое именье Жоравъники правомъ, тому пану Марьку Жоравъницкому в сороку копахъ грошей засътавили. Которую повесть отъца моего я маючы в добърой памети, далъ есьми тое ведомосъти моее пану Ивану Селецъкому а пану Ивану Порьванецъкому сесь мой листъ з власъною печатью моею и съ подъписомъ руки власъное моее. Писанъ у Холоневе, року Божого Нароженя тисяча пятьсотъ осмъдесятъ третего, месяца авъгуста пятогонадцат дня. Иван Холоневъский, рука власная. Третий листъ—сведоцъство пана Василя Михайловича Ощовъского, который такъ ся в собѣ маетъ: Я, Василей Михайлович Ощовъский, созънаваю то на семъ листе моемъ кожъдому, хто бы о томъ ведати хотѣлъ, ижъ ми то естъ у доброй памети, што за молодыхъ летъ моих поведалъ мнѣ отецъ мой, якожъ и самъ о томъ паметамъ, кгды былъ дворенином короля его мл. отецъ мой и зъ росказаньемъ короля его милости еъздилъ увязовати Зенька Борьсука а

Федька Селецъкого и зъ жонами ихъ у во именье Жоравъники, которыи были правомъ выискали черезъ декретъ пановъ радъ его кр. мл от пана Маръка Васильевича, дворенина короля его милосъти; и будучы помененые Зенько Боръсукъ а Федько Селецъкий и зъ жонами своими того именья Жоравъникъ зо всим в деръжанью, зась томужъ пану Марку Васильевичу, дворенину короля его милости, в сороку копахъ грошей тое именье Жоравъники зо всимъ заставили. Што я, маючы в памети, далъ есъми тое ведомости моее пану Ивану Селецъкому а пану Ивану Поръванецъкому сесь мой лист з власною печатью моею и съ подписомъ руки моее. Писанъ в Терешъковъцу, року Божого Нароженя тисяча пятъсотъ осмъдесят третего, месеца авъгуста осмого дня. Василей Оцовский, рукою власною. И по указаню тых листов, сведомя людей добрых, и при таких слушных листовных доводех своих, сторона поводовая панъ Иванъ Поръванецъкий зо въсѣми учасъниками своими просили, абы ку дальшому доводу, то естъ хотечи того прысягами своими потверъдити, ижъ тое именье Жоравъники близкость ихъ у сороку копахъ грошей в заставе естъ, припущоны были. Сторона позъваная, панъ Янъ Жоравницкий и умоцованые его, по въказанью листътовъ отъ стороны поводовои, поведили: бачили дей есьмо листы, которые сторона поводовая панъ Иванъ Поръванецъкий з учасъники своими тутъ передъ вашою милостью показовали, а бачимо дей в них великую вонъпливость и непевность в розъмаитыхъ речахъ; с того всего оказовали и выводили умоцованые пановъ Жоравъницъких з листов стороны поводовое, ижъ продъкове ихъ о тое именье Жоравъники и о его приселъки правомъ чинили, чому естъ лѣтъ уже пятдесятъ, для чого давъность земъская не одъна, але и пятера зашъла, и пъросилъ вольности от суду на пораду отъ ступити. Мы, судъ, бачечы быти речъ слушъную с права посполитого, того есьмо имъ допусъ-

тили. А потомъ пришедъшы умоцованый пановъ Жоравъницкихъ, вставшы, поведил такъ, якомъ дей перъвей оповедалъ, ижъ панъ Янъ Жоравънйцъкий з братаничомъ своимъ паномъ Иваномъ, будучы только сами позъвани, кромѣ иншых учасъниковъ, за чымъ до съправъ и листовъ своихъ головъныхъ от оных вчасъников прийти не могъли, але на тот час якихъ лисътовъ досягънути могъли, передъ судомъ вашое милосъти оказуютъ; и по въказанью лисътовъ розъныхъ чотырънадъцать то естъ позъвовъ, припозъвовъ, комисѣй и выписовъ а ни о што инъшое, только о кгрунтъ Жоравъницъкий, што граничил з сусѣды околичъными, меновите, на перъвей з отъцемъ Федосемъ Гулевичомъ, владыкою луцъкимъ отъ Долгого, перъшый позовъ подъ титулом пана Кищинымъ, старосты володимерского, подъ датою року сорокъ девятого, а потомъ и зъ Стояновъскими мещаны отъ Стоянова; при которомъ показованью листовъ умоцованый пановъ Жоравъницъкихъ панъ Федоръ Бруяка поведилъ, ижъ дей то ся значитъ давность земъская в тыхъ лисътехъ пана Жоравъницкого, ижъ панъ Маръко Жоравъницкий, то естъ дѣдъ того дѣтяти недоросълого Ивана Васильевича Жоравъницъкого, отъ колькадесятъ лѣтъ о кгрунъты Жоравъницъкие з отъцемъ Федосьемъ Гулевичомъ, владыкою луцъкимъ, от Долгого и зъ мещаны Стояновъскими отъ Стоянова право велъ и гъраничылъ, щого ся дей значыть, ижъ тое именье Жоравъники отъ давныхъ часовъ в дому пановъ Жоравъницъкихъ яко власъная отъчизна ихъ естъ; надъ то показовалъ и лист дельчий пановъ Жоравъницъкихъ подъ датою року шесъдесятъ шостого, которому вже осмънадъцат годъ вышъло, при чомъ дей панъ Янъ Жоравъницъкий з братаничомъ своимъ давъность земъскую продержалъ, на шъто подалъ в Статуте в раздѣли четверътомъ артыкулъ шестъдесятъ шосътый, в которомъ свитчытъ о давностяхъ земскихъ. Панъ Поръванецъкий на то поведилъ: есъли дей панъ Янъ только то пока-

зует листы, которыми в держанью своемъ именье Жоравъники маючы и зъ сусѣды околочъными ни о што инъшее, только о кгрунъты, споръ мевалъ, которому ничого до вечъного права ми (не ?) належытъ, и тымъ способомъ на жадъной помочы пану Янови и пану Иванови, братаничу его, быти не могутъ; кгдыж никому инъшому не належало того именья Жоравъникъ кгрунъту боронити, только ему, ижъ на той час, маючы то заставою отъ отцовъ нашых, был того именья державцою; а щося щититъ, и боронит, и выводитъ держанье свое черезъ давъность земъскую, то ему ити в суду не можеть, кгдыжъ мы пана Яна и бъратанича его пана Ивана позъвали о заставу, которая ведъле права посъполитого николи давъносъти не маетъ; и указавшы с прывильювъ его кр. мл. бельского, ижъ всѣ речы давъныи старымъ Статутомъ сужоны и росъправованы быти маютъ, на то в старом Статуте подалъ в розъдѣли десятом, арътыкулъ четъверътый, а въ новомъ Статуте подалъ в роздѣли семомъ, артыкулъ вторыйнадъцать, в которыхъ описуетъ, ижъ кожъдая застава давъности мети не можетъ. И по вычитаню тыхъ артыкуловъ просилъ панъ Иванъ Поръванецъкий зо всѣми учасъниками своими, абы водъле тыхъ арътыкуловъ статутовыхъ за таковыми доводы ку выкупованью именья Жоравъникъ и пърыселъковъ к нему належачыхъ, яко заставъного заведеныхъ, прыпущоны были. Мы, судъ, заховываючися водъле права посъполитого и Статуту, прихиляючися до артыкулу трыдъцатого, в розъдили четверътомъ описаного, пытали есмо обеюхъ сторонъ: еслибы еще што листовъ до съправы своее належачыхъ мѣли, абы передъ судомъ показали. Панъ Иванъ Поръванецъкий повѣдилъ, ижъ дей я зо всѣми учасъниками своими листов большей ни маю, только собѣ заховываю всѣ обороны правъныи вцѣли противъ стороны объжалованое з Статуту и артыкуловъ въ немъ описаныхъ. Стоячи при том, якомъ и перъвей, повѣдилъ: при такихъ

своихъ листъtовъныхъ, слушных и певъныхъ доводехъ, и прысягами зо всѣми учасъниками своими довесъти есъмо готовы, яко то ест именье а близкость наша и засътавою пану Марьку Васильевичу заведена. Умоцованый панов Жоравницъких поведилъ: якомъ дей перъвѣй передъ вашою милостью, пане суде, поведилъ, такъ и теперъ то поведаю, ижъ панъ Янъ Жоравъницъкий з братаничомъ своимъ паномъ Иваномъ Жоравъницъкимъ на тотъ часъ большей жадъныхъ листъtовъ мети не могуть и не маютъ, а то с тых прычынъ, якомъ тутъ передъ судом оповедал, ижъ през такъ коротъкий часъ от оныхъ учасъниковъ, в которыхъ у съхованью отъ давъныхъ часовъ лежать, досягънути не могъли; але где того дальше месце будетъ, показати ихъ готови будуть. Мы, судъ, высълухавъшы обеюхъ сторонъ, поводовое стороны жалобу, а отпорное стороны отказъ, и бачечы то, ижъ то ест речъ немалая, для лепъшее намовы и нараженья з собою на декъретъ, отложылихмы тую справу до понеделка дня третего; и кгъды день третий понедѣлокъ прышолъ, мы, судъ, намовивъшися з собою и видечи быт справу пана Селецъкого и въсѣхъ их учасъниковъ слушъную, прихиляючыся до права посъполитого, при всѣхъ тыхъ листехъ отъ нихъ, яко отъ стороны поводовои, передъ нами покъладаныхъ, пану Ивану Селецкому и пану Ивану Поръванецъкому зо всѣми учасъниками их, в позъве меновите описаными, звлаща же будучы панъ Янъ Марьковичъ з братаничомъ своимъ Иваномъ Васильевичомъ непоодънокроть о то запозыванъ, а теперъ никоторого права вечисътого на тое именье Жоравъники не показалъ, сказали есмо на том поводовой сторонѣ, то естъ пану Ивану Селецкому и въчасъникомъ его, прысягънути, яко тое именье Жоравъники, с приселъкомъ а зъ селищомъ, засътавнымъ обычаемъ пану Марьку Васильевичу, отъцу пана Яновому а дѣду пана Ивановому Васильевича, з дому ихъ пущоно. А кгъды на томъ прысягу

учынить, а суму пенезей, в которой менять тое именье Жоравъники заставълено, пану Яну и братаничу его пану Ивану Васильевичу отдадуть, тогъды прысужаемъ тое именье менованое Жоравъники з приселъкомъ и зъ селищомъ пану Селецъкому и въчасъникомъ на вечъность. А пан Ян Марьковичъ Жоравницкий, не прыймуючы того сказанья нашого, апелевалъ, мы его милосъти апеляцыи допусътили и рокъ обеюмъ сторонамъ перед его кр. мл. стати за чотыры недели от даты сего нашого декрету зложыли; и тое судовное сказанье наше до кънигъ справъ судовыхъ земъскихъ луцъкихъ записати есьмо казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2097, л. 781, актъ 573.

XXX.

Акты Свинусскихъ на владѣніе имѣніями во Владимірскомъ и Луцкомъ повѣтахъ (1505—1542), предъявленные сыномъ писаря королевскаго Михаиломъ Васильевичемъ Свинусскимъ въ 1547 г.

1. 1512 г., марта 23. Жалованная (подтвердительная) грамота короля Сигизмунда I писарю королевскому Михаилу Васильевичу на имѣніе Свинухи во Владимірскомъ повѣтѣ, въ замѣнъ за отнятое у него имѣніе Торговицу, которое король пожаловалъ князьямъ Корецкимъ.

2. 1538 г., янв. 2. Грамота кор. Сигизмунда I Михаилу Васильевичу, которою утверждается навсегда опредѣленіе границъ имѣнія Свинухъ, произведенное старостою владимірскимъ кн. Андр. Алекс. Сангушкомъ по приказанію короля. Въ нее включены слѣд. два акта:

1528, дек. 4. Грамота кор. Сигизмунда I намѣстнику владимірскому кн. А. А. Сангушко о размежеваніи имѣнія Свинухъ отъ сосѣднихъ.

1529 (?) г., сент. 10. Граничный листъ, данный намѣстникомъ Владимірскимъ кн. А. А. Сангушкомъ Михаилу Васильевичу, съ обозначеніемъ границъ имѣнья Свинухъ.

3. 1505 (инд. 10), янв. 4. Продажная запись Яна Яцковича Теслуговскаго Матвѣю Митковичу Угриновскому на имѣніе Теслуговъ и Селище Борятинъ въ Переминьскомъ пов.

4. 1509, нояб. 12. Подтвердительная грамота кор. Сигизмунда I Матвѣю Митковичу Угриновскому на именье Теслуговъ, купленное имъ у Яна Яцковича Теслуговскаго.

5. 1538 г., іюля 13. Подтвердительная грамота короля Сигизмунда I Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на имѣніе Теслуговъ, купленное имъ у Прокопа Матвѣевича Угриновскаго, со включеніемъ полнаго текста купчей записи 1538 г., апр. 10.

6. 1537 г., дек. 14. Подтвердительная грамота кор. Сигизмунда I Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на имѣніе Козлово, купленное имъ у Ивана Васковича Бѣликовича Свищовскаго, со включеніемъ полнаго текста купчей записи 1537 г., іюля 4.

7. 1540 г., авг. 1. Подтвердительная грамота кор. Сигизмунда I Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на имѣніе Кокоровщину, пріобрѣтенное имъ по куплѣ и заставѣ у Ивана Васковича Бѣликовича Свищовскаго, со включеніемъ полнаго текста продажно-заставной записи 1538, іюня 30.

8. 1533 г., янв. 19. Продажная запись кн. Василія Михайловича Сангушка Ковельскаго Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на имѣнія Волковичи и Заечицу во Владимірскомъ пов.

9. 1529 г., нояб. 5 Продажная запись Ивана Глѣбовича Корсаковича Дахну Васильевичу на дворъ въ гор. Вильнѣ.

10. 1540 г., авг. 2. Подтвердительная грамота Кор. Сигизмунда I Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на дворъ въ гор. Вильнѣ, купленный имъ у Настасьи, вдовы Дахна Васильевича, съ прописаніемъ полнаго текста продажной записи 1540 г., іюля 18. (1)

11. 1515 г., іюля 10. Продажная запись Олехна Скорупы Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на имѣніе Вечины, фольварокъ Кочкоровецъ подъ Луцкомъ и дворъ въ замкѣ Луцкомъ.

---

(1) Акты подъ №№ 9 и 10, какъ не относящіеся къ южно-русскому землевладѣнію, здѣсь не издаются.

12. 1521 г., янв. 20. Подтвердительная грам. Кор. Сигизмунда I Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на имѣнія, пріобрѣтенныя имъ на Волыни (въ томъ числѣ имѣнія, пожалованныя тестю его кн. Льву Буремскому и уступленныя Свинусскому, а также два дворища въ Черничахъ, пожалованныя кор. Сигизмундомъ).

13. 1510 г., янв. 27. Подтвердительная грам. кор. Сигизмунда I Олехну Скорутѣ на имѣніе Мышово во Владимір. пов., Вечины—въ Луцкомъ, на фольварокъ Кочкоровецъ и дворъ въ гор. Луцкѣ, полученные имъ по завѣщанію сестры своей Фенны, вдовы Ѳедора Янушевича, староста владимірскаго, который записалъ ей означенныя имѣнія за вѣно.

14. 1542 г., нояб. 6. Мѣновая запись Жданы Ѳедоровны и мужа ея Михаила Бубновскихъ Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на именіе Бубново въ замѣнъ им. Вечины; сдѣлка заключена при посредствѣ королевы Боны.

15. 1542 г., янв. 18. Грамота королевы Боны Михаилу Васильевичу (Свинусскому), по которой первая позволяетъ второму пріобрѣсть мѣною имѣніе Бубново, записанное королевѣ Бубновскими на вѣчность и остающееся лишь въ пожизненномъ владѣніи ихъ; свои же права Бона переноситъ на имѣніе Вечины.

16. 1542, нояб. 6. Продажная на $^2/_3$ и дарственная на $^1/_3$ отъ Бубновскихъ королевѣ Бонѣ на имѣнія ихъ Бубновъ и Войсечъ въ Луцкомъ пов. (съ сохраненіемъ пожизненнаго владѣнія ими).

17. 1542 г., нояб. 6. Грамота королевы Боны о согласіи ея на мѣну между Бубновскими и Мих. Вас. (Свинусскимъ); см. № 14.

18. 1540 г., марта 13. Подтвердительная грам. кор. Сигизмунда I королевѣ Бонѣ на имѣніе Блудово, купленное ею у Богдана Мартиновича Хребтовича съ прописаніемъ полнаго текста продажной записи 1539 г., дек. 20.

19. 1540 г., апр. 1. Подтвердительная грам. Сигизмунда I Михаилу Васильевичу (Свинусскому) на им. Блудово, купленное имъ у королевы Боны, съ прописаніемъ полнаго текста продажной записи 1539 г., дек. 29.

20. 1541 г., декаб. 18. Рѣшеніе кор. Сигизмунда I по тяжбѣ о границахъ имѣнія Блудова (королевы Боны) и Склена (Шимка Мацковича), съ инвентаремъ (реестромъ) Блудова.

Сынъ писара господаръского пана Михайла Свинуского Михайло покладалъ привилья на именя свои; мыта в Кочкаревцы на ставу по полъгрошу береть; а з ыменя Блудова и Бубнова в Луцку замокъ и мость робить; а з другихъ именей, то есть Заечиц, з Волъкович, въ Козлова у Влодимеры замокъ робить; тые привилья его нижей написаны.

1. Привилей писару пану Михайлу Васильевичу на село Свинухи у Володимерскомъ повете вечностью. (1)

Жикгимонтъ, Божью милостью корол польскій, руский, княжа пруское, жомоитъский и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его вслышить, нинешнимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ писар нашъ Михайло Васильевичъ о томъ, што первей сего дали есмо ему село в Луцъкомъ повете на имя Торговицу и потомъ, какъ он былъ на служъбе нашой в посельстве в Оръде, и мы без него тое село Торъговицу, вземъши к нашимъ рукамъ, и отъдали дворяном нашимъ князю Ивану а князю Ѳедору Корецъкимъ; и онъ какъ з службы нашое з Оръды приехалъ, билъ намъ чоломъ, абыхмо его напротивъку того инымъ чимъ осмотрели; а и панове рада наша за ним насъ просили, ижъ быхъмо его чимъ пожаловали. Мы на причину пановъ рад нашихъ, з ласки нашое, напротивъку того села Торъговици, дали есмо ему у Володимерскомъ повете село з людми на имя Свинухи и до старосты володимерского князя Андрея Александровича писали есмо, абы ему в то увязане далъ; и он дей ему в то увязаня не хотелъ дати для того, ижъ

(1) Тотъ же документъ внесенъ и въ другую книгу записей Литов. метр. № 25, л. 260.

дей тые люди наши свинушане мають в себе нашъ листъ на то, штожъ не мели есмо ихъ отъ замъку нашого отъдавати. И тыми разы он тые листы перъвшую нашу данину нато перед нами вказывалъ, и билъ намъ чоломъ, абыхъмо тые люди ему дали и потвердили нашимъ листомъ на вечъность. Мы, бачачи, ижъ листъ нашъ дали есмо тымъ людемъ нашимъ свинухомъ, и хотячи листу нашому досыть вчинити,—которые в томъ селе слуги путные, в которыхъ нашъ листъ будеть, тых Михайлу не дали есмо, въсхотять ли они по своей доброй воли ему служити, и они нехай ему служать; а не въсхотять ему служити, и они, земли свои оставивъши, и мають пойти проч, где хотячи; а Михайло собе тые земъли людми осаживаеть прихожими. Нижъли которые люди тягълы естъ в томъ селе и листу нашого не мають, тые мають ему служити, бо есмо дали ему тое село Свинухи и потверъжаемъ то симъ нашимъ листомъ вечъно и на веки непорушно ему, и его жоне, и ихъ детемъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ со въсими земълями тыхъ слугъ путных, и со въсими людми тягълыми того села, и с пустовъщинами, и со въсими земълями пашъными и бортными, и з ихъ входы, где они будуть передъ тымъ здавъна входы свои мевали, и боры, и лесы, и дубровами, и гаи, и польми, и сеножатьми, и з ловы зверинными и пташими, и с озеры, и з реками, и ставы и ставищи, и з млыны и ихъ вымелъки, и зъ болоты, и з бобровыми гоны, и з служъбами тыхъ людей, и со въсими ихъ поплатки и податъки и доходы и со въсимъ с тымъ, как ся тое вышейписаное село Свинухи, и люди того села, и земъли ихъ (з)стародавъна въ своихъ границахъ мають, и какъ на насъ держаны к замку нашому Володимеру. И воленъ онъ тамъ розширити, прибавити, людми осадити, къ своему вжиточъному и лепшому оберънути, какъ ся ему и его наследкомъ налепей увидить. Сталося и дано въ Краковѣ, лета Божъего тисеча пятьсотъ второгонадесятъ, мѣсяца марта двадцать

третий день, инъдикта пятогонадесят. При томъ были: воевода витебъский, маршалокъ и секретаръ нашъ пан Иванъ Сопега, а маршалокъ наместъникъ слонимъский панъ Янъ Миколаевичъ, а маръшалокъ панъ Алекъсанъдро Ивановичъ Ходкевича, а маршалокъ и писаръ нашъ наместъникъ Довъкговъский панъ Богушъ Баговитиновичъ. А на твердость того и печать вашу казали есмо привесити к сему нашому листу.

Подпис руки королевское.

Лит. Метр. Кн. Запис. Лит. № 22, л. 19—21.

2. Потверженье пану Михайлу Васильевичу, писару господаръскому, ограниченье именья его Свинусского через старосту володимерского князя Анъдрея Санъкгушковича.

Жикгимонт, Божъю милостью король полский, великий князъ литовъский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецъкий и иных,— чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрит, або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ: билъ намъ чоломъ писаръ нашъ панъ Михайло Васильевичъ и поведилъ перед нами, ижъ за росказанемъ и листомъ нашимъ староста володимерский княз Анъдрей Алекъсандровичъ Сонъгушъковича именье его Свинухи, которое онъ за даниною нашою держить, ему ограничилъ, на штожъ и листъ под печатью своею ему далъ, и границы и въречища оному именью Свинюскому по тому, яко то къ замъку Володимеръскому было держано, меновите на листе своемъ описалъ. Гдежъ онъ яко нашъ листъ, до князя Анъдрея старосты володимеръского о томъ писаный, за которым тое именье его Свинухи ограничено, такъ тежъ и тотъ листъ его граничъный перед нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхъмо на то дали ему нашъ листъ и оные границы, подлугъ листу его, потвердили на-

шимъ листомъ на вечъность. А такъ мы того листу нашого и князя старосты володимеръского граничъного огледавъши, казали ихъ слово отъ слова в семъ нашомъ листе выписати, которые жъ такъ ся в собе мають.

Жикгимонтъ, Божъю милостью король польский, великий княз литовъский, руский, княжа пруское, жомоитъский и иныхъ, наместънику володимерскому князю Андрею Алекъсанъдровичу Сонъкгушъковича: присылалъ к намъ писаръ нашъ панъ Михайло Васильевичъ, жалуючи о томъ, штожъ дей нѣкоторые обапольные сугараничъники его в земли звечистыи именья его Свинуховъ уступаються; абыхъмо казали тобе тое именье его объехати и ограничити по тому, какъ тое именье держано къ замъку нашому; протожъ штобы еси тамъ выехалъ и земли того именья его ему отъехалъ и ограничилъ потому, какъ тое именье держано было к замъку нашому Володимеръскому. Писанъ у Петрикове, декабра четъвертый ден, инъдиктъ первый.

А то другий листъ: Я, князь Анъдрей Алекъсанъдровичъ староста володимеръский, чиню явъно тымъ—то моимъ листомъ, што господаръ король его милость именье Свинухи, ловы свои володимеръскии, далъ пану Михайлу Василевичу, писару его милости, и со въсимъ с тымъ, якъ оное именье на короля его милость к замъку Володимеръскому было держано, в которое жъ именье, водле росказанья господаръского, пана Михайла увязано и въ моц то его подано. Нижъли панъ Михайло потомъ королю его милости билъ чоломъ, абы его милость росказалъ тое именье ему ограничити. И король его милость писалъ о томъ до мене, ажъ быхъ я ему тое имене ограничилъ по тому, яко тое именье на замокъ Володимерский было держано. А такъ я, водле росказанья и листу господаръского, послалъ есми тамъ служебниковъ своихъ и казалъ имъ взяти съ собою некоторых людей добрыхъ старыхъ, земянъ тамошъних

володимерскихъ, и велелъ имъ тое именье Свинухи, ловы господаръские дуброву Свинускую, яко ся в собе маеть, пану Михайлу ограничити по тымъ местцомъ и въручищомъ, покуля тое именье на короля его милости к замъку Володимерскому было держано, яко тежъ отецъ мой княз Алекъсанъдер Сонъкгушъковичъ, будучи старостою володимерскимъ, то деръжалъ, а потомъ тежъ покуля и я самъ то на господаря его милости заведал: напервей, почовъши отъ Кримеша з долины, где криница вышла, дорогою володимеръскою по старые поля Воловицъкие а по Цевелицкие поля, а потомъ по Заечицкие и Волъковицъкие поля, далей тамъ по Шельвовские старые поля, через Воинин по ловы Луцкого повету—по Городецкие, и по Линевъские и по Бубъновъские поля, через рячвы по Витиньские, и по Туличовъские, по Скварецъкие старые поля, по Мытяшовъ; а отътоля по Блудовъские старые поля и по пустомытъ, мимо лесъ и поле Турее, по Глинскую границу и по поля Склинские, по дорогу Бориню, по ловы постыръские; а отътоль великою дорогою, што идеть отъ Звинячей, берегъ поля Турего, то з Горуховомъ граница; а отътоль по Колъпытовъские и по Конюсские старые поля, алижъ за ся до Кримеша и къ граници Загоровъской, якожъ по тымъ местъцомъ ловы того именья дуброву свинускую. И оные посланъцы мои, с тыми земяны господаръскими, пану Михайлу огъраничили; и я на то ему далъ сесь мой листъ граничъный под моею печатью. Псан у Володимери, мѣсяца сенътебра, десятый день. (¹).

И з ласки нашое на чоломъ битье его то вчинили есмо, на то дали ему сесь нашъ листъ и тые границы и въручища, на семъ листе нашомъ, водлугъ листу князя Анъдреева

(¹) Кн. Андрей Александровичъ Сангушко былъ старостою Влад. до 1531 г.; въ этой должности онъ упоминается уже подъ 1511 г. (см. Литов. метр., т. I, стр. 746 въ XX т. „Русскихъ Историч. Библ." Спб. 1904 г.).

описаныи, певъными а вечъными границами именью его Свинускому чиним, и тымъ листомъ нашимъ ихъ потвержаемъ ему самому и его жоне, ихъ детемъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ вечъно и навеки непорушно. А на твердость того и печать нашу велели есмо привесити к сему нашому листу. При томъ были панове рада наши: князь Павелъ, бискупъ виленьский, князь Венцлавъ, бискупъ жомоитъский, воевода витебъский, маршалокъ нашъ, державъца волъковыйский панъ Матей Войтеховичъ Яновича. Писанъ у Вильни под лет. Божъего нароженя тисяча пятьсотъ трыдцать осмого, мѣсяца генвара вторный ден, индиктъ осмый. Иванъ Горъностай, подскарбий зем., маръшалок и писаръ.

Лит. Метр. Кн. Запис. Лит. № 22 л. 20—22.

3. Листъ продажный Яна Яцковича Теслуговскаго именья Теслугова и селища Борятин в Перемильскомъ повете на реце на Пляшеви вечностью пану Матъѳею Митьковичу Угриновскому.

Под сведмомъ господаря нашего пана Ѳедора Янушевича, старосты луцъкого, маръшалъка Волынское земъли, я, Янъ Яцъковичъ Теслуговский, вызнаваю симъ моимъ листомъ самъ на себе кождому доброму, кому будеть потребъ того ведати або чтучи его слышати, нинешънимъ и потомъ будучимъ: продалъ есми имене свое отъчизное на имя Теслуговъ и селище Борятин в Перемыльскомъ повете на рецѣ на Пляшеви пану Матьѳею Митьковичу Угриновъскому и его панеи, и его детемъ, и напотомъ будушимъ ихъ щадкомъ вечъно и непорушно со въсимъ на въсе, с польми, з дубровами, съ сеножатьми, и ставы, и ставищи, с чинши и з ыншыми поплаты, зо въсимъ с тымъ, какъ же есми самъ держал, на себе ничого не оставъляючи. А взялъ есми у пана Матьѳея за тое имене за Теслуговъ и за селище Боря-

тин трыста копъ грошей литовскихъ полугрошковъ. А ненадобе мне, Яну Яцъковичу, а ни сестре моей Кахне, а ни ближнимъ нашимъ, а ни щадкомъ нашимъ напотомъ по насъ будущимъ в тое ся имене уступати, а ни его выкупати; волен панъ Матьѳей тое имене продати, и отдати, и променити и къ своему доброму и въжиточъному оберънути, какъ самъ налепей розумееть. А при томъ были господинъ нашъ отец и владыка луцъкий Кирилъ, а князь Иванъ Путятичъ, староста перемылский, а панъ Петрушко Мушатичъ, а панъ Зброх Гулевичъ, пан Дмитръ Холоневъский. И билъ есми чоломъ пану Ѳедору Янушевичу его милости, старосте луцъкому, маршалъку Волынское земъли (1), а господину отъцу нашому владыце луцъкому Кирилу, а князю Ивану Путятичу, старосте перемильскому (2), а пану Петрушку Мушатичу, а пану Зброху Гулевичу, пану Дмитру Холоневскому, абы ихъ милость печати свои привесили к сему моему листу; и ихъ милость на мое чоломъ битье то вчинили: печати свои привесили к сему моему листу. А на твердость тых речей веръхуписаныхъ и я, Ян Яцъковичъ, и своею печать привесилъ есми к сему моему листу. Псан у Луцъку, в лето 7 тисячи 3-е, (3) мѣс. генваря 4 ден, индиктъ 10.

4. Потверженье Матъѳею Митъковичу Угриновскому на именье Теслугов и селище Борятин у Перемыльском повете, у Яна Яцковича Теслуговского купленое вечне.

Самъ Жикгимонт, Божю милостью корол полский, великий князь литовъский, руский, княжа пруское, жомоитъский и иных: билъ намъ чоломъ земянинъ луцъкий Матьѳей

(1) Ѳедоръ Янушевичъ былъ старостою луцкимъ 1506—1507 г.
(2) Ив. Путятичъ былъ старостою перемильскимъ въ 1507 г.
(3) Если признать вѣрнымъ это число, то актъ относится къ 1495 году; а если вѣрно обозначеніе индикта, то—къ 1505 г. Подтвержденіе короля на этотъ актъ послѣдовало въ 1509 г. См. слѣдующ. актъ.

Миткович Угриновский оповедилъ перед нами, штожъ купилъ на вечъность у земянина луцкого Яна Яцковича Теслуговъского имене его отъчизное на имя Теслуговъ, а селище Борятин у Перемыльскомъ повете на реце на Пляшеви, и листъ купъчий съ привесистыми печатьми на то перед нами покладал; и билъ намъ чоломъ, абыхъмо ему на то дали нашъ листъ и потверъдили быхмо то нашимъ листомъ. Ино мы, выслухавъши того листа купъчого, на то есмо ему дали сес нашъ листъ и потвержаемъ то симъ нашимъ листомъ вечъно ему самому и его жоне, и ихъ детемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ; нехай онъ тое имене и селище вышейписаное держить с польми, и с сеножатми, и з дубровами, ставы, и с чинши, и с ыншими платы, со въсимъ съ тымъ, какъ купилъ и што здавъна к тому именю и селищу прислухаеть, и водле того листа купъчого. А на твердость того и печать нашу казали есмо приложити к сему нашому листу. Псан у во Львове, лета Божъ. 1509, мѣсяц ноября 12 ден, индиктъ 13. А при томъ были маръшалокъ дворъный панъ Григорей Остиковичъ, а маръшалокъ и секъретар панъ Иванъ Сопега, подскарбий и писаръ Богушъ Боговитинович.

Литов. Метр. Кн. Запис. Лит. № 22, л. 22—23.

5. Потверженье тому жъ писару господаръскому etc. пану Михайлу Васильевичу на тое ж именье Теслуговъ зо всимъ и зъ селищами в земли Волынъской, купленое у Угриновъского и жоны его на вечность (1).

Жикгимонтъ, Божю милостью корол польский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецкий и

(1) Впереди въ Метрикѣ помѣщена самая купчая, повторяемая дословно въ этой королевской грамотѣ.

иных, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потреб того ведати: билъ нам чоломъ писаръ нашъ, державъца Кормяловъский и Стоклиский, панъ Михайло Васильевичъ и поведилъ перед нами, ижъ земянинъ земъли Волынское Прокопъ Матьееевичъ Угриновский, посполъ з жоною своею Зофееа Ванковною и детьми ихъ, сыны и дочками, без жадного припуженья а никоторое намовы, одно сами по своей доброй воли, вси, посполитою рукою, для великое а пильное потребы своее, продали ему, и его жоне, и детямъ, и потомъкомъ ихъ на вечъность имене в земъли Волынской, купълю отъца своего, на имя Теслуговъ за шесть сотъ копъ грошей литовское монеты з дворомъ, и з церковъю, с польми пашъными, дворными; а к тому селища Борятинъ Жабокрыцъкий, Добры—воды, а Кольгово, такъже с польми и сеножатьми, гаи и лесы, боры и дубровами, и въсими пожитъками, и въходы их стародавъными, и со въсими слугами путъными и людми тягълыми, и ихъ земълями, с польми, и сеножатьми, и деревомъ борътънымъ, гаи и лесы, боры и дубровами, з ловы звериными и пъташъими, с озеры, реками и речъками, болоты, и ставы, и ставищи, з млыны и ихъ вымелъки, з городищи, з бобровыми гоны, и служъбами всими тыхъ людей, з даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми и куничными, з дяклы иръжаными и овъсяными, и со въсими платы, и доходы, и пожитъки, якъ ся тое имене и оные селища сами в собе и въ границахъ своихъ мають; якожъ и за руками нашими тую продажу свою они умоцънили; и которую тежъ земълю Теслуговъскую отъ Жабокрыкъ оный Прокопъ Угриновъский под земяны волынъскими Жабокрыцъкими правомъ зыскалъ, и тую земълю пану Михайлу онъ продалъ и листъ свой, на паръкгамене писаный, под сведомом и печатьми некоторых князей и дво-

рян нашихъ и под своею печатью, на то на въсе ему далъ. И тотъ листъ его писаръ нашъ пан Михайло перед нами покладалъ и просилъ насъ, абыхъмо на то дали ему нашъ листъ и оную куплю его имене Теслуговъ и селища вышеймененые потвердили ему листомъ нашимъ на вечъность. А такъ мы того листа Прокопа Матѳеевича, пану Михайлу на то даного, огледавъши и выслухавъши, казали его слово отъ слова в семъ листе нашомъ выписати, который жо такъ ся в собе маеть:

Я, Прокопъ Матѳеевичъ Угриновъский, посполъ з жоною Зофеею Ванковною Яковицъкою и з нашими детьми, сыны и дочъками, чинимъ явъно и вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати, ижъ которое имене в земъли Волынской на имя Теслуговъ купилъ отецъ мой Матѳей Угриновский у земянина земъли Волынское Яна Яцъковича Теслуговского со въсимъ, якъ ся оно въ собе маеть, за триста копъ грошей литовъское монеты на вечъность, якожъ и листъ своей продажъный Янъ Теслуговский отъцу моему на то далъ; господаръ король его милость великий княз Жикгимонт, за чоломъбитьемъ отца моего, привильемъ своим рачилъ тое имене Теслуговъ, куплю его, такъже на вечъность потверъдити; которого жъ именя в супокойномъ держаньи и въживаньи были есмо. А такъ мы, не маючи на себе жадного припуженья, а никоторое намовы, одно сами по своей доброй воли, вси, посполитою рукою, для великое а пильное потребы нашое продали есмо тое имене Теслуговъ, купълю отъца нашого, пану Михайлу его милости Васильевичу, писару господаря короля его мил., деръжавъцы Кревскому и Медницъкому, и его милости панеи, и детям, и напотомъ будучимъ ихъ милости счадкомъ за шестьсотъ копъ грошей литовъское монеты на вечъность, з дворомъ, и

с церковъю, с польми пашными, дворъными; а к тому селища Борятин, Жабокрычъки Добры—воды а Кольгово, такъже с польми и сеножатьми, гаи и лесы, боры и дубровами, и въсими пожитками, и въходы их стародавъными, со въсими слугами путными и людми тягълыми оного вышеймененого именя и ихъ земълями, с польми и сеножатьми, деревомъ бортънымъ, гаи и лесы, боры и дубровами, з ловы звериными и пташими, с озеры, реками и речъками, болоты, ставы и ставищи, з млыны и ихъ вымелъки, з городищи, з бобровыми гоны, съ служъбами всихъ тыхъ людей, з данми грошовыми и медовыми, бобъровыми и куничъными, з дяклы ръжаными и овъсяными, и со въсими иными платы и доходы и пожитъки, которые яким кольвекъ именемъ могут названы або менены быти, и со всимъ тымъ, якъ тое имене и оные селища сами в собе, и въ границахъ, и в обыходехъ мають, и што-кольвекъ к нему прислухаеть, ничого на насъ, а ни на наши дети, и потомъки и близкие не выймуючи, а ни зоставуючи; и въжо нас тая сума шестьсотъ копъ грошей литовъское монеты сполъна отъ пана Михайла его милости, писара, дошла. А мы с того именя Теслугова и оныхъ селищъ и въсихъ пожитковъ, к нему прислухаючих, вечъне ся вырекаемъ и оного дедицъства нашого и въсего права, зачимъ отецъ нашъ и мы сами то держали, отступуемъ; и не маю я самъ Прокопъ Угриновъский, и моя жона Зофея, и дети, и потомъки, и никоторые близкие наши в тое имене Теслуговъ и оныи селища вышеимененыи ничимъ ся уступати, и никоторымъ обычаемъ под паномъ Михайломъ и его милости панею, и детьми, и потомъки, и ближными ихъ милости того поискивати и тое продажи нашое рушати на вечъные часы; лечъ мает пан Михайло писаръ, и его милости пани, и дети, и потомъки, и ближъние ихъ милости спокойно то все держати и въживати вечъно и навеки непорушно, яко властъное дедицъство свое; и вольни ихъ

милость будуть тое именье свое Теслуговъ и оные селища отъдати, продати, и кому хотя их даровати, и записати, и люди на сыромъ корени осадити, и ставы справити, и такъ собе розъширити и прибавити и ку своему лепъшому а пожиточъному обернути, яко самъ нален,ей разумеючи. А если быхмо мы, и потомъ будучие щадки, и ближние наши хотели того именя Теслугова и тыхъ вышейписаныхъ селищъ под паномъ Михайломъ и потомъки его поискивати, або чимъкольвекъ сесь нашъ листъ рушати, тотъ маеть господару королю его милости заплатити вины пятьсотъ копъ грошей, а пану Михайлу або потомъкомъ его милости другую пятьсотъ копъ грошей; а заплативъши тыи заклады, пред ся маеть пан Михайло и его милости потомъки тое имене Теслуговъ и оные селища твердо и неотъменъно и непорушно деръжати нине и на потомъные часы. А што мелъ есми право и з земяны волынскими Жабокрыцкими о земълю Теслуговъскую отъ Жабокрыкъ, ино суди мои всказали мне тую земълю в держанье и въ моц ми ее подали; ино тую земълю маеть пан Михайло его милость деръжати, водлугъ суда судей моихъ; а пакъли бы хто хотелъ зъ его милостью о тую земълю мовити, тогды его милость будеть моцъ мети в той речи поступовати, яко властъный отъчичъ и дедичъ того именя. А што ся дотычеть листовъ, твердостей, которые есмо на тое имене в себе мели, мы тые листы, яко купъчий листъ отъца моего и потверженье господаръское на то, и тежъ листъ судовый князя Өедоровъ его милости, старосты луцъкого, што онъ насъ судил зъ Яномъ Яцъковичомъ Теслуговъскимъ о тое имене, и тежъ другий листъ судовый судей моихъ противъ Жабокрыцких,—пану Михайлу его милости отъдали, и иныние листы к оному именю прислухаючие маем его милости подавати. А при томъ были и тому добре сведоми вельможъные князи: князь Өедоръ его милость Андреевичъ Сонъгушковича, марьшалокъ Волынское

земъли, староста володимеръский, а княз Анъдрей Михайловичъ Копиръский, маръшалокъ господаря короля его милости, а пан Олехъно Козиньский, а панъ Өедоръ Гулевич, а тесть мой пан Ванко Яковицъкий; якожъ ихъ милость за чоломбитьемъ нашимъ и печати свои к сему нашому листу приложили; а при ихъ милости и я печать свою приложилъ к сему моему листу и пану Михайлу его милости есми далъ. Писан у Кракове, под леты Божъего нароженя тисяча пятсотъ тридцать осмого року, мѣсяца апреля десятого дня, индикъта перъвогонадцать.

И з ласки нашое на чоломъбитье писара нашого пана Михайла Васильевича то есмо вчинили, оную куплю его именье Теслуговъ потвержаемъ симъ нашимъ привильемъ вечъно, на веки непорушно, самому пану Михайлу, и его жоне, и детямъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ, и ближнимъ, з дворомъ Теслуговъскимъ, и з церъковю, с полми пашъными, дворными, и селища вышеймененые Борятин Жабокрычкий, Добры-воды и Колгово, так же с полми, и сеножатьми, гаи, лесы, боры, и дубровами, и въсими пожитъки, и въходы ихъ织 стародавъными, и со въсими слугами путъными и людми тъглыми того вышейписаного именя, и ихъ земълями, с польми, и сеножатьми, и деревомъ бортнымъ, гаи и лесы, боры и дубровами, з ловы зверынными и пъташими, с озеры, реками и речъками, болоты, и ставы, и ставищи, зъ млыны и ихъ вымелъки, з городищи и бобрбвыми гоны, и з службами всими тыхъ людей, з даньми грошовыми и медовыми, бобъровыми и куничъными, з дяклы ржаными и овъсяными, и со въсими иными платы, доходы и пожитъки, которые якимъ-кольвекъ именемъ могут названы або менены быти, со въсимъ с тымъ, якъ ся тое имене Теслуговъ и оные селища сами в собе, и въ границахъ и обыходехъ своихъ мають, и штокольвекъ к нимъ прислухаеть. А што ся дотычеть тое

земъли Теслуговъское отъ Жабокрыкъ, которую суди Прокопу Угриновъскому усказали и въ моцъ и деръжане подали, а Прокопъ то пану Михайлу продалъ, ино и тую землю маеть пан Михайло спокойне держати, водле суда оныхъ судей и листу продажъного Прокопова. В которое жъ имене Теслуговъ и оные селища вышеймененые, и въси въходы и пожитъки ихъ, и въ тую земълю Теслуговъскую отъ Жабокрыкъ, яко есть вышей выписано, не маеть тотъ Прокоп Угриновский, и его жона, и дети, и потомъки, и ближъниии ихъ ничимъ ся уступовати и никоторымъ правомъ под паномъ Михаиломъ, и его жоною, и детьми, и потомъки, и ближъними ихъ поискивати; одно маеть панъ Михайло с потомъки своими то все деръжати и въживати, яко властные отчичи и дедичи нине и на потомъные часы; вольни будуть то отъдати, продати и кому хотя записати, и ку своему лепшому а въжиточъному обернути, якъ сами налепей розумеючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому привилью. Писан у Кракове, под леты Божъего нароженья тисеча пятсотъ 38 року, мѣсяца июл 13 дня, индикта 11. Иванъ Горъностай, подскарбій земъский, маръшалокъ и писарь.

Метр. Лит. кн. Запис. Лит. № 22, л. 25-об.—29-об.

6. Потверженье пану Михайлу Васильевичу на тоеж именье Козлово, купленое у Ивана Беликовича Свищовского вечностью.

Жикгимонт, Божю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий и иных,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрыть або чтучи его услышить, нинешъним и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ

намъ чолом писаръ нашъ, державъца Кревский и Медъницкий пан Михайло Василевичъ и поведилъ перед нами, штожъ земянинъ земъли Волынское Иванъ Васковичъ Беликовича Свищовский спустилъ и продалъ ему вгодою имене свое властное Козлово в повете Володимеръскомъ за сто копъ грошей литовъское монеты вечъно и навеки непорушъно, ему самому, и его панеи, и детемъ, и напотомъ будучимъ их щадкомъ, з дворомъ тамошънимъ, который естъ в томъ именю Козлове справен, с пашънями дворъными, и со въсими людми, и ихъ землями и сеножатми, гаи, и болоты, и лесы, и з дубровами, с озеры, реками и речками, съ ставы и ставищи, з млыны ихъ вымелки, и со въсимъ с тымъ, якъ ся оное имене преречоное само в собе и въ границахъ и в обыходехъ своих маеть, што здавъна к нему прислухаеть, ничого на себе и на потомъки свои не зоставуючи; и которыи листы тверъдости, на оное имене прислухаючи он в себе мелъ, он тыи вси листы ему отъдалъ и листъ свой записный, писаный на паркгамене, под сведомомъ и печатьми некоторыихъ людей добрыхъ, пану Михайлу; которые же он перед нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему нашъ листъ и тотъ листъ оного Свищовского продажный слово отъ слова в сесь нашъ листъ (вписати) велели и то привильемъ нашимъ на вечъность ему потвердили. А такъ мы, оного листу того Ивана Беликовича огледавъши, казали его слово отъ слова в сесь нашъ листъ вписати, который жа такъ ся в собе маеть:

Я, Иванъ Васковичъ Беликовича Свищовъский, земянинъ земли Волынское, вызнаваю симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати, штожъ которое имене на имя Козлово у Володимеръскомъ повете купилъ былъ отецъ мой Васко Беликовичъ со въсимъ, што

к нему прислухаеть, у князя Өедора Четьверътенского за сто копъ грошей литовъское монеты на вечъность, а княз Өедор такъ же тое имене Козлово купилъ у небожъчика пана Олехна Скоруты з Молодятичъ за певъную суму пенязей, наштожъ и листъ пана Скорутинъ в себе мелъ, и тотъ листъ его и тежъ свой продажный княз Өедоръ Четьверътенский отъцу моему на то далъ; якожъ господаръ король его милость за чоломъбитьемъ отъца моего тую купълю его имене Козлово зо въсимъ привильемъ своимъ на вечъность рачилъ потверъдити; которого же имени за купълею своею и потверженьемъ господаръскимъ отецъ мой Васко в супокойномъ держаньи и въ поживани былъ ажъ до живота своего, и по немъ я самъ тое имене так же спокойне к рукамъ своимъ держалъ. Нижъли почалъ мене о тое имене Козлово листы господаръскими ку праву позывати пан Михайло его милость Васильевичъ, писар господаря короля его милости, деръжавъца Медницкий и Кревский, менуючи то близкостью панее своее; ино ачъ-кольве я достаточныи права и твердости на тое имене Козловъ в себе мелъ, за которыми его милость княз Өедор Четьвертенский у пана Олехъна Скоруты купилъ, и певъную суму пенязей за то ему далъ, и яко тежъ княз Өедоръ отъцу моему то продалъ, и меновите тая сума сто копъ грошей на листе его естъ описана, а к тому господаръ король его милость при той вышейменованой купъли отъца моего зоставилъ и привильемъ своимъ то ему на вечъность потвердилъ; лечъ хотечи есми пану Михайлу его милости в томъ ся заховати и прьязни его милости на пришълые часы вживати, принял есми коло того и з его милостью вгоду,—тое имене вышейписаное Козлово спустилъ и продалъ за тую жъ суму, за которую отецъ мой небожъчикъ Васко Беликовичъ у князя Өедора Четьвертеньского купилъ, то естъ за сто копъ грошей литовъское монеты, вечъно и на веки непорушъно пану

Михайлу Васильевичу, писарю господаръскому, и его милости панеи, детемъ и напотомъ будучимъ щадкомъ ихъ милости, з дворомъ тамошънимъ, который есть в томъ именю Козлове справен, и с пашънями дворъными, и со всими людми, и з ихъ земълями, съ сеножатьми, и болоты, гаи, лесы. и дубъровами, с озеры, и реками, и речъками, съ ставы и ставищи, з млыны и ихъ вымелъки, и с служъбами тыхъ людей, и со въсими платы и доходы и пожитъки, которые з нихъ приходять, и со въсим с тымъ, якъ ся тое преречоное имене Козлово само в собе и въ границахъ и обыходехъ своихъ маеть, и што здавъна к нему прислухаеть; и вжо тая сума сто копъ грошей литовъскихъ спольна мене отъ пана Михайла его милости дошъла и суполъная запълата в томъ ми ся отъ его милости стала; и мають ихъ милость сами и дети, и потомъки ихъ тое имене Козлово держати, и въживати, яко властъное дедицъство свое на вечъные часы; и вольни его отъдати, продати, заменити, и розширити, прибавити, и къ своему лепъшому а въжиточному обернути, якъ налепей розумеючи. А которыи листы и твердости якъ пана Олехъна Скорутины листы, и тежъ князя Өедора Четьвертенского, зачимъ отецъ мой в него то купилъ, и привилей-потверженье господаръское на тое имене в себе есми мелъ, тыи вси листы пану Михайлу, писару, отъдалъ; и оное имене Козлово в моцъ его милости здаю и спущаю, и з него ся вечне вырекамъ, и въжо не маю я самъ, а ни моя жона, и дети, и потомъки, и никоторые близкие наши в тое имене ничимъ ся вступати и никоторыми причинами под паномъ Михайломъ и его милости детьми и потомъки ихъ того поискивати. И на то далъ есми пану Михайлу его милости сесь мой лист з моею печатью. При томъ были: писаръ господаря короля его милости пан Венцславъ Миколаевичъ, а войский берестейский, писар пана воеводы его милости виленского, пан Марътинъ Тур; а дворане гос-

подаръские: пан Өедоръ Богъдановичъ Мышка-Холоневский, панъ Валах Олекъсиевичъ, пан Михъно Якубовичъ, пан Василей Фалилиевичъ. А для лепъшое твердости просилъ есми тых пановъ ихъ о печати; и они на прозбу мою то вчинили, и печати свои привесили к сему моему листу. Писанъ у Кракове, под летъ Божъ. Нароженя тисяча пятьсотъ тридцать семого году, мѣсяца июля четвертого дня, индикта десятого.

И з ласки нашое на его чоломъбитье то есмо вчинили: на то дали ему сесь нашъ листъ, и тое имене вышейписаное Козлово потвержаемъ симъ нашимъ листомъ пану Михайлу самому, и его жоне, их детемъ, и напотомъ будучимъ их щадкомъ вечъно и навеки непорушъно; мають они тое имене Козлово з дворомъ тамошънимъ, который въ томъ имени Козлове есть справен, и с пашънями дворными, и со въсими людми и з их земълями, зъ сеножатьми и болоты, гаи и лесы, и з дубъровами, с озеры, реками и речъками, ставы и ставищи, з млыны и ихъ вымелъки, и з служъбами тых людей, и со въсими платы и до(хо)ды, и пожитъки, которые с них приходять, и со всим с тымъ, якъ ся оное имене пречоное Козлово само в собе и в границах и въ в обыходехъ ся своихъ маеть и што зъдавъна к нему прислухаеть, дервжати и въживати, яко властъное дедицъство свое, на вечъныи часы, водле листу оного Ивана Беликовича; и вольни они тое имене отъдати и продати, заменити, розширити, прибавити и къ своему лепъшому и въжиточному оберънути, яко сами налепей розумеючи; а тотъ Иван Свищовский самъ, и его жона, и дети, и потомъки, и никоторые близкие ихъ в тое имене ничимъ уступати и никоторыми причинами под паномъ Михайломъ и его панею, и детьми, и потомъки ихъ того поискивати (не мают). А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан у Кракове, под летъ Божъ. нарожъ. 1537, мѣсяца дек. 14 ден, индиктъ 11. Иван Горностай, подскарбий зем., маршалокъ и писаръ.

7. Потверженье тому же пану Михайлу Василевичу, писару господаръскому на одну часть продажою, а две части заставою именья Кокоровщины, от Ивана Свищовъского записаные.

Жикгимонт, Божю милостью король полский, великий княз литовский, русский, пруский, жомоитскій, мазовецъкий и иных, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ писаръ нашъ, деръжавъца упитъский пан Михайло Васильевичъ и поведилъ перед нами, ижъ земянин земъли Волынское Иван Басковичъ Беликовича Свищовъский продалъ ему на вечъность третюю часть именья своего отъчизного, никому ничимъ непенного, Кокоровъщину за шестьдесятъ копъ грошей литовъское монеты, а две части того жъ именя Кокоровъщины заставилъ ему у полътора ста копъ грошей такъ же литовъское личъбы, з людми того именя и ихъ платы, служъбами и земълями пашъными, с польми, сеножатьми, з гаи и дубъровами, ставы, ставищи, з млыны, их вымелъки, и со въсякими пожитъки, яко ся оное имене здавъна в собе маеть, на што жъ пану Михайлу и листъ свой записный, на паркгамене писаный, под сведомомъ и печатью владыки володимеръского и берестейского Генадия и иншихъ людей добрыхъ, далъ, который же он перед нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему нашъ листъ и оное имене Кокаровъщину потвердили ему нашимъ листомъ на вечность. А такъ мы, оного листу его купъчого огледавъши, казали его слово отъ слова на семъ листе нашемъ выписати, который жо такъ ся въ собе маеть:

Подъ сведомомъ господина отъца владыки володимеръского и берестейского Генадия, я, Иванъ Васковичъ Беликовича Свищовъский вызнаваю самъ на себе симъ моимъ

листомъ кожъдому добърому, кому будеть потреб того ведати або чтучи его слышати, нинешънимъ и на потомъ будучимъ: продалъ есми писару господаръскому пану Михайлу Васильевичу третюю часть именья своего отъчизного, ничимъ никому не пенного, Кокоровъщины за шестьдесятъ копъ грошей литовъское личъбы, а две части того жъ именья Кокоровъщины заставилъ есми его милости за полъторaста копъ грошей литовъское монеты его милости самому, и его милости панеи, и ихъ милости детямъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ, з людми того именья, и с платы, и ихъ работами, и з земълями пашъными, с польми и сеножатьми, и з гаи, з дубровами, ставы и ставищи, з млыны и ихъ вымелъки, с потоки, з ловы звеоинными и пташъими, и з ынъшими всими пожитъки, якимъ кольвекъ именемъ могуть менены або названы быти, зо въсимъ с тымъ, якъ ся тое именье Кокоровъщина сама в собе у своихъ границахъ и в обыходехъ маеть, якъ отецъ мой и я тежъ деръжалъ, ничого на себе, и на жону, и на дети, и потомъки свои не оставъляючи; вже не маю я самъ и жона, и дети, и потомки, и близкие наши того именья Кокоровъщины под паномъ Михайломъ его милостью, и под его милостью панею и детьми поискивати, а ни ся о то впоминати; а естли быхъ я або жона, и дети, и щадки, и близкие наши хотели того именья под паномъ Михайломъ его милостью, або подъ его милости панею, або потомъки того именья поискивати, тотъ маеть господарю королю его милости заплатити триста копъ грошей, а пану Михайлу его милости, и панеи его милости, и детемъ, и щадкомъ другую триста копъ грошей; а заплативъши тотъ заклaдъ, пред ся тую купълю свою и листъ купъчий панъ Михайло, и пани, и дети ихъ милости мають моцъно а неотъменъно на вечъные часы держати. А при томъ были и тому добре сведоми: княз Анъдрей Михайловичъ Козека, а панъ Тихъно Кесиль, а панъ Анъдреясъ

Яньчиньский, пан Ванко Яковицький, пан Өедоръ Ворыстцкий, а наместъникъ володимерский панъ Енько Өедоровичъ; и билъ есми чоломъ господину отъцу владыце его милости володимерскому и берестейскому Генадию, и княземъ и паномъ ихъ милости, веръхуписанымъ, о печати, абы ихъ милость печати свои приложили к сему моему листу; и ихъ милость на мое чоломъбитье то вчинили и печати свои приложили к сему моему листу; и я тежъ печать свою приложыл к сему моему листу. Писанъ у Володимери, под леты Божъего нароженья тисяча пятьсотъ тридцать осмого, мѣсяца июня тридцатый ден, инъдикта перъвогонадъцать.

И з ласки нашое на чоломъбитье пана Михайлово то есмо учинили, на то дали ему сесь нашъ листъ, и оную третюю часть именья своего Кокоровъщины, што онъ ему продалъ, потверждаемъ симъ нашимъ листомъ ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ вечъно и навеки непорушно. А што ся дотычеть тыхъ двухъ частей, которыи оный Иванъ Беликовича в суме пенязей ему зоставилъ, тогъды маеть панъ Михайло, и его жона, и дети, и потомъки ихъ оные две части на себе держати и въживати до тыхъ часовъ, поки спольна оная сума, водле листу его записного, пану Михайлу, або потомъкомъ его, будеть отъложена. И воленъ панъ Михайло и его потомъки оную третюю часть именья Кокоровъщины отъдати, продати, заменити, розширити, прибавити и къ своему лепъшому и въжиточному обернути, якъ самъ налепей розумеючи; а тые тежъ две части в томъ же именью вольно ему кому хотя зоставити або самому держати, водлугъ листу его записного. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан у Вильни, под лет Бож. нарож. 1540, мѣсяца августа 1 ден, индиктъ 13. Иван Горъностай, подскарбий земъский, маршалокъ и писар.

Литов. Метр. кн. Запис. Лит. № 22, л. 35—37.

8. Листъ писару господаръскому пану Михайлу Васильевичу от князя Василья Михайловича Санъкгушковича Ковельского продажы именья Волъковичи и Заечицу у Володимерском повете.

Я, княз Василей Михайловичъ Сонкгушковича Ковелский, с княгинею моею Ганною и з нашими детми чиню явъно тымъ то моимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его всълышить, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: которое именье наше влостьное отчизное въ повете Володимерскомъ мели есми у суседстве с писаремъ господарскимъ, державъцою медницъкимъ паномъ Михайломъ Васильевичомъ на имя Волъковичи а Заечицу, ино яко то у суседстве с тыхъ именей нашихъ межи людми и подданными нашими завъжды кривъды, и грабежи, и зачепъки великие ся деяли, и для того есмо с паномъ Михайлом незгоды приимовали; где я, не хотячи того ведати, або про таковые речи мели большей того которые розницы и застья межи нами ся плодити, а подданые наши с обу сторонъ в трудности приходити, в томъ есми с писаремъ господаръскимъ паномъ Михайломъ объмовивъши, и тое именье наше отъчизное Волъковичи и Заечицу его милости спустилъ и продалъ, и его панеи, и детемъ, и на напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ за триста копъ грошей монеты великого князства Литовъского по десяти пенязей у грош на вечъность з дворомъ моимъ, и с пашънею дворъною, и со въсими слугами путными и людми тягълыми, и з ихъ земълями пашнымя и бортными, съ сеножатьми, и з гаи, и з водами, и служъбами всими тыхъ людей, и з даньми грошовыми и медовыми, и з дякълы ръжаными и овъсяными, и со въсими инъшими платы и доходы, и пожитъки, которые якимъ кольвек именемъ могуть названы або менены быти, и со въсимъ с тымъ, якъ ся тое имене наше Волъковичи и

Заечица и люди и землъи сами в собе, и въ границахъ, и в обыходехъ ся своихъ мають, ничого на себе, и на дети, и на потомъки наши не выймуючи, а ни зоставуючи, такъ долго и широко, яко я самъ тое именье мое на себе держалъ; а тую суму триста копъ грошей споlъна есми отъ пана Михайла взялъ. И маеть вжо панъ Михайло самъ, и его дети, и потомъки ихъ тое именье Волъковичи и Заечицу на себе держати и того вживати, яко властный отъчичъ и дедичъ того именья, на вечъные часы; и волни они тое именье людми осадити, и его отъдати, и продати, даровати, заменити, и на церковъ записати, и ку своему лепшому и въжиточному обернути такъ, яко сами налепей розумеючи; и я вже, княз Василей, самъ, и моя княгиня, и дети, и ближъние и потомъки наши не маемъ через то в тое именье ничимъ ся уступовати и под паномъ Михайломъ, и его панею, и детьми, и потомъки ихъ того именя поискивати нине и на потомъные часы. И на то есми пану Михайлу, и его панеи и детемъ далъ сес мой листъ з моею печатью. А при томъ были княз Тимоѳей Филиповичъ Крошинский, а панъ Семен Кмитичъ, а пан Петръ Богъдановичъ Загоровский, а панъ Давыд Яцковичъ. А для лепъшей твердости просил есми тых пановъ о печати, и ихъ милость на мою прозбу то вчинили, печати свои приложили к сему моему листу. Псан у Петъриковѣ, подъ летъ Божъ. нарожъ. 1533, мѣсяца генвара 19 ден, индиктъ 6.

Литов. Метр. кн. Запис. Лит. № 22, л. 37—38.

11. Листъ продажный Олехна Скоруты з Молодятич etc. писару господар. etc. пану Михайлу Василевичу на именье Вечины и фольварокъ Кочкоровец в повете Луцкомъ, такъ тежъ двор в замъку Луцкомъ вечъностью.

Я, Олехно Скорута з Молодятичъ, подкоморий холъмъский, войский любачевъский, з моею жоною Марухъною и з детьми нашими, со въсими сыны и дочъками, чиню знаменито симъ моимъ листомъ, хто на него посмотрить, або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потреба того ведати: продалъ есми писару господаря короля его милости пану Михайлу Василевичу имене мое на имя Вечины в повете Луцькомъ, и тежъ фольварокъ Кочкоровецъ подъ Луцькомъ, и двор мой в замъку Луцькомъ, которые жъ ми ся имення остали по сестре моей небожъчицы панеи Янушовой, што жъ ми господаръ его милость и привилемъ своимъ на вечъность потвердилъ. А продали есмо пану Михайлу то со въсимъ, ничого на насъ не оставъляючи, вечъно, за чотыриста копъ грошей литовъское личъбы, за грошъ по два полугърошъки, а въ кожъдомъ полугрошку по пяти пенязей белых; маеть пан Михайло тое вышейписаное имене Вечины, и фольварок Кочъкоровецъ, и дворъ въ замъку Луцькомъ, и его жона, и дети, и напотом будучие щадки держати вечъно и навеки непорушъно, з людми, и з землями пашъными и бортными, и с поли, и сеножатьми, и з лесы, и з дубровами, и з боры, и з гаи, и с озеры, и з реками. и з бобровыми гоны, и з млыны и ихъ вымелъками, и з ставы и з ставищи, и з ловы звериными и пъташъими, и со въсимъ с тымъ, какъ ся здавъна тые имення Вечины, и фолварок Кочъкоровецъ, и дворъ в замъку в собе и въ границахъ своихъ мають. Воленъ онъ то отъдати, и продати, и заменити, (и) ку своему (лепшому) и въжиточъному оберънути, якъ самъ налепей розумеючи; а я вже Олехно Скорута, и моя жона, и дети наши, и близкие наши не маемо ся в тое имене Вечины, и въ Кочъкоровец, и дворъ в замъку навеки вступати, а ни того под ним искати; а если бы хто кольвекъ з насъ хотелъ тую торъговълю възрушити, тыхъ часовъ и на томъ колинибуд, тотъ маеть запъ-

латити вины господару его милости двесте копъ грошей, а на замокъ Луцъкий сто копъ грошей, а межи себе, я ему або онъ мне, сто копъ грошей. А при томъ были господинъ и отецъ нашъ Кирило, владыка луцъкий и острозский, а панъ Петръ Мушатичъ, княз Петръ Михайловичъ, пан Немира Богъдановичъ Хренницъкий, пан Михайло Семашковичъ. А для лепъшое тверъдости и печать есми свою привесилъ к сему моему листу; тежъ прохалъ есми господина отъца владыки и тых вышей писаных князей и пановъ, абы ихъ милость печати свои привесили к тому моему листу; и ихъ милость то на мою прозбу вчинили и печати свои привесили к сему моему листу. Псан в Еджчяном, лета Божъего тисеча пятьсот пятогонадцать, мѣсяца июл 10 ден, индиктъ 3.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 45 об.—46.

12. Потверженье пану Михайлу Васильевичу, писару госп. на фольварокъ Кочкоровец под местомъ Луцкимъ з мытом, на двор в замъку Луцкомъ, у пана Олехна Скоруты на вечность купленые, на дворища на Красном под Луцкомъ Юрковское, на Чернъчичох Селивоновское и Исаевское, на Остров поле подле двора Красноселского, вечностью.

Жикгимонт, Божю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, княжа пруское и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрит або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ писаръ нашъ панъ Михайло Васильевичъ и поведилъ перед нами, штожъ купил собе хвольварокъ на имя Кочъкоровецъ под местомъ Луцъкимъ, и двор в замъку Луцъкомъ, у в околнемъ, в которомъ же дворе церъковъ

естъ святого Якова, у пана Олехна Скоруты на вечъность; а притом тежъ бил нам чоломъ о томъ, штожъ братъ нашъ Александръ король его милость дал цтю его князю Лву Буремъскому дворищо на Красномъ под Луцъкомъ на имя Юрковъское, которое же дворище тесть ему далъ; а к тому што мы перъвей сего дали ему две дворища на Черънчичохъ на имя Селивоновъское а Исаевъское, и островъ-поле подле двора нашого Красноселского, противъ двора его Кочъкоревца, межи дорогами, которая ж дорога идет отъ Чернъчичъ къ Змейцу, а другая дорога идетъ от Змеинца ко Кочкоревъцу. и листомъ нашимъ то есмо потверъдили на вечъность. А он тые вси листы и листъ купъчий пана Скорутин на тотъ фольварокъ и на дворъ в замъку Луцъкомъ, и тежъ листъ данину брата нашого на дворищо Юръковъское и нашъ листъ на тые два дворища на Селивоновъское а на Исаевъское, и на островъ на поли межи дорогами, перед нами покладалъ. А к тому тежъ поведилъ перед нами, штожъ в томъ хволваръку у Кочъкоровъцы на ставу на гребъли братъ нашъ Алекъсанъдеръ, король его милость, далъ мыто старосте луцъкому пану Ѳедору Янушевичу; и панъ Ѳедоръ тотъ фольварокъ и с тымъ мытомъ отъписалъ пану Скоруте; онъ тотъ фольварокъ Кочъкоровецъ и с тымъ мытомъ купилъ в лана Скоруты; и на тое мыто пан Михайло и листъ данину брата нашого Александра, короля его милости, и пана Янушовъ перед нами вказывалъ, а тое деи мыто на замокъ нашъ Луческъ здавъна биривано. И билъ намъ чоломъ, абыхъмо то все потверъдили ему нашим листомъ на вечъность. Ино мы, за его к намъ верънуую службу, з особъливое ласки нашое, тотъ фольварокъ Кочъкоровецъ, и двор в замъку Луцъкомъ, куплю его, и тые три дворища Юръковъское, а Исаевъское, а Селивоновъское, и тотъ островъ-поле подле двора нашого Красноселского противъ Кочъкоревъца межи тыми вышейписаными дорогами, и

мыто въ Качъкоревъцы на ставу на гребли потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вечъно ему самому, и его жоне, и детемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ, з людми, с польми, и з сеножатьми, и з хворосты, и з зарослями, и з реками, и пожитъки, со въсимъ с тымъ, какъ ся тые дворища здавна сами в собе мають. И волен он тамъ прибавити и розширити, къ своему лепъшому и въжиточъному оберънути такъ, какъ самъ налепей розумеючи. А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан в Торуни, под леты Божъего нарожъ. 1521, мѣсяца ген. 20 ден., инъдикта осмого. Подписъ руки королевское. Копотъ Васкович, наместникъ перевальскій.

Литов. Метр., кн. Запис. Литов. № 22, л. 46 об.—47 об.

13. Потверженье подкоморому холмъскому пану Олехну Скоруте на именья: у Володимерскомъ повете Мышово и з ставомъ, и с подворемъ в замъку Володимерскомъ, в Луцкомъ повете Вечины и с подворемъ въ замъку Луцком околнем, и теж фолварок Кочкоровец зъ ставом и з млыном etc, от панее Өедоровое Янушевича Фенны сестры его тастаментом ему записаные.

Жикгимонтъ, Божю милостью корол полский, великий княз литовъский, руский, княжа пруское, жомоитъский и иных, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрит або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ подкоморый холъмъский панъ Олехъно Скорута и въказывалъ перед нами тастаментъ сестры своее маръшалъковое нашое, старостиное володимеръское панее Өедоровое Янушевича панее Фенны, штожъ она, отъходя с того

свѣта описала ему именя, которые жъ именя ей записалъ мужъ ее небожъчикъ панъ Ѳедоръ Янушевичъ у ее вене в четырехсотъ копахъ грошей вечъно: одно именье у Володимеръскомъ повете на имя Мышово и з ставомъ, и с подворьемъ въ замъку Володимеръскомъ, а въ Луцъкомъ повете именье на имя Вечины и с подворъем в замъку в Луцъкомъ окольнемъ, и з склепы муроваными под вежою, где церъковъ светого Иякова, которые тежъ именя мы привилемъ нашимъ небожъчицы пани Ѳедоровое потверъдили, иж она по своемъ животе вольна тые именя кому хотя отъписати, и тежъ фольварокъ Кочъкоровецъ и з ставомъ, и з млыномъ; который жо фольварокъ небожъчикъ мужъ ее пан Ѳедоръ Янушевичъ записалъ былъ к церъкви Божей пречистой Богоматери у Луцъку за Глусцемъ, и она по смеръти мужа своего тотъ фольварокъ во владыки луцъкого выменила, дала ему зато фольварокъ свой Лучинский. И билъ намъ чоломъ панъ Олехъно Скорута, абыхъмо, водлугъ тастаменъту сестры его, тые именя и с тыми домы потверъдили ему нашимъ листомъ на вечность. Ино мы, з ласки нашое за его к намъ верънуую служъбу, тые именья вышейписаныи Мышово и з ставомъ, и с подворъемъ в замъку Володимерскомъ, и тежъ имене Вечины и с подворемъ в замъку окольнемъ Луцѣкомъ, и з склепы муроваными под вежою, где церъковъ светого Якова, и тежъ фольварокъ Кочъкоровец и з ставомъ, и з млыномъ, што ему сестра его отъписала, потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вечъно ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ со въсими земълями и людми тыхъ именей, и со въсимъ с тымъ, якъ она тыи именья и тыи подворъя сама деръжала; волен онъ и его наследки то отъдати, продати, заменити, розширити и прибавити, ку своему лепъшому и въжиточному оберънути, якъ сами налепей розумеючи. А маеть онъ с тыхъ именей на служъбу нашу слугъ своихъ выправъляти, какъ инъши князи

и панове Волынской земъли на служъбу нашу на войну выправъляють. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ у Петърковe, лета Божъего 1510, мѣсяца ген. 27 ден, инъдиктъ 14.—При томъ были маршалокъ и секъретар пан Иван Сопега, маръшалокъ и писар панъ Богуш Боговитиновичъ, подкоморы и наместъникъ Еишиский, пан Андрей Якубовичъ Довойно, писаръ Өедор Стоша, Ивашко Сопега.

Литов. Метр., кн. Зипис. Лит. № 22, л. 47 об.—48 об.

14. Листъ меновный Жданы Өедоровны з мужомъ еи Михайломъ Бубновскимъ пану Михайлу Васильивичу, писару господъръскому etc. на именье Бубново, фримаркомъ за именье Вечины имъ даное.

Я, Ждана Өедоровна, з мужомъ моимъ Михайломъ Бубновъскимъ, вызнаваемъ сами на себе тымъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтути его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучим, кому будеть потребъ того ведати, што есмо отъ немалого часу мели зашътья отъ именя нашого Бубънова с паномъ Михайломъ Васильевичомъ, писаромъ господаря короля его милости, з именемъ его Свинюским о земъли, дубровы и о иньше речи, о чомъ же есмо и позвы господаръскими пана Михайла позывали; и потомъ и листы комисейные с канъцелярыи господаръское о то есмо на пана Михайла брали, хотячи росправу в томъ съ нимъ приймовати, чому жъ и рокъ земъский намъ с нимъ был зложонъ; нижъли перед онымъ рокомъ господарня королевая ее милость, не хотячи в томъ на обе стороне трудности и накладовъ нашихъ видети, казала намъ здеся до Кракова прыехати и коло того угодъливымъ обычаемъ с паномъ Михайломъ наложити; на штоже ее милость и върадниковъ своихъ дворъныхъ на то высадити рачила, которымъ поручила и

росказала в тыхъ розницахъ и заиштьях нашихъ еднане и поровънанье слушъное межи нами вчинити. А такъ мы, не хотечи с паномъ Михайломъ о то ся заводити и ку накладомъ и шкоде невинне приходити, доброволъне ся згодивъши, вгоду и едънане звечистое с паномъ Михайломъ приняли под тымъ способомъ, ижъ мы, з волею и з властънымъ ведомомъ господарни королевой ее милости, поступаемъ и поступили есмо пану Михайлу фримаръкомъ имене нашо Бубновъ з людми, и з землями, и со въсимъ с тымъ, яко ся тое именье здавъна в собе маеть, и яко продкове наши и мы сами то на себе дерьжали, а пан Михайло напротивъку оного именя Бубънова фримаръкомъ далъ и поступилъ имене свое Вечины, такъжо з людми, и з землями, и со въсим с тымъ, яко ся тое имене здавъна в собѣ маеть, и яко пан Михайло къ рукамъ своимъ деръжалъ; а к тому еще имене Вечинскому сто копъ грошей литовъское монеты маеть намъ придати; которое же имене Вечины маемъ мы на себе держати и его вживати до животовъ наших; а по животе нашомъ маеть тое имене Вечины на господариню королевую ее милости прийти. А тое вже имене Бубъновъ маеть панъ Михайло самъ, и его жона, и дети, и потомъ будучие счадки ихъ, за теперешънимъ фримаръкомъ нашимъ, на вечъные часы деръжати и яко своего властного вживати; а мы сами, а ни потомъки наши не маемъ под паномъ Михайломъ и его потомъки того поискивати, а ни чимъ тое мены нашое не взрушивати; лечъ тая мена вжо маеть межи нами и потомъки нашими деръжана, а ни отъ кого не рушона быть вечъне и навеки непорушъно. И на то есмо дали пану Михайлу писару сесь нашъ листъ записный з нашими печатьми. При томъ были и того добре сведоми: панъ Судомиръский, староста саноцкий, ломзеньский, визненьский, ленцикорунский, охъмистръ господарни королевое ее милости и великое княгини Боны, пан Миколай Волский, а пан Иван Андреевич подъ-

скарбий дворъный князъства великого Литовъского, дeръжавъца веленский, княз Якубъ Уханский, секъретаръ и референдаръ короля его милости, а каноникъ виленский и жомоитъский, писаръ королевое ее милости княз Валериянъ, а войский берестейский пан Марътинъ Туръ, а дворанинъ господаръский панъ Юхно Ванькевичъ; где же есмо ихъ милости чоломъ били о приложенье печатей и ихъ милость на нашу прозбу то вчинили и печати свои приложили к сему нашому листу. Писан в Кракове, под летъ Божъ. нарожъ. 1542, мѣсяца нояб. 6 ден., инъдиктъ 1.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 49—50.

15. Листъ пану Михайлу Васильевичу, писару господарскому etc. ее королевское милости Боны дарованья ему сумы пенязей пятисотъ копъ грошей, которую ей королевой милости Ждана Өедоровна з мужом своим на именьях их Вечины и Войсечу записали по животех своих; оное право их на него влить рачила.

Бона, Божю милостью королевая полская, великая княгиня литовская, руская, пруская, жомоитъская, мазовец. и иныхъ,—чинимъ явъно симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати, ижъ которую суму пятьсотъ копъ грошей литовъское монеты взяли у насъ ку потребе своей земянъка земъли Волынское Ждана Өедоровъна Мацъкевича зъ мужомъ своимъ Михайломъ Васильевичомъ, и в тыхъ пенязех записала намъ именья свои отъчизные Бубъновъ а Войсечъ, а третюю часть в тыхъ же именяхъ на вечъность намъ записала, на штож они и листы свои записныи намъ подавали; лечъ мы з ласки нашое допустили имъ в тыхъ именяхъ до животовъ ихъ мешъкати.

А потомъ оная Ждана Өедоровъна, яко отъчичка тых именей, восполокъ з мужомъ своимъ, для некоторыхъ кривдъ и зайштья, которое они с писаромъ короля его милости пана а малъжонъка нашого с паномъ Михайломъ Васильевичомъ отъ того имени своего Бубънова зъ его именьемъ Свинюскимъ мели, и хотячи межи собой покой заховати и добровольне ся зволивъши, з волею и ведомомъ нашимъ господарским, дали и поступили пану Михайлу фримаръкомъ тое именье свое Бубъновъ з людми, и з земълями, и со въсимъ с тымъ, яко ся тое имене здавъна в собе маеть; а панъ Михайло напротивъку оного именья Бубъновского такъжо фримаръкомъ поступилъ имъ имене свое Вечины, потому жъ з людми, и з земълями, и со въсимъ с тымъ, яко ся здавъна в собе маеть; а к тому ещо именю Вечинскому сто копъ грошей литовъское монеты имъ прыдалъ. Где жъ оная Ждана з мужомъ своимъ оную суму пятьсотъ копъ грошей отътоль з Бубънова на тое имене Вечинское и пред ся на Войсечъ, на которомъ и перъвей были намъ записали, перенесли; на штожъ мы призволили и тую суму пятьсотъ копъ грошей, з Бубънова на Вечины перенесенную, отъ тое Жданы Өедоровъны и отъ мужа ее приняли; какъ жо оная Ждана з мужомъ своимъ и панъ Михайло писаръ з обу сторонъ на оный фримаръкъ тыми именьи вышейменеными листы свои записныи межи себе подавали, которыми ся умоцнили и объвязали тую мену вечъне а непорушъне межи себе и потомъки своими держати. Лечъ пан Михайло писаръ за то насъ жедалъ и чоломъ билъ, абыхъмо з ласки нашое господаръское в томъ ему взычили и тую суму пятьсотъ копъ грошей рукодануую, которую мы на томъ именю Вечинскомъ и на Войсечу маемъ, ему даровали и тое право нашо ему и потомъкомъ его дали и поступили. Ино мы, бачечи на веръные а пильные послуги его, которыи онъ завъжды королю его милости пану а малъжонъну нашому и намъ чинилъ и теперь

чинить, и хотечи ласки нашое в томъ ему взычити, и вперед охотнейшого а пильнейшого ку послугамъ короля его милости и нашимъ его заховати, на чоломъбитье его то есмо вчинили,—тую суму пятьсотъ копъ грошей рукоданыхъ литовъское монеты, которая отъ насъ оной Ждане и мужу ее дана, пану Михайлу есмо даровали и з особливое ласки нашое господаръское тым его пожаловали; а тое право нашо, которое есмо отъ Жданы Өедоровъны и отъ мужа ее на Бубъновъ и на Войсечъ, а потомъ з оного фримарку и на Вечины и такъ-же и на Войсечъ, мели, пану Михайлу, и его жоне, и ихъ детемъ, и потомъ будучимъ щадкомъ властьнымъ ихъ взычаемъ, и даемъ, и дали, и поступили есмо на вечъные часы под тымъ способомъ: ижъ маеть оная Ждана Өедоровъна з мужомъ своимъ Михайломъ тые именья Вечины и Войсечъ на себе деръжати и ихъ вживати до животовъ своихъ; а по животе ихъ тогды вжо за онымъ правомъ нашимъ, которое есмо теперъ пану Михайлу отъдали, и за симъ листомъ нашимъ тые именья вышеймененые Вечины и Войсечъ ни на кого инъшего, одно на пана Михайла, або на потомъков его мають прийти и спасти; а онъ и потомъки его властъные водле оного права нашого мають то на себе деръжати и того вживати; а близкие оное Жданы Өедоровъны и мужа ее, не отъложивъши тое сумы пенязей рукоданыхъ пятьсотъ копъ грошей, не мають в то ничимъ ся вступати. И на то есмо пану Михайлу дали сесь нашъ листъ, до которого и печать нашу привесити казали. Псан в Кракове, под лет. Божъ. нарожъ. 1542, м҃ѣс. нояб. 12 ден., индиктъ 1.—Валерияն, каноникъ виленский и жомоитский, письръ.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 50—51 об.

16. Листъ Жданы Өедоровны и з мужомъ ее королевой ее милости Боне на суму пеня-

зей пятьсотъ копъ грошей позычоную, и на именьях Бубнове и Войсечу записаную по животех их, и на третюю часть тых жо имеией ен королевое милости даровануго вечностью.

Я, Ждана Өедоровна Маскевича Бубъновъская, и з мужомъ своимъ Михайломъ Васильевичомъ, вызнаваемъ сами на себе симъ нашимъ листомъ, кому того потребъ будеть ведати або чтучи его слышати, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, што взяли есмо ку своей великой а пильной потребе у господарини нашое королевое ее милости и великое княгини Боны пятьсотъ копъ грошей литовъское монеты, по десети пенязей личечи в грошъ, готовыхъ рукоданыхъ пенязей; ино я, Ждана, веръхуписаная, и с приреченымъ мужомъ своимъ Михайломъ Васильевичомъ, не маючи тое сумы веръхуписаное пятьсотъ копъ грошей господарини ее милости заплатити, которуюмъ ку своей потребе у ее милости взяла, записую ее милости всего именя своего Бубънова и Войсеча, отчизны своее; которое жъ имене естъ на Волыни в Луцъкомъ повете, в той вышейписаной суме две части обель вечъно, никому непорушно, то есть тыхъ именей моихъ Бубънова и Войсеча во въсемъ, якъ в людехъ, в поляхъ, земъляхъ оремыхъ и бортныхъ, в сеножатехъ, в лесехъ, гаехъ, заросляхъ, в ловехъ зверынныхъ и пъташъихъ, и въ бобровыхъ гонехъ, в рекахъ, в озерахъ, в ставехъ и въ ставищахъ, в млынехъ и въ ихъ вымелъкахъ, и во въсихъ пожитъкахъ и даняхъ грошовыхъ, медовыхъ, житъныхъ, овъсяныхъ и во всякихъ иншихъ подачкахъ тыхъ именей моихъ Бубънова и Войсеча, во въсемъ две части, ничого собе в тыхъ двухъ частехъ, а ни потомком, а ни ближънимъ своимъ не зоставуючи на потомъные часы; вольна ее милость господариня наша королевая ее милость и потомъ будучие щадки ее милости тыи две части именей нашихъ приреченыхъ Бубънова и Войсеча, черезъ насъ записаные в той вы-

шейписаной суме в пятисотъ копахъ грошей, отъдати, продати, даровати и кому хотя записати; а ближъние наши, не отъдавъши господарини ее милости тое пятисотъ коп грошей, которую есмо отъ ее милости сполъна взяли, и в том ее милости тые две части записали, не мають ся тыхъ двухъ частей у ее милости вспоминати, а ни о нихъ мовити. Алижъ ее милость господариня наша королевая ее милость и великая княгини Бона, з особливое ласки а милосеръдя своего господаръского, давъши Ждане вышейписаную суму пятьсотъ копъ грошей литовъское монеты, которая мене сполъна отъ ее милости дошла, мене, подданую свою, и мужа моего вышейписаного Михайла на тыхъ двухъ частехъ ее милости, черезъ насъ в такъ великой суме записаныхъ, рачила до живота нашого заховати и с нихъ не рушити. Мы, обачивъши такъ щодробливую ласку ее милости и высокое добродейство, записуемъ по смерти нашой того жъ именя Бубънова и Войсеча третюю часть вечънымъ а неотъменнымъ даромъ, такъже зо въсими пожитъки и поплаты давъными тыхъ вышейписаныхъ именей Бубънова и Войсеча, отдаляючи отъ тое третее части тыхъ именей нашихъ всихъ ближнихъ нашихъ; маеть господариня королевая ее милость тую третюю часть, отъ нас ее милости даровaную, на вечъныи часы деръжати и ихъ вживати по смерти нашой водле воли своее господаръское; а ближнии наши на вечъныи часы не мають ся в тую третюю часть вступати. А при томъ были и того добре сведоми пан Судомирский, охъмистръ господарини ее милости, староста саноцъкий, ланцкорунский, ломъзенъский и визненский, панъ Миколай Вольский, наместъникъ ее милости ковенский, пан Янъ Миколаевичъ Волменский, а дворяне господаря короля его милости: пан Павелъ Каспоровичъ Островицкий, пан Станиславъ Залеский-Медвед, а панъ Мартинъ Войтеховичъ Чеховича, а пан Станиславъ Росенский. А для лепъшей твеpъдости я, Ждана, веръхуписаная,

и печать есми свою восполокъ з мужомъ своимъ приложила и тыхъ пановъ веръхуписаныхъ просила есми о печати; ихъ милость то на нашу прозбу вчинили и печати свои приложили к сему нашому листу. Писанъ у Вильни, под летъ Божъ. нарожъ. 1542, мѣсяца генв. 18 ден., инъдиктъ 15.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 51 об.—53 об.

17. Листъ королевое ее милости Боны пану Михайлу Васильевичу, писару господаръскому, вчиненья поровнане межи нимъ и Ждановою Бубъновскою в заистьях их: именью еи Бубновъскому з ымени его Свинух, меною имены-ми, то естъ за ее именье Бубнов от него еи Ждановой имене Вечины, зъ сумою пенязей учиненою, и принятя права, которое мела ее королевая милость от тое Ждановое на Бубнове, вжо на именю Вечине по животе ее и мужа ее.

Бона, Божю милостью королевая полская, великая княгиня литовъская, руская, пруская, жомоитская, мазовецкая и иных, чинимъ явъно симъ нашимъ листомъ, што перво сего жаловала королю его милости пану а малжонъку нашому и намъ земянъка земъли Волынъское Ждана Бубъновъская з мужом своим Михайломъ на писара короля его милости пана Михайла Васильевича о томъ, ижъ бы ся именю ихъ Бубъновъскому и имъ самымъ, и людемъ ихъ отъ него з ымени его Свинухъ мели кривъды и въгыски великие деяти в забраню поль ихъ старыхъ и сеножатей звечистыхъ, на которых рекомо панъ Михайло о шестъдесятъ чоловековъ осадилъ, и к тому у кгвалътехъ, боехъ, грабежохъ и в ыншихъ многихъ речахъ. Гдежъ оная земянъка з мужомъ своимъ особливе в той речи до нас ся господарини втекли, жедаючи в том ласки и обороны нашое противъку пана Михайла и

тое имене свое Бубъновъ и Моисечъ по животе своемъ намъ записали и листы записныи на то подавали. Какъ жо мы, за оным правомъ и потомъствомъ нашимъ, которое они на насъ влили издали, хотечи имъ справедливость ихъ, где бы они которую противъ пана Михайла мели, помочи, розказали имъ позвы короля его милости пана Михайла перед его милостью позвати; где пан Михайло за оными позъвы перед паны радами короля его милости, которые на томъ, з росказаня его милости, для вчиненя справедливости и слушного розозналя межи ними и паномъ Михайломъ писаремъ, седели, очевисто з ними мовилъ и права, привиля, тверъдости свои на то покладалъ, и широкие споры з обу сторонъ о томъ были чинены; с которого жъ мовеня ихъ очевистого за оными позвы видело ся королю его милости и намъ, тамъ на оные земли, о которыи межи ними споръ и розницы естъ, некоторыхъ дворянъ отъ дюру нашого ревизоръми выслати; и велели имъ, обо всемъ томъ гораздо ся доведавъши и суседовъ обапольныхъ около границъ звечистыхъ Свнпускихъ з Бубновомъ, яко стародавъна было, и хто чого в держанью былъ, опытавъши, намъ достаточъную а певную справу дати, с чого быхмо, добре выроузмевъши, мели розознанье и конецъ слушъный межи ними вчинити. Которые жо ревизоры, отъ короля его милости на то посланые, тамъ на оный крунтъ выежъдчали и того всего выведаня своего реистръ королю его милости принесли. Гдежъ мы, хотечи межи паномъ Михайломъ и Бубновъскою и мужомъ ее вгоды в томъ покусити(sic), и росказали некоторымъ врядникомъ нашимъ дворнымъ на той справе сести и ку слушъному концу и въгоде ихъ привести и поровънане межи ними вчинити, на чомъ бы они слушне а безъ кривъды з обу сторонъ перестали и покой межи собою мели. Какъ же Бубъновъская з мужомъ своимъ по пану Михайлу того ся допирали, абы онъ поступилъ имъ дубровы в тыхъ местцахъ, почон отъ границы

Ватинское, половицы дубровы, которая межи пол и новин Бубъновъских и Корытъницъких и Свинуских через всю дуброву, ажъ до семи дубовъ; а они тое земъли своее Корытъницы, на которой пан Михайло шестьдесятъ чоловековъ осадилъ, на штожъ пан Михайло привилья и иншие листы на то прислушаючие покладалъ, ему ся отъступовали, а панъ Михайло в оных местцохъ, отъкуль ся они допирали тое дубровы, не хотелъ имъ поступати для того, ижъ некоторыи земяне з ыменемъ его Свинускимъ отътол границы и въездъ в дуброву Свинускую маютъ; с тыхъ причин поступовати имъ того не можетъ; лечъ поступилъ им часть дубровы, где земъля Бубъновъская, то естъ поля, прилегъли къ его дуброве Свинуской отъ границы Туличовское противъ Корытъницы и Свинухъ, али жъ по границу Линевъскую; а они того не приймовали; а панъ Михайло тежъ инакъшимъ обычаемъ на то призволити не могъ. А въ томъ жадная вгода межи ними ся не стала. Якожъ король его милость пан а малъжонокъ нашъ росказалъ оной Бубъновъской и мужу ее листы комисейные с канцлереи своее и комисарей противъку пана Михайла на то подавати; а пану Михайлу такъ же велелъ инъших судей з руки своеи на то побрати, чому и рокъ очевисте имъ обема сторонамъ рачил его милость под страченемъ права зложити—отъ взятья в небо панны Марыи минулого свята у дванадцати неделяхъ; на который же рокъ зложеный велелъ его милость оным комисаремъ, зъ судями пана Михайловыми посполъ ся згодивъши, тамъ на оный кгрунтъ выехати и справедливость и розознане в томъ межи ними вчинити подле статуту права земъского такъ, яко ся статут заховываетъ; топак пан Михайло ещо перед тымъ роком, розумеючи тому, ижъ то естъ имене наше, а то, о што онъ маетъ на ономъ розезде чинити, тогды не з Бубъновъскою и мужомъ ее, одно с нами, и не хотечи ласки нашое в томъ нарушити и никоторого

права и розездовъ о то вести, в ласку нашу в томъ ся здалъ и подалъ съ себе, хотячи намъ поступити, якожъ и поступилъ, ни въ чомъ привилевъ своихъ не отъступуючи, к оному имeню Бубъновъскому половицу дубровы своее Свинюское до животовъ ихъ в тыхъ местъцохъ: почон отъ границы Туличовъское ажъ до границы Линевское межи пол и новинъ Свинуских и Корытъницъкихъ, а межи пол и новинъ Бубъновъскихъ. Лечъ оная Бубъновъская з мужомъ своимъ на то не призволяли; а хотечи, абы пан Михайло имъ поступилъ тое всее дубровы, яко и перъвей ся они допирали, аж до семи дубов; панъ Михайло тежъ в тыхъ местъцохъ поступовати им не хотелъ с тыхъ причинъ, ижъ сусѣди его земяне Линевъские тамъ з нимъ границу и въездъ в дуброву мають; а над то, ижъ тежъ тамъ поблизу село его Воининъ седить, и нельзе ему того вчинити. А потомъ оная Бубъновская з мужомъ своимъ то намъ съ себе подали, кгды панъ Михайло на то не призволяеть, тогды абыхмо имене его Вечины фримаръкомъ на тое именье Бубъново взяли, и къ тому абыхъмо которую суму к оному имeню пану Михайлу придати имъ велели, а хотячи вжо на томъ переставати. Мы то казали пану Михайлу оповедити, естли бы он хотелъ на то призволити, а фремаръкомъ имене свое Вечины на тое имене Бубъновъ з сумою пеняжною имъ дати? Пан Михайло, писаръ, на насъ то вложилъ, естли бы ся то намъ заподобно видело, хотечи на то призволити. А такъ намъ ся то видело и на томъ есмо тую речъ зоставили, на што они з обу сторонъ, такъ Ждана Бубъновъская з мужомъ своимъ Михайломъ, яко и панъ Михайло, писаръ, призволили, ижъ взяли есмо отъ пана Михайла тое имене Вечины фримаръкомъ на противъку оного именья Бубъновъского под тымъ способомъ, ижъ маеть ещо пан Михайло, писаръ, к тому имeню Вечинскому сто копъ грошей имъ придати и того именья Вечинского за Бубъновъ имъ поступити; а тая

Ждана з мужомъ своимъ Михайломъ маютъ тое имене Вечины на себе деръжати и его вживати з людми и со въсимъ, яко ся в собе маеть, до животовъ своихъ; а тое тежъ имене Бубновъское такъ жо з людми, яко ся здавъна в собе маеть, и яко предкове ихъ и они сами то на себе деръжали, панъ Михайло и его потомъки и щадки на вечъные часы, яко властъное свое, за оным фримаръкомъ маютъ деръжати; которая жъ мена вжо мает межи ними и потомъки ихъ деръжаны быти а ни от кого не рушона быти вечъно навеки непорушно. А по животе оное Жданы и мужа ее маемъ мы на томъ именю Вечинскомъ, вместо Бубънова, и на Войсечу право нашо мети такъ, яко то отъ нее и отъ мужа ее намъ есть записано; а пан Михайло, писаръ, маеть намъ тое имене Вечинъ такъ, яко ся в собе маеть, завести, и границы того именя оказати по тому, яко то на себе деръжалъ. А где бы хто через оные границы хотел чимъ уступовати, то панъ Михайло и его потомъки будут повинни, яко мену свою, очищати. И на то есмо дали пану Михайлу сесь нашъ листъ, до которого и печать нашу привесити казали. Писанъ у Кракове, под летъ. Божъ. нарожъ. 1542, мѣсяца нояб. 6 ден, инъдиктъ 1. Валериянъ, каноникъ виленский, писаръ ее королевское милости.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит., № 22, л. 53—56.

18. Потверженье королевой ее милости Бонѣ на именье Блудово в повете Луцкомъ зъ уездомъ в дуброву Свинускую, у Богдана Мартиновича Хребтовича куплено вечностью.

Жикгимонт, Божъю милостью корол польский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецъкий и иныхъ чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и по-

томъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: мовила намъ королевая наша ее милость и великая княгини Бона о томъ, ижъ продалъ ее милости дворянинъ нашъ панъ Богданъ Хребътович имене в повете Луцъкомъ на имя Блудово, которое отецъ его небожъчикъ панъ Марътинъ Хребътовичъ на вечность выслужилъ на брате нашомъ славъное памети Алекъсандры, короли его милости, а з уездомъ в дуброву Свинускую и со въсимъ, яко се оное именье Блудово само в собе и въ границах и в обыходехъ своихъ мело и маеть, за дванадцать сотъ копъ грошей монеты и личъбы великого князства Литовъского на вечъность, и листъ свой на паркгамене писаный под сведомомъ и печатьми некоторыхъ особъ, годныхъ веры, и под своею печатью на то еи милости далъ, в которомъ оную продажу свою широко описалъ. Якожъ королевая ее милость тотъ листъ его перед нами покладала и жедала насъ, абыхмо на то дали ее милости нашъ листъ и оную купълю ее милости листомъ нашимъ ее милости на вечъность потверъдили. А такъ мы, того листу пана Богъданова Хребътовича огледавъши и выслухавъши, и казали его слово отъ слова в семъ нашомъ листе выписати, который жо такъ ся в собе маеть:

Я, Богъдан Марътинович Хребътовича, дворянинъ господаря его милости вызнаваю симъ моимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати, штожъ которое именье в повете Луцъком на имя Блудово перъвей сего дерължали жидове луцъкие на имя Левоновичи, ино тое имене Блудово король его милость Алекъсанъдъръ далъ з ласки своее отъцу моему небожъчику пану Марътину Хребътовичу, и его жоне, и намъ, детемъ и потомъкомъ его, на вечъность со въсимъ, яко ся оно в собе мело, на которое жъ имене привилей данину и потверженье Алекъсанъдра короля его милости и тежъ привилей и листы

теперешнего господаря нашого и великого князя его милости Жикгимонъта я в себе маю; а при томъ король его милость Алексанъдър далъ и дозволилъ отъцу моему пану Марътину к оному именю Блудову въездъ мети, дерева на будоване и дрова брати и траву косити в ловехъ его милости повету Володимеръского в дуброве Свинуской, и тотъ въездъ в дуброву Свинускую такожъ на привили своемъ король его милость Алекъсанъдръ намъ описалъ, якожъ я тое именье Блудово и з онымъ въездомъ в дуброву Свинускую по отъцы своемъ пане Марътину к рукамъ своимъ деръжу и теперъ его у своей моцы маю; и не будучи есми ни от кого зведеный, и намовеный, и припуженый, одно самъ, з доброго умыслу и з воли моее, билъ чоломъ наяснейшой господарини нашой милостивой и великой княгини ее милости Боне, абы ее милость рачила тое имене мое Блудово и з онымъ въездомъ в дуброву Свинускую, со въсими пожитъки к нему прислухаючими в мене купити; якожъ и тот привилей, данину, потверъженье короля его милости Алекъсанъдра, пред еи милостью есми покладалъ. А такъ господариня королевая ее милость, оного привилья короля его милости Алекъсандрова огледавъши, ку прозбе рачила ся прихилити и торъгъ со мъною коло того вчинити росказала; и я тежъ, хотячи иншой пожитокъ собе и детемъ своимъ и потомъкомъ своимъ с того вчинити, продалъ есми тое имене свое Блудово, в Луцъкомъ повете, господарини нашой королевой и великой княгини ее милости Боне и потомъкомъ ее милости на вечъность за тисячу копъ и за двесте копъ, то есть за дванадцать сотъ копъ грошей монеты и личъбы великого князства литовъского, з дворомъ тамошнимъ, и со въсими слугами путъными и людми тягълыми, и с огородники того имени, с польми пашъными, з дворъными, церъковъными, и з землями людскими, зъ сеножатъми, зъ гаемъ и з запусты, з ловы звериными и

пташъими, ставы и ставищи, с потоки, крыницами, з млыны и ихъ вымелъки, и з служъбами всими тых людей, и з данми грошовыми, и з цынши, и корчмами и зо всими иными платы, доходы и пожитъки, которые якимъ кольвекъ именемъ могуть названы або менены быти; а к тому с приселъкомъ тамошнимъ з Десятиною, который к оному же именю Блудову здавъна прислухаетъ, и якъ самъ его деръжалъ; и тежъ при ономъ именьи Блудове продалъ есми господарини королевой ее милости тотъ въездъ мой в дуброву Свинускую по тымъ местъцамъ, як король его милости Алекъсанъдъръ отъцу моему пану Мартину далъ и на привили выписалъ, и со въсимъ правомъ, панствомъ и власностностью, жадныхъ речей в ономъ имени в Блудове и во всихъ пожитъкахъ тамошнихъ и в томъ въезде в дуброве Свинуской, яко вышей естъ описано, на себе, и на жону, и дети, и потомъки, и ближние мои не выймуючи а ни заставуючи, гдежъ вже тая вышеймененая сума вся пенязей сполъна мене отъ королевое ее милости дошла. Лечъ, што ся дотычетъ оного привилья короля его милости Алекъсанъдра на тое имене Блудово и на въездъ в дуброву Свинускую, небожъчику отъцу моему пану Марътину даного, я господарини королевой ее милости чоломъ билъ, абы ее милость того привилья короля его милости Алекъсанъдра и инъшихъ тежъ привильевъ и листовъ теперешнего господаря нашого короля его милости Жикгимонъта, к той же речи и к иншимъ потребамъ моимъ прислухаючихъ, отъ мене не рачила брати для тое причины, ижъ на тыхъ жо привильяхъ и листехъ их инъшие именя описаны и потверъжены суть; а без оныхъ привильевъ и листов короля Алекъсанъдровыхъ и теперешнего господаря нашого нельзе мне тыхъ именей моихъ деръжати; ино господариня королевая ее милость для моего чоломъ битья то вчинити рачила, оныхъ привильевъ и листовъ отъ мене брать не казала. Нижъли я того всего

права своего, которое кольве намъ на привильи короля его милости Алекъсанъдра и тежъ на привильехъ и листехъ теперешънего господаря нашого короля его милости Жикгимонъта на тое имене Блудовъ и на въеѣздъ в дуброву Свинускую маю, собе и потомъком своимъ на вечъность описано, отъступуючи, и вечъне самъ, и з жоною, з детьми, и с потомъки своими его ся вырекамъ; якож сами, водле Статуту великого князства Литовъского, пришедши перед наяснейшого господаря нашого короля его милости и великого князя Жикгимонъта, тую продажу свою его милости объявилъ и вечне з оного имени Блудова и зо въсихъ его пожитъковъ и с того въезду в дуброву Свинускую вышеймененую самъ отъ себе и отъ потомъковъ и ближнихъ своихъ вырекъ, и то все въ вечъное а спокойное деръжанье господарини королевой и потомъкомъ ее милости пустилъ; и право свое, на привильи короля его милости Алекъсанъдровомъ и на инъшихъ привильяхъ и листехъ теперешнего господаря нашого короля его милости Жикгимонта на Блудовъ и на въездъ в дуброву Свинусскую мне и потомъкомъ моимъ описаное, ничого на себе, жону, и дети, и потомъки, и ближъние свои не зоставуючи, на ихъ милости есми здалъ. В которое жъ имене Блудово и во въси пожитъки его и въ тотъ въездъ в дуброве Свинуской пречоной не маю я, и жона, и дети, и потомъки мои, и въси ближъние з роду нашого ничимъ ся уступати; а ни тотъ привилей короля его милости Алекъсандровъ и инъшие вси привилья и листы, где оное именье Блудово и въездъ в дуброву Свинускую на вечъность намъ естъ описанъ, который кольвекъ быхмо в собе мели, на потомъ передъ которымъ правомъ ихъ покладали, не маютъ жадного местца, и моцы, и веры в той продажи моей перед кажъдымъ правомъ мети, и на жадной шкоде и переказе быти господарини королевой и потомъкомъ еи милости, хто кольвекъ по еи

милости оное имене Блудово и въездъ в дуброве Свинуской и в оныхъ ловех держати будеть. Лечъ маетъ господариня королевая ее милость и потомъки ее милости тое имене и въездъ въ дуброве Свинуской, яко пани дедичная, со въсимъ по тому, якъ вышей естъ в семъ моемъ листе описано, деръжати и въживати на вечъные часы, и вольна ее милость и потомъки ее милости тое имене Блудово и въездъ в дуброве Свинуской, якъ ся в собе маеть, и подле теперешънего моего листу, кому хотя отъдати, продати, и заменити, и записати, и тамъ разширити, и прибавити и къ своему лепъшому и въжиточъному оберънути, яко ся налепей еи милости самой и потомъкомъ ее милости видети будеть. И на то далъ есми господарини королевой ее милости и потомъком ее милости сес мой листъ з моею печатью. А при той продажи моей были и тому добре сведоми: каноникъ виленский и жомоитский, плебан крожъский и клецъкий, писаръ господарини королевое ее милости княз Валериянъ Сушъковъский, а панъ Иванъ Богушевичъ Боговитиновича, а княз Иванъ Васильевичъ Полубенский, а дворянинъ господаръский зять мой панъ Марътинъ Подсудъковъский; якожъ ихъ милость за прозбою моею и печати свои к сему моему листу приложили. Писанъ у Кракове, под летъ. Божъ. нарожъ. тисеча пять сотъ тридцат девятого, мѣсяца декабр 20 дня, индикта третегонадцат.

И на жедане королевое нашое ее милости и великое княгини Боны то есмо вчинили, и на то дали еи милости сесь нашъ листъ и онную купълю ее милости имене Блудово потверъжаемъ ее милости самой и потомъкомъ ее милости симъ нашимъ листом вечъно и навеки непорушно, з дворомъ тамошнимъ, и со въсими слугами путъными, и людми тягълыми, и с огородники того имени, и с польми пашъными, дворъными и церъковъными, и земълями людскими, съ сеножатьми, з гаемъ и з запусты, з ловы зверынными и

пъташъими, и з ставы и ставищи, потоки и крыницами, з млыны и ихъ вымелъки, и з служъбами всими тыхъ людей, з данми грошовыми и цынши, и коръчмами и со въсими иными платы, и доходы, и пожитки, которые якимъ кольве именемъ могуть названы або менены быти, с приселъкомъ тамошънимъ Десятиною, который к оному жъ именю Блудову здавъна прислухаеть, и з онымъ въездомъ в дуброву Свинускую по тымъ местъцомъ, яко в привильи короля его милости Алекъсанъдровомъ выписано; в которое жъ имене Блудово, и в оный въездъ, и во въси пожитъки тамошние, што кольве к оному именю прислухаеть, не маеть через то Богъданъ Хребътовичъ, и его жона, дети, и потомки, и ближъние его, за оными привильями и листы брата нашого Алекъсандра короля его милости и нашими, которые при немъ зостали, ничимъ ся вступати; лечъ маеть королевая наша ее милость и потомъки ее милости тое имене Блудово и оный въездъ со въсими пожитъки тамошними вечъне а спокойне к рукам своим деръжати; и вольна ее милость кому хотя отъдати, продати, записати, и тамъ розширити, прибавити, и къ своему лепъшому а въжиточъному оберънути, якъ сама налепей розумеючи. А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ у Кракове, под летъ. Божъ. нарожъ. 1540 року, месяца мар. 12 день, инъдиктъ 13.

Подпис рука его королевской милости

Иван Горностай, подскарбий земский, маршалокъ и писаръ.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит., № 22, л. 59—62-об.

19. Потверженье пану Михайлу Васильевичу, писару его кор. милости, на именье Блудово, в повете Луцком, и на уездъ в дуброву

Свинускую, от королевое ее милости Боны куплею набытое вечностью.

Жикгимонт, Божъю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецький и иныхъ,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: мовила намъ королевая наша ее милость великая княгини Бона о томъ, штожъ ее милость перво сего з волею нашою купила на вечъность имене в Луцъкомъ повете на имя Блудово у дворенина нашого пана Богъдана Хребътовича, которое братъ наш, славъное памети Алекъсанъдръ король, его милость, отъцу его небожъчику пану Марътину Хребътовичу з ласки своее на вечъность далъ; а перъвей того оное именье жидове луцъкие Левоновичи деръжали; а Богъданъ Хребтович королевое ее милости тое именье Блудово со въсими пожитки тамошъними, а к тому с уездомъ в дуброву Свинускую, продалъ за дванадцать сотъ копъ грошей монеты и личъбы великого князства Литовъского и листъ свой, на паръкгамене писаный, под сведомомъ и печатьми некоторыхъ паръсун, годныхъ веры, на то он еи милости далъ, и со въсимъ оного именья еи милости поступилъ, и его отъ одобапольныхъ суседовъ завелъ; которое жъ имене Блудово и оный въездъ, подле продажи и листу Богдана Хребътовича, мы привильемъ нашимъ королевой нашой еи милости на вечъность потверъдили. А потомъ ее милость, за чоломъбитьемъ писара нашого, деръжавцы впитского, корьмяловъского и стоклишъского, пана Михайла Васильевича, для веръныхъ а пильныхъ послугъ его, которыми ся он цнотливе а стале ку еи милости заховалъ, з ведомостью нашою и з ласки своей, оное вышемененое имене в Луцъкомъ повете, купълю свою, и с тымъ въездомъ

в дуброву Свинускую писару нашому пану Михайлу за тую жъ суму дванадцать сот копъ грошей монеты великого князства Литовъского на вечные часы спустити рачила и листъ свой на то ему дати и оный листъ продажъный Богъдана Хребътовича и нашо потверъженье ему жъ казала отъдати; который то листъ королевое нашое ее милости панъ Михайло перед нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхъмо при той купъли его зоставили и листомъ нашимъ ему и потомъкомъ его то потвердили, якожъ королевая наша ее милость насъ о томъ за нимъ жедала. А такъ мы, огледавъши и выслухавъши листу королевое нашое ее милости, казали его слово отъ слова в семъ нашомъ листе выписати, который жъ такъ ся в собе маеть:

Бона, Божъю милостью королевая польская, великая княгини литовъская, руская, пруская, жомоитъская, мазовецъкая и иныхъ,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листом, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати, што купили есмо на вечъность, з волею пана малжонъка нашого, короля его милости и великого князя Жикгимонъта, имене в Луцъкомъ повете. на имя Блудово в дворанина короля его милости пана Богъдана Маръ тиновича Хребътовича, которое король его милость Алекъсандеръ отъцу его пану Марътину з ласки своее на вечъность далъ, а перъвеи того оное имене жидове луцъкие на име Левоновичи деръжали; якожъ панъ Богъданъ продалъ намъ и потомъкомъ нашимъ тое именье Блудовъ, выслугу отъца своего, з дворомъ тамошънимъ, и со въсими слугами путъными, и людми тягълыми, и с огородники, и с пашънями дворъными, и въсими тежъ пожитки, которыхъ кольве онъ самъ в томъ имени вживалъ, а к тому при ономъ именьи продалъ намъ онъ въездъ в дуброву Свинускую в повете Володимеръскомъ по тымъ местъцомъ, яко

король его милость Алекъсанъдеръ отъцу его пану Мартину далъ, на привильи своемъ выписалъ, за дванадцать сотъ копъ грошей монеты и личъбы великого князства Литовъского, где жъ и листы свои продажъные панъ Богъданъ на то нам далъ и перед королемъ его милостью самъ устъне тую продажу свою вызналъ и оповедилъ; водле которое жъ продажи и листу его король его милость пан а малжонокъ нашъ тое имене Блудово со въсими пожитъки его и с тымъ въездомъ в дуброву Свинускую намъ и потомъкомъ нашимъ привильемъ своимъ на вечъност потверъдити рачилъ. Нижъли за прозбою Богъдановою оных тверъдостей его, привильевъ и листовъ короля его милости Алекъсанъдровыхъ и нашего тежъ пана малжонъка короля его милости привильевъ и листовъ, которое он на тое именье Блудово и на въездъ в дуброву Свинускую в себе мелъ, в Богдана есмо при оной продажи его не брали для тое причины, ижъ онъ инъшие именя свои на тыхъ же привильях и листехъ описаны маеть. И кгды вжо есмо тое имене з оным въездомъ в дуброву Свинускую в пана Богъдана Хребътовича купила, а Богъданъ намъ его завелъ и въ нашу моцъ подалъ, тогъды намъ справълено, ижъ бы писаръ короля его милости, дерьжавъца упитъский, корътмяловскій, стоклишъский, пан Михайло Васильевичъ некоторые поля отъ того именья Блудова к имению своему Свинускому поотъежъдчалъ и люди свои тамъ садит; ино панъ Михайло, ачъ кольвекъ перед нами поведилъ, ижъ онъ несвовольне тые поля к имению своему Свинухомъ отъехалъ, але за листомъ судовымъ короля его милости: комисаре на рокъ земъский зложеный тамъ выездили и оные поля к имению Свинухомъ присудили, и тые листы свои онъ передъ нами покладалъ; однакожъ мы хотели в томъ с паномъ Михайломъ правомъ поступовати; то пакъ Михайло, розумеючи тому, ижъ оныи земъли Блудовъские

съ Свинускими ся споломъ змешали, и хотя бы онъ при оныхъ поляхъ, отъеханыхъ за листы судовыми, остоялъ, а пред ся бы могъ ли межи нашими поддаными Блудовъскими и его людми Свинускими непокой и ростыръки быти; не хотячи онъ коло того в право ся з нами вдавати и въ тые ростыръки себе и людей своихъ уводити, билъ намъ чоломъ, абыхъмо ласки нашое в томъ ему възычили и оное имене Блудово с тымъ въездомъ в дуброву Свинускую за тую жъ вышей менованую суму пенязей ему спустили. А такъ мы, взнавъши по немъ веръные а пильные заслуги его, которыми ся он цнотъливе а стале к намъ, паней своей, заховал, и наперед хотячи есмо его охотънейшого а поспешънейшого къ послугамъ нашимъ вчинити, з ласки нашое к той прозбе его прихилили и, з ведомостью короля его милости, пана малъжонъка нашого, оное вышеймененое именье Блудово в Луцъкомъ повете, купълю нашу, с тымъ въездомъ в дуброву Свинускую и со въсимъ, якъ панъ Богданъ Хребътовичъ намъ то продалъ, спустили есмо пану Михайлу Васильевичу, и его жоне, детемъ, и потомъкомъ, будучимъ ихъ щадкомъ за тую жъ суму нашу пенязей, которую мы Богдану за то дали, за двънадцать сотъ копъ грошей монеты и личъбы великого князства Литовъского; которую жъ суму пан Михайло за тое именье сполъна вжо до скарбу нашого отъдалъ и заплатилъ; а мы оное имене Блудово в моцъ его подати казали з дворомъ тамошнимъ, и со въсими слугами путъными, и людми тягълыми, и огородники того имени, с польми пашъными, дворъными и церковными, и з земълями людскими, съ сеножатьми, з гаемъ, и запусты, и ловы звериными и пъташъими, ставы, ставищи и с потоки, с криницами, и з млыны, и ихъ вымелъки, и з служъбами всими тыхъ людей, а з данми грошовыми и цынъши, и с коръчмами, и со въсими иными платы, доходы и пожитъки, якимъ кольве именемъ могуть названы або менены быти, а

к тому с приселъкомъ тамошънимъ з Десятиною, якъ намъ Богданъ то продалъ, и с тымъ въездомъ в дуброву Свинускую, якъ на привильехъ и листехъ короля его милости Алекъсанъдровыхъ отъцу Богъданову пану Марътину Хребътовичу естъ выписано, со въсимъ правомъ, панствомъ и властъностью, ничого на насъ и потомъки наши в ономъ имени и въезде не выймуючи, а ни зоставуючи. И который листъ продажный отъ Богъдана Хребътовича и потверъженье короля его милости пана а малъжонъка нашого на то в себе есмо мели, тотъ листъ нашъ купъчий и потверженый короля его милости пану Михайлу отъдати казали. И въжо не маемъ мы и потомъки наши, а ни тежъ Богъданъ Хребътовичъ, и жона, и дети, и ближние з роду ихъ, а нихто инъший в тое имене Блудово и в оный въездъ в дуброву Свинускую и во въси пожитъки тамошъние ничимъ ся вступати и никоторымъ правомъ того под ними поискивати нине и на потомъные часы; лечъ маеть панъ Михайло, и его жона, и дети, и потомки ихъ то все вечъне и навеки непорушно деръжати и кому хотячи то отъдати, и продати, и даровати, и на церковъ записати, и тамъ собе разширити, и прибавити, и къ своему лепъшому а въжиточному обернути, якъ ся нелепей имъ будеть видети. И на то дали есмо пану Михайлу, его потомъкомъ сесь нашъ листъ и печать нашу къ нему привесити есмо казали. Писан у Кракове, подъ летъ. Божъ. нарожъ. тисеча пять сотъ тридцать девятого року, мѣсяца декабря двадцать девятого дня, инъдикта третегонадцать.

Где жъ есмо, на жеданье королевой нашой ее милости великой княгини Боны и на чоломъ битье писара нашого пана Михайла Васильевича то вчинили, и на то дали есмо ему сесь нашъ листъ и оную купълю его имене Блудово и с тымъ въездомъ в дуброву Свинускую, потверъжаемъ симъ нашимъ листомъ вечъно и навеки непорушно самому пану Михайлу, и его жоне, и детемъ, и напотомъ будучимъ

щадкамъ ихъ, з дворомъ тамошънимъ Блудовъскимъ, и со въсими слугами путъными и людми тягълыми, и огородники, и с польми пашъными, дворъными и церковъными, и земълями людскими, а сеножатьми, и гаемъ, с запусты; и з ловы зверинными и пъташъими, съ ставы, ставищи, с потоки и криницами, з млыны и ихъ вымелъки, съ службами всими тыхъ людей, з данми грошовыми а цынши, с корчмами и со въсими иными платы, доходы и пожитки, которые якимъ кольвекъ именемъ могуть названы або менены быти, и съ приселъкомъ тамошнимъ з Десятиною и с тымъ въездомъ в дуброву Свинускую, якъ на привильехъ и листехъ брата нашого Алекъсандра, короля его милости, естъ описано, и со въсимъ с тымъ, якъ ся оное имене Блудово и въездъ в дуброву Свинускую само в собе и въ границахъ и обыходехъ своихъ маеть; в которое жъ имене и въ тотъ въездъ не маеть через то королевая наша ее милость, ани Богъдан Хребътовичъ, и жона, и дети, и потомъки, ближъние з роду ихъ ничимъ ся вступати, а никоторымъ правомъ под паномъ Михайломъ и потомъкомъ его того поискивати на вечъные часы. Воленъ панъ Михайло, и дети, и потомъки его тую купълю свою именье Блудово и въездъ в дуброву Свинускую кому хотя отъдати, и продати, и даровати, и записати, и тамъ собе разширити, и прибавити, и къ своему лепъшому а въжиточъному оберънути, якъ сами налепей розумеючи. А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан у Кракове, под летъ. Божъ. нарожъ. 1540, мѣсяца апрель 1 день, инъдиктъ 13.

Иван Горъностай, подскаръбий земъский, маръшалокъ, писаръ.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит., № 22, л. 63—66-об.

20. Потверженье людей зъ ихъ платы и службами и мыто стародавное, водле реестру, ку именью Блудовскому, такъ тежъ границы и врочица, яко Богданъ Хребтович и комисары, ку розмеренью земли Блудовское высланые, копъцы закопали, вечностью.

Жикгимонт, Божъю милостью корол полский, великий княз литовский, русский, прусский, жомоитъский, мазовецъкий и иныхъ,—ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, ижъ што первей сего дворянинъ нашъ Богъданъ Хребътовичъ продал королевой нашой еи милости великой княгини Боне имене свое в земъли Волынской в повете Луцъкомъ на имя Блудовъ за дванадцать сотъ копъ грошей литовъское монеты на вечъность; водле которого жъ проданя своего перед вижомъ дворяниномъ нашимъ Жданомъ Словикомъ и перед лантвойтомъ луцъкимъ Яномъ Кграбинъскимъ, которому ее милость в том именью вряд поручила, тое именье Блудовъ в моцъ подалъ и земъли того именья завелъ, границы и врочища, по которымъ местъцамъ маеть то к оному именью еи милости быти деръжано, и тежъ люди, и въсякие входы, и пожитъки на реестре меновите описалъ, а печать свою посполъ с тымъ вижомъ нашимъ, к оному реистру приложилъ. Которое жъ имене, водлугъ заведенья его по тым границамъ и врочищамъ, на королевую ее милость немалый часъ было деръжано; а потомъ королевая ее милость тое имене Блудовъ рачила деръжати дати писару нашому пану Михайлу Васильевичу; какъ же онъ потомужъ тое именье, якъ он завелъ и объехалъ, по тым же границамъ и врочищомъ, деръжалъ. То пакъ яко намъ с Полщи до здешнего панъства нашого приехавъши, пан Шимъко Мацъкович, тивунъ виленъский королевое ее милости, жаловалъ, рекомо бы врядникъ пана Михайловъ немало земъли его властъное Скленское к оному

именю Блудову забралъ; а Богъданъ Хребътовичъ рекомо того ку Блудову не заводилъ; панъ Михайло к тому забраню к землли Скленской нияко ся не зналъ. Королевая наша ее милость, хотячи ся того певъне доведати, естъли бы што панъ Михайло з оныхъ грянипъ к Блудову, через Богъдана заведеныхъ, выступилъ, рачила ее милость тогожъ вижа нашого Ждана Словика повъторе тамъ послати и Яну Кграбенскому, и Богъдану Хребътовичу, и пану Шимъку на онъ же часъ быти велела; а оныхъ тыхъ границъ и врочищъ, яко онъ тое имене завелъ, мели передъ нимъ осмотрети и королевой ее милости справу в томъ дати. Якожъ оный вижъ и ленътвойтъ луцъкий на онуюземълю выездили, врядникъ пана Михайловъ тамъ же былъ; и тыхъ границ Блудовъскихъ они смотрели и такъ ся перед ними знашло и оказало, ижъ пан Михайло и врядникъ ничого з оныхъ границахъ не выступилъ, а одно жъ то деръжить, што онъ к Блудову завелъ и объехалъ; лечъ Богъданъ в тотъ час поведилъ, яко бы онъ тогъды оные границы омылне королевой ее милости заводилъ для того, ижъ в тотъ часъ зима была, снеги великие были спали, за которыми межъ а ни границъ Блудовъскихъ не могъ онъ видети, а рекомо бы то не были земли Блудовъские, але Скленские; и над перъшое завожене свое и на иншихъ местъцохъ границы Блудовъские онъ оказывалъ, и тымъ другимъ заведенемъ своимъ немало кгрунту Блудовъского ку Склену отъехалъ. И о што королевая ее милости позвы нашими Богъдана Хребътовича перед насъ позвать казала и на року позваномъ именемъ ее милость референдаръ нашъ княз Якубъ Уханский о томъ з нимъ перед нами очевисто мовилъ; где онъ такъ же тую объмылъку свою для часу зимъного въ завоженью оныхъ границъ поведилъ; а меновалъ, ижъ то онъ часу летъного другий раз заводилъ, тогъды по тому завелъ, яко отецъ его пан Марътинъ и он самъ тое имене деръжалъ. А

панъ тивунъ виленский просилъ, абы вжо подле того другого заводу и сознаня его при земъляхъ Скленскихъ былъ зоставленъ; и княз тежъ Якубъ Уханский широкими словы туюречъ объмовилъ. И мы на онъ часъ, тыхъ речей з обу сторонъ выслухавъши, вырокомъ нашимъ такъ сказали: ижъ которыи земъли, поля, и дубровы, и сеножати через продажу и перъшое объеханье свое отъ Блудова к именю пана Шимъкову Склену повъторе онъ отъвелъ, при томъ есмо пана тивуна зоставили; напротивъ того онъ маеть з ыньшихъ именей своихъ туюпродажу свою королевой ее милости наполънити под тымъ обычаемъ: естьли бы ее милость против того хотела в него взяти отъмену, тогъды онъ маеть з ыньшихъ именей своихъ, где бы ся королевой ее милости подобало, только жъ земъли, поль, и сеножатей, и дубровы, и такъ же доброго кгрунту и такъ много, колько онъ за другимъ отъеханьемъ своимъ отъ Блудова Склену отвелъ, королевой ее милости дати; а пакъ ли бы мела ее милость волю за тотъ весъ кгрунтъ подле важъности его пенязми отъ него заплату приняти, тогъды мають тыи вси земъли, поля, и дубровы, и сеножати, через него ку Склену отъ Блудова другимъ его заведенемъ отъведены, через комисары наши омотрены и размерены, а справедливе ошацованы быть; а при томъ кгрунъте всемъ, што вже другимъ разомъ заведено, королевой ее милости на вечъные часы есмо заставили, и на то особъливый листъ еи милости дали, и ку ошацованю оное земъли комисарей нашихъ есмо выслали, и рок певъный тому зложили, и онымъ комисаремъ достаточъную науку около того дали, яко ся они в томъ справовати мели. Какъ жо комисары, отъ насъ высланые, за росказаньемъ нашимъ на рокъ зложоный тамъ выездили, и туюземълю, которая ку Склену отъ Блудова отышла, розмерыли, а по тымъ местъцомъ, куды вжо ку Блудову земъли через Богъдана заведены, копъцы закопали и грани поклали, то пакъ панъ

Шимъко, тивунъ виленъский з участниками своими Яцъковою Скленскою и Манойлом намъ на Богдана жаловалъ и въказывалъ перед нами листъ великого князя Швитригайловъ и тежъ листъ нашъ судовый, на которомъ именю Скленскому границы меновите суть выписаны, через которые рекомо Хребътовичъ земъли ихъ Скленские ку Блудову отъвелъ; и просилъ, абы, водлугъ тыхъ листовъ при тыхъ границахъ и земъляхъ именья своего Скленьского, былъ захованъ. Ино писаръ нашъ панъ Михайло Васильевичъ, именемъ королевое ее милости, поведил перед нами, ижъ панъ тивунъ, будучи зведомъ всякимъ справамъ, которые ся тутъ у двора вашое милости королевъское не тылко перед вашою милостью, але и перед паны радами вашою милостью справують, и смеють ся того важити и таковые речи перед вашу милость приносити, абы выроки вашое королевъское милости были опакованы; бы(sic)милостивый кролю, перъвей того, кгды панъ Богъданъ Хребътовичъ тое имене свое Блудово королевое ее милости продалъ и земъли Блудовъские былъ завелъ, и потомъ, кгды он омылность свою в тыхъ границахъ перъшимъ завоженемъ своимъ поведилъ и меновалъ, ижъ то сут земъли Скленские, а не Блудовъские, и за ся повторе границы именью Блудовъскому заводилъ, а отъ первшого заведеня своего немало земъли ку Склену упустилъ, тогды пан тивунъ на онъ часъ ничого з вышей земъли Скленьское, ку Блудову отъведеное, былъ не поведелъ, а жадныхъ привильевъ и листовъ, якъ теперъ его собе менуеть и покладаеть, не меновалъ; одно просилъ, абы при томъ, што Богъдан другий кроть отъвелъ, былъ захованъ; гдежъ ваша милость рачилъ при томъ его заховати; а при томъ другомъ а последнемъ его заведени рачилъ ваша милость королевую ее милость на вечъные часы зоставити, на шъто и лист свой королевое ее милости ваша милость рачилъ дати, при которомъ прошу, именемъ ее милости, абы водлугъ того

перъшого выроку и листу вашое королевъское милости ее милость была захована. А такъ мы, тымъ всимъ речамъ добре а достатечъне выразумевъши и бачечи на перъший вырокъ нашъ, ижъ на он часъ, кгды панъ Шимъко тивунъ виленский о земъли свое Скленские ся впоминалъ, и яко вжо другий кроть Богъданъ Хребътовичъ земъли от Блудова ку Склену отъвелъ, тогъды онъ просилъ, абы пры тыхъ земъляхъ былъ захованъ, а больше того в оныхъ земъляхъ жадной кривъды быти не менилъ и никоторыхъ листовъ на то не покладалъ; а теперъ ачъкольвекъ оные листы покладаеть, на которыхъ именью Скленскому границы менуеть, тогды то вжо ему ку помочи, а тому именю Блудовскому ку шкоде не маеть быти; где жъ вжо в тотъ кгрунтъ, земъли, поля, и сеножати, дубровы, што панъ Богъданъ другим заведенемъ своимъ королевой ее милости к оному именю Блудовскому завелъ, не маеть панъ тивунъ з участниками своими, а ни ихъ потомъки ничимъ ся вступовати й вечъное молъчане в томъ мети; лечъ то все ку именю Блудовъскому, водлугъ другого заводу его, маеть быти деръжано вечъно и навеки непорушно; а тые листы яко князя Швитрыгайловъ, такъ и нашъ судовый, не мають именю и границам Блудовъскимъ ничимъ шкодити нине и на потомъные часы. А што ся дотычеть людей, мыта и въсякихъ доходовъ и пожитъков именья Блудовъского, которые меновите на реистре под печатьми через пана Богъдана и дворанина нашого Ждана Словика суть описаны, кроме тыхъ границъ перъшого завоженья Богъданова, мы оный реистръ казали слово отъ слова в семъ нашомъ листе выписати, который жо такъ ся в собе маеть:

Люди Блудовъские: Онацко тивунъ, Гринец Каленикъ, Андреецъ Каленикъ, Олисей, Терехъ, Иван, Хома, Курыло, Васко, Малашецъ, Степанъ Кунашъ, Жукъ Ѳецовичъ, Мацъко, Олисей, Васко, Юнецъ, Наумецъ, Некрашъ, Остапко, Каръпъ,

Иванъ Устьянъцович, Иванъ Гавъриловичъ, Иванъ Климовичъ, Мацко Михалецъ, Некрашевичъ а Каръпъ Нитиловичъ, Остапъ Живъневичъ, а Иванецъ, Сава, Насон, Миц, Ѳедецъ, Моисеецъ, Гринецъ, Олекъсей, Ѳедецъ, Климъко, Терехъ, Богъданец, Стецъко, Сенько а Остапъко, Лукъянъ, Игнатъ, Радко, Мотосецъ, Сенько, Богъданецъ а Стецъко Лещевичи, Каленикъ, Живълевичъ, Самъ, Хамичъ, Ивановая вдова, Юшъко литъвинъ, Иванецъ Вейковичъ; Иванецъ Калениковичъ на чверъти дворища седить, а три чверъти того дворища пусты; а то огородники: Игнат, Железко, Горъдей, Хвилъ, Гукъ, Иванецъ, Минецъ, Макаръ, Васко, Михалко, Ходоръ, Дихъ, Сенко чоботаръ, Васко борътникъ, Еремей, Грин, Трохимъ, Яцъко мельникъ, Малей чоботаръ, Малашъ, Омельянецъ, Онацко, Глебъко, Хома, Опанасъ, Семакъ, Жукъ, Еско, Васко, Яцъко, Попъко, Ѳедецъ Торъкмышевичъ боярин, Жуковая вдова бояриня, а под собою двухъ человеков маеть. А то коръчми ты, которыи пиво, горелку деръжать и отъ того капъщизну дають, на имя; Матъфеецъ, Стецъко, Макаръ, Гринец, Иванецъ, Юско, Васко, Сенко. А што ся ткнеть служобъ, и платовъ, и доходовъ, што повинни тые люди и огородники, и коръчмиты давати, то широко естъ на ономъ реистре ихъ описано. А мыто Блудовъское съ стародавъна, такъ ся в собе маеть: отъ телеги по сту толъпъ на дворъ, а на врядника десетъ толпъ соли; а з возка, который двема коньми з солью идеть, на дворъ сто толпъ, а на въряднника десять толпъ; а который возокъ одънымъ конемъ и з солью идеть, отъ того на дворъ пятьдесятъ толпъ, а на въряднника пять толпъ; а коли телеги, або возы накладные идуть гостинные откуль кольвекъ через Блудовъ, отъ воза дають по грошу, а отъ порожънего воза по два пенязи, а по колачу на врядника; а чие кольвекъ люди князские и панские едуть до торъгу до которого кольвекъ з накладными возы через Блудовъ або на яръмаркъ, ма(ють) дати мыта по

пенезу, а отъ порожънего ничего не дають; а коли чии люди пана своего збожъе везуть до торъгу, отъ того ничого не дають; а к тому хто кольвекъ жид або хрестиянинъ с которое кольвекъ стороны через Блудовъ волы або яловицы женеть на продажу або купивъши, тотъ маеть дати отъ вола и отъ яловицы по полъгрошку, и тежъ отъ дробъного быдла, коз, овецъ, свиней, хто женеть продати або купивши, маеть дати отъ кожъдое головы по пенезу. А такъ тые вси люди вышейпоименованые, зъ ихъ платы и служъбами, и мыто Блудовъское стародавъное, водле оного реистру, потверъжаемъ и тымъ листом нашимъ к именю Блудовъскому привлащаемъ, и тые тежъ границы и врочища, яко Богъданъ другий кротъ завелъ, и яко тежъ тые комисары, которыи ку розмеренью земъли Блудовъское были высланы, копъцы закопали и грани поклали, при моцы зоставуем и такъже симъ нашимъ листомъ ихъ потверъжаемъ вечъно и навеки непорушно. А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. При томъ были панове рада наши: княз Павелъ виленский, княз Юрый Фальчевъский, бискупъ луцъкий и берестейский, княз Венцлавъ, бискупъ жомоитский, воевода полоцъкий, маръшалокъ нашъ панъ Янъ Юръевичъ Глебовича, воевода витебъский, маръшалокъ нашъ деръжавъца волъковыйский панъ Матей Войтеховичъ Яновича, и иные панове рада наши. Писанъ у Вильни, под летъ. Божъ. нарожъ. 1541, мѣсяца дек. 18 дня, индиктъ 15.

Иван Горностай, подскаръбий земъский, маръшалокъ и писаръ.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 66 об.—69 об.

Родъ Барсановыхъ, Жоравницкихъ и Свинусскихъ.

Иванъ Барсанъ (при Витовтѣ)
|
Семенъ
|
Васько

Андрей, Яцко (при Казимирѣ)

Андрей:
- Марія (за Борсукомъ)
- Фенна (за Селецкимъ)
- Сидоръ (жена Ганна Ворисская, во второмъ замужествѣ за Маркомъ Жоравницкимъ)

Василій:
- Михаилъ Свинусскій (жена—княгиня Буремская)
  - Михаилъ (1560) (жена—княгиня Өед. Өедоровна Чорторыйская)
- Маркъ Жоравницкій
  - Михайло, Янъ, Василій
    - (Василій) Иванъ [1]

---

[1]) Этотъ сборникъ документовъ (касающійся одной фамиліи) служитъ цѣннымъ показателемъ быстраго образованія на Волыни крупныхъ владѣній неродовитыми дѣльцами, въ особенности королевскими писарями. Человѣкъ безъ фамиліи нѣкто Михаилъ Васильевичъ, получаетъ отъ короля пожалованіе на Волыни, довольно незначительное; но онъ самъ и за тѣмъ братъ его Маркъ въ теченіи 40—50 лѣтъ дѣлаются крупнѣйшими владѣльцами (первый отъ пожалов. ему имѣнія—Свинухъ получилъ фамилію Свинусскаго; второй отъ захваченнаго (по женѣ) имѣнія Жоравникъ назвался Жоравницкимъ. Первый женился на кн. Буремской; а сынъ его (Михаилъ) на кн. Чорторыйской; но этотъ послѣдній умеръ безпотомно. Маркъ, впослѣдствіи—епископъ, извѣстный своею буйною жизнію, продолжалъ оккупаторскую дѣятельность брата съ большею безцеремонностію какъ самъ, такъ и при помощи сыновей своихъ. Громкими дѣяніями ихъ наполнены актовыя книги луцкія и владимірскія во 2-й полов. XVI в. Многіе изъ актовъ этой фамиліи, вошедшихъ въ издаваемый сборникъ ихъ, имѣютъ сами по себѣ значительный историко-юридическій интересъ, въ частности въ отношеніи къ праву землевладѣнія.

XXXI.

Документы Бокіевъ-Печихвостскихъ 1508—1534 гг., предъявленные въ 1547 г. [1])

1. 1508 г., іюня 9. Король Сигизмундъ I подтверждаетъ на вѣчность Вас. Ив. Бокію имѣніе Печихвосты, пожалованное ему королемъ Александромъ и принадлежавшее прежде вел. князю тверскому Михаилу Борисовичу.

2. 1534 г., января 15. Король Сигизмундъ I утверждаетъ за Вас. Ив. Бокіемъ имѣнье Мятово, купленное имъ у Богдана Львовича Боговитиновича.

1. Потверженье пану Василью Ивановичу Бокию на имене Печихвосты на Волыни, в повете Луцкомъ, вечностью.

Жикгимонтъ, Божю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецъкий и иныхъ,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати. Билъ намъ чоломъ дворанинъ нашъ Василей Ивановичъ Бокий и поведилъ перед нами, штожъ братъ нашъ Алекъсанъдро, король и великий княз его милость, далъ ему именье у Волыни в Луцкомъ повете на имя Печихвосты, которое жъ перед тымъ деръжал земянинъ волынский Довъкгайло, а после того Довъкгайла отецъ нашъ, славное памети Казимиръ король его милость, тое имене далъ былъ великому князю Михайлу Борисовичу Тверъскому, и на то листъ, данину брата нашого, перед нами вказывалъ; и билъ намъ чоломъ, абыхъмо на то дали ему нашъ листъ и потвердили нашимъ листомъ на вечъность. Ино мы, з ласки нашое и тежъ для его вѣрное и накладное к намъ служъбы, то вчинили, на то дали ему сесь нашъ лист и потвержаемъ

[1]) Василь Ивановичъ Бокій, получившій отъ короля Александра имѣніе Печихвосты, сталъ именоваться Бокіемъ—Печихвосскимъ; это наименованіе сохранилось и за его потомками.

то симъ нашимъ листомъ: маетъ он, и его жона, и ихъ дети, и напотомъ будучие ихъ щадки, тое именье Печихвосты держати со въсими людми, и з ихъ землями пашными и борътными, и з сеножатьми, и з боры, и з дубровами, и з лесы, и з гаи, и з ляды, и з лядищи, и з хворостъники, и з ловы, и з ловищи зверинными и пташими, и с озеры и з болоты, и з реками, и з речками ихъ потоки, съ ставы и ставищи, и з рыбники, и з млыны и ихъ вымелъки, з даньми грошовыми, и з мыты коловоротъными и со въсими иными доходы и поплатки, которымъ кольвек именемъ могуть названы або менены быти, и со въсимъ с тым, какъ тое именье предки его деръжали—Довъкгайло и княз великий Михайло Тверский—такъ долъго и широко, какъ ся тое именье Печихвосты съ старадавъна у своихъ границахъ маеть, ничого не оставъляючи на насъ и на наши наслѣдки; и воленъ онъ тое вышейписаное именье Печихвосты отъдати, продати, заменити, розширити и ку своему вжиточъному и лепъшому обернути, какъ ся ему и его справедливымъ наслѣдкомъ налепей увидить. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ в Новегородце, лета Божъего 1508, мѣсяца июнь 9 ден, инъдиктъ 11.

При томъ были воев. троц. пан Миколай Миколаевич, гет, староста луцкий маршалок Волынское земли, княз Кос. Иван. Острозский, пан троц., стар. жомоит. пан Станислав Петрович, мар. нам. волковинский пан Янъ Яновичъ Забезенскій.

2. Потверженье Василью Ивановичу Бокию на имене Матово, купленое у Богдана Боговитиновича на вечность.

Жикгимонтъ, Божю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, прускій, жомоитъский, мазовецкий и иныхъ,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него

посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ земянинъ земъли Волынское Василей Ивановичъ Бокий и поведилъ передъ нами, што земянинъ нашъ Богъданъ Ильвовичъ Боговитиновича продалъ ему именье свое отъчизное на имя Мятово [1]) за шестьдесятъ копъ грошей литовское монеты, с польми и сеножатьми, з дубровами и з реками, и со въсимъ с тым, якъ тое именье в собѣ маеть, ему самому, и его жене, и детемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ на вечъность, на штожъ онъ и листъ купъчий, под сведомомъ и печатьми некоторыхъ людей добрыхъ и под его печатью, перед нами покладалъ; и билъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему нашъ листъ и тое именье вышейписаное Мятов, купълю его, потвердили ему нашимъ листомъ. Ино мы, того листу его купъчого огледавъши, на чоломъ битье его то вчинили,—на то даемъ ему сесь нашъ листъ, и тое именье Матовъ потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вечъно и навеки непорушно Василью Бокию самому, и его жоне, и детемъ, и напотомъ будучимъ их щадкам, зъ земълями, и з сеножатьми, и з дубровами, и з реками, и со въсими доходы и пожитъки, якъ ся тое именье Матово само в собе и въ границахъ и в обыходехъ своихъ маеть; и воленъ онъ тое именье, купълю свою, отъдати, продати, заменити, розширити, прибавити и ку своему лѣпъшому и въжиточъному обернути, водле купли своее и листу купъчого, яко самъ налепей розумеючи. А на твеpъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ у Вильни, под лет. Бож. нарож. 1534, мѣсяца ген. 15 дня, инъдиктъ 7.

Михайло, писаръ.

Лишов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 97об.—99.

---

[1]) Ниже оно пишется Матовъ.

XXXII.

Документы на имѣніе Собѣхлебцы, явленные 1579 г., іюня 18 въ Луцкомъ земскомъ судѣ Андреемъ Есифовичемъ Халецкимъ отъ имени всѣхъ потомковъ Францишка Фальчевскаго.

1. 1510 г., (инд. 13), іюня 3. Жалованная грамота королевы Елены Іоанновны боярину ея Григорію Путошинскому на имѣнье Собѣхлебцы въ Садовѣ и на двухъ человѣкъ до воли.

2. 1508 г. (инд. 11), марта 9, Грамота той-же королевы Елены намѣстнику ея садовскому Якову Кузьмичу о пожалованіи ею Григорію Путошинскому имѣнія Собѣхлебецъ.

3. 1539 г., мая 1. Продажная запись Тишка Григорьевича Путошинскаго бискупу луцкому Юрію Фальчевскому на имѣніе Собѣхлебцы.

Року 1579, месяца июня 18 дня.

На рокох судовых земских etc., перед нами, то ест etc., постановившисе перед нами очевисто у суду, пан Андрей Есифович Халецкий, судя земский речицкий, оповедал самъ от себе и от малжонки своее пани Галжки Францышковны Фалчевского, и отъ иншихъ всѣхъ швакгровъ своих и малжонок их милости, то ест пана Станислава Кграевского, столника подляшского, и сына его Доброгоста, и дочки его Катерины; князя Дмитра Курцевича-Булыги, зятя пана Станислава Кграевского, и жоны его, дочки пана Кграевского, кнегини Ядвиги; князя Дмитра Козеки Замлицкого и малжонки его кнегини Катерины; пана Федора Шимковича Скленского и малжонки его пани Галены; пана Семена Дениска Матфѣевского и жоны его пани Дороты, пана Яна Котлинского и жоны его пани Маруши, и панны Ядвиги, которая еще лѣтъ не мает,—от всих зятей, дочок, внуков и внучок небожчика пана Фронцышка Фалчевского, тыми словы: иж дей яко дня вчорашнего, в середу, месяца июня семогонадцат дня, ее милост пани Фронцышковая Фаличевская пани Ганна з Соботки, теща наша, мѣла справу у суду вашей милости с паномъ Олехномъ и паномъ Иваном Путошинскими о властное имене наше, намъ всѣмъ вышеймено-

ванымъ и жонамъ нашимъ по небожчику пану Петру Фалчевскомъ, шурине нашомъ, правомъ прирожоным припалое, Собѣхлѣбцы, которое имене менят быти панове Путошинские отчизною своею; а так якомъ я вчора перед вашею милостю оповедал и тепер тыеж слова потвержаю, иж пани Фалчевская, теща наша, до того именя Собѣхлебец ничого не мает и тое имене никоторым правом еи не ест записано, бо она ест венована на имепях полских, а до всѣхъ именей тутошних, в земли Волынской кгрунтом лежачих, жадное потребы и владности не мает, яко до властности нашое намъ и жонамъ нашимъ належачое; так теж погpapy не мает моцы пани Фалчевская о имене наше ни с кимъ права вести и властности нашое потягавати, кгдыж того панове Путошинские ничимъ не довели, а ни показали, абы тое имене от малжонка ее пана Фронцышка Фаличевского албо от сына ее пана Петра Фаличевскаго, якимъ колвек правом еи было записано; а иж дня вчорашнего пани Фаличевская, теща наша, показывала в суду вашей милости никоторые листы и право на имене Собѣхлебцы; то учинила с тых причин, же панове Путошинские позывали позвы пани Фаличевскую, жебы она тое имене Собѣхлебцы у двадцати копах грошей заставою держала, а пани Фаличевская у суду вашей милости показала вызнане Тихна Путошинского, отца их, перед княземъ Федором Михайловичомъ Чорторыским, старостою луцкимъ, в котором светчит, иж продал имене свое Собѣхлебцы князю Юрю Фаличевскому, бискупу луцкому и берестейскому; и теж лист другий, писаный до печатниковъ, просечи, абы до листу купчого продажи его печати свое приложили, и иншие листы покладала; с которых дей листов явне и ясне значится оного именя Собѣхлѣбец не застава, але купля; а естли купля, тогды и вечност продажи от Тихна Путошинского небожчику князю Юрю Фаличевскому, бискупу луцкому; якож и при покла-

даню тых листов менованых на имене Собѣхлебцы у суду вашей милости пани Фаличевская повѣдила: иж дей я, чинечи декрету судовому, о роцех перших трекролских выданому, досыт, штомъ мѣла в себе на то права, то у суду вашей милости покладала; але дей вѣчност и права на тое имене Собѣхлебцы ест у зятей моих, которым тое имене власне належит. И взели ваша милост тую справу панов Путошинских с пани Фаличевскою на выrокъ свой. А я, ач есми о то з швакграми моими, яко з учасниками до того имени Собѣхлебецъ, не припозваны, але перед вашею милостю, яко урядомъ, показую и оповедаю у суду вашей милости, иж тое имене Собѣхлебцы ест власност наша, намъ належачая. Якож и лист купчий, тоест продажу небожчика Тихна Путошинского, также два листы королевое ее мл. полское и великое кнегини Алены перед нами покладал и просил, абы слово от слова были записаны; которых мы огледавши до книг земских записати велели, и так ся в собѣ мают:

Алена, Божю милостю королевая полская, великая кнегини литовская, руская, пруская, жомоитская и иных: бил намъ чоломъ боярин наш Григорей Путошинский и просил в нас земли в Садове Собѣхлѣбцов и к тому дву чоловѣков из Садово на имя Гринца Быбки а Ивашка Нѣжки; и мы ему в томъ ласку нашу вчинили, тую землю вышейписаную Собѣхлѣбцы и тыхъ двох чоловѣковъ вышей писаных Гринца и Ивашка ему дали; а он мает тую землю Собѣхлибецкую держати зо всимъ по тому, какъ пан Богдан Гостский держал до нашое воли и лист сес наш на то дали есмо ему з нашею печатю. Писан у Биршталех, июня третий ден, индиктъ третегонадцат дня(sic.)

Алена, Божю милостю королевая полская, великая кнегиня литовская, руская, пруская, жомоится и иных,—наместнику нашому садовскому Якову Кузмѣчу: билъ чоломъ

боярин нашъ Григорей Путошинский и просил у нас землѣ на имя Собѣхлебцов, што есмо купили у пана Богдана Гостского на Волыни; ино мы з ласки нашой дали ему тую землю Собѣхлѣбцы со всим по тому, як ся тая земля в собѣ маетъ; и ты бы ся у тое не уступал; нехай он тую землю держит, а намъ с того служит. Писан у Вилни, марта девятый ден, индикта одинадцатаго.

А то ест лист продажный пана Григорія Путошинского такся в собѣ мает:

Я, Тишко Григоревич Путошинский, чиню явно и ознаймую тымъ моим листомъ, кому будет потреба того вѣдати сего часу и напотомъ завжды, штож я, не будучи ни от кого примушон, а ни намовен, але по своей доброй воли, будучи есми должный и потребный пенезей, продалъ есми остров земли част от именя моего Ватинца, прозываемую Собѣхлѣбцы, земли, кгрунты и селище князю Юрю его милости Фаличевскому, бискупу луцкому и берестейскому, поля, дубровы, и сеножати, ставы, ставищами, з болоты, реками и рѣчками, з ловы звериными, и со всим по тому, якся тая земля и селище мое Собѣхлѣбцы сами в собѣ з давных часов мает, за суму пенезей за сто и двадцат копъ грошей личбы литовское, личечи по десети пенезей бѣлых в грош, вѣчно навеки непорушно, его милости самому, брати, кровнымъ и повинным его милости; и мает его млст княз бискуп тую землю и селище мое Собѣхлѣбцы со всим по тому, якося само в собѣ и во всих границах своих мает, штомъ его милости отграничил от Ватинца держати и вечне уживати; волен его мл. самъ и близкие его милости тую землю и селище Собѣхлѣбцы отдати, продати, заменити, на костел записати и ку своему лепшему обернути; а я самъ, жона, дѣти, потомки и щадки, и никто з близких и обчих людей не мают ся в тую землю и селища Собѣхлѣбцы уступовати и под княземъ бискупом его милостю и близкими

его мл. поискивати, и никоторое переказы чинити, одно ся в том спокойне заховати; а еслибых я самъ, або сынове и дочки мое, потомки и щадки мое, запаметавши сее вечистое продажи моее, в тую землю и селище Собѣхлѣбцы уступовалисе и якую колвек переказу чинили, тот мает заплатити заруки господару королю его милости сто копъ грошей, а князю бискупу або близкимъ его милости другую сто коп грошей литовских; а всѣ земли, поля, дубровы и сеножати, естли бы ся хто в них уступовалъ, очищати маю. И на то я его мл. князю бискупу луцкому даю сес мой вечистый лист продажный з моею печатю. А при томъ были и того, всего добре свѣдоми их милост княз Василей Федорович Четвертенский, пан Федор Сербин, а пан Михайло Гулевич; которые панове за прозбою моею печати свои приложили к сему моему листу. Писан в Торчине, лѣта Божого нароженя тисеча пятсот тридцат девятого, месяца мая первого дня, индикт вторыйнадцат.

А такъ мы тое оповедане его милости пана Андрѣя Халецкого, суди земского речицкого, и тые листы вышей писаные и от его мл. перед нами у суду покладеные слово в слово, с початку аж до конца, до книг справ судовых земских записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2095, л 535, актъ 180.

XXXIII.

1509 г. іюля 13. Грамота кор. Сигизмунда I, дворянину Михаилу Павшѣ на два селцьа: Джурджевичи и Зубковичи въ Кіевскомъ повѣтѣ.

Жикгимонт, Божю милостью корол полский, великий князь литовский, руский, княжа прускоe, жомоитской и иных, —

Воеводѣ киевскому князю Юрью Александровичу [1]): бил намъ чоломъ дворянин нашъ Михаило Павша [2]) и просил в нас двух селец пустых в Киевскомъ повѣте в Волевской волости, на имя Джуржевичов а Зубковичов; а повѣдил перед нами, штож дей вси люди тых селецъ поганство татарове побрали; ино естли будеть так, как он нам повѣдил, и мы ему за его службу тым два селца Джуржержевичи (sic) а Зубковичи дали; и твоя бы милость казал в то ему дати одвязане. Писан в Краковѣ, июл. 23 день, индикт 12.

Арх. Кіев. Арх. Ком. № 28.

XXXIV.

1511 г., іюля 22 Грамота короля Сигизмунда I кн. К. И. Острожскому на право пожизненной опеки надъ Жидичинскимъ монастыремъ [3]).

Жикгимонт, Божю милостью король и великий князь.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто.... Билъ нам чоломъ гетманъ наш, староста луцкий, бряславский и вѣницкій, маршалок Волынское земли князь Костянтинъ Иванович Острозский о том: што есмо дали ему манастыр в Луцком повѣте на имя Жидичин до его живота, который же манастыр здавна наша господарьское подане; ино билъ нам чолом князь Костянтин, абыхмо призволили ему в том манастыри святого Николы в Жидичини объщину въстановити и ряд справити, подлугъ их закону греческого. И мы для его службы к нам верное и николи не омешканое на его чоломбите то есмо вчинили, призволили есмо его мило-

---

[1]) Кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій былъ воеводою кіевскимъ въ 1508—1510 гг.

[2]) Михаилъ Павша затѣмъ расширилъ свои владѣнія въ Кіевскомъ воеводствѣ чрезъ королевскія пожалованья, получивъ въ 1510 г. Климятинъ въ Черкасск. пов., а въ 1511 г. Довгинъ, Клещевицы и Коцевичи въ Кіев. пов.; былъ намѣстн. Чернобыльскимъ уже около 1523 г. (см. Pocž. Rod., стр. 245).

[3]) Право поданья, или патроната, по западно-русскому праву, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ черты права вещнаго: а потому акты этого рода не могутъ быть исключены изъ числа актовъ владѣльческихъ.

сти въ том манастыри святого Николы въ Жидичине общину встановити и ряд справити манастырский, изрядити подлугъ ихъ закону греческаго, как на то слушитъ (sic); и тот манастыр Жидининъ даемъ и дали есмо ему в моцъ и в опекане до его живота; а по его животе мает тот манастыр зася прити в наши руки и в поданье. А што ся дотычеть выбиранья игумена к тому манастырю, мають князи и панове и земяне Волынское земли, посполу и съ старцы того манастыря, выбравши котораго чоловека доброго а к тому годного, и к намъ его прислати; а мы маем тот манастыр Жидичин ему дати. А от того манастыря тот игумен чоломбитя мает нам дати шестьдесят золотых. И тая община изряженье в томъ манастыри, которую ж вставу и ряд справит им Костянтин, мает быти на вѣки вѣчныи непорушно, и то потвержаем сим нашим листом вѣчно. А на твердость того и печат нашу казали есмо привѣсити к сему нашому листу. А при том были панове рада наша: воевода вилинский, канцлер наш пан Миколай Миколаевич Радивиловичъ, воевода троцкий, маршалок наш дворный пан Григорий Станиславович Остиковича, пан троцкий, староста жомоитский, пан Станислав Янович, воевода полоцкий пан Станислав Глѣбовичъ, староста городенский пан Станислав Петровичъ и иншие панове рада наша. Псан у Берести, лета Божего тисеча пятсотъ перваго на десятъ, мѣс. июл к 22 день, индик 14.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 9, л. 45.

XXXV.

1512 г., іюля 8. Король утверждаетъ право собственности за Коиленскими на родовыя, купленныя ихъ отцомъ и выслуженныя имѣнья.

Потверженье земяномъ волынскимъ Томъку а Богушу Сачковичомъ Коиленскимъ на именья Коильно, Озъдютичи и Свойчево на вечность.

Жикгимонт, Божъю милостью корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецький и иныхъ,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешънимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: били намъ чоломъ земяне волыньские Томъко и Богушъ Сачъковичи Коиленские и поведили перед нами, штожъ после отъца своего малы зостали и летъ своихъ не мели; и которые деи листы дед ихъ и отецъ ихъ на именье Коилно мели, тые деи листы и въси статъки поганство татарове великой татаръщины, какъ у панъстве нашомъ воевали, в отъца ихъ побрали; и тежъ поведили перед нами, штож отецъ нашъ славъное памети Казимиръ король далъ отъцу ихъ Сачъку именье у Володимерскомъ повете на имя Оздютичи, и тотъ привилей, дату отъца нашого, перед нами покладали, в которомъ же привильи отца нашого, выписуеть, штожъ отъцу ихъ Сачъку за служъбу его веръную далъ тое имене Оздютичи, и его жоне, и детемъ, и напотомъ будучимъ щадкомъ ихъ вечъно и непорушно; и поведили тежъ перед нами, штожъ, з дозволеньемъ отца нашого Казимира короля, именье отецъ ихъ у Володимеръскомъ повете купилъ на имя Свойчево и листъ дозволеный на тую купълю отъца нашого и купъчий тежъ листъ передъ нами въказывали; и били намъ чоломъ, абыхъмо мы тые именья отъчизъну и дедизну ихъ Коильно, и дату отъца нашого Озъдютичи и купълю отъца ихъ Свойчево [1]) привильемъ нашимъ потвердили на вечъность. И мы, угълянувъши в дату отъца нашого и листъ ихъ купъчий, и на ихъ чоломъбитье то вчинили, дали есмо сесь нашъ листъ имъ и потвержаемъ тые веръхуписаные именья имъ, и ихъ жонамъ, и детемъ и напотомъ будучимъ щадкомъ, и з людми со въсими, и з

[1]) Коильно, Оздютичи и Свойчево находятся въ нын. Владимірскомъ уѣздѣ.

землями пашными и борътными, и з лесы, и боры, и з дубровами, с польми, и сеножатми, с озеры, и з реками, з бобровыми гоны, ставы и ставищи, з млыны и ихъ вымелъки, з криницами, и з болоты, и з ловы и ловищи, и з мытомъ на Турьи реце; и мають они мыто брати на гребъли у в Оздючичовъ: отъ накладного воза по полъ грошу, а с тыхъ возовъ, которые с торгомъ ездять, по два пенези; а отъ вола, и отъ яловицы, и дробины и отъ пешого чоловека по пенезю. И мають они, и дети ихъ, и щадки тые именья верьхуписаные деръжати и въживати супокойливе и скромъливе зо въсими уходы и приходы тыхъ людей ихъ, с платы и податъки, и со въсимъ тымъ, какъ тые именья сами в собе и въ своихъ границахъ ся мають, ничого на себе не оставъляючи, якъ тое именье Озъдютичи на отъца нашого держано; и вольни они и наследъки ихъ в тыхъ именьяхъ розширити, и прибавити, и людми осадити, дворы и ставы справити, и продати, и заменити, и по души записати, и ку своему въжиточному и лепъшому оберънути, какъ ся имъ, и ихъ детем и наследъкомъ налепей увидить. А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ у Берестьи, под летъ. Божъ. нарожъ. 1512, мѣсяца июль 8 ден, инъдиктъ 14 (sic). При томъ были: воевода (?) кн. Мк., воевода троцки маршалок дворный пан Григории Остикович; гетманъ староста луцки, бирвень. маршалокъ Влынское змли кн. Кос. Иван. Островски и вси панове рада.

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 92—93.

XXXVI.

Документы Боговитиновичей (1512—1519 г.), предъявленные въ 1547 г.

1. 1512 г., окт. 4. Король Сигизмундъ I подтверждаетъ Богушу Боговитиновичу права, пріобрѣтенныя по завѣщанію, на село Берейстейцо.

2. 1519. Грамота кор. Сигизмунда I Богушу Боговитиновичу на имѣніе Ярославичи съ принадлежностями въ Луцкомъ повѣтѣ (по вопросу о выморочности пожалованнаго имущества, если въ жалованной грамотѣ не упомянуты боковые родственники).

1. Потверженье тому ж [1]) пану Богушу на именье на Волыни Берестейцо, от пани воеводиное виленское ему записаное тестаменътомъ ее вечностью.

Самъ Жикгкмонт, Божъю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, княжа пруское, жомоитъский и иных,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрит, або чтучи его услышить, нинешнимъ и напотомъ будущимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ маршалокъ и писаръ нашъ наместникъ довъкговский пан Богушъ Боговитиновичъ о томъ, што жъ воеводиная виленская пани Миколаевая Радивиловича небожъчица пани Зофея, отходячи сего света, отъписала ему в тестаменъте своемъ именье отъчизное властъное свое на Волыни, на имя Берестейцо, на вечъность, которымъ же именемъ отецъ еи небожъчикъ пан Рогатиньский даровалъ ей; и тестаментъ ее тотъ перед нами указалъ, въ которомъ же тое имене ему на вечность записала; и онъ билъ намъ чоломъ, абыхъмо ему на тое именье дали нашъ листъ и потвердили быхмо то ему листомъ нашимъ на вечъность. Ино мы, выслухавъши того тастамента небожъчицы панеи Зофеи, ижъ ему совсимъ тое имене отъписала, и з особливое ласки нашое на его чоломъбитье то вчинили, тое именье на Волыни на имя Берестейцо с приселъки, и со въсими людми путными и тягълыми, и з селищи пустыми, и з землями пашными и бортными, и з сеножатьми, и з реками, и з

[1]) Предъ тѣмъ въ кн. Зап. Лит. Метр. 22 помѣщено подтвержденіе кор. Сигизмундомъ Бог. Боговитиновичу правъ на дворъ Жуково въ Луцк. пов.; актъ напечатанъ въ Арх. кн. Сангушковъ, III. № 172, и здѣсь опускается.

речъками, и з бобровыми гоны, и з боры, и лесы, и дубровами, и з гаи, и з пасеками, и з мытомъ, которое здавна тамъ естъ, и з млыны и ихъ вымелъками, и з ловы звериными и пташъими, и з даньми и податъки того именя, и з уходы и со въсими платы и пожитъки, которымъ кольвекъ именемъ могуть названы або менены быти, и какъ ся тое имене съ стародавъна въ границахъ и в обыходехъ своихъ мело и нине маеть, и какъ небожъчица пани Зофея держала, потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вечно и навеки непорушно ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ, и напотомъ будучимъ щадкомъ ихъ; и воленъ онъ тое имене людми осадити, и разширити, и прибавити и къ своему вжиточному обернути, какъ самъ налепеи розумеючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан у Кракове, лѣта Бож 1512, мѣсяца октяб 4 дня индиктъ 4 (?). При т(ом) были: воевода киевскои, подчашии, намѣстник мерецкии и мозырскии пан Юрей Мыколаевичъ [1]), пан Станислав Бартошевич, Копот Васковичъ, писар, нам. жижморский.

2. Przywiley panu Bohuszowi Bohowicinowiczowi, marszałkowi, secretarzowi etc. na imienie Jaroslawiczi ze wsiami Podlescami y Hormodniczą, w powiecie Luckim, po Niemire Tołpyszinskim na krôla iego m. spadło, właznym prawem.

In nomine Domini. Amen. Ad perpetuam rei memoriam. Nos, Sigismundus, Dei gratia, rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiaeque etc. dominus et haeres,—significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis praesentibus et futuris, praesentium literarum

[1]) Юрій Никол. Радзивилъ; этотъ актъ есть одинъ изъ немногихъ, въ которыхъ онъ именуется воеводою кіевскимъ; вообще о его управленіи въ Кіевѣ сохранилось мало извѣстій.

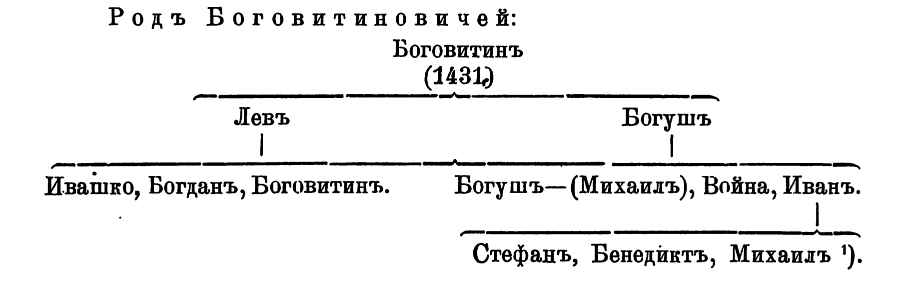
notitiam habituris, quia supplicavit nobis generosus Bohussius Bohowitinowicz, marschalcus et secretarius magni ducatus nostri Lituaniae ac tenutarius camenecensis, cui quemadmodum prioribus nostris literis donaveramus et dederamus bona, post deffectum nobilis olim Niemirae Tolpyszinskij et puerorum ipsius, villam Jarosławiczi et cum alijs villis, ad illam pertinentibus, videlicet Padlesczi z Horodniczeiu, et cum curia Kniahinino, in districtu Luceoriensi sitis, quae dictus Niemira a nobilibus Crzemianiezczi et Szabokricki coram nobis, iure mediante, obtinuerat et possiderat, et quae fuerant sibi suisque pueris nostro privilegio in perpetuum confirmata; deficiente vero illo et pueris ipsius, eadem ipsa bona ad nos propterea sunt devoluta, quo in privilegio, ipsi Niemirę per nos concesso, post defectum ipsius, propinqui eius non fuerunt denominati ac descripti; petiitqae nos humiliter dictus Bogussius, ut illi super eadem ipsa bona literas nostras dare et privilegio nostro confirmare in perpetuum dignaremur. Nos itaque, memoria repeten(tes) ipsius fidelia ac benivolia serivitia nobis per eum praestita, eiusque supplicationibus ac illustris domini Constantini Iwanowicz ducis Ostrovien(sis), castellani vilnensis et marschalci volinen(sis), exercituumque magni ducatus nostri Lituaniae generalis, ac luceorien(sis), braslavien(sis) et vinicen(sis) capitanei, sincere nobis dilecti, nobis pro ipso factis, annuentes, ipsi Bogussio bona antedicta Jarosławiczi, cum Podlesczi et Horadniczeiu et cum curia Kniahinino, damus, confirmamus et eodem nostro privilegio perpetuo attribuimus, ... ipsum, et eius uxorem, ac pueros, successoresque ipsorum legittimos cum dictorum bonorum hominibus daciaris et servilibus, alias s putnemi, terris agricultoris, alias s paczniami i zachodnymi, ac terris eiusdem curiae Kniahinino et agricultoris, millificijs, pratis, datijs grossorum et mellis ac mardurum, dacîjs frumentarijs, alios dziakly, siliginis et avenae, borris, gaijs, mericis,

indaginibus, rubetis, paludibus, fluminibus, fluvijs, venationibus castorum, piscinis, alvearijs, alias stawisczi, molendinis et eorum emolumentis, stagnis, ita late, longe et circumferentialiter, prout ipsa bona in suis metis et granicijs continentur, et prout illa praedictus Niemira possidebat, tenenda, habenda, utifruenba, dilatanda, adaugenda, pacifficeque et quiete possidenda, vendenda, alienanda, convertenda, ac in suos beneplacitos, prout ipsi et eorum posteris melius et utilius videbitur, expedive convertenda. jn quorum omnium fidem, robur ac testimonium praesentibus sigillum nostrum est subappensum. Actum et datum Cracowiae dominica Palmarum, anno Domini millesimo quingentesimo decimo nono.

Sigismundus rex.

Лит. Метр., Кн. Запис. Лит. № 22, л. 2-об.—3-об., 4-об.—5.

Родъ Боговитиновичей:



[1]) Родъ Боговитина (упом. въ 1431 г.), повидимому, первоначально не имѣлъ никакого отношенія къ Волыни; сыновья Боговитина Левъ и Богушъ своею дѣятельностью и имѣніями принадлежатъ Берестейскому воеводству. Тамъ же остаются и дѣти Льва. Съ Волынью завязалъ отношенія Богушъ-Михаилъ (къ которому и относятся настоящіе акты): Софья (въ правосл. Федора) вдова Николая Радзивила, урожденная Рогатинская, завѣщала ему свое имѣніе Берестейцо. Затѣмъ онъ два раза женился на представительницахъ важнѣйшихъ волынскихъ родовъ: въ 1-й разъ на княжнѣ Острожской, во 2-й на Сангушковнѣ Федѣ. Но дальнѣйшій родъ Боговитиновичей продолжается на Волыни братьями его Войною и Ваномъ (самъ Богушъ мужского потомства не оставилъ). Центромъ ихъ владѣній становится Шумскъ. Имѣнія же, пріобрѣтенныя Богушемъ Богушевичемъ (пожалованіе ему Ярославичъ, Кнегинина и пр.,) б. ч. перешли къ Сангушкамъ—Кошерскимъ.

XXXVII.

1514 г. (инд. 2), дек. 7. Жалованная грамота кор. Сигизмунда I кн. Ивану Юрьевичу Жеславскому на имѣніе Садово въ Волынской землѣ. Явлена предъ Луцкимъ трибуналомъ въ 1578 г.

Лѣта по нарожени Исус Христовом Сына Божого 1578, месяца декабра 6 дня.

На рокох судовых великих трыбуналских, на ден светого Мартина рымское свято в року нинешнем семдесят осмом, водле констытуцыи сойму варшавского, судити початых, перед нами депутатами земли Волынское, то ест Григоремъ Гулевичом, хоружим земли Волынское, Иваном Чапличи(sic) Шпановским, войским земли Волынское луцкимъ, Ерофеем Госким, Федором Кадяном Чапличом Шпановским, Дмитром Козекою, а з воеводства Бряславского Василем Гулевичом, войским володимерским; а при нас на тот час был суд земский луцкий: князъ Остафей Соколский, а пан Иван Хреницкий подсудок. Ставши очевисто в замку господаръском Луцкомъ перед судом зуполным трибуналским, их милости велможные панове княз Януш а князь Михайло Жаславские показывали лист привилей господаръский с печатю славное памети короля его милости Жикгимонта на имене Садово в земли Волынской, даный прадеду их милости князю Ивану Юревичу Жеславскому под датою индикту второго, месеца декабра семого дня, и просили их млст, абы для вшелякое небезпечности, звлаща, которая ся часто деет здесе, в земли Волынской, через кгвалтъ а огон от неприятеля христыянского, великого войска поганского, татар, тот лист привилей на потомные часы за писанемъ до книг earован и объяснен был. Который мы, огледавши и читат перед собою казавши, яко ся сам в собе мает, слово до слова в книги земские справ наших трибуналских вписат дали.

Жикгимонт, Божю милостю корол полский, великий княз литовский, руский. княжа пруское, жомоитский и иных: бил нам чолом княз Иван Юревичъ Жеславскій и просил в нас именя у Волынской земли на имя Садово, которое держала невестка наша небожчица королевая ее милост и великая кнегиня Александровая Алена; ино мы, впаметавши его верную а справедливую службу к брату нашому королю его милости Александру и к нам, и з ласки нашое на его чоломбите то вчинили, тое имене Садово ему есмо дали со всим с тым, как королевая еи милост Александровая небожчица Алена держала, опроче того, што будет брат нашъ его милост и мы людей и землъ садовских кому роздали; в то ся он не мает вступовати. Писан у Вилни, месяца декабра семого дня, индикту второго. А подпис того листу тыми словы: приказанемъ воеводы виленского канцлера пана Миколая Миколаевича Радивила а пана виленского гетмана найвышъшого, старосты луцкого, маршалка Волынское землѣ князя Костентина Ивановича Острозского [1]). Копоть Васковичъ.

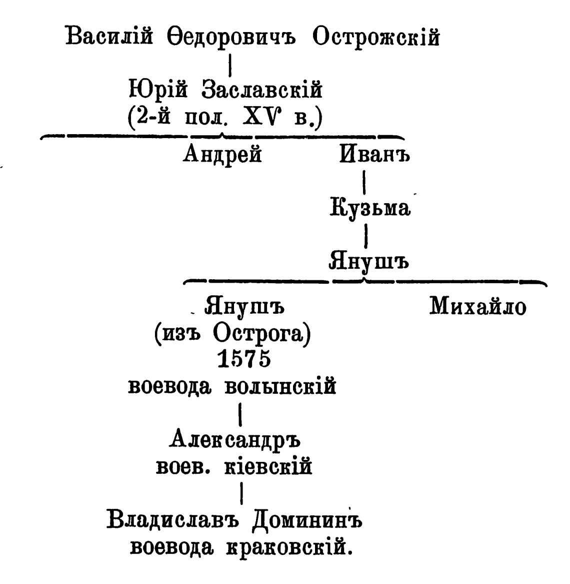
И кгды тот лист был вписан, их милость князь Янушъ а князь Михайло Жаславские выпис с книг справ нашихъ трибуналскихъ подъ печатью господаръскою земъскою и съ подъписомъ рукъ нашихъ депутатскихъ собе взяли. Писанъ у Луцъку.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2095, л. 231 об., актъ 69.

---

[1]) Кн. Констант. Ив. Острожскій былъ каштеляномъ виленскимъ въ 1512—1522, а Ник. Ник. Радзивилъ былъ воеводою виленскимъ въ 1510—1522, так. обр. инд. 2-й въ эти года падаетъ на 1514-й годъ, къ которому мы и пріурочиваемъ настоящій актъ.

Родъ кн. Жеславскихъ (Заславскихъ) [1]).



XXXVIII.

1513 г., (инц. 1) іюня 13. Грамота Сигизмунда Тишку Гринковичу Козинскому на имѣнія въ Полоцкомъ пов. (?)

Жикгимонт, Божю милостю король,—пану виленскому гетману нашому, старостѣ луцкому, маршалку Волынское земли, князю Костянтину Ивановичу Острозскому: бил нам чолом дворанин наш Тишко Гринкович Козинский и повѣдал нам, штож как был тыми разы на службѣ нашой в Черниговѣ, и там в шкоду великую попал,—слуги и кони ему побито; и пан воевода киевский до нас о том за ним писал, повѣдаючи, иж он, там будучи, в шкоды попал; и просил в нас трех служеб людей тяглых в Полоцком повѣте [2]) на имя Ста-

[1]) Родъ волынскихъ князей Заславскихъ не имѣетъ ничего общаго съ родомъ Минскихъ князей Заславскихъ (Евнутьевичей).

[2]) Такъ какъ грамота адресована старостѣ луцкому, то упоминаемыя здѣсь дворища должны находиться на Волыни, а обозначенье „Полоцкаго" повѣта должно быть признано ошибкою. Фамилія Козинскихъ владѣла въ луцкомъ пов. (см. ниже актъ о пожалованіи Олехну Козинскому с. Огавчичъ во владѣніе).

шина а Молохвѣица, а Ѳедца з братьею их; а в тых дей службах толко три дворища, на имя Полютичи, а Лызовичи, а Климковское; а к тому двух дворищ пустовских Конковского а Давыдовского; а повѣдал перед нами, што же дей перво того тыи люди и земли жидова деръжали; и какъ дей брат наш Александръ король его милость казал был жидов выгнати, и дал был то королевои ее милости ..... дръжати. Ино если будет так, как он нам повѣдал, будет ли то не так далеце тому нашому двору шкодно, мы за его вѣрную к нам службу тыи три дворцы з людми а два пустовских ему есмо дали со всим с тым, как ся здавна в собѣ мѣли; и твоя бы милость в то казал ему увязанье дати, а до нас о том отписал. Писан в Радомли, июн 13 ден, индикта 1. При том был стар(оста) бѣл(ский) пан Ол(брахт) Мар(тиновичъ) Кгашт(олд).

Литов. Метр., кн. Запис. Лит № 9, л. 69.

XXXIX.

Документы на имѣнія Козинскихъ (1516—1525), предъявленные въ 1547 г.

1. 1516 г., авг. 3. Грамота кор. Сигизмунда I старостѣ луцкому князю К. И. Острозскому о пожалованіи Олехну Козинскому села Огавчичъ въ хлѣбокормленіе.

2. 1516 г., авг. 3. Жалованная грамота кор. Сигизмунда I Олехну Григорьевичу Козинскому на с. Огавчичъ.

3. 1518 г., мая 4. Грамота кор. Сигизмунда I старостѣ луцкому князю К. И. Острожскому о пожалованіи Олехну Козинскому двухъ дворищъ въ Заборольѣ.

4. 1518 г., мая 4. Жалованная грамота кор. Сигизмунда I Олехну Козинскому на два дворища въ Заборольѣ.

5. 1525 г., мая 12. Грамота кор. Сигизмунда I Олехну Козинскому на одинъ «уголъ» лѣсу, въ замѣнъ права участія въ общемъ лѣсѣ съ королевскими крестьянами въ Заборольѣ.

Олехъно Григоревичъ Козиньский оповедалъ, ижъ в ыменьяхъ своихъ мыта нигъде не береть; на выслугу села ключа Луцъкого листы покладалъ, которые нижеи слово отъ слова вписаны.

1. Листъ земянину волынскому Олехну Козинскому до старосты луцкого на село в повете Луцком Огавъчичъ.

Жикгимонтъ, Божю милостью король полский, великий княз литовъский, руский, пруский, жомоитъский и иныхъ,— пану виленскому, гетъману нашому, старосте луцъкому, марършалъку Волынъское земъли князю Костентину Ивановичу Острозскому: билъ намъ чоломъ земянинъ волынский Олехъно Козинский о томъ, штожъ ихъ братьи пять[1]), а отъчизну убогую мають; абыхъмо его осмотрели и пожаловали хлебокоръмленемъ, на чомъ бы ся мелъ поживити и намъ с чого послужити; и просилъ въ насъ села в Луцъкомъ повете на имя Огавъчичъ; а поведалъ намъ, штожъ в томъ селе три дворища, а на нихъ шесть человековъ седять; которое жъ дей село прислухало ключу Луцъкому. Какъ же и твоя милость в той речи насъ за нимъ жедалъ, ино мы на жеданье твоей милости и на его чоломъбитье то вчинили, тое село Огавъчичи зо въсимъ, какъ ключу Луцъкому держано было, ему есмо дали; и твоя бы милость въ томъ ему увязанье далъ. Писанъ у Вильни, авъгуста 3 день, инъдиктъ 4. Подписъ руки его королевъское милости. Богушъ[2]).

Литов. Метр., кн. Запис. Литов. № 22, л. 74 об.

2. Привилей тому жъ Олехну Григоревичу Козинскому на село Огавъчичъ въ повете Луцкомъ вечнымъ правомъ.

---

[1]) Въ Pccz. Rod. почему-то взято изъ этой грамоты показанье о 4-хъ братьяхъ Козинскихъ, а не 5. (см. стр. 152).

[2]) Эта грамота въ отношеньи къ слѣдующей есть только приказъ мѣстному старостѣ о вводѣ во владѣніе по состоявшемуся пожалованію. Настоящимъ актомъ укрѣпленія служитъ вторая грамота.

Жикгимонтъ, Божъю милостью корол полский, великий княз литовъский, руский, пруский, жомоитъский и иныхъ,— чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи услышить, нинешънимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ земянинъ волынъский Олехъно Григоръевичъ Козинский и просилъ в насъ села ключа Луцъкого на имя Огавъчичъ, а поведилъ намъ, штожъ в томъ селе три дворища, а на нихъ седять шесть человѣковъ. Ино мы з особливое ласки нашое на чоломъбитье его то вчинили, тое село в повете Луцъкомъ на имя Огавъчичи ему есмо дали и потверъжаемъ то симъ нашимъ листомъ вечъно ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкомъ, со въсими людми того села и з ихъ земълями пашъными и борътными, и з сеножатьми, и болоты, и пустовъскими земълями, и з боры, и з дубровами, и з лесы, и з гаи, и з хворосты, и з реками, и зъ речъками, и ставы, и ставищи, и з млыны и ихъ вымелъки, и з бобровыми гоны, и з ловы зверинъными и пташъими, и зо въсими служъбами тыхъ людей, и з даньми грошовыми, и медовыми, и бобровыми, и куничъными, и з ынъшими платы и пожитъки всякими, которымъ кольве именемъ могуть названы або менены быти, и со въсимъ с тымъ, такъ широко и округло, какъ ся тое село стародавъна в границахъ и в обыходех ся своихъ мело и нине маеть; и волен то онъ розширити, и прибавити, и людми осадити, и къ своему лепъшому и въжиточъному оберънути, какъ самъ налепей розумеючи. А на тверъдость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан у Вильни, под летъ Божъ. нарожъ 1516, мѣсяца авъгустъ 3 дня, инъдикта 4. Подпис руки его королевское милости. Прав. княз Костен. Богуш писаръ[1]).

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 75.

[1]) Копія этой грамоты была выдана при Лит. Метрики при кор. Владиславѣ IV въ 1641 г., сент. 17, по поводу разграниченіи имѣній Фирлея съ имѣніями Замойскаго. Она сохранилась въ акт. кн. (№ 2974 л. 130 об.) Кіев. Центр. Арх.

3. Листъ до старосты луцкого—Олехну Козинскому на дворища въ повете Луцкомъ, в Заборольи, Тимошевское з людми и Козинское пустое.

Жикгимонт, Божъю милостью корол полский, великий княз литовъский, руский, княже пруское, жомоитъский и иных,—пану виленьскому, гетьману нашому, старосте луцкому, браславъскому и веницъкому, маръшалъку Волынское земли, князю Костенътину Ивановичу Острозскому: билъ намъ чоломъ земянинъ волынъский Олехъно Козинъский и просилъ в насъ в Луцъкомъ повете въ Заборольи двух дворищъ на имя Тимошевъского з людми, которые на томъ дворищи седять, а другого дворища пустого на имя Козинъского. Какъ же и твоя милость насъ за нимъ о том жедалъ, ино мы з ласки нашое на жеданье твоее милости и на его чоломъбитье то вчинили, тые два дворища в Заборольи, Тимошевъское з людми, а Козинъское пустое, ему есмо дали со въсимъ с тымъ, какъ ся в собе мають; и твоя бы милость казалъ ему в то увязанье дати. Писан в Кракове, мая 4 ден, инъдиктъ 6. Богушъ.

Литов. Метр., кн. Запис. Литов. № 22 л. 76.

4. Привилей Олехну ж Козинскому на дворища тые ж Тимошевское з людми и Козинское пустое в повете Луцкомъ, в Заборольи, вечностью.

Жикгимонт, Божъю милостью корол полский, великий княз литовъский, руский, княже пруское, жомоитъский и иных,—чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нинешнимъ и потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ земянинъ волынский Олехъно Козинъский и просилъ насъ в Луцъкомъ повете, в Заборольи, двухъ дворищъ на имя Тимошевъского з людми, а другого дворища пустовского на

имя Козинъского. Какъ же панъ виленьский, гетъманъ нашъ, староста луцъкий, браславъский и веницкий, маршалокъ Волыньское земъли, княз Костенътинъ Иванович Острозский насъ за нимъ о томъ жедалъ, мы з ласки нашое, на жеданье князя Костенътина его милости и тежъ для его к намъ веръное служъбы, на чоломъбитье его то вчинили, тые две дворища в Заборольи, Тимошевъское з людми, а Козинское пустое, ему есмо дали на вечъность и потверъжаемъ то симъ нашимъ листомъ вечъно ему, и его жоне, и ихъ детемъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ. Маеть онъ и потомъки его тые вышейписаные два дворища в Заборольи Тимошевъское з людми а Козинское пустое держати зъ земълями пашъными, и сеножатьми, и з хворосты, и з зарослыми, и с озеры, и з реками, и речъками, ставы и ставищи, и з млыны и ихъ вымелъки, и з ловы пташъими, и з даньми грошовыми, и медовыми, и куничъными, и з чинши зо въсими иными платы, и пожитъки, и податми, и службами тыхъ людей, и ихъ входы и со всимъ с тымъ, как ся тые два дворища вышейписаные и тые люди, которые на дворищи Тимошевскомъ седят, сами в собе и въ границахъ ихъ и в обыходех ся своих мают, и какъ тожъ на насъ были держаны. Где будуть перед тымъ люди тыхъ дворищъ вышей писаныхъ в гаи Заборольскомъ дрова, и хворост и колье бирали, они и тепер тамъ въ гаи Заборольскомъ дрова и хъворостъ, колье мають брати по давъному. Воленъ онъ то собе разширити, и прибавити, и людми на тыхъ дворищах садити, и пашню собе справити и ку своему лепъшому и въжиточъному обернути, какъ налепей самъ разумеючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. При томъ были: панъ виленьский, гетьманъ навышъший, староста луцъкий, браславъский и веницъкий, маршалокъ Волынское земъли княз Костенътинъ Ивановичъ Острозский, староста берестейский маршалокъ панъ

Юрий Иванович Ильинича, подскарбий земъский, староста ковенский панъ Авраамъ Езуфовичъ, подскарбий дворный, наместъникъ виленьский панъ Иванъ Анъдреевичъ, а писаръ, наместъникъ перевальский, пан Копоть Васильевичъ, а панъ Петръ Станиславовичъ, старостичъ городенский. Писанъ у Кракове, лета Божъ. нарож. 1518, мѣсяца май 4 ден, индиктъ 6. Подпис руки его королевское милости: Богушъ Боговитиновичъ, писаръ.

Литов. Метр., кн. Запис. Литов. № 22 л. 76 об. 77 74—77.

5. Потверженье тому ж Олехну Козинскому на уголъ гаю Заборолского, от старосты луцкого ему заведеного и ограничоного.

Жикгимонт, Божю милостью король полский, великий княз литовъский, руский, пруский, жомоитъский и иныхъ,— билъ намъ чоломъ земянинъ земли волынское Олехъно Гриньковичъ Козинъский о том, штожъ первей сего дали есмо ему дворища в Луцъкомъ повете, в Заборольи, на имя Тимошевъское а Козино, и дозволили есмо ему и людемъ его с тыхъ дворищъ заборольскихъ вход мети в гаи Заборольскомъ посполито з нашими людми по тому, якъ и перед тымъ за насъ было, какъ же и тую данину привильемъ есмо потвердили на вечъность; ино староста луцъкій княз Ѳедоръ Михайловичъ Чоръторыский, бачачи то, естли бы тотъ Олехъно и люди его посполито з нашими людми в тотъ гай уездъ мели, тогды нашимъ людемъ господаръскимъ в томъ шкода ся великая деяла: и онъ самъ и люди его, уеждчаючи в тотъ гай, з нашими людми зваду и грабежи чинили; и для того, на жеданье тивуна красносельского и всихъ людей нашихъ заборольскихъ, отъехали ему и людем его одинъ уголъ того гаю по путище, што на рокитъный лужекъ идеть через весь гай, и по тое путище где онъ и люди его маютъ уездъ мети; а далей за тое путище не маеть Олехъно и люди

его в тотъ гай нашъ уездчати, а никоторыхъ уходовъ мети. Какъ же Олехъно Козинъский тотъ уголъ гаю принялъ и листъ свой княз Өедор, староста луцкий, на то ему далъ, и тотъ онъ листъ перед нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, а быхъмо ему на то дали нашъ листъ и тотъ угол гаю потверъдили ему нашимъ листомъ. Ино мы на его чоломъбитье то вчинили, и на то дали ему сесь нашъ листъ, и тотъ угол гаю потвержаемъ ему симъ нашимъ листомъ: нехай онъ з людми своими уголъ того гаю деръжить и въездъ свой добровольный мають, подле заводу и ограниченья старосты луцъкого князя Өедора Чоръторыйскаго; а далей того в тотъ гай нашъ не маеть онъ з людми своими жадного уступу, а ни уходовъ мети, подле тежъ листу князя старосты луцкого. Писанъ у Кракове, под. летъ. Божъ. нарожъ. 1525, мѣсяца май 12 день, индиктъ 13. Горъностай, писаръ.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22 л. 74—78 об.

XL.

Документы Козинскихъ на владѣніе имѣніемъ Осмиговичами, представленные княг. Маріею Юрьевною Курбскою, урожд. княжною Гольшанскою, Владимірскому гродскому суду въ 1571 г., авг. 24.

1. 1541 г., марта 15. Судебное рѣшеніе кор. Сигизмунда I по тяжбѣ между кн. Андреемъ Михайловичемъ Козскою съ одной стороны и сестрою его Анною Козинскою и сыномъ ея Михаиломъ—съ другой, постановленное въ пользу послѣднихъ, о правахъ на им. Осмиговичи.

2. 1558 г., іюля 8. Грамота кор. Сигизмунда-Августа съ подтвержденіемъ дарственной записи Михаила Козинскаго женѣ его Марьѣ Юрьевнѣ, урожд. кн. Голшанской (съ прописаніемъ самой дарственной 1558 г., іюня 29) на имѣніе Осмиговичи съ приселками и на села Прусы и Ивань.

Лѣта от нароженя Исус Христова 1571, месяца августа 24 дня, у пятницу.

Постановившися обличне на вряде в замъку господаръском Володимерском, передо мною, Павломъ Григоръевичом Оранским, на тот час будучим подстаростим володимер-

скимъ, а передо мною, Иваном Петровичом Калусовским, судею кгродскимъ володимерским, кнегини Андреевая ее милостъ Михайловича Курпъская Ярославская кнегини Маря Юревна Голшанского, не будучи ни от кого ничимъ примушона, сама доброволне а устне до книг кгродских вызнала тыми словы: иж ку великой, пилной а властной потребе моей позычила и взяла есми въ его милости князя пана малъжонка моего князя Андрея Михайловича Курпъского ярославского певную а готовую суму пенезей, то есть чотыри тисячи копъ грошей монеты и личъбы великого князства Литовского, личачи по десяти пенезей белых у грошъ, и не маючи я чим тое сумы его милости отдати и заплатити, але знаючи на всем ласку щирую и милостъ его милости князя пана малжонка моего милого ку собе, в той вышеймененой суме пенезей, которую есми от его милости взяла, тоест у чотырох тисячахъ копахъ грошей личбы литовское, имене мое, мне от небожчика малъжонка моего пана Михаила Козинского дарованое и записаное, в повете Володимерскомъ лежачое, на и(мя) Осмиговичи село и двор и зъ приселъки, ку тым Осмиговичомъ приналежачими, тоестъ Ловищами, Коросневомъ, Сеневкою, Комаровою Волею и Волоским, зо всимъ на все, як ся тые именя здавна в собе маютъ, его милости князю Андрею Курбскому, пану малжонку моему, поступила и все право мое на тое именье Осмиговичи з приселъки ку нему приналежачими отдала и листом моим оное именье Осмиговичи с приселки его милости на вечность записала, который его милости первопомененому князю Андрею Михайловичу Курпъскому, пану малъжонку моему милому, под моею печатью и подписью властное руки моею, под сведомемъ и печатми панов зацных, на то дала, на котором ширей а достаточней описано и доложоно естъ; якъ же и тот листъ свой записный перед нами положила, который тут же очевисто

при ее милости самой у голос увес достаточне, почавши с почактку аж до конца, читан был и такъ ся в собе маетъ:

Я, Андреевая Михайловая Курпъская-Ярославская, кнегиня Марья Юревна Гольшанского, сознаваю то и чиню явно тым моимъ листом, кому будетъ потреба того вѣдати албо чтучи его слышати, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, иж ку великой а пилной властной потребе моей позычила и взяла есми въ его милости князя пана малжонка моего, князя Андрея Михайловича Курпъского-Ярославского певную а готовую суму пенезй, то естъ чотыры тисячи копъ грошей монеты и личъбы великого князства Литовского, личечи по десяти пенезей белых у грошъ, и не маючи я чим тое сумы его милости отдати и заплатити, але знаючи я на всемъ ласку щирую и милость его милости князя пана малжонка моего милого ку собе, в той вышей мененой суме пенезей, которую есми от его милости взяла, то естъ у чотырох тисячах копахъ грошей личбы литовское, пустила есми его милости князю пану малжонку моему, князю Андрею Михайловичу Курпъскому, имене мое, мне от небожчика малжонка моего пана Михаила Козинского дарованое и записаное, в повете Володимерскомъ лежачое, на имя Осмиговичи село и двор и зъ приселъки, ку тым Осмиговичомъ приналежачими, то ест Ловищами, Коросневом, Сеневкою, Комаровою Волею и Волоским, з бояры, и з ихъ именями, людми, и землями, и з слугами панцырными и путными, людми тяглыми, и з данными, огородниками, зъ землями в пусте лежачими, пашными, и з сеножатми, з деревом борътным, з ставами спустными и ставищами, з млынами и з ихъ всякими вымелками, з озеры, з гаи, з дубровами, з лесы, зо всѣмъ кгрунтомъ, и з с платы тых именей грошовыми, з даню медовою и дяколною, з быдлом дворнымъ, и з ловы зверинными и рыбными, и зо всими

входы и пожитъки, яким колвек именем названы будутъ и якося здавна тые именя сами в собе в обыходехъ и въ границах своихъ маютъ, и яко я сама држу и вживаю, зо всѣм, на все его милости князю Андрею Курпъскому, пану малжонку моему, в той во всей вышъшей меновите описаной суме пепезей чотырох тисячех копах грошей, даю и тымъ листом моим записую на вечност, ничого на дети мои, которые есми с першимы малжонками моими мела, а ни на близкие мое не оставуючи а ни выймуючи; якож и право мое все, за которым я тое имене Осмиговичи и приселки, ку нему прислыхаючие, отъ небожчика пана Михаила Козинского, малжонка моего, мне дарованые и записаные, держу, его милости князю Андрею Михайловичу Курпъскому, пану малжонъку моему, до рукъ отдала; вже и на его милостъ вливамъ и тым листом моимъ записую на вечность. И на том я, Андреевая Курпъская, Маря Юръевна Голъшанъского, его милости князю Андрею Михайловичу Курпъскому, пану малжонку моему милому, дала сес мой листъ под моею печатью и с подъписомъ властное руки моее. А при томъ были и того добре сведоми: их милость княз Анъдрей Ивановичъ Вишъневецкий, кашталян земли Волынское, панъ Гаврило Яковицкий, подсудокъ земский повѣту Володимерского, а пан Федор Солтанъ, писаръ земский володимерский; якож их милость, будучи того добре сведоми, водле очевистое а устное прозбы моее то учинили, а до сего листу моего печати свои приложити рачили. Писан у Миленовичах, лета Божего нароженя тисяча пятсотъ семъдесят первого, месяца августа двадцат второго дня. Андреевая Курпская Мари Юревна Голшанского, властная рука.

По вычитаню того листу кнегини Курпское, положила перед нами ее милостъ кнегини Курпъская листъ судовый светое и славное памети короля его милости полского и ве-

ликого князя литовского Жикгимонта, на паркгамене писаный, с привесистою печатью и с подписю руки его кролевское милости, справы пана Ивана Ґорностая, подскарбего земского, маршалка и писара его кролевское милости, што его кролевская милость рачил смотрети с паны радами его милости господаръскими, за листы позовными князя Анъдрея Михайловича Козеки, в жалобе его яко он жаловал на сестру свою панюю Тихновую Козинскую Анну и на сына ее Михаила Тихновича Козинскаго о листы купъчие, потверженье его милости господарское и иншие твердости на имене куплю отца своего Осмиговичи и о непоступене ему того имени Осмиговичъ, которое его королевская милость панеи Тихновой Козинской Анне и сыну ее пану Михаилу присудити рачил. Который листъ его кролевское милости перед нами читанъ былъ и такъ ся в собе маеть.

Жикгимонт, Божю милостю корол полский, великий князъ литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий и иных,—смотрели есмо того дѣла с панове радами нашими: стоячи перед нами очевисто, жаловал намъ за листы нашими позовными князъ Андрей Михайловичъ Козека на сестру свою панюю Тихновую Козинскую Анну и на сына ее Михаила Тихновича Козинского в тотъ обычай: иж которые листы купъчии, потверженье наше и иншие твердости на имене куплю отца моего на имя Осмиговичи подавала матка наша кнегиня Михайловая Козечиная небожчику мужови ее и ей самой, она тепер и зъ сыномъ своимъ тые листы и оное имене, куплю отца моего, нетъ ведома в которой обычай, на себе держитъ, а мне тых листовъ отдати, а ни того имени, купли отца моего, поступити мне не хочутъ. Ино на то Михайло Козинский, маючи от матки своее зупол́ное поручене и моцъ, черезъ листъ ему даную, перед нами поведил, иж матъка моя поспол со мною оное имене Осми-

говичи, куплю отца своего, за правомъ слушнымъ а достаточнымъ вже от двадцати лѣтъ и далей супокойне держитъ, а он к тому ничого не маетъ. На штож онъ положилъ перед нами тестамент деда своего князя Михайлов Федоровича Козечинъ под печатью его и под печатьми нѣкоторых людей добрых и потверженье наше на оный тестамент, в которомъ и подпис руки нашое естъ; где на томъ тастаменте князя Михайловомъ описуетъ, иж он далъ дочце своей старшой Анне имене свое купленое Осмиговичи, а другим дочкамъ двумъ казал дати з ыменой своих отчизных и материстыхъ по сту и по тридцати копъ грошей. А к тому положил Михайло Козинский листъ купъчий на тое имене Осмиговичи и тамъ на оном листе стоит описано, иж Миколай Бернатовичъ поспол и з жоною своею продал имене Осмиговичи зо всѣмъ князю Михаилу Федоровичу Козѣце на вечность и выписуетъ, иж волъно князю Михаилу тое имене, куплю свою, кому хотечи отдати, продати и записати. И просил Козинский, именемъ матъки своее и своимъ, абы водлуг тастаменъту и остаточнее воли и водлуг дару отца своего она при томъ имению, которого вже отъ колкадесят летъ, за даромъ отца своего, в держани есть, захована была; но не толко чарезъ тые листы, але и через давность земъскую, водле права посполитого, он к тому именью прийти не можетъ. Князъ Козека напротив того мовил, иж оный тастамент, который онъ ку помочи собе беретъ, моцы не маетъ и не даючи ему веры, абы от отца его был справован; бо дей матъка моя, кгды мя позвала была ку праву позвы маръшалка Волынъское землѣ старосты володимерского князя Федоровыми Андреевича Санкгушъковича, и в небытности на тот час князя Федоровы ино перед объчими никоторыми судями, з обу сторон на то взятыми, жаловала на мене о выправу дочъце своей, сестре моей, княжне Зофеи; я отказовал ей, иж вена сестре своей не бороню; нижли допи-

рался есми, абы ми вказала тестамент отца моего; и матъка моя перед тыми судъями обчими об ономъ тестаменте не поведала. И на то княз Козека положилъ листъ тых судей объчихъ, то есть князя Александровъ Федоровича Збаражского, а князя Михалов Ивановича Курцевичовъ, а Тихнов Киселев, а Петров Калусовского, а Енъковъ подстаростего володимерского, а Петров Костюшъковича, под печатъми ихъ, в которомъ они листе своем до нас пишут, иж там перед ними матъка князя Андреева кнегиня Михайловая Козечиная, кгды тот сын ее князъ Анъдрей допирал ся в нее тестаменъту отца своего, она ему на то отказала тыми словы: „милый сыну, еще ся ты допиралъ в мене тестаменту, колим я вторую дочку свою, сестру твою, давала замуж, и я еще тогды поведала тобе, иж я тестаменту отца твоего не маю; и тепер тобе поведаю, иж его не маю, а ним его мѣла“. И пишут далей судьи тые полюбовные в томъ листе своемъ, иж присудили они на князя (sic) Андреи выправу сестре его княжне Зофеи сто копъ грошей. Козинъский против того перед нами мовилъ, иж листъ тотъ яко не врядовый, а ку воли одной стороне справленый, моцы жадное у праве мети не можетъ; а к тому мовил, иж дата в немъ описана омылне, бо дей поведаетъ княз Анъдрей, иж бы индикъта теперешнего листъ тот писан, якож стоит в немъ, иж четвертогонадцать индикъта писан, а мѣсяца марта, которого месяца днѣ еще и теперъ не настали; гдежъ листы таковые омылъные, которые теперешняго часу по оной дате ся оказали, жадное моцы мети не могутъ и напротивку справедливости его месца у праве не маютъ. А ведже хотя будетъ тот листъ слушный а врядовый был, однакъ же праву матъки моее переказы ани завады жадное не чинитъ, бо на томъ листе выписано, иж поведила бабка моя кнегиня Михайловая Козечиная, штож тестаментов мужа своего не маетъ, а ни матце моей его давала;

ино то правда, иж не маетъ она тастаменту того и не мела; абовимъ яко по смерти мужа ее—дѣда моего екъзекуторове его, которыи тастаментъ тот водлуг обычая права в своих рукахъ мели, и справивши а вчинивши досыт воли остаточное князя Михайловой водлугъ тастаменъту в речах иншихъ дочасныхъ, и видечи потомъ, иж тастамент тотъ на вечность никому иному не служитъ, одно матъце моей, яко той, которой отписано в немъ реч вечную именье лежачое, а такъ они, хотечи достаточне волю тую остаточную деда моего спольнити, даючи замуж матку мою, отдали ей имене Осмиговичи и тотъ тестамент отца еи, за которым бы она и мы потомки ее оное имене держати мели на вечност. А за тымъ княз Козека положилъ выпис с книг судовых: один с книгъ маршалъка Волынское землѣ, старосты володимерского князя Хведоровых Андреевича Санкгушковича, а другий с книг панов воеводъ полоцкого и витебского, на которых широко тая речъ, што княз Андрей и ку помочи собе брал, описано, кгды он з матъкою своею около того тестаменъту ся правовалъ; нижли тая речъ жадного конъца не прыняла, бо об оное имене и тестаменътъ казали ему с панею Тихновою сестрою его мовити. Напротивку того Козинский перед нами мовил: кгдыж перво сего и до сих часов не было права, а ни суду жадного вую моему князю Андрею з матъкою моею, а ни з отъцемъ моим о тое имене Осмиговичи, а ни о твердости, а ни о тастамент отцевский; ино не было потреба матце моей кому вказувати тых твердостей; а тепер, кгды водлуг права матка моя и я о то позваны, я твердости положил и просилъ, абы матъка его и он при томъ именьи, водлуг твердостей и давности своее, захованы были. Княз Козека, еще против того вспираючи, мовилъ, ижбы тестаменътъ тот не пошол з воли отца его; бо дей печать отца моего зостала по смерти его в матки нашое; а такъ дей по животе его мог быти справован тот

тестамент. Козинский против того мовил, иж тестамент тот правдивый естъ а слушный, в котором отписано имене купленое, котороеж яко и рухомую реч, отдалити волно каждому; а естлибы не был слушный, тогды бы потверженье напо на тастамент, кгды бы в чом подозрен былъ або не мел водлуг права при моцы держан быти, не вышло. Князь Козека еще против того мовил, припущаючи на присягу сестре своей панеи Козинской и сыну ее Михаилу, жебы они на томъ присягу вчинили, яко правдивый тастаментъ и яко не заставою зашло отцу его оное имене Осмиговичи. И Козинский против того перед нами поведилъ, иж мимо доводы а твердости листовые присягати нихто не повинен. И с обу сторон широко о том з собою мовили и на вырокъ нашъ то все припустили. А так мы с паны радами нашими, тых всѣхъ речей и отпоровъ их и листов на то перед нами покладныхъ достаточне выслухавши, и тому всему добре вырозумевши, и бачачи то, кгдыж княз Михайло Хведоровичъ Козека куплю свою тое имене Осмиговичи дочце своей панеи Анне Козинской дал и записал, а слушне то вчинил; тогды мы оный тастаментъ, яко слушный, а водле права вчиненый, з выроку нашого при моцы зоставуемъ и тое имене Осмиговичи, водле купли отца ее, яко за слушным а достаточнымъ доводом и за твердостями листовыми, безъ присяги жадное, панеи Тихновой Козинской Анъне и сыну ее Михаилу присудили; мает вжо пани Анна Козинъская, и сын ее Михайло, и потомъки их тое имене Осмиговичи со всѣмъ, якъ ся в собе маетъ, вечне и на веки во впокою держати. А княз Андрей Козека, а ни его дети, и щадки, и потомки будущии, а ни близкие в тое имене вступатися, а ни поискувати его вже через то не маютъ; але вечное молчанье маютъ в томъ мети. А штося дотычет тых листов и выписов, которые колвекъ он в той речи перед нами покладал, тогды вже тые всѣ листы нинѣ и на потомъные часы

везде, гдебы ся они часу своего оказали, жадного местца мети и Козеци ку помочи, а панеи Козинской и сыну ее ку шкоде не мают быти на вечные часы. И на то дали есмо Козинской Анъне и сыну ее сес нашъ листъ судовый з нашею печатью. А при том были панове рада наша: воевода витебский, маршалок нашъ, державца волковыйский пан Матей Войтехович Яновича, подскарбий земъский, маршалокъ и писар нашъ, староста слонимский и мъстибоговский державца бирштанский, дорсунишъский и зелвенский пан Иван Горностай, писаръ нашъ пан Михайло Василевич, тивун и городничий виленский державца ушъполский и пенянский и радунский панъ Шимко Мациевичъ; и к тому и иншие врядники наши. Писан у Вилни, под летъ Божого нароженья тисяща пятсот чотырдесятъ первый, месяца марта пятыйнадъцать ден, индикъта четвертыйнадесят. Подпис руки короля его милости. Иван Горностай, подскарбий земъ. маръшалокъ и писар.

По вычитаню того листу судового короля его милости и великого князя Жикгимонта, положила ее милость кнегиня Курпъская привилей теперешнего господаря нашого короля его милости и великого князя Жикгимонта Августа, на паркгамени писаный, с привесистою печатью и с подписю властное руки его милости господаръское, справы его милости велможного пана Остафъя, маршалка и писара его кролевское милости, вызнаня небожчика пана Михаила Козинского, зешлого малжонъка ее милости, што пан Козинъский тое именье свое Осмиговичи зо всѣми приселки и к тому две имени Прусы а Иван ее милости малжонъце своей на вечность даровал и листом своим записалъ и перед его кролевскою милостью то вызнал; а его кролевская милость тымъ привилемъ своим господаръским то потвердити рачилъ. Который привилей перед нами читан был и такъ ся в собе маеть.

Жикгимонтъ Августъ, Божю милостью король полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецкий и иныхъ,—чиним знаменито симъ нашим листомъ всимъ посполите и кому будетъ потреб того ведати, нинешнимъ и на потом будучимъ: пришедши передъ насъ, господаря, и постановившися обличне панъ Михайло Тихнович Козинский оповедал и доброволне вызнал, иж онъ, маючи от матьки своее, панее Тихънове Козинское панее Анны Козечанки, двор Осмиговичи и села, к нему прислухаючие, тоестъ Сеневка, Коросново, Волоское, Ловища и к тому две именя куплены х Прусы, Иван, со всимъ, яко ся в собе маютъ, малжонце своей панеи Марьи Юревне Голшанского тот двор Осмиговичи с тыми селы и тые две именье Прусы, Иван, ничого на себе не оставуючи, дал, даровал и на вечност записалъ, на што и листъ свой записный подъ печатъю своего и с подписомъ властное руки своее и к тому под сведомем и печатми некоторых панов радъ наших еи далъ; который онъ самъ перед нами показовалъ, бьючи намъ чоломъ, абыхмо то к ведомости нашой господаръской припустивши, на то панеи Мари Юрьевне Голшанского малжонце его листъ нашъ дали и потвердили тое нашимъ листомъ. А такъ мы, огледавши того листу его записного, казали есмо его слово от слова до книг наших канцелярских и в сес нашъ привилей вписати и такъ ся в собе маетъ:

Я, Михайло Тихнович Козинский, городничий володимерский, вызнаваю тымъ моим листом, хтобы хотел ведати або чтучи его слышати, иж што матка моя пани Тихновая Козинская пани Ганна Козечанка, милуючи мене, сына своего, двор свой Осмиговичи з людми и зо всим, якъ ся в собе маетъ, и к нему села, то ест Сеневка, Волоское, Ловища, Короснево, с пашнею дворною, с полми, сеножатми и людми, к тому двору прислухаючими, записала и даровала мне на

вечностъ; в которых листех своихъ матка моя пани Ганна Козечанка доложила, даючи мне волностъ обернути тот двор Осмиговичи, с тыми всѣми вышейпоменеными селы, где похочу, яко ширей на листех ее милости матъки моее, мне даныхъ, есть описано. Я подле листов матъки моее двор Осмиговичи зо всимъ, яко ся въ собе маетъ, и села, к нему прислухаючие: Сеневку, Волоское, Ловища, Короснево з людми, с пашнею дворною, с полми, сеножатми и зо всимъ, яко ся тежъ в собе маютъ, и к тому две именя моих купленых Прусы, Иван, с пашнею дворною, с полми, сеножатъми и з людми, к тымъ именямъ прислухаючими, которые я поскупил на вечност, тым же обычаемъ тую куплю свою тыми двема именями Прусами, Иванемъ, якося в собе маютъ, ни чого на себе, на дети, и на близких, кровных не оставуючи, даю, дарую и симъ листом моим записую малжонце моей, панеи Маръи Юръевне Голъшанского, вечне тымъ правом, яко есми самъ от матъки моее панее Ганны мел, и теж которуюж куплею набыл; которыеж именя, листы и записы до рукъ в моцъ и в держанъе панеи Мари Юревне Голшанского малжонъце моей даю, и того двора Осмигович, зо всѣми селы вышейпоменеными, и двух именей Прус, Иваня зо всимъ, яко ся в собе маютъ, и яко матка моя держала и я самъ, от даты того листу моего, жоне моей панеи Мари Юревне Голшанского поступил и даровалъ есми; и въже я самъ, а ни дети мои, братъ, сестра и нихто близких, кровных и повиноватых моих до того двора Осмиговичъ и до тых именей Прус, Иваня ничимъ ся вступовати и переказы чинити не маемъ; волна будетъ жона моя двор Осмиговичи з селы и именя Прусы, Иван отдати, продати и ку своему налепъшому а вжиточному обернути, яко сама налепий розумиючи. И на то дал есми панеи Мари Юръевне Голшанского, жоне моей, сес мой листъ з моею печатью и с подписомъ властное руки моее. А при томъ были и того

добре сведоми ихъ милость велможные панове: пан Остафей его милость Воловичъ, маршалокъ и писар господаръский, староста могилевский и медъницкий, а пан Ян его милостъ Шимковичъ, маршалокъ и писаръ господаръский, староста тыкотинский, а панъ Григорей его милостъ Воловичъ, староста мстибоговский, городничий городенский, державца ейшинский, воранский, коневский, дубинский и зелъвенъский; и за прозбою моею печати свои их милостъ приложити рачили к сему моему вызнаному листу. Писан у Вилни, лета Божего нарожения тисяча пятъсотъ пятдесят осмого, месяца июня двадъцатъ девятый ден.

И з ласки нашое господаръское, за таковымъ сознанемъ и чоломъбитемъ пана Михаила Козинского, тот дар и листъ его записный потвержаемъ еи симъ нашим листомъ; маетъ пани Маря Юревна Голшанского тот двор Осмиговичи съ селы и две именъя Прусы, Иван зо всимъ держати и вживати, водле дарованъя и того листу его записъного. И на то есмо панеи Михайловой Козинской дали сесъ нашъ листъ з нашею печатю. Писан у Вильни, лета Божго нароженъя тисяча пятсотъ пятдесят осмого, мѣсяца июля осмого дня. Подпис руки его кролевское милости. Остафей, маръшалокъ и писар.

По вычитаню тое всее справы, ее милость кнегини Андреевая Курпъская, кнегини Маря Юревна Голшанского, тую всю справу перед нами покладаную и читаную, то естъ меновите листъ свой власный записаный, которымъ тое имене Осмиговичи с приселки, ку нему прислухаючими, малжонку своему князю Анъдрею Михайловичу Куръпъскому записала; и тежъ листъ судовый славное памети короля его милости и великого князя Жикгимонта, што его королевская милостъ рачил смотрети князя Андрея Козеку з сестрою его панею Тихновою Козинскою Анною и сыномъ ее паном Михаиломъ Тихновичом Козинским о листы купъ-

чие, потверъжене его милости господаръское, и иншие твердости на именье, куплю отца их, Осмиговичи, и о непоступене ему того именя Осмигович, которое его кролевская милостъ панеи Тихновой Козинъской Анне и сыну ее пану Михаилу присудити рачилъ; такъ теж привилей его кролевское милости теперешнего господаря нашого Жикгимонта Августа вызнаня небожчика пана Михаила Козинского, зешлого малжонъка ее милости, што пан Козинский тое имене свое Осмиговичи зо всѣми приселки, и к тому двѣ именя Прусы а Иванъ, ее милости малжонъце своей на вечностъ даровал, и листом своим записал, и передъ его кролевскою милостью вызнал; а его кролевская милостъ тымъ привилием своим господаръским потвердити рачил,—на вряди перед нами на имя князя Андрея его милости Михайловича Курпъского, малжонъка своего, посланцу его милости войту ковелъскому Матысу Трашковскому, поведаючи, же его милостъ княз Курпъский, малжонокъ ее милости, ему тую справу въ ее милости взяти злецил, до рукъ его властныхъ отдала; и просила нас, абыхмо яко тое доброволное а устное вызнане ее милости, такъ теж тую всю справу первопомененую в книги кгродские володимерские записати казали и выпис с книг под печатми нашими его милости князю Анъдрею Михайловичу Курпъскому, малжонку ее милости, дали. Мы, за прозбою ее милости кнегини Анъдреевое кнегини Маръи Юревне Олшанского, тое доброволное а устное вызнане ее милости и тую всю справу звышпомененую слово отъ слова в книги кгродские володимерские записати велели.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 907, л. 248 об., актъ 236,

Родъ Козинскихъ:

Гринко (Григорій)
(при Казимирѣ и Александрѣ)

Олехно — Тихно ж. Ганна (кн. Козѣка) — Тышко ж. Евфимія — Сенько 1524 — Михаилъ
(при Сигизмундѣ Первомъ).

Михаилъ
(при Сигизмундѣ—Августѣ) [1].

Родъ кн. Козекъ.

XLI.

1514 г., мая 6. Жалованная грамота короля Сигизмунда 1 Семену Ѳедоровичу Полозовичу на имѣнія въ Житомирскомъ, Овруцкомъ и Кіевскомъ повѣтахъ: Гостомель, Ставокъ, Гладковичи, Пилиповщину и и Кузневщину.

Во имя Божье станься. Всякіе рѣчи цнотливых справ, которыиж для годности заслуг ку высоким паном от них заплату знамените и щедрее ач колве приймують, а ведже, для невставичности свѣта, часом с памят вышлибы и в забытность останочную сплынулибы, вѣчностью письма оу пришлыи лѣта ку памяти не приведены были; а прото, ку вѣкуистои тое то рѣчи памяти, мы, Жикгимонтъ, Божью ми-

[1]) Установить точно родословіе Козинскихъ, при спутанности данныхъ, нелегко.

лостью корол полский, великий княз литовскій, руский, княжа пруское, жомоитский и иных,—чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нынѣшним и напотомъ будучим, кому будет потрѣбъ того вѣдат, иж вбачивши есмо вѣрную и справедливую, знамените накладную з давных лѣт ку отцу нашому славное памяти Казимиру королю, и къ брату нашому Александру королю и к нам шляхетне вроженого пана Семена Федоровича Полозовича, намѣстника врупкого, ижъ он завъжды з особливых цнот своих не был оумешкан служеб наших и земских на противку неприятелей наших, всякою поволностью, накладом, статком своим, не лютуючи горла своего, охотне нам заслуговал, мы маючи възгляд его вѣрное, накладное послуги ку отцу и к брату нашому королемъ их милости, и теж к нам, с початку панованья нашого на великом князствѣ Литовскомъ, велце (?) знаменитую послугу, и хотячи теж напотом охотнейшого и пилнѣйшого его вчинити к нам яко к пану дедичному, з ласки нашое за его вѣрную службу пожаловали есмо его дѣдизну-имѣнья, которыи держал зрадца наш князь Иван Лвович Глинский в Киевском повѣте на имя Гостомль и со всими приселъки, а в Житомирскомъ повѣтѣ Ставок, а в Овруцком повѣте Гладковичи, з дворы городовыми, и мѣстьскими, и зъ их землями, и с огороды; о которых же он имѣняхъ с Федкомъ Волынцом и зъ его жоною Анною перед нами у праве ставал и вынемши есмо з моци их и отдаливши, ... всим тым есмо его пожаловали; и теж што брат нашъ, счастное памяти Александр корол и великий князь его милость, дал ему двѣ земли пустовскии на Припяти въ Бѣлогороцкой волостце Киевского повѣту на имя Пилиповщину а Кузневщину, и мы розумеючи теж, иж он от нас тые именьи .... тыи двѣ земли на брате нашом вѣрне а справедливе выслуговал; а прото мы з ласки нашое вси тыи выпписаныи имѣнья на имя Гостомль, а

Ставок, а Гладковичи, а двѣ земли пустовских Пилиповщину а Кузнецовщину(sic), данину брата нашого, потвержаем и потвердили есмо сим нашим привилеем ему самому, и его жонѣ, и их дѣтем, и на потомъ будучимъ их счадком вѣчно, со всими тых имѣней слугами и людми путными и тяглыми, и со всими приселки тых имѣней, и з дворы городовыми и мѣстьскими, и тых дворов землями, и с огороды, и з данники, и службами тыхъ людей, и зъ землями пашными и бортными, и съ сѣножатми, и з лѣсы, и з дубровами, и з борми, и ихъ бортьми, з ловми и ловищи звериными и пташими и их гнѣзды, и з бобровыми гоны и их береги, и с озеры, и з рѣками, и з рѣчками, и з луками осетръими, и зъ езы оузроими(sic), болоты, мшаринами, съ ставы и ставищи, и з млыны и ихъ вымѣлки, и з данми грошевыми и медовыми, и куничными, и со всякими тыми поплатки, и доходы, и пожитки, которым колвек именемъ могут названы або менены быти. Мает онъ и его наслѣдки тыи вси вышеписаныи имѣнья, и земли, села, и люди держати и их вживати со всим, по тому, такъ долго, и широко, и округло, какъ ся они съ стародавных часов в собѣ мают, суполною моцью и вѣчностью; подлуг данины нашое волен он тыи вси вышеписаныи имѣнья, люди, и земли, и воды, и дворы, и их вси доходы, и пожитки розширити, и прибавити и къ своему вжиточному и лѣпшому обернути и розмножити, какъ ся имналепей оувидит. При том были панове рада наша: воевода виленский, канцлѣръ пан Микола Миколаевич, воевода троцкий маршалокъ дворный пан Григорей Станиславович Остиковича, пан троцкий, староста жомоитскій пан Станислав Янович, воевода киевский, подчаши, намѣстник мозырский и мерецкий пан Юреи Миколаевич, воевода смоленский пан Юрей Глѣбович, воевода полоцки, староста бѣлски пан Ольбрахтъ Мартинович и иныи панове рада. А на твердость того и печат нашу казали есмо привесити к сему моему листу. Писан

и дан оу Вилни, лѣта Божэго нарожения тисяча пятсот четвертогонадцат, месяца мая шостый ден, индикта вторый. Боухвалъ Дмитреевичъ (1).

Арх. Кіев. Археограф. Ком., № 54.

XLII.

Документы Холоневскихъ по имѣнію ихъ Холоневу 1514—1560 годовъ, предъявленные суду въ 1595 г., ноября 14.

1. 1514 г., окт. 1. Раздѣльный актъ между Өедоромъ Дмитр. Холоневскимъ и его матерью Агафіею, данный коммисарами, назначенными отъ стар. луцкаго кн. Конст. Ив. Острожскаго.

2. Инд. 8, сент. 6. Раздѣлъ имѣній между Андреемъ и Грицкомъ Дмитровичами Холоневскими.

3. 1544 г., дек. 30 инд. 2. Раздѣлъ между тѣмиже лицами, по распоряженію старосты луцкаго кн. Андр. Мих. Сангушковича-Кошерскаго

4. 1556 г., апр. 28. Определеніе королевскихъ коммисаровъ о границахъ селища Бицкаго, отведеннаго Михаилу Мышкѣ Варковскому отъ имѣній Митка и Василія Андреевичей Холоневскихъ.

5. 1557 г. декабря 20. Жалоба Грицка Холоневскаго и свидѣтельство вижа о томъ, что Мих. Мышка захватилъ крестьянъ перваго.

6. 1560 г., марта 1. Вызовъ къ суду Мышки—Варковскаго по жалобѣ Гр. Холоневскаго о наѣздахъ, отнятіи людей и земли.

Декретъ розделку села Бородчичъ его мл. пана Волынского с паном Прокопомъ Холоневским.

Року тисеча пятьсотъ деветьдесятъ пятого, месяца ноября четвертогонадцат дня.

---

1) Родъ Федора Полоза представляетъ, для Кіевскаго воеводства, яркій примѣръ быстраго образованія большихъ землевладѣльческихъ центровъ простыми выслужившимися боярами. То были пинскіе бояре, выведенные въ люди послѣдними владѣтельными князьями изъ рода Олельковичей еще у себя на родинѣ, т.-е. въ Пинскѣ. Но изъ нихъ одинъ, именно Семенъ (или Сенко) Федоровичъ перенесъ свою оккупаторскую энергію въ Кіевщину. Долго бывши ключникомъ кіевскимъ, а потомъ намѣстн. овруцкимъ, онъ имѣлъ къ тому полную возможность. Уже при Александрѣ онъ получилъ Хабное, за тѣмъ всѣ имѣнія, перечисляемыя въ этомъ актѣ. Но онъ не оставилъ потомства мужск. пола; часть его имущества перешла по дочери его Фенкѣ къ кн. Видинецкимъ

Пан Прокопъ Холоневский в суду покладалъ перший листъ пановъ дельчих даный, которые были дани отъ его милости князя Костентина Ивановича Острожского, старосты луцкого, то ест меновите дельчие: Тихно Кисель, Ванко Ощовский, Гаврило Холоневский, Матеей Красовский, а Федор Олизаровский, которые были дани за неоднокротнымъ позываньем от Федора Дмитровича Холоневскаго панюю Огафию Дмитровую Холоневскую, матку свою, иж ему во всем ровного дѣлу поступити не хотела во именью Холоневе, якже его милость князь Костентин и рокъ певный на розделокъ тым делчим зложилъ, то ест лѣта Божого Нароженья тисеча пятьсот четвертагонадцать, месяца октебра первого дня, индикта третегонадцат; на который рокъ певный, от князя Костентина зложоный, тые дельчие зьехалися и тот делъ вечистый учинили. Напервей у речах домовых, у шатах, у конех, у челяди, у быдле и во всих рухомых речах розделили на чотыри части: пану Федору часть, а пани Дмитровой три части сынов ее менъших Андрееви, Грицкови а Тихнови, и двор отделили панеи Дмитровой и з ее сынъми менъшими такъ, яко здавна было; а пану Федору напротив того двора дворище Фецовское на селидбу двора его; а поля дворные и сеножати розделили на чотыри части: от Рудки остров поля пану Федору четвертая част; и такъ, што порядкомъ, панеи Дмитровой три части з сынми ее, а ему четвертая часть во именью Холоневе во всих пожитках належачих; в котором листе дельчом шириӣ описует; который листъ дали им под печатми своими, под датою на концу у того листу индикта третегонадцат, месяца октебра первого дня; и тот лист такся в собе мает: Мы, дельчие, даные от замку господарьского Луцкого отъ его милости князя Костентина Ивановича Острозского, старосты луцкого: я, Тихно Кисел, а Ванко Ощовский, а Гаврило Холоневскій, а Матфий Красовский, а Федор Олизаровский:

што неоднокрот позывал перед его милость князем Костентином панъ Федор Дмитровичъ Холоневский на панюю Огафию Дмитровую Холоневскую, матку свою, иж ему делу части ровное поступити во имѣнью их отчизном у Холоневе у дворе, у людех, у полех, у сеножатех, у ставехъ, у млынехъ, такъ и в речах рухомых домовых: у челяди, у конех, у быдле, у шатах, отделити не хочет; гдеж, за жалобою и позываньем пана Федора Холоневского, его милость князь Костентинъ разсказал нам, абыхмо ся зъехали до именья Холонева и часть ровную выделили пану Федору, которая на него от брата его приходитъ; и рокъ его милость сам зложил, на который маемся до Холонева отехати; который рокъ, от его милости зложоный, припалъ сегодня, лѣта Божого Нароженья тисеча пятьсот четвертогонадцать, месяца октебря первого дня, индикта третегонадцать. Гдеж з росказанья его милости князя Костенътина, и зъехавшися до именья их Холонева, делъ межи ними вчинили: на первей у речах домовых, у шатах, у конех, у челяди, у быдле и во всих рухомых речах розделили есмо на чотыри части: пану Федору част, а панеи Дмитровой три части сынов ее менъших Андреева, а Грицкова а Тихнова; двор есмо отделили панеи Дмитровой и з ее сынми менъшими зо всимъ на все и з сады, и з сеножатми и з сажавками, якъ здавна было; а пану Федору напротивъ старого двора уделили есмо дворище Фецовское на поселенье двора его; а поля дворные и сеножати разделили есмо на чотыри части: отъ Рудки островъ поля там пану Федору четвертая част: другий островъ отъ границы Олизаровское—там ему четвертая часть; за млином у в острове также четвертая част; на Салищове четвертая часть; за Подгаемъ четвертая част; за Сосновцемъ четвертая часть; за ставком Бецкимъ по томуж; а сеножати напротивъ Олизарова, другая за Бецкимъ ставъком, то ему четвертая часть у ставех, у млинех, у гаех, у дуброве, во всемъ четвертая част.

А люди также розъделили есмо на чотыри части: пану Федору выдели(ли) есмо на ево четвертую част Харко з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатми; Иван Пятница з сынми, з дворищем, с полми и з сеножатми; Борис з сынми, з дворищем, з полми, з сеножатми; Супрун з сынми, з детьми, з дворищем, с польми, з сеножатьми; Панько з сынми, з дворищем, с полми, з сеножатми; дворище пустовское Олексинское с полми, з сеножатми. А панеи Дмитровой на три части осталося людей: Лучка з сынми, з дворищем, с полми, з сеножатми; Богданъ з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатми; Олешко з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатьми; Панько з сыньми, з дворищем, с польми, з сеножатьми; Тимко з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатми; Иван з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатми; Сушко з сынми, з дворищем, с полми, з сеножатми; Матруна з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатми; Жукъ з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатми; Федор з сынми, з дворищем, с польми, з сеножатми; Иван Путра з сынми, в дворищемъ, с полми, з сеножатьми; Зенько з сынъми, з дворищем, с полми, с сеножатьми; Томко з сыньми, з дворищем, с польми, з сеножатми. А штося дотычеть пол и сеножатий дворища Фецовского, того дворища поля и сеножати уделили есмо панеи Дмитровой напротивко Олексинского дворища, другое дворище пустовское Оберючинское с польми, з сеножатми.—Якож мы дельчие выший мененые, даные от его милости князя Костентина, тот дел есмо промежъ их милости учинили и розделили на чотыри части умоцнили и записали; мают они тот делъ держати вечне ничим ненарушаючи а ни узриваючи; а если бы хто з них тотъ делъ и постановенье наше чим кольвек нарушили, тот мает заплатить заруки господару королю его милости сто копъ гроший, а стороне другую сто копъ грошей. На то дали есмо им тые наше листы дельчие под нашими печатми. Писан у

Холоневе, индикта третегонадцат, месяца октебра первого дня.

Другий потомъ реестръ пановъ дельчих, прошоных з руки пана Андрея и пана Грицка Дмитровичовъ Холоневскихъ, Иван Ощовский, Семенъ Клевецкій, Хведор Гаврилович Холоневский, которые дельчие розделили им поля дворные и сеножати на полы: пану Андрею зостался островъ з селом от Рудки, почавши от Фальчиевы межи аж до дороги, которая идет с Холонева до Божова, и такъ порядком островы меновите в том реестре описаны ест аж до дороги, которая идет с Холонева до Звинячее; а тая гора, которая ест над селом, идучи з села до двора пана Грицкова, тая осталася пану Грицку; а в том острове от Олизаровское границы выделили пану Грицку трои стаи, почон от гребли великое аж до дубин за млином у в острове, пану Грицку осталася тая половина отъ млина; а на Салищове Великом осталася пану Грицку, почон отъ Фаличиевы межи аж до дубин; и такъ в ровный дел одному з другим без кривды. Которые делчие, верхуписаные, дали пану Грицку Холоневскому сес свой реестръ подъ своими печатми, до которого реестру и Андрей Холоневский свою печат приложил. Писан у Холоневе, месяца сентябра шостого дня, индикта осмого и тот реестръ так ся в собе мает: Мы дельчие, прошоные з руки пана Андрея и пана Грицка Дмитровичов Холоневских: я, Иванъ Ощовскій, а Семен Клевецкий, а я, Федор Гаврилович Холоневский, розделили есмо им поля дворные и сеножати на полы: пану Андрею зостался остров за селом который от Рудки, почон от Фальчиевы межи аж до дороги, которая идет с Холонева до Божова; на Малом Салищове другий ост овъ пану Андрею, а новинка у в Ощовское дороги осталася пану Андрею; а ку тому который остров от Олизарова, в том острове пану Андрею зосталися трои стаи, межи провалем, почон от гребли великое аж до гаю Куремсинца, у в острове

за млином от межи чоловека его Пашка острова того осталася половина пану Андрею; за Бицким ставком на горби осталася половина пану Андрею аж до заколу; от пана Ивановы межи за подгаем осталася пану Андрею трои стаи, почон от межи Фалчиевский; от болота аж до Подганя у млиницахъ осталося пану Андрею половина острова; от Фалнчиевы межи за Сосновцем зосталася пану Андрею тыи стаи, которые подле дороги, которая дорога идетъ до Горухова з Холонева; а пану Грицку выделили есмо тот островъ за двором, почовшы от Яцковы межи аж до узножу, которая идетъ от ставу великаго аж до гаю Куремсинца, а от Куремсинца аж до дороги, которая дорога идеть с Холонева до Звинячее; а тая гора, которая есть над селом, идучи з села до двора пана Грицкова, тая осталася пану Грицку; а в том островѣ от Олизаровское границы выделили есмо пану Грицку трои стаи, почон от гребли великое аж до дубин; за млином у в острове пану Грицку осталас тая половина от млина; а на Солищове Великом осталося пану Грицку, почон отъ Фалчиевы межи аж до дубин; а напротив Олизарова новина на горе тая осталася пану Грицку; за гаем трои стаи, почон от болота аж до Загайя, от межи пановъ Гавриловичов у млиница, зосталася пану Грицку половина острова; у головах пановъ Гавриловичовъ, за Сосновцем стаи от ставу панов Гавриловичовъ, от границы староставское аж до Дубинки, тот остров зостался пану Грицку. А сеножати поделили есмо им также на полы: пану Андрею зосталася сеножат противъ Олизарова половина, а пану Грицку зосталася сеножат за его двором от Маньца аж до гребли великое, от великое гребли аж до гаю Куремсинца; за млином у в острове розделили есмо им на полы: пану Андрею зосталася тая половица от Бицкого ставку, а пану Грицку тая половина от их млина; а за Бецким ставком поделили есмо им на полы: пану Андрею осталася тая

половина отъ панов Гавриловичов гребелки аж до лозы, которая есть подле поля Фалчиева, а пану Грицку осталася от Бицкого ставку до тоеж лозы посеред лозы. Якож мы дельчие, верхуписаные, дали есмо пану Грицку Холоневскому сес нашъ реестръ под нашими печатми. А для лепшое твердости Андрей и свою печат приложилъ к сему нашому реестру. Писан у Холоневе, месяца сентебра шостого дня, инъдиктъ осмый.

Третий лист судейский и делчий, такъ з руки пана Андрея и пана Грицка Дмитровичов Холоневских, меновите княз Александро Федорович Збаразский, а панъ Тимофий Кисел, а пан Матияш Суропятович, а пан Микита Чаруковский з росказаня его милости князя Андрея Михайловича Санкгушковича Коширского, старосты луцкого, маршалка господарского; при котором делу з ними были подстаростий луцкий—(*пропускъ*) а дякъ его милости князя Коширского Грицко Иванович Перевеский, на зложоном року от пана старосты луцкого, на который пан Андрей и пан Грицко Холоневские, тогды тые вышменены делчие до именья Холонева приехали, и обедве стороне, з обеюх рук, згодившися: наперед двор старый небожчика отца Дмитра Холоневского зо всим на все, по тому, якъ отецъ их держал, то выделили пану Грицку, брату его меншому; а напротивку того двора старого выделили пану Андрею на селидбу двора его огород Ненадковъский и Макаровский, почовши от Борисова огорода, едучи к двору старому, держачи тые огороды по правой руце, к болоту аж до заднее плетени огорода Макаровского, а к тому половину дворища Харковского, которое дворище над ставом поповским ест; а тая дорога, которая идетъ к старому двору мимо тые огороды, тое дороги панъ Андрей не маетъ загорожовати, а ни приймати горожею, а ни ее пану Грицку и его людем ездити и выгону боронити не маетъ; а поля дворные и сеножати тое

на полы промежку их поделили; также люде, дворища и иншие пожитки до тых частей належачих до моци и держанья их подали и заруки промежку их положили, вечистым делом розделивши, якже и лист свой пану Грицку Дмитровичу с печатми своими дали. Писан у Холоневе под лет Божого Нароженя тисеча пятсот сорок четвертого, месяца декабра тридцатого дня, индикта второго. И тот лист так ся в собе маетъ:

Мы, суди и дельчие, яко з руки пана Андрея Холоневского, так з руки пана Грицка Дмитровичов Холоневских: я, княз Александро Федорович Збаразский, а пан Тимофий Кисел, а пан Матяшъ Суропятович, а пан Микита Чаруковский, з рамени его милости князя Андрея Михайловича Санъкгушковича Коширского, старосты луцкого, маршалка господаря короля его милости, при том делу з нами были подстаростий луцкий Зенко Борсуковичъ, а дякъ его милости Грицко Иванович Перевеский: што, за жалобою и за позволенемъ пана Грицка Дмитровича Холоневского, княз староста его милость положил былъ им рокъ по Божом Нароженью в неделю, под страченем права; на который рокъ панъ Андрей и пан Грицко Холоневские мели нас, делчих своих, вывести, абыхмо мы на тот рокъ, от князя старосты его милости положоный, до имени их до Холонева приехали и, ведле першого делу и знайденья нашого, дел вечистый межи них вчинили; а такъ мы на тот рокъ, от князя старосты его милости зложоный, до имени их до Холонева приехали и весполекъ мы, обедве стороне, згодившеся, на первей двор старый небожчика отца их Дмитра з огороды, и з сажавкою, и з садом, и такъ зо всим потому, яко отец ихъ держал, выделили есмо пану Грицку, брату его меншому; а на противко того двора старого выделили есмо пану Андрею на селидбу двора его огород Ненадковский и Макаровский, почонши от Борисова огороду, едучи к двору

старому, держачи тые огороды по правой руце к болоту аж до заднее плетени огорода Макаровского, а к тому и половину дворища Харковского, которое дворище над ставом поповским естъ; а тая дорога, которая идет к старому двору мимо тые огороды, тое дороги пан Андрей не маетъ загорожовати, а ни приймати горожою, а ни ее пану Грицку и его людем ездити и выгону боронити не маетъ; а поля дворные и сеножати дворные то есмо им розделили на полы, яко пану Андрею, такъ и пану Грицку въ лику. А што ся дотычет сажавки, которая ест под двором старым, остала пану Грицку; он мает собе напротивко тое сажавки засыпати такуюж сажавку за Борисовым огородом на крыницы на части пана Грицковой. А што ся дотычет людей дворищныхъ и теж дворищъ пустых, на первей выделили есмо пану Андрею Юшка з сынъми а Стецка Мельниковича з дворищемъ, а напротивко того пану Грицку остался Жукъ з братом и з дворищом; а другий чоловекъ зостался пану Андрею Яцина Рудко, Манко и з сынми, Лаврин а Федец з дворищом; а напротивко тых зостался пану Грицку Романец з братом и з сынми з дворищомъ; а Пашко з сыньми, з дворищом—пану Андрею, а Яцко з сынми, з дворищом пану Грицку; а Олешко з сынми и з дворищомъ—пану Андрею; Мелникъ з сынми, з дворищом—пану Грицку; Олекса з сынми, з дворищом—пану Андрею; Мез з сынми, з дворищом—пану Грицку; Лучка з сынми, з дворищом—пану Андрею, Жданец з дворищомъ пану Грицку; Федец Олешкович з сынми, з дворищом—пану Андрею; Василец з дворищем—пану Грицку; Логвин з дворищем—пану Андрею, Макарецъ з дворищем Поверговским—пану Грицку; а дворище пустое Макаровское а Грицовское то есмо им у полех и в сеножатех розделили на полы: Грицковское дворище зосталося пану Андрею, а Макаровское дворище зосталосе пану Грицку; а Цутринское дворище напротивко Манъцовъского

дворища зосталося теж пану Грицку. А став и млин розделили есмо им на полы и мают они межи собою тот млин держати по месецом. А што ся дотычет пана Грицковых шкод, кгвалтовъ и зарукъ в побраню збожя, жита, и пшеници, и сена, и отнимане млина, што онъ собе менил быти от брата своего пана Андрея, а панъ Андрей также менил некоторые шкоды собе от пана Грицка, о што перед нами мова была,—мы то межи них заеднали; вжо пан Грицко, яко збожя и млына, кгвалтовъ, и зарукъ, и побранья сѣна на пану Андрею искати не мает, а панъ Андрей на брате своем тых кривдъ и шкод своих также искати не маетъ. А што ся дотычет гаевъ, лѣса, и дубровы, и дерева бортного в гаех и в дубровах, и ставищъ пустых, болот, и потоков, и припашей полных и сеножатных въ их части, тое есмо им розделили на полы. Мают они, яко пан Андрей, такъ и панъ Грицко, тот дел нашъ держати и ничим его не мают узрушовати на вечные часы, якож они на то и сами призволили и тот дел от нас приняли; а если бы хто з них, пан Андрей альбо пан Грицко Дмитровичи Холоневские, тот дел чим колвекъ взрушили и ведле знайденья и листу сего нашого делчого полнити и держати его на вечные часы, не хотели, тот мает заплатити заруки на замокъ господарский Луцкий сто копъ грошей, а сторона стороне сто копъ грошей, а на нас делчих их обеех сторон третюю сто коп грошей; а заплативши тые заруки, предся тот дел, водле листу сего нашото делчого, мают твердо а неодменно, ничим з него не выступуючи а ни взрываючи, держати на вечные часы. А при том были и тому добре сведомы: пан Михайло Ощовский, а пан Олехно Олизаровский. На штож ему пану Грицку Дмитровичу сес нашъ лист делчий з нашими печатми дали. Писан у Холоневе, под лет. Божого Нароженья тисеча пятсот сорокъ четвертого, месяца декабра тридцатый день, инъдиктъ второй.

Четвертый: року Божого Нароженя тисеча пятсот пятдесять шостого, месяца априля двадцать осмого дня. За росказанемъ его королевское милости, комисаре были высланы: панъ Петръ Загоровский а пан Михайло Михайлович Свинюский, што пану Михаилу Мыщце-Варковскому подали селище Бицкое з болотом, сеножатми аж до границы Олизаровское третюю часть, а две части Митку а братаничу его Василью Андреевичом Холоневским, зоставили поля отъ Божова к болоту от старого ставу, тот островъ дали пану Мыщце от границы Олизаровское ку гребли великой, што перед тым Фальчий орывалъ; новинъку от граници Звиняцкое и дорози Ощовской, то пану Мыщце дали, на котором реестре ширий а достатечне описано естъ; который реестръ комисарский печатми их запечатаный естъ, и тот реестръ так ся в собе мает: Року Божого Нароженя тисеча пятсот петидесят шостого, месяца априля двадцать осмого, за росказанемъ господаря короля его милости, пана нашого милостивого, мы, комисаре: я, Петрь Загоровский, маршалокъ господарский, а Михайло Михайловичъ Свинюский, што есмо з росказаня господарского пану Михаилу Мыщце-Варковскому подали селище Бицкое з болотом, сеножатми и зо всим на все, яко само в собе мает, аж до границы Олизаровское, третюю част, а две части Митку и братаничу его Василю Андреевичом Холоневским зоставили; а поля, которые тепер озиминою засеяны, от Божова аж до болота, которое болото от старого ставу, тот островъ дали есмо пану Михаилу Мыщце; а поля от Олизаровское границы по конец гребли великое, што перед тым Фалчий орывал, а третюю нивку, што от граници Звиняцкое, ворочаючи на Ощовскую дорогу, то есмо дали пану Мыщце к томуж; а в другий островъ, што тепер весна, в купе за нижним ставом, половицу того острова великого от дороги кутнее до Бицкое гребелки, а над Бецким селищом нива, што ест колко день, и

то есмо пану Мышце дали; а на малом селищу островокъ к томуж есмо придали. А третий островъ, што под паренину брати, от граници Цевовское, от гумнища Фалчиева, там есмо того острова подали пану Мышце за Бецким болотом; в тых двох островкох также есмо дали пану Мышце третюю част, а пану Митку з братаничомъ его паном Василем две части, оставили за Подгаемъ того острова третюю част, от старого ставу за гаем Сосонъцовым третюю част дали есмо пану Мышце, а две части пану Митку и братаничу его Василю Холоневскому; греблю и млин поправити поспол з сябрами своими; а в ставе посполитом людем посторонным рыбы не дати ловити без дозволенья одному без другого. Который реестръ с печатми комисаров звышмененых.

Пятый: выпис от замку господарского Луцкого лѣта Божого Нароженья тисяча пятсот пятдесять семого, месяца декабра двадцатого дня, иж земенин господарский пан Грицко Холоневский якобы мелъ жаловати и оповедати перед Иваном Тимофеевичом, на тот час будучим постаростым в Луцку, на пана Михаила Мышку же моцно кгвалтом отнялъ у него люде во именью Холоневе: напервей Манъчую з сыном ее Стецком а зятем Васком, Жука Куринца, Тимоша Ненадковича, Стецка Королка, Иванца з сыном, Юцика з стрема братами, Андрейца, Маска, а Игнатца, Королкова брата Грицка, што ширий а достаточний на томъ выписе врядовом описано и доложоно ест; у того выпису печат того Ивана Тимофиевича, подстаростего луцкого а подпис руки Романа Перевеского, которого Перевеского его милость пан Волынский признавал писаром быти, а Ивана Тимофиевича за подстаростего не признавалъ и николи не был подстаростимъ. И тот выпис такся в собе мает: Выпис с книг замку господарского Луцкого; лѣта Божого Нароженя тисеча пятсот пятдесят семого, месяца декабра двадцатый день. Пришедши перед мене, Ивана Ти-

мофиевича, на тот час будучи подстаростим в Луцку, земенин господарский пан Грицко Холоневский жаловал и оповедалъ тым обычаем, штож дей земенин господарский панъ Михайло Мышка моцно кгвалтом отнял у мене властные люди мое во именью моемъ в Холоневе, на име: Манъчую и з сыном ее Стецкомъ и з зятем Васкомъ, Жука Куринца, Тимоша Ненадковича, Стецка Королка, Иванца и з сыном, Юцика з стрема браты, Андрея, Миска и Игнатца, Королкова брата Грицка; тые вси люди мое держит уже тому год минулъ о светом Михаиле святе руском, которое было в року пятдесят семом; платы и всякие доходы на себе берет и робити им на себе кажет. Гдеж брал у мене з уряду замку господарского Луцкого на опытованье тых людей, кому они служат, вижом боярина господарского Красноселского Левка Ждановича, который виж тамъ ездилъ и тых людей опытывал, и одтол приехавши, пришедши перед мене, тыми словы до книг вызнал и поведилъ: колим дей тых людей опытывалъ, они дей ми поведили, иж дей нас пан Михайло Мышка у моци своей держитъ уже большей году и нам послушным пана Грицка быти не кажет, платы и всякие доходы на себе берет и, за держаня своего, прогнал на имя Иванца з сыном, Юцика з стрема браты и Грицка. А так я тую жалобу и оповедане его, и вижово сознанье в книги записати казал и выпис с книг с печатю моею на то есми ему дал. Писан у Луцку. Роман Перевеский.

Шостый лист позовный от Остафья Василевича Сокolского, подстаростего луцкого, которым позывал пан Грицко Дмитрович Холоневский дворенина его королевское милости пана Михаила Федоровича Мышку-Варковского, иж року тисечного пятсотного пятдесят шостого, месяца мая двадцат осмого дня, за наеханем пана Мышчиным, без бытности пана Григоря Холоневского, на именье Холонев, коний его шест а волов чотыри кгвалтом побрал, а к тому тогож дня,

якобы наславши урядника Бородчицкого Богданца з людми Бородчицкими на властный кгрунт его, два островы—один за Бицким ставком, а другий за млином—кгвалтомъ поорати велел, а тивона его Андрейца збити, змордовати казал; и тогож дей року пятдесят шостого, месяца ноября девятого дня, якобы его милость пан Михайло Мышка з многими помочниками своими на имене его Холоневъ людей его властных отчизных на име Юшка и з двема сынми его, Жука Манцевича, Курила Олишковича, Юця и брата его Андрейца, а Гнатца, Иванца Манчича, Тимоша Ненадковича, Васка его брата, Стецка Королка и брата его Грицка а Стецка Манчичъ и з матерю его моцно кгвалтом отнял и при том два островы: один островъ от рудки аж до Божовское дороги, остров на Салищове, и што ширий а достаточне на том позве описано и доложоно ест; который позов с печатю подстаростего, звышмененого, и с подписом руки Павла Гневисского, которого Гневисского его милость пан Волынский за писара быти не признавал и писаром николи не был. Который позов так ся в собе мает: От Остафья Василевича Соколского, подстаростего луцкого, дворенину господарскому пану Михаилу Хведоровичу Мышце-Варковскому. Жаловал мне земенин господарский повету Луцкого пан Григорий Дмитрович Холоневский о том, штож дей року тисячного пятсотного пятдесят шостого, месяца мая двадцат осмого дня в четвергъ, наехавши дей твоя милость сам особою своею, з слугами и з многими поддаными своими, без бытности его самого, на имене его Холонево, властных кони его чотыри валахи вороных, пятого дрыкганта белого, шостого валаха гнедого, а воловъ дей дворных его чотыри моцно кгвалтом побрал; а к тому дей тогож дня твоя милость, наславши врядника своего бородчицкого Богданца и з людми своими бородчицкими на властную землю его, два островы—один за Бицким ставком, а другий за млином—в

острове моцно кгвалтом поорати велел, и в тот дей час тивона его Андрейца збили, змордовали; а потом дей тогож року пятдесят шостого, месяца ноября девятого дня, приехавши дей твоя милость з слугами и з многими помочниками своими на именье его Холонево, властных дей людей его отчизных на име Юшка и здвема сынми его, Жука Манцевича, Курила Олишковича, Юця и брата его Андрейца, а Игнатца, Иванца Манчичъ, Тимоша Ненадковича, Васка его брата, Стецка Королка и брата его Грицка, а Стецка Манчичъ и з матерю его моцно кгвалтом отнял и при том два островы—одинъ остров от рудъки аж до Божовское дороги, а другий дей остров на Салищове—и сеножат на селищу противъ Олизарова тогдыж дей отнял, который дей островъ его, сеножат и люде, з дворищами и зо всими статки, з роботами и с подачками твоя милость в него дей отнявши, ку моци своей держишъ, а ему поступити не хочешъ, в чом ся ему шкода и кривда немалая деетъ; и о всем том з твоею милостью мовити очевисто хочет. Протож абы твоя милость на роки судовые в року шестдесятом, вступивши в пост великий, который ся почнетъ от зборное недели, перед судями поветовыми и передо мною в замку господарском в Луцку сам ку праву стал и врядника своего бородчицкого Богданца поставил и обо всем том с ним очевисто ся росправил на тот рокъ и ден, на который он твою милость позывает сим листом моим. Писан у Луцку, лѣта Божого Нароженья тисеча пятсот шестдесятого, месяца марта первого дня.

Книга Кiев. Центр. Арх. № 2969, л. 135—140 об.

Родъ Холоневскихъ.

Петръ Мышка [1]) (которому король Казимиръ пожаловалъ Холоневъ въ 1452 г.)

Дмитро (при Казимирѣ и Александрѣ) жена Агафія

Федоръ — Фалелей

Андрей (1514)

Митко (1556)

Андрей — Василій

Грицко

XLIII.

Акты на владѣніе имѣніями Покотиловичей-Пятигорскихъ въ Луцкомъ пов. (1516—1544), явленные въ Луцкомъ земскомъ судѣ 1584 г., октября 5.

1. 1516 г., іюля 24. Грамота кн. Конст. Ив. Острожского Ивану Покотиловичу, слугѣ своему на дворища Пятигорщину и Костюковщину, въ замѣнъ отнятаго у него имѣнія Богдашова.

2. 1544, іюня 24. Запись кн. Беаты Острожской о подтвержденіи права Ивана Покотила Пятигорского на вышеозначенныя имѣнія (съ ограниченіями).

3. 1544 г., іюля 29. Грамота короля Сигизмунда, которою подтверждены права Ивана Покотила Пятигорскаго на им. Костюковщину (но не Пятигорщину).

Року 1584, месяца октебря 5 дня. На рокох судовых земъских луцких, водле порядку статутового, в року тепер идучом осмъдесят четвертом, о светом Михале римъском святе, припалых, и на завтрее того свята судовне отправовати зачатых, передо мною Федором Кадяновичом Чапличом-Шпановским, судьею, а Иваном Хренницким, подсудъкомъ, врядниками судовыми земъскими повѣту Луцкого, постановившися

[1]) Холоневскими стали называться Мышки по пріобрѣтеніи Холонева; когда же одинъ изъ Мышекъ—Богданъ купилъ при кор. Александрѣ Варковицы, то происшедшая отъ него вѣтвь рода Мышекъ стала именоваться Мышками—Варковскими (которыхъ родословіе здѣсь не указывается).

у суду земъского луцкого, земяне его королевское милости повѣту Луцкого пан Богдан а пан Иван Покотиловичи Петигорские оповедали тыми словы: иж дей в року тепер идучомъ тисеча пятсот осмъдесят четвертом его мл. пан Войтех Стареховский, староста вышокгродский, звазнившися противко нас, без жадное винности нашое, моцно, кгвалтом нас з дворов и именя нашого Костюковщины, в повѣте Луцком лежачого, выбивши, маетности наши зграбивши, еще на здорове наше отповеди и пофалки чинит; которого дей мы не будучи безпечни, право свое, которое на тое имене наше Костюковщину и Петигорщину маем, и тые листы, то ест один листъ годное памети небожчика князя Костентина Ивановича Острозского, старосты луцкого, браславского и вѣницкого, другий листъ старостиное браславское и вѣницкое кнегини Илиное Острозское кнегини Бияты с Костельца едналный, третий лист—привилей его королевское милости, на паркгамени писаный, с печатю на шнуре завешоною; к тому декреты три [1]) з суду кгродского луцкого: два декреты самого его милости пана Александра Пронского, столника великого князства Литовского, старосты луцкого, пану Ивану Покотилу Петигорскому, за переводомъ права его против пану Стареховскому звышменованому, о выбите з спокойного держаня з людей его во именю Костюковщине и о шкоды, при том кгвалтовном выбити подѣланые; третий декрет от суду кгродского луцкого на доводъ пана Ивана Покотилов на шкодах его, а к тому и лист увяжчий в люди его во именю Костюковщине также от суду кгродского луцкого, перед нами покладали и просили, абыхмо тое право их до вѣдомости нашое принявши, до книг справ судовых земских записати казали. Мы, тое право их до вѣдомости нашое прынявшы

---

[1]) Эти декреты, какъ имѣющіе мало отношеній къ праву землевладѣнія, здѣсь не издаются.

и передо собою вычитати давши, до книгъ справ судовых земъских повѣту Луцкого слово отъ слова записати есмо велели. Которые листы так ся в собе мают:

Я, князь Костинтин Иванович Острозский, гетьман господарский, староста луцкий, браславский и вѣницъкий, чиним знаменито симъ моимъ листом, иж билъ мнѣ чоломъ служебник мой Иван Покотилович и жаловал на княгиню Семеновую Ровенскую княгиню Марю [1]), и повѣдил передо мною, иж дей есми малъ остал(отъ) отца и матки своее и был у в опеце у ее милости кнегини Ровенское; а так ее милость княгиня Ровенская, видячи то, ижем я мал остал (отъ) отца и матки, отдалила от мене, а собе привлащила отчизну мою Богдашов и слузѣ своему Олешку отдала, што был выслужил от давных лѣтъ отец мой тот Богдашов на пану Олизаре; и тые листы даты пана Олизаровы ее мл. яко опекунка в собе мает; а мнѣ тое отчизны моее Богдашова и тых листовъ твердостей, на тое имене от пана Олизара наданых, вернути не хочет. Якож я сам тые даты и твердости, от пана Олизара на имене вышеймененное Богдашов отцу того служебника моего наданы, в княгини Ровенское неоднокрот видал и за тым служебником моим Иваном Покотиловичем много крот писал до кнегини Ровенское, абы ему тую отчизну его без его волокитов и накладовъ вернула; и кнегини Ровенская била мне чолом, абых ему за тую отчизну его Богдашов отмѣну дал, не хотячи того служебника своего Олешка с того Богдашова рушати; ино я за прозбою и жаданемъ тещи моее [2]) кнегини Ровенское, так теж и обачивши

[1]) Князья Несвижскіе (Иванъ и сынъ его Ѳедоръ XIV и начала XV в.) по пріобрѣтеніи Збаража (Васильемъ Васильевичемъ) стали именоваться Збаражскими, а по пріобрѣтеніи Ровна (Семеномъ Васильевичемъ) Ровенскими. Жена кн. Семена Марія была дочерью Олизара Шиловича.

[2]) Княгиня Марія Ровенская здѣсь называется тещею кн. К. И. Острожскаго; между тѣмъ до сихъ поръ изъ родословныхъ было извѣстно, что въ 1-й разъ онъ б. женатъ на кн. Татьянѣ Гольшанской, а во 2-й разъ на кн. Александрѣ Слуцкой, и только; см. ниже докум. Гурка Омелянскаго—актъ 1531 г.

того служебника моего Ивана Покотиловича его вѣрные а пилные послуги ку собе, далъ есми ему отмѣну за отчизну его Богдашов, ведлугъ дат и твердостей пана Олизаровых, которых есми добре свѣдом, то естъ дворищи обапол речки: одно дворище от Здолбици на имя Петигорщину и двѣ дворищи против тоеж Петигорщины, на другой стороне речки от Ровного, на имя Костюковщину, зо всим тым, як ся тые три дворища в собе мают, вѣчне и непорушно, ему самому, жонѣ, и дѣтем их й на потом будучим ихъ щадком. А я, его пан, не маю его с того именя рушити, ни дѣти мое, а ни потомки наши; пакли бы з детей моих хто албо с потомков наших на него паном ласкавым быти не хотел, тогды тот служебник мой Иван Покотилович албо его дѣти, албо потомки их волни будут господару королю его милости служити с тым своим именемъ, которое я ему дал отмѣною за отчизну его Богдашов. И на то есми ему дал сес мой лист под печатю моею. А на тот час при мнѣ были и того добре свѣдоми земяне господарские повѣту Луцкого: пан Микита а пан Иван Чапличи; а з бояр наших: пан Иван Лабунский, а пан Васко Промчейковичъ; якож мы тых земян господарских вышейписаных жадали о приложене печатей; их мл. для лепшое твердости при печати моей к сему моему листу печати свои приложили. Писан в Острозѣ, месяца июля двадцать четвертого дня, индикта четвертого [1]).

Листъ кнегини Илиное Острозское.

Я, кнегиня Илиная Острозская, старостиная браславская и вѣницкая, кнегиня Бията с Костелца, чиню явно тым моим листом, кому того потреба вѣдати будет, иж што есми была казала половицу Петигорщины по сей стороне речки от Здолбици от служебника моего пана Ивана Поко-

---

[1]) Кн. К. И. Острожскій былъ старостою Луцкимъ до 1523 г. Въ этотъ періодъ инд. 4-й соотвѣтствуетъ 1516 году.

тила з моцы выняти и до замъку Острозского привернути, не вѣдаючи того, за яким правомъ он тое имене держитъ, о што он до его королевское милости ся был втек и мене о то позвы перед его королевскую милость был позвалъ; топак я, доведавшися певное речи, што он тое имене вышпомененое Петигорщину на сей стороне речки от Здолбицы, а на той стороне речки от Ровного—Костюковщину от небожчика князя Костентина, свекра нашого, за отчизну свою Богдашов отмѣною мает, и теж волност, от князя Костентина ему описаную, с тым именемъ господару королю служити маетъ; тогды я, не вступуючи о то с паном Покотилом в право, через людей добрых, то ест пана Богдана Семашка, державцы ковелского, пана Петра Кирдѣевича Мылского, пана Климонта Боговитина, так постановила, же он тую Петигорщину вышмененую от Здолбицы мает на себе зо всим на все, якъ ся в собе мает, держати и вживати, ведле листу князя Костентинова вѣчными часы; и через дворенина короля его милости, ему от короля его милости приданого, князя Василя Курцевича—Булыгу ему в моц и в держане подала. Нижлим то с нимъ застановила, же он маетъ мнѣ до лѣтъ дѣвки моее княжны Галжки службу господарскую и речи посполитое служити; а я его маю и повинна буду ховати и за службы его ему нагорожати датою, або врядом, яко его мл. князь Костентин, предок мой; а кгды дочка моя княжня Галжка лѣта будет мѣти и замуж будет выдана и на отчизне своей вжо сама пановати будет, тогды еи о тое имене Петигорщину волное право с паном Покотилом заховую. А до лѣтъ дочки моее вышменованое я в тое имене его Петигоршину, в люди и въ кгрунт ничим ся вступовати, платов брати, людей его до роботы примушати, и никоторое переказы ему чинити не маю и моцы мѣти не буду. А што ся дотычет того именя на той стороне речки от Ровного на имя Костюковщины, в тое имене яком ся ничим не вступовала,

и тепер в тое имене его Костюковщину и в кгрунтъ, так теж и в люди его того именя его Костюковщины ничим ся вступовати и ни вчом никоторое перказы ему самому, жонѣ, и дѣтем его чинити не маю и моцы имѣти не буду А тое постановене мое, с паном Покотилом вчиненое, и в сем листе моем описаное, маю и повинна буду перед его королевскою милостью, сама очевисто ставши, вызнати; а еслибы вызнати не хотела, тогды маю и повинна буду пану Покотилу за тымиж позвы, не вымовляючися никоторыми правными и неправными причинами, але заразом о то все, о што мене пан Покотило позвал, перед господарем королемъ его милостью сама стати и в томъ ся ему усправедливити. А што ся дотычетъ шкодъ, его милости через служебника моего Замятни, который от мене в том именю врядником был, подѣланых, я с того служебника, моего маю и повинна буду, упросивши людей добрых, околичных сусѣдов, право осадити и справедливости пану Покотилу ничим неотволочную вдѣлати. И на то есми пану Ивану Покотилу Петигорскому дала сес мой листъ под печатю моею и с подписом власное руки моее. А при том были и того добре свѣдоми: ихъ милость пан Богдан Семашко, державца ковелский, пан Петръ Кирдѣевичъ Мылский, а пан Климонтъ Боговитин Козирадский; и за очевистою прозбою моею к сему моему листу их милость печати свои приложити рачили. Писан в Берести, лѣта Божого нароженя тисеча пятсотъ сорок четвертого, месяца июня двадцат четвертого дня. Бията с Костелца, ксежна Илина Острожска, ренко свą.

Привилей его королевское милости Жикгимонта.

Жикгимонтъ, Божю милостью корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий и иныхъ,—чиним знаменито симъ нашим листомъ: билъ нам чолом тот земянин наш Иван Покотило и поведил перед нами, иж воевода троцкий, гетьман наш навышший, небожчик князь

Костянтин Иванович Острозский дал ему отмѣну напротивку именя его отчизного Богдашова, три дворищи обаполъ речки: одно дворище от Издолбицы на имя Петигорщину, а двѣ дворища против тогож на другую сторону речки от Ровного на имя Костюковщину, со всим, якося тыи дворищи у собе мают, вечно и на веки непорушно, ему самому, и его жоне, и их детем, и напотом будучим ихъ щадкомъ; на штож он и листъ свой под печатью своею и под печатми некоторых людей добрых ему далъ, в которомъ ест описано, иж князь Костянтинъ, а ни дети и потомъки его не мают с того имейца его рушати; а если бы хто з детей, або потомъков его не хотел на него паном ласкавым быти, тогды оный Ивашко Покотило або его дети и потомъки волни будуть с тымъ именьемъ своимъ, которое ему отмѣною за его отчизну Богдашов дано, намъ господару служити. И на то он листъ князя Костянтинов перед нами покладалъ. Лечъ што ся дотычет оное Пятигорщины, которую небожчик князь Костянтин на томъ листе своемъ ему описал, ино старостиная браславская и веницкая княгиня Илиная Костянтиновича Острозская кнегиня Бията Костелецкая о тую Пятигорщину дочце своей княжне Галжбете право з нимъ заховала, под тымъ способомъ, иж Иван Покотило предся маеть тую Пятигорщину на себе держати, а княгини Илиной с того служити до летъ дочки ее; а кгды дочка ее лѣта свои будет мети, а замуж будет выдана, тогды он в тот часъ мает з нею о то мовити; и на то она и листъ свой ему дала. А што ся ткнет того именя Костюковщины, которое оный Покотило поведил, иж первей завжды к повету Луцкому прислухало, он теперешнего часу за втисненемъ своимъ, которое мает от княгини Ильиное, с тымъ именемъ Костюковщиною, водле листу князя Костянтинова, намъ господару хочеть служити; и билъ намъ чолом, абыхмо при том листе князя Костентиновом его зоставили, и на то лист нашъ ему дали и оное именье Костю-

ковщину, которое ему от князя Костянтина отменою дано, потвердили нашимъ листомъ на вечност. Ино кгдыж князь Костянтинъ за отчизну его Богдашов то ему дал и таковую волность на листе своемъ ему описалъ, а княгини Илиная одно о Пятигорщину право з ним дочце своей заховала, а о Костюковщину ничого не мовила, и на листе ее Костюковщины не описано, мы того листу князя Костянтинова огледавши, з ласки нашое на чоломъбите его то вчинили, на то дали ему сес наш листъ и при том именейцы Костюковщине, водле листу князя Костянтинова его зоставуемъ, и то ему тым листомъ нашимъ на вечност потвержаемъ; мает онъ тое именейцо на себе держати и с того нам господару служити; а съ потомъков князя Костянтиновых не мает его нихто с того рупати и в тое имене ничим ся вступовати, водле листу князя Костянтинова. А на твердост того и печат нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писан у Берестьи подъ летъ Божого нароженя тисяча пятьсотъ четырдесят четвертый, месяца июля двадцат девятый, индикта вторый.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2097, л. 823—827 об., актъ 578.

XLIV.

1518 г., мая 4. Грамота Сигизмунда I Костюшку толмачу на право взиманія мыта на устроенномъ имъ ставу въ им. Хоболтовѣ.

Листъ Костюшку толъмачу на мыто в ыменью его Хоболтове до воли господаръское.

Жикгимонтъ, Божю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецъкий, и иныхъ. Билъ намъ чоломъ дворанин нашъ Коштюско толъмач и поведил перед нами, штожъ в ыменьи своемъ на имя в Хоболтове справилъ собе ставъ на дорозе великой Луцъкой;

абыхмо дозволили ему на том ставу его в купъцовъ и въ мещанъ отъ возовъ покольку мыта брати для сказы его, которую принялъ отъ поганства татар; какъ же панъ виленьский гетъман нашъ навышъший, староста луцъкий, маршалокъ Волынъское земъли, княз Костенътинъ Ивановичъ Острозский в той речи насъ за нимъ жедалъ, оповедаючи служъбу его и сказу его отъ татаръ, ино мы, з ласки нашое, на причину князя Костеньтина его милости и на чоломъбитье Костюшково, то дозволили, ижъ маеть кожъдый купецъкий человекъ в томъ имени его в Хоболтове дати на томъ ставу его отъ кожъдого воза наложоного по три пенези; а маеть тое мыто онъ на томъ ставу своем отъ товару брати до (на)шое воли господаръское. И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ. Писанъ у Краковѣ, мѣсяца мая 4 дня, инъдикта 6.

При том был гет(ман) ста(роста) луц(кий), мар(шалок) Волын зем(ли) княз Кост. Ив. Остроз(ский) а стар(оста) бер(естский) мар(шалок) пан Юр. Ив. Ил(инича). Копоть, писаръ.

Лит. Метр. кн., Зап. Лит. № 22, л. 101.

XLV.

Документы на имѣніе Радовичи, 1519 – 1555 (по копіямъ, снятымъ въ 1579 при передачѣ ихъ Олизаромъ Зайцемъ племяннику своему Богушу Зайцу Луковскому):

1. 1519 г, инд. 7, окт. 25. Запись Дениса Радовицкаго боярину кн. Андрея Сангушка—Мартину Зайцу, при выдачѣ первымъ сестры своей Анны замужъ за второго; первый обязывается дать за нею вѣно тогда, когда зять получитъ имѣніе отъ короля, на которомъ онъ могъ бы обезпечить вѣно жены, а между тѣмъ обѣщается не отчуждать имѣнія Радовичъ.

2. 1548 г, Февр. 3. Вызовъ къ суду Василія Денисовича Радовицкаго по иску боярыни княгини Сангушковой Федьки Зайцевой

(жены Багдана Мартиновича) о невыдачѣ вѣна ея свекрови и объ отчуждеиіи заставою нѣскольких людей изъ имѣнія Радовичъ.

3. 1548, февр. 28. Постановленіе суда по второму иску: дѣло отложено, потому что у истицы оказался деверь Война, которому (а не ей) принадлежитъ право иска.

4. 1555 г., мая 2. Вызовъ къ суду Василія Радовицкого по иску вышеупомянутыхъ.

5. 1555 г., іюня 22. Рѣшеніе суда по тому же дѣлу въ пользу Радовицкихъ [1]).

Року 1579, месяца генвара 16 дня.

Постановившися обличне передо мною, Якимом Стрывяжским, на тот час будучим на местцу пана Василя Павловича, подстаростего володимерского, возный земъский повету Володимеръского пан Демянъ Мокренский ку записаню до книг кгродских вызналъ тыми словы, ижъ дей року теперешнего тисеча пятсот семдесят девятого, месяца генвара пятого дня, за приданемъ твоимъ урядовымъ, былъ есми на справе пана Богуша Заеца Луковского во именю их милости княжат Санкгушковъ, в месте Турейски, в дому жида тамошнего турейского Юды, при бытности людей добрыхъ: при пану Матысу Хотылевском, при пану Гневоши Резановичу Мыслинскомъ, при пану Ивану Василевичу Болобану Осекровскомъ, и передо мною, вознымъ, пан Богуш Заец Луковский упоминал и просил пана Олизара Заеца, дядка своего, тыми словы: ижъ дей я, маючи за позвомъ земъскимъ рокъ праву перед судомъ земским володимеръским на пришлых рокохъ с паномъ Станиславомъ Кграевскимъ, столником земли Подляское, о имене Радовичи близкост мою а ижемъ ся теперъ недавно того доведал, ижъ справа,

---

[1]) Другіе документы на Радовичи (1444 г. грам. кор. Владислава Дем. Кирику Русину на Радовичи, 1540 г. рѣшеніе тяжбы между Ляховскими и Радовицкими—Денисомъ и Петромъ о границахъ имѣній, 1570 г. продажн. зап. отъ Тихна Радовицкаго Стан. Граевскому) напеч. въ Арх. Юго-З. Росс. ч. VI, т. I, стр. 80.

листы на тое имене Радовичи, мне належачие, у твоее милости ест; и прошу, абы ми твоя милост тую справу и листы всѣ, мне на тое имене Радовичи належачие, вернулъ. Пан Олизар Заец при бытности тых людей добрыхъ и при мне, возномъ пят листов пану Богушу Заецу Луковскому на имене Радовичи ему належачие далъ и поведил, ижъ дей я вже болшей листовъ на Радовичи тобе потребъныхъ не маю. Пан Богушъ Заецъ, беручи отъ него тую пят листов, просил мене возного, абымъ тые листы и при бытности пана Олизара Заеца рукою моею подписал; и на которыхъ листехъ за прозбою его руку мою подписалом для того, абы ведомост была, которого року и которого дня тые листы на Радовичи до рук пану Богушу Заецу отъ пана Олизара Заеца отданы. А потомъ пан Богушъ Заецъ Луковский, тую всю пят листов с подписомъ руки возного Демъяна Мокренского, при том же возномъ, передо мною, положивши, просил: кгдыж дей тые листы, о которых ся есми недавно доведалъ и тепер недавно до рукъ моихъ пришли, просилъ, абы были слово от слова до книгъ записаны. Которыхъ я листовъ огледавши, и передъ собою вычитати и до книгъ записати казал, и такся в собе мають:

1. Я, Денис Радовицкий, вызнаваю сам на себе тымъ моим листом, хтоб тое хотел ведати алиб чтучи слышати, щож есми отдалъ сестру мою рожоную на имя панну Ганну замужъ за пана Мартина Заеца, боярина его милости князя Анъдрея Сенъкгушковича, старосты володимерского [1]); а маю за нею дати вено пану Мартину Заецу, подли права, то гдѣ коли будеть мети имене под господарем королем альбо пакъ свое Верхоставе отыщеть, щобы мев на чом записати вено сестре моей, а жоне своей Ганне; а для того я, и мои дети,

---

[1]) Былъ старостою владимірскимъ между 1508 и 1530 годами; среди этихъ годовъ инд. 7-й соотвѣтствуетъ 1519-му году.

и мои щадки Радович нашого именя не маемо заставляти и продавати никому; а коли быхмо заставили, албо продали, то вун, и его дети, и щадки будуть близкими к тому выкупити. И далъ есми на тое моему зятю пану Мартину Заяцу сесъ листъ под печатми добрых людей, которые были, князя Войны Хведоровича Вороницкого, а пана Тишка Киселя Дорогицкого, а пана Левка Марковицкого, а пана Хведора Березовского; и я, Денисъ, свою есми печат приложив. Писанъ у Радовичахъ месяца октебря двадцать пятый ден, инъдыкъта семого. Демъянъ Мокренский, возный земский повету володимерского, рукою власною, року семдесят девятого, месяца генвара пятого дня подписал.

2. Отъ Петра Богъдановича Загоровского, справъцы старостъва володимерского,—земянину господаръскому пану Василю Радовицкому: жаловала передо мною боярка кнегини Федоровой Сенкгушъковича, старостиной володимерской, пани Богдана Заяцовая Хведька Костянъка, штож дей батько твой Денис и ты самъ свекрови ее, пану Мартину Заяцу и мужу ее Богдану подле листу отца твоего вена есте не отдали, а имене Радовичи ты самъ на себе держишь и вживаешь, и людей колкос еси вже заставилъ; и хочетъ о томъ с тобою у права мовити; и ты бы передо мною в замку господаръском Володимерскомъ сталъ и о то ся з нею росправилъ отъ поданъя тобе сего позву за две недели. Писанъ у Володимери, под лета Божого нароженя тисеча пятсот сорок осмого, месяца февраля третий ден.—Демъянъ Мокренский, возный земский повету Володимерского, рукою влосною, року семдесят девятого, месяца генвара пятого дня, подписалъ.

3. Выписъ с книгъ замку Володимерского: под леты Божого нароженя тисеча пятсот сорок осмого, месяца февраля двадцать осмый ден, передо мною, Петром Богдановичомъ Загоровскимъ, справцы староства Володимерского, а при мне на тот час были: князь Василей Курцевичъ, пан Волчъко

Якимович Жашъковъский, пан Фалеле(й) Марковъский: жаловала боярка кнегини Федоровой Сенъкгушковича, старостиновой володимерской, пани Богдановая Заецовая Хведка Костянка, подле позва своего на земянина господаръского пана Василья Радовицкого, штожъ дей батко его Денис и он сам вена, подле листа батка своего, свекрови ее, пану Мартину Заецу, а ни мужу ее Богдану не отдали, а имене Радовичи на себе држыть и вживает, и людей колкос заставил. Пан Василей Радовицкий на тое отказал: хот бых тобе и дал вено, але тобе самой не дам, и у права отповедати не повинен дѣля того, што в тебе еще естъ к тому девер Война Заец. Пани Заецовая, за пытанемъ моим, девера Войну Заеца к томужъ в себе быти поведила. А так я тое отложил, абы пани Заецовая того з девером своим Войною доходили правом, што я до книгъ замковых записати казал, и выпис с книг пани Заецовая собе взяла. Писанъ у Володимери.—Демянъ Мокренский, возный земъский повету Володимерского, рукою власною, року семъдесят девятого, месяца генвара пятого дня, подписал.

4. От Михайла Тихновича Козинского, подстаростего володимеръского,—земенину господаръскому пану Василью Радовицкому: жаловали передо мною земянка кнегини Хведоровое Сенкгушковича, маръшалковое земли Волынское, старостиной володимеръское пани Богдановая Заецовая Хведка Костянка, именемъ детей своихъ, и пан Война Мартиновичъ Заецъ, деверъ ее, штож дей батко твой Денис и ты самъ свекрови ее, а батку Войниному пану Мартину Заецу и мужу ее Богдану, подле листа батка твоего, вена есте не отдали, а имене Радовичи ты самъ на себе деръжишъ и вживаешъ, и людей колкосъ еси вжо заставилъ, и хочут о томъ с тобою в права мовити; ты бы передо мною в замъку господаръскомъ Володимеръскомъ сталъ и з ним о то ся росправилъ на тотъ рокъ, на который они тебе позовуть симъ моимъ

листомъ. Писан у Володимери под леть Божого нароженья тисеча пятсоть пятдесятъ пятого, месяца мая второго дня.— Демъянъ Мокренский, возный земъский повету Володимерского, рукою власною, року семъдесятъ девятого, месяца генвара пятого дня, подписалъ.

5. Выпис с книг Михаила Козинъского, подстаростего володимеръского: лета Божого нароженъя тисеча пятсот пятдесят пятого, месяца июня двадъцатъ вторый ден, пришедпи до мене землянка кнегини Хведоровое Сенкгушковича, маршалковое земли Волынское, старостиное володимеръское, пани Богдановая Заецовая Хведка Костянка, именем детей своихъ, и пан Война Мартинович Заецъ деверъ ее жаловали с позву своего на земенина господаръского па пана Василя Радовицкого: штожъ дей батко твой Денис и ты самъ свекрови ее, а батку Войниному пану Марътину Заецу и мужу ее Богдану, подле листа батка твоего, вена есте не отдали, а имене Радовичи ты самъ на себе держишъ и вживаешъ, и людей колкос еси заставил. Панъ Василей Радовицкий отказалъ: нехай покажутъ лист батка моего, а я буду ведати што говорити. Пани Зейцовая и панъ Война Заецъ показали листъ небожьчика Дениса Радовицкого; и выслухавши его, пан Василей Радовицкый поведалъ: я дей люди свои самъ выкуплю, а вено тогды дам, коли пани Заецовая, и ее дети, и пан Во(й)на Заец мети будуть имене подъ господарем королем, якъ на листе батка моего написано. И за пытанемъ моимъ пани Заецовая и пан Война Заецъ признали се, што именъя под королем его милостю не маютъ. Я то отложилъ до того часу, коли пани Заецовая и з детми своими и панъ Война Заецъ будутъ мети именъе под господаремъ королемъ; тогды пан Василей Радовицкий, подле листа батка своего, повинен досыт чинити будетъ; што я до книгъ замъковыхъ записати казал и выпис с книг панеи Заецовои и пану Войне Заецу на то далъ. Писан у Володимери.—Демянъ Мокренъ-

ксий, возный земъский повету Володимеръского, рукою власною, року семдесять девятого, месяца генвара пятого дня, подписалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. (Влад.) № 941, л. 23 об., актъ 31.

XLVI.

1522 г., мая 3. Продажная запись, данная княземъ Львомъ Өедоровичемъ Буремскимъ, женою его Марухною, зятемъ его Михаиломъ Васильевичемъ Свинусскимъ и его женою Катериною, данная Степану Воропаевичу изъ-Вѣкова на имѣніе Вильгощи и землю въ „городѣ окольнемъ“ (предм. Луцка).

Под свѣдомом господина нашого старосты луцкого князя Федора Михаиловича Чорторыского, я, князь Левъ Федорович Буремскый, и з моею жоною Марюхною, и я Михайло Василевич Свиноуский, князя Львов зят, и з моею жоною Катериною, и з дѣтми нашими вызнаваем сами на себе сим нашим листом кождому доброму, кому потреб того будеть вѣдати або чтучи слышати, нынешнимъ и напотом будучимъ, штож небожчикъ панъ Олехно Скорута заставил был свое имене на имя Вилгощи пану Михаилу Руденскому в пятидесят копах грошей широкых ческои монѣты, и листъ свой записный на себе дал; ино пан Олехно Скорута, сходячи с того свѣта, и того имени нам ся поступил и листом своим записал тое имене в тых пенязех выкупити на вечность нам по близкости жонъ наших. И мы тое имене, подлуг пана Олехнова Скорутина запису и подлуг нашеи близкости, в пана Михайловых дѣтей, в пана Юхна и в пана Богуша, выкупили и пѣнязи вси сполна пану Юхну а пану Богушу Михайловичом отдали—пятдесят коп грошей широкых, и тот листъ пана Олехнов записный, которым же был записал тое имене пану Михаилу Руденскому, и имене тое верхуписаное Вилгощи к своей руцѣ в пана Михайловых дѣтей взяли.

Йно я князь Лев Федорович Буремъский и з моею жоною Марюхною, и я пан Михайло Василевич Свинуский и з своею женою Катериною и з дѣтми нашими, змовившися вси поспол, тое имене Вилгощи и землю в городѣ околном, гдѣ дворъ был Вилгощъский того имени, которая ж лежит межи княгини Ровенской двора и князя Василева (К)рокочина, продали есмо вси посполитою рукою пану Степану Воропаевичу из Вѣкова за двѣсте коп грошей литовской, монѣты полугрошковои личбы, его милости самому, и его панеи, и их милости дѣтям, и на потом будучим их милости счетком вѣчно и непорушно и на вѣк вѣкомъ; и пѣнязи есмо заплату всю сполна взяли; а продали есмо ему з людми, и с пашнями, и с полми пашными, и съ сеножатми, и з боры, и з дубровами, и з бортною землею, и з лѣсы, и з ловы, и з ловищи, и с озеры, и ставы и ставищи, и з болоты, и з бобровыми гоны, и з данми медовыми и з грошовыми, и с чинши, и со всими их платы и з роботами со всим с тым, как ся тое имене само в собѣ здавна ся мает так моцно, какъ я (самъ держал) по старымъ звѣчистым границам; мает пан Степан Воропаевич из Вѣкова тое имене вышеписаны Вилгощи и землю, што в городе, где (дворъ был Вильгощъский того имени), волен его милость тое имене отдати, и продати, и заменити, и к церкви Божей записати, и росширити, к своему лепшому и пожиточнейшему обернути, яко самъ налепей розумеючи; а мнѣ вже князю Льву (а ни панеи) моей Марюхне (и мнѣ Михаилу Василевичу, а ни панеи моеи (Катеринѣ) . . . . . на городу нашою именечком нашим под паном Степаном Воропаевичом из Вѣкова и под его панею, и под их милости дѣтми (и напотом будучими) их счетки того вже имени Вилгощь и земли (што въ городѣ) не поискивати, бо есмо их милости продали вѣчно и непорушно и на вѣк вѣком; мает его милость держати вѣчно и непорушно и (на вѣкъ вѣковъ). И которыи листы мѣли есмо господарьскии на то потверженя и пана Скору-

тины, по близкости жон наших, на первей, привилей господарьский, што господарь потвердил з ласки пану Скорути..... имене Вилгощи, а листъ пана Скорутин дозволением кнегини Львовои кнегини Марьи тое имене Вилгощи по близкости выкупити, а лист оувяжчий князя Костантинов Ивановича Острозского оу мѣстце двора тогож имени Вилгощи оу замку околном, коли его милость был оу Луцку старостою, и теж листъ заставный пана Скорутин, што был заставил тое имене пану Михаилу Руденъскому, а еще листъ вызнаный пана Юхновъ а пана Богушов Михайловичовъ Руденских, штож они в мене, (Льва) Федоровича Буремъского, и в мене, Михаила Василевича Свинуского, за тое имене за Вилгощи пѣнязи свои вси спол взяли и листъ заставный пана Олехнов Скорутин намъ отдали тое же имене наше (sic) от всих от них волное, никому ничимъ невинно(е); и тыи есмо листы вси для потверженя сего нашого запису пану Степану отдали. И надто еще, еслибыхмо где доискалися привиля старого на тое имене Вилгощи и листов потверженых, тогды тое привиле и тыи вси листы маем пану Степану Воронаевичу из Вѣкова отдати; бо вже мы к тому именю Вилгощу и к тому дворищу, што у в околном городе, как же есмо (на листѣ) нашом верху выписали, на которой привиля не маем, во всем волен пан Степан и его пани, и их милости дѣти, и их счетки. А при том были и тому добре свѣдоми: господинъ и отецъ наш его милость владыка луцкий и острозский Кирил, а князь Василей и князь Федоръ Федоровичи Четвертенские, а князь Петръ Михайлович, а князь Василей Михайлович Соколский, и князь Василей Кропотчич, а пан Михайло и пан Василей Семашковичи, а пан Сенко Цята, а пан Иван Богданович Красноселский, а пан Матфей Миткович Угриновский. А на твердость тых речей верхуписанных я, князь Лев Федорович Буремский, и я, пан Михайло Василевич Свинускии, и печати есмо привѣсили свои к сему нашему листу. И надто

еще для лѣпшеи твердости сего нашого листу просили есмо господина и отца нашего владыки луцкого и острозского Кирила и их милости князей и панов, которыи выписаны в сем нашем листе, абы ихъ милости и свои печати привѣсили к сему нашему листу. И их милости на нашу прозбу вчинили и печати свои к сему нашому листу привесили. Писан у Луцку, в лѣто сем тисящьное тридцятое, месяца мая 3 день, индикт десятый.

Арх. Кіев. Археограф. Ком., № 42.

XLVII.

Документы 1523—1560 гг., на имѣніе Коршовецъ, принадлежащее Луцкой церкви св. Димитрія, предъявленные къ записи въ Луцкія гродскія книги протопопомъ луцкимъ Демьяномъ Стефановичемъ въ 1579 году.

1. 1523—1526? (7517), мая 13. Мѣновая запись кн. Федора Михайловича Чарторыйскаго, старосты луцкого, и Кирилла [1]) епископа луцкого, объ обмѣнѣ дворища церковнаго Демьянова, пожалованнаго Дмитровской церкви в. кн. Мстиславомъ, на дворище Чорторыйскаго-Коршовецъ.

2. 1560 г., марта 15. Судебное рѣшеніе Марка Васильевича Жоравницкаго, нареченнаго владыки луцкаго и острожскаго, по тяжбѣ между протопопомъ луцкимъ Демьяномъ и священникомъ полонскимъ Федоромъ о части имѣнія Коршовецкаго, которымъ съ давняго времени завладѣлъ послѣдній; владыка, не принявъ во вниманіе давности присудилъ въ пользу Дмитровской луцкой церкви (представителемъ которой былъ протопопъ луцкій).

Року Божого нароженя 1569, месяца октебра 6 дня.

Передо мною, Богушемъ Федоровичемъ Корецкимъ, старостою луцкимъ браславскимъ и веницким, ставши очевисто

---

[1]) Кириллъ былъ епископомъ луцкимъ въ 1495—1526.

протопопъ луцкий священникъ Дмитровский отецъ Демянъ Стефановичъ оповедал и покладалъ два листы: один листъ его милости небожчика князя Федора Михайловича Чорторыского меновныи дворища Демянова на дворище Коршовецъ, под печатю его милости и под печатми людей зацныхъ; а другий лист судовый его милости владыки луцкого и острозского пана Марка Василевича Жоравницкого, под печатю его, о остров поля Коршовецкаго, который лежить от валу Добрытня, а от гостинца Полгановского до гостинца Мстишинского, идучого от Луцка до Мстишина; и просил, абых я тые листы огледавши и вычитавши, для лепшого и вечнейшого схованя, до книг кгродских луцких уписати казал. Которые были читаны и так ся в собе мают: то есть листъ князя Федора Чорторыского меновныи.

1. Я, князь Федор Михайлович Чорторыскій, староста луцкий [1]), даю ведати симъ моимъ листомъ, кому будеть потреба того вѣдати або чтучи его слышати, нинешним и напотом будучимъ: которое дворище мое отчизное на имя Коршовецъ, ино тое дворище споручъ было церкви Божой светому Дмитрию; а которое дворище церковное светого Дмитрия, придане великого князя Мстислава, на имя Демяново, ино тое дворище споруч мне к двору моему (Мсти)шину. И его милость господинъ отецъ нашъ епи(скопъ) Кирил, владыка луцкий и острозский, з росказаня (господарского), з нами в томъ погодил, абыхмо зъ его милостью (тыми дво)рищами меняли, для того, же тое дво(рище Кор)шовецъ споруч ку церкви Божой, а церков(ное дворище Дем(яново) споручъ нам и двору на(шому) (Мстишину); для тое причины тыми дворищи зъ его милостью меняли, а такъ есмо тыми дворищи меняли не на взгляд, але мерячи землю ужищами, колько есми дал земли своее ку церкви Божой, толкож его милость

[1]) Кн. Фед. Мих. Чорторыйскій былъ старостою луцкимъ въ 1523—1542 гг. Так. обр. настоящій актъ относится къ 1523—1526 гг.

отецъ владыка Кирил дал намъ земли церковное Дмитровское через дорогу великую, которая идеть з Луцка на Мстишин, против грани на рогъ острова нашого Брытня, к болоту, ко крыницы, почонши от тое границы, што есть граница земли Демяновское церковное з Вербяевомъ и так просто через поле ко крыницы Мстишинской, то его милость отецъ владыка тое поле нам дал и заграничил; а которое поле и хвороща церковное Дмитровское через тую грань от тое нашое мены зосталося по болото уверхъ а по грань Полгановскую, через хворощу дорогою до валу, а валомъ граню Вербяевскою к дорозе великой, а дорогою великою к грани той, которую я зъ его милостью заграничил, по грань Вербяевскую; а так есмо тое дворище Коршовецъ променяли и записали ку церкви Божой со всею землею, и з сеножатми, з рекою, и з речищемъ, со всимъ с тымъ якъ ся тое дворище наше Коршовецъ звеку в собе у своих границах маеть; и тую землю и хворощу, которая есть вышшей описана, штося зостала от мены нашое, к томуж дворищу Коршовецкому привернули и запахали, поспол с его милостью отцемъ владыкою; а его милость епископъ Кирил...... тое дворище церковное светого Дмитрея Демянов(ское съ) пашнокю, и з сеножатми, и зо всимъ пожиткомъ...... милость отехал и заграничил, мне подал за дозволенемъ господарь(скимъ) (мен)яли есмо тыми дворищами зъ его милостью.............. вже в тое дворище Коршовецъ и в тую землю...... (цер)ковъную я князь Федор Чоръто(риский)....... а ни владыка его милость Кирилъ и по немъ будучие епископи в тое надане вступатися, а ни кривды церкви Божой на вѣчъные часы чинити не маемъ, а ни сее мены нашое рушати. А при томъ были и того добре свѣдоми их милость: князь Василей Федорович Четвертенский, а князь Александро Федорович Буремский, а пан Михайло Семашкович, хоружий волынский [1])

[1]) Упом. какъ хоружій волынскій въ 1524 г.

а пан Федор а пан Дашко Еловичи, а пан Иван Богданович Красноселский, а пан Лецко Баевский, а дворяне господарские пан Богдан Сидорович, а пан Занко Олешковичъ. А для лепшое твердости сего моего листу я, княз Федор Михайлович Чорторыский, печат есми свою приложилъ к сему моему листу; и просилъ есми князей и панов их милости, которые в семъ моемъ листе выпписаны, ижбы ихъ милость печати свои приложили к сему моему листу; их милость то на наше жедане вчинили и печати свои приложили. Писан во Мстишине, в лѣто семое тисеспи петсот семогонадцать, мѣсеца мая третегонадцет дня.

2. Другий листъ суду пана Марка Василевича Жоравницкого, владыки луцкого и острозского такъ, ся в собѣ мает:

Марко Василевичъ Жоравницкий, Божю милостю нареченный епископ луцкий и острозский, ознаимую симъ моимъ листомъ, иж будучи мнѣ з ласки Божое и господарское на томъ местцы столицы епископьи Луцкое, смотрелъ есми того дела: жаловалъ передо мною богомолец мой протопопа луцкий отец Демян Дмитровский на свещенника моего полонского Федора Пречистского тымъ обычаемъ: иж дей онъ властный а звечистый кгрунт з давных часовъ на тую церковъ светого Дмитрея, которую я тепер держу, наданый, поле и хворощу дворища назваsuccесного Демяновского, што ся зосталъ на звышей от мены того дворища Демяновского, кгды дей за дозволенемъ и листы господарьскими, епископъ луцкий и острозский небожчикъ Кирило съ старостою луцкимъ небожчикомъ князомъ Федоромъ Михайловичомъ Чорторыскимъ на дворище его Коршевец менялъ, который дей я Коршевец и тепер, водле мены вышемененого епископа луцкого и князя Чорторыского, ку той церкви светого Дмитрея держу; одно дей онъ, не вѣдати для чого, поля и хворощи не мало остатокъ того дворища Демяновского, што ся на звышъ того дворища Коршевца зостало, и ку светому

Дмитрею споломъ (посполъ?) съ Коршевцомъ было приведнено (sic) и ограничено, держыть и вживает, а мнѣ ку той церкви светому Дмитрею поступити и подати не хочет. Оный священникъ полонский напротивко той жалобы его отпору нiякого иншого доводового ведле права не чинилъ, а ни теж листов нияких на тую землю в себе быти не меновалъ, а ни показовалъ, одно згола давностю держаня своего быти поведалъ, и тымъ жалобу его отбивалъ. Священникъ Дмитровский поведилъ: иж дей он ничого листового, а ни данины на то в себе не поведает, одно згола давнымъ держанемъ мнѣ того отбивает; и ачъколвекъ дей онъ вже от немалого часу тое землѣ вживает, але ни за жадным наданемъ и дозволенемъ чиимъ, одно своимъ своволнымъ посегненемъ; бо дей, кгды вже тому есть час немалый, тая церковъ светого Дмитрея для зопсованя в пусте лежала, а ни священника и службы Божее в ней не бывало, тогды дей земли и всѣ доходы, ку той церкви прислухаючие, розобраны и роспрошоны были; куды што хто хотел взяти, то взялъ; на он же дей час и тую землю тот поп под себе забралъ. Потомъ дей кгды вже небожчикъ зошлый епископъ луцкий Феодосей тую церковъ направил и мнѣ зо всѣм, посветивши далъ, и всѣ пожитки, доходы и земли, ку ней прислухаючие, привернул; нижли дей тое землѣ вышемененое тот священникъ за упорствомъ своимъ поступити и подати не хотелъ; и ач быx дей ему того заразомъ на тот же час не молчалъ и правне того под нимъ дошолъ, нижли дей листов, а ни жадного поступку противъ ему чим быx того доходилъ, в себе есми не мел; але дей вже потомъ, держачи тую церковъ светого Дмитрія час немалый, листов и уфундованя тое церкви от некоторых приятелей своих есми доставши, тогож часу есми заразомъ небожчику Феодосию, потом небожчику Иосифу, зошлымъ епископом луцкимъ, на того священника полонского о тую землю жаловал и спра-

ведливости просилъ и листы господарьские напоминальные о вчинене собѣ справедливости о то з нимъ до тых епископовъ прошлых Феодосія (и)Иосифа одерживалъ; которые листы передо мною покладал; нижли дей и до сих часовъ з нимъ есми собѣ справедливости довести не могъ. А доводячи того, иж то ест властная земля Дмитровская, положилъ передо мною лист меновный под многими печатми небожчика князя Федора Чорторыского, старосты луцкого, иж менялъ дворищами за дозволенемъ господарьскимъ з владыкою луцкимъ небожчикомъ Кириломъ на дворище Демяновское, здавна наданое ку светому Дмитрею, своимъ дворищемъ властнымъ Коршевцемъ; в которомъ листе меновномъ описует, иж кгды выпереченый князь Чорторыский и владыка луцкий Кирило тую мену межи собою за дозволенемъ господарьским чинили, тогды дей иж было прилегло близко тое дворище светого Дмитрея Демяновское ку именю князя Чорторыского, он напротивко тому дворищу дал свое дворище ку светому Дмитрею менованый Коршевец; и кгды дей з розмеру болше ся нашло землѣ в дворищи Демяновскомъ, ниж в Коршовцу, тогды отделивши тот остатокъ землѣ дворища Демяновского и ограничивши, поспол с тымъ Коршевцемъ ку светому Дмитрею зас привернули и подали; якож знаки и граници тое землѣ и вся справа на томъ листе меновномъ ширей и достаточней есть описана и менована. И еще поведил передо мною тот свещенникъ Дмитровский, иж дей на тую землю и на тот лист меновный мелъ есми потверженe господарьское; нижли дей небожчикъ Иосифъ, кгды есми перед нимъ покладал, в себе его загамовал и с того свѣта зышол, мнѣ его не вернувши, чого людми добрыми передо мною слушне довел; и надто еще слался и шапку ставилъ до многих князей и панов, которые на то(й) менѣ были и которых печати в того листа меновного приложены ест, хотечи то слушнымъ и явнымъ сведецствомъ довести и показати. Я

пыталъ священника полонского, естли-бы што противку тому мовеню, а листомъ и доводу мовити мелъ, и водле права абы довод свой на держане, або якое уфундоване на то в себе маючи, чинил? Онъ, яко и первей, так и теперъ, нияког доводу а ни листов не показалъ, а ни ихъ в себе быти поведал; одно згола давнымъ держаньемъ своимъ быти меновалъ; ани ся тежъ до тых печатников оного листу меновного слати и шапки ставити не хотел. А священникъ Дмитровский просил, абы за слушными листы и доводомъ своимъ при той землѣ ведле права захованъ былъ. А такъ я, выслухавши з обу сторонъ мовенья ихъ, и бачачи, же тот священникъ полонский жадных листов данины на тую землю не показуеть, а ни якого доводу водле права не маеть, а священникъ дмитровский листъ делчий, яко вышей поменен есть, показал, в которомъ меновите тая земля и границы описаны и менованы есть, и в том же листе описуеть, иж ку светому Дмитрию придана, чого еще и живыми светками, которые на той менѣ были и печати свои приложили к тому листу меновному, был готов довести; а выведавши теж есми достаточне от служебников своихъ, которые еще небожчику Феодосию да Иосифу, зошлымъ епископомъ луцкимъ, служили, и взявши порозу(меня) з листов господарских напоминалныхъ, иж он того не (мол)чалъ и справедливости собе просилъ, за т(ыми) слушными доводы водле листу того (меновного), заховываючися в томъ, яко право не.......... землѣ вышей помененой остатку.......... (Де)мяновского и хворощи...... грани описаны и менованы есть, священника дмитровского есми зоставилъ и то ку церъкви светому Дмитрию есми при судилъ и в деръжане подалъ. И вже от сего часу маеть тая земля вышейпомененая ку церкви светому Дмитрию вѣчно и непорушно держана быти; а в то ся через сесь судъ мой нихто вступовати, а ниякимъ обычаемъ от церкви светого Дмитрия отдаляти, а ни теж поискивати не маеть вечне. И

на то есми дал тому свещеннику дмитровскому Демяну сесь мой судовый листъ з моею печатью. Писанъ в Полоном, лѣта Божого нароженья тисяча пятьсотъ шестдесятого, месяца марца пятогонадцать дня.

А такъ я тые верхупомененые ободва листы, которые передо мною свещенникъ дмитровъский луцкий, то есть один небожчика князя Федора Чорторыского меновный, а другий пана Марка Василевича Жоравницкого судовый, покладалъ, огледавши и ку вѣдомости своей припустивши, до книгъ кгродских луцких слово от слова с початку аж до конца записати казалъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. №. 2043, л. 493.

XLVIII.

Документы Гурка Федоровича Омелянскаго:

1. 1523 г., (инд. 11) 28 мая. Заставная запись кн. Ильи Константиновича Острожскаго боярину его Гурку Федоровичу на дворецъ Звижне, на людей въ Скопѣевѣ, Быховѣ, Постойнѣ и Чудлѣ и на Бынковщизну.

2. 1525 года, (инд. 13) 12 апрѣля. Заставная запись тогоже томуже на имѣнье Бармаки и Чудле.

3. 1531 года, (инд. 4) (12 мѣсяца?). Дарственная запись тогоже томуже на Бармаки, въ Ровенской волости, и Чудле, въ Степанской волости, подъ условіемъ службы.

Документы явлены Өедоромъ Гуркомъ—Омелянскимъ въ Луцкомъ гродскомъ судѣ 1578 г., іюля 28.

Року 1579, месяца июня 17 дня. На рокох судовых земских etc. перед нами, то ест etc, ставши очевисто в замку господарском Луцком земенин господарский пан Федор Гурко-Омелянский, положивши перед нами выпис кгродский луцкий, з уписанемъ в немъ трох листов зошлого его ми-

лости князя Или Костентиновича Острозского, воеводича троцкого, старосты браславского и вѣницкого, два листы на сумы пенезей, а третий лист на именя Бармаки и Чудле, просечи, абы в книги земские луцкие обычаемъ перенесеня уписан был; которого мы, огледавши, для вписованя в книги приняли; и так ся в собѣ мает:

Выпис с книг кгродских замку господаръского Луцкого: лѣта Божого Нароженя тисеча пятсот семъдесят осмого, мца июля двадцат осмого дня, передо мною, Иваномъ Шпаковсимъ, писаром кгродскимъ луцкимъ, на сес час будучимъ на местцу пана Андрѣя Киверецкого подстаростего луцкого, постановившисе очевисто пан Федор Гурко-Омелянъский покладал на вряде три листы зошлого его милости князя Или Костентиновича Острозского, воеводича троцкого, старосты браславского и вѣницкого, с печатми и с подписми руки его милости и теж с печатми людей добрых, пану Гурку Федоровичу-Омелянскому, отцу его небожчику от его милости даные, то ест один лист на триста коп грошей литовских, другий лист на двѣсте коп грошей литовское личбы, а третий лист на всѣ именя на Бармаки и Чудле; и просил пан Гурко, абы тые листы вычитаны и в книги кгродские луцкие были уписаны; которых я, оглядавши, вычитавши, и..... так се въ собе слово от слова мают:

1. Я, княз Иля Костентинович Острозский, воеводич троцкий, староста браславский и вѣницкий, вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ: взяли есмо в боярина нашого в пана Гурка Федоровича к нашой потребе триста коп грошей литовское личбы, в грош по десети пенезей, и в тых трехстех копах грошей заставили есмо ему дворец наш Звижне с пашнею дворною, с полми, и сеножатми, и з дубровами, и з дворною и полазною землею, и з рекою, и з береги, з людми служебными и с тяглыми, и з их полми и сеножатми, зо всими платы каждых подачок, и з роботами; и в Ско-

пѣеве чоловѣка на дворищи, также с платомъ и з роботою; и на Быховѣ тыхже людей зъ их землями с пашными и сеножатными, с подачками и з роботами; и в Постойне тых же людей Максимовичов з землею третинною бортною; а в Чудле Семеновичов тых же людей зъ их землею пашною и бортною и з даню дванадцат вѣдер меду а пол копы грошей; и тот угол увес подле реки Олыки Бынковщизну з людми, што на тот час ест тамъ, также зъ их землями пашными и сеножатми, также з рекою, и з берегом, и млынец на Яменцы, вес тот спадок, што держал Михно Якубович, кроме того, што есмо тых же людей отдали боярину нашому Андрѣю Зарѣцъкому, такъ по тому, какъ сами есмо держали, ничого на себе не оставуючи; и к тому людей наших Постоенских всѣхъ волостных в тых же пенезех заставили есмо, слугъ нашихъ путных и людей тяглых также зъ их землями бортными и с пашными, и сеножатми, з лесы, и з дубровами, и з их уходами, зо всими их платы и с подачками, што намъ даювали так, какъ мы сами держали, и ничого на себе не оставуючи, кроме людей бояр наших в Постойне,—на рок от светого Петра аж до тогож року светого Петра, што будет у в ындикте второмъ надесят. А если чоловѣкъ наш который за сего держаня от него втечет, якож тых часов около воли частый (sic) або в дворцы нашомъ, егож Боже уховай, какою ль пригодою штобы згорѣло, того нам на Гурку не искати, а ни повинен намъ того платити и того шкодовати, якъ обычай ест; а Боже уховай, до того року над нимъ какое пригоды, найболей часу смертелного, а тые пенези верхуписаные будут ему не отданы триста коп грошей, тогды мает тую заставу в тых пенезях держати жона его и дети их до тых часов, поки тые пенези имъ отданы будут, также как в семъ нашомъ листе описано. И на то есмо ему дали сес наш лист з нашою печатю и с подписю руки нашое. А при том были и тому добре свѣ-

доми: пан Семен Матеевич Бабинский, а подскарбий наш Иван Иванович, а бояре наши Иван Павлович, а Грицко Промъчейкович, а наместник наш острозский Федор Тупило, а наместникъ наш Степанский Богдан Караевский; и тые всѣ печати свое приложили к сему нашому листу. Писан у в Острозе мая двадцат осмого дня, индыкта первыйнадцат. Илъя, княжа Острозское.

2. Я, княз Иля Костентинович Острозский, воеводич троцкий, староста браславский и вѣницкий, вызнаваемъ сим нашим листомъ: што перво сего взяли есмо к нашой потребе в боярина нашого в пана Гурка Федоровича двѣсте коп грошей литовское личбы, в грош по десети пенезей, на што он и лист наш мает з нашею печатю, и казали были есмо ему тые его пенези отдати подскарбему нашому з наших пенезей, которыеж он брал з ыменей нашихъ, и он ему тых пенезей не отдал за иншою потребою намъ пенезей; и как вжо тотчас ехали есмо до Кракова, он намъ о тые пенези свое впоминал и просил, абыхмо ему тые его пенези отдали; а так мы, в тот час бачачи так же потребу тых пенезей, жедали есмо его, абы нам тых пенезей еще подождал, поки даст Бог за се с Кракова приедемъ; и для всякое пригоды, а наболшей смертелного часу, егож Боже уховай, естли бы на нас Бог до тых часов допустил, и так в коротком часе еханя нашого не поспѣли есмо ему на чомъ иншом тых пенезей его написати, написали ему тую двѣсте коп грошей на тых его именях на егож выслузе, што мы ему дали на Бармацех а на Чудли; а естли бы Бог допустил на нас смертъ, а он бы иншого запису от нас не мѣлъ, а пенези бы ему не отданы были, тогды вжо он будет тые именя держати, и в тых своих пенязях; естли бы хотел по нас близких наших с тых именей его рушити, або по немъ жону его, або дѣти их, тыи перво мают ему тые его пенези верхуписаные двѣсте коп грошей заплатити.

И на то есмо ему дали сес нашъ лист с подписомъ руки нашое и з нашою печатю. Писан у в Острозѣ, апреля второгонадцат дня, индикть третийнадцат. Илъя, княжа Острозское.

3. Я, княз Иля Костентинович Острозский, воеводич троцкий, староста браславский и вѣницкий, убачивши есмо вѣрную службу ку отцу нашому и теж к намъ слуги нашого пана Гурка Федоровича Омелянского, з ласки нашое дали есмо ему в материзне нашой (¹), в Ровенской волости, село на имя Бармаки з людми, и с пашнями, и з их платы, и зо всими подачками, и со серебщиною и зо всимъ, як сами есмо держали; а другое село дали в материзнеж нашой в Степанской волости, на имя Чудле, также з людми, з даню медовою и грошовою, и з их платы, со всими подачками и серебщиною, также как сами есмо держали, кромѣ дву дворищъ в томже селе инъших бояр наших, вечно ему, и его жонѣ, и их дѣтемъ; а он самъ и их дѣти мают нам с тыхъ именей служити. И на то дали есмо ему сес наш лист з нашею печатю. Писан у в Острозѣ, второгонадцат дня, индикта четвертого.

А так я тые всѣ три листы, за прозбою пана Федора Гурка-Омелянского, до книг кгродских луцких записати казалъ и выпис с книг под печатю моею пан Федор Гурко-Омелянский на то собѣ взялъ. Писан у Луцку. Иван Шпаковский, луцкий кгродский писар.

А так мы, суд, тот менованый выпис с книг кгродских луцкихъ, з уписанемъ в нем трех листов помененыхъ, за приношенемъ пана Гурковымъ, до книг справ нашихъ судовых земских луцких обычаем перенесеня записати казали.

Книга Кіев Центр. Арх. № 2095, л. 500, актъ 159.

¹) См. выше прим. къ докум. Покотиловичей—Пятигорскихъ.

LIX.

Документы Вечинской церкви, предъявленные Богушемъ Зайцемъ Зденизскимъ суду въ 1593 г., февр. 3.

1. 1524 г. окт. 15. Запись на евангеліи Ивашка Тимошевича Чагадаевича на островъ земли Березолупской въ пользу церкви св. Спаса въ с. Вечинѣ.

2. 1532 г., марта 15. Росписка священника Вечинской церкви Макарія Семеновича въ томъ, что церковь получила выкупъ за записанный ей островъ земли отъ Михаила Семашковича, купившаго Березолупское имѣнье.

Декрет пана Богуша Заеца Зденизского а его милости ксендза бискупа и капитулы костела Луцкого.

Року тисеча пятьсотъ деветъдесятъ третего, месяца февраля третего дня. (1).

.... Пытал панъ Заецъ умоцованых и людей городинских также старцовъ светков стороны позваное о тую дорогу, которою дей есте завод свой учинили и ее границею своею быти менуете и поповскою дорогою называете: с которое причины тая дорожка тое прозвище мает? Якого бы попа тая дорожка была? Они отказали: ижъ не ведаем, штобы то за попъ был, от которого бы тая дорожка тое прозвище мела. Панъ Заец на то поведилъ, иж дей и я тую дорожку поповскую быти признаваю; и не без причины тую дорожку поповскою зовут, бо дей у Берзолупех и в Городиню перед тымъ церквей а ни попов не было; толко дей здавна была церковъ у Вечиню, манастыр звечный, при которой дей церкви предокъ мой на име пан Ивашко Тимошинич Чагайдаевича Березолупский отчичъ уставичне панамором, хорый будучи и не меючи жоны и детей, мешкаючи, на тую церковъ Вечинскую Святого Спаса по своей души у еван-

---

1) Здѣсь приводится листъ изъ судебнаго рѣшенія 1593 г. по тяжбѣ между бискупомъ луцкимъ и Бог. Зайцемъ Зденизскимъ.

гелию записалъ былъ остров земли своее Березолупское, который се тепер его мл. князь бискупъ с капитулою и с поддаными своими городинскими уступует, в шести копах грошей литовских, доложивши того в той же евангелии, ижъ по смерти его волно было брати его и потомкомъ его тую шесть копъ грошей за тот остров отложити, а тот остров до своих рукъ взяти; што дей есть у евангелии ширей описано; якож дей продокъ мой панъ Михайло Семашко, по его смерти, тую шест копъ грошей и за тое евангелие особливе две копе грошей литовскихъ отложилъ, а тот остров земли и евангелие до своихъ рукъ взял. И значне то показуючи, покладал еванъгелию, в которой тыми словы естъ написано:

1. Под лѣт. Божого Нароженъя тисеча пятсот двадцать четвертого, месяца октебра пятогонадцать дня, индикта второго. Я, рабъ Божий Ивашко Тимошевичъ Чагайдаевича, дедичъ березолупский, на здорови недолужный, безжонны и бездетинъный, записую во Светое Евангелии на церковъ Вечинскую Святого Спаса в шести копах грошей литовское монеты по моей души остров земли моее Березолупское от Городѣня, межи Путищом, идущимъ отъ Тончины на Медвежую Лозу, черезъ дорогу великую Полескую берегомъ Черетоватых болотъ ко струзе Лютице, и Лютицею во верхъ Моржовымъ болотомъ к Рокитной Струзе, и тою Стружкою во верхъ через дуброву къ Могилску до великого болота Иваня, серед болота к Рокитному болоту, опятъ к верху Тончины к той же Медвежой Лозе; и по тым врочищем той остров земли моее Березолупское во шести копах грошей маетъ быти держан ко церкви Вечинскуй Святого Спаса з деревомъ бортнымъ со сеножатми и со всякими ужитки, покуль братя мои тые шесть копъ на церковъ отложат; а тые пенези братя мои по моей смерти мают отложити тому свеценнику, хто тую церковъ будетъ держати; а не

отложивши на церковъ тых пенезей, не маютъ в тую землю вступоватисе под клядбою светых отец триста и осмънадцат, иже во Никеи, и анафема да буди. Аминь.

А потомъ положилъ листъ попа вечинского Макария Семеновича, который тую шесть копъ грошей въ Евангелии записаную и за самую Евангелию две копе грошей литовских взялъ и тотъ островъ земли Березолупское поступилъ, который так се в собе маеть:

Я, смеренъный Макарий Семеновичъ, за поданъемъ господарскимъ настоятель церкви Вечинское Святого Спаса, вызнаваемо то симъ моимъ листомъ нинешним и на потомъ будучимъ што бывъ записавъ на церковъ Вечинскую Святого Спаса панъ Ивашко Тимошиничъ Березолупский островъ земли своее Вечинское межи Путищомъ отъ Тонъчины на Медвежую Лозу до речки Лотицы и тою речкою у верхъ Моржовымъ Болотомъ до струги Рокитное, отътуль черезъ дуброву к Могилску посеред болота великого Иваня по болото Рокитное, по туюжъ Медвежую Лозу к Тончини, в шести копахъ грошей литовское монеты, держати и вживати, яко ширей во Светое Евангелии самъ же тотъ панъ Ивашко Березолупский своею рукою записалъ; ино панъ Михаило Семашковичъ, хоружий, купивъ тое именъе Березолупы в никоторых пановъ Березолупских, и той островъ ку своей руци мети хотилъ, и мне тые пенези шесть копъ грошей литовское монеты отъдалъ и особливе за тое Евангелие, в которомъ было тотъ островъ на церковъ Вечинскую описано, две копе грошей литовскихъ заплатилъ и тотъ островъ к своей руце взялъ; а я тые пенези шесть копъ и за Евангелие две копе грошей, то(есть) въ осмъ копъ грошей литовское монеты, взялъ и той островъ земли пану Семашку я есми поступилъ со всимъ на все; и вже мнѣ самому и по мне моимъ потомкомъ в той островъ не треба се вступовати ничимъ; и будетъ вонъ самъ и его дети и его потомки к Бе-

резолупамъ держати и вживати, яко власности своее Березолупское. И на твердость того далъ есми пану Михаилу Семашковичу, хоружому, сесь мой листъ подъ моею печатью власное руки моее; а при томъ были ихъ милость: князь Война Федоровичъ Вороницъкий, панъ Петръ Богдановичъ Загоровский, городничий луцкий, пан Михайло Тихновичъ Козинский и Голозубский(sic); и для лепшое веры и сведетства на мое чоломъбитье верхъписаные панове печати свое к сему листу моему рачили приложити. Писанъ у Луцьку, лѣта Божого Нароженья тисеча пятьсотъ тридцать второго, месяца марца пятогонадцать дня, индикта второго.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2969, л. 81 об. до 82 об.

L.

1528 г., сент. 4. Грамота Сигизмунда I князьямъ Вас. и Богд. Видиницкимъ на право установленія торга и ярмарки въ м. Любчѣ и на право взиманія пошлины за проѣздъ на мосту, устроенномъ ими.

Листъ князямъ Василью а Богдану Видиницкимъ [1]) дозволенья в ыменю ихъ Любчи торгъ, ярмарок, корчмиты (корчмы мети?) и мостовое держати.

Жикгимонт, Божъю милостю корол полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецъкий и иныхъ.

Били намъ чоломъ дворяне наши княз Василей а княз Богданъ Романовичи Видиницъкие, абыхъмо дозволили имъ в ыменьи ихъ в Любчи торъгъ и яръмарокъ и коръчмы мети; а поведали намъ, ижъ то торъгомъ нашимъ не шкодно; к тому поведили перед нами, ижъ в томъ же именьи своемъ справуютъ мостъ на кожъдый год, и на то наклад немалый накладаютъ; через который жо деи мостъ купъцы

---

[1]) Наименованіе „Видинецкіе“ есть второй титулъ князей Любечскихъ, употреблявшійся, вѣроятно, раньше этого послѣдняго и пріобрѣтенія ими гор. Любча (на Волыни) отъ тетки Федки, вдовы Оливара Шиловича.

ездять и тотъ мостъ казять; а они мусят накладомъ своимъ тотъ мостъ завъжды оправовати; и просили насъ, абыхъмо дозволили имъ на томъ мосту мостовое брати. Ино мы, з ласки нашое на ихъ чоломъбитье то вчинили,—дозволили есмо имъ в томъ именьи ихъ Любъчи торъгъ и яръмарокъ и коръчмы мети, без шкоды торъговъ и яръмаръковъ нашихъ; а мостового на томъ мосту дозволили есмо имъ брати отъ кожъдого воза купецкаго по грошу, а отъ коня по пенезю, для оправы того мосту, вечъно. И на то есмо имъ дали сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писанъ у Вильни, под летъ Бож. нарож. 1528, мѣсяца сентебра 4 дня, инъдиктъ 2.

Подпис руки его королевское милости. Пр. воеводи виленскимъ, канцелер пан Ол(брихт) Мар(тинович) Кгаш(толд). Копот, маршалок и писар [1]).

Литов. Метр.. Кн. Зап. Лит. № 22, л. 99-об.

---

[1]) Въ сборникѣ: „Грамоты вел. кн. Литовскихъ“, изд. подъ редакціею Козловскаго и Антоновича, Кіевъ 1868 г., напечатаны (стр. 13) документы кн. Любецкихъ, предъявленные Луцкому уряду въ 1569 г., февр. 7 княгинею Анною Романовною Друцкою-Любецкою (по мужу княг. Соколинскою); они состоятъ изъ грамоты кор. Сигизмунда Августа 1545 г., дек. 5, которою подтверждаются, по просьбѣ кн. Любецкихъ, Богдана, Дмитрія, Ивана и Януша, прежнія грамоты на имѣніе Любче; а именно: 1, Грамота кор. Казимира Федкѣ, вдовѣ старосты луцкаго Олизара Шиловича, который завѣщалъ ей въ собственность с. Здолбицу съ приселкомъ Глинскомъ и Кунином, Гороховъ съ приселками и Любче съ приселками. Шиловичева подарила королю (по своей смерти) Здолбицу и Гороховъ, но за то просила, чтобы король позволилъ ей распорядиться по желанію им. Любчемъ. Король позволилъ. 2, Въ силу этого позволенья Федка (дочь) Юршина Шиловичева даритъ (по смерти) племяннику своему отъ сестры кн. Богдану Васильевичу Ходень и Любче, 1478 г. іюля 17.; 3, Затѣмъ король Казимиръ въ 1479, сент. 3 подтвердилъ эту дарственную; 4, когда кн. Богданъ, получившій даръ, умеръ, то вел. кн. Александръ въ 1500 г., авг. 6 позволилъ наслѣдовать имѣніе брату умершаго кн. Роману Васильевичу. Эти весьма интересные акты для исторіи права землевладѣнія, заслуживали бы новаго изданія, потому что въ прежнее вкрались значительныя ошибки въ датахъ, собственныхъ именахъ и текстѣ (здѣсь отчасти исправленныя по актовой книгѣ К. Ц. Ар. № 2043, л. 81).

LI.

1518 г., мая 5. Король потверждаетъ на вѣчность князю Петру Михайловичу Головнѣ земли, пожалованныя ему и пріобрѣтенныя имъ мѣною.

Потверженье князю Петру Михайловичу [1]) на три дворища в Луцкомъ повете на Красномъ: Демъяновское, Башмановское и Жуковское, и на фольварокъ въ Луцку на Черньчохъ Гриневский, вымененый у Васка Беликовича вечностью.

Жикгимонтъ, Божъю милостью корол полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоитъский и иныхъ,— чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрит або чтучи его услышить, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати: билъ намъ чоломъ княз Петръ Михайловичъ и поведилъ перед нами, што жъ братъ нашъ Алекъсандър король его милость далъ ему две дворища пустыхъ въ Луцъкомъ повете, на Красномъ, на имя Демъяновъское а Башмановъское, с полми, и з сеножатьми, и зо въсимъ с тымъ, што здавъна к нимъ прислухало; а ку тому вжо мы к тымъ жо двумъ дворищамъ придали ему тамъ жо на Красномъ дворищо иа имя Жуковъское, такъжо с польми, и сеножатьми. Тежъ поведилъ перед нами, ижъ онъ выменялъ в земенина волынъского Васка Беликовича фольварокъ в Луцку на Черъньчохъ на имя Гриневъское, тежъ зо всимъ, какъ ся тотъ фольварокъ здавъна в собе мелъ; и на то все листы данину брата нашого короля его милости Алекъсанъдра и нашу, и тежъ листъ меновъный того Васка Беликовича перед нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхъмо ему на то дали нашъ листъ и то все потверъдили ему нашимъ листомъ на вечъность. Ино мы, з ласки нашое за его к намъ верную

---

[1]) Кн. Головня, который въ 1521 г. получилъ отъ кор. Сигизмунда позволеніе устроить въ имѣніи Острожцѣ городъ на правѣ магдебурскомъ. Его сыновья Федоръ и Юрій назывались уже поэтому Головнями—Острожецкими.

службу и на его чоломъбитье то вчинили, — на то дали ему сесь нашъ листъ на тые три дворища, данину брата нашого и нашу, и фольфарокъ, што онъ выменялъ у Васка Беликовича, потверъжаемъ симъ нашимъ листомъ вечъно, ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ, со въсими людми тыхъ дворищъ и фольваръка, и з ихъ всими земълями пашными, и съ сеножатьми, и з гаи, и з хворосты, и заросльми, и з ловы звериными и пъташъими, и с озеры, и з реками, и з речъками, и съ ставы и ставищи, и з млыны и ихъ вымелъки, и з бобровыми гоны, и службами тыхъ людей, и с цинъши и зо въсими оными платы, и пожитъки и податми, которые кольвек з людей и с тыхъ дворищъ и фольваръка идуть, и со всим с тымъ, какъ ся тые дворища и фольварокъ здавъна и нине сами в собе и въ границахъ ся своихъ мають, подлугъ данины и листовъ брата нашого и нашое и тежъ мены его и листа меновъною; и воленъ онъ то собе разширити, и прибавити, и к своему лепъшому и въжиточъному оберънути, и какъ самъ налепей розумеючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. При томъ были панове рада: панъ виленский, гетъманъ навышъший, староста луцъкий, браславъский и веницъкий, маршалокъ волынъское земъли княз Костентинъ Ивановичъ Озстрозский, маръшалокъ, староста берестейский и лидский панъ Юрый Ивановичъ Ильинича, подскаръбий земъский, староста ковеньский панъ Авърамъ Езуфовичъ, маршалокъ и писаръ, деръжавъца каменецкий панъ Богушъ Боговитиновичъ, подскаръбий дворъный деръжавъца великийский пан Иван Александровичъ. Писанъ у Краковѣ, под лет. Бож. нарож. 1518, мѣсяца мая 5 дня, индикта 6.

Подпис руки его королевское милости.

Копоть, писаръ.

Литов. Метр., кн. Зап. Лит. № 22 л., 100 - 101.

LII.

1529 г., сентября 17. Грамота короля Сигизмунда 1 съ приказаніемъ рѣшить третейскимъ судомъ споръ о церковной землѣ въ Полонной, по жалобѣ владыки луцкаго Макарія на кн. Василія Сокольскаго (явлена въ луцкихъ гродскихъ книгахъ въ 1776 году).

Oblata listu upominalnego, ruskim pismem pisanego od nayiasnieyszego Zygmunda krola polskiego do urzędnikow ziemi Wolynskiey wydanego.

Roku tysiąc siedmset siedmdziesiąt szostego, miesiąca juny dwudriestego czvartego dnia.

Na urzędrie grodzkim w zamku i. k. mci Luckim przede mną Tomaszem Zelinskim, susceptantem przysięgłym grodzkim luckim, y xięgami ninieyszemi grodzkiemi luckiemi, comparens personaliter urodz. Bartłomiey Ułanicki, dla zapisania do xiąg grodzkich luckich ten list upominalny, ruskim pismem wyrażony, od nayiasnieyszego Zygmunta krola polskiego do urzędnikow ziemi Wolynskiey z podpisem ręki pisarskiey przy pieczęci, na łaku czerwonym wycisnioney, wydany, ratione introcontentorum, ad acta castrensia capitanealia luceoriensia per oblatam podał, prosząc mnie urzędu o przyięcie onego y do akt wpisanie; a tak ia urząd, dogadzaiąc ządaniom jmc. podawaiącego, pomieniony list ad acticandum przyimuiąc, czytałem de tenore tali:

Zygmunt Bozą miłoscią krol polski, wielki xięze litewski, ruski, pruski, zmuydzki, mazowiecki y innych. Pisarzowi naszemu panu Michałowi Wasylewiczowi, a chorązemu ziemi Wołynskiey panu Michałowi a dworzaninowi naszemu panu Wasylowi Siemiaszkowiczom. Zalował nam władyka lucki y ostrogski Makary na dworzanina naszego kniazia Wasyla Sokulskiego o tym, co też on w iego chworoszczą cerkiewną na polonney ustąpuiesię, y te chworoszczą ludzie iego pustoszą; a w tym iemu od niego krzywda y szkoda się wielka dzieje. Jeno on wziął u nas na to z swoiey ręki sędziami was; a on

kogo zechce, to sobie niechay na to z swoiey ręki sędziami wziął (sic); y kogo on na to z swoiey ręki sędziami wezmie, y zeby z temi iego sędziami pospoł się zgodziwszy, y rok połozyli y ich obesłali, y tam wyiachali y o tym między niemi sprawiedliwosc temu uczynili. A my do nich pisali, iak wy, pospoł się zgodziwszy, rok połozycie y ich obeszlecie, y tam wyiedziecie,—aby on przed wami ku prawu stał, prawu był posluszny we wszystkim. Pisan w Wilnie pod lato Bozego narodzenia tysiąc pięcset dwudziestego dziewiątego roku, miesiąca septembris siedmnastego dnia, indykta drugiego. U tego listu per oblatam podanego podpis ręki w te słowa: Hornostay pisarz (locus sigilli; loci illius).

Ktory ze to list, za ustną y oczewistą prozbą Jm. podawaiącego, a za moim urzędowym przyięciem, wszystek z początku az do konca de verbo ad verbum, tak iako się w sobie pisany ma, do xiąg ninieyszych grodzkich łuckich iest zapisany y ingrossowany.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2356, л. 140, актъ 83.

LIII.

1532 г., дек. 10. Подтвердительная грамота кор. Сигизмунда I Дашку Василевичу на имѣнье Зубельно, купленное имъ у Өедора Чагадаевича, на часть тогоже Зубельна, купленную имъ у бояръ Яцка и Игната Юрьевичей Гуляльницкихъ и на третью часть имѣнія Грицка Григорьевича Киверецкаго.

Лета Божого нароженя 1571, октебря 5 дня. На рокох земскихъ судовых, от дня святого Михала римского свята в году нинешнем семдесятъ первомъ, ведлугъ статуту, припалых и судовне отправованыхъ, ставши очевисто в замку господарскомъ Луцкомъ перед нами, тоест Гаврилом Бокѣем судею а Остафемъ Соколскимъ подсудком, врядниками земскими судовыми повѣту Луцкого, земянка господарская пани Климентовая Боговитиновича пани Катерина Дахновна и

сынове ее милости пан Адам а пан Андрей Климентовичи покладали перед нами привилей его королевское милости Жикгимонта короля на паркгамене писаный, просячи, абы вычитан и в книги справъ земскихъ слово въ слово уписан был. Ино мы, его огледавши, перед собою читати казали, который так ся в собѣ маеть.

Жикгимонт Божю милостю корол полскій, великій княз литовский, руский, пруский, жомоитский, мазовецкий и иныхъ. Бил нам чолом земянин наш Дашко Василевич и повѣдил перед нами, иж земенин земли Волынское Федор Чагадаевич з жоною своею Кахною из детми своими продали ему, з ведомом и з дозволенемъ матки своее кнегини Василевое Соколинское кнегини Ганны, имене куплю свою на имя Зубелно з двором, и с пашнею дворною, и з людми, и землями пашными и бортными, изъ сеножатми, з гаи, и лесы, и боры, и дубровами, и с озеры, и реками, и з речками, и з ставы и ставищы, и з млыны и з ихъ вымелки, и з бобровыми гоны, и з службами и подачками тых людей и со всими доходы и пожитки, яко они сами тое имѣнье на себе держали, за сто коп грошей литовское монѣты на вѣчност; к тому теж в том же Зубелне купил част земли въ бояр Гулялницких у Яцка а Игната Гюргичовъ материзну их за нѣкоторую суму пенезей; и теж земянин волынский же Грицко Григоревич Киверецкий продал ему част именя своего от брати своее отдѣленую у Киверцохъ з людми, и с полми, и пустыми землями и со всим с тым, як ся тая третяя част в собѣ маеть и што колве к ней прислухаеть, и в том спадку, што на них на всю братю пришол, брата их Занкова делница, которая еще межи ними неделеная, так теж третюю част за некоторую суму пенезей на вечност. Якожъ Дашко Василевич на то на все листы купчие перед нами покладал и бил нам чолом, абыхмо на то дали ему наш лист и тую куплю его вышеописаную потвердили ему нашимъ листом на вечность. А так мы, тых

листов его купчих огледавши и их выслухавши, на его чоломбите то вчинили, на то дали ему сес наш лист и тую куплю его вышейписаную потвержаем сим нашимъ листом вѣчно и на веки непорушно ему самому, и его жонѣ, и ихъ дѣтем и напотом будучим их щадком со всими людми и з ихъ землями пашными и бортными, и з сеножатми, з гаи, и лесы, и боры, и дубровами, и з ловы звериными и пташими, и с озеры, и реками, и речками, и з ставы и ставищами, и з млыны и ихъ вымелки, и з бобровыми гоны, и з службами всими тых людей и со всими доходы и пожитки, которые колвек названы, або менены быти (sic) и со всим тым як ся тая купля его и люди и земли и сами в собѣ и в границах и в обыходехся своих мають, и якъ тые истцы (sic) сами то на себе держали и ему продали, и водле листов его купчих. А для лепшое твердости и печат нашу казали есмо приложити к сему нашому листу. Писан у Кракове под лета Божого Нароженя тисяча пятсот тридцат вторый, месяца декабря десятого дня, индикта шостого. Михайло писар державца медницкий.

А потом пани Климентовая и сынове ее милости повѣдили и сознали, иж дей тот лист мы за правомъ тымъ продажным, которое есмо влили на ее милост кнегиню старостиную кремянецкую имѣня Зубелно, тот привилей, яко на имѣне Зубѣлно належачий, ее милости кнегини старостиной кремянецкой даемо, и его маеть ее милость вживати ведлугъ права своего належачого вѣчными часы. А где быся трафило пану Григорю Гулевичу хоружому земли Волынское яко право вести о имѣнье свое част вь Кивѣрцохъ, тогды ее милост кнегиня старостная мает завжды до каждаго права пану хоружому того привиля, яко тому належачого, взычати. И просили ихъ мл., абы то было записано. А так мы тот привилей его кролевское милости слово въ слово с початку аж до конца, так теж и тое очевистое а устное сознане

пани Климентовое и сынов ее милости до книг справ земскихъ записати казали.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 652 об., актъ № 62.

LIV.

1535, марта 22. Мировая запись Барсуковича и Селецкаго Марку Васильевичу по тяжбѣ ихъ съ этимъ послѣднимъ объ имѣніи женъ ихъ Жоравникахъ.

Листъ земянъ волынскихъ Зенка Борсуковича и Ѳедка Ѳедковича Селецкого зъ жонами ихъ пану Марку Васильевичу: выреченья ее (sic) вечне з ыменя Жоравникъ близкости жон своихъ за досыт учиненьемъ имъ от него.

Мы подданые господаръские земяне земъли Волынское Зенко Борсуковичъ а Ѳедко Ѳедковичъ Селецкий, зъ жонами нашими Мариною а Ѳедею и з нашими детьми, вси посполите одностайною намовою и волею, чинимъ явъно тымъ то нашимъ листомъ, хто на него посмотрить, або чтучи его услышить, нинешънимъ и на потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того ведати, што есмо пришли были в некоторые ростырки и незгоды з дворяниномъ господаръскимъ паномъ Маръкомъ Васильевичомъ о тое именье Журавъники, которое панъ Маръко на себе держить, хотечи близкости жонъ нашихъ на томъ именью доводити, о штожъ есмо и листы позовъными съ обу сторон ся позвали; якожъ намъ передъ господаремъ его милостью и передъ паны радами ихъ милостью великого князства с паномъ Маръкомъ о томъ справа была, гдежъ есмо и некоторые листы господаръские и пановъ рад напротивъку пану Маръку о тое именье Журавъники были одеръжали. Лечъ пан Марко, не хотечи въ томъ кгвалътовне напротивку намъ поступовати, втекъ ся до господаря его милости о тую речъ, а справу и листы наши, напротивъку себе одержаные, его милости объявилъ; какъ же

господарь король его милость, тому выразумевъши, за причиною господарини нашое королевое ее милости великой княгини Боны, рачилъ пану Маръку листъ свой, подъ закладомъ его милости тисечою копами грошей, до насъ дати, абыхъмо в тое имене Журавъники не въеждчали и ничимъ ся в него не въступали и пану Маръку о то жадныхъ трудностей не задавали; и с тымъ листомъ господаръскимъ дворянимъ панъ Янъ Загоровъскій до насъ былъ посланъ. И коли тотъ дворянинъ з онымъ листомъ господарским к намъ приѣхалъ, мы въ томъ ся добре не обачивъши, съ порады некоторыхъ людей, тотъ листъ господаръскій в него взяли и за ся ему его не верънули и потомъ есмо зъ увяжчимъ пановъ рад, черев листъ господаръскій закладный, до того именья Журавъникъ ехали, хотечи оное именье къ рукамъ своимъ взяти. Але ижъ то есмо противъ статуту вчинили, ижъ з немалыми почътами до того именья ехали, не такъ якъ ся годило увяжчому ехати, и сами смо за тымъ необычайнымъ ездомъ нашимъ оное увязанье загамовали; чего жъ пан Маръко намъ не могъ терпети и листы позовъные у господаря его милости о отънетье оного листу господаръского, о кгвалтъ домовый, и о наѣздъ и о побранье речей своихъ на насъ побралъ, и на рокъ насъ перед господаря его милости позвалъ; за которыми жъ мы позвы перед королемъ его милостью ему ку отъказу стали. А такъ господаръ король его милость, выслухавъши жалобы пана Марълковы, росказалъ и поручилъ в томъ пану Маръку з нами справедливость вчинити велможъному пану Яну его милости Заберезенскому, воеводе троцкому, марълалъку земъскому; гдежъ панъ воевода его милость троцъкий з розсудку своего то знашолъ, ижъ мы неслушъне тотъ листъ противъ статуту земъского у дворанина господаръского взяли и въ себѣ его задеръжали; для чего жъ присудилъ его милость на насъ пану Маръку за отънатье оного листу двад-

цать копъ грошей; а што ся дотычеть наезду нашого, в которомъ панъ Марько менил собе многие речи быти побраны и собе и людемъ своимъ шкоды великие поделаные, панъ воевода его милость троцъкий господару королю его милости тую речь отъказывалъ. Ино господару королю его милости так ся видело: ижъ мы неслушънымъ а нерядным обычаемъ, з великимъ почътомъ, до того именя ехали, не такъ яко бы ся годило з увяжъчимъ ехати; и для того его милости насъ в заруку свою господаръскую вложилъ, а пана Марька на шкодахъ его и речахъ побраныхъ ку доводу припустилъ, и велелъ пану воеводе его милости троцъкому тую рѣчъ подле выроку своего господарского конъчити. А такъ пан воевода его милость троцъкий, подле науки господаръское, сказанъе тому вчинилъ: ижъ маеть панъ Марько на томъ наезде и на всихъ грабежохъ и речахъ своихъ побъраныхъ довод присегу водле статуту вчинити; а по оной присязе мели есмо то все пану Марьку на роки земъские платити; какъ же тые вси шкоды его милости были осумованы и на реистръку оной присязе описаны, двесте копъ и семдесят копъ грошей а триста золотыхъ черъленыхъ, кроме тыхъ пенезей двадцати копъ, которые есмо мели безъ присяги его милости платити; а къ тому шкод и грабежовъ людемъ его поделаныхъ, што за тымъ жо наѣздомъ нашимъ стало, и на чомъ они, такъ же за вижомъ, присегу вчинити мели. Гдежъ вжо панъ Марко на рокъ певъный, отъ господаря его милости зложоный, мелъ на тых всих шкодахъ своихъ и речахъ побраныхъ присегу вчинити, нижли мы, обачивъши то, ижъ его милость слушъную справедливость обычаемъ судовъным на противъку насъ одеръжалъ, и порозумевъши тому, ижъ быхъмо напотомъ за тые презыски его мели ку великому упаду и ку знищенью приити, и маючи досътаточъное порученьство отъ женъ нашихъ, которые близкости собе ку оному именью Журавъникомъ дово-

цили, и зуполъную моцъ о тое именье Журавъники с паномъ Маркомъ мовити и конца з нимъ доводити, в томъ есмо с приятельми нашими объмовивъши и порадивъши, и не могучи иньшое жадное помочи напротивъку тое справедливости пана Маръковой знайти, одно били есмо чоломъ вельможънымъ паномъ врядником господаръскимъ пану Григорью Григорьевичу Остиковича, воеводичу троцъкому, крайчому господаря короля его милости, а князю Ивану Михайловичу Вишъневецъкому, державъцы ейшискому и ворянскому, а пану Шимъку Мацъковичу, тивуну виленьскому, державъцы ушпольскому, и пенянскому и радуньскому, а пану Оникею Горъностаю, ключънику виленьскому, державъцы коневъскому и дубицъкому, ажъ бы ихъ милость рачили за нами в то ся вложити и пана Маръка в томъ намовити и насъ зъ его милостью ку слушъному средку и конъцу о тое именье Журавъники привести, абы панъ Маръко его милость тые презыски свои, на которыхъ мелъ присягу вчинити, рачил намъ отъпустити, и к тому за наши наклады и за близкость жонъ нашихъ намъ которую суму пенезей дати, а то именье Журавъники супокойне на вечъность к рукамъ своимъ мети. А такъ тые панове ихъ милость працы своее не рачили въ томъ лютовати и межи нами всякие розницы, которые около того именя Журавникъ было, усмирили и насъ ку згоде и еднанью привели и на томъ есмо речъ нашу с паномъ Маръкомъ заставили: што ся дотычеть оныхъ презысковъ его милости, которые з выроку господаръского пан воевода его милость троцъкій ему на насъ усказалъ, чому жъ и сума вчинено двесте копъ и семъдесятъ копъ грошей и триста золотыхъ черъленыхъ и тежъ двадцати копъ грошей за отънятье листу, панъ Маръко его милость, за причиною тыхъ пановъ ихъ милости, зъ еднанья нашого тую суму вышейписаную двесте копъ и семъдесятъ копъ грошей и триста золотыхъ черъленыхъ, на чомъ мелъ доводъ под-

ле статуту вчинити, и оную двадцать копъ грошей, которую повинни есмо были (з) суду пана воеводы троцкого за отънетье листу без присеги ему платити, и въси шкоды и грабежи людей своихъ, за тымъ же наездомъ нашимъ поделаные, намъ отъпустилъ и с того всего насъ вызволилъ. А мы тежъ, обачивъши речъ его справедливую, въ тыхъ шкодахъ и речахъ побраныхъ ку присязе его милость не вели и въ томъ есмо ся перед нимъ винъными ся дали; и над то еще панъ Маръко на той же згоде по своей доброй воли далъ намъ за наши наклады и за выреченье вечистое близкости жонъ нашихъ съ того именя Журавъникъ, з налезку и въгоды тыхъ жо пановъ ихъ милости вышейписаныхъ, сорокъ копъ грошей литовъское монеты; якожъ вже тая сума пеняжная вся зъ жонами и з детьми нашими отъ пана Маръка сполъна дошла и заплата ся намъ въ томъ подле згоды нашое отъ его милости стала. Мы тежъ напротивъко тое ласкавое приязни пана Маръковое, которую он намъ съ себе зычъливе а доброволъне оказалъ, вси листы судовые пановъ рад ихъ милости и иньшие тверъдости, которые кольвекъ на тое именье Журавъники въ себе мели, пану Маръку поотъдавали, и того именья Журавъникъ мы сами, и жоны, и детми нашими и потомъкове, не которые близкие ничого мети, они в то ся уступовати не маемо нине и на потомъные часы; а естьли бы которые листы потребъные, на тое жъ именье прислухаючие у насъ застали, а мы быхъмо ихъ пану Маръку не отъдали, тогды вжо тые листы теперешнею згодою и тымъ листомъ нашимъ на сторону отъкладаемъ и ни во што ихъ оборочаем; и въ жадном суде и праве местца они мети не маютъ; вжо той близкости жонъ нашихъ, яко мы сами, такъ и жоны наши и дети на ономъ именьи Журавъникахъ вечне пану Марьку ся отъступаемъ и с того ся вси посполите вырекаемъ и на его милости тую близкость и право нашо здаемъ и въкладаемъ, такъ яко на зупольного

а правъдивого близкого прислушить (sic); бо намъ отъ его милости за то досыть ся стало; и маеть панъ Марько самъ, и его пани, и дети властые пана Марьковы и потомъки и ближъними ихъ тое именье Журавники на себе держати и его вживати вечъно и навеки непорушно со въсимъ правомъ и властностью и зо въсякими доходы и пожитъки такъ долъго и широко и округъло, яко ся тое именье здавъна само въ собе и въ границахъ и в обыходех ся своихъ маеть, и што кольвекъ к нему прислухаеть; а мы Зенько Боръсуковичъ и Ѳедко Селецъкій и з жонами и з детьми и потомъки нашими не маемъ через то никоторымъ правомъ а ни иншими жадными причинами того именья Журавникъ под паномъ Марькомъ самымъ, и его панею, и детми пана Марковыми властными и потомъки ихъ поискивати и въ то ничимъ ся вступовати и до него ничего мети и жадного права близкости нашое на немъ покладати; и маеть панъ Марько и з жоною, и з детьми и потомъки своими вечъный покой, а мы тежъ напротивъку имъ вечистое молъчанье мети, ничимъ тое умовы и теперешнего листу нашого не выступуючи. А пакъ ли бы неяко мы сами своими парьсунами, або жоны и дети и потомъки наши, хотечи якимъ кольве обычаемъ тую умову и единанье нашо узрушивати, и то иначей переставъляти и подле того листу нашого и оное угоды в целости не деръжати, и того выреченья и описанья нашого выступовати и той угоде досыть не чинити, мы через тотъ листъ нашъ такъ обезуемъ и въ вмоцъняемъ: ижъ таковый кожъдый, якъ з насъ самыхъ, и жонъ и детей, и потомъковъ и ближъних нашихъ, хто кольвекъ противъ тое згоды и въмовы нашое будеть стояти и чимъ ее хотечи узрушити, маеть перъвей заплатити заруки господару королю и великому князю его милости две тисечи копъ грошей, а пану Марьку, або его детемъ, и потомъкомъ и ближънимъ тые вси презыски двесте копъ и семъдесятъ копъ грошей и трыста золотыхъ черъле-

ныхъ и двадцать копъ за отънетье листу (и) вси грабежи и шкоды людей его, на чомъ люди его присягнуть, пред ся платити совитою сумою кожъдый грош грошомъ навезати, без кожъдого суда и права без всякое вымовы, ничимъ тое заплаты не отъбываючи, и ку жадному ся праву не притягиваючи, одно яко противъныи а выступныи тое згоды нашое, тую покуту утерпети маеть; и вчинивъши за то господару королю и пану Марьку, або его милости жоне, и детемъ и потомъкомъ ихъ ближънимъ водле тое згоды и описанья нашого досыть, тогъды жъ потомъ, будутьли хотети, могут о бзизкости того именья Журавъникъ з ними мовити, подле воли своее. Якожъ той умове нашой сведоми суть и притомъ были тые жъ вельможъные панове: панъ Григорей крайчий господаря короля его милости, и княз Иванъ Вишневецкій, а панъ Шимъко тивунъ виленьскій, а панъ Оникій Горъностай и ключъникъ виленский; и за чоломъбитьемъ нашимъ печати свои ихъ милость приложили к сему нашому листу. А для лепъшое твердости мы свои печати къ сему нашому листу привесивши, пану Марьку его дали, который естъ писанъ у Вильни под летъ Бож нарож 1535, мѣсяца мар. 22 дня, индиктъ 8 [1]).

Лит. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 93—96 об.

LV.

1535 г., янв. 3. Купчая на 1/3 и заставная на 2/3 имѣнья Өед. Куд. Дривинской (по мужу Сосновской) Енку Өедоровичу на Дривинъ.

Листъ продажный Өедки Кудиновны Дривинское пану Енку Өедоровичу подстаростему володимерскому на часть именья отчизного у Дривине вечностью.

Подъ сведомомъ марьшалъка Волынское земъли, старосты володимерского, князя Өедора Андъреевича Сонъгушковича,

---

1) См. о родѣ Жоравницкихъ выше на стр. 280.

я, Ѳедка Кудиновъна Дривинская, посполъ з мужомъ моимъ паномъ Лукою Сосновъскимъ и з детьми моими, вызнаваем сами на себе симъ нашимъ листомъ нинешънимъ и напотом будучимъ, кому будеть потребъ того ведати, або чтучи его слышати: которая мне ся часть отъчизная и дедизная в ровъномъ делу остала отъ сестры моее роженое Евдокимъи у Дривине, ино мы тое части именья нашого отъчизного у Дривине третюю часть продали пану Еньку Ѳедоровичу, подстаростему володимирскому, на вечъность за шестьдесятъ копъ грошей литовъское личъбы по десети пенезей у грошъ, з дворомъ, и съ пашнею дворъною, з людьми и з ихъ роботами, и поплаты, и подачъки, и з земълями пашъными и борътъными, с полми, и сеножатьми, з гаи, з дубровами, з лесы, с озеры, з реками, ставы и ставищи, з млыны и ихъ вымелъки, з ловы зверинъными и пъташъими, и з бобровыми гоны, з даньми грошовыми и овъсяными и со въсимъ с тымъ, што кольвекъ к той третей части прислухаеть, и какъ мы сами деръжали, обель вечъно и навеки непорушно, ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ и напотомъ будучимъ и ихъ щадкомъ и близкимъ ихъ. А две части того жъ именья нашого у Дривини заставили есмо пану Еньку жъ у сту въ двадцати копахъ грошей литовское личбы со въсимъ, якъ ся тые две части в собѣ мають, ничого на себе не оставъляючи. И въже воленъ панъ Енько, и его жона, и ихъ дети, и потомъки ихъ тую третюю часть, которую есмо продали на вечъность, отъдати, и продати, заменити и ку своему лепъшому а въжиточъному оберънути, якъ ся ему самому и его наследкомъналепей увидить. А тые две части заставъные воленъ самъ и его наследки деръжати и въживати, або кому хотечи въ той же суме пенезей у сту и въ двадцати копахъ грошей заставить. А мы вже сами, и дети и потомъки наши въ тую третюю часть, которую есмо продали на вечъность, не маемо ся ничимъ уступати, а ни

ее под паномъ Енькомъ и его потомъки поискивати на вечъные часы; а естли быхъмо мы сами, або хто кольвекъ с потомъковъ близкихъ нашихъ хотели тое третее части под паномъ Енькомъ и его жоною, або ихъ детьми и потомъ будучими щадки близкими ихъ поискивати, а сесь нашъ листъ зрушити, тотъ маеть заплатити господару королю его милости двести копъ грошей, а пану Енькy, або его потомъкомъ другую двесте копъ грошей; и заплативъши тые заруки, пред ся тую часть у Дривине и сесь нашъ листъ твердо и неотъменъно на вечные часы маеть быти держано. А при томъ были и того добре сведоми: господинъ отецъ владыка володимеръский и берестейский Иона, а панъ Тихъно Кисель, а панъ Ванько Яковицъкий, а панъ Петръ Калусовский; и били есмо чоломъ князю маръшалъку и отъцу владыце и тым вышейписанымъ паномъ ихъ милости о ихъ милости печати; и их милость то на наше чоломъбитье вчинить рачили и печати свои привѣсили; и я тежъ Ѳедка и мужъ мой Лука свои печати приложили к сему нашому листу. Писанъ у Володимери под летъ Бож. нарож. 1535, мѣсяца генъ 3 ден, индиктъ 8.

Лит. Метр., Кн. Запис. Лит. № 22, л. 96-об.—97-об.

LVI.

1537, іюля 12. Продажная запись отъ Гавріила Ивашковича Яковицкаго князю Андрею Михайловичу Коширскому на части имѣній Миркова и Черницъ.

Листъ Гаврила Ивашковича Яковицкаго князю Андрею Михайловичу Коширскому на часть материзны у Миркове и въ Черничохъ, отъ него на вечъность ему проданную.

Я Гаврило Ивашъковичъ Яковицъкий чиню и вызнавамъ симъ моимъ листомъ самъ на себе нинешъним и напотомъ будучимъ, кому будеть потреба того ведати, ижъ есми самъ по доброй воли своей, без жадного припуженя и намовы,

продалъ есми часть свою материзны у Миркове и въ Черъничохъ, которая отъ братьи моей мне въ делу остала, князю Андрею Михайловичу Кошеръскому, маръшалъку господаря короля его милости, за осмъдесятъ копъ грошей литовъское личъбы на вечъность,—его милости самому, и его милости княгини, и ихъ милости детемъ и напотомъ будучимъ щадкомъ ихъ милости, обель вечъно и навеки непорушно, и з дворомъ, и с пашнею дворъною, и з людми, и з ихъ землями, и зо въсякимъ поплатомъ тыхъ людей, и з землями пашными и бортътными, и съ польми, и сеножатьми, з гаи, з дубровами, з лесы, з озеры, з реками, со ставы, ставищами, и з млыны и ихъ вымелъки, з ловы зверынъными и пташъими и зо въсимъ с тымъ, якъ ся тая часть моя у Миркове и въ Черъничохъ въ собе маеть, ничого на себе, и на братью, и на сестры и на потомъ будучимъ щадкомъ своим не оставъляючи; и въже его милость воленъ самъ и его потомки тую мою часть в Миръкове и въ Черъничохъ отъдати, и продати, и прибавити, и людми осадити и ку своему лепъшому оберънути, яко ся его милости самому и его влостнымъ наследкомъ видети будеть; а я вже самъ, и братья, и сестры мои, и потомъки наши в тую часть в Миръково и въ Черъничохъ ничимъ ся вступовати, а ни его поискивати не маемъ на вечъные часы. А притомъ былъ господинъ отецъ владыка володимерскій и берестейский Генадей, а княз Θедоръ Анъдреевичъ Сонъкгушъковича, маршалокъ земъли Волынъское староста володимирский, а панъ Маръко Васильевичъ, дворянин господаръский, а пан Тихъно Кисел; и билъ есми чоломъ его милости отъцу владыце, и князю маршалъку его милости и тымъ веръхуписанымъ паномъ ихъ милости о печати; ихъ милость на мое чоломъбытье то вчинили, и печати свои приложили. А для лепъшого сведомъя и твердости и печать есми свою приложилъ къ сему моему листу.

Писан у Володимеры под летъ Божъ нарожъ 1537, мѣсяца июль 12 день, инъдиктъ 10.

Литов. Метр., кн. Запис. Литов. № 22, л. 84-об.—85.

LVII.

Документы Загоровскихъ (1532—1553) на владѣнье имѣніями (Перевалами и Дегтевымъ), предъявленные Михаиломъ Загоровскимъ земскому Владимірскому суду въ 1582 г., іюня 15.

1. 1553 г., іюня 29. Продажная запись Станисл. Головнича Олехну Богдановичу Загоровскому на именье Перевалы.

2. 1536 г., сент. 5. Грам. кор. Сигизмунда I старостѣ владимірскому кн. Ѳ. А. Сангушкѣ о томъ, чтобы онъ не вмѣшивался въ право Петра и Яска Богдановичей Загоровскихъ на имѣніе Дегтево, купленное ими у зем. Миска Дегтя.

3. 1551 г., апр. 17. Продажная запись Мацка Кузмича Дегтя Александ. Богд. Загоровскому на часть става Дегтевскаго.

4. 1548 г., мая 29. Довѣренность Михаила Васильевича Головнича Перевальскаго племяннику его Станиславу Ивашковичу Гол. Перевальскому на веденье дѣла о выкупѣ изъ заставы им. Перевалы отъ Колусовскихъ.

5. 1551 г., марта 15. Заставная запись отъ М. К. Дегтя Ал. Загоровскому на „островъ“.

6. 1532 г., апр. 16. Заставная на 2/3 и дарственная на 1/3 им. Дегтева отъ Олехна Дегтевича племяннику его Миску Стасевичу.

7. 1547 г., янв. 24. Мировая запись Миски Стасевича Дегтя Ол. Богд. Загоровскому о насильственномъ заселеніи двора первымъ на землѣ второго.

8. 1536 г., марта 8. Купчая на 1/3 и заставная на 2/3 имѣнья Дегтева отъ Миска Стасев. Дегтя П., Я. и Ол. Загоровскимъ.

Лѣта Божего нарожения тысяча пятсот осмдесят второго, мѣсяца июня 15 дня.

На рокох судовых земъских повету Володимерского, от дня святой Тройцы свята рымъского в року теперешным

тысяча пятсот осмъдесятъ второмъ припалых и на завтре того свята в замъку его королевское милости Володимерскомъ судовне отправоваты зачатых, перед нами Богданом Костюшковичом Хоболтовскимъ судею а Иваномъ Михайловичем Гулевичемъ Смолечовскимъ подсудкомъ, врядниками земъскими повету Володемирского, ставшы очевисто в суду его мл. пан Михайло Загоровский оповядал и покладал листов старых осмъ на имене въ повете Володымерскомъ лежачое Дегтев... (1) такъ на вечност, яко и на заставу належачых, и варуючы ся вшеляких прыпадковъ, або згубы, такъ и дла старости оных листов, просил пан Загоровскій, абы были слово в слово до книг справ судовых земъских записане. Мы, за тым оповеданемъ и прозбою его милости пана Михаила Загоровскаго, тых листов огледавшы, и их перед собою читаты велевши, якъ тое оповедане его и тые листы слово от слова до книгъ справ судовых земъских записаты казали; которые так ся в собе маютъ. Першы листъ.

1. Я Станислав Головнич Перевалский, служебникъ велможного пана князя Костентына его мл. Костантыновича Озтрозского, маршалъка Волынское земли, старосты володимерского, чиню явно и вызнаваю самъ на сѣбе тым моим листомъ кождому, кому того потреба буде вѣдати, албо чтучы его слышаты, нынешним и напотом будучым, иж продал есми част третую именя моего власного отчызного, котореемъ мел под господарем королемъ въ земли Волинское в повете Володымерскомъ на имя Перевалех, земянину господарскому пану Олехну Богдановичу Загоровскому за полтораста копъ гр.; а две часты тогож именя моего Перевал заставил есми егож мл. пану Олехну Загоровскому у трохсотъ копах гр. личбы и монеты литовское, личечы по десят пзи у грош, тоест з дворомъ, з людми, и з земълями,

(1) Въ оригиналѣ пробѣлъ.

полми, з сеножатьми дворными и мускими (sic), з гаями, и дубровами, зъ зарослями, болоты, речками и зо всимъ потому, яко я тое имене на себе держал, ничого от того имени на кгрунте прыслухаючы (?) и отеймуючы и на себе, на братю и на близкихъ своихъ не зоставуючы, пану Олехну его мл., самому, жоне, детемъ и близким его мл.,—част третую на вечност, а две части в той суме в трохсот копах гр., которое имене Перевалы част третую на вечност, а две части въ той же суме пенезей; волен буде его мл. пан Загоровский отдаты, продаты, заменити, на церковъ записаты и такъ его держаты, вжываты, яко ся его млст. налепши подобаты буде, а поживоте его и близкимъ его милости. Якож я Станислав Головныч листы—твердосты тые, за которыми тое имене все в держане мне отдано(?), отъ дядка моего Михна, и от братьи, близкихъ моих бело прышло, пры семъ листе моимъ пану Олехъну Загоровскому до рукъ его отдал. И вже части третее того имени Перевал такъ я сам Станислав и нихъто з брати, з близких моих под его млю поискиваты не маемъ на часы вечные; а естлибы самъ, або братя моя, которей колвекъ прырожоных моихъ, яко часть на вечност проданое, и двох части заставенных того имени Перевал под панем Олехномъ и блисками его мл. поискивати и о то его мл. ку праву позываты мели, тогды я маю пана Олехна въ кгождого права самъ особою своею и своим накладом власнымъ заступовати; а естлибых нѣякое о то дбалосты меты, а пана Олехна о тое имене Перевалы у права, естли перед господаремъ королемъ, албо перед которым колвекъ врядомъ господарскимъ, гдебы ку праву притягнен былъ, заступоваты не хотел, а он на то што наложыты мел, тогды тот наклад, кром кождого права и доводу, толко на прречене слова его млсти, заплатыты маю. А естлибых я, або кто з близких, брати моих, за жывота моего о тое имене пана Загоровскаго позваты и тую купълу

и заставу чым нарушыты мел, я Станислав маю заплатыты закладу господару королю его млст двесте копъ гр., пану Олехъну Загоровскому другую двесте копъ гр,; а заплатывшы тот заклад, пред ся о тую третую част именя Перевал молчаты маемъ на вечные часы—я сам, братя и блиски мои. Што ся дотычет того естлибы по жывоте моимъ хто з брати прирожоных моих тыи двѣ часты именя Перевал к рукамъ своим меты хотел, и тогды мают его милость пану Олехъну, або теж блискимъ его мл., на когобы тое имене спадкомъ в держане пришло, тою трыста копъ грошей и накладвес, штобы его мл. на тое имене наложыл, отдаты и заплатыты, кром кождого права, едно ведле обовяску моего вышей написаного, ничомъ его не нарушаючы. На то даю пану Олехъну Загоровскому сес мой лист с печатю моей и с подписем власное руки моее. А пры томъ были и того добре сведоми велможныи княжата и панове: княж Миколай Зъбараский, княж Василей Курчевич, княж Богдан Василович Соломирыцкий, ротмистъ его кр. милосты, пан Михайло Мышка Варковский, писар полный и дворанин господарский, пан Юхно Быковский; и на прозбу мою к сему листу моему печаты свое их мл. прыложыты рачыли. Писан в Дубне лет Божего 1553, месяца июня 29 дня. Я Станислав Перевалский подписал руку власную.

2. Жыкимонт, Божю милостю корол, полский, великий княз литовский, руский, пруский, жомоидъский, мазовецъкий и иныхъ. Маршалъку Волынское земъли, старосте володымерскому князю Федору Андреювичу Санкгушъковича. Прыселали к намъ дворане наши Петръ и Яско Богдановичы Загоровские, жалуючы о том, штож дей которое имене свое отъчызное на имя Дегтево продал имъ, за дозволеными листы нашыми, на вечност земянин земъле Волинское Миско Дегот, на штожъ они и лист его продажны в себе мают; ино дей тот Миско Дегот через продажу свою трудносты велики

в том имъ задаетъ, и люде их того именя купъленого не вжывают их перед ними (sic), правомъ перед тебе позывают; а ты дей хочеш ихъ судыты и с того именя купленого их вытыскаеш, в чом же ся имъ от тебе тяжкость великая деет. Прото кгдышъ они, за дозволенемъ и листы нашыми, тое имене Дегтево у Миска Дегта на вечност купели, и лист его мл. в себе мают, прыказуем тобе, ажбы еси люди их того именя перед собою не казал ставиты, и их не судил, а ни радил и децкихъ своих по нихъ не посылал, и с того именя ничым не вытыскалъ и въ томъ их водле статуту заховал; а былал бы кому до люди их потреба, они бы нехай перед ними правомъ их ужывали; а они мают сами з людми своими справедливост чынити; а естлибы теж хто хотел з ними о тое имене Дегтево мовиты, онибы нехай передъ нами господаремъ въ томъ з ними правом статы бы (sic) ходили; бо они з волею нашею тое имене собе купили и лист наш дозволены на то в себе мают. Писан у Вилне, летъ Божего нарожения 1536, месяца сентебра первого дня, индыкта 10. Михайло писар.

3. Я, Мацко Кузмич Дегот, вызнаваю самъ на себе симъ моим листом кождому доброму, кому будет потреба того листа мого, (sic) або чтучы его слышаты, нинежнимъ и на потом будучым, иж видячы доброволенство и заховане доброе к собе пана Олександра Богдановича Загоровскаго, без жадного прыпуженя и без жадного нагабаня, самъ своею доброю волею, котороюж есми част отчызную мел у в отделе ставу Дегтевскомъ отъ брата своего от Олехна и от Стася, и маючы его у своих рукахъ и своей моцы, продал есми тою мою част его мл. пану Олександру Богдановичу Загоровскому част свою в ставу всю, ничого на себе не оставляючы, а ни на деты свое, а ни на их потомъки, з млынемъ и з его вымелки, и з мытом соленным, и з грошевым, за сто копъ гр. литовской

монеты и личбы, личачы по десяти пзи у грош; продал есми пану Олександру Богдановичу Загоровскому, еи милосты паней, и детомъ и потомкомъ их мл., ничого на себе не оставуючы, а ни на деты свое и на потомъки свое; волен его мл. пан Александро Богданович, пани, деты и потомъки их мл. тую продажу мою верхописаную продаты, и дароваты, на церковъ Божою отдаты, и меняты, кождому доброму вжыточному своему обернути; я самъ, деты и потомки мои не маемъ вже в тою продажу вступоватыся и ни кожды з нас, я самъ, а ни деты мое и потомъки мои, ни жаден з блискихъ моих а ни жадного прыпоминаня меты не маемъ пану Олександру Богдановичу, и паней, и детемъ, и потомъкомъ их млст о тот ставъ; мают их млст, и детьи, и потомки их мл. тое держаты вечно а непорушно. А пры том бели и тому добре сведоми: господын и отец наш владыка володымерский и берестейский Иесифъ, а пан Михайло Тыхнович Козенский, подстаросты володымерский, а пан Федор и пан Гаврыло Василевичы и Бокий (sic), а пан Волчко Якимович Жасковский, пан Станислав Головнин Перевалский. А на твердост того мого листу дал есми его млст пану Олександру Богдановичу Загоровскому сес мой лист з моею печатю; и бил есми чолом его млст господыну и отцу нашому владыце володымерскому и берестейскому Иесифу и тым верхописаным паномъ их млст о печаты; и их милость на мое чоломбите вчынить рачыли и печаты свое прыложили к сему моему листу. Писан у Володымеры, под лет Божего нароженя 15 петдесят первого, месяца апрыла 17, андыкт 9 (sic).

4. Я, Михно Василевич Головнича Перевалский, сознаваю самъ на себе сим моим листомъ, штож которое имене в повете Володымерскомъ на имя Перевалы держал пан Манко Калусовский в заставе отца моего небощыка пана Васила Головни Перевалского в некоторой суме пзи, а по смерты пана Манка Калусовскаго тое имене Перевалы увошло в

руки пану Петру Калусовскому; которогож именя, яко отчизны моее, мела бы на мне прыйти половица, а братаничу моему пану Станиславу Ивашковичу Головнича Перевалскому другая половица; а такъ я Михно верхуписаны поступилом и далем моц зуполную братаничу моему пану Станиславу Перевалскому перед врядом и справцею староства Володымерского, перед панемъ Петром Загоровским, тое имене Перевалы у пана Петра Калусовского окупить и о тое имене в праве стояты; и поручил есми ему зыск и страту для чогож и лист мой поручоный з моею печатю пану Станиславу дал. И для лепъшое свядомосты просилемъ о печат его млст князя Васила Ивановича Курчевича, а пана Волчка Якимовича Жасковского; и их млст на мою прозбу то вчынили и печати свое прыложили к тому моему листу. Писан у Володымери, под лет Божего нароженя 1548, месяца мая 29 дня.

5. Я, Мацко Кузмич Дегот, восполокъ з сынми моими Левком, Иваном и Васком, вызнаваемъ сами на себе сим нашим листомъ кождому доброму, кому будет потреба того ведаты, або чтучы его слышаты, штож заставели есмо пану Александру Загоровскому остров свой власный, которы ест подле гаю его млст пана Загоровского подле долешънего, над болотом Солоневкою, у трохсот копах грошый литовское личбы. Мает его милость остров тот мой държаты от року до року, тоест от великодня до великодня; а без року не маемъ у его мл. окуповаты. А пры томъ бели и того добре сведоми их мл. панове: его мл. пан Михайло Тыхнович Козинский, подстаросты володимерский, а пан Станислав Головнич Провалский (sic). И просили есмо ихъ мл. о приложене печати; их милост на прозбу нашу вчынили и печати свое прыложили к сему нашому листу. А для лепъшого сведомя и я Мацко печат свою прыложил к сему нашому листу.

Писан у Володымеры, под лет Божего нароженя 1551. месяца марца 15 дня, индыкт. 9.

6. Дозволением и з ведом маршалка земьли Волинской князя Андрея Александровича и сына его милости князя Федора, старосты володимерскаго, [1]) я Олехно Дегтевич вызнаваю тым то моим листом, кому будет потреба ведаты, або чтучы его слышаты нинейшим и на потомъ будучым: которую част мел есми именя своего отчызного в именю нашым Дегтеве, отделюною от брати своей, и на той свой часть две часты заставил братаничу своему Миску Стасевичу у двухсот копахъ грошей литовской монеты ку своее потребе; а третую част тогож Миска братанича своего даровал. И мает Миско тою третую част держаты такъ, якъ ся тая част въ собе мает, с полми, и сеножатми, и з гаем, и з дубровами, и ставом, и зо всим тым, што к той часты прыслухаетъ. А я самъ, а ни мои блиски, а ни их потомки не мают ся в тую третую част вступоваты. Нижли естли блиские, которым схочет тые две часты окупиты той мое часты, и они мают тую верхуписаную суму двесте копъ гр. братаничу моему Миску отдаты, тож мают о тые две часты и з нимъ ровны делъ меты; нижли братанич мой Миско маетъ мне ховаты до моего жывота, якобы за власного отца своего. А пры том были и того добре сведоми велможной панове их милост: княз Александро Порыцкий, а пан Федко Олучымский, а пан Сенко Устылуский и пан Петръ Калусовский. И бил есми их милостом чоломъ о печаты; ихъ милост на чоломъбите мое учынили и печати свое к сему моему листу прыложыли. Писан у Володымери, апрыла 16 дня, индиктъ 5.

---

[1]) Кн. Андрей Александровичъ Сангушко былъ маршалкомъ волынскимъ отъ 1523 по 1525 годъ (если вѣрить Бонецкому; см. стр. XVII); а кн. Ѳедоръ Андреевичъ Сонгушко былъ старостою владимірскимъ отъ 1531 г. Индиктъ 5 приходится на 1532-й годъ.

7. Я, Миско Стасевич Дегот, вызнаваю сам на себе сим моим листом, кому будет потреба того ведаты, або чтучы его слышаты: што позвал мя перед его мл. маршалка Волынское земъли старосту володимерского, браславского и винницкого князя Федора Андреювича Сенкгушковича, дворенин господарский пан Олехно Богданович Загоровский, иж есми на земли его моцно кгвалтемъ двор поселил, и презиску полшостынадцат копъ грош., што ему на мне подстаростъ володымерский пан Сенко Федорович прысудил, платыть не хотел; я перед судями, которые з роскзааня княз его мл. того межы нами досмотреты высажены и котрыеж ту нижей написаны, отказъ чынил, иж есми не на его земли, але на земъли дядка моего двор поселил; ино пан Олехно Загоровский поклада̂л лист купъчы под моею печатю и под печатю першого владыки володымерского Ионы, многих князий и панов, в которомъ же листе пише такъ: иж есми своеи отчызны третую част и тою третую част, што мне дядко мой пан Олехно даровал, продал пану Петру, пану Яну и пану Олехну Загоровскимъ за пятсот копъ гр. литовских на вечност; а две часты отчызны своее заставил есми их мл. всемъ тромъ паномъ Загоровскимъ у сту копах грошей литовских; а которыи две часты мел есми от дядка своего у заставе у двохсот копах, я и тые две часты заставил есми их милостюм паном Загоровскимъ в той же суме у двухсот копах грошей. Ино я, видечы то, иж тые презиски, которые ему пан Енко [1]) на менѣ (sic) Федорович, подстаросты володимерски полшостынадцат копъ грошей сказал, так теж и иншые тепер новые многие презиски и кгвалты мѣли от мене на пана Олехна Загоровскаго прыйты, просил есми пана Олехна Загоровъского, абы ми тые все презиски, которые на него спасты мают, отпустыл. Его мл. теж пан Олехно тые вси

---

[1]) Выше названъ „Сенко“.

презиски мне отпустил; а я тот двор, которы есми на земъли его поселил, маю знесты еще до светого Юря прышлого свята; а естлибых на тот рок о светом Юрю того двора с тое земъле не знос, тогды вже тот двор мает ся его мл. пану Олехну Загоровскому достаты с полми, и сеножатми и со всимъ, што ку оному двору прыслухает; и хотя бы на тот рок и знес тот двор, еднакъ же вси земъли, поля, и дубровы, и сеножаты, вси доходы, што шырей на листе моим продажным ест описано, мается пану Олехъну Загоровскому зостаты на вечные часы. А пры том бели и того добре сведоми: его мл. княз Александро Өедорович Порыцкий, а пан Енко Федорович, подстаросты володимерский, а пан Петръ Калусовский, а пан Михно Кисел; и бил есми чоломъ их мл. о прыложене печаты; ино их мл. на мое чолемъбите то учынили, печаты свое прыложили и я теж свое печат прыложил к сему моему листу. Писан у Володымеры, под лет Божего нароженя 1547, генвара 24 дня, индыктъ 5.

8. Я, Миско Стасевич Дегот, вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кождому доброму, кому будет потреба того ведаты, албо чтучы его слышаты, нинешным и на потомъ будучым, иж видаючы доброволенство и заховане к собе пановъ Загоровских, без жадного прымушения и без жадного нагабаня, самъ своею доброю волею, которуюж есми част мел у Дегтеве отчызны моее по отцу моимъ, якъ отец мой и я по отцы моемъ, на отчызне остал, и в моцы маюцы, третую част всего имення своего у Дегтеве, якъ двор, такъ з дворную пашнею, и с полми, и сеножатми, и дуброви, и в гаехъ, в ставех, и в мытех, и в млыне, в лузе, и в бортномъ дереве и во всих пожыткох, ничого на себе не оставлуючы (sic), якъ отецъ мой и я самъ держал, продал есми пану Петру, и пану Яску и Олехну Богдановичомъ Загоровскимъ, и тую третую част, што мне дядко мой пан Олехно даровал, продал есми паномъ Загоровскимъ за пендесят копъ грош литовское монеты, по де-

сяты пенези у грош, вечно и непорушъно, имъ самым, и их детюмъ и напотом будучим и их щадком, як двор такъ и дворную пашнею, и с полми, и сеножатми, и в дубровы, и в гаях, и в ставе, и в мыте, и в млыне, и в лузе, и в бортном дереве, и во всех пожытков, ничого на сѣбе не оставуючы, якъ дядко мой пан Олехно и я самъ держал. Мают пановѣ Загоровские, вышменованые, тые вышейписаны часты вечне и навеки непорушно держаты; не мает жаден з моих прырожоных, якъ дядки, такъ и братя, в тои части ничым уступатыся, а никоторыми вымыслы. А две часты отчизны моеи заставил есми паном их милостюмъ Загоровскимъ у трохсот копах грошый монеты литовское, по десять пенези у грош, якъ двор, такъ дворни пашъни, и полми, и сеножатъми, и в дуброве, и в гаех, и в ставе, и в млыне, и в мыте, и в лузе, и в бортным дереве и всих пожытков, ничого на себе не оставляючы, якъ отец и я самъ держалъ. А которые две часты мел есми от дядка своего пана Олехна у заставе у двохсот копах грошей, и я тые двѣ часты заставил в той же суме двохсот копах грошей паномъ Загоровскимъ их млст, и со всем на все, ничого не оставляючы, якъ двор, такъ з дворнею пашнею, и с полми, и сеножатми, и в дуброве, и в гаех, и в ставех, и в мыте, и в млыне, и в лузе, и в бортном дереве и во всех пожитков, якъ дятко мой держал пан Олехно и я самъ. Естлибы хто дядков, албо брати прырожоных моих хотели тыи заставны часты к своимъ рукам меты, тогды аж тые вси пенези сполна, суму вышейписаную всю сполна, отложывшы, тож мают тыи часты к своимъ рукамъ меты. А естлибы мои дядки, або братя, с прырожоных блиских моих, хотели в томъ панов Загоровскихъ позываты, я Миско маю их мл. перед правомъ заступоватъ. А пры томъ бели и того добре сведоми: господын и отец наш владыка володимерский и берестейский Иона, а

княз Василей Курчевич, а пан Петръ Кирдеювич, а пан Андрей, а пан Василей Юнкович, а княз Богдан и княз Михайло Курцевицы, а пан Мацко Оранский. А на твердосты тых вышейписаных речей дал есми их милостюмъ сес мой лист з моею печатю; и бил есми чоломъ господару и отцу нашому владыце володымерскому и берестейскому Ионе и тым верхуписаным князюмъ и паном их милостюмъ о печати, и их мл. на мое чоломъбитѣ учынили, печаты свое прыложили к сему моему листу. Писан у Володимеры, под лет Божего нароженя тысяча пятсот трыдцат осмого [1]), месяца марца осмого дня, индиктъ 9.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 927, л. 51, актъ 45.

LVI.

1546 г., янв. 22. Купчая отъ Олехна Гринкевича Свищовскаго Петру Богдановичу Загоровскому на имѣніе Свищовъ.

Року 1586, октебра осмого дня.

На рокохъ судовых земских луцких, в року тепер идучом тисеча пятсотъ осмдесят шостомъ о светом Михале римскомъ святе припалыхъ и на завтрее менованого свята судовне отправованых, перед нами, тоестъ Федором Кадяном Чапличом Шпановским, судею, а Олизаром Кирдѣемъ Мылским, маршалком его кр. мл., на тот часъ будучи на местцу его мл. пана Ивана Хреницкого, подсудка луцкого врядовом засажонымъ, постановившися очевисто у суду в замку господарском Луцком его милост панъ Иванъ Хренъницкий, подсудокъ луцкий оповедалъ и покладал передъ нами листъ купъчий, на паргкламене писаный, зъ завесистыми печатми,

---

[1]) Здѣсь надо предполагать ошибку въ актовой книгѣ; въ 1536 г. (см. № 2) король уже охраняетъ прова Загоровскихъ на имѣнье, купленное ими у Дегтя; очевидно, что эту покупку нельзя отнести кь 1538-му году; она не могла быть совершена позже 1536 года, къ которому и относится инд. 9-й

на именъе Свищовъ зошлого его милости пана Петра Богдановича Загоровского, ключника, городничого и мостовничого луцкого от земенина господарского повету Луцкого пана Олехъна Гринкевича Свищовского и жоны его Мари Степановны Мусѣкиевича (sic) и детей их Войтѣха а Настаси, его милости на продажу именъя Свищова даный, просечи абы тот лист менованый для всякое безпечности до книгъ земскихъ принят и вписанъ былъ; которого мы огледавши перед собою читати казали и так ся в собѣ маетъ.

Я, Олехно Гринкевичъ Свищовский, и з жоною моею Маръею Степановною Мукосѣевича, и з детми моими Войтехом а Настасею чиним явно и сознаваем сами на себе сим нашим листом нинешнимъ и на потом будучим, кому будет потреба того ведати або чтучи его слышати, продал есми имѣне мое отчизное Свищовъ за третюю част обел вечно его милости пану Петру Богдановичу Загоровскому, ключнику, городничому и мостовничому луцкому господаря короля его милости за двесте копъ грошей монеты и личъбы великого князства Литовского, личечи по десети пенезей в грошъ, з двором, с полми, з синожатми, и зо всими землями пашными дворъными, и з людъми того именъя моего Свищова отчизными и прихожими, и з слугами путными, и з ых полми, сеножатми, и з дворищи, и з гаи, и з дубровами, и лесы, и пробъки, и зарослями, и с кустовъемъ, и с форощами, з млыномъ, и з ставы, и з ставищи, и зо всими платы и доходы тыхъ людей, и пожитки всякими, якимъ колвекъ могут именемъ менены быти и якося тое имѣне Свищово само в собѣ и въ своих обыходехъ и границахъ маетъ, ничого на себе на жону, и дѣти, и потомки, и близкие мои в том именъи не оставуючи; а граница тому имѣню Свищову по старинѣ и якъ я держалъ от околичных (сел?) от Кнегинина: почавши от границы Лысинское и Перекалское от дороги Лопавское роспутя, другое дороги, которая идет з Лопавшъ

же до Перекал черезъ дубраву просто до врочища Крутого Берега, до рѣчки, которая от Свищова до Кнегинина идет, на которой ставъ Свищовский естъ; а черезъ тую речку и черезъ болото до врочища Рокиты, а от Рокиты до врочища Садокъ,а от Садокъ до врочища Спенева Колодеза,а от Спенева Колодезя до дорожки Путища Рудлевского, которая идет Рудлева до Рудки до границы Букоемское, и у тое дорожки сконъчилася граница Свищовская с Кнегиненскою у петы границы Букоемское; а з Букоймею граница Свищовская также по старинѣ, як я деръжалъ, идет тою дорожкою менованою Путищем Рудлевским черезъ гостинецъ, который идет з Дублян до Смордъвы, аж до границ Рудецкое и Лещенское и Дублянское, вышей Чорных Лозъ, у долины водъле дорожки Чорънолозское; и так ся скончила у того перехрестя дорогъ земля Свищовская з Букоемскою земълею у петы границы Рудецкое, Дублянское и Лещенское, где се три границы зотъкнули; а от Лѣшней и от Дублянъ и Лысинъ граница Свищовская по старинѣ, почавши от петы границы Букоемское и Рудецкое от долины и дорогъ Рудлевское и Чорнолозское черезъ горбъ просто дубровою до дороги великое гостинца, который идет з Дублянъ до Смордвы, а через тую дорогу до груши, а от тое груши черезъ рѣчку, которая идет з Дублян до Свищова, на которой ставъ Свищовский; через которую речку и болото уверху того ставу, к могилъкамъ, а от могилокъ черезь поле до врочища Вербовца, Куповатца и Корловатца лужковъ до границы Лопавшское, и оттул до тоеж границы Лопавшское, которая идет до Кнегинина; у которое дороги Лопавшское скончилася граница земли Свищовъское з Лѣшнею, Дублянами и Лысиномъ при границы Перекалской и Кнегининской. А такъ я вже Олехно Гринкевичъ, жона, дети, потомки и ближние мои не маем ся в тое именъе Свищово, яко ест вышейописано в сем листе нашом, ничим вступовати на вечъные часы; а его милост

панъ Петръ Богдановичъ Загоровъский, пани, и дѣти, и потомки его милости тое именъе Свищовъ зо всѣмъ с тымъ держати и его уживати, водлугъ продажи моее, на вечные часы мает; и воленъ его милости тое именье Свищова отдати, и продати, и заменити, и на церковъ Божую записати, и кого хотечи даровати и ку своему лепшому и пожиточному обернути, такъ яко ся его милости налепей а пожиточней видети будетъ. А при том были и того добре сведоми его милост отецъ владыка луцкий и острозский Феодосий, а аръхимандрит жидичинский Макарей, а князь Матфѣй Василевичъ Четъвертенский, а князь Иванъ Василевичъ Масалский, а панъ Богушъ Павловичъ, а панъ Яцко Остафъевич, дворенинъ господаря короля его милости; и билъ есми чолом их мл. о приложене печатей и их милост для чоломъбитя моего учинили и печати свои к сему моему листу приложили; а я Олехно Гринкевичъ для лепшое твердости и свою есми печат приложил к сему моему листу. Писанъ у Луцку под лѣтъ Божого Нароженья тисеча пятсотъ сорок шостого, мѣсяца генваря двадцат второго дня индикта четвертого.

А такъ мы тот лист купчий пана Петра Загоровского ку ведомости нашой врядовой припустивши, слово от слова до книгъ земскихъ луцкихъ записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2099, л. 42, актъ 352.

LIX.

1569 г., октября 5. Дарственная (въ замѣнъ завѣщанія) Петра Богдановича Загоровскаго сыновьямъ его, рожденнымъ отъ второй жены—Ѳедоры Сангушковны: Ивану, Ѳедору, Михаилу, Андрею и Александру на всѣ имѣнія и всю движимость, съ отстраненіемъ дѣтей отъ первой жены.

Лет Божого нароженя 1569, месяца октебря 7 дня.

Постановившися очевисто въ замъку господарскомъ Луцкомъ на роцехъ земъских судовыхъ, от дня святого Михаила зачатых в суду земъского повѣту Луцкого, передо мною Гавриломъ Бокиемъ, судею, а мною Остафъемъ Василевичом Соколскимъ, подсудкомъ земъским луцкимъ, маршалокъ его кр. милости пан Петръ Богдановичъ Загоровский оповедалъ и доброволне тыми словы сознал: иж дей я, кромъ жадное люцкое намовы, одно самъ по своей доброй воли, умиловавши дѣтей своихъ милых, з малжонкою моею княжною Федорою Санкгужконою сплоҗоных, всѣ дворы и именя свои отчизные, купные и набытые, въ повѣте Луцкомъ, Володимерскомъ и Кремянецъком лежачие, с пашнями, быдломъ, з стадами, и теж з скарбами, з маетностями вшелякихъ добръ, якобы одно колвекъ менованы або названы быти могли, такъ теж з бояры и з людми тяглыми, отчизными и прихожими, зъ кгрунты землеными и водеными и зо всѣмъ на все, отдаляючи то всѣ от детей першое жоны моее, толко тым дѣтемъ моим мылым, с кнежною Федорою сплоҗонымъ, Ивану, Федору, Михаилу, Андрию и Александру Загоровским по животѣ своемъ далъ, даровалъ и тым листомъ своимъ на вечные часы записал, што дей ширей а достаточней на листе моемъ записномъ естъ описано и меновите доложоно. Якож и листъ свой записный, подъ печатю и с подписомъ властное руки своее и под печатми людей зацных, на то от себе дѣтемъ своим даны, его мл. пан Петръ Загоровский, маршалокъ господарский перед нами на вряде покладалъ, просечы абы вычитан и в книги земские был записан. Который листъ так ся в собѣ маетъ:

Я, Петръ Богдановичъ Загоровский, маршалокъ господарский чиню явно и вызнаваю симъ моим листомъ каждому в обецъ и всим посполите, кому бы одно того была потреба вѣдати, албо чтучи его слышети, нинешнимъ и напотомъ будучимъ завжды, иж будучи мнѣ, человѣку лѣтнему, а маючи

в себе детей своихъ милыхъ, з малжонкою моею небожчицою княжною Федорою Санкгушковною спложоныхъ, которыми мене сполечнѣ з нею Пан Богъ з милосердя своего святого потешивши, ее малжонку мою милую з сего света до фалы Бозства своего небезского взяти, а менѣ, яко человѣка летного, до лѣт сталости моее и с тыми детми водлугъ воли своее светои заховати рачилъ, в которих часехъ теперешнихъ, при сталости лѣт своихъ, розмыслившися я на то статечнѣ и вѣдаючи запевна, иж на семъ свете ничого певнейшого не естъ, яко часъ смертелный, што кождого человѣка минути не может, немней теж бачечи на перемѣнъност сегосветънуго а на неуставичност людскую, иж по смерти старшихъ родичов межи братею и сестрами, такъ теж кревними и повиноватыми, которые од родичов своих обарованя на писме зоставленого не мают, о именя, о скарбы и вшелякие маетности гневы, зайштя, ростырки и тяжбы безпотребные бываютъ; с чого ку шкодамъ и втратамъ великим приходят; а такся межи ними милост братерская и повинность кровная розрывает; але што от кого кому писмомъ врядовнѣ обваровано бываетъ, то никгды с паметей людскихъ не сходит, а вечнѣ трвает и кождый потомок на обдарованю родичов своихъ переставает; чого я напрод постерегаючи, а хотечи детей своихъ милых за живота своего такъ обваровати и то имъ писмомъ на листехъ своихъ врядовнѣ а пристойнѣ упевнити, якобы они по моем животѣ о именя, о скарбы мои промежку собою жадных ростырков а никоторого зайштья нѣ мѣли, прото я з милости своее отцовское милуючи тыхъ дѣтей своихъ милыхъ, с княжною Федорою Санкгушковною спложоныхъ, а вѣдаючи то добре, иж кожды стан шляхетский влостностю своею шафовати естъ волен а заховываючи ся в томъ водле уфалы сойму Берестейского, в року тисяча пятсотъ шестдесят шостомъ минулого, где описует, иж кождому волно именями своими подлугъ воли своее шафовати и буд

все огуломъ, або по части, кому хотячи отдати, даровати, продати и яко колвекъ завести и записати,—с тыхъ всихъ причинъ вышейпомененыхъ именя свои всѣ отчизные, теж купные и почтиве набытые, в повѣте Луцкомъ лежачие, то естъ на первей двор Малево с пашнѣю вшелякою, з стадомъ и з быдломъ рогатымъ и дробнымъ, село Малево з бояры и з людми тяглыми к тому двору Малевскому, село Охматково з дворцом, с пашнѣю и з быдлом, двор Свищов с пашнѣю вшелякою, з стадомъ и з быдломъ рогатым и дробным, и село Свищов з бояры и з людми тяглыми; а по другой сторонѣ Луцка на Полѣсю дворъ Луково с пашнею, з стадомъ и з быдломъ вшелякимъ, з бояры, з людми тяглыми, к тому двору Луковскому, село Яковъ (?) з бояры и з людми тяглыми, в селѣ Копылѣ част людей данныхъ, в селѣ Суску част з бояры и з людми тяглыми, частъ в селѣ Петрошевичохъ; при томъ дворецъ у Порску с пашнею, з быдломъ и з людми, а дворецъ под Луцкомъ на Красномъ с пашнею; а другии именя, въ повете Володимерскомъ лежачие: на первей дворъ Загоровъ з скарбы и вшелякими маетностями, с пашнями, с конми ѣздъными, з быдломъ рогатымъ и дробнымъ и з стадомъ сверѣпъимъ, ку тому двору мѣстечко Загорово, а ку нему села: Хорово, Валовичы, Воля Кримешкая, Кокоревичы, Загайцы, а Воля Манастырская; ку тому теж дворецъ под Володимеромъ, прозываемый Островецъ с пашнѣю вшелякою, а при томъ частъ в селѣ Вощатинѣ з дворцомъ, с пашнѣю и з быдломъ вшелякимъ; а въ повѣте Кремянецкомъ часть в селѣ Бережцохъ з дворцомъ, там же част у ставу и во млынѣ коло одно,—тые всѣ дворы и имѣня мои вышейпомененые з бояры, з людми тяглыми и данными, отчизными и прихожими, з службами, з роботами, с чыншами грошовыми и овсяными, з данми медовыми, с платы, з доходы и вшелякими повинностями, а дворы с пашнями, з стадами, и з быдломъ всякимъ, с полми и сеножатми, зе(м)лями, садами,

з дубровами, зъ запустами, з борами, з лесами, з деревомъ бортнымъ, з заставами, з млынами, з сажовками, з реками, з рѣчъками, з озеры, з болоты, с криницами, з бобровыми гоны, з ловы зверинными, пташими и рыбными, з кгрунъты землеными и водеными и зо всими пожитки малыми и великими, ку тымъ помененымъ дворомъ и именямъ моимъ приналежачими, якимъ одно колвекъ именемъ або назвискомъ людскимъ менованы и называны быти могут, такъ потому, иж менованое неменованому и посполитому, а неменованое менованому и посполитое особливому николи ничого шкодити и перекажати не мает,—але якося тые верхупомененые именя мои сами в собѣ, в межахъ, в границахъ, в пожиткох и в обыходех своихъ здавна и на сес часъ мают и яко я ихъ самъ з давныхъ лѣтъ спокойнѣ держечи уживалъ и тепер держу и вживаю,—то все от велика и до мала не толко тыи дворы и имена, але всѣ скарбы и маетност свою, яко грощи готовые, золото, серебро, шаты, цын, мѣдъ, зброю, стрелбу, кони ѣздъные, сѣдла . . . . увесъ рыштунокъ военный, притомъ стада, быдла, и вшелякие маетности, яко бы одно колвекъ поменены и названы быти могли, а штобы ся одно по животѣ моемъ в дворехъ и во именяхъ моихъ, або гдеж колвекъ на долгохъ, на заставахъ и на листехъ людскихъ зостало, то всѣ, отдаляючы вѣчными часы от детей першое жоны своее, никому иншому, толко тымъ детемъ своимъ, с кнежною Федорою Санкгушковною спложонымъ, Ивану, Федору, Михаилу, Андрию, Александру Загоровскимъ, ниодного з нихъ не похибляючи, алѣ всем под ровностю, даю, дарую и симъ моимъ листомъ по животѣ своемъ на вѣчность записую; маютъ они сынове мои милые тыхъ помененыхъ дворовъ, именей, скарбовъ и всее маетъности моее по моемъ по животѣ всѣ сполечнѣ под ровностю на себе держати и вечностью вживати, ку своему налепшому а пожиточному оборочати и тымъ всим ведлугъ налепшое

воли и мысли своее шафовати; якож заховываючи ся я в томъ водле обычаю права посполитого и статуту земского, тое обдароване мое дѣтемъ моимъ милымъ, на вечностъ вчиненое, на врядехъ его милости господарскихъ в замъку Луцъкомъ, Володимерскомъ и Кремянецъкомъ оповедати, очевисто сознати и сесъ листъ мой записный в книги справъ земскихъ записати, дати маю и естемъ повинен. А то теж обварывамъ и симъ моимъ листомъ вызнавамъ, иж я первей сего дѣтемъ першое жоны своее, а никому иншому, тых имений своихъ отчизныхъ а ни скарбовъ, маетности и жадное сумы николи не записывалъ, листов не справовалъ и никого о приложене печатей не прохалъ; а веджо еслибы ся по моемъ животѣ дѣти першое жоны моее, албо хтож колвекъ, переднею и последнею датою, кроме сих теперешнихъ листов доброволныхъ записовъ моихъ, з ыншими якими листы в которого права або вряду показати мѣлъ, таковые листы и записы мают быти почитаны фалшивыми, которые вже на кождомъ вряде и в каждого права вѣры, мѣстца и моцы нѣкоторое мѣти не мают и мочи не будут. И на то есми далъ сыномъ своимъ милымъ Ивану, Федору, Михаилу, а Андрию и Александру Загоровскимъ сесъ мой листъ под моею печатю и с подписомъ властное руки моее. А при томъ были того добрѣ свѣдоми и за прозбою моею печати свои к сему моему листу приложити рачили ихъ мл. панове: его милостъ княз Богушъ Федорович Корецъкий, староста луцкий, бряславский и вѣницкий, его мл. пан Олизар Петровичъ Кирдей Мылский, маршалокъ господарский, а его милостъ панъ Анъдрей Ивановичъ Русин Берестецъкий, нареченый владыка пинский и туровский. Писан в Луцку, лета Божого нароженя тисяча пятсот шестдесят девятого, месяца октебра пятого дня. А такъ мы тое очевистое оповедане доброволное сознане и листъ его милости маршалка господарского пана Петра Богдановича Загоровского записный слово от слова с початку аж до конца

в книги справъ земских записати казали, с которыхъ и выписъ под печатъми нашими сыномъ его милости вышей помененымъ на то естъ данъ.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 2093, л. 403 об., актъ 61.

Родъ Загоровскихъ.

Богданъ

Петръ — ум. не въ 1546 г. (какъ у Бонецкаго), а послѣ 1569 г.; Яско; Олехно; Янъ (1540).

Дети Яна: Гавріилъ, Михаилъ (1571).

Дети Петра: Василій, кашт. Браслав., ум. 1580 (1-я жена кн. Маруша Збаражская, 2-я Катер. Чарторыйская); Максимъ, Иванъ, Θедоръ, Михаилъ, Андрей, Александръ (отъ 2 ж. Петра—Феодоры Сангушковны).

LX.

1538 г., апрѣля 20. Грамота кор. Сигизмунда I земянину кіевскому Матвѣю Угриновскому, съ подтвержденіемъ его правъ на имѣнія въ повѣтѣ Кіевскомъ: Высокое, Котчищи и Велавскъ, па которыя прежнія грамоты сгорѣли во время пожара въ Луцкѣ.

Жикгимонтъ, Божью милостью, король Польскій, великій князь Литовъский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий и инъных. Ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ: билъ намъ чоломъ земенинъ нашъ повету Киевъского Матъфей Угриновъский, штожъ дей листы и привилья ег погорели в замъку нашомъ Луцкомъ на именья въ повети Киевъскомъ, на имени Высокое, а в Котъчисщах и въ Велавску по третей части; ино тутъ же стоячи братя его земяне повету Киевъского поведили, што дей на тые именья в него привилья были и они того сведоми и якъ в пожогъ в замку Луцкомъ погорели; и просилъ нас Матфей Угриновъский, абыхмо ему тые именья его потвердили. И мы тые именья Матфею Угриновъскому въ повети Киевъскомъ

потвержаемъ симъ листомъ нашимъ. Маетъ онъ самъ тые именья держати, жона, и дети и счадки ихъ вечно и непорушно со въсими пожитки, з лесы, з дубровами, з боры и зо въсимъ деревомъ бортнымъ. И на то есмо Матфею Угриновъскому дали сеъ нашъ лист з нашею печатю. Писанъ у Кракове под летъ Божъ нароженье тисеча пятъ сотъ тридцатъ осмого, месяца априля двадъцатого дня, инъдыкъта перъвогонадцатъ. Михайло писаръ.

(*Луцк. кн. № 2109, подъ 1586 г., грод., л. 198, актъ № 69*).

LXI.

1540 г., іюня 12. Дарственная на 1/3 и заставная на 2/3 им. Брянъ Ивашка Ивановича Брянскаго племяннику его Василію Михайловичу (явлена въ Луцкомъ земскомъ судѣ 1579 г., янв. 16).

Року Божого Нароженя 1579, месяца генвара 16 дня. На рокохъ земъских судовыхъ, от дня Трех Кролей рымского свята в году нинешнемъ семдесятъ девятом водле статуту припалых и судовне отправованых, перед нами то ест Остафъемъ Соколскимъ, судьею, а Иваномъ Хрѣнъницким, подсудъкомъ, врядниками земъскими судовыми повѣту Луцкого, постановившися очевисто в замку господаръскомъ Луцкомъ панъ Павел его милость Брянский покъладалъ перед нами у суду листъ на папери писаный, просечи абыхмо его огледавши, и дъля вписованья до книгъ приняли; которогож то листу мы суд огледавши, до книгъ земских луцких для вписованя приймуючи, читати казали; который лист слово от слова такъ ся в собѣ маетъ:

Подъ свѣдомомъ князя Федора его милости Михайловича Чорторыского, старосты луцкого, я Ивашко Ивановичъ Брянский сознаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ, кому бы потребъ того вѣдати або чтучи его слышати: которая част всего имѣнья Бранъ зостала мнѣ на дѣлу на

вѣчъность от брати моее, яко влостность отчизна моя, а такъ я, не могучи мѣти достаточъного выхованя своего с того именейца моего Бранъ, попаломъ былъ у великий недостатокъ; в которомъ недостатъку моемъ всѣ кровные мои мене отступили и никоторого споможеня ми вчинити не хотѣли; нижли одно сестренец мой пан Василей Михайловичъ, писаръ князя Федора его мл. Михайловича Чарторыского, старосты луцъкого, в томъ недостатъку моемъ мене призрел и споможене ми великое чинилъ, кони, шаты и гроши мнѣ давалъ; чого колвекъ от его милости потребовал, тое все не было ми отъ его милости заборонено; чогож я самъ не мало собѣ осумовалъ, што есми ку потребе своей в пана Василья его милосъти биралъ. И видячи есми таковую великую ласку и невымовное добъродѣйство сестренца своего пана Василя ку собѣ, ижъ его милость в недостатку моемъ мене кровного своего не опустилъ и великое ми споможенъе чинѣль, и не маючи есъми чим инъшимъ тое великое ласки и добродейства пану Василю его мл. отдати, чиню то безъ жадъного припуженъя и безъ намовы людское, едъно з умыслу своего самъ по своей доброй воли даю, дарую сестренъцу своему пану Василю его мл. Михайловичу, писару князя старосты его милости луцкого, и его жонѣ, есъли ее будет мѣти, и их дѣткамъ именя моего Бран третюю част на вечност з людми и з ихъ платы, и роботами, и с полъми, и сеножатми, з гаи, и з дубровами, зъ запусты, и з проробки старыми и новыми, и з землею бортною, з ставы и з ставищи, з млыны и з млынищами и з ихъ вымелки, з реками, и потоки, и з зеремены, и зъ бобровыми гоны, з ловы звериными и пташими, и з лисичими погоны, з чинши и даню грошовою и медовою и зо въсими доходы, пожитки и поплаты, ничого на себе и на ближнихъ своихъ тое третее части не оставуючи. А две части тогож именя моего Брян заставилом у двусту копах грошей

сестренцужъ моему пану Василю Михайловичу з людми, и з ихъ землями, з роботами, и поплаты их и зо въсими пожитки, яко вышей въ семъ моемъ листе выписаны, што к тымъ двом частем прислухает, ничого на себе и на близких своихъ не оставуючи; мает его мл. пан Василей Михайлович туую третюю част именъя моего Брян и его жона, кгды Богъ ему дасть, ее милость, и их милости дети на вечност держати и ее вживати; и волни их мл. ее отдати, продати, и заменити, и яко сами налепей розумеючи, ку своему лепъшому а пожиточному ее обернути; а две части тогож именя моего Брян мают ихъ мл. в той суме пенезей, яко вышей описано, держати зо въсим тым, якося тые две части здавна в собе мают. И сам ся есми у в опеку для старости лѣт моих сесътренцу моему пану Василю Михайловичу подал; мает его милост до смерти моеи мене ховати; а по животе моемъ душею моею печаловатися и памет чинити мает по мне, а про туую причину, иж его милост мене в старости моей у великой почесности ховает и по животе моемъ душею моею печаловатися мает; а инши близкии мои, видячи мя недостаточного, вси от мене отступили и в дому своем заховати мя не хотели; кгды бы пан Василей его мл. надо мною ся не змиловалъ подобно бых и въмер, по чужим углом волочечи се, без призору, а по животе своем ни от когобых памети по собе не мел; а для того и тыи две части именя моего Брян, которыи есъми пану Василю его милости, сестренцу своему, в суме пенезей заставилъ, отъ иншихъ близкихъ моих отписую для нелютости их ку мне; мает то все пан Василей Михайловичъ, жона и их дѣти по моем животе супокойне на вечные часы держати и того всего вживати, ку своему лепъшому пожитку оборочати, яко сами налепей розумеючи; а иншии близкии мои не мают нѣкоторыми колвекъ причинами того всего именя моего Брян под паном Василемъ поискивати; бо кгдым ся не мели мел

(sic), где подети в недостатку моем, тогды они вси на мене бачности мѣти и призрети мя не хотели, чужелися мя, такъ якобыхъ никого кровного в себе не мев. А што его мл. пан Василий Михайлович по животе моем на памет по души моей выложит, тот вес наклад свой, окроме тое верхуписаное сумы пенезей, в чом есми именя своего Брян две части пану Василю заставил, мает его мл. особливе тое сумы пенезей на тых двух частех именя моего Брян вес наклад свой мѣти. И на то есми пану Василю Михайловичу сестренцу моему дал сес мой лист. А при том были и того добре сведоми княз Василей его мл. Федорович Четвертенский, пан Ян Богданович Загоровский, пан Петръ Калусовский. И просил есми их милости о приложене печатей к сему листу; и их милост князи и панове, верху писаные, на прозбу мою то вчинили и печати свои к сему моему листу приложили. А на твердост сего листу моего я Ивашко Иванович Брянский печат свою приложил к сему моему листу. Писан в Луцку под лет Божого нароженя тисеча пятсот чотырдесятого, месяца июня второгонадцат дня, индикта четвертогонадцат.

А так мы суд тое оповедане устъное а очевистое сознане пана Павла его милости Брянского и менованый лист, на паперу писаный и через его мл. для уписованя до книгъ покладаный, слово от слова с початку увесъ до конца до книг справ наших судовых земскихъ луцъкихъ записати казали.

Книга Кiевск. Центр. Арх. 2095, л. 425, ак. 110.

LXII

1540 г., авг. 8. Подтвердительная грамота кор. Сигизмунда I на мѣновую сдѣлку Онуфрiя Ивановича, земянина овруцкаго съ одной стороны, и Михаила Коркошича (въ качествѣ опекуна) и внуковъ его, дѣтей Долмата—съ другой на землю перваго Сивковскую и землю вторых Чигеровскую, въ воев. Кiевскомъ. Актъ былъ ут-

раченъ во время козацкихъ войнъ, но найденъ и явленъ Овруцкому уряду въ 1711 году въ польскомъ переводѣ.

Облята аппробаци дѣлчого листу, от наяснейшого короля его милости полского Жигмонта ихъ милостямъ паномъ Ущаповскимъ служачого.

Року тисеча семъсотъ одинадцатого, месяца октобра двадцатъ третяго дня. На уpаде кгродскомъ в месте его корол. милости Овручомъ, передо мною Михалемъ Сингаевскимъ, коморникомъ кграничнымъ, наместникомъ подвоеводства, реентомъ кгродскимъ, енералу (sic) воеводства киевского и книгами нинешними кгородскими киевскими, comparens personaliter, urodzony imsc pan Paweł Uszczapowski, syn urodzonych ich mosciow panów Michała y Maryanny Korsakowny Uszczapowskich małzonkow, praesencia manifestatione w tym, ze iak skoro do rąk comparenta oryginał approbacyey dzielczego listu, między nizey mianowanemi zeszłemi niegdy osobami ratione intromianowanych dobr stałego, sobie teraz podawaiącemu y drugim ich m. panom Uszczapowskim bracie swey słuzących, od najasnieyszego niegdy swiętey pamięce krola imsci polskiego Zygmonta na papierze pisany, z pieczęcią koronną przycisnioną y s podpisem ręki pisarza koronnego daney, podczas inkursyey woyny kozackiey przez tych ze kozakow z inszemi dyspozycyami wzięty, az dopioro teraz przez zyczliwych przyiacioł odszukany, dostac się mogł, tak zaraz dla wpisania do xiąg ninieyszych per oblatam podał, prosząc, aby przyięty y w xięgi wpisany był. A tak ia urząd, ten oryginał approbacyey do xiąg przymuiąc, czytałem; ktory ruskim pismem pisany tak się w sobie ma.

Zygmąt Bożą miłoscią krol polski, wielki xiąze litewski, ruski, pruski, żmudzki, mazowieski y innych. Bił nam czolem ziemianin owrucki Onofry Iwanowicz y powiedział przed nami, iz on, z dozwoleniem woiewody kijowskiego, dzierzawcy owruckiego y swisłockiego, pana . Andrzeia Iakubowicza

Niemirowicza, mieniał się ziemiami z ziemianinem owruckim Michałem Korkoszczycem y wnuki iego Dołmatowemi dziecmi na imie Dmitrem a z bratem iego; ten Korkoszczyc będąc opiekunem tych dzieci Dołmatowych, wnukow swoich, y sami te wnuki iego postąpili iemu ziemie swoie oyczyste na imie Czyherowskie, ktora iest przy rzece Zerewie y z siedliszczami, y z polami pachannemi, y zaroslami, y z sianozęcmi, z lasy, y z bartnym drzewem, z rzekami, y z rzeczkami, y bobrowemi gony, y ze wszystkim, iako się ta ziemia w sobie ma; y Onofry naprzeciwko tey ziemi Zerewskiey postąpił im swoiey ziemi przezywaiomey Siwkowskiey takze ze wszystkim; na coz iemu ten Michało y wnuki iego y list swoy mianowny pod pieczęcią swoią y pod swiadomoscią y pieczęćmi ludzi dobrych dali. Y ten on list ich przed nami ukazywał w ktorym liscie ich opisuie, iz oni sami y potomki ich nie maią się w onę ziemie Zerewską niczym ustępowac, y ma Onofry, y iego zona, y dzieci, y potomki ich tę ziemie mianowną podle postąpienia ich u wiecznym a spokoynym dzierzaniu być; gdzie y winę na nas hospodara sto kop, a na pana woiewodę kyowskiego pięddziesiąt kop, a iemu drugą pięddziesiąt kop groszy opisali. I bił nam czołem Onofry, abysmy iemu na to dali nasz list y te miane iego ziemie Czyherowską potwierdzili naszym listem. Yno gdyz oni po dobrey woli swey, y k temu za dozwoleniem pana woiewody kijowskiego, te mianę z nim uczynili, my, wysłuchawszy tego listu mianownego Michała Korkoszczyca y wnukow iego, na iego czołembicie to uczynili, na to dali onemu ten nasz list y te ziemie Czyhirowskie ze wszystkim, iako wyzey u tym naszym liscie mianôwano iest, y tak (sic) on u tego Michała Korkozki y wnukow iego Dołmatowych dzieci—u Dmitra y brata iego wymienił, potwierdzami tym naszym listem: ma Onofry, y iego zona, y dzieci, y potomki ich onę ziemie, w wirzchu pisaną, dzierzec y uzywac; y ten Michayło Korkoszka y

wnuki iego, Dołmatowe dzieci, nie maią się w tę ziemie Czyherowskę ni w czym ustępowac według miany swoiey y listu mianowanego. A na twardosć tego y pieczęc nasze kazalismy przyłozyc k temu naszemu listu. Pisan w Wilniu pod lato Bozego narodzenia tysiąc pięcset czterdziestego, miesiąca augusta osmego dnia, indicta trzynastego. У того оргиналу подписъ руки писарскои при печати притисненнои тими словы: Iwan Hornostay podskarbi - ziem., marszałek y pisarz.

Котораяжъ то аппробація оригиналу за поданиемъ и очевистою прозъбою вышъ менованои особы подаваючои, а за моимъ урадовымъ принятиемъ, слово в слово до книгъ нинешнихъ естъ уписана.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 28, л. 76, ак. 57.

LXIII.

1. 1540 г., ноября 21, Запись бискупа луцкого Юрія Фальчевскаго Василію Семашку, по которой костельное имѣніе Лучицы промѣнено на часть имѣнія Семашка.

2 1552 г., апр. 12. Условіе, по которому Ив. Вас. Семашко уступаетъ Василію Богдановичу Семашку свое дворище въ Полгановѣ и право выкупа его имѣнія Лучицъ у луцкаго каноника Кособуцкаго.

Оба акта явлены въ Луцкомъ город. судѣ въ 1570 г.

Лета Божого Нароженя 1570, месяца генвара 11 дня.

Ставшы очевисто въ замку господарском Луцком на рокох земских судовых на року за позвы припаломъ его милость панъ Александро Семашко, подкоморый володимерский жаловал с позву своего на его милость князя Викторына Вербицкого, бискупа луцкого и берестейского и всю капитулу костела столечного луцкого Светое Тройцы, а менővите князя Томаша Хоенъского, подяканего луцкого, о том, штож дей часов прошлых небожчикъ Иван

Семашко Рыканский власное имене свое отчизное Лучицы заставилъ у певной суме пенезей у трыдцати копах грошей зошлому канонику луцкому князю Миколаю Кособуцкому и вчынившы дей оный Иванъ Семашко певное постановене з отцом его небожчиком паном Богданом Семашком, дозволившы ему в той суме пенезей в тридцати копах грошей (отъ) оного каноника князя Кособуцкого окупити, пустил ему вечностю и то листом своим обваровал; топак отецъ его пан Богдан Семашко, не окупивши оного именья Лучицъ, самъ з сего света зшол, такжо дей и тот каноникъ князь Миколай Кособуцъкий умер, а по смерти дей оного Кособуцкого тое имене Лучицы, в оной суме заставою заведеное, при бискупстве Луцком до сих часов зостало; гдежъ пан Александро Семашко, яко отчич оного права своего, которое ся ему по отцы его зостало, готов будучы князю бискупу и всей капитуле оные пенези тридцать копъ грошей отложити а тое именье Лучицы к рукам своим мети, што ширей а достаточней на позвех его описано. Тогды выступивши наместник его милости князя бискупа луцкого Торчинский панъ Якубъ Климашовский показал моцъ от его милости пана своего князя бискупа луцкого под печатю и с подписом власное руки его милости, в которой речь, у позвех помененую, описано, теж позволенье на зыскъ и на страту доложоно, поведил тыми словы: иж дей мене его милости пан мой князь бискупъ луцкий и вся капитула костелу луцкого тут до того права умоцованым своим прислати рачыли. Што панъ Алекъсандро Семашко слышачи, от него домовялся, абы он еще моцъ от капитулы показалъ; кгдыжся дей сам панъ Климашовский до того еще мовил, же от его милости князя бискупа и всее капитулы ку праву ест послан, на што дей тепереч толко одну моцъ от его милости князя бискупа у права покладаеть, а от капитулы моцы жадное не показуеть; которое дей если ми тепереч у права

не покажет, я его за вмоцованого до права приймовати не (буду); тогды на то пан Климашовский поведил... о то у позвех пана Семашковых его милость князя... и всю капитулу доложоно, але я то перед судом и объявям, иж того именья Лучицъ капитула не держить, толко княз Томашъ Хоенский, подяканий луцкий, сам на себе держить и вживаеть, который дей о то при мне, яко державца того именя, стоить и в права посполь зо мною пану Александру Семашку у отказе быти готов. Гдежъ на тот час и самъ князь Томашъ Хоенский, подяканий луцкий, ставши перед нами, очевисто до того ся призналь, иж тое имене Лучицы толко сам деръжить и вживаеть, а капитула дей до того ничого не маеть. Тогды мы, суд, тот позовъ пана Семашков знову читати казали; а по вычитаню того позву мовил пан Александро Семашъко: кгдыж дей вже умоцованый его милости князя бискупа луцкого и державца лучицъкий князь Томашъ Хоенский, подяканий луцкий, зо мною у право укрочили, я им пенези покладаю, а тое именье Лучицы, которое отцови моему от брата его на вечность описано, яко близкост свою, в них окупити и то до рукъ своих мети хочу; або ми нехай право свое, за чим тое именье держать, у права покажуть. На то князь Томашъ Хоенский поведил: иж дей я тое помененое именье Лучицы за правом своимъ, то ест за фундушом, от немалого часу держу; и просил нас суду, абыхмо ему дозволили на малый час от права пойти, хотечы тот фундушъ перед нами у права положити, чого мы судъ и сторона ему... (д)опустили. Топакъ он мало там змешкавшы... (оп)ят к нам до права пришол и положил перед нами (як)ийсь реестръ, по латине писаный, поведаючы, въ том реестре тот фундушъ ест уписан; на чом сто-(рона) поводовая не переставаючы, домовялся, абы он подле обовязку своего, на праве вчинено (sic), о тот фундушъ перед нами положил; а князь Томашъ Хоенский поведил: иж того

фундуша тут при собе не маю, але дей есть въ его милости князя бискупа пана моего. Затымъ пан Алекъсандро Семашко, подкоморый володимерский, положившы перед нами на тое имене Лучицы право свое, то ест прывилей, на паркгамене писаный, з двема печатьми завесистыми, от небожчика князя Юръя Фалчевского, бискупа луцкого и берестейского, пану Василю Семашку даный, вызнаваючы иж тое имене костелное Лучицы, за волею и ведомостю всее капитулы, меною за именье Городень пану Василю Семашку Рыканскому на вечность пустил, который привилей так ся в собе маеть:

Мы, Юрей Фалчевский, з ласки Божее бискупъ луцкий и берестейский, чиним явно ку ведомости кождого доброго, нинешним и на потом будучым, иж которую часть именья в Городене пан Василей Семашко мелъ, а такъ мы, маючы часть имени костелного тамже в Городени, и не хотечы якого заштья суседского з ним и с каждым мети, леч сполность именей костелныхъ около замку нашого злучити и ку замку Торчинскому въ едность заховати, с чого бы могъ лепъшый пожиток и безпечнейшая, а одностайная оборона замку быти, и одного всих подданых способити (?), волели есмо, на том волею нашою переставаем, з волею и порадою капитулы нашое, а добре зрозмышленою вчинъностю пана Василя Семашка, взяли есмо меною от него часть именья в Городене, которую и отецъ его в держаню был, з людми, зъ землями, и з деревы бортными, с озеры, з ставы, з реками, и зо всими пожитки, яко могуть названы або мено(ваны), на што нам и лист менованый дал. А мы за оную част его в Городени поступуем и даем именье костелное Лучицы з людми, зъ землями, з деревы бортными, с озеры, з реками, и такъ широко, яко ся здавна за держанъя продков наших и нашого тое именье Лучицы само у границах и в пожиткх своих маеть, не оставуючы

себе, ни потомком нашым в тое имене якого привлащанья. И водлугъ фримарку и доброволного постановенья нашого, маеть панъ Василей Семашко, жона, дети и потомки их тое именье Лучицы держати, и вживати и на нем пожитки собе привлащати, яко у осаженю людей, такъ и в ынъших пожиткох; и воленъ теж продати, заменити, даровати, на костел записати и ку налепшому вжыточному своему обернути, яко ся ку пожитку его видети будеть. На которое постановенье и фрымаркъ нашъ доброволный, для вышейописаных причин, дали есмо пану Василью Семашку тот наш лист под нашою печатью и под печатью капитулы нашое. Писан у Вильни под леты Божого нароженя тисеча пятсот чотырдесятого, месяца ноября двадцать первого дня, индикта четвертогонадцать.

При том привилею панъ Семашко положил другий лист, на папери писаный, пана Ивана Васильевича Семашка Рыканского под печатью его и под печатми людей зацных вызнаный, иж тое имене Лучицы маетностью пану Богдану Семашку, отцу пана Александрову, пустил; который лист такъ се в собе маеть:

Я, Иван Василевичъ Семашко, вызнаваю сам на себе сим моим листом нинешним и на потомъ будучым, кому будеть потреба того вказовати, што которое именье половица Подрежья и теж дворище в Полганове зо всими людьми, которые на нем седять, братъ мой Василей Семашко весполок со мною заставили есмо пану Богдану Михайловичу Семашку в суме пенезей; к тому теж што его милость невестце нашой панеи Микулинской, жоне небожчика брата моего, панеи Овдотьи, вено платил, того всего сумою шестсот копъ и сорок коп грошей монеты и личбы великого князства Литовского, личачи по десети пенезей у грошъ, где я, не маючы такъ много пенезей чим тых именей у его милости выкупити, просилем и билем чолом брату моему его

милости пану Богдану Михайловичу Семашку, маршалку его королевское милости, абы его милость рачил от мене двесте копъ грошей литовских и к тому дворыще у Полганове зо всими людми, которые на том дворищи седят, на вечные часы приняти, и мне што с тое сумы пенезей опустити. Его милость з ласки своее, бачечы на упад мой, рачил то вчинити-двесте копъ грошей и тое дворище в Полганове от мене на вечност собе приняти, а мне его милость отпустити рачыл трыста копъ грошей; где я, бачечы теж ласку его милости и нагорожаючы тую суму пенезей, которую мне его милость отпустил, позволил есми его милости его... именья Лучиц в каноника луцкого князя Миколая Кособуцкого окупити; которое именье Лу(чиц) выкупивши, его милость весполек с тым именьем моим дворыщом Полгановским и з людми, которые в Лучицах и Полганове суть, и з ихъ землями и со всимъ маеть держати вечно и непорушно и потомки его милости, а я сам, а нихто з близких того именья Лучицъ и дворища въ Полганове под его милостю и потомки его милости поискивати не маем; а еслибы сестры мои четвертое части в тых именяхъ хотели под его милостью доходити, тогды я мам во всем его милость заступовати и з ымени моего головного Рыкань и инших имeней моих выправу сестрам своим вчинити; а его милость маеть, тых имeней моих держачы, спокойне вжывати. И на то есми его милости дал сес мой лист з моею пачатью; и (о) том теж объявил вряду замку луцкого пану Дмитру Олехновичу Козинскому, которогом просилъ о приложенье печати къ сему листу моему. А при том были и того добре сведоми: архимандрит жидичинский отец Иона, князь Федор Петрович Острожецкий, пан Михайло Еловичъ, а панъ Яцко Остафъевичъ. И просил есми их милости о приложене печатей; их милость на мою прозбу то вчинити рачыли и печати свои приложили къ семуж моему листу. Писанъ у

Луцку лета Божого Нароженя тисеча пятсот пятьдесят второго року, месяца апреля двානадцатого дня, иньдикта десятый.

При которых листех своих его милость пан Алекъсандро Семашко положившы перед нами пенези свои трыдцать копъ грошей личбы литовское просил, абыхмо заховываючися ведле права посполитого и статуту земского, тые пенези стороне яко на року завитом взяти казали, а тое вышейреченое именье Лучицы за тым правом его милости, которое показал, ему присудили в моцъ и в держане, яко властност его милости, подали, або гдебы сторона тых грошей брати не хотела, жебыхмо ихъ при книгах судовых положили, а ему того имени держати допустили. Тогды заразомъ тогож часу сторона отпорная пан Климашовский и князь Томашъ Хоенский, подяканий луцкий, поведили тыми словы: иж тут видимо што пан Алекъсандро Семашко намъ за тое именье Лучицы пенези покладаеть, которых менить быти одно трыдцать копъ грошей личбы литовское, а мы дей на том именю маем певного долгу болшей двохсот копъ грошей, што ся дей все явне а значне на листех наших покажеть; и заразом тогож часу положили перед нами листы свои, в которых ся знашло и оказало всее сумы двесте трынадцать копъ и грошей сорокъ, нижли не одно на том именью Лучицах, але и на другом селе Тополю. А кгдыж были тые вси листы вычитаны, тогды ся знашло на том именью Лучицах семдесят копъ грошей личбы литовское, которые пан Алекъсандро Семашко перед нами у права положил, а князь Томашъ Хоенский, подяканий луцкий с товарышом своим тые гроши до себе взялъ. А так мы тое имене Лучицы з двором, з людми, с полми, сеножатми и зо всим на все, яко ся в собе маеть, ведлуг листов, на вечност отцови пана Семашкову (sic), на тое имене ему даных, пану Александру Семашку, подкоморому володимерскому, на вечность присудили и заразом в моцъ и

держане, яко власность его, ему через возного поветового Ивана Козинского подали. Якож есмо тот суд знайденье и всказанье наше в книги справ земских записати казали.

Кн. Кіевск. Центр. Арх. № 2094, л. 66, актъ 33.

LXIV.

1541 г., августа 24. Грамота кор. Сигизмунда I боярамъ Овруцкимъ Лучичамъ на землю Скочковскую. Подтвержденіе на то же кор. Сигизмунда—Августа 1546 г., іюля 10. (Явлена въ Луцкомъ грод. судѣ 1631 г., мая 7, и въ земскомъ Житомирскомъ 1786 г., іюня 31.

Roku tysiąc siedmset osmdziesiąt szostego, miesiąca iunij trzeciego dnia.

Na lezeniu xiąg ziem. zytomir. przede mną Jakubem Zaleskim, namiesn. przysięgłym ziem. zytomir, osobiscie stanowszy w. Piotr Wyhowski, viceregen ziems zytt, ten extrakt z akt grodz łuckich, autentycznie ruskim pismem wydany, z zapisanium w nim potwierdzenia przywileju od nayiasn. Augusta Zygmunta krola, polskiego uurch Wyhowskich na ziemię Skoczkowską danego, z przyłączonym arkuszem papiru srebrno groszowym, do akt ziemskich zytomirskich w oblatę podał w te słowa.

Wypys z knych grodzkich zamku Łuckoho leta Bozoho narozenia tysecza szesćsot trydciat perwoho, misiaca maja semoho dnia, na roczkach sudowych grodzkieh łuckich, ot dnia dwadciat czetwertoho misiaca aprylа, w roku zwysz napysanom prypałych y sudowne otprawowat zaczatych, pered namy kniazem Pawłom Druckim Lubeckim, podstarostym, a Heliaszom Bronnickim, sudeju, wradnykamy sudowymy grodzkimy łuckimy, stanowszy oczewysto urozony pan Jwan Wyhowski dla wpysania do knych nynesznych grodzkich łuckich podał per oblatam prywyley ieho korolewskoy myłosty Zygimonta Auhusta potwerzenia praw y prywylejew, ot swetoie pamety korola ieho myłosty Zygimonta na Wyhow danych, z peczatju ieho ko-

rolewskoy myłosty y z podpysom ruki pysarskoie, panom Wyhowskim słuzaczyię, o czom tot prywyley ieho korolewskoy mylosty szyrey w sobe maiet, proseczy, aby pryniat y do knych upysan był; kotoroho my sud, dla wpysania do knyh pryimuczy, pered soboju czytaty kazaly iesmo y tak se w sobe pysanyi maiet.

Zygimont Auhust, Bozeju myłostju korol polski, welyki kniaz lytowski, ruski, pruski, zamodzki (sic), mazowecki y innych. Byly nam czołom bojare owruckiye Hryszko, a Iwan, Semen, a Stepan, Kiryk Luczyczy y powedyly pered namy, iz korol ieho myłost pan otec nasz, na zadanie y pryczynu korolewoie jeje myłosty nawyszoie knegyni Bony, pani matki naszoje, raczył im daty zemlu pustouskuju w powete kijowskom u Zawszy na imie Skoczkowskuju u Wyhowie, y kazaly (sic) im z toho słuzbu zemskuju sluzyty, na sztoz ieho mylost y lyst swoy raczył im daty, kotoryi ze ony list za danynu korola ieho myłosty pana otca naszoho pered namy pokładałi y powedyly, iz ony y teper tuju zemlu k rukam swoim derzat y nam hospodaru z toho sluzat; y byly nam czołom, abychmo, wodle lystu korola ieho myłosty pana otcą naszoho, pry toy lzemli ich zostawyly, y na to daly im nasz lyst. A tak my, toho ystu korola ieho mylosty pana otca naszoho ohledawszy, kazaly ieho słowo ot słowa w ses nasz lyst upysaty, kotoryize tak sie w sobe maiet.

Zygimunt, Bozeju myłostiu korol polsky, welijki kniaz lytowski, ruski, pruski, zomodzki, mazowecki y innych. Byly nam czołom tyie boiare owruckie na imie Hryszko, a Iwan, Semen, Stepan, Kiryk Łuczyczy y powedyly pered nami, iz ich piat bratow a ne majut se na czom pozywyty i z czoho słuzby naszoie posluzyty; lecz odno na kuply swoięy mieszkajut; a wetzo zawzdy z toho wodluh moznosty swoieye słuzbu zemskuju nam słuzat; y prosyly nas, abychmo łasku naszu im wczynyly y daly im zemlu pustowskuju w powete

Kijowskom w Zawszy na imie Skoczkowskuju u Wyhowe, kotoruju pered tym słuzebnyk pana wojewody kijowskoho Stanysław podolanyn derzał, a teper ona w puste iest; o czom ze y korolowaja nasza ieje myłost y welykaja knehynia Bona nas u pryczyne za nym zadała. Ino my i z laski naszoje, na pryczynu korolewoie ieje myłosty y na czołombytie ich, to wczynyly, tuju zemlu pustowskuju Skoczkowskuju u Wyhowe w powete kijowskom u Zawszy zo wsim, iakose zdawna w sobe maiet, im iesmo daly; mauit ony tuju zemlu na sebe derzaty y ieje wzywaty, a słuzbu zemskuju z toho nam sluzyty. Y na to daly iesmo im ses nasz lyst, do kotoroho y peczat naszu pryłozyty kazaly. Pisan u Wilni pod let Bozoho narozenia tysecza piatsot sorok perwoho, misiaca auhusta dwadciat czetwertyi den, indykt czetwertohonadciat. Sprawa pana Myhayłowa pysara.

Majuczy iesmo bacznost na tych poddanych naszych, iako na ludey ukrainskich, z łaski naszoje y na czołombytie ich, to wczynyly, pry toy zemli danyny korola ieho myłosty ich zostawuiemy. Y to im tym lystom naszym potwerzaiem na wecznost: majut ony tuju zemlu Skoczkowskuju na sebe derzaty y ieje uzywaty so wsim z tym, iakoze taja zemla zdawna w sobe maiet, a nam z neje słuzbu zemskuju słuzyty, wodle lystu korola ieho myłosty pana otca naszoho. Y na to daly iesmo ses nasz lyst z naszeju peczatiu. Pysan u Wylni pod let Bozoho narozenia tysiacza piatsot sorok szostoho, misiaca iula desiatoho dnia, indykta czetwertoho. U toho prywyleju peczat ieho korolewskoy myłosty prytysnena odna, a podpys ruki tymy słowy: Waleryan pysar.

Kotoryize to prywyley ieho myłosty za podaniem y prozboju wyszmenowanoho pana Wyhowskoho a za pryniatiem naszym sudowym uwes słowo w słowo do knyh grodzkieh luckieh iest upysan, z kotorych y ses wypys pod peczatiu grodz luck iest wydan. Pisan w Lucku (L. S.).

U tego prywileju, w obtte podanego, lektu korrektu y pieczęc takowę: korrygowal Chorosko mp. Jan Kozakiewicz Zioszycki pysar grodzki lucki mp. Ktoryto przywiley slowo w slowo, iak się w sobie ma, do xiąg nunieyszych ziemskich zytomierskich iest zapisany.

Книга Кіевск. Центр. Арх. № 156, л. 1116 и 1117 об.

LXV.

1542 г., марта 4. Актъ раздѣла имѣнія Яковичи между братьями, Щастнымъ Евтихіемъ и Василіемъ Семеновичами Яковицкими.

Року 1579, месяца февраля 7 дня.

На рочкох кгродских володимеръских, дня третего в четвергъ припалыхъ, передъ нами Василемъ Павловичемъ, подъстаростимъ, а Лазаромъ Иваницъкимъ, судею, врядники кгродъскими володимерскими, постановившися очевисто пан Иван Шолушич Яковицкий оповедал и покладал листъ делчий вечистый на часть именя Яковицъкого его (sic), отъ дядка его небожъчика Щастного Яковицкого отцу его небожъчику пану Василю Яковицкому даный, и просил, абы тот лист слово от слова до книг кгродских уписанъ и того записаня выпис с книг, а при выписе и тот лист, пану Андрею Павловскому отданъ был, кгдыжъ дей тотъ листъ, водле продажи моее части именя моего Яковицкого, пану Павловскому належать, а не мне. А такъ мы тотъ листъ за прозбою его в книги кгродские вписати велели и такъ ся в собе маеть.

Я, Щастный Евтихій Семенович Яковицкий, вызнаваю тымъ моимъ листомъ самъ на себе, кому будеть потреба того ведати, албо чтучи его слышати: вчинили есмо межи себе вечисты дел з братомъ моимъ старъшимъ Василемъ Яковицкимъ во именю нашомъ в Яковичох перед маткою

нашою панею Оленою и передъ приятелми нашими паномъ Петром Калусовскимъ и паномъ Анъдриясомъ Янчинскимъ. Ино я поступилъ брату своему старъшому Василю дворъ старый, на которомъ матъка наша мешъкала, зо всими польми и сеножатми, якъ ся в собе мает, и тые дворища, которые дядиная и братъ нашъ Михайло напротивку двора отчизного старого намъ отмену дали; бо онъ мне на противъку половицы двора и пол дворъных, которые мели на мене прийти, мне посътупилъ чоловека своего отделеного на пол дворищи Левка и Бухала. А што се дотычеть половины быдла своего и збожъя которое на мене пришло, я тую половицу быдла и збожъя, ему поступилъ и подал; а он мне за то за все досыть учинилъ; а людей отчизных я ему поступилъ: то ест Остапка на пол дворищи, Петрика на пол дворищи, Охремъ на полъ дворищи. А напротивку двора и тыхъ людей достали се мне люди тые: Волос на полъ дворища, Федец з Альшеникомъ на пол дворища, Монецъ на полъ дворища, Котъ на пол дворища, а Левъко и Бухало напротивку дворных пол, сеножатей на пол дворища, зо всими их полми, и сеножатьми и селидьбами. Которыжъ дей маемо мы межи себе тверъдо и неотменне на вечные часы держати; а еслибы з нас который тот дел мелъ зрушити, тогъды маеть заплатити закладъ на замокъ Володимеръский пятдесят копъ грошей, а один другому тридцат копъ грошей. А при томъ были братья наша стриечная пан Гаврило, Михайло Яковицкие; и на то есми брату моему Василю дал сес мой листъ з моею печатю и власного писаня руки; и просилъ есми тых веръхуписаных панов о печати; ихъ милост на мое чоломбытье вчинили, печати свои приложили къ сему моему листу. Писанъ в Яковичах лета Божого нароженя тисеча пятсот сорокъ второго, месяца марта четверътый ден, инъдыкъта пятогонадцать.

Книга Кіевск. Центр. Арх. (Влад.) № 941, л. 41 об., актъ 51.

LXVI.

1543 г., іюня 8. Грамота кор. Сигизмунда I Василію Енковичу на право взиманія мыта въ имѣньи его Серкизовѣ. (Явлена въ 1547 г.).

Державъца красноселский и галичанский панъ Василей Еньковичъ оповедалъ, иж в ымени своемъ Серъкизове на ставу мыто берет потому, яко в листе господаръскомъ ему описано, который листъ нижеи слово отъ слова вписанъ; замокъ у Володимеры и мостъ у Володимери и въ Луцъку робить; а в ыньшихъ именьяхъ своихъ мыта нигде не береть,—на тые именья и листовъ не покладалъ.

Жикгимонтъ, Божю милостью король полский, великий княз литовъский, руский, пруский, жомоитъский, мазовецкий и иныхъ.

Билъ намъ чоломъ наместъникъ красносельский и галиченьский королевое нашое ее милости и великое княгини Боны Василей Енковичъ и поведилъ перед нами, ижъ отецъ его в ыменьи своемъ Серъкизове, ставе на болоте серъкизовъскомъ, своимъ властным накладомъ гребълю засыпалъ, на которой жо гребъли его з давъных часовъ купъцы наши и князьские и панъские гостинцу ему даивали отъ дву коней у возе по грошу, а отъ коня з возомъ по полугрошу; нижъли деи тыхъ часовъ нѣкоторые купъцы наши и князские и панъские, через тую гребълю его ежъдячи, и ее розтопътывають, а того гостинъцу ему платити не хочуть. Про то кгдыжъ отецъ его и онъ самъ оную гребълю, для небезпечъности переезду купъцовъ и иньшихъ подданыхъ нашихъ, и князскихъ, и панъскихъ, своимъ властънымъ накладом на томъ болоте справилъ и завъжды перед тымъ за то гостинецъ в нихъ биралъ, а онъ тыхъ часовъ ее направуеть, мы и теперъ дозволили ему за тотъ наклад его отъ всяких купъцовъ нашихъ и тежъ князскихъ и панъскихъ оный гостинецъ потому жъ брати: хто бы мелъ через тую гребълю

его ехати тотъ маеть гостинцу ему давати потому, какъ и отецъ его на себе биривалъ подле давъного обычаю. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ з нашою печатью. Писа́н у Кракове под летъ Божъ нарожъ 1543, мѣсяца июнь 8 день, инъдикта 1.

Михайло писаръ.

Литов. Метр., кн. Запис. Лит. № 22, л. 73 об.—74.

LXVII.

1544 г., окт. 10. Условіе, постановленное между княземъ Матвѣемъ Васильевичемъ Четвертенскимъ съ одн. стор. и Войною и Иваномъ Богушевичами Боговитиновичами съ друг., о полюбовномъ рѣшеніи споровъ о границахъ имѣній Еловицы и Шумска.

Я, князь Матфей Василевич Четвертенский, вызнаваю сим моим листомъ: што есми правовал ся с паном Воиною и с паном Иваном Богушевичи Боговитиновича перед господарнею крулевою ее милостью о имѣне мое Еловицу, которое есми купил у пана Станислава Фалчовского, а их милость з ымѣня своего Шумска, и попустил есми был их милости присягу водлуг тых границ, которыи комисари их им описали в листе своем,—а то было обличне перед господарнею, и рок присязе ее милость на завтреея положила; ино которая граница от Обычи идет валом великим до потока, а потоком на дол з горы долиною, лѣсом берегомъ, тую границу за суполную приймую. Нижли... повѣдили по дорогу, которая идет с Кремянца до Острога, а тою дорогою через село аж до окна крыничного, где гребля роскопаная; а я поведам, иж Шумская граница идет по самыи горы Шумскии, которыи горы над селом Еловицею; ино того межи дорогою и межи горою немного, рѣч малая; а не хотячи ся есми заводити с паном Войною а с паном Иваном Боговитиновичи, тую присягу есми их милости на сторону отложил; а с

ними есми тую вмову вчинил: маю я з Антоновец обрати трох человѣков, на имя: Комонеца, Назарыца а Иваника; а пан Воино а пан Иван мают обрати трех человѣков из Залужя: Ивашка старого, а с Кута Ивашка отамана, а Юска коваля; и маем тых людей перед собою к присязе привести; мают, присягнувши, граници вывести; где укажут зготливе, то маемъ приняти на обе стороне и то вѣчне держати и границы положити; а естлиб тыи люди присяжныи потому границы завели, як их милость поведают по дорогу Кремянецкую черес село, тогды я маю людей своих звести, а на своей сторонѣ посадити. А рок тому граниченю есмо зложили по сем великодни святем пришлом въ трех недѣлях; а до того року пан Война а пан Иван попустили мнѣ держати по горы, яком выше повѣдил; нижли я и мои люди не маем на горы входити, а ни ся в то вступати. А которыи люди што им присужены были, на имя Поздик, а Санка, а Якуб, тыи (люди) пан Иван, рек выдат со всею семею и маетностью их... имѣня Шумска, будут ли в Шумску а застанет ли их мой слуга. На то есми пану Войне а пану Ивану дал сес мой листъ з моею печатю и своею рукою подписал. При том были князь Александро а князь Иван Федоровичи Чорторыйскии, а князь Кузма Иванович Жославский; и просил есми их милости о печати; ино их милость на мою прозбу и печати свои приложили к сему моему листу. Писан в Брест. под лѣт Божего нароженя 1544, месяца октеб. 10 ден.

Книга Кіевск. Центр. Арх. Кремен. ящикъ I, № 3 года 1544.

LXVIII.

1547 г., окт. 20. Раздѣлъ имѣній (Колышчинецъ, Сахновецъ, Скалинецъ, Гребенина и Лотовки) между братьями Богуфаломъ и Иваномъ Лабунскими, а также добровольный раздѣлъ между Василіемъ Ива-

новичемъ Лабунскимъ и дѣтьми Богуфала Михаиломъ и Криштофомъ, явленный 1560 г. Дек. 30.

Року 1560, тогожъ месяца декабра, 30 дня.

Передо мною Борисом Ивановичомъ Совою, подстаростим луцким, постановившися обличне земяне господарские пан Климентей Войнич Боговитиновича з сестренками своими Михаиломъ и Крыштофомъ Богухваловичи Лабунскими и дядко их пан Василей Иванович Лабунский оповедили и до книг вызнали тыми словы: штож дей есмо от немалого часу заштья и розницы, ведучи право, промежку собою мели, а обачивши з обудву сторон не малыи шкоды и наклады свои, и тые вси розницы и заштья свои вгодливым обычаем перед ихъ милостю паны а приятелы нашими полюбовными, и на то высажеными, конец и застановене вечистое, а николи непорушное вчинили и под таковым обычаем: листы—всю справу, которая ся от початку заложеня правом аж до дня сегоднешнего точила, так выроки и презыски промежку собою на обе стороне, сею вгодою нашою на вечныи часы вморяем и николи их сами промежку собою, так и кождый потомок наш на обе стороне вспоминати не маем. Штося дотычет именей наших отчизных, в тых, ведле разделку и листов делчих, которыи отец наш небожчик Богухвал з братом своим, а дядком нашим, паном Василем Лабунским, з ураду кремянецкого вчинил, вечными часы переставаем, николи его ниякими причинами не взрушиваючи правными и неправными; тых теж именей трех Титкова, Микулина и Судилкова, которые матка моя небожчица Овдотя, маючи вено от отца моего небожчика Ивана Лабунского записаны, невесце своей небожчицы Богдане даровала и отписала,—с тых трех именей я Василей Лабунский вырекам; яко делу в них ровного от братаничов моих мети не хочу, так и до жадного права николи позывати и ниякими причинами поискивати не маю; леч они на выховане мне до живота моего повинни посту-

пити половицы Судилкова, албо Перегоновцов всѣхъ, с тых двох одного, штобым с того похотел; а я того, што на выховане от них озму, ни продати, ни заставити, ни отдати, ни записывати, а ни яким обычаем колвек стратити не маю; гдебым кому яким обычаем и завел, теды нихто одержати не может; и по смерти моей братаничом моим яко во властност свою без жадного права въехати и вечностю волно держати и по воли своей шахвовати(sic). Нижли штося мне врозделку от брата моего зостало и на листе делчомъ меновите описано, тым я шахвовати, отдати, продати, заставити, заменити, яко самъ належей и пожитку своему розумеючи, мимо братаничов, всѣхъ кревных и повиноватых моих, естем волен. А за тымъ оповеданемъ и вызнанемъ вгоды и застановеня своего, которое еднословне обоя сторона вызнаваючи в одно слово, одна другой положивши оны листы делчие, сполечне просили за то, абы был слово от слова до книг вписан; который лист такся в себе маеть:

З росказаня господаря короля его мл. великого князя Жикгимонта Августа, Щасный Герцыкъ, староста Кременецкий, Петръ Михайловичъ Семашко, а Иванъ Хребтовичъ смотрели есмо того дела: што князь Юрей его милость Хвалчевский, бискупъ луцкий и берестейский, а пан Миколай Войтаховичъ Нарбуртъ, староста киевский и мозырский, маршалок господарский, з росказаня господарского смотрели пана Богухвала Лабунского з братом его паном Василемъ Лабунским: жаловал перед ихъ милостю пан Богухвал Лабунский на брата своего пана Василя Лабунского о том, што дей которое заштье и неснадки мели межи собе у многих речах, а так дей я з братом своим паном Василем записали ся, под зарукою на замок луцкий пятсот. коп. грошей, а на замок кремянецкий пятсот коп грошей, а сторона стороне тисечу коп грошей, иж мели о всѣ заштья и неснадки свои межи себе едналным обычаем перед приятелми сво-

ими вгоду вчинити; и в тых листех своих записаных рок, мѣстце и приятелей своих меновите описали; естлибы который з них на тот рок перед приятелми вгоды приняти не хотел, тот мел тыи заруки платити. И кгды дей тот рок пришол, они дей тых приятелей своих, меновите в листех описаныхъ, ку оному едданю всѣх звести не могли, и сами ач колвек стали, нижли дей брат мой пан Василей оное еднане розорвал и з ними едданя приняти не хотел, и оному записови досыт не вчинил и в тыи заруки перепал. Василей Лабунский отпор чинил: иж дей ач колвек я был з братом своим описал ся вгоду едналнымъ обычаем межи себе приняти, и едначов приятелей своих в листех своих были описали, нижли кгды дей тот рок пришол, тогды дей тые едначи наши не всѣ были зъехалися, одно два; и тыи на свои головы того брати и нас поеднати не хотели и они ся дей разъехали проч. А так их мл. панове рада, видячи то межи ними, кгдыж водле опису их приятели а едначи их на тот рок не зъехалися, а два едначи хотя были, але того уеднати не хотели, и тот ростыргъ не от них ся стал, едно от тых едначов их,—их мл. оное заруки на пану Василю Лабунском не нашли. А о иншие вси кривды, заштья и опоров на неделу у во именях их едналным вгодливым обычаем приняли, чомуж их мл. рок имъ обема сторонам рачили зложити, которыи они сами приняли под страченем права на ден Матки Божи о последнеи, которое свято было у в ындикте шостомъ; и рачили их мл. ку той справе мене имъ придати; а они з рук своих едначами взяли: пан Василей Лабунский з руки своее взял князя Александра Федоровича Порыцского а пана Грицка Сенюту; а пан Богухвал з руки своее пана Олехна Козинского а пана Ивана Богушевича; а естли бы который с тых едначовъ на тот рок там быти не могли, тогды так же ровного обрати мают. А так за непоспешенством тых панов, господарь король его мил. з руки пана Бо-

гухваловы быти росказати рачил пану Петру Семашку а пану Ивану Хрыбтовичу; однож ся тая справа на рок зложоный от их милости панов радъ скончити не могла за хоробою моею; а сами панове едначи того на себе брати не хотели. А так теперешнего часу на рок, от мене зложоный, которые з обудву сторон панове Лабунские приняли под страченеемъ права, пан Богухвал зъ едначами своими приехал и пан Василей Лабунский сам стал; нижли едначов своихъ як князя Порыцкого, так и пана Сенюты, з собою не мел; а на местцу их зъ собою мел князя Владислава Збаразского а Крыштофа Дудинского; нижли княз Владислав и Дудинский як росказаня господарского, так теж и от едначов, которыи мели быти з руки пана Василевы, жадного порученя не мели; нижли мы, чинячи досыт росказаню господарскому и водлуг описаня их самих, у во именях их поровнане вгодливым обычаем вчинили, на што они з обудву сторон позволили; и списавши именъя на полы, жеребей метали—кому ся которая половица застати мает; с которого поровнаня ихъ во именяхъ пану Василю Лабунскому—Колышчинцы, Сахновцы, Скалинцы на част его пришли; а на противку тыхъ именей пану Богухвалу на его част городище Гребенин, Лотовка. Нижли тое имене Колышчинцы на тот час в заставе от пана Богухвала Лабунского в семидесят копах грошей, а Городище обадва весполок заставили у девеносту копах грошей, к чому ся сами з обудву сторон знали; а што ся дотычет тых именей заставных, так есмо межи ними постановили, на што они сами з обудву сторон призволили: иж пан Богухвал мает дати пану Василю двадцат и пят коп грошей, а пан Василей сам Колышчинцы окупити мает; а напротивку того пан Богухвал Городище сам в девеносту копах окупити мает, або пан Василей мает дати пану Богухвалу полпетадесят коп грошей, а пан Богухвал Колышчинцы окупивши пану Василю, брату своему, подати

мает. И мают тыи имення, водлуг того розделку, держати вечно. И на то есмо пану Богухвалу Лабунскому дали тот наш лист под нашими печатми. Писан в Кремянцы, лѣта Божего нароженя тисеча пятсот чотырдесят семого, месяца октебра двадцать шостого дня, индикта шостого. На што и выпис с книг под печатю моею пан Василей Лабунъский собе взял, а пан Климентъ з сестренцами своими в тоеж слово также собе другий взялъ.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2035, л. 18 об., актъ 30.

LXIX.

1548 г., сент. 1. Частновладѣльческій декретъ кн. Василія Михайловича Сангушковича-Ковельскаго по спору о «соснахъ» (бортяхъ) между священникомъ Хотышевской церкви и крестьянами, явленный во Владимірскомъ гродскомъ судѣ въ 1774 г., мая 25.

Roku tysiąc siedmset siedemdziesiątego czwartego, miesiąca maja dwudziestego piątego dnia.

Na uzzędzie grodzkim, w zamky iego krolewskey mci Władzimierskim, przede mną, Mikolajem-Wawrzętą Lutosławskim, namiesnikiem, subalternem przysięglym grodzkim burgrabstwa włodzimierskogo, y xięgami ninieyszemi grodz. włogzimierskiemi, comparens personaliter, urodzony Andrzey Stawonicki ten dekret swiętey pamięci iasnie oswieconego xięcia i. mci Wasyla Michayłowicza Sanguszka-Kowelskego o gronta, do cerkwie Chotyczewskey przynalezne, wypadły, w xięgach ninieyszych grodz. wlodz. ruskim pismem pisanyi, do oblaty podał, temi następuiącemi słowy:

Ja, xiąze Wąsyli Sanguszkowicz-Kowelski, będąc mnie w miescie moim w Chotyszowie, bili mi czolem poddani moi chotyszowscy na imie Jacko Matiewicz, Iłasz Iwanowicz, Fedko Hryniewicz y insze poddani moię chotyszowscy na swieszczennika mego Michayłowskego chotyszowskego Oyfyma Kozeckie-

go, iż on nasze sosny dzierży y uzywa. Swiaszczennik mowił: nie tak ia, miłosciwy xiąze, ale y przodkowie moi używali; od nich przodkow... cerkwi, za pamięci moiey, przodkowie dzierzeli, y ia sam dzierzę za swoie pracę po ich dani. Wysłuchawszy ia z obu stron swiaszczennika y poddanych, więdząc ia niewinnosć swiaszczennikową, zostawiłem iego przy tey sosni, nie tak iemu samemu, ale y dzieciom iego y potomkom iego, ktory będzie u tego prestoła u swiętego archanioła Michaiła służyc, winien on naszym przodkom pamięc czynić, a za mnie hospodara Boga prosić, także y swoim dzieciom duchownym pamięć czynić, a za żywych winien Boga prosić. Prosił mnie swiaszczennik moy o list wyzey pisany, co ia iemu dał ten moy list pod moią pieczęciu; ktoby mial to ruszyc, albo zona moia, albo dzieci moie, albo potomkowie moi,—ten odpowiedz ma dać przed Strasznym Sędzią za to. Dan w Choteszewie, mieciąca septembra dnia pierwszego, lata Bozego narodzenia tysiąc pięcsot czterdziestego osmego. U tego dekretu, per oblatam podanęgo, pieczęc na scezurce papierowey wyrzniętey przycisniona (L. S.).... ergo zas tegoz samego dekretu xiądza wizytatora diecezyi włodzimierskey temi przypis słowy: Presens decretum celsissimi (sic) principis Sanguszko et ad acta visitatorialia generalia władimiriensia inductum. Anno millesimo septingentesimo sexagesimo, die decima ianuariy, mp.

Ktory że to dekret, per oblatam podany, za ustnym y oczewistym wyźpodawaiącego podaniem, a za moim przyięciem, do xiąg niniеyszych grodz. wlodz. iest wpisany.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 1146, л 378, актъ 247.

LXX.

Документы князей Роговицкихъ—Ружинскихъ.

1571 г., апр. 9. Купчая запись, данная Екатериною Васильевной Поковской, урожд. кн. Ружинской, Ивану Борищскому на всю часть имѣнія Роговицкаго, полученную ею въ наслѣдство отъ отца

и по раздѣлу съ сестрами, а также на тѣ имѣнія, которыя ей могутъ достаться по наслѣдству какъ при жизни, такъ и по смерти ея.

Я, Яновая Поковская Катерина Василевна Ружинская, чиню явно и вызнаваю сим моимъ листом всим нинешним и на потомъ будучимъ, кождому таковому, хтобы того потребовалъ або о томъ ведати хотел, ижъ которая частъ именъя моего отчизного в Роговичах по животе отца моего небожчика князя Василя Михайловича Ружинского от сестръ моих рожоныхъ, панее Федоры Войничовое Боговитиновича, панее Марфы а от панее Демъяновое Мокренское панее Василисы Василъевенъ, кнежен Ружинских, правомъ прирожонымъ з делу зостала, и взявши я тую частъ того именъя Роговицкого к рукамъ своимъ в моцы, владности, спокойномъ држаню и вживаню своемъ через час немалый мела, не будучи ни от кого ничим в томъ принагабана а ни теж жадными причинами малжонъку моему пану Яну Поковскому и никому иному тое части моее не заводечи а ни записуючи, але аж и до сего часу спокойне ее держачи и вживаючи, з никоторое чиее намовы а ни з жадного примушеня, одно сама зъ властного умыслу своего, по своей доброй воли, не обычаемъ статуту старого великого князъства Литовского, яко первей статут учил, ижъ неволно было кождому всего именя своего продати, але толко третюю часть, а двѣ части в суме пенезей заставити было волно, але подлуг тое волности поправы статуту нового, которая всимъ станомъ и обователемъ великого князства Литовского на прошлом валномъ сойме берестейскомъ дана, уфалена и постановена и от его кролевское милости утвержена, яко в статуте земъскомъ, в розделе семом, у артыкуле второмъ описано, ижъ волно кождому з станов шляхетскихъ не толко третую частъ именъя своего, але и все з доймомъ кому хотечи, от детей, потомков и близких своих отдаляючи, на вечност продати, записати. А так я, заховываючися водлуг тое волности, не третюю частъ з двух частей,

але всю з доймомъ тую частъ именъя моего властного отчизного Роговицкого, никому ничим непенную а ни заведеную, з дворомъ будованымъ, з людми, зъ их повинностями, з млыны и ихъ вымелъками, з ставы, ставищи, водами текучими и болотами, с полми и сеножатми, з гаи, зъ запусты, з дубровами, з ловы пташъими, зверинными и зо всими кгрунты ку двору и подданымъ належачими, такъ теж зо всими платы, доходы и пожитки, которым колве обычаемъ, именемъ або прозвищемъ названы естъ або и назваными быти могут, и зо всимъ на все, якъ ся тая частъ моя именя Роговицкого сама в собе в границах, межах, обыходех и пожиткох своих мает, ничого сама на себе, на мужа моего, на дети и сестры мои рожоные, и братю мою стрыечную, и никоторыхъ близких, кревных а повиноватых моихъ з роду отца и матки моее не зоставуючи, такъ и вси спадки, которые бы колве и якимъ колве обычаемъ и от кого колве на мене або потомство мое, такъ при животе, якъ и по животе моем, спасти мели, пану Ивану Ворыстскому за суму певную пеназей, за шестсот копъ грошей литовское личбы, на вечност продала и заплату всю сполна к рукамъ своимъ въ его милости взяла. А тую всю частъ того именя моего власного отчизного Роговицкого первопомененому пану Ивану Ворискому зо всими речми вышейпоменеными зараз в моцъ, владностъ, держане и вживане его милости поступила и подала; и листы делчие, которыемъ на тую частъ именя моего Роговицкого в себе мела, его милости отдала, и все право свое прирожоное на мене приналежачое, такъ тое части моее властное отчизное Роговицкое, от мене пану Ивану Ворискому на вечностъ проданое и тепер зараз ему от мене поступеное, яко теж и спадковое, естлибы коли припало, на самого пана Ваористского и все потомство его милости влила и вливамъ на вечные часы; такъ теж еслибы пан Вориский або потомъство его милости под сестрами моими або теж потомствомъ ихъ кгрунту албо

чого колве в томъ именю Роговичох болшей, ниж тая частъ ему от мене проданая, в собе мает або выносит, тогды я пану Ворискому и потомъству его милости в томъ право целое на выискане таковых речей заховывамъ; волни и моцни будутъ того правомъ доходити такъ, яко бых я сама властне; а я вже сама, мужъ мой, и потомъство мое, и никоторые близкие, кревные и повиноватые мои тое части именъя Роговицкого пану Ворискому от мене проданое, ничим под ним самым и потомством его милости поискивати и никоторымъ правомъ доходити и никоторых листов, записовъ на то оказовати не мают вечными часы, бомъ тежъ такъ мужу моему, яко и никому иншому, жадных записов на то не давала; а естлибы якие колве записы и от кого колве а на яком колве местцу, именемъ моимъ справеные, на то ся показали,—тогды таковые записы моцы никоторое мети и ни в котором праве приймованы и держаны быти не мают, яко таковые, о которых я ничого не ведаю и ведати не хочу и давати их никому не маю. Которуюжъ продажу мою маю я на врядe кгродском володимерскомъ тепер заразомъ до книг кгродскихъ вызнати и дати записати, а потомъ на роках судовых земъских тогож повету тутошнего Володимерского, от сего часу перcharacterized первших, которые напервей дойдутъ и сужоны будутъ, запис вызнаня моего с книг кгродскихъ до книг земъскихъ перенести, вызнати и дати записати маю и буду повинна; а естлибы в томъ часе на мене, нижли роки дойдутъ и сужоны будутъ, Пан Бог допустил хоробу албо часъ смертный, такъ теж хоч бых жива и здорова была, а за якими колве причинами на тых рокохъ судовых земскихъ сама быти и оного запису вызнанъя моего с книг кгродских до книг земъских перенести, вызнати и дати записати не могла,—тогды самъ пан Вориский або потомъство его милости, хоч же и без бытности моее, волни и моцни будутъ тот запис вызнаня моего с книг кгродских до книгъ земъских перенести и дати

собе записати, што вряд земъский мает от них приняти и того запису имъ не боронити; который запис такъ моцный, якобых я и сама властне очевисте то вызнала, захованъ и держан быти мает вечне и на веки непорушно. И на то есми его милости пану Ивану Ворискому дала сес мой вызнаный лист тое вечистое продажи моее з моею властною печатю. А для лепшое моцности сего моего листу просила есми о приложене печатей их милости панов и приятелей моих: его милости пана Богдана Костюшковича Хоболтовъского, суди земъского повету Володимерского, а пана Федора Солтана, писара земъского тогожъ повету Володимерского, а брати моее князя Михаила Ивановича, князя Стефана Федоровича Ружинских, а пана Романа Богдановича Бутетицкого, што их милостъ за прозбою моею очевистою вчинили а печати свои к сему моему листу приложили. Писан у Володимери лѣта от нароженя Исус Христа Сына Божего тисячного пятсотного семъдесят первого, месяца априля девятого дня.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 967, л 119 об., актъ 84.

LXXI.

1579 г., февр. 11. Заявленіе князей Ружинскихъ о томъ, что Владимірскій земскій судъ не принялъ во вниманіе и не занесъ въ свое рѣшеніе тѣхъ возраженій, которыя дѣлалъ повѣренный ихъ Богушъ Заяцъ-Луковскій, при разборѣ тяжбы ихъ съ Григоріемъ Колмовскимъ объ имѣніи Дажевъ, которое предокъ кн. Ружинскихъ кн. Михаилъ Родовицкій продалъ въ 1475 г. нѣкоему Оношку (а по мнѣнію истцовъ отдàлъ въ заставу) и которое теперь кн. Ружинскіе желали выкупить у Колмовского.

Року 1579, месяца февраля 11 дня.

Пришедши перед мене, Василя Павловича, подстаростего володимерского, обличне ихъ милость князь Остафей, князь Михайло, кназ Дмитръ Ивановичи Ружинские, кнегиня Гри-

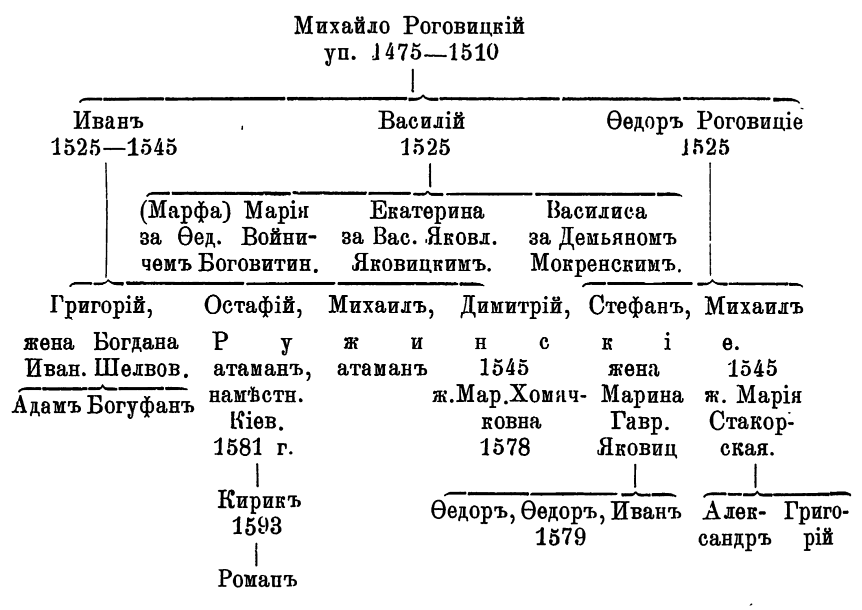
горъевая Ружинская Богдана Ивановна Шелвовского з сынми своими, княземъ Адамом, князем Богуфаломъ Григоревичи Ружинскими, кнегиня Стефановая Ружинская Марина Гавриловна Яковицкого с пасынъкомъ своимъ княземъ Федоромъ и сынми своими княземъ Федоромъ, князем Иваномъ Ружинъскими, кнегиня Михаиловая Ружинская Маря Стакоръского з сынми своими Александром а Григоремъ, пан Федор Войничъ Боговитинович з малжонкою своею Марею Василевною, пан Василей Яковович Яковицкий з малжонъкою своею Катериною Василевною, пан Демъян Мокренский з малжонкою своею Василисою Василевною, кнежнами Ружинскими, и оповедали ся на суд земский Володимерский, иж дей мели есмо справу за позвомъ перед судом земъским володимерскимъ на рокох теперешних земскихъ, по трех кролех, святе римъском, в року тепер идучомъ, тисяча пятъ(сотъ) семъдесятъ девятомъ, зачатых и отправованых, с паномъ Григоремъ Колмовскимъ и с панею Миколаевою Дубровскою Ганною Козечанкою, матъкою его, о имене наше властное отчизное Дажев, которое предокъ нашъ предку пана Колмовъского заставнымъ обычаемъ в суме пенезей в пятнадъцети копах грошей завелъ и з очевистого мовеня у суду с паномъ Колмовскимъ и маткою его приятел умоцованый наш пан Богуш Заець-Луковицкий именемъ нашимъ домовялся, то есть: иж коли пан Колмовский з маткою своею положил листъ продажный князя Михай(ла) Роговицкого, продка нашого, подъ датою року тисяча чотыриста семъдесятъ пятого, в которомъ написано, иж княз Михайло Роговицкий продал отчизное имене свое Дажевъ Оношкови, выраховавши тое имене за третию частъ именя своего всего, обел вечне за двесте коп грошей, а къ тому положил дозволене на папери под датою одного дня с продажою наместника володимерского; а болшей листов пан Колмовский противку нас не поведал, ачъ дей имаю болшей нижли противку Витонизкому. До ко-

торых листов умоцованый наш... и поведил иж в томъ листе продажномъ слышу, же то естъ властная отчизна князей Ружинских, а не набытое имене, што, водле права статуту старого, яко отчизное имене, а къ тому огуломъ все, кгдыж дей тое имене от инших имений у особливых границах есть, продано быти не мело, а к тому и тое позволене врадовое просил абы за шлушное не было прыймовано для того, ижь се на томъ дозволеню значитъ напервей продажи, а потомъ дозволене врядовое; штожь болшого, ижъ не показал перед судомъ, где бы то объявити мел—або перед господаремъ або передъ паны радами и перед которим урядомъ; и на доводъ держанъя князя Михаила Роговицкого, продка нашого, после тое продажи, яко неслушное, онъ того именъя в держанъи былъ, покладал тежъ листы правные короля его милости Александра; а корол Александръ, вже по той продажи первей на великому князьстве Литовском, а потомъ на кролевстве Полском кролевал; и тотъ же умоцованый нашъ у суду именемъ нашимъ домовялся того, ижъ тые два листы, которие пан Колмовский перед судом положилъ, с тых причин вышей помененых есть неслушные и не водле права вчиненые, и тые праву пана Колмовского (не)належатъ, кгдыжь ее он не своимъ, але чужимъ правомъ щититъ и его собе ку помочи беретъ, абы были у суду за слушные не приймованы; и, пенези положивши, просил, абы водле статуту старого артыкулов пятогонадцеть, шостогонадцеть, семогонадцеть, в розделе первомъ, были есмо захованы и—тое имене наше Дажевъ, яко ся то на томъ чюжомъ праве, которое не Колмовскому, але Оношкови належитъ—ку отчизне были припущоны; чого и на завтрее первей, нижли декретъ был учинен, водле тых же словъ от нас, умоцованый наш перед судом земскимъ домовялся и просил, абы тые слова его приняты и в декретъ уписаны были; з тых всих причин от умоцованого нашого мовене перед нами их милость пан Богданъ

Костюшкович Хоболтовский, судя, пан Иван Гулевич Смолиговский, подсудокъ, пан Федор Солтан, писар, врядники земъские володимеръские, в декретъ не написавши, и нас згола на сторону отложили, а пану Колъмовскому, ку кривде нашой, тое имене наше отчизное Дажев присудили. И просили ихъ милост, абы тое оповедане ихъ милости до книгъ кгродских было записано, што я записати казал.

Кн. Кіев. Центр. Арх. № 941, л. 52, актъ 60.

Родъ князей Роговицкихъ—Ружинскихъ.



LXXII

1575 г., окт. 25. Перечень документовъ на имѣніе Ив. Мих. Хренницкаго—Хренники, истребленныхъ при набѣгѣ татаръ (начиная со временъ Витовта).

Року 1575, мѣсяца октебра 25 дня.

Будучи его милости князю Богушу Корецкому, воеводе земли Волынское, старосте луцкому, браславскому и веницкому

на вряде старосства его милости в замку Луцком, пришодчи перед его милость князя, панъ Иван его милость Михайлович Хренъницкий жаловал и оповедал тыми словы: штожъ дей кгды неприятел поганство Тотары, вторгнувши в панство короны полское и оставивши кошъ в Тарнополя, без жадное вести в здешний край, в землю Волынскую, загоны свои роспустили; ино дей оден ихъ загон, наехавши на двор именье его Хренники, где он всю свою маетность мел, бо дей ее оттол жаднымъ способом вывезти и выпровадити такъ прудъко не мог и не поспел, кгдыж дей на тотъ часъ тамъ в томъ именъи его Хренъникохъ не был, але былъ на роцехъ в Луцку, которые были земъские и кгродские, водлуг описовъ наших земскихъ, на справедливость от обывателей земли Волынское утвороныхъ, о светом Михале римскомъ святе в году тепер идучомъ, семдесятъ пятом, припали, где до Луцка в неделю мѣсяца октебра второго дня о татарехъ певная ведомость пришла, отколь дей з Луцка заразъ онъ трех слугъ его на имя Станислава Дубровского, Ивана Корсневского а Ивана Кисловича до Хренникъ послал, абы могли што речей его оттоль з Хренник з дому его, звлаща скрыню з листы его и некоторых особъ з рознымм а велми потребными вырвати. А такъ дей, кгды тые слуги его менованые в недѣлю в ночи там до двора его до Хренникъ з Луцка прибегли и ночью речи его на возы склали, хотячи скоро бы был день в понеделокъ через реку Стыръ у Хренникох возы з речмы его препровадити и до Луцка ся з ними поспешити; то пакъ дей скоро одно в понедѣлок мѣсяца октебра третего дня, году тепер идучого, семдесятъ пятого, свитати почало, а слуги дей его помененые хотѣли з возми з двора его с Хренъникъ выеждчати, татар дей о колко сотъ чоловѣков на двор припало; которых дей слуги его менованые обачивши, от возов его от коней отбегши, реку Стыр под двором его (у)Хренникох перебывши, аж ся имъ болотомъ

оттопили и тамъ в болоте за рекою Стыром, почавши от понедел'ка аж до середы, седели. А татарове дей тую его всю маетность, што колвекъ в Хренъникохъ у дворе было, и на возы зложеную, зъ возовъ выбравши, возы съ скринми розълупаными под домъ его, который дей он тамъ, у во именъю его у Хренникохъ, ново зъбудовалъ, то есть возъ рыдванъ а два котъчихъ, подвезъши на завътрее, волторокъ, мѣсяца октебра четъвертого дня, домъ увесь, гумно его, також и тые возы его (з)съкринми запалили и не отехали, аж увесъ двор гумно и тые возы (з)съкринми аж до чадку згорели так, же одно местцо голое, где дей домъ его был, остало; бо дей в томъ дворе его по два дъни знать, же старшии того загону зъ хоругъвою бывали и ночовали; на што дей тые слуги его, также и подданые, з болота глядили, яко двор его черезъ тых поганцовъ пален, але ратунъку ниякого учинити не могли. Якож дей межи иными его скринми была скриня чирвоная, в которой дей онъ листы свои мелъ, где дей теж были листы отца его пана Михаила его милости Хренницъкого, которые ему, яко сынови его старшому, будучи чоловеком на здоровю уломнымъ невичным, с певныхъ причинъ одны для схованъя, а другие для попертья права з некоторыми особами далъ, а меновите: оден листъ—привилей великого князя Александра Витолта, а другий—привилей короля его милости Казимера, потверженье на именья отца его отчизные (и)дедизъные Хренники, Любини, Толпыжинъ, Вычолковъ, Лопавши, Смыковъ, также листы делчие деда отца его пана Онаньи Волчъка Хринъницъкого з братьею его роженою паномъ Богданом Толъпыжинским а паномъ Микитою Перенятинъским, и другий листъ дильчий братанича дедов отца его стриечного пана Васка Яковицъкого; к тому особливе, для справованя позвовъ никоторыхъ особ, листы ему отца его даные, а меновите: позвы, выписы зошълых королей их милости Жикгимонта и сына его милости Вто-

рого Жикгимонта-Августа, и лысты упоминалные до зошълого пана Богуша Боговитиновича, подскарбего земского великого князьства Литовского, а по смерти его до малъжонъки его панеи Федоры Андреевны Сакгушковны, потом до зятя его князя Фридриха Пронъского, воеводы киевского, пана Миколая Трибуховского, кашъталяна гнезъденского и пана Михаила Дзялынского, подкоморого хелменского и малжонъки их, а дочъки пана Богушовы панее Федоры, о именья Ярославичи, Подлесци, Городницу и Кнегинин,—близкость влостънюю отца его; которые дей именья на отца его, по стрию его роженомъ пану Немире Хренницкому, правомъ прироженым приходять и спадывають; которые дей именья стрый отца его зошлый пан Немиро Хренницъкий малжонъце своей панеи Ганне княжне Жижемской з доживотнымъ мешканемъ в шестисот копах грошей завел, а пан Богуш Боговитинович от ее милости панее Немиринои Хренницкое тых именей ее милости, таким правом от малжонка ее, яко ся вышей помянило, пущеных и еи заведеных, не ведати яко набывши, девце своей панеи Федоре, теперешней панеи Михайловой Дзялынской, зоставил; о што дей позываючи и листы королей их милости зошлых упоминалными и врядовыми пана Богуша, малжонку его, зятей и дочку его милости панюю Федору, ведле права закладаючи, пан отец его давно постерегал и не омешкалъ; тых дей листов-позвов, листов упоминалных, поступов правныхъ звязок немалый былъ; при том не мало и иных листов, яко выписовъ врядовых, листовъ упоминалных о имене Крупец, близкость отца его милости, до пана Михаила, писара короля его милости, жоны его, а по зештью их до сына их пана Михаила Свинюского, а по смерти его до панов Жоравницких; к тому особливе его влостных о забране кгрунтов именя его Косова от его милости пана Михала Дзялынского и малжонки его панее Федоры Богушовны от именя ихъ милости Берестечка; также листы не-

которые выписы врядовыи о кгрунт же Корсовский князей зошлыхъ Дмитра и сынов его Александра, Ивана Буремъских, пасынкомъ дей его а сыномъ князя Александра Буремского, князю Федору а князю Андрею належачих; к тому листы приятелей его пана Богдана Борейка Кнерутского, подвоеводего луцкого, от отца его ему на суму пенезей ему даных; также листы попа Троецкого отца Гарасима на суму пенезей, томуж пану Борейку належачие, которыхъ дей листов панъ Борейко и попъ Троецкий ему в захование зверили. Тые дей вси листы вышей писаные в той скрыни через поганство татаре заразъ зъ скрынею, з дворомъ и з ыною в томъ дворе его Хренникахъ маетностью, спалены и погорѣли. А иж дей онъ того зараз на вряде не оповедал, тогды того причину дал, ижъ, не бываючи у дому своемъ, з рыцерствомъ земли Волынское з Луцка зараз въ погоню за тымъ неприятелемъ татары ходил, где дей болшъ двох недѣль замешкалъ; а оттол до Луцка приехавши, про трывогу, которая знову от татар была, не мог первей з Луцка у Хренникох быти, аж ся ослухавши, где дей был у Хренникох именью своемъ в сюю середу, мѣсяца октебра двадцать четвертого дня, и там о таковой шкоде своей достаточную ведомост на томъ погорелищи взял. Якож и отецъ пана Ивана Хренницкого, его милость пан Михайло Хренницкий, перед князем его милостью очевисте ставши, то оповедал, ижъ тые вси листы, которые через сына его пана Ивана поменены, ему был до рук далъ, которые дей через поганство татары в дворе сына его пана Ивана у Хренникохъ попалены сут. Къ тому теж заразомъ же оповедал перед княземъ его милостью пан Богдан Борейко Кнерутский, иж его листы, которых был с попомъ Троецкимъ луцким Гарасимомъ до схованя пану Ивану Хренницъкому зверили, тамже у Хренникохъ через татаре попалены. И просил панъ Иванъ, также и отецъ его милости пан Михайло Хренницкий, к тому и пан Богдан Борейко,

абы таковое оповедане пана Ивана Хренницкого и ихъ милости до книг было записано и выпис с книг под печатю князя его милости пану Ивану и отцу его милости пану Михаилу Хренницким был дан. А так князь его милость таковое оповедане их милости до книг записати и выпис с книгъ на то под печатю своею пану Ивану и отцу его милости пану Михаилу Хренницкимъ росказати дати рачил.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 2049, л. 438, актъ 21.

LXXIII.

1579 г., августа 5. Рѣшеніе тяжбы между Малафеемъ Ивановичемъ, попомъ церкви Св. Пятницы въ г. Владимірѣ, и Іосифомъ Гораиномъ, попомъ замковымъ, объ островѣ Лопушномъ; при етомъ первый заявилъ, что островъ—его наслѣдственное имѣніе, пожалованное в. кн. Свидригайломъ предку его Харку Коцеровичу; второй же утверждалъ, что означенное имѣніе отнято у попа Пятницкого старостою влад. кн. Андреемъ Сангушкомъ и дано имъ Замковой церкви; дѣло рѣшено въ пользу перваго.

Лет(а) Божого нароженя 1579, месяца августа пятого дня.

З росказаня княжати его милости Костентина Костентиновича Острозского, воеводы киевского, маршалки Волынское землѣ, старосты володимерского, пана нашого милостивого, на жалобу попа церкви светых праведных Якима и Анны в замку Володимерскомъ Есифа Гораина на попа церкви святое Пятницы у Володимери Малоѳея Ивановича о остров кгрунту, пол и сеножатей, я, Михайло Павлович, подстаростий володимерский, Иван Петрович Колусовский, судя кгродский володимерский, смотрели есмо того дела: выехавши на кгрунт земленый, о который промежку тых попов пра была, лежачий над рѣкою Смочею, едучи з Володимера до Форостова, жаловал намъ поп пятницкий первопомененый Малоѳей на попа замкового Иесифа Гораина, иж дей тот поп зам-

ковый Гораин, не ведаю зачимъ и за якимъ правомъ, тот кгрунт землъ—поля и сеножати мои властные, отчизные и к тому сеножат Зеркаловскую, также мою властную, отчизную, на себе держит и вживаетъ; на которомъ дей кгрунте за продков моих, на томъ острове Лопушиномъ, и фолварок был. При которой жалобе своей показал лист данины великого князя Швитригайла продку его Харку Кацеровичу на тот кгрунт даный и лист отвороный княжати его милости, пана нашого, до нас писаный, иж его милост з нѣкоторыми паны приятелми своими, будучи в Люблине, того листу данины великого князя Швитригайла огледал и его уфалил и через лист свой намъ рачил росказати, абыхмо, водлуг того листу, данины великого князя Швитригайла, Пятницкого при томъ кгрунте зоставили; водле которого листу Пятницкий границы в немъ описаные обвел и показал, и листы впоминальные положил, и, подпираючи права своего, светков людей добрых, веры годных, сугранников, ведле права, перед нами ставил, на первей мещан володимерских на имя: Макара Ждановича, Ивана Антоновича, Сенка Заковелю, Сенка Дедеру, Ивана Царева брата, Федора Присяжника, а людей Сядмер(и)тскихъ, подданых панов воеводичов их милости виленских: Олексу Василевича, Евхима а Радка Максимовичов, Федка Панковича, Мартина Петрашевича, Васка Клюйводу, Тишка Олешковича, Васка Морозовича, Тиши Яцевича, Михна Кузмича, а боярина пана Богдана Костюшковича Хоболтовского, суди земъского володимерского, с Хоболтовы—Васка Мацкевича, а егож тивона хоболтовского Грица Мацевича; которые вси, очевисте будучи, жалобу Пятницкого слышали и обвод кгрунту, з нами ездечи, видели, и як Пятницкий оповедал, так вызнавали, менячи тот кгрунт—поля и сеножати на Лопушномъ и сеножат Зеркаловскую, отчизны Пятницкого, которые вси кождый з особна перед нами вызнали, то ест, меновите, местца и врочища, по которымъ Пят-

ницкий обвод чинит менячи врочища, почавши от петы первшое острова Лопушное, едучи тою дорогою, которая лежит з Володимера до Форостова, до озерища; а от озерища, которое прозывают Перетоком, лежачое по правой стороне дороги, оповедал нам поп Пятницкий, иж дей тот остров мой почался отъ границы кгрунту его милости князя Романа Федоровича Санкгушка, воеводы браславского, старосты житомирского, державцы речицкого, от места лежачого Михайловецкого, за ся также до кгрунту его милости Михайловецкогож—до дворища Мотычинского, который лежит от Хоболтовы; и на томъ дей острове над болотомъ за продков моих и мене самого фолварок бывал; одное дей паробки мои, палив солому, тот фолварок спалили; и як знак и местце, где фолварок был, так и знаки границ того острова показалъ подле дороги копец и знак дороги старое на болото, поведаючи, иж дей сухого лета туды дорога лежить с Фалимич до Коилна. При которой жалобе и обводе Пятницкого светки его таковым обычаем вызнане вчинили, иж з давных часов у отца его тые поля з десетины робляли. Поп замковый Гораин поведил: ведаю дей я и самъ, што тот кгрунт держалъ отец Пятницкого, але я того кгрунту, кгвалтомъ под себе к церкви замковой не забиралъ,—мне его з уряду замкового небожчик пан Михайло Козинский, кашталян луцкий, городничий володимерский, будучи подстаростимъ володимерскимъ, за росказанемъ княжати его милости, при поданю церкви замковое, подалъ; але и пан Козинский того кгрунту в Пятницкого не отнималъ, одное небожчик княз Андрей его млст. Санкгушко, староста володимерский [1]) тот остров Лопушное от отца Пятницкого Ивана отнялъ и к церкви замковой привернулъ. И положилъ лист пана Козинского увязчий на тот кгрунт, але листу данины княжати его милости

[1]) Былъ старостою владимірскимъ въ 1508 г.

не положил и в себе быти не поведил. А потомъ ставил светков: попа кнегини Миколаевое Збаражское, старостиное кремянецкое, кнегини Ганны Деспотовны з Бужкович Никона, а мещанина володимерского Кузму Влезловича, а подданых князя Романа его милости Федоровича Санкгушка, воеводы браславского, старосты житомирского, державцы речицкого, з Михайловца—Микиту Гавриловича, войта михайловецкого, Андрея Савича, Мацка, Пашка Скибу, Митропа, а подданых князя Льва его милости Александровича Санкгушка Коширского з Михайловца ж: Давыда, Матея рыболова, Калиша, Зенчича, Еремея, Молявку, войта пана Миколая Дубровского с передместя, Карпа. Который попъ Бужковский первопомененый поведилъ, иж дей я служил з детинства аж до мужства небожчику князю Федору Санкгушку, старосте володимерскому, и его милост мене оженил, и тую церковъ замъковую мне далъ, которую дей я за живота его милости и за староства небожчика пана Петра Кишки полтора года держал и того острова Лопушное, ку той церкви держачи, спокойне вживал; Микита Гаврилович, Кузма Влезлович, Пашко Скиба, Андрей Савич, Мацко, Еремей Молявка, Карпъ—светки Гораиновы, также як Пятницкого светки, вызнавали, иж отецъ Пятницкого тот остров Лопушное—поля и сеножати и сеножать Зеркаловскую держал и вживал, и фолварок на томъ острове Лопушномъ мелъ; нижли дей небожчик княз Андрей Санкгушко, старороста володимерский, в него тот остров отнял и к церкви замъковой приверънулъ, и мы дей в попов замковых Малечкого Никона и кривого попа тые поля з десетины робляли. Пятницкий просил, абы ведле права и статуту, и листу данины великого князя Швитригайла, и теж листу и росказаня княжати его милости пана нашого, и вызнаня светковъ своих, так теж властного вызнаня самого попа замкового Гораина и светков его, в томъ захован и притомъ кгрунте зоставен

был. Мы, заховываючи его в томъ ведлуг обычаю права посполитого и статуту земъского, и листу данины великого князя Швитригайла, который княжа его милост с паны приятелми своими рачил уфалити и намъ через листъ свой росказати, при томъ кгрунте Пятницкого зоставити и вызнаня светков его, так теж властного вызнаня самого попа замъкового Гораина и светков Гораиновых, иж отец Пятницкого того кгрунту в держаню и вживанью был,—в томъ заховали, при томъ кгрунте острове Лопушномъ—поляхъ и сеножатехъ и теж при сеножати Зеркаловъской на вечъност зоставили. И то для памети в книги замъковые записати казали.

Книга Кіев. Центр. Арх. № 919, л. 192, актъ 227.

УКАЗАТЕЛЬ

I. Именъ личныхъ.

А.

Б.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

УКАЗАТЕЛЬ

2. Географическій.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Содержаніе.

стр.

стр.

стр.

стр.

Замѣченныя погрѣшности:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
1	12 св.	въ слыщить	въслышить
16	5 св.	Гучина	Гучнино
22	1 сн.	съ обезпеченіемъ имъ	обезпеченіемъ ей
25	8 св.	услушит	услышит
27	4 св.	троцкий и	троцкий,
48	15 сн.	мой. А такъ я	мой;—а такъ я
78	14 св.	дочка	дочки
99	12 св.	Богу,	Богу
104	1 сн.	другихъ	другой
—	6 сн.	4.	5.
110	8 св.	Стехановца	с Техановца
113	11 св.	кор.	вел. князя
114	1 св.	короля	вел. князя
120	14 сн.	короля	вел. князя
141	3 св.	явленъ	явлена
154	6 сн.	1475	1476
177	2 сн.	выданы	переданы
179	7 св.	Козѣчкѣ	Козѣкѣ
180	3 св.	ва	на
203	5 сн.	Вторый надъцатать	Вторыйнадъцать
219	5 св.	именіе	имѣніе
288	4 сн.	сельцья	сельца
295	15 сн.	serivitia	servitia,
296	9 св.	jn	Jn
306	13 сн.	Ковскою	Ковекою
352	7 св.	данная Степану	Степану
355	8 сн.	давности	давности,
—	14 св.	1579	1569
362	10 сн.	1534	1516
367	1 св.	LIX	XLIX
370	2 сн.	и пріобрѣтенія	до пріобрѣтенія
384	8 сн.	на Дривинъ	въ Дривинѣ
388	9 сн.	Миски	Миска
—	9 св.	именіе	имѣніе
399	13 св.	LVI	LVIII
422	9 св.	іюня 31.	іюня 31).
434	12 сн.	włogzimierskiemi	włodzimierskiemi

Цѣна 2 руб.